

СВЯТЫЕ
Новгородской Земли
X-XVIII века

Том 2
XVI-XVIII вв.

УДК 22.01

ББК 86.2

С25

*По благословению
Архиепископа
Новгородского и Старорусского
Льва*

ISBN 5-94684-788-0

- © Несмеянова В. Н., Соболева Г. С.
Составление, 2006.
- © Иеромонах Сергей (Логаш)
Редакция, 2006.
- © Издательский отдел Новгородской епархии
Оформление, 2006.
- © Издательство «ТРИГОН»
Дизайн, верстка, 2006.

Святые
Новгородской земли,
или
история святой
Северной Руси
в ликах
X — XVIII вв.

в 2 томах

Том 2
XVI—XVIII вв.

Великий Новгород
2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

2 ТОМ XVI–XVIII века

XVI век

	Год представ- ления	Стр.
1 Житие Филиппа II Московского и всея Руси митрополита (в миру Колычева Феодора), священномученика, чудотворца	1569	747
2 Житие Адриана Ондрусовского (Андрусовского), прпм.	1549	762
3 Сказание о Киприане Стороженском (Сторожевском), прп.	после 1598	762
4 Сведения о Геласии Новгородском, игумене, священномученике	1570	767
5 Житие Геннадия Новгородского, архиепископа	1506	769
6 Житие Серапиона Новгородского, архиепископа	1516	822
7 Житие Макария Московского и всея Руси, митрополита	1563	842
8 Житие Пимена Новгородского, архиепископа Тихвинский Большой Богородицкий мужской монастырь*	1571	879
9 Житие Феодорита Кольского, архимандрита, просветителя лопарей	1571	906
10 Житие Нила Сорского (Майкова), прп. Нило-Сорская пустынь*	1508	909
11 Житие преподобного Иосифа Волоцкого (Волоколамского), игумена Иосифо-Волоцкий ставропигиальный мужской монастырь*	1515	926
12 Сведения о Пахомии Кенском, прп.	ок 1515	973
13 Сказание об Иннокентии Комельском, Вологодском (в миру князе Охлябинине), прп.	1521	974
14 Житие Филиппа Иранского, Череповецкого, прп. Красноборская Троице-Филиппо-Ирапская пустынь*	1527	980
15 Житие Кирилла Белого, Новоезерского (Новгородского), прп. Кириллов Новоезерский мужской монастырь*	1532	994
16 Сведения о Макарии Оредежском, Новгородском, прп.	1532	1002
17 Житие Александра (в крещении Амоса) Свирского, игумена, чудотворца Троицкий Александро-Свирский мужской монастырь*	1533	1003
18 Житие Иродиона Илоезерского, схимонаха	1541	1016
19 Сведения об Иоакиме Опочском, игумене	ок 1550	1022
20 Житие Нила Столобенского, Новгородского, прп.	1554	1023
21 Сведения о Германе Столобенском, прп. Нилово-Столобенская пустынь*	1614	1023

22	Житие Антония (в миру Андрея) Сийского, иеромонаха	1556	1042
23	Сведения об Александре Сийском, прп.	после 1556	1042
24	Сведения об Иоакиме Сийском, прп.	после 1556	1042
	Сийский Антониев Троицкий мужской монастырь*		
25	Житие Макария Римлянина, Новгородского, прп.	после 1540	1062
	Воскресенский мужской монастырь*		
26	Сказание об Иоанне Яренгском, Соловецком, прп.	1561	1074
27	Сказание о Лонгине Яренгском, Соловецком, прп.	1561	1074
28	Сказание о Вассиане Пертоминском, Соловецком, прп., чудотворце	1561	1077
29	Сказание об Ионе Пертоминском, Соловецком, прп., чудотворце	1561	1077
30	Сведения о Зиновии Отенском, прп.	1568	1081
31	Сведения об Анании Новгородском, иконописце, прп.	1581	1082
32	Житие Никандра (в миру Никона) Псковского, пустынноика, чудотворца	1581	1085
	Благовещенская Никандрова пустынь*		
33	Житие Трифона (в миру Митрофана) Печенгского, Кольского, прп., просветителя лопарей	1583	1108
34	Сведения об Ионе Печенгском, Кольском, иеромонахе, священномученике	1590	1108
35	Сведения о Германе Печенгском, Кольском, преподобномученике	1590	1108
36	Сведения о Гурии Печенгском, Кольском, преподобномученике	1590	1108
	Печенгский Трифонов мужской монастырь*		
37	Сведения об Ионе Яшезерском, прп.	1589-1592	1129
38	Сведения об Антонии Чернозерском, прп.	XVI	1131
	Антониева Чернозерская в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужская пустынь ⁵⁵		
39	Сведения о Данииле Шужгорском, прп.	XVI	1133
40	Сведения об Афанасии Островском, прп.	XVI	1134
41	Сведения о Дионисии Островском, прп.	XVI	1134
42	Сведения об Игнатии Островском, прп.	XVI	1134
43	Сведения о Корнилии Островском, прп.	XVI	1134
44	Сведения о Леониде Островском, прп.	XVI	1134
45	Сведения о Феодоре Островском, прп.	XVI	1134
46	Сведения о Ферапонте Островском, прп.	XVI	1134
	Введенский Островский Оятский мужской монастырь*		
47	Сказание о Галактионе Белозерском, Христа ради юродивом	1506	1140
48	Сказание об Иакове Боровичском, Новгородском, Христа ради юродивом, чудотворце	ок.1540	1143

49	Сказание об Арсении Новгородском, Христа ради юродивом	1570	1148
	Арсениев монастырь ^{2, 55} Мало-Кириллов монастырь*		
50	Житие Артемия Веркольского, отрока	1545	1154
51	Сведения о Параскеве Пириминской, праведной отроковице	XVI	1154
	Веркольский Артемиев мужской монастырь*		
52	Сказание об Иакове Менюжском, Новгородском, отроке	1566-1569	1160
53	Сказание об Иоанне Менюжском, Новгородском, отроке	1566-1569	1160
54	Сведения о Гликерии Новгородской, деве	1522	1166

XVII век

1	Житие Евфросина (в миру Ефрема) Синозерского, Новгородского, преподобномученика	1612	1170
	Троицкая Синозсрская пустынь ^{1, 50}		
2	Сведения о Гурии Шалочском, прп., игумене	ок. 1603	1170
3	Сказание об Аффонии (Афонии) Новгородском, митрополите	1653	1184
4	Житие Мартирия (в миру Мины) Зеленецкого (Великолуцкого), прп.	1603	1192
	Зеленецкий Свято-Троицкий мужской монастырь*		
5	Сведения о Никандре Гордноезерском, прп.	1603	1206
	Гордноезерская Никандрова пустынь, Воскресенский мужской монастырь ^{1, 50}		
6	Житие Никифора Соловецкого, Новгородца, пустытника	1605	1217
7	Житие Антония Леохновского, Новгородского, игумена	1611	1220
	Спасо-Преображенский Леохновский монастырь, Рублевская пустынь ^{1, 70}		
8	Сказание о Серапионе Кожеезерском, прп.	1611	1239
9	Сведения об Авраамии (в схиме Антонии) Кенском, Кожеезерском, прп.	1634	1239
10	Сведения об Антонии Соловецком, игумене	1613	1242
11	Житие Иринарха Соловецкого, игумена	1628	1247
12	Житие Дамиана (в миру Диомида, в схиме Диодора) Юрьегорского, Каргопольского, прп.	1633	1252
13	Сведения о Прохоре (Порфирии) Юрьегорском, Архангельском, прп.	сер. XVII	1252
14	Сведения об Алексии Соловецком, Калужанине, пустычнике	сер. XVII	1252
15	Сведения об Ефреме Черном, Соловецком, пустычнике	сер. XVII	1252
16	Сведения об Иосифе I Соловецком, пустычнике	сер. XVII	1252
17	Сведения об Иосифе II Соловецком, Младшем, пустычнике	сер. XVII	1252
18	Сведения о Севастиане Соловецком, пустычнике	сер. XVII	1252

19	Сведения о Тихоне Соловецком, Москвитянине, пустынноике	сер. XVII	1252
20	Сведения о Трифоне Соловецком, пустынноике	сер. XVII	1253
21	Сведения о Феодуле Соловецком, Рязанце, пустынноике	сер. XVII	1253
22	Сведения о Кирике Соловецком, больничном старце, прп.	сер. XVII	1253
23	Сведения о Мисаиле Соловецком, иеромонахе, пустынноике	ок.1617	1253
24	Сведения о Тимофее (в схиме Феодоре) Соловецком, Алексинце, пустынноике	1634	1253
25	Сказание об Андрее Соловецком, пустынноике	1606	1268
26	Сказание об Адриане Соловецком, пустынноике	1632	1268
27	Сказание о Несторе Соловецком, пустынноике	ок.1632	1268
28	Сказание о Савве Соловецком, пустынноике	1636	1268
29	Житие Никодима (в миру Никиты) Кожезерского, Хозьюгского, прп.	1640	1274
30	Житие Леонида Устьнедумского, иеромонаха	1654	1285
31	Житие Елеазара (Севрюкова) Анзерского, Соловецкого, прп.	1656	1295
	Иконы Новгородских святых	(см. цветную вставку)	
32	Сведения о Боголене Кожезерском, игумене	1675	1313
33	Сведения о Макарии Минюжском, прп.	ок.1684	1315

XVIII век

1	Житие Иова (в миру Иоанна, в схиме Иисуса) Анзерского, игумена	1720	1318
---	--	------	------

ДОПОЛНЕНИЕ **

1	Житие Всеволода (в крещении Гавриила) Псковского, князя	1138	1344
2	Сведения об Авраамии Мирожском, прп.	1158	1353
3	Сведения об Евпраксии (в миру Евфросинии) Псковской, княгине, прп.	1243	1355
4	Сведения о Киприане, прп.	1276	1357
5	Житие Прокопия Устюжского, Христа ради юродивого	1303	1358
6	Сведения об Афанасии Череповецком, прп.	1392	1381
7	Сведения о Феодосии Череповецком, прп.	1392	1381
8	Сведения о Кириаке, прп.	1402	1387
9	Сведения об Евфимии Архангельском, прп., чудотворце	1435	1388
10	Сведения об Антонии Карельском, прп.	1418	1388
11	Сведения о Феликсе Карельском, прп.	1418	1388
12	Житие Ферапонта Можайского, прп.	1426	1391
13	Сведения об Евфимии Сянжемском, прп.	1470	1401
14	Сведения об Антонии Краснохолмском, прп.	1481	1403
15	Сведения об Евфросине Псковском, прп.	1481	1404
16	Сведения о Савве Крынецком, Псковском, прп.	1495	1407
17	Сведения о Марке Пустыннике Новгородском, прп.	15-16	1411
18	Сказание о Геннадии Важеозерском, прп.	1520(1516)	1416

19 Сказание о Никифоре Важеозерском, прп.	1550(1557)	1416
Задне-Никифоровская пустынь. Важеозерский монастырь ⁴²		
20 Сведения о Зосиме Ворбозомском, прп.	xvi	1424
21 Сказание о Сергии Малопинежском, прп.	1585	1425
22 Сведения об Иоанне Власатом, Каргопольском, прп.	1592	1430
23 Сведения о Сергии Шуктовском, схимонахе	1609	1431
24 Житие Иосифа Заоникиевского, прп.	1612	1433
25 Сведения о Проконии Устианском, праведном, чудотворце	1692	1445
Послесловие		1447
Источники		1450
Новгородское чудо		1456

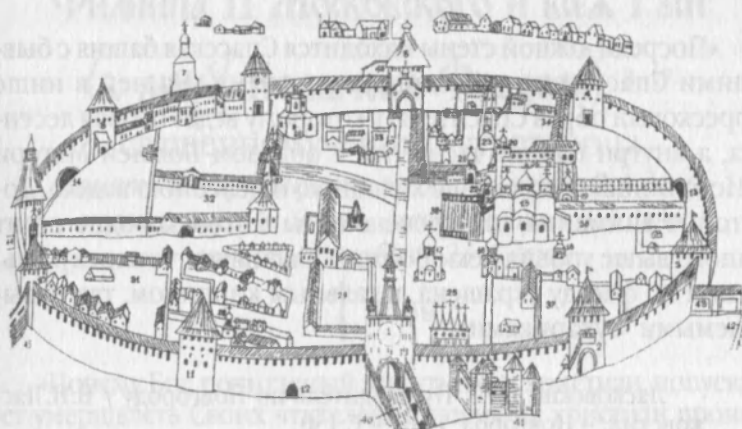
Фотография «Подписание акта передачи
Новгородского Софийского собора Русской
Православной Церкви 15 августа 1991 года» (см. цветную вставку)

Фотография «Венец над Софией» (см. цветную вставку)

* Названия монастырей даны по книге С.В. Булгакова
«Настольная книга священно-церковно-служителей» М., 1993 г.
Репринтное воспроизведение издания 1913 г.⁸⁵

** В этот раздел включены святые, не вошедшие в Собор Новгородских
святых, опубликованный в Православном церковном календаре 2003 г.
(Издательский совет Русской Православной Церкви), но житиями
и другими источниками подтвержденные как Новгородские святые.

XVI вв

Прорись с иконы Богородицы Знамения XIX в. ⁷⁶

Башни Кремля: 1 – Пречистенская, 2 – Владимирская, 3 – Федоровская, 4 – Митрополичья, 5 – Воскресенская, 6 – Покровская, 7 – Кокуй, 8 – Княжья, 9 – Спасская, 10 – Дворцовая, 11 – Борисоглебская, 46 – Златоустовская.

Водяные ворота: 12–14

Церкви: 15 – Софийский собор, 16 – св. Марка, 17 – Входа в Иерусалим, 18 – св. Иоакима и Анны, 19 – св. Петра, 20 – Рождества, 21 – Иоанна Златоуста, 22 – Трех святителей, 23 – Сергия Радонежского, 24 – Часозвоня, 25 – Звонница, 26 – Покрова, 27 – св. Кирилла Белозерского и св. мученика Христофора, 28 – Андрея Стратилата.

Сооружения внутри Кремля:

29 – Наместничий двор (Приказная палата), 30–31 – дворы приказных служащих, 32 – государевы и великого князя житницы, 33 – тюрьма, 34 – Митрополичий приказ, 35 – Иоанновский корпус, 36 – Никитский корпус, 37 – Сытный и Житный дворы, 38 – деревянный помост, 39 – ворота на Владычный двор из церкви Трех святителей.

Сооружения за пределами Кремля: 40 – Великий мост, 41 – Владычный островок, 42 – начало Кривого моста, 43, 45 – стена Малого земляного города, 44 – мост.

СВЯЩЕННЫЙ ИСТОЧНИК

«Посреди южной стены находится Спасская башня с бывшими Спасскими проездными воротами. На ней в нише фресковый образ Спасителя, к которому ведет особая лесенка, а внутри башни часовенка с образом Божией Матери «Источницы» и колодец с холодной и целебной водою. Достоинно внимания, что уровень воды в этом колодце стоит много выше уровня реки Волхова. Башня эта четырехугольная и по фасаду украшена лекальным кирпичом, так называемыми «сухариками».

Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду / В.П.Ласковский. – Новгород, 1910. – С.130.

«Спасская часовня находится на городской стене с южной стороны на месте прежней Преображенской церкви над бывшими Спасскими воротами, устроенной в 1426 году (Новг. III Лет. Год 6934) и давно уже упраздненной. Здесь находится чудотворная настенная икона Спасителя. Колодец в часовне также почитается священным.»

Граф Михаил Толстой. Святые и древности Великого Новгорода / М.Толстой. – Москва, 1862. – С. 77-78.

По сообщениям новгородских старожилов, в известное время к Спасской часовне Кремля привезли три машины цемента и засыпали святой источник. – *Сост.*

ЖИТИЕ

митрополита

Филиппа II Московского и всея Руси

(в миру Колычева Феодора) ^{2, 17}

священномученика, чудотворца

*Память его празднуется месяца января в 9-й день,
месяца мая в 30-й день, месяца июля в 3-й день
и месяца декабря в 23-й день*

† 1569

«Почему Бог, почитаемый защитником христиан, попускает умерщвлять Своих чтителей? Гонения на христиан происходят по действию злых демонов. Эта борьба зла с добром, начавшаяся и допущенная Творцом свободных существ с падения злых духов и усилившаяся с воплощения Спасителя, при-

шедшего для сокрушения демонов, так что именем Его и ныне христиане изгоняют бесов. Бог не истребляет демонов и злых людей теперь же ради христиан. Но настанет время, когда злые духи и их последователи будут наказаны в вечном огне, а христиане за невинные страдания будут увенчаны славою и блаженством. По внушению злых духов всегда лучшие люди были ненавидимы, гонимы и умерщвляемы. Не удивительно, что христиане подвергаются тем большей ненависти, чем выше и святее их учение».

Святой Иустин,
философ и мученик

В жизни великого между святыми Божиими Филиппа - две части: жизнь пустынника и жизнь пастыря Церкви. Первою частью отвечал он словам Господа: «Буди верен до смерти» (Апок. 2, 10). Во второй - выполнял слова Господа: «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Иоан. 10, 11).

Святой Филипп, в миру Феодор, родился 11 февраля 1507 г. Знатность происхождения и отличия предков по службе обещали ему блистательный ход в свете. Он происходил из знаменитого рода Колычевых. Дед его Иван Лобан Колычев пользовался доверенностью Иоанна III; он был послом при Менгли-Гирее, занимал опасные посты: то воеводы передового полка, то начальника весьма важной Ивангородской крепости; под стенами последней он и сложил голову. Отец Феодора, Степан Иванович, старший из пяти сыновей Лобана, был любим великим князем Василием, как «муж, исполненный ратного духа». Преданный великому князю, боярин жил в Москве, тогда как братья его жили в Новгородских имениях; но не ослеплялся «высотой сана». Он любил читать полезные книги; когда же нужно было действовать для общей пользы, был тверд и решителен, «стропотные стези до конца стирая». Мать Феодора, Варвара, была набожна и благочестива; она и скончалась инокинею Варсонофиею. Лучшим утешением для родителей Феодора было защитить обиженного, дать кров бесприютным, накормить и одеть нищего. Понятно, что сын таких родителей получил лучшее воспитание. Феодор учился, как и другие, по церковным книгам, и любовь к душеполезному чтению осталась в нем до гроба. Другим училищем был для него храм Божий. Дворянин знатного рода готовился и на службу Отчизне. К Феодору приставлены были «отроки» с тем, чтобы упражнять его в верховой езде; у них учился он стрелять в цель из пищали и из лука, ловко владеть копьем и саблею, чего требовало тогдашнее приготовление к службе. Вероятно, он участвовал в Крымском походе 1522 - 1524 гг. и в другом 1530 г. В первом видим дядей его, а отец его желал, чтобы сын был воином Отчизны. Великий князь Василий взял Феодора ко двору, узнав о благородных качествах души его. Юный Иоанн полюбил его. Но в малолетство Иоанна жизнь при дворе была вдвойне опасна: опасна была для жизни от интриг боярских, опасна для сердца от разврата. Молодой придворный не разделял с другими жизни рассеянной; но не был и тем, чем мог быть. То самое, что, будучи старше 25 лет,

пе вступал он в супружескую жизнь, показывает, что в душе его была уже мысль о другом роде жизни; но он медлил, откладывал от времени до времени; и вот Господь Сам позвал его к лучшей жизни.

В суровое правление Елены подвергся опале князь Андрей, дядя великого князя Иоанна. Перед ним обязались клятвою сохранить жизнь и свободу его и его друзей. И однако заперли в тюрьму, где вскоре уморили. Колычевы вместе с другими, близкими к князю Андрею, подверглись жестокому преследованию. Родной дядя Феодора Степановича, Иван Колычев-Умный, ближний боярин князя Андрея, подвергнут был пытке и заперт в темницу, из которой освободился уже по смерти Елены; а Гавриил Владимирович Колычев был бит кнутом и потом повешен. Эта житейская буря была в мае 1537 г. Горькие события, столько близкие по родству к душе Феодора Степановича, не могли не подействовать на него. Он живо почувствовал греховность и пустоту светской жизни. В третий воскресный день после Пятидесятницы (5 июня 1537 г.) случилось ему во время Литургии слушать слова Спасителя: «Никто же может двема господинома работати» (Матф. 6. 24). На этот раз слова Спасителя так сильно поразили его, что он решился навсегда расстаться с миром. Это было на 30 году жизни его.

Феодор тайно, в одежде простолюдина, удалился из Москвы и близ озера Онеги в деревне Хихах пробыл несколько времени в занятиях селянина, чтобы остаться незамеченным в случае поиска. Потом явился он в Соловецкую обитель и, незнаемый никем, кто и откуда он, принял на себя суровые работы: «сын знаменитых и славных родителей рубил дрова, копал в огороде землю, работал на мельнице и на рыбной ловле». Испытанный в течение полутора лет, пострижен он по желанию своему в монашество с именем Филиппа и отдан под надзор опытному старцу Ионе, собеседнику преподобного Александра Свирского. Игумен Алексей послал нового инокa в монастырскую кузницу, и Филипп колотил железо тяжелым молотом; потом заставили его работать в хлебе. Филипп оказывался во всем лучшим послушником. Несмотря на тяжелую работу, он никогда не оставлял служения храма - первым являлся в храм и последним выходил из него. Смиранный труженик ободрен был в подвигах небесным покровом: в храме обители поныне показывают образ Богоматери «Хлебенный», утешивший хлебопекаря

Филиппа. Братия хвалили трудолюбивого инокa, но он удалился из обители в уединение и долго подвизался там, незримый людьми. Когда же возвратился в обитель, игумен Алексей поручил ему надзор за начальными послушниками. Спустя 9 лет жизни Филипповой в обители, игумен Алексей, чувствуя свою дряхлость, пожелал, чтобы братия избрали себе другого настоятеля. Выбор пал на Филиппа.

Посвященный не по желанию в игумена (1548 г.) Новгородским архиепископом Феодосием, он с ревностью принялся за дела звания своего; но скоро опять удалился в любезную пустыню и только для причащения святого приходил в обитель. Игумен Алексей еще более года управлял обителью и скончался. По просьбам братии святой Филипп снова принял игуменство. В 1550 и 1551 г. новый игумен был в Москве и Новгороде по нуждам обители; он привез дары царя для Соловецких чудотворцев и три жалованные грамоты. Одной из них, по просьбе блаженного Филиппа, предоставлено Соловецкой обители построить храм на месте, где скончался преподобный Савватий, и деревня отдана в ее ведение. При блаженном Филиппе Соловецкая обитель получила новый вид и в хозяйственном, и в нравственном быту.

В 1538 г. обитель обращена была в пепел пожаром. Игумен Алексей при слабости своей немного успел восстановить. Число братии не уменьшалось, напротив - увеличивалось, являя ропот на скудость содержания. Хозяйственные распоряжения Филиппа были изумительны. Не говорим о множестве зданий, построенных им для жилья и экономических нужд. Он умножил и улучшил соляные варницы - главный источник содержания обители. Соль на судах отвозили в Холмогоры, Устюг, Вологду, Тотьму и на деньги; полученные за соль, покупали хлеб и другие съестные припасы. При нем устроена в обители мельница; 52 озера соединены каналом, и тем осушены болотистые места для сенокосов; проведены дороги по дебрям и болотам. Для братии необходимо было молоко, а по уставу обители запрещалось держать в обители плодящихся животных. Блаженный игумен представил то и другое архипастырю и, по архипастырскому разрешению, на одном из островов, в 10 верстах от монастыря, построил скотный двор и завел рогатый скот; здесь же пустил в леса лапландских оленей. Таким образом улучшена была пища братии. При блаженном Филиппе являлись на трапезе, кроме других блюд, щи с маслом, пироги, кисель, чего прежде

не было. Выписывая из разных мест огромное количество сукон и кож, он нашел возможность выделывать меха и кожи из собственных оленей и также нерпыи кожи. Он написал (1553 г.) для братии устав, сколько должно быть у каждого в келье одежды и обуви, и тем положил границы своеволию. Чтобы доставить покой и призрение дряхлым и больным, устроил он в монастыре больницу. Царь Иоанн Васильевич, по просьбе благочестивого игумена, дарил обители и льготы, и земли. Уставные грамоты, данные преподобным игуменом в руководство заведовавшим монастырскими вотчинами, сколько дышат любовью, столько же показывают в писавшем их умную предусмотрительность, осторожное благоразумие и верность правде.

Он назначил тиуну слугам, доводчикам жалованья; это значит, что он освободил крестьян от обязанности того времени - содержать правосудие и правление за свой счет. Современный святому Филиппу иностранец писал (1553 г.): «У русских нет величайшего из зол - законников, а каждый за себя адвокат». Это верно, хотя ныне некоторым нравится «величайшее зло». Но, не допустив одного зла, допускали другое - предоставляли тиунам и доводчикам жить за счет подсудимых. Преподобный игумен изгонял и это зло. Он предписывал наблюдать при раскладке повинностей самую строгую правду, не допускать между крестьянами пьянства и азартной игры в зернь. •

Если преподобный игумен так заботился о нравственности рабочих обители, то понятно, сколько заботился он о возвышении духовной жизни между братьями-иноками. Жизнь духовная цвела при нем в обители: опыт тому – преподобные Иоанн и Лонгин, Вассиан и Иона, прославленные Господом. Блаженный Филипп принимал в обитель разборчиво, только таких, которые искренно желали подвизаться для Господа. Он не давал места в обители для праздности и лени – все трудились в ней. Чтобы оживить в братии дух, живший в великих основателях обители, он старался восстановить все, наминавшее о них: отыскал образ Богоматери-Одигитрии, принесенный на остров святым Савватием; нашел каменный крест, стоявший пред его келиею, псалтырь и служебные ризы преподобных. Эти ризы он починил, отличил надписью и «учинил их первыми ризами». По его распоряжению описаны были чудеса, совершенные преподобными по прибытии его на остров. Храм - училище

христианского благочестия; храм - дом Божий. Блаженный Филипп построил в обители такие храмы, которые достойно носят имя селений и славы Божией и учат благоговению. С 1552 г. начал он строить каменный Успенский храм с трапезою и колокольнею, все здание 82 сажени в окружности; храм освящен в 1557 г. Прежде того в обители были клепала каменные и била деревянные. Блаженный игумен приобрел три колокола: один—в 173 пуда, другой - в 80 пудов, третий—в 30 пудов. Затем приступил он к построению каменного главного храма обители в честь Преображения Господня. Братия указали ему на недостаток средств. Он отвечал: «Упование на Бога не обманчиво; Он пошлет средства, если намерение наше угодно Ему». В 1558 г. заложил он храм на 170 квадратных саженьях. Игумен участвовал своими руками в работах, и по его просьбе царь прислал 1000 р. для нового храма. Преподобный приготовил утварь для храма, разноцветные стекла для рам, многое дал из своей собственности. Под северной папертью выкопал себе могилу, рядом с могилой наставника своего о. Ионы. По временам от хлопот звания своего удалялся он на безмолвие, за 2 версты от обители, и место уединенных подвигов его доселе называется пустынею Филипповою. Для ревнителей уединения устроил он на Заяцком острове скит, а по другим местам – уединенные келии.

Блаженный Филипп по всем сторонам жизни своей хотел быть и был верным Господу своему.

В 1566 г. Иоанн Грозный вызвал игумена Филиппа в Москву «для духовного совета». Это значило, что Филипп облечен будет саном первосвятительским, который сложили с себя Афанасий и блаженный Герман, отягченные делами Иоанна. Царь принял Филиппа с честью, говорил и обедал с ним дружески и, наконец, объявил, что желает видеть его на кафедре митрополита. Филипп долго не соглашался принять высокий сан. «Не могу, - говорил он со слезами, - принять на себя дело, превышающее силы мои, отпусти меня, Господа ради; зачем малой ладье поручать тяжесть великую?» Царь настаивал на своем. Филипп объявил, наконец, что исполнит волю царя, но с тем, чтобы уничтожена была опричнина, от которой страдает Россия. Иоанн отвечал, что опричнина нужна для царя и царства, что иначе против него злоумышляют. Блаженного Филиппа уговорили согласиться на такую последнюю волю гневного царя: «Не вступаться в дела двора и опричнины, после поставления не удаляться с митрополии

за то, что царь не уничтожит опричнины, но советоваться с царем, как советовались прежние митрополиты». Таким образом, святой Филипп оставил за своей совестью свободу и долг печаловаться за невинно гонимых и говорить о правде евангельской. В этом не могли отказать ему, потому что и отец Иоанна, и сам Иоанн не раз в грамотах писали, что «для отца своего митрополита» государь прощает того или другого или возвращает взятое в казну. Блаженный Филипп 25 июля посвящен был в митрополита. В первое время дела шли покойно. Развратная опричнина притихла, опасаясь пустынного святителя. Царь осыпал его ласками и вниманием уважительным. Москва радовалась, видя тишину с появлением нового святителя. Святителю много было дел и хлопот в столице, близ царя. И он говорил себе: «Что случилось с тобою, Филипп? Из какой тишины и в какой шум попал ты?» Чтобы иметь вблизи себя любезные ему предметы оставленной пустыни, построил он храм Зосимы и Савватия на своем дворе. Из пастырских распоряжений его замечательно определение Суздальского епископа Афанасия в архиепископа недавно возвращенному Полоцку. Афанасий и после посвящения оставался в Москве до конца года частью потому, что в Смоленске была зараза, более же оттого, что Полоцкая епархия, в которой господствовал фанатизм папистов, требовала особенных советов и пособий первосвятителя. Святой Филипп впоследствии отправил в Полоцк из Новгорода 33 священника и диакона.

Во второй половине 1567 г. поднялись дела опричнины - доносы, клеветы, убийства, грабежи. Особенно по возвращении из безуспешного похода литовского царь был в сильном раздражении, и этим пользовались злодеи. Над стонами невинных смеялись они и предавались гнусным делам.

Святитель убеждал Новгородского архиепископа Пимена и других пастырей стать за правду, но те от малодушия трепетали. Святой Филипп отправился увещевать царя в Александровскую слободу - эту берлогу разврата и злодейства. «Державный царь! - говорил святитель наедине Иоанну. - Облеченный саном самым высоким, ты должен более всего чтить Бога, от Которого принят сан; ты - образ Божий, но вместе и прах. Властелин - тот, кто владеет собою и не служит низким похотям. Слышно ли, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, как взволнована твоя?» Иоанн закипел гневом и сказал: «Что тебе чернецу до наших

царских дел?» Святитель отвечал: «По благодати Святаго Духа, по избранию священного собора и по нашему изволению я - пастирь Христовой церкви. Мы с тобою должны заботиться о благодетии и покое православного христианского царства». «Молчи, - сказал Иоанн, - и нас благослови на дела нашей воли». «Молчание неуместно теперь, - отвечал святитель, - оно размножило бы грехи и пагубу. Если будем выполнять произволы человеческие, какой ответ дадим в день пришествия Христова? Господь сказал: *«Да любите друг друга; волюны сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Ин. 15,13). Аще в любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете»* (Ин. 13. 35).

Твердый начетчик книжный, царь отвечал словами Давида: *«Искреннии мои прямо мне приближишася и стаща, и ближнии мои отдалече мене стаща, и нуждахуся нищущии душу мою, нищущии злая мне»* (Пс. 6.27, 11-12).

«Государь царь! - сказал святитель, - надобно различать добрых людей от худых. Одни берегут общую пользу. Другие говорят тебе неправду, по своим видам; грешно не обуздывать людей худых. Прогони от себя людей негодных, пагубных тебе и царству; пусть водворится любовь на месте разделения и вражды». «Филипп! - сказал Иоанн. - Не прекословь державе нашей, чтобы не постиг тебя гнев мой, или оставь митрополию». «Я не посылал, - отвечал святитель, - ни просьбы, ни ходатаев и не наполнял ничьих рук деньгами, чтобы получить сей сан. Ты лишил меня пустыни моей. Твори, как хочешь». Царь удалился в гневе на святителя, но и в раздумье о себе.

Опричники - Малюта Скуратов, Василий Грязной и другие - стали теперь настойчиво вооружать царя против митрополита, а от насилия и злодейств их еще более стали страдать невинные. Иоанн возвратился в Москву в черной одежде и с обнаженным мечом; в таком виде сопровождали его опричники. Последовали казни. К святителю приходили вельможные и простые и со слезами умоляли о защите. Святитель утешал несчастных словами Евангелия. «Дети! - говорил он. - Господь милостив! Он не посылает искушений более, чем можем понести; надобно быть и соблазнам; горе тому, кем соблазн приходит. Все это, избранники Божии, случилось с нами по грехам нашим, для исправления нашего; да и счастье обещано нам не на земле, а на небе». Марта 2-го 1568 г., в Крестопоклонное воскресенье, царь

пришел в храм соборный. Он и опричники были в черных одеждах, с высокими шлыками на главах и с обнаженными оружиями. Иоанн подошел к митрополиту, стоявшему на своем месте, и ждал благословения. Святитель безмолвно смотрел на образ Спасителя. Опричники сказали: «Владыко! Государь пред тобою, благослови его». Блаженный, взглянув на Иоанна, сказал: «Государь! Кому поревновал ты, приняв на себя такой вид и исказив благолепие твоего сана? Ни в одежде, ни в делах - не видно царя. У татар и язычников есть закон и правда, а в России нет правды. В целом свете уважают милосердие, а в России нет сострадания даже для невинных и правых. Убойся, государь, суда Божия. Сколько невинных людей страдает! Мы здесь приносим жертву бескровную Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская! Грабежи и убийства совершаются именем царя. Если и есть виновные, прости, чтобы тебя простил Господь. Кто не любит брата, тот не Божий». Иоанн распалился гневом и, растерявшись, сказал: «Филипп! Ужели думаешь переменить нашу волю? Не лучше ли быть тебе одних с нами мыслей?» «К чему же вера наша, - отвечал святитель, - напрасны и страдания Спасителя, и Его заповеди, данные нам. Не жалею я тех, которые пострадали невинно; они мученики Божии: не скорблю за твою душу». Иоанн пришел в неистовство, махал рукою на святителя, стучал палкою об пол храма и грозил казнями. «Нам ли противишься ты? Увидим твердость твою», - говорил Иоанн. «Я пришлец на земле, как и все отцы мои, - тихо отвечал святитель, - готов страдать за истину». Вне себя от ярости, Иоанн вышел из храма.

Перед собором епископов явился чтец с гнусною клеветою на святителя. Новгородский Пимен, унижавшийся пред царем, тогда как не мог в душе верить клевете, сказал вслух: «Царя обличает, а сам делает гнусности». Исповедник правды сказал Пимену: «Любезный! Человекоугодничеством домогаешься ты получить чужой престол, но лишишься и своего». Чтец тогда же со слезами сознался, что его заставили угрозами взнести клятву. Святитель, простив чтеца, предал себя в волю Божию. «Вижу, - говорил он духовным сановникам, - что хотят моей гибели. И за что же? За то, что никому не льстил я, не давал никому подарков, не угощал никого пирами. Но что бы ни было, не перестану говорить правду, не хочу носить бесполезно сан святительский». Он переехал из Кремля на Никольскую улицу в старый монастырь

Святителя Николая (ныне греческий), так как уже очевидно было, что царь не хочет видеть его близ себя; но блаженный исповедник не оставлял по своей воле вверенного ему Господом служения. Июля 28 он совершал крестный ход в Новодевичьем монастыре. Иоанн, желавший казаться набожным, явился здесь с опричниками в их полном наряде. В то время, когда пришел царь, святитель хотел читать Евангелие и, преподавая мир всем, увидел опричника в тафье. «Державный царь! - сказал святитель. - Добрые христиане слушают слово Божие с непокрытыми главами; с чего же эти люди вздумали следовать магометанскому закону стоять в тафьях?» «Кто это такой?» - спросил царь. Но виновный спрятал тафью, а товарищи его сказали, что митрополит лжет и восстает на царя. Иоанн вышел из себя, грубо ругал святителя, называл его лжецом, мятежником, злодеем, клялся, что уличит его в преступлениях.

После совещания со Скуратовым и духовником Евстафием, которого святитель подверг запрещению за недостойную жизнь, приказано было произвести следствие в Соловках. Долго не могли там и пытками вынудить какое-либо обвинение Филиппу; там называли его праведным и святым. Наконец игумен Паисий, которому обещали сан епископа, монах Зосима и с ним еще некоторые, враждовавшие на Филиппа еще во время его игуменства, согласились быть клеветниками против святителя. Составили донос. В Москве Паисий, в присутствии царя и духовенства, со всею наглостью обвинял Филиппа. Святитель кротко сказал Паисию: «Что сеешь, то и пожнешь». И обратясь к царю, говорил: «Государь! Не думаешь ли, что я боюсь смерти? Достигнув старости, готов я предать дух мой Всевышнему, моему и твоему Владыке. Лучше умереть невинным или мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония несчастного времени. Оставляю жезл и мантию митрополичьи. А вы, святители и все служители алтаря! Пасите верное стадо Христово; готовьтесь дать отчет и страшитесь Небесного Царя более, чем земного». Святитель снял с себя белый клобук и мантию. Но царь остановил его, сказав, что ему должно ждать суда над собою, заставил назад взять утварь святительскую и еще служить литургию 8 ноября. Это значило, что Иоанн хотел предать публичному позору святого и вместе дать своим насилиям над святителем вид законного суда перед народом. Участь святителя тогда же, ноября 4-го, была

решена: свирепый Иоанн требовал сжечь Филиппа как волшебника, и только духовенство упросило оставить ему жизнь без сана. Ноября 8-го, в день архангела Михаила, святитель начал служение в соборе. Явился Басманов и при народе прочел осуждение Филиппу по доносам клеветы. Опричники бросились в алтарь, сорвали со святителя одеяние его, одели в рубище, вытолкали из храма, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь, осыпая бранью и побоями. Толпы народа со слезами провожал святителя, а он покойно благословлял народ и свою долю. Пред воротами обители он сказал народу: «Дети! Все, что мог, сделал я; если бы не для любви к вам, и одного дня не оставался бы я на кафедре... Уповайте на Бога, терпите». На другой день привели его в Кремль для выслушивания приговора: Филиппу, будто бы уличенному в волшебстве и тяжких винах, надлежало кончить дни в заключении. «Вспомни, царь, - сказал праведник, - каковы были добрые цари; помни, что на злых есть строгий суд правды Божией». Иоанн движением руки велел неумолимым стражам взять Филиппа. Его отвели в смрадную комнату, заковали в оковы, на шею наложили тяжелую колоду, руки скрепили цепью и целую неделю не давали ему куса хлеба. Твердый молитвенник питался молитвою, и его нашли без оков и цепей - свободным. Царь, услышав о том, изумился, но потом сказал: «Чары, чары!» Так люди готовы объяснять великие дела самыми странными причинами, лишь бы не признавать в них действия силы Божией, грозной для их нечистой совести. Царь велел перевезти Филиппа в монастырь святого Николая. Не довольствуясь тем, что терпел святой Филипп, царь подверг пыткам и казням служивших ему детей боярских. Из родственников его Колычевых были умерщвлены один за другим десять человек. Любимый святителем Иоанн Борисович Колычев пел псалмы, когда терзали его пытками. Царь отослал голову его Филиппу со словами: «Вот твой любимый сродник, не помогли ему твои чары». Святитель, когда вошли к нему с таким подарком, встал, благословил и поцеловал главу и велел отнести к царю. Наконец Иоанн велел отправить Филиппа в заточение в Тверской Отрочь монастырь.

Прошло около года, как святой Филипп томился в заточении. Иоанн отправился в Новгород. Малюта Скуратов явился в келию Филиппа и с видом смирения сказал: «Владыко святой! Преподай благословение царю на путь

в Новгород». Святитель знал, зачем явился Малюта. Еще за три дня до того сказал он бывшим при нем: «Вот приблизился конец моего подвига», и причастился Святых Тайн. Малюте отвечал он: «Делай что хочешь, но дара Божия не получают обманом». Сказав это, он стал на молитву и просил Господа, да примет дух его с миром. Малюта задушил святителя подушкою и, сказав настоятелю, что умер он от угару, приказал при себе похоронить его. Это было 23 декабря 1569 г.²

Заслуживает внимания одна подробность, не вошедшая в историю и касающаяся последних земных часов митрополита Филиппа. Настоятель храма из села, находившегося в вотчине Колычевой, сестры митрополита, о. Алексей вместе со своим причетником Лаврентием в самый канун смерти святого узника пришли проводить его и выразить ему общую любовь. Отпуская их, митрополит дал благословение всему роду и потомству их на веки веков до самого Страшного Суда Господня. Но при этом предрек, что они сами не преполовят (преположение – дохождение до половины⁵⁶ С. 489) и завтрашнего дня. Слова его сбылись. В летописи Тверского Отроча монастыря до последнего времени хранилась запись об этом событии: иерей Божий был обезглавлен, а причетник «биен бысть многи патоги и повешен». (Федотов Г. «Филипп, митрополит Московский» Париж. 1928, стр.9.) Через несколько веков потомство этих мучеников: род Петропавловских и род Вытчиковых – соединилось во единую ветвь. И эта вдвойне благословенная ветвь давала крепких духом церковных людей. Ими и подобными им неведомыми «миру» рабами Божиими стояла и держалась Святая Русь.¹⁷

Из памятников, оставшихся после святого Филиппа, святительская грамота его в Кириллов монастырь замечательна по отзыву его о протестанстве. «Литовский король Сигизмунд-Август, - пишет он, - и немцы, впавшие в разные ереси, а особенно в лютерову прелесть, ругаясь над святыми иконами, составили злой умысл против святых храмов, честных икон и благочестивой веры нашего греческого христианства». Затем, извещая, что послано войско против врагов православия, предписывает служить молебны в храме и молиться в келиях об успехе православного воинства.²

Филипп, Митрополит Московский, – мученик и великий стоятель за Правду Христову. «Подвиг митрополита Филиппа дает настоящий смысл служению сопастырей на Московской кафедре Успения Богородицы: святого Алексия и святого

Гермогена. Один святитель отдал труд всей жизни на укрепление государства Московского, другой - саму жизнь, обороняя его от внешних врагов. Святой Филипп отдал жизнь в борьбе с этим самым государством в лице царя, показав, что и оно должно подчиняться высшему началу жизни». (Федотов Г. Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928, стр.9.) Таково значение его подвига.¹⁷

В 1591 г. нетленное тело святителя перенесено было из Твери в Соловецкую обитель, на место иноческих подвигов его, и сперва поставлено было под папертью созданного им храма, а в 1646 г. - в самом храме. Память святителя чтит вся церковь 23 декабря еще с 1591 г.

В 1652 г. по мыслям архиерея Никона, тогда еще митрополита Новгородского, мощи святителя торжественно были перенесены в Москву. В грамоте, обращенной к святителю, живому пред Господом, благочестивый государь Алексей Михайлович писал: «Молю тебя - приди сюда, дабы разрешено было согрешение прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, учиненное пред тобою неудержимою яростию, по влиянию зависти. Твое негодование на него выставляет и нас участниками в преступлении его: но я невинен в страдании твоём. Гроб прадеда заставляет меня скорбеть за него, а совесть благоговейная пред твоею жизнью и страданием побуждает скорбеть о том, что, невинно изгнанный, ты и поныне лишен святительской кафедры царственного града. Итак, преклоняю царский сан мой за согрешившего пред тобою: пришествием твоим к нам оставь согрешение его». Трогательно и поучительно было торжество святителя, возвращавшегося на кафедру. Царь писал в письме к боярину Оболенскому: «Бог даровал нам, великому государю, великое солнце. Как древле царю Феодосию возвратил Он мощи пресветлаго Иоанна Златоустаго, так и нам благоволил возвратить мощи целителя новаго Петра, втораго Павла проповедника, втораго Златоуста, великое солнце, Филиппа, митрополита Московскаго. Мы, великий государь, с богомольцем нашим Никоном, митрополитом Новгородским, ныне же по милости Божией патриархом, со всем священным собором, с боярами и со всеми православными, даже до грудного младенца, встретили его у Напруднаго и приняли на главы свои с великою честью. Лишь только приняли его, подал он исцеление бесноватой немой; она стала говорить и выздоровела. Когда принесли на пожарище

к Лобному месту, еще исцелил девицу при посланниках Литвы, которые стояли у Лобного места. Когда поставили святыне мощи его на Лобном месте, все пролили слезы умиления: пастырь, невинно изгнанный, возвращается на свой престол. На площади у Грановитой палаты был исцелен слепой. В соборе на самой середине стоял он десять дней, и во все дни, с утра до вечера, был звон, как в пасхальную неделю. Не менее, как два, три человека в сутки, а то пять, шесть и семь человек получали исцеление. Исцелена жена Стефана Вельяминова. Она уже сказала, чтобы читали ей отходную, как забылась, и ей явился чудотворец и сказал: «Вели несть себя ко гробу моему». Она была слепа и глуха 8 лет и лежала больною. Когда же принесли ее, то прозрела, стала слышать и пошла здоровою. Когда принесли его в соборную церковь и поставили на кафедре, то как не дивиться, как не проливать слезы при мысли, что изгнанный возвращается и принимает честь, принадлежащую ему? Где же теперь гонители? Где лживые советники? Где клеветники и наушники? Где ослепленные мздою очи? Где искавшие власти за гонимаго? Не все ли они погибли? Не все ли исчезли навек? Не все ли приняли месть от прадеда моего? Да и вечную примут месть, если не покаются! О, блаженны заповеди Христовы! О, блаженна правда, не меряющая лиц! О, блажен, истинно преблажен тот, кто исполнял заповеди Христовы и пострадал за правду от своих! Ей, ничего нет лучше того, как утешаться правдою, за нее страдать и судить людей по правде. Каждый день молим Создателя, всецедраго Бога, и Пречистую Его Матерь, чтобы Господь Бог, по прошению Богоматери и по молитвам всех святых, даровал нам вместе с боярами своими судить людей Его по правде, всех одинаково».

Перенесение святых мощей митрополита Филиппа в столицу установлено праздновать 3 июля.²

Тропарь, гласъ 8

Первопрестольником приѣмниче, столп
Православия, истине повѣрниче, новъй
исповѣдниче, святителю Филиппе,
положивый душу за Христово Евангеліе, темже
яко имый дерзновение к Немѹ, моли за царя
православного, за градъ же и люди, почитающихъ
достойно святѹю память твою.

Кондакъ, гласъ 3

Православію наставника, и истине
согласника, Златоустаго ревнителя,
русскаго свѣтильника, Филиппа
премудраго восхвалимъ; в пищи словесъ своихъ
разумно чада своя питая; языкомъ ѹбо хваление
поя, устнама же пѣние вещая, яко таинникъ Божія
благодати.

ЖИТИЕ

преподобномученика

Адриана Ондрусовского (Андрюсовского) ²

Память его празднуется месяца мая в 17-й день
и месяца августа в 26-й день

† 1549

СВЯЗАНІЕ

о преподобном отце нашем

Киприане Стороженском (Сторожевском) ²

Память его празднуется месяца августа в 26-й день
и месяца ноября во 2-й день

† после 1598

Житии преподобного Александра Свирского, по описанию ученика его, читаем следующее: в 9 верстах от места подвигов преподобного Александра, жил в своей отчине дворянин Андрей Завалишин, охотник до звериной ловли. Однажды в самом разгаре охоты Андрей увидал оленя и бросился догонять его. Охотник мчался с такой быстротой, что далеко оставил за собой товарищей охоты, и все-таки олень исчез из глаз его. Завалишин вместо того увидел пред собой хижину и следы пустытника в таком диком месте, где, казалось, никогда не ступала нога человека. Он постучался у хижины, и пред ним явился труженик,

Андрян Ондрусовский

изнуренный постом и подвигами, в ветхой одежде. Повесть подвижника о дивной своей жизни произвела на Андрея глубокое впечатление. Это было в 1493 г. Зава-лишин после того часто приходил к преподобному Александру (это был он) слушать наставления его и доставлял хлеб сподвижникам его. Из бесед с отшельником познав сладость пустынной жизни, Андрей решил следовать примеру жизни его, оставил богатое имение свое и удалился в Валаамскую пустынь. Здесь принял он иночество с именем Адриана и провел здесь несколько лет в подвигах общежития. Потом, по благословению преподобного Александра, избрал для пребывания своего уединенное место на полуострове, на берегу Ладожско-

го озера. К нему собрались ученики и последователи. В пустыни построен был храм в честь святителя Николая. Зава-лишин известен был в Москве, и великий князь Василий (†1534 г.) пожаловал грамотой милостию из своей казны инокам Адриановой пустыни, повелевая вперед выдавать то же, «переступая чрез два года, безволокитно» и вместе запретил наместникам брать пошлыны с монастырских ловцов и тоней.

По местному преданию, Адриан встретился на своем пути с такими людьми, которые грозили не только существованию обители, но и жизни пустынников. Встреча довольно обыкновенная в то время, но чем кончилась она? В дремучем лесу острова Сала (дебрь), напротив Адриановой пустыни, укрывался недобрый человек Ондрус с шайкой подобных себе, живший за счет пловцов Ладожского озера. Близкое соседство пустытника, начавшего собирать к себе

других, тревожило атамана разбойников; он объявил, чтобы пустыnnики добровольно оставили остров, иначе будет им худо. Скорбно было Адриану расстаться с пустынным местом, особенно потому, что великий наставник его благословил ему здесь жить. Он умолял разбойника предоставить это место мирным труженикам. Не имея у себя денег, чтобы предложить выкуп за место, Адриан обещал атаману ходатайствовать за него пред Богом и советовал ему расстаться с худым ремеслом. Разбойник смеялся над словами пустыnnика. Долго упрашивал Адриан разбойника и с горькими слезами. Наконец атаман смягчился и сказал: «Живите». На каменистом мысу Ладожского озера, называющемся поныне Сторожевским, тогда же жил другой разбойник с шайкой, сторожа пловцов. Завидя счастьем Адрианова соседа, он старался захватить и истребить его. Случилось, что оба атамана, разъезжая с шайками для промысла, встретились, и между ними завязалась битва. Жильцы Сала были побеждены, и скованный предводитель их брошен был в лодку врага своего. Несчастный знал, что после страшных истязаний ожидает его смерть. Он вспомнил советы пустыnnика, горькое раскаяние проникло в душу его, и - вот он видит пред собой Адриана. «По милосердию Господа, для Которого просили у тебя пощады пустыnnному братству, ты свободен», - сказал явившийся и исчез. Атаман увидал себя без оков на берегу и никого подле себя. Пораженный до глубины души, пришел он в обитель и нашел Адриана и подвижников его на псаломпании. Оказалось, что Адриан не выходил из обители. Атаман пал к ногам настоятеля и просил научить его путям спасения. Оставленный в обители, он здесь и кончил жизнь свою, в тихом покаянии. И соперник его по ремеслу, по молитвам старца Адриана, наконец пришел в себя.

Бывший предводитель разбойничьей шайки, почувствовав пагубу своей жизни, вразумленный и обращенный к Богу преподобным Андрианом Андрусовским и принявший у него в обители пострижение в иночество под именем Киприана, впоследствии на месте разбойничьего притона (на мысу Ладожского озера, где и он сторожил и грабил пловцов,

и потому называемся Сторожевским), он основал обитель во имя святителя Николая Чудотворца. Новой жизнью своей, благотворительной для многих, блаженный Киприан не только привел в забвение у современников прежние недобрые дела свои, но пользовался уважением их; а Господь, благий и милостивый, за подвиги искреннего самоотречения прославил почившего подвижника чудесами. Так благотворна была жизнь преподобного Адриана для глухого края. Мощи преподобного Киприана Сторожевского покоятся в бывшей монастырской, ныне приходской церкви.

В 1546 г. царь Иоанн Васильевич повелел грамотой Новгородским властям «с Рождества Христова, с году на год, ругу вместо милостыни давать: игумену Ондрусовскому 5 коробей ржи, 5 коробей овса, да два пуда соли, да гривну Новгородскую денег; на 12 братьев, на брата по 2 коробьи ржи, по 2 коробьи овса, да по пуду соли, да по 2 алтына денег; да Пречистой и Николе чудотворцу 2 пуда меда на канун и по 2 пуда воска на свечи, да 5 коробей пшеницы на просвиры».

Основатель Адриановой пустыни столько известен был по святости жизни, что он и Григорий Пельшемский воспринимали от святого крещения дочь царя Иоанна Анну. Это было в августе 1549 г. Когда святой старец возвращался из Москвы в свою обитель и уже недалеко был от нее, близ селения Обжи, злые люди напали на него и убили. Злодеи надеялись найти у него деньги и не нашли ничего. Братия долго ждали своего настоятеля и уже не знали после долгого ожидания, что о нем думать? Спустя два года в одну ночь в сонном видении является преподобный несколькими из старцев Ондрусовой пустыни, рассказывает им о страдальческой кончине своей, указывает место, где злодеи скрыли тело, и повелевает перенести его в обитель. На другой день, 17 мая, иноки обрели в болоте нетленное тело страстотерпца и предали земле подле стены церкви святого Николая. Так вся жизнь преподобного Адриана была преимущественно борьбой против злых людей, и Господь увенчал его венцем мученика. Потому не диво, что скоро стали чтить память его августа 26, а 17 мая - перенесение мощей его. В акте 1659 г.

сказано: «Милостью преподобного отца нашего начальника игумена Адриана – дан вклад в дом Пречистой Богородицы и чудотворцу Адриану». Император Александр, осматривая в 1819 г. губернию, пожелал поклониться преподобномученику Адриану, взял в проводники крестьянина и без свиты отправился к гробу святого. Здесь долго молился он со слезами и потом прислал сосуды и книги для храма. В 1828 г. мощи преподобного перенесены в новый каменный храм - Введения Богоматери во Храм.

Тропарь, глас 8

тебѣ ѡтче, (имярек), извѣстен вистъ спасѣнія ѡбраз. Восприѣм во крѣст послѣдовал еси Христѹ. Творяше и учаше, еже презрѣти плоть, преходит во, прилежати о дѹшѣ вещи безсмертней. Тѣм же и со ангелы радѹется преподобне дѹх твоѣ.

Кондак, глас 2

истотою дѹшевною Божѣственно воорѹжився, и непрестанные молитвы, яко копие врѹчивъ крѣпко, пробѡл еси весѡвская ополченія, (имярек) ѡтче наш, моли непрестанно о всѣх нас.

Сведения

о священномученике, игумене

Геласии Новгородском ⁴⁸

Память его празднуется в 3-ю Неделю по Пятидесятнице

† 1570

Геласий был игуменом Антониева монастыря, когда Новгород переживал страшное время: 60-70-е годы XVI века. Едва в 1567 г. затихла эпидемия чумы, как в 1569 г. случился сильнейший неурожай и настал голод. Люди умирали. Кто мог, тот убежал из города в земли, где можно было прокормиться. Те, кто остался, тихо угасали от голода. И вот в это время в умирающий город пришел Иван Грозный с опричниками. Игумены, иеромонахи, иеродиаконы и соборные старцы всех монастырей Новгорода, числом около 500 человек, были приведены в город и поставлены на «правеж», то есть избиение. Потом, после расправы над архиепископом Пименом и боярами, царь повелел всех стоящих на «правеже» «избивать палицами насмерть, а трупы развозить по своим монастырям». Так был убит и игумен Антониева монастыря Геласий, а вместе с ним и двадцать человек братии. Но и этим не закончились скорби для монастырей. Как говорит летописец, после «суда» над остальными новгородцами Иван Грозный «со своими воинскими людьми стал ездить около Великого Новгорода по монастырям и повелел грабить церковные и монастырские казны, и кельи, и служебные монастырские дома». Грабя обитель святого Антония, Иван Грозный не остановился и перед монастырской святыней. Сосуды преподобного, чудесным образом доставленные в Новгород на устроение монастыря, царь увез в Москву.

После опричного разгрома обитель преподобного Антония стояла в запустении. В ней даже не совершалось богослужения.⁴⁸

(Поход Ивана Грозного в Новгород.⁶⁶ - См. Житие архиепископа Пимена. - *Сост.*)

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 4

Инравом причаstник, и престо́лом
наме́стник апо́столом бы́в, де́яние обрёл
еси́, богоду́ховенне, в ви́дения восхо́д, се́го
ра́ди сло́во истины испра́вляя, ве́ры ра́ди
постра́дал еси́ да́же до́ крове, свяще́нному́чениче
Гела́сне, моли́ Христа́ Бо́га спасти́ся ду́шам
на́шим.

ЖИТИЕ

архиепископа

Геннадия Новгородского ⁵

Память его празднуется месяца декабря в 4-й день

† 1506

П На Новгородской кафедре с 1485 по 1504 гг. первым из владык, назначенных прямо митрополитом, без жеребья, по соглашению с великим князем, был Геннадий, по прозванию Гонзов.

Где родился святой Геннадий и кто были его родители,

неизвестно; но можно предположить, что он был уроженцем первопрестольной столицы и рода знатного, ибо был «муж сановитый, разумный, и добродетельный, и божественному писанию довольный», что было большой редкостью в тогдaшнее время. Подвиг иноческий начал он в обители Валаамской и был учеником преподобного Савватия Соловецкого, что видно из его собственного рассказа Досифею, игумену Соловецкого монастыря, составившему житие преподобного Зосимы и Савватия. «Савватий егда на Валааме был, аз у него ученик, а он мне старец был», - так говорит блаженный Геннадий Соловецкому игумену Досифею.

В летописи мы встречаем его под 1480 г. уже в сане архимандрита Чудова монастыря, где он долго подвизался и куда возвратился под конец жизни.

Будучи Чудовским архимандритом, Геннадий принимал участие в споре великого князя с митрополитом Геронтием о том, посолонь ли должно совершать крестные ходы или же против солнца. Поводом к этому спору послужило следующее обстоятельство: когда совершено было в Москве 12 августа освящение Успенского собора, какие-то «прелестники» наговорили великому князю, что митрополит Геронтий ходил со крестами вокруг церкви не по солнцу. Князь прогневался на митрополита и сказал, что за такие дела приходит гнев Божий. Открылось публичное расследование вопроса, посолонь ли или против солнца должно ходить при освящении церкви. В книгах об этом ничего не нашли. Много было речей и спора. Некоторые архимандриты и игумены говорили за митрополита, и один сказал: «Я видел на Святой горе освящение церкви; там ходили против солнца». Сам митрополит приводил во свидетельство то, что диакон при каждении престола начинает с правой стороны и, следовательно, ходит вокруг престола против солнца. Сторону же великого князя держали Ростовский владыка Вассиан-Рыло и Чудовский архимандрит Геннадий, которых он призывал на состязание, но в защиту противоположного мнения они не представили никакого свидетельства и только говорили: «Христос - солнце праведное - наступил на ад, связал смерть и освободил души; потому и на Пасху тоже прообразуют на утрени». Смысл этих слов не ясен. Вероятно, Вассиан и Геннадий хотели этим сказать, что при освящении церквей должно ходить с востока на запад, как Христос - солнце праведное, притек с востока на запад, где победил ад и смерть, так и на Пасху и во всякую утренью или всенощную исходят из алтаря от востока, в притвор, на запад, для литии. Спорили много, но ничего не решили.

Через три года спор этот возобновился, в котором держали сторону князя те же - Ростовский владыка Иоасаф, преемник Вассиана да Чудовский архимандрит Геннадий.

Все же священники и книжники, все иноки и миряне говорили за митрополита. Наконец спор окончился уступкою великого князя доводам и наставлениям митрополита, к которому потом великий князь сам ездил с извинением и «обещался митрополита во всяких речех слушати и в хождении в воле митрополиту дать, якоже велит, как было в старину».

Перед этим временем Геннадий подвергся от митрополита Геронтия строгому преследованию и потом наказанию, которое было вызвано следующим поступком. В 1482 г. навечерие Богоявления Господня случилось в день воскресный. Чудовский архимандрит Геннадий позволил своей братии пить Богоявленскую воду, поевши, «по своему изволению». Митрополит, узнав об этом, послал схватить Геннадия и представить ему. Геннадий бежал к великому князю. Митрополит пошел туда сам и говорил много на Геннадия: «Он, во-первых, поступил самовольно, не спросясь меня, а во-вторых, обесчестил священную воду, повелевши пить ее по принятии пищи». Уступая настояниям митрополита, великий князь выдал ему Геннадия, и митрополит приказал оковать его и посадить в ледник под палату. Но великий князь с боярами упрости митрополита пощадить виновного, указывая на тот случай, что когда Ростовский владыка Феодосий дозволил также в навечерие Богоявления вкушать мирянам мясо, то митрополит Иона, хотя обличил владыку, но ради покаяния его простил.

В житии святителя Алексия сказано, что Геннадий, управляя Чудовским монастырем, во дни великого князя Иоанна Васильевича, при митрополите Геронтии, в 1483 г. начал строить там первый храм каменный в честь святителя Алексия, и прежде всего на место обветшавшей трапезы построил новую каменную. Но строение огромного храма скоро остановилось, потому что блаженный Геннадий был избран и посвящен в архиепископа Новгородского 12 декабря 1485 г. Впрочем, благоговев к великому святителю России и чудотворцу, он по отъезде из Москвы не прекратил своих забот о храме и об устроении в обители служебных палат, строение которых он поручил после себя вельможам

великокняжеским, двум братьям рода греческого, Траханиотовым, «посылаше им серебра довольно на совершение храма того и трапезы и палат».

Новопоставленный владыка оказался человеком по своим умственным и нравственным качествам как нельзя более соответствовавшим той задаче, которая предстояла ему в Новгороде. Геннадий не кичился высотой своего сана или своим назначением из Москвы; напротив, его занимала мысль упрочить в Новгороде как политическое, так и церковное влияние Москвы. В видах возвышения великих князей московских в глазах народа и в видах освящения царской власти, он впервые вменил в обязанность всем новгородским игуменам и священникам ежедневно молиться в своих храмах за государя и всех православных христиан. «А игуменов, и попов, и диаконов, - говорит летописец, - потому ж благословил и прочь отпустил и наказал им, чтобы Бога молили о государех великих князех и о всех православных христианах, по вся дни каждо у своей церкви молебны пети». Что же касается до усиления собственно церковного влияния Москвы, то Геннадий старался достигнуть этой цели не пренебрежением, как предшественник его, к местной святыне, пользовавшейся особенным почитанием у новгородцев, а сообщением им чувства благоговения собственно к московским угодникам, которые до сих пор мало или совсем были неизвестны новгородскому населению. Как ни правильно понимал свою задачу блаженный Геннадий, однако не вдруг удалось ему сломить или хотя бы чувствительно ослабить оппозицию новгородцев. Это всего лучше сказалось в крестном ходе, предпринятом в 1493 г. блаженным Геннадием с собором игуменов, священников, диаконов и в сопровождении двух великокняжеских наместников и дворецкого, вокруг новгородского Детинца. Следуя раз намеченной цели, блаженный Геннадий предполагал воспользоваться этим крестным ходом как благоприятным случаем к распространению в Новгороде чествования московских святителей и для этого сделал распоряжение отслужить молебны и провозгласить каноны у Чудного креста - новому чудотворцу

Петру, митрополиту всей России, а на молебствии у Покровских ворот - канон Московскому митрополиту Алексию. План этот на первый раз потерпел совершенную неудачу. В крестном ходе отказалась участвовать значительная и притом самая знатнейшая часть новгородского духовенства. По словам летописца, «архимандрит Юрьевский, да игумен Антоньевский Андрей, и игумен Хутынский, и игумен Вежиской, и игумен с Лисьи горы, игумен Рождественской с поля, игумен Аркажской, и игумен Колмовской, и игумен Ковалевской... и те все игумены за кресты с архиепископом не ходили; да опроче тех игуменов, которые имяны писаны, из иных монастырей многих игуменов не было». Неудача, однако, не смутила блаженного Святителя. Чтобы отнять у новгородского духовенства всякий предлог к упорству, он в плане следующего крестного хода, который должен был совершаться вокруг всей Софийской стороны, занес молебствия, кроме московских святых, и некоторым местным новгородским угодникам, например преподобному Варлааму Хутинскому. «А на третьем молебне, - сказано в летописи, - велел пети триж молебны: Покрову Святыя Богородицы, а второй - Леонтию, епископу Ростовскому, а третий - Варлаамию чудотворцу»... Прием этот не остался без последствий. Правда, и на эту церемонию явились не все новгородские игумены, но все же некоторые из не явившихся в первый раз, теперь принимали в ней участие. «Ходил архиепископ Геннадий со кресты, около города старого, вокруг деревянной стены, по сей стороны реки, да с ним архимандрит Юрьевский, да игумен Антоньевский, и игумен Спасской, игумен Вязитский... всем собором»...

Главная же причина, из-за которой новгородское духовенство особенно восставало против московского порядка и которая собственно поддерживала в нем недовольство, заключалась не столько в ослаблении местной церковной самобытности, сколько в отягощении налогами церковных причтов, которое следовало, так сказать, по пятам за водворением в Новгороде московских владык. Перевероты, которые совершались тогда в судьбе Великого Новгорода,

коснулись крайне неблагоприятно материальной стороны новгородской владычной кафедры, лишив ее, с одной стороны, самой важной части - накопленных веками богатых средств, увезенных в Москву (по низложению Феофила), с другой - почти половинной части поземельных владений. Вследствие этого положение владык, являвшихся из царствующего града Москвы, не могло быть таким привлекательным, как положение старых вечевых владык, тем более что надежда на щедрую поддержку со стороны мирян, встречавшуюся в древности, с изменением в Новгороде народонаселения и с закрытием немецкой конторы торговой деятельности, становилась более чем обманчивою. А так как доходы с духовенства, что практиковалось уже прежде в Новгороде и Пскове, теперь были признаны за главный источник владычного содержания, то, понятно, необходимо было привести их в известность и в этих видах точно определять как количество церковных приходов, так и количество духовных лиц. Цели этой владыка Геннадий пытался достигнуть при помощи переписи всех церквей и духовных лиц Новгородской епархии и хотя не без хлопот, но успел в своем предприятии. По документам, впрочем, известно только то, что такая перепись была произведена в одном Пскове в 1500 г.; причем обращено было внимание на престолы и антиминсы. Но нет сомнения, что около того времени, а может быть, и раньше, подобная же перепись имела место и в области Великого Новгорода, что и там определено было количество престолов и антиминсов, и этим путем положено прочное основание для неукоснительного сбора с местного духовенства всех доходов в пользу епархиального архиерея. Лучшим доказательством высказанного мнения может служить список новгородских церквей (собственно Новгорода), дошедший до нас, по всей вероятности, от рассматриваемого времени. Вообще труд блаженного Геннадия по установлению в Новгороде системы церковных повинностей был сопряжен с большими для него неприятностями, но и настолько был основателен, что преемникам его оставалось уже очень мало хлопот по сему предмету. Они могли только увеличивать или

уменьшать число пошлин с духовенства, усилить или ослабить их размеры.

Такое же, если еще не большее противодействие и нерасположение к себе, встретил блаженный Геннадий и в Пскове. Несмотря на всю любовь, какую оказывал святитель псковичам, Псков сильно оскорблял его. Так, в 1485 г., при первом вступлении на паству, он послал псковитянам «благословенную грамоту» с богатым подарком. Но когда он осенью того же года послал во Псков боярина своего и с ним игумена Евфимия, бывшего казначеем псковским, с тем, чтобы они составили опись церквам и монастырям с их духовенством, а Евфимий остался бы наместником его во Пскове, «псковичи не вдашася в волю его», не выполнили воли его. В следующем году он сам отправился к ним, и так как они в то время волновались против распоряжений великого князя о правах рабов, то «явился он в вечевое собрание их и, преподав благословение народу, долго предлагал пастырское наставление и, наконец, оставил грамоту» той же любви.

Еще резче нанесено было оскорбление блаженному архипастырю в 1499 г. По примеру предшественников своих он прибыл во Псков, чтобы совершить пастырские молитвы за псковскую паству свою и потом заняться рассмотрением судебных дел. Псковичи простерли свою дерзость до того, что «запретили своим священникам служить с ним, а проскурницам готовить просфоры». Что же это значит? Что за причина такой дерзости? «Псковичи, - говорит летопись, - не допустили его совершать соборного служения: «Ты, - говорили они, - хочешь молить Бога за великого князя Василия, а наши посадники поехали по этому делу к великому князю Иоанну». Итак, дело в том, что псковичи, объявив в своем совете несправедливым распоряжение самодержавного государя о наследнике престола, восстали и против архипастыря своего. За это грубое оскорбление впоследствии заплатили они Василию потерю вольности своей.

Вот и еще подвиг блаженного архипастыря, который приносит величайшую честь его уму и сердцу и за который, однако, перенес он много неприятностей в свое время.

Желая возвысить духовенство в умственном и нравственном отношении, блаженный святитель употреблял все усилия к тому, чтобы в клир вступали люди грамотные и книжные, и особенно хлопотал о том, чтобы пастыри проходили пастырское служение с сознанием своего долга. «Я просил государя, - писал он к митрополиту Симону, - чтобы велел устроить училища; для чести своего государя и для спасения общего напоминал я о том, и нам была бы легкость. Когда приведут ко мне ставленника: то я велю ему выучить ектению, да и ставлю, потом, поучив его, как совершать божественную службу, отпускаю тотчас же. И такие не ропщут на меня. Но вот приводят ко мне мужика: я приказываю дать ему Апостол, а он и ступить не умеет; приказываю дать Псалтырь, он и по тому едва бредет; я отказываю ему, а они кричат извет. Земля такова, господине! Не можем достать, кто бы умел грамоте. Вот видите, облаял целую землю, будто нет ни одного, кого бы следовало избрать во священство. Просят меня: «Пожалуй, господин, прикажи учить». И я приказываю учить ектении: а и к слову не умеет пристать; ты говоришь ему одно, а он - другое. Приказываю учить азбуку. Они, поучась немного, просятся домой, не хотят учиться. Оттого-то на меня брань, по их нерадению. Не могу я ставить неучей. Потому-то умоляю государя завести училища, чтобы его разумом и грозою, а твоим благословением пришло это дело в порядок...».

Поздний летописец с живою признательностью говорит о блаженном Геннадии: «Он хиротонисал в священников и диаконов таких, которые долго учились у него. Поставленные им пресвитеры и диаконы так были просвещены, что оказались светильниками миру, истинными пастырями и учителями порученной им паствы, и все люди получали от них великую пользу».

В послании 1499 г. к митрополиту Геннадий писал еще: «Ты говорил об иподиаконах, что которые поставлены молодыми и неженатыми, а обещаются сохранять девство: тем предоставлена свобода вступать в диаконский или иерейский сан; но которые оженятся после того, тем не получить ни

диаконского, ни иерейского сана». Геннадий, со своей стороны, предлагал правило: не иначе посвящать в диакона и пресвитера, как женатых. Блаженный архипастырь повторил свое предложение на соборе в 1501 г., и тогда было постановлено «требовать, чтобы ищущие священства были женатыми, а вдовым священникам и диаконам не совершать литургии».

Но главным делом жизни блаженного Геннадия была борьба с жидовскою ересью, борьба, продолжавшаяся во все почти 20 лет его святительского служения. Прибыв в Новгород в 1485 г., он вскоре уже узнал, что здесь скрыто действует ересь жидовствующих.

Прежде, чем приступим к описанию подвигов святителя Геннадия в борьбе со сказанною ересью, остановимся вниманием на самой этой ереси, как явлению весьма прискорбном в истории нашей церкви, и на основании тех исторических данных, которые представляются в духовной и светской литературе, выясним себе, что такое была ересь жидовствующих, какая была причина ее появления и почему она привилась в Новгороде.

Г. Муравьев в жизнеописании святителя Геннадия так говорит о сей ереси, заимствуя о ней сказание из книги «Просветитель» преподобного Иосифа, игумена Волоколамского монастыря: «Был жидовин, по имени Схария, сосуд диавольский, наученный всякому чародейству и чернокнижию, который сделался известен в Киеве князю Михаилу, правнуку Ольгерда, и вместе с ним пришел в Великий Новгород. Там сперва прельстил попа Дениса, который привел к нему другого попа Алексея, и оба они сделались отступниками христианской веры. Потом пришли из Литвы другие два жида. Обольщенные имели с ними постоянные сношения и совратили свои семейства. Они даже хотели обрезать в жидовскую веру, но их удержали обольстители, опасаясь обличения, и велели им держать жидовство втайне, явно же - христианство. Изменили имена их: Алексея называли Авраамом, а жену его Сарою, и многих совратили попов и диаконов и простых людей; даже и протопопа Софийского Гавриила научили жидовствовать, превзошедши беззаконием всех древних еретиков».

«О, кто достойно восплачется о толикой беде! - восклицает Иосиф, - какой язык изглаголет содеянное и какой слух примет кротко такую повесть! Божественное пречечное рождество Христово от Отца, называли они ложным и ругались вочеловечению Его, нашего ради спасения, говоря, что Отец Вседержитель не имеет ни Сына, ни Святаго Духа, единосущных и сопрестольных себе, и что нет Святой Троицы, ибо слово только произносится, а дух в воздухе развевается; обещанный же в священных писаниях Христос еще не родился и наречется Сыном Божиим не по существу, а по благодати, как Моисей и другие пророки, и посему должно до времени держать закон Моисеев. Действительно, тайно от христиан, они приносили жертвы, хотя и не смели обрезываться, и отвергали вочеловечение Господа, пришедшего спасти Адама, говоря, что сие не подобало Богу. Многие приносили они хулы на божественную церковь и на честные иконы, воспрещая подобающее им и честному кресту поклонение, и, сокрушая их, ругались над ними как жида над Христом».

Преосвященный митрополит Макарий, на основании того же известия преподобного Иосифа Волоколамского о начале ереси, излагая сущность ее, говорит, что в строгом смысле это была не ересь только, а полное отступничество от христианской веры и принятие веры иудейской. Схария и его товарищи проповедовали у нас не ересь какую-либо христианскую, а ту самую, которую содержали сами, и в том виде, в каком исповедуют ее все иудеи, отвергшие Христа Спасателя и Его Божественное учение. Они учили: а) истинный Бог есть един и не имеет ни Сына, ни Святого Духа, единосущных и сопрестольных Ему, т. е. нет Пресвятой Троицы; б) истинный Христос, или обетованный Мессия, еще не пришел, и когда придет, то наречется Сыном Божиим не по существу, а по благодати, как Моисей, Давид и другие пророки; в) Христос же, в которого веруют христиане, не есть Сын Божий, воплотившийся и истинный Мессия, а есть простой человек, который распят иудеями, умер и истлел во гробе; г) потому должно содержать веру иудейскую, как истинную,

данную Самим Богом, и отвергать веру христианскую, как ложную, данную человеком.

И соvrащенные Схариєю действительно приняли иудейство и сделались отступниками от христианства. Все прочее лжеучения, какие высказывали впоследствии иудействовавшие, были уже прямыми и неизбежными выводами из этих начал, положенных Схариєю и его единовѣрцами. За допущением, что истинная вера есть иудейская, а не христианская, что Христос есть простой человек, а не Сын Божий, не истинный Мессия, само собою следовало, что Пресвятая Матерь Его не есть Богородица, что не должно почитать ни Его, как почитают христиане, ни Ее, ни вообще всех святых христианских; что не должно чтить самих их изображений или святых икон, ни крестов и других священных для христиан предметов; что не должно уважать христианских писаний, ни апостольских, ни отеческих; что не должно уважать никаких христианских установлений, каковы - таинства, посты, праздники, монашество и прочее; словом, должно отвергать все собственно христианское, чего не могут принимать иудеи, не верующие во Иисуса Христа. Судя по тем началам, из которых вытекали все лжеучения в ереси жидовствующих, нельзя не придти к тому убеждению, что в ней было не одно иудейство, но многие христианские ереси, еще в древности осужденные, как и видели современники. Распространителями же и защитниками ереси жидовствующих были не сами жи́ды, а соvrащенные ими христианские священники, носившие личину христиан.

Преподобный Иосиф в своем сочинении против жидовствующих многократно свидетельствует, что они собственно не еретики, а отступники, и в одном месте дает о них такое понятие: «Новгородские еретики сделались отступниками не в младенчестве, не во время плена, не ради нужды, но родились и много лет пребывали в христианской православной вере, и самохотением, самопроизвольно отверглись Святой Единосущной Троицы и Святой Православной Христианской Веры, и изрекли многие хулы на Святую Единосущную Троицу, и на Пречистую Богородицу, и на

всех святых, и совершили многие сквернения на святую Божественную церковь, и на Святые Иконы, и на животворящие кресты, и на священные мощи Святых. Многих православных христиан прельстили и отвели в жидовство, и осквернили всякими сквернами. Они отверглись Христа и всего христианства в лето 1471-е и даже доньше не покалялись. Они злейшие из всех еретиков и отступников: таких не было ни в древние времена, ни в средние, ни в новейшие».

Каким же образом жид Схария мог навязать православным русским свою жидовскую веру, а новгородские священники могли принять и отречься от Христа? Разгадка этому заключается в том, что Схария был человек ученый и, главное, искусный в чернокнижии и астрологии, которые пользовались в данный период полным доверием и уважением, особенно между людьми малообразованными, а тем более необразованными, каковы большей частью были новгородские священники тогдашнего времени. Схария очень хорошо знал, чем иудеи доказывают против христиан истинность своей иудейской веры и чем опровергают или стараются опровергнуть они истинность веры христианской, и умел воспользоваться этими познаниями для своей цели. А из священников многие, не говоря уже о простолюдинах, не знали даже того, чем подтверждаются самые коренные догматы христианства, каковы догматы о Пресвятой Троице, о божественности Иисуса Христа, о Его воплощении и воскресении. Понятно, таких людей увлечь и прельстить не составляло труда для Схарии, как своими познаниями и умною речью, так особенно какими-либо необычайными действиями, которые он мог совершать при пособии темных наук и которые для невежд могли показаться совершенными чудесами. И он действительно прельстил сперва попа Дионисия, а затем попа Алексея, которые потом и сами, научившись от жида жидовству и чернокнижию, начали пользоваться теми же средствами для совращения людей невежественных. Впоследствии ересь приобрела себе сильных покровителей, которые содействовали ее распространению и привлекали многих обаянием вольномыслия и распушенности нравов.

А как искусно еретики умели скрывать себя под личиною христианства и как ловко вели свою пропаганду, видно из следующего. В 1480 г., когда великий князь Иоанн Васильевич прибыл в Новгород, вожди ереси, Алексей и Дионисий, до того понравились ему, что он взял их в Москву и первого определил протопопом в Успенский собор, а второго - священником в Архангельский собор. Здесь они старались казаться праведными, кроткими, воздержными, а тайно сеяли свое лжеучение и многих обратили к жидовству, так что некоторые даже обрезались. Между прочим, они привлекли к своей ереси в духовенстве - симоновского архимандрита Зосиму и чернеца Захарию, при дворе великого князя - знатного дьяка Феодора Курицына да дьячков крестовых - Исто-му и Сверчка и из купцов - Семена Кленова. Последние четыре также научили многих жидовствовать. «Протопоп Алексей и Феодор Курицын, - замечает преподобный Иосиф Волоколамский, - такое тогда имели дерзновение к Державному, как никто другой; ибо они прилежали звездозаконию, астрологии, чародейству и чернокнижию. Потому-то многие уклонились к ним и погрязли в глубине вероотступничества». Зять протопопа Алексия, Иван Максимов, свел в жидовство даже невестку великого князя Елену, в чем впоследствии сознался сам преподобному Иосифу. Таким образом, ересь утвердилась не только в Новгороде, но и в Москве.

Весьма уместно познакомить здесь и с мнением светской литературы относительно причины появления ереси жидовствующих в Новгороде и успешного ее распространения. Светская литература (Сочинение Никитского «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде». 1879.) смотрит на эту ересь как на чисто самородный продукт русского ума, вызванный господствовавшим в то время ожиданием скорого светопреставления и второго пришествия Христова.

Мысль о близком наступлении светопреставления занесена в Россию из греческих стран, где она издавна сильно волновала умы, находя поддержку частью в самой жизни, частью в тогдашней книжной учености, и, по мере того, как приближалась седьмая тысяча лет, становилась все более и

более распространенную. Уже в XIII веке мнение это встречается в слове на собор Архистратига Михаила, а в XIV и XV столетиях оно делается почти всеобщим, как можно судить по увещаниям, какие делали архиепископ Суздальский Дионисий псковитянам в 1382 г., архиепископ Новгородский Иоанн и митрополит Филипп новгородцам в 1397 и в 1471 гг. «Наступает, дети, последнее время», - говорили она в своих увещаниях.

Точно так же смотрел на свое время, как на последнее, и летописец начала XV в., находя подтверждение своим верованиям частью в явившемся в 1402 г. небесном знамении, частью же в печальных современных событиях, во враждебных движениях соседних народов. «Да что говорить о татарах, турках и других племенах, - заключает он свое рассуждение, - разве мы сами, называясь христианами, не ведем между собою постоянных браней, рати и кровопролития? Где же тут совершенная любовь, переданная нам Христом, сказавшим в Евангелии: *больші сея любви никто же имать, да кто положит душу свою за други своя* (Ин. 15, 13). Мы не только не полагаем души за ближних своих, но исторгаем даже их собственные. И понеже время последнее приходит и сокращено есть уже, конец житию приближается»...

Но особенно сильно взволнованы были умы перед окончанием седьмой тысячи лет, чему много содействовало то обстоятельство, что с окончанием седьмой тысячи лет совпадало и окончание пасхалии, которое падало на 1492 г. Старинные грамотники, переписывая пасхалию, сопровождали ее под этим последним годом разными приписками, в которых выражали самое тревожное состояние своей души, вследствие ожидаемой кончины мира. «Братия! - гласит одна из подобных приписок, - zde страх, zde беда велика, zde скорбь не мала; якоже в распятии Христове сий круг солнцу бысть 23, луны 13; сие лето на конци явися, в оньже чаем всемирное пришествие Христово». К самому исходу седьмой тысячи лет тревога сделалась еще сильнее. «Сам, господине, выдаешь, - говорили псковитяне владыке Ионе в 1469 г., - что тебе здесе (во Пскове) не само много быти, а того дела

тобе вскоре нельзя же управити, занеже при сем, последнем времени о церквах Божиих смущенно силно»... А, по словам современника, толки и сомнения овладели тогда не только массой простых людей, но и самими людьми книжными. «Ино о том молва была, - говорит летописец, - в людех не токмо простых, но и не простых многих сумнение бысть»...

Но чем сильнее этот мрачный призрак волновал умы православного русского народа, тем сильнее он должен был возбуждать противодействие в себе в умах тех немногих, которые были противниками господствовавших представлений. А в таких людях в Великом Новгороде недостатка не было. Частые столкновения, происходившие у Новгородского владыки то с митрополитом, то с псковичами по разным недоразумениям и вопросам, уже сами по себе необходимо должны были вызывать некоторых из новгородцев на раздумье над церковными делами. Поэтому нет ничего странного, что под влиянием современных, гнетущих обстоятельств зародившееся первоначально у стригольников сомнение в законности существования многих явлений в церковной жизни, теперь распространилось на религиозную область и выразилось, прежде всего, в отрицании господствующего суеверного мнения о близкой кончине мира. Это отрицание вышло, как и нужно было ожидать, из среды новгородского духовенства. Религиозные вопросы касались, прежде всего, духовных лиц, да и разрешены могли быть скорее духовными. Духовенство вообще представляло интеллигентный класс древнерусского общества. В частности же, о первых новгородских мудрствователях известно, что они были люди начитанные, имели в своем распоряжении книги, которых не было даже у такого пастыря, как блаженный Геннадий. Первоначально сомнение зародилось в голове попа Дениса, а потом мало-помалу образовался целый кружок единомышленников из попов же, из разных других клирошан и из некоторых мирян.

Но чтобы успешно вести борьбу со всеобщим заблуждением, новгородским духовным в подкрепление своего сомнения, нужно было еще иметь на своей стороне и знамя

науки. Это зная получено было новгородскими мудрствователями из еврейских рук, вследствие чего и самая новгородская ересь прослыла у современников и потомства за жидовство. Опасаясь возрастающего могущества Москвы, новгородцы стали искать союза с Литвою, приглашая тамошних князей на службу в Новгород. Вместе с литовскими князьями потянулись в Новгород уже и непрошеные гости - евреи, которые в XV столетии стали столь обыкновенными посетителями, что во время голодов бедные новгородцы «жидом из хлеба даяхуся гостем». Как народ коммерческий, не брезгающий никакими интересами, евреи, естественно, не упускали случая воспользоваться своим пребыванием в вольном городе и для распространения там тех сочинений, которые выработала тогдашняя ученость и на которые мог быть спрос в Новгороде. Эти-то книги, привезенные евреями, прибывшими в Новгород в 1471 г. с князем Михаилом Александровичем, оказали немалую услугу новгородскому духовенству, занятому вопросом о кончине мира. «Лета 1471 был в Новгороде князь Михайло Олелькович из Литвы, а с ним жидове торгом, а мнози от попов и диаконов... начаша к ним ходить и бражничать и учитися волшебским книгам». В особенности оказался пригодным для духовенства Шестокрыл, книга, заключавшая в себе астрономические таблицы. «Изучив себе этот Шестокрыл, - писал блаженный Геннадий, - они тем прельщают христианство, мня, як с небеси знамение сводят». Но что всего важнее, эта книга дала новгородским духовным в руки то, в чем они больше всего нуждались, а именно летосчисление, отличное от господствовавшего. Летосчисление Шестокрыла сделалось для новгородского духовенства самою твердою опорою в его борьбе против господствовавшего суеверия. По обыкновенному христианскому летосчислению оканчивалась 7-я тысяча лет от сотворения мира, с окончанием которой должен был кончиться и мир. А по их насчитывалось и всего 5244 г., и то не полных, и, следовательно, событие это (окончание мира) отодвигалось на далекую будущность. Опираясь на такое летосчисление, они (жидовствующие) теперь смело могли

обвинять церковь в решительном заблуждении. «Лета христианского летописца сократишася, - говорили они, - а наша пребывают... И потому ино у них еще пришествия Христова нет, ино они ждут антихриста»...

На основании сказанного нельзя не придти к тому убеждению, что мнение еретиков о кончине мира являлось не только главным, но и, так сказать, единственно важным, исходным пунктом их учения. Как сами еретики, так и противники их придавали ему весьма важное значение. Протопоп Алексей говорил: «Преидут три лета, кончается седмая тысяща: и мы де тогда будем надобны». На важность этого пункта указывал и блаженный Геннадий: «Егда скончаются лета, - говорил он, - а животом еще прибавит Бог мир, ино то еретикам жидовская мудрствующим, будет дерзость, а христианству будет спона велика». Вообще, чтобы сколько-нибудь понять это явление, необходимо признать как то, что в мнении о кончине мира заключается исходный пункт ереси жидовствующих, который непосредственно связывал ее с умственной жизнью древней Руси вообще, и в частности Новгорода, так и то, что ересь жидовствующих в существенной ее части была таким же самородным продуктом русского ума, каким была ересь стригольников, которую образовало учение о взимании платы за ставленье. В противном случае, происхождение ереси жидовствующих останется совершенно непонятым. А затем одно уже это мнение может объяснить, почему ересь возникла именно во второй половине XV столетия. При всяком другом исходном пункте мы не в состоянии будем понять, почему ересь явилась перед самым 1492 г. - временем предположительной кончины мира. Наконец, только при признании сомнения в близком наступлении кончины мира за исходный пункт учения жидовствующих можно будет понять как широкое распространение ереси, так и ту роль, которую играла в ней астрология. Ересь жидовствующих являлась ответом на те вопросы, которые сильно волновали умы и сердца всего русского общества, одинаково в Новгороде и Москве, а потому она везде находила удобный доступ. Не менее важно также и то, что

в исходном пункте своем она заключала известное зерно истины. Это последнее качество поднимало ересь особенно в глазах людей книжных, каковы были вожаки в Новгороде. «И их же видяху (Ф. Курицина с товарищами) благоразумных и писания божественная ведущих, - писал преподобный Иосиф, - тех еже в жидовство не смеяше приводити, но некия главизны божественнаго писания Ветхаго и Новаго Завета на криво сказующе, и к своей ереси прехыщряюще, и баснословия некая и звездозакония учаху и по звездам смотрити и строити рождение и житие человеческое, а писание божественное презирати, яко ничтоже суще и не потребно человеком, простейших же на жидовство учаху».

Сказав о причине появления ереси жидовствующих, светская литература дает далее некоторое понятие и о том пути, которым шло мудрствование о наступлении кончины мира и из которого развилась такая сложная система отрицаний. Сомнение в близком наступлении второго пришествия Христова вызвало прежде всего в жидовствующих сомнение в тех источниках, которыми в господствующей церкви подкрепляли суеверие, а именно в писаниях Евангельских, особенно апостольских и отеческих. Но это мудрствование было сначала не более, как критическое отношение к известным местам апостольских и отеческих творений, не согласных с воззрениями еретиков. Но когда, вопреки всеобщему ожиданию, роковой 1492 г. прошел благополучно, светопредставления не последовало, тогда еретики вооружились против апостольских и отеческих писаний единственно на основании предполагаемого несоответствия некоторых из их мест, говоривших о кончине мира, с действительностью, и особенно посыпались нападки на творения Ефрема Сирина. «Ефрем Сирин, - твердили они, - писал, что все пророчества и писания исполнились, ничего не осталось ожидать, как второго пришествия; и вот уже прошло 1100 лет после сказания Ефрема, а второго пришествия нет: не очевидно ли, что сочинение Ефрема—чистая ложь».

Далее, сомнение в близком наступлении второго пришествия Христова вызвало размышление о справедливости

верования во второе пришествие и о личности Иисуса Христа вообще, которое потом разрешилось отрицанием самих верований во второе пришествие и в божество Иисуса Христа. «Еретики, - по словам преподобного Иосифа, - утверждали, что предреченный в писании Христос еще не родился, а когда родится, то наречется Сыном Божиим не по существу, а по благодати. Исповедуемый же христианами Спаситель есть простой смертный, а не Бог; он был распят, и умер, и истлел во гробе». Из изложения видно, что еретики не признавали возможным сошествие Бога на землю и рождение от Девы, а вследствие этого необходимо должны были отвергнуть и необходимость искупления. «Разве не мог Бог, - рассуждали еретики, - спасти Адама и сущих с ним из ада, разве не имел Он небесных сил, пророков и праведников, чтобы послать их исполнить свое желание? Разве сообразно с божеским достоинством сходить самому на землю нестяжателем и нищим, воплощаться и страдать и этим путем перехитрить диавола?» Точно также еретики отказывали в почитании Божией Матери и святых угодников, выражали неуважение и Святому Таинству Тела, и Крови Христовой, совершая обедни после еды и питья. «Попы их, - писал блаженный Геннадий в послании, - завтракав и пив до обеда, обедни служат». Летописец тоже заметил, что «еретики божественную службу свершающе ядше и пивше, и тело Христово ни во что же вменяюще, яко прост хлеб, и кровь Христову, яко просто вино». В конце же концов отрицание перешло в открытое поругание икон и крестов, в котором крайнее ребячество граничило с грубым фанатизмом.

Впрочем, ересь жидовствующих имела не одну религиозную, но и политическую сторону; этим-то и можно объяснить ее упорное сопротивление и даже временное торжество. Но политический характер ересь получила не в Новгороде, а в Москве. Весь секрет тут заключался в том, что ересь была вызвана к жизни отчасти недовольством против церковной иерархии и неизбежно вела к уменьшению ее значения в глазах народа; а при водворявшейся тогда системе единодержавия ослабление церковной иерархии в некоторой

степени было даже выгодно для великих князей Московских. Несмотря на то что церковная иерархия являлась деятельным помощником великих князей московских при собирании Русской земли и установлении самодержавия, теперь, когда эта задача в своей существенной части была уже исполнена, великие князья стали, кажется, несколько тяготиться опекою или, по крайней мере, ревновать тому значению, каким пользовался в народе глава церкви. Несомненно известно, что в столкновениях с иерархией, которые нередко случались у великих князей, последним приходилось по временам переживать тяжелые минуты. Довольно указать здесь на тот факт, что в споре, возникшем у Иоанна III с митрополитом о том, как следует ходить при богослужении, против солнца или посолонь, великий князь был оставлен почти всеми, как духовными, так и мирянами, и принужден был ездить к митрополиту с извинениями за свое неуместное вмешательство. Подобные столкновения не могли не возбуждать великого князя к тому, чтобы вознести свою власть превыше всякого церковного авторитета, а для этой цели подрыв значения иерархии, благодаря ереси, являлся как нельзя более кстати. Иоанн III, как известно, не упустил случая извлечь из него свои выгоды. В самый разгар ереси, именно при посвящении в 1496 г. Симона в митрополита, великий князь, желая показать, что воля государя определяет главу церкви, громогласно повелел новому митрополиту «принять жезл папства и взойти на сидалище старейшинства».

Но независимо от поддержки, которую великие князья могли найти в ереси при стремлении своем подчинить себе церковную иерархию, учение жидовствующих благоприятствовало им и в другом отношении. Громы, которые новгородские мудрствователи метали против монашеского звания, во всяком случае, значительно облегчали осуществление стремления великих князей поживиться на счет церковных имуществ, на которые они наведены были, кажется, еще в 1478 г. примером новгородцев. Как бы ни было, только оба эти обстоятельства действовали столь могущественно, что ересь не только находила благоприятный прием в среде,

непосредственно окружавшей Иоанна III, в его ближайших советниках и, в особенности, в любимце - дьяке Курицыне, но, по всей вероятности, и сам великий князь был не совсем чужд ее учения. Эта-то политическая окраска, которую получила ересь в Москве, и была едва ли не главной причиной того крайнего затруднения, в которое поставлена была господствующая церковь в борьбе против нее, как и увидим далее.

Архиепископ Геннадий, как только прибыл в Новгород в 1485-г., узнал, что здесь скрытно действует ересь жидовствующих, которая потом в 1488 г. выдала себя поруганием, совершенным над святыми иконами несколькими еретичествовавшими священниками в пьяном виде. «Тое же зимы биша попов Новугородских по торгу кнутьем, присла бо их из Новагорода к великому князю владыка Геннадий, что пьяны поругалися святым иконам, и посла их опять ко владыце».

Блаженный святитель запылал ревностью к святой истине Христовой. «Священный Геннадий, - говорит преподобный Иосиф Волоколамский, - поставлен был, как светильник на свещнике, судом Божиим, и, как лев, пущен на злодейственных еретиков, на которых устремился из чащи божественных писаний, как бы от высоких и красных гор учения пророков и апостолов. Он разрывал ногтями скверные утробы, напоянные жидовским ядом, сокрушал и терзал зубами и убивал о камень». Знаменательна такая похвала в устах столь великого поборника церкви, каким был преподобный Иосиф.

С особенным уважением о личности святителя Геннадия, как неутомимого ратоборца, отзывалась и светская литература. «По качествам характера, - говорит Никитский, - Геннадий не был призван бороться против ереси путем слова и убеждения, потому что у него не было для того прежде всего достаточных сведений и пособий, даже язык его посланий к митрополиту и епископам не может быть назван образцовым. Но не призванный к публицистике, Геннадий имел все качества быть прекрасным администратором. Он отличался стойким, независимым характером, не способным жертвовать делом для угождения сильным людям. К делу он относился не с канцелярской точки зрения, не довольствовался

тем только, чтобы оно шло исправно раз-заведенным порядком, а полагал в него всю свою душу, готов был идти для него даже на подвиг. Как у церковного пастыря, дело естественно воплощалось у него всецело в интересах православия. Во всяком нарушении этих интересов он готов был видеть не только оскорбление религии, но и безчестие родной земли и государства».

Особенно же дорого было для Геннадия то, чтобы православие оставалось единым во всей Руси, как в Москве, так и в Великом Новгороде. «И как мню, ныне положили ни за что, как бы вам мнится, Новгород с Москвою не едино православие». Понятно, что такой пастырь не мог равнодушно отнестись к новгородской ереси. Что же касается сурового преследования еретиков, которое избрал Геннадий для борьбы с обнаруженным злом, то принятие им этого пути, без всякого сомнения, произошло не без влияния примера Западной Европы, с одной стороны, а с другой, вероятно, были тут и домашние соображения, которые побуждали отдать предпочтение преследованию, как самому действительно-му средству. Настоящие еретики казались ему опаснее прежних тем, что держали ересь тайно, явно же выдавали себя за христиан и что вследствие того от них уберечься было гораздо труднее. «Человеку разумному, - говорил Геннадий, - они не объявятся, а глупого съедят как раз». А затем и самое рассуждение о вере даже на соборе, которое предполагали сделать влиятельные духовные, казалось ему небезопасным. «Люди у нас просты, - писал он владыкам, находившимся в Москве, - не умеют говорить по обычным книгам, так лучше поэтому о вере никаких прений не плодить. Собор нужен не для прений о вере, а для того чтобы еретиков казнить, вешать и жечь».

Первые сведения о ереси дошли до архиепископа Геннадия почти случайно. Однажды некоторые из еретиков, в пьяном виде, начали упрекать друг друга в тайных делах и этим обнаружили существование тайного общества. Ревностный архипастырь Геннадий немедленно сообщил об этом великому князю и митрополиту и, получив приказ не допускать

распространения ереси, приступил к розыску. Отобраны были показания от обвиняемых в ереси, допрошены свидетели хульных дел. Во время этого розыска один из еретиков, поп Наум, открыл архиепископу все и всех и принес к нему даже псалмы, по которым еретики правили свою жидовскую службу. Теперь стало ясно, что ересь разрослась в обширное общество, и нечестие ее против христианства должно было привести в ужас каждого истинного христианина. Блаженный Геннадий велел брать еретиков и отдавать на поруки, но когда четверо, не дождавшись окончания расследования, убежали в Москву, то святитель немедленно отослал туда же к князю и митрополиту и все дело со списком открытых им еретиков и умолял принять должные меры против страшного зла. Это было в августе или в сентябре 1487 г. Не получив ответа, Геннадий в конце того же года писал о содействии к епископу Сарскому Прохору, жившему в Москве на Крутицах, извещая его, что в Новгороде открылись еретики, которые мудрствуют по-жидовски, держат ереси Маркианскую и Мессалианскую и всячески скрываются, называя себя православными, что обыскное дело об них послано к князю и митрополиту и что открытию их способствовал поп Наум. В январе следующего 1488 г. по прибытии в Москву епископов – Суздальского Нифонта и Пермского Филофея – Геннадий написал и к ним и, упомянув о своих грамотах к князю и митрополиту и о своем письме к епископу Прохору, просил обоих святителей ходатайствовать перед великим князем и митрополитом, чтобы позаботились «тому делу исправление учинить, занеже ныне как продлилось то дело, обыск ему не крепок чинится... еретикам ослаба пришла; уже наругаются христианству». Затем изложил, в чем состояли самые ругательства. Дело действительно приняло быстрый оборот. (Грамота Московского митрополита к Геннадию: «Писал еси нам свои грамоты, господину, сыну моему, великому князю, да и ко мне, что прозябают ереси в Новгороде, хулы и поругания от священников и от диаконов, и от дьяков, и от простых людей, да и списки еси на тех еретиков прислал к нам, почему еси обыскивал, как они хулили сына

Божия... православную веру хулят»). На соборе 1488 г. трое уличенных в ереси найдены достойными церковного отлучения и торговой (гражданской) казни «по правилам царским», а четвертый признан свободным от суда, так как против него был один только свидетель - поп Наум. Все же были возвращены к своему архипастырю, и при этом повелено было, чтобы он продолжал обыск об еретиках с великим прилежанием и тех, которые покаются, подвергал церковной епитимии, а тех, которые не покаются, отдавал «по царским правилам» для торговой казни двум боярам, Якову и Юрию Захарьевичам, которые назначены были от великого князя для участия при обыске.

При производстве дальнейшего обыска над ерегичествующими оказалось, что вероотступничество распространилось не только в Новгороде, но и по селам, и все через попов, которые, напившись и наевшись, без страха совершали литургию. Некоторые отступники нарочно ставились в попы, чтобы удобнее совращать своих духовных детей. Трудно было святителю Геннадию привести дело в полную ясность: общество еретиков держало дела свои в самой строгой тайне. Если замечали кого-либо твердым в вере и православии, то таились перед ним и старались казаться православными. А встречая людей простых, слабых и переданных тяжким грехам, увлекали таких в свою прелесть и отпускали им все грехи. Когда же кто-либо из православных начинал обличать их самих в ереси, они отрекались от нее с клятвою, величали себя православными и даже проклинали еретиков, считая клятву и проклятие за ничто. (Все это описал сам Геннадий в послании к Ростовскому архиепископу Иоасафу. Такими же точно изобразил жидовствующих и почти теми же словами и преподобный Иосиф Волоколамский в последнем слове на них в «Просветителе».) Но с помощью гражданской власти отобраны были показания, подтвержденные подписками некоторых виновных и свидетелей; отысканы богослужебные тетради еретиков, пасхалия, составленная по иудейскому календарю, некоторые особенные книги. Особенно же много открыто было попом Наумом, который

прежде и сам принадлежал к тайному обществу. Еретиков, искренно покаявшихся в заблуждении, блаженный Геннадий принял к церковному покаянию, а не покаявшихся и продолжавших хвалить жидовскую ересь передал боярам для торговой казни. Подробное донесение с показаниями препроводил к великому князю и митрополиту, известив о том архиепископов и епископов, ожидал распоряжений, тем более что оговорены были и некоторые московские члены общества. Но в Москве это представление уже не имело такого успеха, как прежде. Там теперь на донесение блаженного Геннадия не обратили никакого внимания и «положили дело за ничто», как вскоре сам он писал к Ростовскому архиепископу Иоасафу 25 февраля 1489 г. Вообще, в этот раз ревностный владыка Геннадий не встретил себе сочувствия и поддержки даже со стороны церковной власти. Митрополит Геронтий, по словам преподобного Иосифа, сам мудрствовал по-христиански, но о других, погибавших от еретического учения, нимало не заботился: «О том великому князю не подокучил, да тем еретиком конца не учинил». Притом он не принадлежал к числу доброжелателей блаженного Геннадия. Он еще не успел достаточно забыть противодействие, встреченное со стороны Геннадия при споре о хождении посолонь. Да и помимо этого нерасположения, Геронтий не мог не видеть того благоволения, которым пользовалась ересь в глазах «державного», как называли тогда великого князя.

Новгородские еретики, услышав, что единомышленники их в Москве живут на свободе, бежали туда же, после того как уже принесли покаяние перед Геннадием. Находясь здесь под защитой великокняжеского дьяка Федора Курицына, не только пользовались полною свободою, но даже запрещенные священники совершали службу в московских церквях вместе с православными архимандритами, игуменами и протоиереями. К Курицыну еретики собирались и совещались между собою против православия. Так, один из еретиков, некто Самсонко, говорил блаженному Геннадию: «Ходил есмя за все к Федору к Курицыну, диаку великого князя,

а приходит де к нему Алексей протопоп, да Истома, да Сверчек, да Ивашко Черной, что книги пишет, да поучаются де на православных». Особенною дерзостью отличался чернец Захария. Прежде он был настоятелем одного монастыря близ Новгорода в Немчинове. И когда иноки этого монастыря пожаловались архиепископу Геннадию, что настоятель уже три года ни сам не причащается, ни им не позволяет причащаться, и Геннадий потребовал от него отчета, то Захар отвечал: «А у кого причащаться? Попы по мзде ставлены, митрополит же и владыки тоже по мзде ставлены». Признав Захара за стригольника, Геннадий сослал его в какую-то пустынь. Но вскоре же, по грамоте великого князя, должен был возвратить его в обитель, взяв с него клятвенную подписку, что и сам он будет причащаться и не будет возбранять того инокам. Но Захар не исполнил клятвы, убежал в Москву в 1487 г., где и нашел себе покровительство в обществе живодствующих. Более всего он действовал лично против Геннадия и уже три года слишком всюду по городам рассылал хульные грамоты, в которых поносил святителя как еретика. Беспорядки тем более росли, что по смерти Геронтия кафедр митрополита оставалась праздною в течение полутора лет - до сентября 1490 г. Хотя государь и знал о ереси своих любимцев, однако же продолжал к ним свое благоволение. Блаженного Геннадия не только не стали приглашать в Москву для соборных совещаний, несмотря на заявленные им желания и просьбы, но даже видимо высказывалось к нему пренебрежение. Так, когда дело шло о случившемся в 1489 г. оставлении Иоасафом Ростовским епископской кафедры, в Москве не считали нужным дать знать об этом Геннадию, хотя гонцы оттуда отправлялись в Новгород ежедневно. Затем, когда нужно было избирать нового митрополита и все владыки были приглашены на собор, к Геннадию посылается указ от великого государя, чтобы он оставался в Новгороде ради каких-то «великих царских дел», а на избрание митрополита прислал бы повольную грамоту. Мало этого, дело дошло до того, что новый митрополит Зосима, избранный из Симоновских архимандритов, как только вступил

на кафедру, немедленно потребовал от Геннадия нового исповедания веры, как бы от человека, заподозренного в не-православии. Блаженный Геннадий отвечал, что он уже дал свое исповедание перед митрополитом Геронтием и собором владык, когда был рукоположен в архиерея, что исповедание то хранится в Москве и что он доселе остается в нем тверд и непоколебим. Тогда же митрополит и великий князь предложили Геннадию, чтобы он прислал свое согласие или отпись на поставление нового епископа на Коломну, которого, однако ж, не называли. Блаженный Геннадий ответил, что не может дать такой отписи, не зная имени избранного кандидата, и при том опасается, чтобы выбор не пал случайно на какого-либо из архимандритов и вообще иноков, которые служили и приобщались с жидовствующими еретиками и которые, по правилам, подлежат за то разным епитимиям, отлучению и даже извержению.

Несмотря, однако ж, на такое явное пренебрежение, оно нимало не поколебало Геннадия в его решимости вести борьбу против ереси. Не подозревая, что Зосима сам был еретик, он в послании к нему в октябре 1490 г., кратко изложив весь ход дела о жидовствующих и на чем оно остановилось, умолял митрополита рассмотреть это дело на соборе и, между прочим, писал: «А стала, господине, та беда с тех пор, как Курицын приехал с Угорской земли, да отсюда сбежали в Москву еретики; а в подлиннике писано, что протопоп Алексей, да Истома, да Сверчек, да поп Денис приходили к Курицыну, да иные еретики; да он - у них начальник, а о государственной чести попечения не имеет». И далее: «Правда, ты сам то ведаешь, господин отец наш; но нам со своею братиею, архиепископами и епископами, пригоже тебе о том напоминать; постой о том накрепко, отец наш, а мы - дети твои - с Богом да с тобою: ибо и без того дело долго протянулось, прошло три года, наступает четвертый. Если же ты, господин наш, тех еретиков накрепко не обыщешь и не велишь их казнить и передать проклятию, то уж какие мы будем владыки и что будет наше пастырство. Да поговори, господине, сыну твоему великому князю накрепко, чтобы и мне велел

быть у себя да у тебя, отца нашего, благословиться; ибо какие ни есть здесь великие дела, а больше того дела нет. Да жалеюся тебе, своему отцу, на Захара чернеца стригольника: он лает на меня беспрестанно уже три года, настал четвертый, и рассылает на меня грамоты по моей архиепископии и по всем городам земли московской, бесчисленное множество, называя меня еретиком».

При таких обстоятельствах блаженному Геннадию ничего не оставалось, как обратиться за помощью к собору епископов. Не довольствуясь посланием к митрополиту, он написал послание к Тихону, архиепископу Ростовскому, и епископам: Нифонту Суздальскому, Вассиану Тверскому, Прохору Сарскому и Филофею Пермскому, которые еще оставались в Москве ввиду церковных затруднений. Он объяснял им, почему не согласился дать отпись на поставление Коломенского владыки, и им советовал не спешить поставлением его, пока не покончится дело о жидовствующих: «Писано ведь в правилах святых апостол, како владыку поставити, а ваши архимандриты и протопопы, и попы соборные с еретики служили; ино ведь иному отлучение, а иному отвержение писано». Подробно рассказывал о чернце Захаре, жаловался на него и просил себе обороны от него. Наконец, настоятельно требовал, чтобы составился собор на еретиков, чтобы их передать проклятию, казнить, жечь, вешать, так как они, давши в Новгороде покаяние и приняв епитимию, изменили клятве, бежали в Москву и снова сделались еретиками. «Да не плошите, - писал Геннадий, - станьте крепко, чтобы гнев на нас не пришел, да не како человекоугодницы обрящемся и со Иудею Христа продающе; они иконы щеплют, режут, Христу поругаются, а мы их учреждаем, да их воле сходим».

Епископы на этот раз не отказали блаженному Геннадию в содействии, и, благодаря их коллективному настоянию, собор на еретиков в 1490 г. 17 октября в конце концов состоялся. Но Геннадия и в этот раз не позвали в Москву. На соборе, кроме великого князя и святителей, присутствовали многие архимандриты, игумены, протоиереи, иереи, старцы и

между ними знаменитые Паисий Ярославов и Нил Сорский. Тут же находились и самые жидовствующие: чернец Захария, Гавриил - протопоп Новгородский, Дионисий - поп Архангельский (Алексей уже умер), Максим - поп Ивановский, Василий - поп Покровский, Макарий - дьякон Никольский, Гридя - дьячок Борисоглебский, Васюк - зять Дионисиев, Самуха - дьячок Никольский и другие их единомышленники. Еретиков обвиняли в том, что они старались развратить чистую и непорочную веру в Бога, в Троице славимого, и погубить православное христианство: отвергали божество Иисуса Христа, Его воплощение от Пресвятой Девы и Воскресение, ругались святым иконам, совершали литургию по принятии пищи и питья, считали тело и кровь Христовы в таинстве Евхаристии простым хлебом и вином, держались больше Ветхого Завета и праздновали Пасху по-иудейски, в среды и пятки ели мясо и молоко, и творили многие другие еретические дела, и многих простых людей прельстили своими ересями. Обвиняемые упорно запирались в своих ересьях и были как бы в исступлении ума. Но великий князь Иоанн Васильевич с собором святителей, обыскав по подлинникам архиепископа Геннадия и по московским свидетельствам ереси означенных еретиков, предали их проклятию, низвергли всех из сана и осудили на заточение, «а чистую и непорочную христианскую веру яснее утвердиша и прославиша Святую Троицу в едином Божестве, нераздельну и несозданну в трех составех, Отца славяще, и Сына воспевающе, и Духу Святому покланяющеся, Троицы в Единице и Единицы в Троице, сердцем и усты исповедающе во веки». Такое определение собора далеко не удовлетворило Геннадия, тем более что главные двигатели ереси остались в стороне, да и второстепенные еретики по наложению соборного проклятия были обречены только на заточение, и, главным образом, кажется, в Новгороде, куда были отправлены по приказанию великого князя. Не ожидая важных последствий от соборного наказания для искоренения ереси и раздраженный лично выходками против него чернеца Захара, Геннадий старался, сколько мог, усугубить от себя наложенную на

еретиков кару. Еще задолго (за сорок поприщ) до Новгорода он велел посадить еретиков на коней, лицом к хвосту, выворотить на них одежду, нарядить в остроконечные берестовые шлемы, в каких изображаются бесы, с мочальными кистями, с венцами, сделанными из сена и соломы и с надписью на шлемах: «Се есть сатанино воинство». В таком виде еретики следовали по городу из улицы в улицу, причем встречавшиеся должны были плевать им в глаза, говоря: «Се враги Божии, хулителю Христа». В заключение, чтобы предохранить православных и утешить еретиков, шлемы на их головах были сожжены. Впрочем, и суд Божий запечатлел этих людей печатью гнева. После соборного осуждения Дионисий впал в сумасшествие, кричал на разные голоса и умер скоропостижно, у дьяка Истома прогнило чрево, чернеца Захара постигла мучительная смерть.

Как святители ни ратовали против ереси и еретиков, но этого было недостаточно для успокоения православных, которые были взволнованы распространенным тогда повсюду мнением, что с окончанием седьмой тысячи лет от сотворения мира должен окончиться мир и явиться всемирный Судия. Конец седьмой тысячи падал на 1492 г. До этого же года доведена была и наша церковная пасхалия. Так, в одном сборнике XV века помещены пасхальные таблицы, доведенные до 7000 (1492) г. В конце этих таблиц сказано: «6999. Сеж есть последнее лето седмые тысящи. 7000. Конец седмые тысящи: доселе уставиша святии отцы наши держати пасхалию до лета седмотысящного. Неции же глаголют: тогда будет второе пришествие Господне. Плаголет же святой евангелист Марко: о дни том и о часе, никтоже весть, ни ангели небесныя, ни Сын, токмо Отец един». Роковой год настал, а кончины мира не последовало. Еретики глумились над православными и говорили: «Семь тысяч лет кончились, и ваша пасхалия прошла: отчего ж Христос не является, вопреки вашим ожиданиям? Значит, ложны писания и ваших апостолов, и ваших отцов, в особенности же Ефрема Сирина, будто бы возвещавших славное пришествие Христово по истечении семи тысяч лет». Итак, для полного успокоения

нужно было установить пасхалию на последующее время. По этому случаю, по сказанию летописи, «в лето 7000, сиречь начало осмая тысячи (1492), месяца сентября, повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси снисходя на собор...». В Москве все святители, в числе их был и Геннадий Новгородский, и всем священным собором определили «написати пасхалию на осмую тысящу лет... по преданию святых отец, иже в Никеи седмаго собора». Дело это собором, главным образом, поручено было архиепископу Новгородскому. Блаженный Геннадий чем бы ни занимался, занимался от всей полноты души. По письму его к архиепископу Иоасафу видно, что его занимала сильная забота об ослаблении ложных толков народа касательно ожидаемой кончин мира и о пресечении соблазнов, доставлявших пищу ереси. Он не довольствовался поверхностным взглядом на предмет, достойный внимания общего, а хотел рассмотреть его со всех сторон. Он писал к другу своему: «Мне думается по Еноху, что век работает человеку», - время для человека, а не человек для времени, «и 7000 лет положены для человеческого применения», измеряют только перемены, следовавшие с людьми. «По Богослову, мы каждый час должны ожидать кончины. Да и то мне мнится, - продолжает Геннадий, - не украли ли у нас еретики лет? Иначе до какой степени заслуживает веры еврейская хронология? Правда ли то, что по нашей пасхалии время делания не исполнилось? т. е. следует ли заменить греческий счет еврейским? Ты о том подробно поговори с Паисием (Ярославским) и с Нилом (Сорским) и напиши мне о том. Также уведошь меня, нельзя ли побывать у меня Паисию и Нилу. Хорошо бы поговорить с ними о тех ересьях».

В том же 1492 г. блаженный Геннадий составил определение пасхальных чисел на 70 лет осьмой тысячи и написал «коловратный ключ пасхальный на 532 года», при котором не только в целой осьмой тысячи лет, но и далее можно находить пасхальное число того и другого года. Пасхалию свою блаженный Геннадий разослал по своей епархии вместе с толкованием на нее, пастырскими наставлениями и окружною

грамотою, под названием «Начало пасхалии на осмую тысящу лет». Здесь он объясняет, что написал свою пасхалию по поручению митрополита и окончил 21-го декабря 7001 (т. е. 21 декабря 1492 г.), что согласна с митрополичьею, по свидетельству самого митрополита, только продолжена на 70 лет; что она не вновь составлена, а выведена из прежней пасхалии, что время второго пришествия Христова неизвестно и ложно думали некоторые, будто оно настанет с окончанием седьмой тысячи лет, ибо о дне и часе пришествия Христова не предоставлено знать людям, а потому преступно и толковать о том. Кроме того, в толковании блаженный Геннадий излагает самые начала пасхалии, дает понятие о великом миротворном круге или 532-х летнем периоде, по истечении которого числа Пасхи повторяются в том же точно порядке, в каком она следовали в предшествовавшем периоде, и объясняет, что при помощи этого миротворного круга, этой алфы (так называли греки миротворный круг, потому что *алфа*, если буквы ее принять в значении цифр и сложить, даст ровно 532) можно выводить и продолжать пасхалию на сколько угодно лет, без конца. Далее говорит, что именно при помощи миротворного круга и сам он вывел свою пасхалию на 70 лет из прежней, которую нашел «во владычне Василиеве книге» (т. е. Новгородского владыки Василия - Калеки) и которая доведена там до 7000 года. Наконец, дает наставление, каким образом, когда истечет эта семидесятилетняя пасхалия, продолжать ее и далее на столько лет, на сколько угодно будет Богу продлить бытие мира.

Несмотря на всю энергию, с какою велась борьба с еретиками, ход дела наглядно показал блаженному Геннадию, что борьба с еретиками далеко не окончена и что слишком еще далеко торжество православия над жидовствующими, во главе которых стоял сам митрополит Зосима. Являясь, по видимому (по виду – *Сост.*), поборником православия на соборах против жидовствующих и по делу составления пасхалии и прикрываясь подобными действиями перед православными, Зосима не считал нужным скрываться в кругу своих единомышленников и в частных беседах. Людей простейших,

по словам Иосифа Волоколамского, напоял ядом жидовским, проводил жизнь самую невоздержную и нечестивую, изрыгал дерзкие хулы на самого Христа, Богоматерь, издевался над святыми иконами и крестами, не признавал ни евангельских, ни апостольских писаний, даже отвергал самое бессмертие души, воскресение тел и будущую жизнь. «А что то, - говорил он, - царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых? Ничего того несть; умер кто ин, то умер, по та места и был». И когда некоторые из православных стали обличать его в отступничестве и содомских делах, то одних из обличителей он отлучал от Божественного причащения, других - священников и диаконов - лишал священства, а на иных жаловался государю и клеветал на них. И по воле государя невинные осуждались на заточение, заключаемы были в оковы и темницы, лишались своих имений.

С другой стороны, поддержанию и распространению зла отчасти содействовала снисходительность к еретикам и самого Геннадия. «Еретики, убоясь казни, - писал Иосиф, - начали каяться с клятвами. Архиепископ Геннадий, поверив покаянию их, дал им свободу, а они, как только получили ее, все бросились бежать и разошлись по многим городам и селам и рассеяли свое нечестивое учение». Не прошло и трех лет после строгого наказания, какому подверглись уличенные в ереси, как избегшие суда еретики с бесстыдною наглостью стали вновь повсюду по селам и обителям проповедовать свое нечестие. В то же время сильный дьяк Курицын и брат его Волк упросили великого князя послать в Новгородский Юрьев монастырь архимандритом какого-то Кассиана, которого сами же научили держать жидовство и отречься от Христа. Кассиан, надеясь на Курицына и не боясь Геннадия, начал смело собирать в своем монастыре всех еретиков, дотоле или скрывавшихся в Новгороде, или рассеявшихся по другим городам и селам. Прибодренные еретики позволили себе тогда совершать в Новгороде такие «сквернения и поругания на божественные церкви, и на вся священные вещи, и на все православное христианство», которые невозможно и передать словом.

До сего времени блаженный Геннадий противодействовал еретикам путем внешнего преследования, но теперь он ясно увидел тщету этой деятельности и первый пришел к тому убеждению, что для успешной борьбы с ересью, кроме внешнего преследования еретиков, необходимо еще действовать тем духовным оружием, каким действовали они. Как человек, исключительно призванный к административной деятельности, Геннадий сам мог прибегать к этому оружию только косвенно, доставляя духовенству и пастве средства самим противостоять ереси. Столкновение с еретиками ясно выставило всю важность для православных иметь в своем распоряжении все книги священного писания. Жидовствующие для распространения своего лжеучения между народом пользовались преимущественно священными книгами Ветхого Завета. Между тем как у православных, даже у самого владыки Новгородского, не оказалось этих книг... И вот блаженный Геннадий сосредоточил теперь все свои старания на их приобретении. Еще в феврале 1489 г., между прочим, писал к Ростовскому архиепископу Иоасафу: «Да есть ли у вас в Кирилове, или Фарафонтове, или на Каменном книги: Селивестр, Пана Римский, да Афанасий Александрийский, да слово Козмы презвитера на новоявляющуюся ересь на богумилы, да послания Фотeya Патриарха к князю Борису болгарскому, да пророчество, да Бытѣя, да Царство, да Притчи, да менаандр, да Иисус Сирахов, да Логика, да Дионисий ареопагит? За неже те книги у еретиков есть. Ино нынешние жидове еретическое предание держат, псалмы Давидовы или пророчества испревращали потому, как все еретицы предали Аквила и Саммах и Феодоцион по Христове пришествии и по пленении, а не якож нам предали святые апостолы истинно тех 70 мудрых, еже перевели жидовский закон на еллинский, за 300 лет прежде Христова пришествия».

Из этих слов понятно, что книги Ветхого Завета, какие имели у себя жидовствующие, были, подобно всем исчисленным, в славянском или русском переводе, хотя книги эти, как замечает Геннадий в том же послании к Иоасафу, были извращены по переводам древних иудействовавших еретиков:

Аквилы, Симмаха и Феодотии. Неизвестно, отыскились ли для Геннадия в монастырях Ростовской епархии те книги, о которых он спрашивал, но несомненно известно то, что он остался непоколебимым в своем намерении и хлопоты его не пропали даром, а привели около 1496 г. к собранию в один, доселе не существовавший, состав всех книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов в славянском переводе. Событие величайшей важности, составляющее эпоху в истории нашей Церкви, особенно духовной литературы. Ибо только теперь та и другая, благодаря неутомимой ревности архиепископа Геннадия, обогатилась полным списком Божественной Книги, т. е. Библии. Такой подвиг, как подвиг собрания священных книг в один общий состав, был одной из самых важных услуг Геннадия для своего и последующих времен. Это, с одной стороны, оградило простодушных от обманов, в какие вовлекали их еретики, выдавая сочинения подложные и даже баснословные за книги священные. С другой - доставило друзьям православия ту книгу, которая во всякое время была необходима для них, так как распространение Священного Писания во всех христианских землях не оставалось без сильного влияния на общее течение умственной жизни. Хотя, вследствие бедности умственных сил, характеризующей эпоху, труд собрания совершен был далеко не удовлетворительно и собранные воедино книги были не одинакового переводного достоинства, тем не менее труд блаженного архипастыря высоко ценили в святой церкви. Из известных ныне списков Библии Геннадиевской один принадлежал митрополиту Варлааму, который отдал его в Сергиеву Лавру как дорогой вклад на поминовение по душе своей; другой принадлежал царю Иоанну Грозному, который послал его князю Острожскому в руководство при издании Библии; третьим владел Рязанский епископ. Блаженный Геннадий, при ревности к православию, был столько рассудителен, что, чувствуя нужду в полном собрании книг Священного Писания, но не имея возможности отыскать их всех в древнем переводе с греческого, поручил перевести некоторые из них с иеронимова латинского перевода,

и перевод был совершен славянским иеромонахом Вениамином. Первые 9 глав книги Есфирь переведены прямо с еврейского, вероятно, тем новокрещенным евреем Даниилом, который прибыл из Киева, о чем упоминал он сам в послании к митрополиту.

Мужественный борец против ереси жидовствующих и неутомимый поборник православия, блаженный Геннадий не остановился и на этом. Для того чтобы Библия не оставалась в руках православных мертвым капиталом, а являлась бы действительным щитом против ереси, необходимо было еще, чтобы служители церкви были подготовлены к ее восприятию. А этого о тогдашнем новгородском духовенстве сказать было нельзя. Ранее было замечено, что Геннадий обратил все свое внимание на поднятие нравственного уровня духовенства. Для этого он настоятельно требовал, чтобы лица, желающие вступить в клир, а тем более ищущие священства, были люди, хорошо подготовленные к этому — «гораздые в грамоте»; малограмотных же ставленников отдавал в научение. Как ни печальны были неудачи по этому делу, они, несомненно, имели ту хорошую сторону, что привели Геннадия к сознанию необходимости общих мер для поднятия нравственности духовенства, и именно к сознанию необходимости основать для него училища. В этом смысле и было сделано Геннадием заявление митрополиту Симону, и это заявление должно считать также важнейшим подвигом Новгородского владыки в его деятельной жизни. На училища Геннадий возлагал большие упования, и не напрасно, так как он знал, что во времена святого Владимира и Ярослава Мудрого при ставлении в клир на первом плане стояло книжное учение или грамотность, и для этого заведены были училища. Но административная деятельность на пользу поднятия нравственного уровня духовенства могла оказать свое влияние только в продолжительный период времени впоследствии, а искоренение ереси теперь же требовало вмешательства наличных нравственных сил. Блаженный Геннадий хорошо видел, что у него самого таких сил не было, и потому он решился обратиться за содействием к Иосифу, уже

известному в то время игумену Волоколамского монастыря. Новгородский святитель весьма любил и уважал Иосифа, часто сносился с ним, сделал его наместником над церквами Волоколамской области, поручил ему церковный суд в ней и сбор церковных доходов, уделяя ежегодно часть их Иосифовой обители. Выбор сделан был как нельзя лучше и делал великую честь прозорливому уму Геннадия.

В ряду христианских подвижников, которые своею нравственною силою служили щитом против нравственной порчи, Иосиф был одним из самых неутомимых борцов. Преподобный Иосиф был правнуком Александра, или Саня, который вышел из Литвы при Дмитрие Донском и получил от него в отчину село Язвище в 18 верстах от Волоколамска. В этом-то селе 12 ноября 1440 г. и родился Иосиф и назван был Иоанном. В научение грамоте он был отдан на 8-м году в Волоколамский Крестовоздвиженский женский монастырь и весьма скоро обучился грамоте и письму. Принял иночество в Боровске 13 февраля 1460 г. от прозорливого старца Пафнутия. От юности исполненный ревности к иноческому житию, он не успокоился до тех пор, пока не осуществил на деле свой собственный идеал. Вся цель его иноческих стремлений была - ввести в монастырский быт строгие общежительные начала. Достигнуть этого было не легко, но Иосиф боролся против трудностей убеждением, а еще более - собственным примером. До какой степени он считал нужным быть строгим к самому себе, всего лучше можно видеть из того, что он, в продолжение пятнадцати лет неуспынно ухаживавший за своим престарелым отцом, отказал единственно из видов поддержания монастырского устава в свидании матери, которая после многолетней разлуки хотела перед смертью с ним проститься. Но, стремясь к водворению в монастырях общежития, Иосиф полагал цель его не в одном созерцательном иноческом житии, но и в служении обществу. Монастырская община, прежде всего, должна была служить примером нравственной жизни для мирян и даже поддержкой тех из последних, которых положение беспомощно. Кроме нравственного примера, монастырь,

по воззрению Иосифа, должен был подавать пример и умственной жизни, быть умственным светочем, служить рассадником, из которого выходили бы в жизнь честные пастыри, вооруженные всякими знаниями, митрополиты, архиепископы, епископы и другие власти. Сам же Иосиф служил высоким примером жизни для братии. Одежду носил такую убогую, что его не отличали от других иноков; пищу вкушал, большею частью, только через день, а ночи проводил в молитве. Первым являлся в церковь, где часто читал и пел на клиросе, и говорил поучения; первым выходил и на общие работы и участвовал в них наравне с другими. Невоспальнно следил за поведением иноком днем и ночью и обращал особенное внимание на их душевное состояние; врачумлял, утешал и подкреплял словом совета и силою своей молитвы. Но не для одной только обители, а и для всей страны преподобный Иосиф был светилом, по выражению его древнего жития. Он действовал и силою своего необыкновенного благочестия, и вместе своим разумом, и книжною мудростью, своим редким даром слова, и увлекательными беседами. Воины и воеводы, бояре и вельможи, сановники и князья - все искали возможности видеть его, послушать его сладкой речи, воспользоваться его наставлениями и советами, а многие избирали его себе в духовника. И слово святого старца приносило чудные плоды: грешники обращались к покаянию и оставляли свои злые обычаи; люди гордые и свирепые делались смиренными и кроткими, и «вся тогда Волоцкая страна к доброй жизни прилагашеся».

С крепким природным умом он соединял в себе обширную эрудицию в Священном Писании и отцах церкви. Знание им Священного Писания было на самом деле изумительно. Он знал наизусть целые чтения из Библии, Евангелия, апостольских и отеческих писаний. Благодаря этому обстоятельству, преподобный Иосиф мало нуждался в книге, когда говорил от Писания; «он держал Священное Писание, - по выражению его жизнеописателя, Досифея Топоркова, - памятью на край языка». Участь бедных поселян и слуг составляла предмет особенной его заботливости. Он убеждал

господ, иногда писал им, чтобы они не отягощали и не обижали своих слуг и крестьян, обходились с ними по-человечески, согласно с внушениями нашей святой веры. И многие господа слушались его уроков, а слуги благословляли его имя. Всего лучше характеризует совершенства преподобного Иосифа жизнеописание его в следующих немногих словах: «Не точию в добродетельном сочетании и терпении с незлобием сердца, но и в телесных и естественных изящен бе зело, якоже ин никтоже сущих в обители; ума свободное в крепости смысла стяжа, с течением языка и доброгласие; еже в церковном песнословии и чтении толик бе, якоже ластовица и славий доброгласный, привлекаше и услаждаше слухи слушающих, акоже ин никтоже нигдеже. Бе у Иосифа в языке чистота, и в очех быстрость, и в гласе сладость, и в чтении умиление, достойно удивлению великому: никто бо в те времена нигде таков явися». Такого-то дивного мужа блаженный Геннадий призвал к себе на помощь в борьбе с ересью.

Строгая подвижническая жизнь и обширная начитанность в церковной литературе, соединенная с крепким природным умом, давали преподобному Иосифу все средства к успешной борьбе с ересью. А эта борьба, в свою очередь, доставила ему в обществе такое значение, что он стал почти безапелляционным решителем всех вопросов, какие возникали в Русской Церкви в конце XV и начале XVI столетия. Одушевленный ревностию по вере, готовый за нее на страдания и смерть, преподобный Иосиф смело выступил против еретиков (октябрь 1493) и написал против них знаменитое свое творение, под именем «Просветитель». Не щадя отступников от христианства, он в особенности громил митрополита Зосиму, называя его Иудой предателем, предтечею антихриста, первенцем сатаны, злодеем, какого не бывало даже между вероотступниками. В то же время он писал послания к святителям, и в особенности к Суздальскому епископу Нифонгу, на которого все православные смотрели тогда как на свою главу в борьбе с жидовствующими. Иосиф убеждал Нифонта крепко постоять против осквернившего святительский престол митрополита. Наконец их

дружные решительные усилия увенчались успехом: 17 мая 1494 г. Зосима сведен был с первопрестольной кафедры, по сказанию одних летописей, за то, что «непомерно держался питья и не радел о церкви», а по замечанию других – «за некое преткновение». Бывшие в Москве святители известили об этом событии и блаженного Геннадия следующими словами: «Отец Зосима митрополит, своея ради немощи, оставил стол русской митрополии и, пришедши в святую великую соборную церковь, перед всеми положил омофор свой на престол и призывал Господа Бога в свидетели на то, что ему невозможно более действовать святительски и называться митрополитом, и отошел в монастырь на смиренно-иноческое жительство». На место низведенного Зосимы был избран Симон, игумен Троицко-Сергиева монастыря, 6 сентября 1495 г., а 20 сентября был поставлен в митрополита находившимися в Москве святителями. На поставлении его блаженный Геннадий не был, а прислал только свою повольную, или единосветную, грамоту.

Впрочем, такой успех не удовлетворил преподобного Иосифа. Его религиозная ревность клонилась не просто к нравственному торжеству над ересью, а к совершенному истреблению еретиков, которым, по-прежнему, покровительствовал сильный дьяк Курицын. В беседах с великим князем преподобный пытался склонить его к принятию решительных мер против еретиков. Иоанн III извинялся, просил прощение за покровительство еретикам, обещал сейчас же принять меры, но на деле не давал никакого хода своему обещанию. Тогда преподобный Иосиф обратился к содействию княжеского духовника архимандрита Митрофана, давая ему понять, что направить великого князя против еретиков составляет прямую его обязанность и что без его участия дело не кончится добром. «Я много раз, - писал он Митрофану, - бил челом государю, чтобы он послал по городам обыскивать еретиков. Великий князь отвечал: «Пошлю, сейчас пошлю и обыщу». Но вот уже от Велика Дня наступил другой год, и он все не посылает. Между тем еретики умножаются по всем городам, и христианство гибнет от их учения.

И, однако же, дело само по себе не представляет никакой трудности, стоит только схватить двух-трех еретиков, а те уже откроют и всех остальных».

Дружные усилия Иосифа и Митрофана сломили наконец нерешительность Иоанна III, и он, после некоторого колебания, приказал сделать розыск над еретиками и созвать на них в декабре 1504 г. собор. Этот собор, сравнительно с прежними, отнесся к еретикам с гораздо большею строгостью. Еретиков не только подвергли проклятию, которое в XVII столетии повторялось в Неделю Православия, но и различным физическим наказаниям. «Новии еретицы..., похулившие вся семь Вселенских Соборов святых отец, Юрьева монастыря архимандрит Кассиан, Ивашко Максимов, Некрась Рукавов, Волк Курицын, Митя Коноплев и вся их поборники и единоплеменники... анафема». Для вящего устрашения собор признал необходимым подвергнуть жиждовствующих сожжению в обоих главных пунктах ереси, как в Москве, так и в Великом Новгороде. «Великий князь, - рассказывает летописец, - со всем собором обыскаша еретиков и повелеша лихих смертною казнью казнити и сожгоша в клетке дияка Волка Курицына, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова, декабря 27, а Некрасу Рукавову повелеша языка урезати и в Новгороде Великом сожгоша его. Тоеже зимы архимандрита Кассиана Юрьевского сожгоша и его брата, и иных многих еретиков сожгоша, а иных в заточение заслаша, а иных по монастырям». Казни эти, хотя еще и не успокоили брожения в обществе, но нанесли ереси решительный удар.

Доблестному воителю Христовой истины, блаженному Геннадию, хотя и не пришлось участвовать в деяниях Собора 1504 г., окончательно низложившего ересь и ее защитников; но он имел утешение видеть и слышать, что подвиги его для святой веры благословлены церковью и ея Господом. Еще в 1503 г., за год до окончательной расправы с еретиками, был созван в Москве собор, который, главным образом, должен был принять меры против разных недостатков церковной жизни; так как замеченные недостатки и церковное нестроение были весьма важною причиною религиозного

движения, вызвавшего потом такие печальные явления, и, следовательно, естественно должны были обратить на себя внимание церковного и гражданского правительства. Еретики, отвергая божество Иисуса Христа, божественное происхождение Его учения и Церкви и все догматы христианские, в то же время не могли не отвергать христианской иерархии и христианского монашества, на которое действительно и нападали. Не напрасно блаженный Геннадий, жалуясь митрополиту и другим епископам на одного из первых вождей ереси жидовствующих, чернеца Захара, называл его прямо стригольником. А известно, в чем состояло лжеучение стригольников: они отвергали всю церковную иерархию, прежде всего, за поставление церковных лиц по мзде, потом за их нетрезвую и зазорную жизнь и, наконец, за то, что они принимали приношения от христиан, делали поборы, собирали себе большие имения. Нет сомнения, что такие же точно укоризны против нашего духовенства повторяли и жидовствующие вслед за чернецом Захаром. «Захар это прямо в глаза говорил Геннадию, что попы ставятся по мзде, и митрополит ставит владык по мзде. А когда Геннадий заметил, что самого митрополита ставят не по мзде, то Захар отвечал: «Коли деи в Царьград ходил митрополит ставится, а он деи Патриарху дань давал, а ныне, деи он боярам посулы дает тайно, а владыки деи митрополиту дают деньги: ино деи у кого причащаются». Как бы то ни было, лучшие люди того времени не только не могли не признать справедливости некоторых упреков еретиков, но и сами замечали слабые стороны церковного порядка, что и вызвало созвание собора в 1503 г. Первые вопросы на соборе касались того, следует ли брать какие-либо пошлины за поставление и каких лет должны быть поставляемые. Известно, что как в Греции, так и в России строго преследовалась всякая мзда за поставление, как симония, запрещенная апостольскими и соборными правилами. Но у нас в России был обычай делать некоторые сборы с поставляемых на церковные должности не в виде мзды за поставление, а в виде уплаты «за протори» при поставлении. Владимирский собор

в 1274 г. не отменил совершенно этих сборов, а только определил их меру и очень небольшую. Настоящий же собор поступил иначе: присутствовавшие на соборе, на основании 29 правила святых апостол, 2 прав. IV и 22 прав. VI Вселенских Соборов, уложили: «от сего времени вперед... от поставления святителем... от всего священнического чину не имати ничего никому, ни поминков нам не имати от ставления никому ничего; також и от ставленных грамот, печатнику от печати и дияконам от подписи, не имати ничего... Також святителем... от священных мест и от церквей не имати ничего, но коегождо... без мзды и без всякого дара поставляти и на его место отпускаи». Затем, возобновив определение Владимирского собора касательно возраста лиц, поставляемых на церковные степени, отцы Московского Собора прибавили в заключение: «Если же кто из нас и после нас, митрополит ли, архиепископ или епископ, от сего дня вперед, некоторым нерадением дерзнет преступить настоящее уложение: то да лишен будет своего сана и да извержется сам и поставленный от него без всякого ответа».

На этом соборе присутствовал и блаженный Геннадий и своею подписью и печатью вместе с прочими святителями утвердил сие постановление. Но, возвратившись с собора в свою епархию, он первый тотчас же был обвинен в мздоимстве и в нарушении соборного уложения, т. е. будто бы он многих священников без всякой вины лишал священства, а других поставлял за мзду. Летописец говорит, что «Геннадий начал брать мзду со священников за поставление еще больше прежнего, вопреки своему обещанию, по совету своего единомысленного любимца, дьяка Михаила Алексеева. И обыскав то, великий князь и митрополит свели Геннадия с кафедры в Москву». В июне 1504 г. он подал митрополиту грамоту, которою отрекся от управления епархией «своей ради немощи» и решил жить иночески в покорении и послушании.

Предлагаем здесь и подлинный текст отреченной грамоты архиепископа Геннадия. Она умилительна и выражает все смирение его духа.

«Господину преосвященному Симону, митрополиту всея России, нищий богомолец ваш Геннадий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова, челом бью. Ради своей немощи, Владыко, оставил я свою архиепископию и степень своего святительства в Великом Новгороде и Пскове, и если после сего Бог повелит мне живу быть, я обещаюсь более ничего святительского не действовать и не вступаться ни в какие дела, ни называться архиепископом, ни учить, но быть учиму, так как я уже не архиепископ, ибо все дела святительские оставил, и сим моим писанием отрекся от всего; определил же себе жить в монастыре, в иноческом житии, пребывая в покорении и в совершенном повиновении даже до последнего издыхания, сохраняя свою душу от сетей неприянных и духов лукавствия, по реченному Господом нашим Иисусом Христом слову: *никтоже во, рече, возложь рѹкѹ на рѹло и зря вспѣть управленъ естъ в Цѣркви Невѣснем* (Лук. 9. 62); яко того есть слава и держава во веки веков аминь».

Всего вероятнее, в низложении блаженного Геннадия играли главную роль озлобление и тайные козни врагов. Много было недовольных в Великом Новгороде против знаменитого мужа церкви; потому что Новгород все еще не забыл древнего права своего - выбирать святителей и неохотно принимал тех, которые присылались из Москвы. Да и еретики, и невежи попы с их покровителями, наконец, и свои вольные псковичи тоже не могли простить ему. Первые - за свое поражение, вторые - за строгость, и последние - за строгие вразумления повиноваться царской власти. Такой настоятельный пастырь, понятно, не мог нравиться вольнице, хотя не только в делах духовных, но и в гражданских он был истинным благодетелем Новгорода, ибо все его почти 20-ти летнее святительство протекло в борьбе за православие, о чем свидетельствуют многочисленные его грамоты и послания. Наше мнение находит подтверждение и в светской литературе. Автор статьи о Геннадии, помещенной в Энциклопедическом лексиконе, говорит следующее: «Прибыв в Новгород в 1485 г., Геннадий скоро явился неустрашимым

поборником православия против распространившейся в Новгороде секты жидовствующих. Он писал о ней извещательные грамоты к великому князю Иоанну Васильевичу, к московскому митрополиту Зосиме и ко всем епископам. По этому случаю созван был в 1491 г. в Москве собор, на котором ересь была осуждена. Из виновных одни были казнены, другие, по наказании, посланы по городам в заточение. В опровержение мнения еретиков о кончине мира, он написал окружную грамоту (1492 г.) и сочинил (1493 г.) пасхалию. Несмотря однако ж на ревность Геннадия к защите православной церкви, он был оклеветан перед великим князем Васильем Иоанновичем: скрытные последователи жидовской секты имели при великокняжеском дворе своих единомышленников в числе самих бояр, которые, как пишет монах Зиновий, «страха ради казней, отвергшиеся нечестия, приложися к благочестию лицом, а не сердцем». Геннадия обвиняли, что он многих священников без причины лишал чинов, а других за мзду посвящал. Он был вытребован в 1505 г. в Москву, лишен епархии, а по другим известиям - и архиерейства и заключен в Чудов монастырь». Подобное же мнение относительно напрасного оклеветания блаженного Геннадия за строгое обличение им ереси высказано и в Энциклопедическом словаре Старчевского, и в словаре святых Русской Церкви.

После оставления святительской кафедры блаженный Геннадий, утомленный борьбою с еретиками и заботами правительственными, избрал для себя местом уединения и покоя Чудов монастырь, где ранее много потрудился для святителя Алексия и где он пробыл, по одним сказаниям, полтретья году, а по другим - «два года не полны». Здесь он преставился к Богу 4 декабря 1506 г. Честное тело его положено было в Михайловском храме, на том самом месте, где лежало нетленное тело святителя Алексия, до перенесения в новый храм, в честь его устроенный.

Святитель Геннадий причтен к лику святых (по рукописным святцам б. общ. истор. № 231 и отенским 1718 г.) и, таким образом, к славе ревнителя православия и просвещеннейшего пастыря присоединил еще и венец исповедника Христова за слово истины.

Писания блаженного Геннадия назидательны и для времен последующих. Он не поборал в современниках страсти к обрядной набожности и осуждал пользовавшихся этою страстью для личных выгод. Не обратят ли этого в наставление себе промышляющие наружною цивилизациею? В прибавлении к пасхалии его написано: «Обоя одинако судити. Занеже трегубое аллилуиа, а в четвертое - слава Тебе, Боже, являет Триипостасного Божества и Нераздельного. А сугубое аллилуиа являет в двух естествах едино Божество. Ино как молвит человек мыслию, тако и добро». Кроме пасхалии осталось после блаженного Геннадия несколько умильных молитв и сокращение церковного устава, под названием «Око церковное».

В «Православном Собеседнике» за месяц апрель 1863 г. издано послание (по сборнику Соловец. библиот. конца XVI стол. № 852 л. 341 и 342) блаженного Геннадия к московскому собору 1490 г., которое дотоле известно было только в рукописях.

Послание блаженного Геннадия, - говорит автор статьи, - составляет драгоценный памятник для истории того великого брожения умов на Руси, которое началось в конце XV века ересью жидовствующих и в различных видоизменениях продолжалось до половины следующего столетия. Это послание писано одновременно с известным посланием того же святителя к митрополиту Зосиме и содержит те же самые жалобы на явное невнимание Московского церковного правительства к правам и представлениям Геннадия, невнимание, подавшее еретикам повод открыто «лаяться» на своего главного обличителя. В этом «лаянии» особенно дерзок был чернец Захария, рассылавший по всем городам свои ругательные грамоты на Геннадия. В летописных сказаниях о Соборе 1490 г. чернец Захария представляется главою жидовствующих, так что первоначальные вожди еретиков (Новгородские протопопы и попы) называются только его товарищами. Ввиду этого обстоятельства, подробное донесение Геннадия о Захарии, находящееся в послании, получает особую историческую важность. Оно открывает практические жизненные начала о новоявившейся Новгородской ереси,

по которым она была тождественна с ересью псковских стригольников. Геннадий прямо называет Захарию стригольником. И действительно, подобно стригольникам, этот глава жидовствующих отвергает ради поставления духовенства «на мзде» святость церковной иерархии и таинств. В этих антихристианских стремлениях заключалась вся сила новгородской ереси. Еретики указывали на такие стороны в современных церковных правительственных порядках, которые действительно могли сделаться предметом вольнодумной критики и против которых восставали и такие верные сыны и пламенные ревнители блага церкви, как, например, Нил Сорский и Максим Грек. Без сомнения, в силу этого двойного протеста в 1503 г. (за несколько месяцев до окончательного суда над еретиками) изданы были следующие церковно-законодательные меры: о непоставлении священнослужителей на мзде, о вдовых попах и дьяконах, которые еще до времени стригольников своею жизнью подавали повод к соблазнительным толкам, о духовенстве, о запрещении монахам и монахиням жить в одном монастыре.

Тогда же был поднят вопрос о монастырских вотчинах и по поводу казней, каким подвергались еретики после осуждения их на соборе 1504 г., вопрос о религиозной терпимости.

Находим весьма уместным сказать здесь несколько слов и о сочинениях сподвижника святителя Геннадия против жидовствующих, преподобного Иосифа Волоколамского, которые были написаны им в защиту православия и в опровержение ереси жидовствующих.

Так как еретики для распространения своего лжеучения и подорвания авторитета противников всюду рассылали свои грамоты, то и Иосиф, в свою очередь, решился прибегнуть к тому же средству – стал писать послания и обличительные слова. Послания имели своею главною целью вызвать ревностное противодействие ереси со стороны влиятельных лиц, в особенности из среды духовенства, и даже приготовить их на подвиг мученичества. Что же касается до обличительных слов, то они должны были дать оружие против ереси в руки массе христиан, не имевших в своем

распоряжении достаточного запаса книг или просто не сведущих в Священном Писании. «Собрах воедино, - говорит сам преподобный Иосиф об этом сочинении, - от различных Писаний Божественных, яко да ведящей Божественная Писания, прочетше, да воспомянут себе, неведующей же прочетше да разумеют; и аще кому что потребно будет противу еретическим речем, и благодатию Божиею обрящет готово, без труда, в коемждо слове».

Собрание слов преподобного Иосифа в обличение ереси жидовствующих известно под именем «Просветителя». «Просветитель» состоит из краткого «Сказания о появившейся ереси новгородских еретиков» и из шестнадцати «Слов на ересь новгородских еретиков». В сказании преподобный предварительно знакомит читателей с происхождением ереси жидовствующих, с ее учением, распространением и характером. А затем по порядку излагает краткое содержание самых слов. 1) В первом он доказывает, что в Боге, едином по существу, три Лица: Отец, Сын и Святой Дух; 2) во втором, что Иисус Христос есть истинный Мессия и Бог, что на Нем исполнились все ветхозаветные пророчества о Мессии; 3) в третьем, что закон Моисеев дан был только на время, до пришествия истинного Мессии - Христа, а по пришествии Его престал, и жертвы и обрезание упразднены; 4) в четвертом объясняет, что воплощение Бога для спасения человека совершенно сообразно с Божиею премудростью и благостию, хотя Бог мог спасти нас и иначе; 5) три слова - пятое, шестое и седьмое - написаны в защиту святых икон; 6) три слова - восьмое, девятое и десятое - в защиту писаний святых апостолов и святых отцев; 7) одиннадцатое, весьма обширное, слово - в защиту монашества.

В этих 11 словах своего «Просветителя» преподобный Иосиф опровергает все лжеучение жидовствующих, или все те части этого лжеучения, какие признал необходимым опровергнуть. Оставалось определить, как смотреть православным на новых еретиков и как относиться к ним. А для этого он в 12 слове доказывает, что проклятие от святителя-еретика не имеет никакой силы, что оно не сопутствуется судом

Божиим и что православным такого проклятия не следует бояться. Это слово преподобный написал по поводу слов митрополита Зосимы, смущавших православных, что «если даже еретиком будет святитель и не благословит или проклянет кого-либо из православных, то суду его последует суд Божий».

Наконец, последние четыре слова посвящены преподобным Иосифом раскрытию мыслей, как поступать с еретиками. Например, в 13-м слове Иосиф говорит, что и святителям, и священникам, и инокам, и простым людям, и всем, по-христиански мудрствующим, подобает осуждать и проклинать еретиков и отступников. А царям и князьям, и судиям земским подобает посылать их в заточение и передавать лютым казням. В 14-м слове преподобный утверждает, что всякий православный должен всячески, с ревностью, разублаивать, искать, истязать о еретиках и отступниках и, узнавши истинно, должен свидетельствовать на них, а не скрывать. Если же кто покрывает, то вместе с ними передан будет огню вечному.

В 15 и 16 слове преподобный говорит, как принимать еретиков и отступников, добровольно кающихся, и как поступать с еретиками и отступниками, которые приносят раскаяние после обличения и из страха казни. Таковых, по мнению Иосифа, без ослабы следует отсылать в заточение и держать в темницах до самой их смерти, чтобы ересь прекратилась и искоренилась; при ослабе же, где таковая давалась вероотступникам, они погубили не только села и грады, но и целые страны и царства. Этим и закончил преподобный свое знаменитое творение «Просветителя», в котором он приводит бесчисленное множество текстов преимущественно из книг ветхозаветных и бесчисленное множество свидетельств святых отцов, учителей церкви и других писателей, равно из житий святых, патериков и подобных книг. В «Просветителе» преподобный Иосиф, по мнению преосвященного митрополита Макария, является перед нами богословом с обширными познаниями в Священном Писании и в писаниях святых отцов и учителей церкви, с такими

познаниями, каких доселе мы не встречаем у себя ни в ком. По отзыву Никитского, «Слова» преподобного не могли не произвести сильного впечатления на тогдашнее общество. Впечатление было тем решительнее, что исходя от полноты горячего убеждения, «Слова» Иосифа поражали остроумными доводами из Священного Писания и изобиловали фигуральными оборотами и сравнениями. Главное же, что в особенности содействовало усилению влияния литературной деятельности Иосифа, состояло в том, что «Слова» его представляли большой запас примеров, заимствованных из Священного Писания и житий святых. Передавая отвлеченные мысли в наглядных образах, подобные примеры были гораздо доступнее для понимания массы верующих и потому гораздо глубже западали в их души, чем простые логические выводы. А преосвященный архиепископ Черниговский пишет в своей истории, что без душевной радости нельзя читать умного, основательного, по местам глубокомысленного, всегда дышащего живым благочестием «Просветителя» Иосифа. Это сочинение – краса Русской Церкви, особенно когда вспомнишь, что оно принадлежит XV веку. Теперь понятно, почему такой громадный успех имел преподобный Иосиф в борьбе с жидовствующими, несмотря на все препятствия этому святому делу. Повторяем, выбор святителем Геннадием такого себе сотрудника приносит великую честь его проницательному уму и делает память его бессмертной.

Из современных блаженному Геннадию происшествий в Новгороде замечательны следующие. «Зимою в 6997 (1489 г.), - сказано в летописи, - князь великий Иван Васильевич переведе из Новгорода из Великого многих бояр и житых людей, гостей, всех голов, болши тысячи и жаловал их на Москве, давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, и в Новгороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом: а в Новгород в Великий на их поместья послал Московских многих лутших гостей и детей боярских и из иных городов из Московския вотчины многих детей боярских и гостей, и жаловал их в Новгороде в Великом».

«В лето 6998 (1490 г.) поставлен бысть град каменной в Великом Новеграде, повелением великого князя Иоанна Васильевича всея России, при архиепископе Геннадии: на две части великого князя денги, а треть владыка своими деньгами».

А в 1499 г. в мае князь великий «велел заложити двор свой, полаты каменные и кирпичные, а под ними погребы и ледники, на старом дворе у Благовещенья, да и стену каменную от двора своего до Боровицкие стрельницы; а мастер Алевиз Фрязин от града Медиолапа». В этом же году великий князь Иван Васильевич «нарекл сына своего Василия государем великим князем и дал ему Великий Новгород и Псков великое княжение».

В 1495 г. прекратилась в Новгороде Ганзейская торговля, существовавшая не одно столетие и служившая источником богатства и просвещения страны через сношения с иностранцами. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство: ревельцы, как пишет летописец, обижали купцов Новгородских, грабили их на море, без обсылки с Иоанном, делая несносные грубости послам московским, которые ездили и Италию, и в Немецкую землю. Раздраженный государь требовал, чтобы Ливонское правительство выдало ему Магистрат Ревельский, и, получив отказ, велел схватить ганзейских купцов в Новгороде: их было там 49 человек из разных городов. Запечатали немецкие гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов; заключили несчастных в тяжкие оковы и душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии. Послы великого магистрата, семидесяти городов немецких и зятя Иоаннова, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцов, предлагая с обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий. Дело тянулось более года, заключенные томились в темницах. Наконец государь умилился и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек. Немногие возвратились в отечество, и все лишились имения, ибо им не отдали товаров. Вследствие

этого торговля Ганзейская навсегда прекратилась в Новгороде, быв для него источником богатства и гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми теньями варварства Монгольского, сим одним путем сообщалась с Европою. Иоанн увидел потом свою ошибку, но поправить ее не мог. Дворы, божница, лавки немецкие опустели в Новгороде. Торговля перешла оттуда в Ригу, Дерпт и Ревель, а после в Нарву, где россияне менялись своими произведениями с чужестранными купцами.

Осенью «в лето 6999 (1491 г.). ноября 8, с понедельника на вторник, в Новгороде в Великом, на 4 часу ночи, явился знамение: от летнего востока до летнего запада на северной стране, промежи востока и запада, доспелось небо светло аки заря ведряная светла вечерняя, а в зори той столпы аки лучи солнечные великие светлые, и осветиша те лучи весь град и поля градные аки пожар силен; и сходилися столпы вместо да и расходилися, да того было схода и росхода столпов тем многажды в ночи той, как бы часа 3 и болши, да изгибло; да после 3 столпы велики да и высоки велми явились, да стояли долго, и как уже на времени пети заутрени, пришли облаци с востока да ту светлость помрачили, да по том времени с час взошла заря утрения по своему обычаю, да и Свет Бог дал. А из Юрьева монастыря видели как бы великий страшный пожар сильный, чаяли, что град весь горит».

«В лето 7000 (1492 г.) февраля, повелением великого князя Ивана Васильевича, пресвященный митрополит Зосима и архиепископ Геннадий Великого Новагорода и Пскова придали из митрополии и из архиепископии из Новгородской церкви свои на Вологде, в городе и на посаде, епископу Пермьскому Филофею в Пермскую епископию».

«В лето 7004 (1496 г.) великий князь приходил в вотчину свою в Великий Новгород ноября 17, во вторник. Архиепископ града Геннадий сrete государи великаго князя за градом с кресты и кандилы честне, яко бо бе лепо государству их, со архимандритом и игумены и священники, и с всем освященным собором Великаго Новагорода. А наместници великаго князя беша тогда в Нове граде князь Данило

Александровича Пенко да князь Семен Романович и те такоже сретѣша государя с всем народом града того. И бысть тогда в Великом Новгороде радость велика о приезде государя великаго князя. И того дни князь великий молебна и обедни слушал в Премудрости Божии Софеи и ел у архиепископа Геннадия».

В святительство Геннадия Новгород два раза был опустошаем пожарами. В первый раз в 1490 г. «загорелось 25 апреля на Великом мосту у городских ворот, огорела церковь святая Богородица, и стрелница; из стрелницы похватило тесницы с огнем, понесло на Яневу улицу и ту загорелось, и часть улицы выгорела, а затем выгорели улицы Росткина, Хревкова, Легоща, Щиркова и Розважа. А церквей огорело 5, а 6-я - Богородица на воротех». Второй пожар был в 1494 г. 10-го апреля. «Загорелось от Микиты от денежника с Дворища, ино огорело 3 церкви, Никола да Пятница да Борис Глеб, а Иван Велики отняли, а маковици до половины разбило, а Успение Святыя Богородица отнялиж; после и ряды горели, и выгореша ряды все до Великаго мосту мало не до половины, а переняли у Лубяницы, одна сторона улицы горела, а другая не горела; а горело на Фомине недели в четверток».

Тропарь, глас 5

подобился еси древним отцем, святителю
отче Геннадие, Священные Книги собрав и
еретики посрамив, ревность по Бозе
показуя, паствѣ оградил еси, моли и ныне Христа
Бога мир Церкви даровати и спастися душам
нашим.

ЖИТИЕ

архиепископа

Серапиона Новгородского ⁵

*Память его празднуется месяца марта в 16-й день
и месяца апреля в 7-й день*

† 1516

На Новгородской кафедре с 1506 по 1509 гг. а место архиепископа Геннадия, заточенного в Чудовом монастыре, избран был на святительскую кафедру в Новгороде Серапион - игумен Троицкого Сергиева монастыря.

Блаженный Серапион родился в княжение Иоанна III в небольшом селении Пехорка (Пехра), на расстоянии 20 верст от Москвы, от благочестивых родителей-поселян. Достигнув семилетнего возраста, отрок Серапион отдан был родителями в научение грамоте. Погрузившись весь в любовь к учению и внимая Божественному Писанию, он возгорелся желанием к иноческому житию. Но когда он достиг совершенного возраста, родители принудили его вступить в супружество. Не смея прекословить родителям, кроткий Серапион повиновался им, хотя и вопреки своему желанию, и потом принял сан священства.

Через год супруга его скончалась, тогда, разрешившись от уз житейских, он беспрепятственно мог отдаться давнему влечению своего сердца и принял иноческий образ. Но для успокоения родителей он оставался при той же церкви Покрова Божией Матери, при которой был священником. По кончине родителей боголюбивая душа его пожелала совершенно отрешиться от молвы житейской. Раздав убогим доставшееся от родителей имение и отпустив служителей, блаженный Серапион удалился в пустынную обитель Успения Богоматери Стромынскую, что на острове речки Дубенки, которой положил начало преподобный Сергей, по желанию великого князя Дмитрия Донского, после одоления татар. Братия с радостью приняла пришельца и скоро полюбила его ради высокого его жития, так что по смерти настоятеля умолила его принять на себя строительство Дубенской обители, с благословения игумена Сергиевской лавры Симона, от которого тогда зависела Стромынь. Здесь преподобный столько прославился духовными подвигами и так много сделал для Дубенской пустыни, что она потом называлась пустынею Серапиона. Дубенская общежительная пустынь находилась на острове, омываемом реками Дубенкою, Дубною и Быстрицею, на границах Тверской и Владимирской губерний, на северо-восток от Сергиевой лавры.

Тяготаясь должностью настоятеля и жаждая безмолвия, Серапион недолго оставался строителем и переселился на общежитие в самую лавру в число ее братии. Но и здесь он не остался в покое; начальственная честь как бы преследовала повсюду смиренного инока. Вскоре после прибытия Серапиона в лавру игумен ее, Симон, был избран на святительскую кафедру всея Руси, а на его место умолен был неотступными просьбами братии пустыннолюбивый Серапион. И не только мольбами братии, но и повелением нового митрополита и великого князя Иоанна побужден был воспринять игуменство лавры (1493 г.), ибо так было угодно Пресвятой Троице и преподобным Сергию и Никону.

Великий князь Иоанн очень уважал подвижника-игумена и это показал самым делом. Однажды случилось

самодержавному великое искушение: какие-то злонамеренные люди оклеветали перед ним в тяжкой вине чародейства трех именитых боярынь. Строгий Иоанн по обычаю тогдашнего времени осудил их на страшную казнь сожжения. Напрасно умоляли его митрополит и бояре умилосердиться над осужденными. Блаженный Серапион, услышав о предстоящей казни и зная невинность обреченных на смерть, помолился Живоначальной Троице и всемирной Заступнице Богоматери и, призвав на помощь великих чудотворцев Сергия и Никона, дерзнул предстать пред лице разгневанного государя наедине, многими слезами умолил его отменить тяжкий приговор и этим спас государя от греха и три невинные жертвы - от напрасной смерти, подобно тому как великий чудотворец Николай ходатайством своим избавил от смерти трех невинных мужей. После этого и великий князь возлюбил мужественного игумена за дерзновенное слово истины, которое избавило его от тяжкого греха.

Имея великое попечение о благоустройстве обители, и особенно о жизни достойной иночества, блаженный Серапион был на соборе о церковных имениях и немало подвизался об ограждении монастырских угодий и волостей. Когда кончился собор, рассуждавшие о вдовых священниках белозерские пустынники, и в числе их преподобный Нил Сорский, начали выражать сожаление, что монастыри владеют землями и селами, и молили самодержавного, который всегда принимал их у себя с большим уважением «крепкого ради жития их, чтобы он помыслил об этом». По воле державного созван был собор (1504 г.) всех архиереев русских в царствующий град для совещания о том, прилично ли монастырям иметь волости. На соборе обнаружились два совершенно противоположных мнения. Белозерские пустынники, и особенно преподобный Нил, утверждали, что монахам не прилично владеть имениями; ибо многое монастырское стяжание делает суетным отречение монахов от мира, через управление волостей опять вовлекает в молву житейскую тех, которые бежали суеты, чтобы жить по преданию святых отцев. Монахам следует жить по пустыням и питаться от своих трудов, а не от имений.

Другое мнение выражали и защищали игумены обителей Троицко-Сергиевой - Серапион и Волоколамской - Иосиф. Они крепко стояли на том, что имения необходимы для существования монастырей. Во-первых, в монастырях нужно не только созидать храмы, но и постоянно их поддерживать. В храмах должны совершаться церковные службы, для которых потребны хлебы, фимиам и свечи. Для совершения служб нужны иноки-священнослужители, чтецы и певцы, свободные от всяких забот о физических нуждах: пище и одежде; иначе если они устремятся добывать сами себе все, потребное для жизни, то храмы сделаются пусты и будут оставаться без Божественной службы. Поэтому-то основатели обителей, благочестивые епископы и князья наделяли свои монастыри вкладами, землями, селами, чтобы и по кончине их эти обители не пришли в упадок от бедности. Во-вторых, монастырские имения не мешают инокам достигать вечного спасения, что доказали своим примером святые мужи - подвижники древней восточной и русской церкви - Афанасий Афонский, Антоний и Феодосий Печерские и многие другие основатели обителей, владевших имениями. И если бывают иноки, которые увлекаются любостыжанием и не брегут о своем спасении, то из-за этих немногих, не радящих о своем спасении иноков, несправедливо было бы отнять имения у всех обителей. В-третьих, монастыри существуют не для одних монахов, а для всей церкви: там готовят для нее будущие иерархи, правители епархий. Если у монастырей отнять имения и все монахи будут содержаться собственными трудами, то что произойдет тогда? Как тогда «честному и благородному человеку постричься? И если не будет честных старцев, откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа и на всякие честные власти? А когда не будет честных старцев и благородных, тогда будет колебание вере». В-четвертых, создатели и благотворители обителей, делая на них пожертвования, имели в виду и то, чтобы они принимали у себя странных, питали нищих, помогали больным и всякого рода несчастным. Но, лишившись своих имений, в состоянии ли будут монастыри достигать этих целей?

Произошло великое прение и подробные изыскания о том, когда и по какой причине стали приобретаться монастырями села. Наконец обрели, что святители и монастыри держали города, волости и села от первого христианского царя, равноапостольного Константина, и при последующих царях, царствовавших в Греции и по всей вселенной. Ни на каком соборе не было запрещено это святителям и монастырям, напротив, повелено им всеми соборами, вселенскими и поместными, недвижимых стяжаний церковных не продавать, не отдавать (12 правило VII Вселенского Собора): эти стяжания утверждены за святителями и монастырями страшными клятвами, непоколебимо и ненарушимо на все веки.

Равным образом и в России при великих князьях – Владимире, Ярославе, Андрее Боголюбском, брате его Всеволоде, Иоанне Даниловиче - внуке блаженного Александра, и доньше святители и монастыри имели города, волости, слободы и села и держали церковные суды, пошлины, оброки, по установлению не только святых отцев и равноапостольного царя Константина, но и равноапостольного Владимира и сына его Ярослава, которые притом в своих уставах заведывали, что, если кто из их детей, внуков и правнуков или кто другой дерзнет нарушить их правила и начнет вступаться во что-либо церковное, в суды, пошлины, десятины или отнимать что у церкви насильно, тот да будет проклят в сей век и будущий.

Вследствие всех таких постановлений, греческих и русских, святители и монастыри держат села доньше и отдавать их не смеют и не благоволят; потому что это стяжания Божии, данные и посвященные Богу, которые должны быть соблюдаемы и неприкосновенны вовеки. Даже неверные и нечестивые цари (монгольские) во время своего господствования не отнимали ничего у святых церквей и монастырей и не смели касаться их недвижимых имуществ, боясь Бога. Напротив, поборами по церквам Божиим не только в своих странах, но и у нас в России давали ярлыки чудотворцам Петру и Алексию и другим митрополитам русским, остающиеся непоколебимым доселе... Да, наконец, и усердные

жертвователи не только не были осуждаемы, но всегда похвалялись за их усердие к святым обителям, где память их вспоминается вечно.

Рассмотрев все эти представления, собор постановил, чтобы святые обители по-прежнему держали свои стяжания, ради утешения убогих и недужных, которые обретают в них упокоение, чтобы самые иноки могли свободно предаваться молитве или проходить различные послушания, иногда весьма трудные, и чтобы служба Божия совершалась с должным благолепием. Вообще положено было на соборе держаться прежних преданий церковных, не мудрствуя паче, нежели сколько подобает, по слову Апостола. Хотящим же истинно спастись и любителям безмолвия не могут воспрепятствовать в том стяжания церковные. Блаженный Серапион явил на сем соборе великое свое благоразумие, рассуждая, что к лучшему и что может послужить на пользу, по собственному опыту жития отшельнического и управления монастырем. «В сих совопрошениях, - сказано в житии преподобного Иосифа, - Троицкого Сергиева монастыря игумен Серапион да Иосиф разумне и добре расчиняху лучшая к лучшим, смотря обоюду пользующая».

Вскоре после этого великий князь Иоанн Васильевич, передавая управление государством сыну своему Василию, указал на Серапиона, как достойного занять святительскую кафедру Святой Софии в Великом Новгороде, которая более двух лет сиротствовала после удаления святого архиепископа Геннадия, заточенного в Чудове монастыре. После кончины Иоанновой Серапион единогласно был избран и посвящен собором архипастырей в архиепископа Новгорода 15-го января 1506 г. Это возведение Серапиона на высокую степень власти было для него призывом к самым тяжким скорбям.

С любовью он был принят в Новгороде и начал пасти вверенное ему стадо по заповедям Божиим, просияв не только добродетелями, но и чудесами еще при жизни. Не более трех лет продолжалось его святительство, в продолжение которого Новгород постигли одно за другим два страшные бедствия. В феврале прибыл святитель в Новгород, а осенью

открылся мор. То же бедствие возобновлялось и в следующие два года, также осенью. Смертоносная язва обнаружилась железом (Жель – мозоль, нарыв.³⁶ С. 180) и похитила в Новгороде множество народа. В одну последнюю осень померло в Новгороде от язвы 15 396 человек. «В лето 7016 (1508 г.), - говорит летописец, - бысть мор в Великом Новеграде: помре железом по три осени и в последнюю осень людей 15,396 человек». Святитель Серапион усердно начал молить Господа и Пречистую Его Матерь, чтобы прекратилась страшная болезнь, и ходил с крестами около всего города. Он велел срубить обыденную церковь в честь Похвалы Богородицы в Детинце, на площади, против соборной каменной Софии, октября в 15-й день, и того же дни архиепископ Серапион святил и служил в ней. При освящении молитвами святителя исцелил Господь трех человек - слепого, расслабленного и бесноватого, и с того времени начала убывать язва. В том же году постигло Новгород другое великое бедствие: страшный пожар опустошил всю Торговую сторону его. «Того же 7016 (1508) лета, - рассказывает летописец, - августа в 20 день... при архиепископе Серапионе Великаго Новгорода и Пскова... бысть в В. Новеграде пожар зол: загореся на Славкове улицы (в Окулове дворе Хмельникове, у Логинове жене Екатерине, с поля, в клети, от свещи), и погоре Знаменская Торговая сторона вся, и многи палаты запалишася, и животов без числа множество сгорело... и николиже в В. Новеграде таковой пожар не бывал, ни в прежних летех, но велми страшен, ни в летописцах такового пожару не обретохом, толь злаго. Яко облацы дождевнии за много число дней быша, и бысть ведро велие: и в то время бысть гремение страшно на небеси, на земли страшнее же и небеснаго труса; и найде на люди страх и беда велия, друг другу не можаху пособити, ни помощи подати». Страшная буря усиливала свирепость огня до крайней степени; вихрь сокрушал дома и исторгал деревья; Волхов взволновался и разбил многие суда; «всех душ сгорело в этом пожаре 3315, а утопших Бог един весть». Во время этого пожара архиепископ выходил с крестами и чудотворными иконами

на Великий мост к Чудному (черному) кресту и там пел молебны. «Видя же казнь Божию на град, святитель не можаше слова рещи на молебне, многим захлипанием, слезы точа от очию яко струя непрестанно; и моляшеся в тайне сердца своего к Господу Богу нашему Иисусу Христу, и ко Пречистой его Матери Пресвятой Богородице, и ко всем святым, о еже пременитися граду от надлежащаго прещения и гнева Божия, и пожара великаго избавитися; видя же архиепископ, в то время, ово столпом огненным до небеси огонь досязаше, ово же яко труба огонь хождаше по граду вихром, и зажигаше, - архиепископ же ни очию хотяше возвести на небо, ни от горкаго того плача престати не можаше, дондеже уставишя гневу Божию». Когда же по молитвам святителя пожар стал умяляться и пламя угасло на том месте, куда он вышел со крестами, «повелел собрати сожженных и ямы сотворити, и всех умерших с женами и детьми, певше надгробная им, повеле их посыпати перстию (Персть – грязь, пепел. В создании человека из персти или из праха земного святые отцы усматривали указание на смирение человека и вместе на его достоинство.⁵⁶ С. 419). Потом совокупив собор и многих граждан призва на горелое место, нача проклінати собором не милостивых грабителей, которые жженных мертвых грабиша, ищущих злата и сребра, еще же и живых огоревших грабящих, мниста и круту (Крута – украшение.⁵⁶ С. 273) емлющих, и богатыщеся тем; и якоже прокляша их на том святом соборе, и поучив иереев учить детей своих духовных благоверию и чистоте... и граждан страху Божию и жити во всякой правде и чистоте... возвратился в соборную церковь... славяще Христа Бога, избавльшаго град свой от великаго пожара и прещения (Прещение – крайнее и резкое обнаружение злобных чувств человека; угроза.⁵⁶ С. 493), молитвами Пресвятыя Богородицы и всех святых умолением».

Вслед за описанием великого мора и пожара, какие постигли Новгород при святителе Серапионе, летописец рассказывает, что эти бедствия еще за три года (7013 лета) в 1505 г. преуказаны были преподобным Варлаамом Хутыньским благочестивому иноку Тарасию в дивных видениях.

Приводим здесь этот рассказ не только как интересный, но и как назидательный, свидетельствующий о том великом попечении, какое имеют святые угодники по своему преставлении об оставшихся в живых и о том мощном ходатайстве пред Господом, какого удостоиваются они в воздаяние за свою святую жизнь на земле. «Сей мор и пожар, - говорит летописец, - был вместо потопа, по явлению и по умолению и по пророчеству преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, что явился пономарю Тарасию в лето 7013. Бысть чудо приславно и видение ужаса исполнено».

«В числе братии Хутынского монастыря в одно время был некто пономарь (кандиловжигатель) Тарасий (Кандило - свеча, подсвечник, сосуд для возжжения елея, называемый у нас лампадою. В церкви употребляются, кроме обыкновенных кандил, еще и другие, называемые поликандилами и паникандилами.⁵⁶ С. 243). Находясь однажды по своей обязанности в церкви, для приготовления всего потребного к утреннему церковному богослужению, и замедлив в ней, незаметно до позднего часа, вдруг видит он, что в соборном храме Преображения Господня, где почивают мощи угодника Божия, все свечи в паникадилах и светильники в лампадах пред иконами зажглись сами собою, как во время торжественного богослужения, и самое кадило, с горящим угольем, наполнилось фимиамом, разливавшим по всему храму чудное благоухание. Когда же в недоумении и страхе, озираясь кругом, стал дивиться зримому видению, он видит явно, телесными очами, самого угодника Божия, преподобного Варлаама, который, поднявшись из гробницы, сошел на средину храма, стал на молитву, взывая к Господу о пощаде града отечественного. До слуха изумленного инок явственно доносились молитвенные слова, выходившие из уст преподобного; «о еже милостиву и благоуветливу быти благому и человеколюбивому Богу нашему, отвратити всякий гнев, на него движимый, и избавити от належашаго праведнаго своего прещения и помиловати его»... При виде сего необычайного явления на Тарасия напал страх и ужас, и он упал на помост церковный. Преподобный Варлаам,

воздвигнув его, сказал: «Брат, Тарасий, дерзай и не бойся! Ныне намерен я объявить о великих и грозных бедствиях, которые грозят гибелью В. Новгороду за то, что переполнилась чаша беззаконий его, и вопль от неправд и грехов его дошел до небес, требуя отмщения от Всевышняго. Встань и взойди на верх церковный, и посмотри, что совершается над Новым городом... Тарасий, поднявшись наверх, посмотрел в сторону Новгорода и увидел, что воды озера Ильменя высоко поднялись над Новгородом и готовы были в одно мгновение устремиться на город и потопить всех живущих в нем. Устрашенный Тарасий поспешно сошел вниз и поведал о видении преподобному. Угодник Божий снова стал на молитву: молился со слезами и в таком молитвенном подвиге пробыл около трех часов. Потом снова сказал Тарасию, чтобы, поднявшись на кров церковный, опять посмотрел, что готовится В. Новуграду. Повинуясь велению преподобного, Тарасий, снова поднявшись наверх, обратил свой взор к Новгороду и увидел множество ангелов, которые бросали огненные стрелы в народ: мужчин, женщин и детей, «и пред всяким человеком: мужем и женою и отрочатем и пред девою стояща ангела хранителя, держаща книги и зряща в них повеления Божия: и кий человек обретаешся написан в живых, того ангел хранитель помазоваше кистию из сосуда приемля мира небеснаго, и абие той человек исцеление приимаше и здрав бываше от смертоносных язв... егда же видяше ангел человека, ему же умерети написано в книге судеб Божиих, повелением Владыки Христа Бога, абие не помазав его миром, и ангел хранитель уныл отходяше от человека, боясь преслушатися Владыки своего повеления». В страхе и ужасе Тарасий возвратился в церковь и поведал преподобному о виденном. Преподобный Варлаам в третий раз стал на молитву и со многими слезами умолял Господа о пощаде града... Потом сказал Тарасию: «Брат Тарасий! По молитвам Пречистых Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых и по неизреченному человеколюбию своему Милосердый Господь пощадил Новгород от потопа; но «посылает на люди мор и с милостию казнь, сиречь

с покаянием, сам бо рече Господь во святем Евангелии: в чем застану, в том ты и сужду, и будет мор по три лета». После сего снова долго молился святой; и опять велел Тарасию подняться на верх церковный, чтобы еще раз посмотреть и видеть, какая судьба в будущем ждет В. Новгород по определению Божию. Поднявшись в этот раз на кров церковный и посмотрев на Новгород, Тарасий, в ужасе увидел, что страшная, огненная туча поднялась с полуденной стороны и шла прямо на Новгород. Трясаясь весь от страха, Тарасий едва мог спуститься вниз и, войдя в церковь, поведал преподобному о грозном видении. Угодник Божий сказал ему в последний раз: «Через три года после мороваго поветрия будет в Новгороде великий пожар, от которого сгорит вся Торговая сторона, и при этом погибнет великое множество народа... «понеже Пречистая Богородица, со всеми святыми, умолила Сына своего и Бога нашего Иисуса Христа и избавила град от потопа». И как предсказал преподобный, так точно впоследствии времени и сбылось на деле. Сказав эти слова, преподобный Варлаам снова вошел в свою гробницу и возлег в ней, как прежде; свечи и лампы в церкви сряду после сего все угасли сами собою».

Вот и еще замечательный случай из жизни святителя Серапиона, свидетельствующий о его высоком благочестии и богоугодном житии. Однажды в день праздника Успения Богоматери, пригласил он к себе на светлую трапезу посадников и всех именитых граждан. Приволокся, ползая, в храмину трапезную, хромою, прося святителя, чтобы велел накормить его. Милостивая душа Серапиона наплатила его сперва духовною пищею, сподобив исцеления, а потом и телесною. Воздохнув из глубины сердца, воззрел святитель на икону Спасителя, написанную над дверьми палаты, в которой готовилось пиршество, и, помолившись со слезами Господу, сказал хромоу: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, встань на ноги твои». В то же мгновение поднялся хромою; бросив костыли свои, он подошел к архиепископу как бы никогда не болевший ногами, и благословил его владыка пред всем народом, который прославил за сие Бога.

Однако и сей святой муж не избег тяжкого искушения от исконного врага рода человеческого, который, позавидовав добродетельному его житию, не хотел видеть такого светильника на престоле Святой Софии. Возмутил он и другого праведного мужа Иосифа, игумена обители Волоколамской, которую он устроил в дремучих лесах. По смерти князя Бориса Васильевича, много благодетельствовавшего при основании ее, новый князь Феодор Борисович сначала также был расположен к Иосифу, а потом совершенно изменился, особенно после смерти своей матери, благочестивой княгини Ульяны (1503г.). Обобрав церковную казну из трех монастырей своей области - Возмицкого, Селижаровского и Левкеева, князь начал делать насилия и Волоколамской обители. Несмотря на присылаемые из оной дары, грозил бить чернецов кнутом, а игумена поносил и велел ему сказать: «Пусть идет, куда хочет, если не желает исполнять мои повеления, а я намерен держать монастырь по своей воле». Преподобный Иосиф и хотел, было, удалиться, но упрощенный братиею остаться, решился искать защиты для своей обители у великого князя, припомнив, как при митрополите Ионе монастыри Сергиев, Каменный и Толгский перешли от насилия удельных князей в ведение великого князя Василия Васильевича. Но чтобы не обиделся владыка Серапион, от которого зависела тогда обитель Волоколамская, преподобный Иосиф наперед послал одного старца Игнатия Огорельцева испросить у него благословение на свое предприятие. К несчастью, в Новгороде тогда (1505 - 1508 гг.), и преимущественно осенью, свирепствовала ужасная моровая язва, и туда никого не пропускали, так что старец из Торжка должен был воротиться назад. Вынужденный крайними обстоятельствами, преподобный Иосиф обратился к митрополиту Симону и просил его ходатайствовать у великого князя Василия о принятии его обители под свое покровительство. Великий князь хотел уладить дело мирным путем и «многажды посылал к князю Феодору Борисовичу, чтобы он от того неподобия унялся и монастырю бы насилия и обид не творил. Князь же Феодор того не послушал да учал большие

беды нестерпимые монастырю чинити». Видя безуспешность своего посредничества, великий князь Василий Иоаннович велел обсудить дело на соборе и по решению собора, с благословения митрополита и других святителей, взял (1507 г.) обитель преподобного под свое покровительство, а ему в успокоение, что не мог предварительно испросить на то благословения от своего святителя, велел сказать: «Ты из предела Новгородской архиепископии не отошел; я взял монастырь твой только от насилия удельного князя, а к архиепископу сам пошлю, как минет земская невзгода».

Отчуждение обители Волоколамской от кафедры Софийской, вопреки древней ее подчиненности, хотя это было вызвано крайностью, сильно огорчило владыку Серапиона, который твердо стоял за преимущества своей кафедры. По прекращении в Новгороде поветрия, хотя преподобный Иосиф и посылал своего старца к владыке объяснить, ради какой нужды без его ведома и благословения бил челом великому князю и митрополиту о своем монастыре, но владыка Серапион не принял старца и велел объявить Иосифу, что гневается на него. В то же время князь Феодор Борисович вместе с архимандритом Возмицкого монастыря чрез подкуп владычного боярина какого-то Кривоборского, своими клеветами так сильно успели возбудить владыку против Иосифа, что, не выслушав его объяснений, не снесшись ни с великим князем, ни с митрополитом, послал Иосифу свою грамоту, которою налагал на него запрещение и отлучение за то, что «он отступил от небеснаго, а пришел к земному». «Слышав архиепископ В. Новаграда и Пскова, - пишет летописец, - что князь великий Василей Иванович всея Руси взял Иосифов монастырь в свое соблюдение, и того ради нерадением некоторым и упрямством презрев божественных правил и повеление царского закона, иже глаголет царское осуждение суду не предлежит и не посуждается, да не обоглашав с великим князем, ни с митрополитом, послал ко Иосифу неблагословенную грамоту и отлучение со иными некоторыми речми, наводя и на великаго князя неразумные и неподобие». Таким поступком архиепископа Серапиона

крайне были огорчены и великий князь, и митрополит, и все святители, по решению которых князь принял под свое покровительство обитель Иосифа. Поэтому, когда вслед за тем послал Серапион к митрополиту своего посла с грамотами, прося себе покровительства, посла целую зиму держали в Москве и отпустили ни с чем. А когда сам Серапион собрался было ехать в Москву, великий князь приказал своим наместникам отобрать у него детей боярских и коней. Как ни тягостно было для Иосифа решение своего владыки, но он принял его с полною покорностью: не священнодействовал, не приобщался Святых Тайн и все ожидал, что он умилюствится. Когда же ожидания его оказались напрасными, Иосиф обратился к митрополиту и, изложив ему весь ход дела, между прочим, писал: «Ныне в великое говенье, как тебе известно, государь, прислал на меня новгородский архиепископ Серапион неблагословенную грамоту, а написал в ней: «Ты отказался от своего государя в великое государство и за такое великое безчинне ты чужд священства и нашего благословения». Но тебе, государю нашему, ведомо, что ни в Божественном Писании, ни в летописях, ни в обычаях земских того не бывало: какое великое безчинне в том, что я посылал бить челом государю большому да тебе, большому святителю, чтобы монастырь мой не запустел? И в святых правилах не написано, чтобы за такие вины отлучать от священства и не благословлять кого». Жалобу Иосифа митрополит подверг рассмотрению Собора. Но прежде чем состоялось соборное рассмотрение дела, блаженный Серапион не только без суда, но и без всякого объяснения лишен был великим князем Василием кафедры, вытребован в Москву и заточен в Андрониевском монастыре. Это было на третьей неделе после Пасхи, в конце апреля 1509 г.; а собор состоялся уже в июле, на котором главным действующим лицом был брат Иосифа - Вассиан, архиепископ Ростовский. На этом соборе, который происходил в присутствии великого князя, три раза спрашивали Серапиона: «Како и которым обычаем дерзну сия створити против Божественнаго Писания и святых правил закона, пресудая и претворяя

царская повеления и всего собора изволением благословение? Он же во всем своем писании, замечено в летописи, отнюдь безответен сый». Не получив от архиепископа Серапиона удовлетворительных объяснений, «митрополит Симон со архиепископом и епископы, со всем собором, поразсудив божественными правилами и по законному обычаю, иже глаголет: епископ аще не по Божественному правилу, ни по закону, но яростию и малодушием водим, кого от священнаго чина, а не благословением и отлучением упразднит, болший святитель самострастием тому епископу самому да творит, а не благословеннаго и отлученнаго яко не праведне осуждена да простит и благословит. Игумена Иосифа с братиею соборне простиша и благословиша, а Серапиону повелеша пребыти в монастыре».

Такое решение собора было уже слишком строго и нельзя сказать, чтобы оно было беспристрастно. Если Иосиф не был виновен за то, что без благословения своего архипастыря перешел в другую епархию, так как на деле желал, но не мог получить его, то и Серапион не был виновен пред церковным законом, произнося суд свой над Иосифом по сведениям, какие были тогда у него. Понятно, что суд собора руководился тут личными оскорблениями и был только уступкою силе власти.

В Андрониевом монастыре святитель Серапион заточен был вместе с любимым учеником своим архидиаконом Иаковом, который никогда с ним не разлучался. В заточении своем страдалец святитель терпел много оскорблений от андрониевского архимандрита Симеона, постриженца игумена Иосифа. Отсюда-то он написал сильное и пространное послание митрополиту Симону, в котором жаловался первосвятителю на то, что увлекся он пристрастными внушениями Ростовского архиепископа Вассиана и других нерассудительных приверженцев Иосифа. Митрополита он называл святейшим архиепископом богоспасаемого града Москвы, отцем своим и господином, которому вручено от Бога оправдание церковное, себя же - малейшим и смиренным сыном его владычества и заточенным, и вместе с тем говорил, что он сам, по милости Божией, архиепископ Великаго Новаграда и владыка, которого не следует оскорблять несправедливо.

Излагая вины Иосифа за то, что самовольно вышел из пределов его епархии и тайно от него, без благословения, сдал монастырь свой в митрополию, напоминал он и о том смущении, которое произошло от того в целой церкви, и о правилах соборных, запрещающих самовольные переходы, и о возбужденном против него негодовании великого князя. Приводил на память митрополиту и то, что сам он неоднократно просил его о дозволении придти в Москву объясниться с государем по сему делу на соборе, но не был допущен и не было о нем соборного испытания, как бы следовало по правилам, ибо прежде суда лишили его кафедры и предали заточению. «Вспомни, святейший, - писал далее страдалец, - с какими обетами поставляли вы меня и что ты сам заповедывал мне? Не обещался ли я тебе, господину моему и отцу, и всем епископам, в святой Божией церкви и у Пречистой Богородицы, у цельбоносного гроба Петра чудотворца, сохранять заповеди, никого не боясь, и стоять в истине, по наставлению псалмопевца: «глаголах пред царіи и не стыдѣхся» (Пс. 118, 46). Тогда я дал слово Богу и вам поступать по преданиям святых апостолов и святых отцев; ты же преподал мне хиротонию и власть вязать и решить, которую употребил я над чернецом моим, когда он нарушил уставы прежде меня бывших архиепископов Новгорода». Напомнив митрополиту и о том, что один епископ не должен разрешать связанное другим, заключил свое послание святитель Серапион словами Апостола: «Мнѣ ѣже жити Христосъ, и ѣже ѹмрети приобретеніе» (Филип. 1, 21). «Кто ны разлучитъ отъ любви Божия». (Рим. 8. 35). Я же чаю от Владыки Христа Господа моего воздаяния праведных.

Глубоко скорбела Новгородская паства о лишении ее доброго пастыря и учителя. Он был питателем нищих и наказателем вельмож, утехой скорбящим, прохладой буруемаемым и общим всем помощником. Испытали на себе суд Божий и те, которые судили и осудили блаженного Серапиона по видам человеческим, как видели это современники. В Новгородской летописи записано, что «кто на него не постоял, Василий Андреевич Челядин, владыка Ростовский Вассиан (умер. 28 авг. 1515 г.), владыка Суздальский (Симеон, бывший Андроньевский настоятель ум. 15 сент. 1515 г.) - того

лета все умерли. А Иван Андреевич Челядин в Литве главу свою положил (взят в плен 1 авг. 1514 г.); а Рязанский Тарасий владычество оставил его же ради; да того же лета и Пермский Протасий умре». Наконец, и сам преподобный Иосиф предупредил его кончиною. Чувствительна была утрата архипастыря для новгородцев и потому, что после него, в течение 17 лет, не было у них владыки до архиепископа Макария.

Митрополит Симон примирился со святителем Серапионом перед своею смертью (1511 г.). По воле великого князя пригласив блаженного архипастыря к себе в Москву, благословил его и принял от него прощение. Тогда же примирился с высоким по жизни архипастырем и преподобный Иосиф. Объяснившись между собою и узнав истину, они со смирением простили друг друга и стали жить еще в большей любви, чем жили прежде. «И паки мало преиде, - говорится в житии преподобного Иосифа, - архиепископ Серапион со игуменом Иосифом межи себя общее прощение получиша». А неизвестный в житии преподобного заметил: «Иосиф извествовася к Серапиону и познавшеся на истине смирение умножиста себе преподобника и любовь множае первая утвердиста».

После двухлетнего заточения владыки Серапиона великий князь Василий, услышав, что Андрониевский архимандрит теснит владыку Серапиона, вспомнил к нему любовь своего родителя и позволил удалиться на свое обещание, в обитель Живоначальной Троицы и преподобного Сергия (в мае 1511 г.), где Серапион долго был игуменом. С великою любовью и честью приняли его там игумен Памва и вся братия, и возвеселился духом Серапион о водворении своем под кровом преподобных. И тут не оставил его благоговейный ученик Иаков, о возвеличении которого прозорливо предсказал Серапион, когда еще был игуменом Сергиевской лавры. Однажды сидели у него в келии все соборные старцы, и взшел Иаков, бывший тогда еще юношей. Встал игумен и смиренно поклонился ему, к общему изумлению старшей братии. «Не дивитесь, - сказал им блаженный Серапион, - я поклонился игумену лавры», и чрез несколько (15) лет исполнилось сие предсказание. Иаков уже в сане игумена погребал блаженного отца своего.

Возвратясь в прежнюю свою обитель, владыка Серапион еще более прежнего начал там подвизаться постом и молитвою, в глубоком смирении и терпении. Господь, видя великую его добродетель, сподобил его дара прозорливости, так что видел он дальнее, как бы близ его сущее. В тот самый час, когда преподобный Иосиф отходил в жизнь вечную, блаженный Серапион, внезапно показав рукою в ту сторону, где Волоколамск, сказал бывшим с ним: «Брат наш Иосиф преставился, Бог да простит его»; и потом, смотря на икону Спасителя, произнес: «Не постави ему, Господи, греха, ибо бывает подобное и с праведными». Случилось действительно недоразумение между праведными мужами, но они старались умиротворением поправить вражду, как некогда святой Иоанн Златоуст со святым Епифанием Кипрским, когда пришел он на суд против него в Царьград. То же случилось и между сими блаженными отцами, Серапионом и Иосифом, но в час смертный простил Иосифа Серапион по заповеди Христовой.

Достигнув глубокой старости, исполненный дней и деяний, блаженный страдалец и строгий подвижник святитель Серапион, провидя и свое скорое отшествие к Господу, принял схиму, призвал к себе игумена Иакова и братию, всем преподавал прощение и у всех оное испросил и, много поучив о пользе душевной, принял себе доброго спутника, тело и кровь Господа Иисуса. «Господи! В руце твои предаю дух мой», — было последним словом умирающего святителя, преставившегося 16 марта 1516 г. В час смерти лице его просветилось небесною радостью. С великою скорбью и многими слезами игумен и братия совершили надгробное пение над своим блаженным учителем и положили его близ церкви Живоначальной Троицы, с южной стороны, где была некогда келья преподобного Сергия и чудное ему явление Богоматери. Господь же многими знамениями прославил его гробницу.

Искушенный скорбями, блаженный Серапион семь лет своего заточения употребил на пользу своей души и до того укрепился в духовных подвигах и возвысился в нравственных совершенствах, что причтен церковью к лику святых предстателей на небе. Святые мощи его обретены нетленными в следующем же году 7-го апреля и остаются под спудом в так называемой Сергиевской палатке лавры.

Писатель жития заключает свое сказание о жизни святителя Серапиона словами, извлеченными им из надгробной похвалы святого Григория Богослова Великому Василию: «Сие тебе от нас, о Серапион, великий отче! Если приблизятся к тебе похвалы мои, от Бога мне будет благодать сия, ибо от Него свыше нисходит всякий дар и слово разумения; если же и далеко тебя не достигнут, - что мне остается делать, бедствующему и одержимому несчастьем, ибо одно усердие к тебе меня подвигло на похвалу. Но Богу любезно, чтобы и мы, облагодетельствованные отцом нашим Серапионом и насладившиеся его даров, каждый по силе приносили ему благодарение. Итак, придите и, став вокруг меня, весь бывший его сонм, все удивлявшиеся преподобному, торжествуйте память его и соплетите похвалы, каждый прославляя какую-либо его добродетель, ибо не все один я высказал, но еще многое оставил любящим его. Ты же, о честная глава, свыше нас назирай и жизнь нашу на лучшее направь, мир церкви утверждай, царство Российское с самим царем от наветов спасай, управляя в мире его державу и даруй ему на варваров победу. Удержи и мое злое течение молитвами твоими, наставляя меня к добродетели, и отходящего отселе, туда прими меня, где и ты, хотя и велико мое прошение, да с тобою предстану Пресвятой Троице и твоим ходатайством сподоблюсь яснее и ближе созерцать Ея великое таинство».

В 1608 г. во время осады лавры ляхами святой Сергей, как видели лучшие старцы, будил иноков и звал в храм молитвы. Сюда вошел святой архиепископ Серапион в одежде святительской и стал в алтаре пред иконою Пресвятой Богородицы. Преподобный Сергей, обратясь к нему, сказал: «Отче Серапионе! Не медли вознести моление к милостивому Спасителю и Пресвятой Богородице». Святой архиепископ с поднятыми к небу руками воззвал: «О! Всепетая Мати! От всякия избави напасти всех». Вместе с другими прославленными Новгородскими святителями святой Серапион призывается на помощь в церковных грамотах 1628 и 1654 гг. В чине поставления епископа 1646 г. испрашивается заступление: «Иже во святых отец наших Никиты и Нифонта епископов, Иоанна, Евфимия, Ионы, Моисея и Серапиона архиепископов».

В Новгородской 4 летописи под 7017 (1509 г.) отмечено следующее обстоятельство из деяний святителя Серапиона пред вызовом его в Москву: «Повелением пресвященного архиепископа Серапиона дописан бысть Деисус в Святей Софии да Праздники; а писал Андрей Лаврентеев сын да Иван Дермаярцев сын».

Тропарь, глас 8

Твёрдый а́дама́нт вои́стинѹ, ѡтче, показáлся еси́, во все́м подобя́ся Влади́це свое́мѹ и Го́сподѹ, неправедная изгна́ния ра́дѹся претерпéл еси́; те́м же и Христо́с свя́тителем и мучени́ком слико́вна тя сотвори́ и дарова́ тя ста́дѹ свое́мѹ, я́ко сокро́вище неотъѣмлемо, чюдеса́ все́х обогаща́юща; те́м же и мы́ соше́дшеся к ра́це мо́щей твои́х, лю́бовию вопи́ем ти: о вели́кий во свя́тителех и дивны́й во страда́льцех прече́стный архие́рею, Серапи́оне ѡтче наш, моли́ о нас всеблага́го Бо́га, да спасе́т ду́ша на́ша.

Кондак, глас 3

Ако венце́м пресве́тлым украси́ся днесь Вели́кий Новгра́д, и ликѹет в па́мять па́стыря своего́ и учи́теля, я́ко диа́димѹ ца́рскую возложи́ши; вели́кая же она́ ла́вра све́тло ра́дѹется, иде́же просла́ви тебе́ Бо́г своего́ уго́дника; и проя́ви последи́немѹ родѹ на́шемѹ, це́льбоно́сные мо́щи твоя́, свя́тителю Серапи́оне, и це́ркви Бо́жия весе́лится, созы́вающи нас на славосло́вие, велегласно́ вопи́ти: ра́дѹйся гра́дѹ тво́емѹ и оби́тели похвало́, и все́я ру́сския зе́мли пресве́тлый свети́льниче.

ЖИТИЕ

митрополита

Макария Московского и всея Руси,^{5, 16, 18, 89}

архиепископа Новгородского

*Память его празднуется месяца декабря в 30-й день,
(месяца февраля в 10-й день и месяца октября
в 4-й день – местно)*

† 1563

После заточения в Москве святого архиепископа Серапиона Новгородская святительская кафедра сиротствовала почти 17 лет. Святые обители оставались без настоятелей, многие святые храмы - без священников и неосвященными, многие церковные дела требовали исправления. О положении, в каком находились тогда некоторые Новгородские обители, можно отчасти судить по рассказу, помещенному в житии преподобного Варлаама Хутынского о явлении его великому князю Василию Ивановичу. «В 1517 г., - говорится в житии угодника Божия, - Василию Ивановичу, великому князю Московскому и всея Руси, было следующее откровение: сидя однажды в полуденное время за трапезой вместе

с вельможами и боярами своими, великий князь впал в легкую дремоту и в этом состоянии видит, что к нему подходит в телесном виде угодник Божий Варлаам и говорит: «Великий Государь! Три монастыря в Великом Новеграде пребывают без настоятелей: мой, святого Георгия и святого Антония; и сущая в них братия, не имея при себе пастырей, подобно овцам, разсеянными бурей, бедствуют, угрожаемые ежечасно от нападения волка — диавола. Повели, державный Владыко, как можно скорее прислать в те монастыри добрых и надежных пастырей, которые бы в силах были сохранить словесное стадо Христовых овец целым и невредимым от расхищения и погубления». Воспрянув от дремоты своей, великий князь передал о видении своем сидевшим у него вельможам и боярам. В ту пору Московскою и всероссийскою кафедрою управлял и заведывал митрополит Варлаам; Новгородская же архиепископская кафедра пребывала вдовствующею. Вследствие сего от братии трех вышеупомянутых монастырей отправлены были в царствующий град Москву к великому князю нарочито посланные с прошением неукоснительно прислать к ним из Москвы надежных и опытных настоятелей, которые бы с благонадежностью могли принять на себя управление монастырями и их братией. Посланные еще не успели явиться к великому князю с прошением, как великий князь, предупредоженный о том явлением ему преподобного, сам уже приказал разыскивать их в Москве. Когда иноки разысканы были, великий князь приказал, вместе с ними, сряду же отправиться назначенным на должности настоятелей в монастыри: в Хутынский — игумену Никифору, Юрьевский — архимандриту Ионе и в Антониевский — игумену Геронтию... После сказанного видения великий князь стал питать к угоднику Божию, преподобному Варлааму, особенную любовь и усердие и сохранил это чувство к нему до конца жизни, призывая его на помощь себе в случае болезни и во время брани с врагами Отечества. За такую теплую веру и особенное усердие и угодник Божий не оставлял верного своего раба своею благодатною помощью во всякой нужде и обстоянии.

О причине, по которой Новгородская святительская кафедра так долго оставалась без архипастыря, умалчивают и летописи, и история. Но, во всяком случае, Москва не без основания в продолжение 17 лет не давала святителя Новгородской области, столь знаменитой и раскинутой на огромное пространство. А судя по ходу событий тогдашнего времени, можно с некоторою долей достоверности предполагать, что Московское правительство, заточив одного после другого знаменитейших по своим деяниям и по жизни Новгородских иерархов Геннадия и Серапиона и оставив Новгород надолго без главы духовенства, имело, вероятно, цель – окончательно смирить новгородцев, которые все еще мечтали иногда о восстановлении своей давно утраченной свободы и независимости.

Для Новгорода нужен был теперь архипастырь разумный и деятельный, чтобы мог удовлетворить многообразным нуждам своей обширной епархии, долгое время остававшейся без главы. Таков именно был архиепископ Макарий, возведенный на кафедру Новгородскую из архимандритов Можайского Лужецкого монастыря.⁵

Родился будущий иерарх в Москве. При святом крещении младенца нарекли в честь Архистратига Небесных Сил Архангела Михаила. На духовное воспитание юного Михаила оказал огромное влияние архимандрит Кассиан – настоятель Симонова монастыря: он приходился будущему иерарху братом прадеда по материнской линии.⁵⁰ Отец его умер рано, а мать, возложив упование о воспитании сына на Бога, постриглась в инокини. Юный Михаил уже в то время решил посвятить себя Богу; он поступил послушником в монастырь Пафнутия Боровского (память его 1 мая), принял постриг с именем Макарий в честь православного святого аскета-пустынника Макария Египетского. В этой обители будущий святитель приобщился к подвижническому деланию, книжной мудрости, к иконописанию.

В 1523 г. инок Макарий, пройдя все духовные степени чтеца, иподиакона, диакона и пресвитера, был поставлен в архимандриты в Лужецкий монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, основанный преподобным Ферапонтом

Можайским (память его 27 мая). Приняв попечение об обители, архимандрит Макарий установил в ней традицию соборного поминовения всей преждепочившей монастырской братии.¹⁸

«В лето 7034 (1526 г.), - говорит летописец, - месяца марта в 4 день поставлен бысть архиепископом Великому Новгороду и Пскову владыка Макарий, архимандрит из Лужков, при великом князе Василии Ивановиче, всея Руси самодержце, в церкви пречистой соборней на Москве, митрополитом Даниилом, в неделю 4-ю поста Святаго Великаго, на память преподобного отца нашего Герасима, иже на Иердане. Того же лета, месяца июля в 29 день, в неделю на память мученика Каллиника, боголюбивый архиепископ прииде с Москвы в Великий Новгород». Новгородцы были чрезвычайно обрадованы прибытием архипастыря, «и изыдоша в сретение его собор Святых Софiei со кресты, и все священники Великого Новгорода, и все христоименитии сановники государя великого князя, и весь народ Великого Новгорода от мала и до велика, и с женами и детьми, во Славенский конец; и первое возложи на себе архиепископ весь сан святительский в церкви в славном пророце Ильи; бысть тогда ключ границе 1, а в руце лето 7» (П.С.РЛ. т. VI, стр.82). Новгород уже давно не видал в своих стенах такого торжества. Прибытие архиепископа Макария было радостно и потому, что он приехал в Новгород с царскою милостию: привез с собою всю казну старых архиепископов, которая с низложением Феофила отправлена была в Москву. «В 1524 г. взял князь великий из Можайска архимандрита Макария и постави его архиепископом в Великий Новгород и да ему всю казну старых архиепископов».

По отзыву современников, Макарий имел ум светлый, здравый, умевший владеть своими мыслями и выражать их связно и последовательно; слово легкое, свободное, неисчерпаемое, изливавшее реки медоточного учения, когда проповедовал народу в церкви. Современная летопись, изображая вступление Макария на Новгородскую кафедру, свидетельствует, что когда «введоша его в церковь Святых Софии премудрости Божия», то он, «просвети вся силою

Божиею, нача беседовати к народу повести многими, и вси чудишася, яко от Бога дана ему бысть мудрость в Божественном писании, просто всем разумети».

Первою заботою прибывшего в Новгород святителя было устроить внутренний порядок в своей пастве. Освятив в 1527 г. церковь святого апостола Филиппа на Нутной улице и церковь святителя Николая, построенную на одном основании с Филипповскою церковью, и потом церковь Луки Евангелиста на Лукине улице, архиепископ Макарий устремил все свое внимание на исправление духовенства, и прежде всего монашествующаго. Монастырей как в самом городе, так и в его окрестностях было очень много, но должного порядка в них не было, а главное, не было общежития. По словам местного летописца, только великие монастыри и всего четыре: Юрьев, Хутынь, Вязищский и Отенский - существовали общинами и по чину, а в прочих многих монастырях, даже в лучших, было лишь по шести и по семи чернецов, в других - по два и по три, да и те жили каждый особо, ели и пили в своей келии и притом были обременены всякими житейскими заботами. Женские же монастыри управлялись игуменами, и богослужение совершали в них монахи. Такой монастырский быт с такими своеобразными формами, которые открывали большой простор для отдельного существования монахов, которые поэтому весьма мало соответствовали своим первоначальным византийским образцам, сложился собственно на Руси. Эти отступления не оставались незамеченными, и уже в XIV столетии в среде русских иерархов (Дионисия, архиепископа Суздальского) и потом подвижников (Иосифа Волоцкого и Нила Сорского) обнаруживалось стремление к переустройству русского монашества на византийский лад и старание водворить всюду строгое общежительное начало; но все эти попытки имели только частное значение. Общежитие как общая мера начало учреждаться только с начала XVI столетия и повело к совершенному преобразованию монастырского быта. Прежде всего, с введением строгого общежития не согласовалось пребывание в монастыре лиц, которые, совсем не принадлежа

к монашескому званию, занимались мирскими делами и только получали за внесенный ими вклад содержание от монастырской общины. Понятно, что при новом устройстве монастырей такие лица, как миряне, были совсем исключаемы из состава членов монастырской общины. Еще менее со строгим началом общежития согласовывалось существование таких монастырей, которые имели в себе безразлично как чернецов, так и черниц. Поэтому уже собор 1503 г. отнесся к этим монастырям не одобрительно, но зла не вырвал с корнем. Правда, он запретил жить в одном месте монахам и монахиням, но, кажется, ничего не постановил на тот счет, чтобы начальствование в женских монастырях не принадлежало игуменам. (П. С. Р. Л. т. IV, стр. 278: «и мы уложили, что от сего дни вперед чернцом и черницам в одном месте в монастыре не жити; и в котором монастыре учнут жити черницы, ино тут служить игумену, а черницам в том монастыре не жити; а в котором монастыре учнут жити черницы, ино тут служити у них попом белцем, а чернцом в том монастыре не жити».) На самом деле первым против отшельнических и смешанных монастырей выступил Новгородский владыка Макарий. Он обратился к великому князю Василью Ивановичу с просьбою показать ревность о честных монастырях Новгорода и Пскова, к уничтожению в них безчиния. Получив согласие от великаго князя, Макарий тотчас же приступил к делу: он созвал к себе (1528 г.) настоятелей Новгородских монастырей, где не было общины, и убеждал их завести у себя в обителях общежитие. «Того же лета, т. е. 7036 (1528 г.), - говорится в летописи, - боголюбивый архиепископ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарий, яко во второе лето честнаго его святительства, созва к себе честныя игумены, еже есть Антониева монастыря, и Деревяницкаго, и Благовещенскаго, и Оркажьева монастыря и прочие игумены всех монастырей, идеже несть общины и нача их учити, яко от Живоначальныя Троицы и от вышня премудрости научением, еже им устроить общежити (т. е. общее житие, общежительство), якоже прежнии богоноснии отцы написаша». Слова архипастыря не остались без успеха:

«Игумены слышавше тогда и приемше добрый совет боголюбиваго архиепископа Макария, ...и оттоле начаша устроить общежити койждо в своем монастыре, не только в Великом Новгороде, но и по окрестным градом Новгородския архиепископы, и начаша устроить общины, якоже достоит в обителях. А прежде бо сего токмо велиции монастыри в общины быша и по чину; а прочии монастыри, иже окрест града, особливо живущи, и койждо себе в келиях ядаху и всякими житейскими печалми одержими бяху; а в лутших монастырях шесть чернцев, или седмь, а в прочих - два, или три». Благодаря такому приему, число отдельных монастырей значительно уменьшилось, зато монастырския общины сделались крупнее и количество монахов в каждой общине значительно увеличилось. «А егда устроиша общежити, - продолжает летописец, - тогда нача благодать множитися, и все благочиние прибавати и братия в монастыри начаша приходить: идеже было два или три, и ту 12 и 15, а идеже 6 и 7, и ту 20 и 30, а в прочих 40 и множае». По словам летописи, приняли тогда общежитие 16 монастырей вокруг одного Новгорода, именно: Антониев монастырь, на Деревянице, Благовещенский, Оркаж, на Колмове, на Ковалева, на Волотове, на Ситицки, чудо Архангела на Сковородке, в Нередицах, в Щилова, на Коломцах, на Липне, на Перыни, Николин конец Легощи улицы, в Пантелееве; «сия обители только около Новагорода Великого, а окрестным града zde число не положено».

Но, несмотря на всю законность и благотворность общежития, желание и совет святителя об учреждении его не остались и без сильной оппозиции со стороны монахов-собственников, предпочитавших общей трапезе и общему житию раздельное существование, при котором каждый мог вести такой образ жизни, какой ему нравился и какой был сообразен с его частными средствами. Поэтому «два именитых монастыря не устроиша тогда общины: Николин монастырь в Неревском конце, а игумен инок Илья, зовемый Цветной, да Рождество Христово на Поле, а игумен Иона, зовемый Заец; а мощно бы им устроити, они же не хотяху, в том безчинии обыкоша жити, и архиепископу сказаша нужу себе,

еже которой несть, и архиепископ рече им: «По делам вашим мзду примете от Бога». Впрочем, и в принявших общежитие монастырях неудовольствие на эту перемену не осталось в последующее время без выражения: подобно тому, как не все монастыри одинаково одобряли введение общежития, точно так же и в стенах общежительных монастырей не все монахи сочувствовали преобразованию. Между ними возникали партии приверженцев частной собственности и сторонников общежития, партии, которые вели между собою сильную борьбу по вопросу о дальнейшем соблюдении общежития. Да и не во всех монастырях, которые приняла теперь общежитие, оно утвердилось надолго; по крайней мере, о Сковородском известно, что в 1582 г. в нем было только три келии и жило три старца.

Тогда же последовала полная эмансипация и женских монастырей от мужских. В это время из общей массы монашествовавших выделились и женские монастыри с игуменьями во главе и с попами бельцами. Архиепископ Макарий и «черницам вдасть монастыри: монастырь на Десятине, монастырь Петровский, Ильинский, Спаский на Вотцкой дороге, на Сокольницы, Богословский на Витке, на Скнятине; прежде бо сего в тех монастырех жили игумены и черницы, архиепископ же повеле отвести игуменов в мужския монастыри, а черницам вдаст игуменьи, благочиния ради». Однако и после этого мы еще в 1582 г. встречаем два мужско-женских монастыря в Обонежской пятине.

Вводя общежитие в монастырях своей епархии, архиепископ Макарий давал им в то же время от себя и уставные грамоты. Одна из таковых грамот, данная Свято-Духову монастырю, помещена в актах исторических. Здесь святитель заповедывал: иметь игумену в своем монастыре одного иеромонаха, одного иеродиакона да девять братьев, так чтобы всех с игуменом было двенадцать. Совершать в монастыре все церковные службы не только в воскресные и праздничные дни, но и ежедневно, а в понедельник, среды и пятки, а равно в воскресенья и праздники петь еще молебны о государе великом князе и его княгине, об устройении земском и обо

всем православном христианстве и поминать преставльшихся великих князей, архиепископов и создателей обители. В трапезу ходить игумену всякий день и есть вместе с братиею; а трапезу иметь не во все дни одну и ту же; иначе устроить ее в дни воскресные и праздничные, иначе во вторники, четвертки и субботы и иначе в понедельники, среды и пятки. Игумену в келии у себя не есть и гостей не кормить и не пировать с ними, а кормить ему и потчевать гостей в трапезе или в келарской. Одеждою, и обувью, и всякими келейными вещами снабжать братию по общежительному преданию. Держать игумену келаря, и казначея, и трех или четырех соборных старцев и с ними вместе исполнять всякий чин, иметь попечение о прочих братиях, ведать доходы и расходы монастырские и виновных подвергать наказаниям. Жить игумену по-чернечески и иметь любовь ко всей братии, а не выситься властительно; братии же иметь игумена своим отцем и учителем, слушаться его во всем и к нему приходить для исповеди, а не держать себе духовных отцев в городе, или посаде, или по селам. Мирским людям, женщинам и отрокам, отнюдь не входить в келии к старцам и питья им в келиях не держать. Игумену держать у себя келейником чернеца или двух чернецов, а мирянина у себя в келии не держать и молодым ребятам ни у игумена, ни у старцев не жить. Если какие христылюбцы пожелают делать вклады в монастырь, игумену с братиею принимать от них вклады в казну на монастырское строение; а если захотят постричься в монастыре, постригать их, хотя бы число братии - двенадцать - было полное. Если игумен начнет не радеть о своих обязанностях, братии отнюдь не молчать, а напоминать ему со смирением и любовию; а если не исправится, то донести архиепископу.

Заботясь об устройении общежития в монастырях, архиепископ Макарий в самом же начале своего управления епархией обратил внимание и на ненормальность поборов в пользу кафедры с черного и белого духовенства. Привезя назад в Новгород казну прежних архиепископов и потому, может быть, не особенно нуждаясь в средствах, он сперва облегчил владычные поборы с монастырей. «И бысть (с приездом

владыки Макария) хлеб дешев, и монастырем легче в пода-
тех и людям заступление велие». Дальнейшее распоряжение
его об облегчении сборов одинаково касалось белого и чер-
ного духовенства.

Устраивая внутренний порядок в епархии, архиепископ
Макарий в то же время заботился как о распространении и
утверждении христианства в северной России, посылая
проповедников к чуди и лопарям, так и о спасении душ ино-
верцев, из коих многих обратил в христианскую веру. Так,
в 1526 г. в первый же год святительства Макария, поморцы и
лопяне (лапландские поморяне), жившие близ устья Невы и
Кандалажской губы (одного из заливов Белого моря), сами
прислали в Москву уполномоченных к великому князю Ва-
силью Ивановичу и просили антими́нса и священников, ко-
торые бы просветили их святым крещением и освятили для
них церковь. Государь поручил архиепископу Макарию от-
править к ним из Новгородского Собора священника и диа-
кона, и эти лица, прибыв по назначению, крестили многих
лопарей и освятили для них церковь во имя Рождества Иоан-
на Крестителя. Через 6 лет (в 1532 г.) другие лопари с Мур-
манского моря (Северного океана), с реки Колы и Тутоломы
обратились непосредственно к самому архиепископу Мака-
рию и также просили себе антими́нсов и священников.
Опять были посланы Новгородского Собора Святой Софии
священник и диакон и крестили многих лопарей за Святым
Носом (один из мысов Северного океана в Белое море) и
освятили для них две церкви: во имя Благовещения Пресвя-
той Богородицы и во имя святителя Николая.

Страна диких лопарей, прилежавшая к Обонежской пя-
тине Новгородских владений, теперь вся была просвещена
святым крещением. Другия финские племена — Корела, Чудь,
Ижора, обитавшие в Вотской пятине, около Иван-Города,
Ямы, Копорья, Ладоги, Невы до Каянии и Лапландии между
Балтийским морем и Ладожским озером, на пространстве
1000 верст или более, уже с XIII века были знакомы с
христианством. Но, веруя во Христа, они по-прежнему
продолжали держаться старых языческих суеверий. Многие

из них вовсе не ходили в церковь, не обращались к священникам, как к своим духовникам, не соблюдали постов, а ходили в свои прежние мольбища, боготворили солнце, луну, звезды, озера, источники, реки, леса, камни, горы. К младенцам своим, когда они рождались, приглашали сперва арбуев, которые и давали им имена, а потом уже священников. Своих умерших хоронили не на христианских кладбищах, а особо, в лесах и курганах. Многие жили с женами и девицами без церковного благословения и венчания, хотя некоторые имели притом законных жен. Услышав обо всем этом, архиепископ Макарий, с соизволения великого князя и по повелению его, «желая прелесть ону искоренити и просветити Божественным учением», написал окружную грамоту (от 25 марта 1534 г.) ко всем игуменам, священникам и диаконам Вотской пятины в Чудские, Ижорские, Корельские, Ореховские и другие уезды и погосты, где только находились подобные язычествовавшие христиане; «сам во Святей Софии молебны пел и воду святил со всем священным собором, и с тою священою водою и своею посыльною грамотою послал своего священника сеней от Рождества Христова, инока Илию, кумирскую прелесть заронити и двух своих боярских детей». В грамоте, укоряя местных пастырей за их крайнее нерадение о своих духовных детях, архиепископ предписывал первым, чтобы они, как только придет к ним Илия, собрали в своих приходах всех православных христиан и приказывали им, всем вместе, тщательно и единодушно, по всем чудским и ижорским местам, в селах, деревнях и лесах разорять и истреблять огнем языческие мольбища, деревья и камни, а арбуев с их учениками приводить к священноиноку Илии для наставлений и убеждений. Потом, когда в каких-либо уездах и погостах будут истреблены языческие мольбища, священники вместе с Илиею совершали бы в церкви соборная молебствия, освящали воду и, соединив ее с тою, которая принесена из Новгорода, объезжали свои приходы и кропили этою святою водою всех жителей от мала до велика и самые их жилища. В то же время поучали бы, вразумляли и убеждали как арбуев, так и их последователей

оставить прежние языческие дела и жить во всем по-христиански и тех арбуев, которые принесут покаяние, исправляли бы сами по правилам святых апостолов и святых отцов, а о тех, которые останутся упорными и непослушными, извещали бы боярских детей, которые обязаны брать их и препровождать в Новгород на суд владыки и гражданской власти. Такое распоряжение архиепископа Макария имело полный успех: Илия объехал многие погосты и уезды и всюду истребил языческие обычаи, восстановил правоверие и некоторых, еще не крещенных, крестил.

В следующем 1535 г. архиепископ Макарий опять посылал благочестиваго инок Илию в те места, в которых он путешествовал, для утверждения в них истинной веры и велел объехать все остальные места, в которых прежде не были, чтобы и там «разоряти чюдские обычаи, еже женам власов своих не постригати и риз яко мертвечьих на главах и на рамах не носити, и кудесы своя проклясти; таков бо бе обычай злой в Чюди, и в Ижоре, и во всей Корельской земли и во всех прежеписанных местах; он же, по повелению своего святителя, сия вся злыя обычаи разори, повеле власы расти и главы своя покрывати, и вся, поучив божественному писанию творити якоже христианом лепо».

Сколь велико было попечение архиепископа Макария вообще о благосостоянии своей паствы и города, можно видеть из следующих летописных сказаний: В 1531 г. мая в 3 день сделался неизвестно от чего сильный пожар на Софийской стороне. Загорелось на Яневе улице у тюрем и погорело все до улицы Дослани, в том числе сгорела церковь 40 мучеников и три тюрьмы, из коих в одной погибло народа «сто полпятадесят человек». Архиепископ Макарий приказал выкопать ров у святого Архангела Гавриила, в конце Фревковой улицы, сам совершил надгробное пение со всем городским духовенством и похоронил погоревших. В это время в городе много было «от злых человек грабежа, татьбы, убийства и всяких злых дел». Владыка, чтобы остановить это зло, обратился к великому князю Василью Ивановичу с мольбою о помощи, и великий князь без замедления в июле

же месяце прислал к нему грамоты и своих дьяков: Якова Шишкина, Афонасия Фунина и дворцоваго Митю Велико-го – с повелением «размерять улицы» на Софийской стороне. Посланные, измерив «Великую улицу от Володимирских ворот прямо в конец, и все улицы из Поля в берег прямо, и места по всему пожару, поставили решетки по улицам всего города, установили огневщиков и стражей у решеток». Вся эта работа была кончена к октябрю месяцу; «и оттоле нача милость Божия быти и тишина велия по всему граду... и мнозии злыи человецы тое ради крепости градской из града избегоша и без вести быша, а инии на покаяние обратишася и рукоделию навывкоша».

В следующем (7040) 1532 г. архиепископ Макарий оказал услугу псковичам. В этом году посетило Псков моровое поветрие, продолжавшееся с июля месяца и до Рождества Христова. Мор был так велик, что градские люди и сановники частию от народного плача, частию от страха смерти все выехали из города и, скрываясь, жили по селам и в местах потаенных. Когда дошло о сем известие до архиепископа Макария, он начал внушать игуменам и священникам, чтобы они утешили народ, и сам, совершая молебствия в храме Святой Софии с омовением святых мощей, посылал святую воду во Псков и по всему Новгороду. И великий князь, услышав об этом бедствии, прислал также из Москвы святую воду «на освящение православным христианам». «И оттоле, - замечает летописец, - нача милосердие Божие быти во Пскове, по мале и поветрие преста». И в Новгороде в этот раз умерло от прыщей более 1000 человек. Но в Новгороде это поветрие повторилось в октябре следующего (7041) 1533 г. и начало свирепствовать с большею, чем прежде, силою. «Нача являтися, - говорит летописец, - на человецех вред, яко прыщ, и тем начаша мнози человецы умирати, и бысть поветрие не малое». Одновременно с этим бедствием посетила Новгород и другая небесная кара. От июня до сентября во всей Новгородской области не выпало ни одной капли дождя. Источники, ручьи и болота пересохли; скот по селам гибнул от жажды, леса горели, а с ними вместе горели и звери,

и птицы; от дыму и мрака в городе сделался нестерпимый смрад, солнце тусклое, багровое скрывалось за два часа до захождения; люди днем не могли распознавать друг друга в лицо и задыхались от смрада, путешественники и плователи не распознавали пути, птицы не могли парить в воздухе. В обоих этих случаях владыка Макарий явил себя пастырем, добре правящим словесное стадо. Твердо веруя и всегда памятуя, что все в мире совершается по премудрой и всеблагой воле Творца, что испытания посылаются небом для врачумления и исправления грешного человека, он старался внушить те же мысли и чувствования и своим пасомым. Первым его делом и первою заботою было расположить бедствующих граждан, чтобы они обратили все внимание на исправление своей жизни и поведения. Собрав духовенство и народ, он всех убеждал к покаянию, поучал пребывать в посте, молитвах и во всяких добродетелях; «повеле, - замечено у летописца, - архиепископ Макарий всем православным христианом поститься, от мала и до велика, две недели, от мяса и млека, но единою днем ясти». Установил каждодневные хождения со святыми иконами по городу, вседневные молебные пения по всем церквам, и сам первый подавал пример пламенной молитвы, глубокого смирения и всецелой преданности воле Творца и Владыки вселенной, вполне надеясь подвигами благочестия утолить праведный гнев Божий и отвратить карающую руку Промысла. Летописец с особенною подробностью говорит о деятельности святителя Макария при том и другом бедствии, постигших Новгород. В то время, когда начала свирепствовать смертоносная язва, «Божиим промышлением пресвященный архиепископ Макарий нача учить игумены, и священники, и всех людей о покаянии и повеле создати единым днем церковь деревяну; они же с радостию прияху добрый совет святителя. Месяца ноября в 8 день, на соборе святого Архангела Михаила, вниде сам боголюбивый архиепископ Макарий в соборную церковь Святую Софею со игумены, и со всеми священники, и со диаконы всего града, нача молебная совершати от 2 часа дни; а всему народу градскому повеле лес имати на

реле в Славней, церковь рубити. Народи же се радостию начаша овии лес влачити, инии же рубити, и прочии церкви ставити; а священники всего града шестих соборов по благословению архиепископа Макария положиша Святое Евангелие тетро во святом алтаре на престоле и украсиша его паволокою честною и серебром, якоже лепо на престоле быти, а христоименитии людие украсиша церковь Деисусы, и святыми иконы, и честными кресты, и священными сосуды, яко велми угодно видети; пресвященный же архиепископ молебная совершая даже и до вечерняя години. Божиею же помощию, егда совершися верх церкви, тогда вниде сам архиепископ в церковь, и с ним собор Святей Софеи и честные игумены и всего града священники, и свята сам во имя святого славного Апостола и Евангелиста Марка, по жребию. Преже бо во всем граде не быша храмов святых Евангелистов Матфея и Марка, и по жребию поставиша святого Марка; и святую Литургию совершив, яко в 2 час нощи, и ишед архиепископ из церкви и поучив игумены и священники и весь народ, еже пребывати в постах и молитвах и во всяких доброделях и отпусти их. И Божиею благодатию по мале и поветрие преста. А не стало от того поветрия в Великом Новгороде православных крестьян мужеска полу и женска тысяща человек и множае».

Своими молитвами и ходатайством пред Богом не малое утешение доставил пастве архиепископ Макарий и при втором бедствии. В то время (1533 г.), как все гибло от невыносимого жара, дыма и смрада, «боголюбивый архиепископ Макарий созва игумены, и священники, и сановники града, и весь народ и со кресты около града ходя, молебная совершая, прося у Господа Бога великия милости и благорастворения воздуха и дождя, и повеле архиепископ по вся дни по всем церквам молебная пети и служити Литургию. И Господь услыша моление раб своих, посла дождеве велиции на землю, и преста горение и дымове и мрак».

Замечательна и следующая услуга Новгороду архиепископа Макария. Вследствие сильных пожаров, которые часто опустошали Новгород, вокруг города не было никаких

укреплений, так что он был открыт со всех сторон для нападения неприятелей. Великий князь Иван Васильевич, желая оградить город от нападения немирных соседей, в (7042) 1534 г. прислал в Новгород своего дьяка Григория Загряско-го к архиепископу Макарию с наказом обнести Софийскую сторону города деревянною стеною. Владыка, исполняя волю государеву, с крестным ходом и в сопровождении всего городского духовенства, отправился сам на то место, где надлежало строить стену, и, совершив молебное пение, положил основание деревянному граду. Работы шли быстро и столь успешно, что в продолжение почти трех месяцев градная стена была построена. Чрез три года, т. е. в (7045) 1537 г., была ограждена деревянною стеною и Торговая сторона.

Построение ее было вызвано следующим обстоятельством: Старицкий князь Андрей Иванович, спустя немного времени после смерти старшего брата, великого князя Василья Ивановича, вознамерился овладеть великокняжеским престолом и сделаться самодержавным правителем Русского государства, которым правил тогда малолетний его племянник Иван Васильевич со своею матерью - Еленою. Оставив свой удел - Старицу с пригородами и волостями, - он с многочисленною ратью отправился в Новгородскую область и уже находился близ Яжелбицкой волости. Весть об этом чрезвычайно опечалила новгородцев. «Архиепископ же Макарий со всем городским духовенством повседневно совершал молебны и прилежно молил Господа, Пречистую Его Матерь и великих чудотворцев о устроении земском, и о тишине, и о государеве здравии великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси», и особенно о том, чтобы «послал Господь Бог милость свою, возвратил гнев свой, избавил богоспасаемый преименитый град Москву, и Великий Новгород, и вся грады и страны христианския от междоусобных брани». В это же время наместники Новгородские - князь Борис Горбатой и дьяки Яков Шишкин и Фуник Курцов, по слову государеву и по благословению владыки Макария, начали обносить Торговую сторону города деревянною стеною, чтобы в случае нападения можно было обороняться. Работа

производилась с неимоверною быстротою, так что кругом всей Торговой стороны поставлена была стена в рост человека в пять дней. В этот раз, как и при ограждении Софийской стороны деревянною стеною, архиепископ Макарий и по примеру его духовенство принимали самое деятельное участие. Прежде в укреплении города участвовала вся область, а в эти разы строили укрепления одни граждане новгородские, «и на самого архиепископа Макария урок учиниша, такоже и на весь священный лик, на церковные соборы урок учиниша».

Не лишним считаем упомянуть здесь о нижеследующем предприятии архиепископа Макария, которое, хотя не увенчалось успехом, тем не менее свидетельствует о великом его усердии и желании украсить Новгород в период своего святительства. В 1528 г. (7036) явился в Новгород из Пскова какой-то хитрец и, посмотрев на реку Волхов, начал говорить: «Аще бы мне кто повелел, сделал бы есми на сей реце мельницу». Эти речи переданы были владыке, и он «болши хотя украсити В. Новгород при своем честнем святительстве, повеле делати мельницу, где пригоже, дабы и сия вещь, еже из начала града не бывала, принадлежала к дому Святей Софии». Место для постройки мельницы избрал мастер на Софийской стороне, где стояла баня «на рельке», которую «изначала звали Крюк» и на которой «прежде жили нарочитые дворяне владычня двора». Вероятно, это было то место, которое ныне носит название архиерейского островка близ каменного детинца. От этой рельки мастер начал делать «срубы великие, и вести вверх по реце ко владычню двору и берегу, и топити те срубы камением велицем на дно Волхова, чтобы ему отнять часть у Волхова, куде быстринам водным течи; таже и ограду сдела, и колесо постави, и камень жерновный постави, и камень нача вертетися, тако видети, кабы ему молоти». С наступлением весны, когда пошел лед из озера Ильменя, начало разрушать «древне и срубы», а потом сильным разлитием вод Волхова окончательно была разрушена вся постройка и разнесено самое то место, где стоял жернов, так что не осталось ничего, только «камение на дне да мало срубов». Из остатков леса владыка приказал поставить

конюшни, чтобы, по крайней мере, они достались дому Святых Софии. Мастер же хитрец, причинивший такой изъяз, чтобы «пронырством наполнить свой корван», видя разрушение неразумно затеянной постройки, от страха бежал из города и неизвестно, где скрылся.

Великое имел попечение архиепископ Макарий и о лепоте церковной. Устраоя обители, он, по замечанию летописца, имел великое тщание и прилежание и о храмах Божиих. Питая особенную веру к чудотворной иконе Знамения Божией Матери и видя, что от многих лет и частых пожаров священные изображения на ней очень потемнели, он, будучи сам искусен в живописи, решился поновить как святую икону, так и самый храм, который тоже пришел в ветхость. «Того же 7036 (1528) лета, - замечено в летописи, - понови пресвященный Макарий чудотворную икону Знамение пречистые, понеже от много лет обетшала зело; он бо кузнию и манисты украси, и соверши ю месяца октября в 20 день, и проводи честно сам пресвященный архиепископ Пречистую Богородицу на Ильину улицу со кресты, и со архимандритом, и со игумены, и со священники, и диаконы, и всего Великаго Новгорода народ, мужи и жены; того дни боголюбивый архиепископ и церковь свяща честное знамение понеже и в церкви того лета понавливали, и чудотворную икону постави в церкви Святыя Богородица, и воздаша хвалу Богу и Святых Богородице».

В том же 1528 г. он исправил, расширил, обновил и богато украсил Софийский собор. Устроил в нем вместо обветшалых новые царские врата⁵, «с мудрыми подзоры». Над царскими вратами был установлен хрустальный крест. Архиепископ Макарий «самую чудную икону святу Софию выше воздвиг». Летописец дважды подчеркивает, что все иконы святитель «повеле по чину поставити». Увеличение числа икон в Софийском иконостасе носило не только количественный характер, но имело и богословскую особенность: был написан праотеческий ряд. Таким образом, появившийся в Московской Руси высокий иконостас получил в Великом Новгороде свое последующее развитие.⁵⁰

Архиепископ Макарий разместил иконы в надлежащем порядке, а древнейшие цареградские иконы Спасителя и святых апостолов Петра и Павла, устроенные из золота и серебра, обновил. Потом расписал стены собора с наружной стороны. Летописец с восторгом и особенною подробностью говорит о трудах святителя по обновлению и украшению Софийского собора. «И входящу самому боголюбивому архиепископу Макарию во святую соборную церковь Святею Софею, и с ним архимандритом и честным игуменом, и священником, и дьяконом, и всем православным христьяном такову лепоту в церкви видяще, и всем рещи: Господи! Освяти любящая дому Твоего. Того же лета, весне, повеле пресвященный архиепископ Макарий иконописцем написати настенное письмо, на стену, у Святей Софеи над дверми, коими сам входит от запада: и написати выше Живоначальную Троицу, а дотолѣ Святею Софею Премудрость Божию, и Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа, и два Архангела по сторонам, на поклонение всем православным христьянам. И сам боголюбивый архиепископ, входя в соборную церковь и исходя, поклонение твоя и моление исполняя. А и прежде сего было же написано на том же месте, но только един образ Вседержителя до пояса, а мало не все место, идеже ныне настенное письмо написано, но от многих лет обетшало; и архиепископ то веле отъяти, и поновѣ е».

В 1530 г. августа 25 день в самый час рождения Иоанна Грозного архиепископом Макарием отлит колокол в 250 пудов для Святой Софии, «велик велми, яко страшней трубе гласящей», по выражению летописи. Не пробный ли его звон встревожил дух новорожденного Иоанна, будущего государя, который впоследствии так жестоко отмстил Новгороду за эту тревогу. «Того же дни, т. е. 25 августа (7038) 1530 г. и тоя нощи часа 6, егда бысть рождение государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руссии, в Великом Новгороде вылили колокол к соборней церкви Святей Софеи повелением боголюбиваго архиепископа Великого Новгорода и Пскова владыки Макария, велик велми, яко такова величества нест в Новогороде и во всей Новгородской

области; и иовеле архиепископ в тот колокол по вся дни благовестити, яко страшной трубе гласящей, и слышавше его собирахуся в церковь священники на славославие Богу».

В 1533 г. архиепископ Макарий устроил великолепный амвон в Софийском соборе, а в 1537 г. сделаны сребропозлащенные оклады на 13 больших местных икон.

Не мало радел архиепископ Макарий о благоуукрашении Новгорода и святыми храмами. Подражая примеру святителя, богатые граждане соорудили много новых храмов, вместо ветхих, а несколько храмов было воздвигнуто по особому распоряжению его самого. Строения таковых храмов он вверял людям опытным и благочестивым, каков был московский гость Дмитрий Сырков и другие. Число храмов, устроенных в одном Новгороде при архиепископе Макарии, из коих некоторые были освящены им самим, простирается свыше 34-х.

В 1527 (7035) г. 9 сентября с соборным и со всем городским духовенством архиепископ Макарий торжественно святил церковь святого апостола Филиппа на Нутной улице; «и ту на обедне простил Бог жену очима больну». А еще ранее, 23-го августа того же года, освящал он придел во имя Луки Евангелиста на Лукине улице, устроенной в паперти, так как большая церковь от бывших пожаров «запала».

В 1528 (7036) г. 29 июня освящена деревянная церковь во имя Святителя Николая в монастыре в Воротниках, а в монастыре на Колмове освящена каменная церковь в честь Успения Божией Матери на самый праздник, эта последняя церковь была заложена весной в 1527 г.

В 1529 (7037) г. 9 сентября освящены два придела на «полатех у св. Николы на Дворище: в честь Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и в честь зачатия св. Анны; а в 13 день сентября освящена каменная церковь во имя св. апостола и Евангелиста Луки, на Лубянице на Поле. В этом же году 12 июня освящена деревянная церковь во имя преподобного Онуфрия в монастыре на Волотове и построенная в 7-мь месяцев каменная церковь во имя великомученика Прокопия, с погребом, на Ярославле дворе, строителем ее был Московский гость Дмитрий Иванов, сын Сырков.

В 1530 (7038) г. по благословению архиепископа Макария заложена каменная церковь с трапезою в монастыре на Колмове во имя Живоначальной Троицы; а в 1533 (7041) г. эта церковь постройкою была окончена и освящена по благословению святителя.

В 1532 (7040) г. архиепископ Макарий, по повелению государя, великого князя Василья Ивановича, построил в каменном городе у стены деревянную церковь в честь Успения Божией Матери с приделом святого Иоанна Предтечи в честь государя, великого князя, и освящал сам владыка «велими чинно и честно, месяца марта в 17 день; в том же году в церкви Воскресения на Павловой улице устроены два придела: один – во имя святого Апостола Иакова Заведеева, который был освящен апреля в 28 день, а другой - в честь зачатия святого Иоанна Предтечи и освящен 23 сентября. Оба эти придела строил гость московский Богдан Семенов, сын Корюкова. Наконец, осенью того же 1532 г., по повелению архиепископа Макария, поставлена на владычном дворе каменная церковь святителя Николая возле церкви святых исповедников; «а нарядчиком был Дмитрий Сырков».

В 1533 (7041) г. 6 октября архиепископ Макарий святил каменную церковь в честь Благовещения Божией Матери в Евфимиеве монастыре, а 16 октября освящена деревянная церковь во имя чудотворцев Козьмы и Дамиана в Кузнецах на Ёзени; и в этом же году 2 августа основана была каменная церковь в честь Сретения Господа нашего Иисуса Христа в Антониеве монастыре, с приделом во имя преподобного Антония и с каменною трапезою, при игумене Геронтии. 8 сентября 1537 (7045) г. на праздник Рождества Богородицы - церковь Сретения Господня в трапезе и придел святого Антония освящены в один день; и большой храм святил сам владыка Макарий с игуменом Геронгием.

В 1534 (7042) г. 19 октября священа каменная церковь святых равноапостолов Константина и Елены с приделом великомученика Димитрия на Софийской стороне, на Яневей улице в Поле; а 11 января священа деревянная церковь святого славного пророка Илии с

трапезою в Петровском монастыре, в Горончарском конце.

В 1535 (7043) г. 11 апреля основана каменная церковь в Хутынском монастыре во имя святого Григория Великия Армении, против южных дверей большой церкви и чюдотворцева гроба. Церковь эта «вельми чюдная строилась два лета» и освящена в 1536 г. 6 августа архиепископом Макарием с игуменом обители Феодосием и с прочим духовенством.

В 1536 (7044) г. поставлена деревянная церковь во имя чюдотворцев Козьмы и Дамиана «в Онтонове на Всполье» и освящена 3 октября. В этом же году у Николы на Дворище, вместо деревянного придела во имя преподобного Варлаама на «Голбце», устроен каменный и освящен 15 октября; а строил московский гость Дмитрий Сырков. Весною сего же года построена деревянная церковь «в Онтонове на Всполье» в честь Рождества святого Иоанна Предтечи и освящена 13 апреля; а в 30 день этого же месяца освящен престол во имя святого Евангелиста Матфея в приделе у Мироносиц на Дворище.

В этом же 1536 г. заложена на старом основании, по благословению владыки Макария, каменная церковь Бориса и Глеба, о пяти верхах, в Плотинском конце, с приделами на «полатех чюдотворца Николая и святого Владимира». Строили эту церковь две улицы – Запольская, Конюхова – и московские гости; освящена церковь Бориса и Глеба и оба придела в один день 1537 г. 3 декабря. В том же 1536 г., по благословению владыки Макария, построена церковь Похвалы Божией Матери о трех верхах, и торжественно освящена эта церковь самим владыкою в 15-й день октября 1537 г. А строил эту церковь боголюбивый человек с Лубяницы на Торговой стороне Афанасий, сын Филипов. Церковь эта была построена по завету «от мору».

Наконец, в том же 1536 г. положено основание теплой каменной придельной церкви Сретения Господня у святых жен Мироносиц на Дворище. Церковь эта кончена постройкою и освящена в 1538 г. октября в 21 день и была первою теплой церковью, «опричь теплой церкви на дворе архиепископа» и в монастырях; а строил ее сын московского гостя Федор Дмитриев Сырков.

В 21 день ноября 1538 г. освящена деревянная церковь Феодора Стратилата в монастыре у св. Николы в Воротниках; а построила эту церковь и с трапезою жена московского гостя, вдова Елена Ильина Тараканова.

В 1538 (7046) г. 2 мая, по благословению архиепископа Макария, заложена была в Юрьеве (Георгиеве) монастыре каменная церковь с трапезою во имя святителя Алексия митрополита Московского и всея России чудотворца. Эту церковь освятил владыка Макарий в 15 день сентября 1540 г. при архимандрите Гурии; и в этом же году он «поставил церковь каменную в каменном городе святой мученицы Анастасии, от мору заветную». Наконец, в этом году еще «заложена каменная церковь с трапезою у Андрея Апостола на Щитной улице, с приделом преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев».

Из этого перечня видно, что каждый почти год пребывания Макария в Новгороде был ознаменован или построением новых храмов, или устройством придельных церквей.⁵

Как пишет один исследователь, в «продолжение 10 лет (1526-1537гг) в одном Новгороде было построено 27 церквей (18 каменных и 9 деревянных), из них 10 освящал сам архиепископ.⁵⁰

К числу важнейших деяний архиепископа Макария в период его святительства в Новгороде, а потом и в сане митрополита Московского, бесспорно должно отнести любовь его к наукам и содействие просвещению. Дело книжное было самым любимым, если не самым главным его занятием не только для пользы Новгородской паствы, но и для всей Русской церкви. Он поручал то составлять жизнеописания отечественных святых, то переводить полезные книги с иностранного на русский язык. Постоянно содержа на своем иждивении множество писцов, он не щадил никаких издержек, чтобы собирать и списывать жития святых, книги Священного Писания, творения святых отцов и вообще назидательные сочинения; сам пересматривал и исправлял рукописи и переводы. Между иными книгами, вопреки общему тогда предубеждению против латинских писателей,

архиепископ Макарий поручил перевести «Псалтирь толковую от Римского писания и речи на Русское писание и на Русскую речь». Труд этот был начат ранее еще 1536 г., но в семь «лет совершения достиже месяца октября в 15 день».

Другий книжный человек, который по просьбе и благословению архиепископа Макария потрудился в писании, был боярский сын Василий Михайлович Тучков. В 1537 г., когда по воле государя прибыл он в Новгород для собирания ратных людей, архиепископ Макарий, «слыша о нем, яко издетска сей Василий навек велми Божественнаго Писания, и нача его благословляти на духовное дело, тако рек: тайну цареву, чадо храни, а дела Божия ясно проповеждь: напиши и распространи житие и чудеса преподобнаго и блаженнаго Михаила, нарицаемаго Саллоса, жившаго блаженную жизнь у Живоначальных Троицы на Клопске».

Вскоре архиепископу Макарию представился и другой подобный случай. В Новгород пришли два монаха с Афона. Передавая архипастырю о положении православия и православных в тех странах и о разных притеснениях со стороны турок, иноки рассказали, между прочим, какие тяжкие мучения недавно претерпел один молодой болгарин, по имени Георгий. Рассказ до того подействовал на святителя, что он немедленно приказал описать жизнь и подвиги нового мученика иеромонаху своей домовою церкви Илии, вероятно, тому самому, которого посылал (в 1534 и 1535 г.) для утверждения христианства между корелами и другими финскими племенами. Илия исполнил волю владыки и написал в 1539 г. житие святого великомученика Георгия Болгарского.

Но, вызывая отовсюду и отыскивая грамотеев, которых архиепископ Макарий держал при себе, сам он более всех был занят книжным делом, которое длилось в Новгороде 12 лет. Плодом его книжных занятий было такое громадное собрание житий святых, какого у нас не было ни прежде, ни после него. А доказательством его обширной начитанности и книжной мудрости, какая доступна была тогда русским, служат его Чети-Минеи. Это громадный литературный сборник, в котором святитель старался собрать и, как сам

он говорит, действительно собрал «все святые книги», которые в Русской Земле обретаются. Сборник разделен на 12 больших книг, по числу 12 месяцев года, и в каждой книге на каждый день месяца предлагаются приличные дню чтения для православных (оттуда и название Чети-Минеи). Сообразно с этою целью в Чети-Минеи прежде всего должно было войти все то, что издревле предлагалось у нас для той же цели, только в разных книгах, и именно: вошли краткие сказания о жизни и подвигах святых и об открытии мощей их, об установлении в честь их праздников, краткие поучения, назидательные повести, изречения подвижников, предлагавшиеся в прологах; жития более или менее подробные, иногда обширные, и такие же повествования об открытии мощей, предлагавшиеся в сборниках и переписывавшиеся отдельно; похвальные слова святым, слова учительные, торжественные на разные праздники - господские, богородичные и святых, помещенные в торжественниках, в сборниках и в других подобных книгах. Одних этих статей было достаточно, чтобы Чети-Минеи Макария соответствовали своему названию и своей цели. Но ему хотелось большего: вместе с житиями святых Макарий желал соединить и их писания или сочинения, какие только употреблялись в России, были ли то сочинения краткие или обширные, или даже целые книги, и он поместил эти писания каждого из святых писателей, большею частью, под теми самыми числами месяцев, когда совершается их память. Так, в день святого Василия Великого (1 января) поместил его книгу о постничестве; в день святого Григория Богослова (25 января) - книгу его слов; в день святого Ефрема Сирина (января 28) - его Патерик; в день святого Григория, Папы Римского (марта 11) - его толкования на Евангелия и сказания о житии святых отцев; в день святого Кирилла Иерусалимского (марта 18) - его катехизические поучения; в день святого пророка Иеремии (мая 1) - книгу его пророчеств; в день праведного Иова (мая 6) - книгу Иова; в день пророка Исаии (мая 9) - книгу его пророчеств; в день 12 апостолов (июня 30) - толковый Апостол; в день преподобного Иосифа Волоколамского

(сентября 9) - его духовную грамоту и Устав; в день успения святого Иоанна Златоустого (сентября 14) - его Маргарит; в день святого Иоанна Богослова (сентября 26) - его Евангелие и Апокалипсис; в день святого Дионисия Ареопагита (октября 3) - его книгу о небесной иерархии; в день святого Иоанна Дамаскина (декабря 4) - его книгу Небеса и книгу об осми частях речи и проч. Чети-Минеи Макария, чрез такое внесение в них книг Священного Писания и отеческих творений, увеличились едва ли не вдвое, если не более.

Но не удовлетворился и этим архиепископ Макарий. Ему хорошо было известно, что есть древние, благочестивые и уважаемые сочинения и целые книги неизвестных авторов, по крайней мере, не принадлежащие одному какому-либо святому писателю, которые потому нельзя было приурочить в Чети-Минеех к какому-либо определенному дню. Известно также было и то, что есть многие достойные сочинения и известных писателей, не причтенных к лику святых, которые тем менее имели право занять место в Чети-Минеех под определенными числами месяцев. Что тут было делать? Макарий не задумался внести в свои Чети-Минеи и такого рода сочинения, но придумал поместить их, большею частью, в виде приложений к своим месячным книгам, под последним числом то одного, то другого месяца. Например, в конце декабрьской книги поместил три древних патерика, в конце февральской - книгу Иосифа Евреина и две статьи об отпадении латинян от церкви, в конце апрельской - огромную книгу Никона Черногорца, в конце июньской - еще два древних патерика - Синайский и Египетский и книгу «Странник» русского игумена Даниила, в конце июльской - книгу Иоанна Экзарха Болгарского, книгу «Пчелу», книгу проповедей митрополита Григория Симвлака, а всего более, в конце последней книги, августовской - книгу Косьма Индикоплов, толкование о церковных вещех и толковую службу, главизны Василия царя греческого к сыну, послание Фотия Патриарха, слова Косьмы пресвитера, разные послания русских князей, митрополитов и епископов и проч.

Таким образом, Чети-Минеи Макария, разрастаясь более и более, обратились, наконец, в целую библиотеку, в которой просвещенный архипастырь старался собрать и сохранить для потомства все книжные сокровища своего времени, все памятники литературы и письменности, какие тогда у нас существовали. Этому великому делу Макарий посвятил, по его собственным словам, двенадцать лет своей жизни в бытность его святителем Новгородским. Он имел различных помощников и писцов, не щадил для них ни серебра своего, ни почестей, и лично сам «многи труды и подвиги подъят от исправления иностранных и древних пословиц, превода на русскую речь». В 1541 г., за год до возведения на кафедру Московской митрополии, он положил все 12 книг своих Чети-Миней вкладом в Новгородский Софийский собор, на помин своих родителей. Но и по вступлении на Московскую первосвятительскую кафедру владыка Макарий не считал свою работу вполне оконченной и продолжал ею заниматься в Москве несколько лет, хотя, может быть, не с таким постоянством, как в Новгороде. Об этом сам он не говорит, но тем не менее непрерываемо свидетельствуют о том два новых списка его Чети-Миней, из коих один в 1552 г. был пожертвован в Московский Успенский собор, а другой, как предполагают, тогда же поднесен был царю Ивану Васильевичу. Оба списка, сходные между собою, не мало различаются от Новгородского: кроме того, что в них по местам статьи расположены в другом порядке и некоторые статьи из одних месяцев перенесены в другие, в этих списках оказывается много книг и сочинений, которых нет в Новгородском, каковы: Евангелие от Луки с толкованием Феофилакта, книга Мефодия, епископа Патарского, вещи и самовластие, книга Измарагд, книга Григория Симвлака, книга Иосифа Волоколамского, книга Златая цепь и другие. Помещены некоторые новые жития русских святых, составленные уже по окончании новгородского списка, например жития Александра Свирского, Иосифа Волоколамского, Павла Обнорского, Евфросина Псковского, Александра Невского, Митрополита Ионы. И, стало быть, над составлением своих великих Чети-Миней владыка Макарий трудился не 12 только, а около 20 лет.⁵

О высокой филологической культуре Макария свидетельствует полнота выявленных памятников, включенных в его «энциклопедические» книжные своды (особенно – Великие Минеи-Четьи), приемы работы с текстами, редактирование и применение сложнейшей систематизации собранного материала. Близкий писательским кругам, Макарий в свои личные сборники включал первоначальные редакции текстов. Таков по составу его так называемый Макарьевский сборник, содержащий «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «Слово похвальное» инока Фомы и др.¹⁶

В своих Чети-Минейх Макарий желал совместить жития не только святых древней церкви, но и отечественных и вообще славянских. Вот что говорит иеромонах Илия, решившийся по повелению архиепископа Макария описать мучение святого мученика Георгия: «Надеюсь на святого мученика Георгия молитвы и мучениколюбца святителя Макария, иже и во иных добродетелех многих мужа совершена и в меру возраста исполнения Христова пришедша. Изрядно же дело его день и ночь, яко пчеле сладость отвсяду поискати святых жития... Многи от святых забвению предани быша... сих убо святитель под спудом не скрывает, но на свещнице добродетели возлагает». Собирая для своих Чети-Миней жития отечественных святых, Макарий не мог не встретиться с мыслью, что многие из них, хотя чтутся православными, доселе еще не канонизованы или не причтены церковью к лику прославляемых угодников. И вот уже в бытность его митрополитом, под председательством его состоялись соборы в 1547 и 1549 годах, на которых и положено было праздновать память 32 святым по всей России и 9-ти местно, где они покоятся. Это новое обстоятельство потребовало составления нескольких новых житий, для празднования в честь святых, по уставу, кроме служб им. Но и этим не окончилась любовь митрополита Макария к житиям. Не имея теперь возможности продолжать труд по собранию житий святых с таким усердием, с каким занимался ими в Новгороде, он продолжал поручать и благословлять составление новых житий людям книжным с целью подготовить материалы для

канонизации и еще некоторых отечественных подвижников благочестия; вследствие чего написано было несколько житий новоявленных угодников Божиих, а жития иных святых, уже прославленных, явились в новых редакциях.

Замечателен и другой литературный труд Макария в бытность его архиепископом в Новгороде - это продолжение составления так называемой Степенной книги, в которой изложены царственные деяния, церковные события и помещены жития святых в новых редакциях, например святой Благоверной княгини Ольги, святого князя Владимира, повесть о святых мучениках Борисе и Глебе, о святом князе Александре Невском, о Всеволоде Псковском и др.

Над продолжением и дополнением Степенной книги Макарий в сане митрополита так же усердно трудился, как и над продолжением составления житий для своих Чети-Миней. Доказательством сему служит то, что в сохранившемся списке Степенной книги, писанном в его время и продолженном до самой его кончины, есть статьи, писанные им самим, например описание первых 26 лет правления царя Иоанна Васильевича, и есть статьи, составленные по его благословению и тогда же, а не после, занесенные в Степенную книгу. Вообще владыка Макарий оставил по себе бессмертную память своими литературными трудами, которых большая часть принадлежит именно времени святительства его в Новгороде.

С особенною энергиею занимаясь делами церковного управления, архиепископ Макарий своим умом, деятельностью и мудрою распорядительностью на пользу своей паствы, церкви и государства, умел заслужить расположение и державных. В декабре 1527 г. великий князь Василий Иванович, прибыв в Тихвин помолиться Пречистой Богородице о своем здравии и спасении и «чтобы Господь Бог даровал ему плод чрева», вызвал туда для совокупной молитвы и архиепископа Макария, который пел молебны «соборне с игумены и священники и божественную литургию совершал о государском здравии и всего православного христианства» и затем с честью был отпущен в свою архиепископию. Неоднократно и после того великим князем давались

архиепископу Макарию важные государственные поручения, и оказывалось ему со стороны великого князя внимание. Так, в 1530 г. великий князь, назначив в Новгородский Юрьев монастырь настоятелем своего архидиакона инока Силуана и в 1532 г. в Хутынский – «старца из Осифовы пустыни, инока Феодосия, клирика чином», для возведения первого в сан архимандрита, а второго в сан игумена отправил в Новгород к архиепископу Макарию.

При великом князе Иоанне Васильевиче IV еще более высказалось доверие и уважение к архиепископу Макарию. В 1535 (7043) г. великий князь Иван Васильевич вместе с матерью своею Еленою писали богомольцу своему архиепископу Макарию в Новгород, что когда татары делали нападения на Русь, то взяли в плен многих боярских детей, мужей, жен и девиц и что теперь они отпускают их из плена, только требуют за них выкупа. При этом просили владыку принять с духовенством епархии участие в этом выкупе и собрать со своей архиепископии, не исключая и монастырей, 700 руб. московских, которые Макарий немедленно собрал и отправил в Москву 22-го ноября. Вслед за тем, в декабре того же 1535 г., юный государь с матерью своею Еленою опять писали владыке в Новгород, прося его благословить и отпустить наместников Новгородских в Литву на делоратное противу их недруга, а самого приглашали в Москву для совета о земском устроении и для богомолья о здравии и благополучии государя и его матери и о их христолюбивом воинстве. В то же время и митрополит прислал к нему послание, в котором просил приехать в Москву как для соборного богомолья о благоденствии России, так и особенно для совещания о делах духовных и земских и способствовать ему мудрыми советами в государевой Думе. Прибыв в Москву и здесь представляясь малолетнему государю и его матери (10-го января 1535 г.), он поднес, «по обычаю», многие дары и был принят с честью и любовью. Пробыл в Москве владыка Макарий 18 дней, «по всем церквам езда молебная совершая, и два раза служил литургию в храме чудотворца Николая Гостунскаго». Через день бывал у государя, «много

печалования творя из своей архиепископии о церквах Божиих, и о победных людех, которых в опале было множество много». И государь уважил его ходатайство, многих помиловал и, «самого доволне одарив», с честью отпустил в Новгород.

В 1535 г. когда воеводы русские поставили в литовской земле новый городок на озере Себеже и построили в нем три церкви, великий князь поручил архиепископу Макарию послать священников для освящения церквей и места и дать название городку. Владыка, исполняя волю царскую, назвал город «Ивань-городом на Себеже», в честь государя.

16 лет правил Новгородскою паствою архиепископ Макарий. В последние два года пребывания его в Новгороде город испытал тяжкие бедствия. «В 1540 г. в Новгороде было большое наводнение, которое причинило много вреда городу». В том же году «в церкви св. Спаса на Хутины был пожар, на правой стороне у чудотворцева гроба: погорели иконы со всем узорчьем до царских дверей, и чудотворцев гроб обгорел, посох же его тростной тут же у гроба не сгоре, молитвами преподобного Варлаама чудотворца». В следующем 1541 г. обе стороны Новгорода были опустошены страшными пожарами.

Больносердый владыка в этих бедствиях не мог уже оказать помощи гражданам Новгорода, потому что в следующем 1542 г. был отозван на новое поприще служения в Москве, которой и принадлежат остальные годы его святительства в сане Митрополита Московского и всея Руси.

В 1542 г. 3 января в Москве произошла боярская смута, жертвою ее сделался и митрополит Иоасаф, который сослан был в Кириллов монастырь на Белоозеро. Столица оставалась без владыки. В это смутное время нужен был святитель - муж с умом государственным, который бы мог врачевать раны бедствующей России, с твердым характером, чтобы противодействовать своеволию бояр и влиять на умы народа пастырскими увещаниями. Дума царская медлила около двух месяцев и наконец вызвала в Москву Новгородского архиепископа Макария, мужа, уже известного своим светлым умом, деятельностью и благочестием. Через семь дней

по прибытии (16 марта 1542 г.) он был наречен первосвященником и возведен на митрополичий двор, а через 10 дней (19 марта) поставлен в митрополиты. Настоящий выбор принадлежал к числу самых счастливых: Макарий по своему образованию и архипастырской деятельности был знаменитейшим из всех наших первосвященников XVI века.

Митрополит Макарий правил русскою церковью в лучший период царствования Иоаннова. В 1547 г. 16 января он венчал Иоанна на царство венцом Мономаховым, а 13 февраля того же года венчал его с Анастасиею. В этом же 1547 и потом в 1549 г., по мысли Макария, состоялись соборы, на которых канонизованы многие святые Русской церкви.⁵ Это были так называемые «соборы примирения» (1547, 1549, 1550 гг.): для них было характерно произнесение покаянно-примирительных речей, с которыми выступали и сам глава Русской Церкви, и царь, и бояре, бывшие челом освященному собору о своих «винах» и получавшие прощение. (Шмидт С.О. Становление... С. 182-183, 193.)¹⁶ На соборе был пересмотрен и исправлен, по желанию юного государя, судебник, чтобы впредь суд был праведный и всякие дела совершались законно. Когда этот труд был окончен, государь выразил желание, чтобы подобное было сделано и для благоустройства церковного, и для этого в начале 1551 г. созвал в Москве собор, важнейший из всех соборов, какие только были доселе в церкви Русской. Сведений о нем мы не встречаем в наших летописях, но они сохранились в особой книге, известной под именем Стоглава, или Стоглавника, потому что она разделена на 100 глав, отчего и самый собор обыкновенно называется Стоглавым. Книга эта содержит в себе и деяния собора, и постановления.

Предметы для занятий собора были указаны в 69 вопросах самого царя и были вообще многочисленны и разнообразны; но круг их еще расширялся самими отцами собора при их совещаниях и постановлениях. Можно сказать, что круг этот обнимал собою всю обширную область церковной жизни и касался более или менее всех ее сторон: а) учения веры и богослужения с его обрядами, б) управления или святительского

суда, во всех подробностях, в) поведения духовенства, белого и монашеского, особенно устройства монастырей, и поведения мирян, их суеверий, нравов и обычаев, семейных и общественных, г) отношений церковной власти к власти гражданской и к самому Государю. Стоглавый собор имел в виду как бы обновить всю Русскую Церковь, исправить все недостатки, какие существовали в ней и усилились в последнее время, и указать ей путь для правильного развития всех отраслей жизни. На Стоглавом соборе, между прочим, вновь были рассмотрены вопросы, которыми занимались соборы Владимирский в 1274 г. и Московский в 1503 г.; но рассмотрено множество и других вопросов, которых вовсе не касались на прежних соборах. В этом отношении Стоглавый собор далеко превосходит все, дотоле у нас бывшие. Уложение его, или книга «Стоглав», явилась в царствование Иоанна IV почти таким же сводом узаконений для Русской церкви, каким явился тогда же пересмотренный «Судебник» для Русского государства. Одним из полезнейших действий собора было заведение училищ в Москве и в других городах, чтобы иереи и диаконы, известные умом и добрыми качествами, наставляли там детей в грамоте и страхе Божиим. В деяниях сего собора замечательно еще установление празднования некоторым святым русским. Это установление, без всякого сомнения, принадлежит благочестивой ревности Макария.

Кем написаны определения, изложенные в «Стоглаве», решить трудно. Но, кажется, они написаны не одним лицом; тем не менее не подлежит сомнению, что многие постановления изложены самим митрополитом Макарием. Он еще прежде нарочито занимался собиранием и изучением церковных законов, превосходил прочих членов собора своим образованием и более всех их был способен написать соборные решения. Впрочем, кем бы ни были написаны постановления «Стоглава», окончательная редакция их не могла состояться без просмотра митрополита Макария, как председателя собора и главного иерарха.

В 1552 г. митрополит Макарий благословлял царя в поход на Казань и после покорения торжественно встречал победителя с крестным ходом. При этой встрече владыка говорил ответную речь царю, в которой виден его великий ум и сильная воля. Особенно замечательно послание митрополита Макария, которое он писал к Свияжскому войску пред покорением Казани, когда услышал о неблагопристойностях в войске.⁵

В 1555 г. митрополит Макарий провел церковный собор, на котором была образована новая Казанская епархия, а 3 февраля участвовал в поставлении первого казанского архиепископа Гурия. При поддержке митрополита создаются грандиозные памятники архитектуры и литературы, в которых прославляется величие и сила русского самодержца (а с ним – и главы Российской Церкви) – такие, как храм Василия Блаженного на Красной площади, роспись Золотой палаты Кремля, «Летописец начала царства». Та часть «Летописца», которая повествует о событиях 1534-1553 гг., основана на материале Макарьевского владычного свода. В эти же годы завершается составительская и редакторская работа Макария над двумя московскими списками «Великих Миней-Четьи» – Успенским (предназначенным для Успенского собора Московского Кремля) и Царским (сделанном для царя Ивана IV).¹⁶

В 1553 г. и последующие годы митрополиту Макарию пришлось немало потрудиться против ереси Матюшки Башкина и Феодосия Косого, которая, в сущности, была не иное что, как продолжение ереси жидовствующих.

Незабвенную по себе память митрополит Макарий оставил и тем, что способствовал учреждению первой в Москве типографии и первая книга «Апостол» напечатана была в 1564 г. Эта книга – древнейшая из всех печатных книг в России и достойна замечания по красоте букв и бумаги.

К чести первосвятителя Макария нужно сказать, что он в своем лице снова возвысил достоинство и значение Русского Митрополита, которое при его предшественниках начало было упадать. Он всегда пользовался высоким уважением не только в народе и у всего духовенства, но и среди бояр и вельмож, и в самом семействе государя. Тогда как все

другие лица, окружавшие Иоанна, постоянно менялись и подвергались его опале, изгнанию, нередко смерти, когда, наконец, даже любимейшие из его советников – Силвестр и Адашев – не избежали его гнева, один митрополит Макарий в продолжение двадцатидвухлетнего своего первосвященнического служения остался неприкосновенным и сохранил расположенность грозного царя до самой своей кончины. Бывали и для Макария тяжкие скорби в жизни, многократно и он помышлял отказаться от своей кафедры, но каждый раз его упрасивали и удерживали сам государь, все святители, весь освященный собор – так им дорожили. «О Боже, как бы счастлива была русская земля, если бы владыки были таковы, как преосвященный Макарий да ты», – писал в 1556 г. царь Иоанн к Казанскому архиепископу Гурию. Максим Грек, основываясь на свидетельстве многих достоверных мужей и особенно Тверского епископа Акакия, «велегласнаго проповедника добродетелей Макария», восхвалял его как ревнителя православных догматов, прилежного исполнителя Божественных заповедей, ходатая и представителя за обидимых и как пастыря мудрого, христианского тихостию и кротостию укрощавшего восстававших на святую церковь и противящихся его учению и ревности.⁵

Не только внешними делами славен святитель, внутренняя жизнь подвижника укреплялась постничеством и пребыванием в молитве, которые были повседневным правилом святителя.

В сентябре 1563 г. митрополит Макарий заболел, он повелел послать в Пафнутиев Боровский монастырь сообщение о своей немощи, прося прислать ему старца духовного для прислуживания ему, больному. Святитель желал удалиться на покой в монастырь своего пострижения, об этом он просил царя, но тот уговорил его остаться в Москве. Между тем жизнь святого угасала, он не мог сам читать Святое Евангелие, которое всегда читал ежедневно. 30 декабря 1563 года святитель и пастырь Митрополии всея Руси предал душу свою Господу. Отпевали митрополита Макария пять архиереев в присутствии царя. После отпевания была прочитана прощальная грамота, которую еще при жизни написал

митрополит, прося у всех молитв и прощения и испрашивая для всех благословение.

Канонизирован митрополит Макарий на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в июне 1988 г. на основании больших заслуг перед Церковью.¹⁸

Тропарь, глас 4

В ко великим пастырем единоправна и учителем вселенныя единомысленна, Божия Премудрости слугителя изрядна, иже блаженству тезоименита, днесь, вернии, вси воспоим: Христа Бога моли, святителю Макарие, умирити мир и спасти души наша.

Кондак, глас 3

В огомудрым учением и книжным списанием потщася еси, святителю Макарие, люди российския просветити и святых земли нашей прославити. Сего ради чуден пронарекёся, преемниче первопрестольников российских, моли сохранитися нам в вере и благочестии неврединно.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

*Архиепископ Макарий (Веретенников).
Троице-Сергиева Лавра.
Святитель Макарий,
архиепископ Новгородский и митрополит всея Руси
// София⁵⁰. Новгород. 1997. № 1. С. 27-28.*

Последнее летописное сообщение, связанное с деятельностью Всероссийского митрополита Макария, относится к 1563 г. Святителю к тому времени шел девятый десяток лет. После многотрудной

добродетельной жизни 31 декабря, когда колокол зазвонил к утреннему богослужению, «преосвященный же дивный святитель пастырь Русския Митрополия всяя Руси предаде душу свою в руце Живаго Бога...».

1 января он был погребен в Успенском соборе. Имя митрополита Макария было внесено в последующее время в Синодики Троице-Сергиева монастыря, Кирилло-Белозерского, Спасо-Соловецкого. В митрополите Макарии воплотились многие лучшие черты московских первосвятителей – чудотворцев: архипастыря и государственного деятеля, проповедника и организатора, молитвенника и подвижника. Это был истинный пастырь Христов, призванный пасти Христово стадо словесных овец.

ЖИТИЕ

архиепископа

Пимена Новгородского 5, 66

*Память его празднуется месяца февраля в 10-й день
и месяца сентября в 25-й день*

1571

П На Новгородской кафедре с 1553 по 1570 гг. после кончины архиепископа Серапиона, сделавшегося жертвою морового поветрия, Новгород не долго оставался без владыки. Не далее как 20 ноября 1553 г. (Серапион скончался 29 октября) митрополитом Макарием хиротонисан был в архиепископы Новгородские Пимен – постриженец и инок, клирик Кирилло-Белозерского монастыря.

В этот монастырь неоднократно приезжал Грозный с семейством на богомолье и, вероятно, в эти посещения Пимен сделался известным и понравился царю, который, без всякого сомнения, и предложил собору епископов избрать его в архиепископы Новгороду, как инока излюбленного. Этим отчасти и можно объяснить возведение на древнейшую и знаменитейшую святительскую кафедру простого и неизвестного монаха из отдаленного монастыря, помимо настоятелей многочисленных Московских и Новгородских обителей, между которыми немало было опытных и благочестивых старцев. Как бы то ни было, Пимен во все время своего святительства, до разгрома Новгорода, пользовался особым расположением к себе Грозного, вместе с ним торжественно молился после поставления и святил воду.

В Новгород Пимен прибыл 6 декабря, когда смертоносное поветрие продолжало еще свирепствовать и город находился в унынии. Он начал почасту совершать богослужение в Софийском храме, стал поставлять по обителям игуменов, а по церквам священников, и «оттоле нача милость

Божия быти, по малу и поветрие преста». Тогда же для избавления города от этого бедствия архиепископ Пимен установил каждодневную службу в древней Спасской церкви на Ильине улице, что видно из старинного сказания об этом, находящегося в упомянутой церкви. «Во время мора, - говорится там, - начавшегося в Новгороде в 1552 г., граждане города собрались к вновь прибывшему владыке Пимену и просили его заложить собор и всedневную службу в церкви Спаса; потому, - как говорили они, - в этой церкви находилась древняя чудотворная икона, которая прежде сего много раз спасала град от многих зол, и что чрез этот подвиг по Бозе и в честь иконы Прeблагословенной Девы, они и теперь надеются избавиться от гибели. Мы же, господине, - говорили они, - и впредь все должны тех соборян удовлетвiть ругою необходимою за ту церковную тяготу всedневныя ради службы». Надежда не обманула граждан: предание говорит, что с того дня, как «заложили в велицей церкви Преображения Господня на Ильине улице всedневную службу, молитвами Богородицы, мор начал умалятися и по мале совсем преста».

В память этого же морового поветрия, по завету и по повелению архиепископа Пимена, слит колокол к церкви Знамения Божией Матери, как гласит четырехстрочная надпись на нем: «В Великом Новегороде ко всечестному храму Пречистые Богородицы честнаго ся Знамения, Божиею милостию и Пречистые Богородицы слит бысть колокол лета 7063, месяца декабря в царство благовернаго и христолюбиваго государя царя и Великаго князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца; Господина преосвященнаго Пимина архиепископа Великаго Новагорода и Пскова, повелением и по завету того же преосвященнаго архиепископа Пимина и всех православных христиан Великаго Новагорода, чтобы избавил нас Бог и Пречистая Богородица православных крестьян от смертоносныя язвы и от напрасныя смерти. Отлил мастер Иван. (7063) 1555 г.». Колокол этот находится на колокольне Знаменского собора, весом 27 пудов, и поныне носит название «черного». Такое название дано ему, может быть, по черному цвету металла, из которого слит,

а может быть, и потому, что устроен в память тяжелой (черной) години для Новгорода.

В следующем 1554 г. 22 июня архиепископ Пимен вместе с новгородцами заложил на Софийской стороне на Яковлевой улице каменную церковь во имя великомученика Пантелеимона, над гробом блаженного Николы Кочанова. А в декабре 1555 г. (7063) он поехал в Москву и возвратился 22 апреля «на второй неделе после велица дни, канун радунницы», пробыв там 24 недели. Во время этого пребывания в Москве архиепископ Пимен присутствовал на поставлении в Казань первого архиепископа Гурия, на которого тогда по всем Новгородским монастырям собирали деньги, да «имали книги певчие, Апостолы, Евангелия и четьи в Казань».

Особенно добрую по себе память оставил Пимен открытием в 1558 г. 30 апреля мощей святителя Никиты. Вот что рассказывается об этом в житии угодника Божия. За 7 лет до открытия мощей его, именно в 1551 г., один благочестивый царедворец, которому поручено было строение дел церковных в Новгороде, внимая в пасхальную ночь чтению деяний апостольских в Софийском храме, поскорбел духом о небрежении, в каком находилась гробница древнего великого святителя. Движимый тогда непостижимым тайным чувством он возымел пламенное желание дознать: хранились ли внутри гроба кости святителя? Провертев скважину на верхней доске каменной раки и упустив туда свечу, он поражен был изумлением; он увидел, что тело угодника не было подвержено тлению ни в одном из членов. Тогда же он поусердствовал сделать на раку богатый покров, и в таком положении оставалась она при архиепископах Феодосии и Серапионе. А между тем православные, движимые верою, приходили ежедневно посмотреть сквозь отверстие на нетленные останки их древнего пастыря, и все пламенно желали их открытия. Наконец в 1558 г. архиепископ Пимен донес о чудном явлении мощей святителя Никиты царю Иоанну и митрополиту Макарию. Получив благословение первосвятителя и согласие царя на открытие мощей, архиепископ Пимен увидел во сне мужа с едва заметною бородою

и услышал слова: «Мир тебе, возлюбленный брат! Не бойся: я предместник твой, шестый епископ Новгорода, Никита. Приспело время, и Господь повелевает мощи мои явить народу». Проснувшись, Пимен услышал звон к утрени и поспешил в собор. На пути ему встретился благочестивый новгородец, по имени Исаакий, который в эту ночь также видел во сне святителя Никиту, повелевавшего ему передать владыке, чтобы не медлил открытием мощей и молился о победе царя над врагами и об изобилии плодов земных. Услышав от Исаакия о бывшем и ему видении, архиепископ немедленно приступил к открытию святых мощей святителя Никиты. Прежде приготовил Пимен новое полное облачение на нетленное тело угодника и, подняв крышку, при участии всего духовного собора обрел усопшего совершенно целым. В нетленных чертах лица сохранился даже отпечаток того духовного подвига и небесного мира, с каким заснул он на земле: правая рука лежала на персях и персты ее сложены были для благословения, а левая была простерта. Самая одежда на святителе, состоящая из простой священнической фелони, коришневого штофа с зелеными окраинами и поверх ее белый омофор, не только не истлела, находясь 450 лет под землею, но и могла служить для священнодействия преемников усопшего. Святитель с молитвою был облечен в новые ризы, и нетленное тело его было поставлено посреди храма. Народ, обрадованный явлением своего древнего архипастыря, еще при жизни засвидетельствованного чудесами, теперь во множестве притекал к нему с молитвою о своих нуждах, и тогда же, по словам очевидца торжественного открытия мощей, многие слепые, сухие, расслабленные и другие недужные мужи и жены получили исцеление от прикосновения к нетленным останкам.

Летописец, упомянув об обретении мощей святителя Никиты, замечает, что «житие и канун ему сотворил Маркелл, игумен Хутынского монастыря, который, оставив игуменство, жил 6 месяцев «в Онтонове монастыре», что в это же время поновлен был придел в Софии «Святых отец Акима и Анны, где почивали мощи святителя Никиты», что,

когда положены были мощи «в новый ларец, святили воду с мощей его и послали к Москве» и что 19 мая «в Вознесение день у телесе Никиты епископа простил Бог женушку очима».

Достоин замечания, что открытие мощей святителя Никиты последовало в самую тяжкую годину для Новгорода, когда грозные тучи собирались над городом, обреченным гневу Прозного царя. Святитель явился опять, как бы живой, посреди смятенной своей паствы, в утешение скорбящих, дабы видели они, что не отступает от них благословение Божие.

И не только в Новгороде, но и вдали от него, в рядах русских воинов, осаждавших тогда город Ругодив (Нарву), святитель Никита явил свою чудесную силу и помощь в день открытия мощей его. Многие ливонцы видели тогда между русскими полками ездившего по берегу реки Наровы мужа безбородого в ризах святительских, с жезлом и крестом. Это был не иной кто, как святитель Христов Никита. В это же время в Ругодиге один немец, пивовар, бросил в огонь, разведенный под котлом, две иконы, похищенные из Иван-города. На одной из них изображена была Богоматерь с Предвечным Младенцем, а на другой - угодники Божии: Николай Чудотворец, Власий, Козьма и Дамиан. Внезапно поднялся сильный ветер, и пламя, разливаясь из-под котла, охватило весь город. Не только дома, но стены и ворота города сгорели, а войска русские вместе с жителями Иван-города, воспользовавшись смятением немцев, быстро переправились через реку и овладели Ругодивом без приступа и стенобитных орудий. Русские одержали блистательную победу и взяли на государя и царя все немецкие города числом 18. К довершению чудесного события обе иконы, брошенные в огонь последователями Лютера, найдены невредимыми на месте пивоварения. Таковые чудесные события совершились при открытии мощей святителя Никиты и вне Новгорода, в стране чужой.

Иконы, вынутые из огня невредимыми, 23 июля привез из Ругодива в Новгород Юрьевский архимандрит Варфоломей, который ездил туда освящать церкви. Привезенные иконы встречал архиепископ Пимен, «со всем собором, со множеством граждан, и для всенародного поклонения поставил их

в храме святой Софии». 26 июля эти иконы архимандрит Варфоломей с игуменом Благовещенского монастыря Трифоном повез к Москве, «а вместе с иконами и шапку Иоанна Златоустого, да ризы Никиты чудотворца епископа, - к царю государю, великому князю». (Здесь явная описка: должно быть: шапку кого-либо из владык Новгородских, может быть, и святителя Иоанна - архиепископа Новгородского. Далее опять повторено: «Лисья монастыря Трифон, а повез шапку Иона Златоустаго монастыря». Там же в прим. под букв. Д.)

В 1560 г. архиепископ Пимен для украшения Софийского собора устроил в нем места царское и святительское, позади правого клироса у двух четырехгранных столпов. Верхи их имеют вид суживающихся башенок; ниже их, на карнизе святительского места, резная надпись гласит, при ком устроены места и время их устройства - лето 7068. В этом же году 29 января благословил владыка «игумена Ефрема Шумля Островского на Клопско», а 3-го февраля, в субботу, отправился «на Тихвину к Пречистой монастыря закладывати».

В описании Тихвинского монастыря помещен следующий рассказ о поездке архиепископа Пимена в Тихвин и об устройении там обители. В 1547 г. 1-го января царь Иван Васильевич посетил Тихвин с целью помолиться Царице Небесной. Здесь, по теплой молитве, запало в его душу благочестивое намерение устроить иноческую обитель и вручить благодатную икону всегдашнему чествованию иноков. Посоветовавшись с митрополитом Макарием, святителями и с прочим священным собором, Иоанн приступил к осуществлению своего намерения в 1560 г. Основание и устройство обители поручено было не менее усердному в этом архиепископу Пимену. По этому случаю, в присутствии царя Иоанна Васильевича, царицы Анастасии Романовны, царевичей - Иоанна и Феодора Иоанновичей и всего синклита, митрополитом Макарием была совершена Божественная литургия в Успенском соборе и молебное пение пред образом Божией Матери, писанным с чудотворного. По окончании молебного пения, архиепископ Пимен немедленно отправился в Тихвин, получив от царя повеление заехать

в Новгород и вместе со священноначальствующими, совершив в Софийском соборе молебствие с водосвятием, продолжать путь с освященными водами: Московскою, посланною митрополитом с благословением его и всего освященного собора, и Новгородскою - и на царское иждивение устроить в Тихвине монастырь по уставу и чину прочих монастырей общежительных.

Архиепископ Пимен, приняв повеление царя, заезжал в Новгород и из него продолжал свой путь с настоятелями монастырей: Юрьева монастыря - архимандритом Варфоломеем, Хутыня - игуменом Филофеем, Кириллова - игуменом Антонием, Отней пустыни - игуменом Мисаилом. Тогда же для установления чина и обычаев монастырских он привез в Тихвин старцев, опытных в духовной жизни, также священников, и диаконов, и клириков для исполнения монастырских служб, и мастера Феодора Сыркова для предполагаемых построек.

Войдя в собор Успения Божией Матери, архиепископ Пимен со слезною молитвою воздал благоговейное поклонение благодатной иконе Богоматери. Потом светло совершал в нем всенощное бдение, а на другой день служил молебен и обходил место, где надлежало быть ограде монастыря, с крестами, чудотворной иконой Царицы Небесной, осеняя оное Ее заступлением, как неодолимой стеной, благословляя знамением честного и животворящего креста и освящая кроплением совокупные священные воды. Наконец, водружал крест там, где потом воздвигли с трапезою церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, и в храме честного и славного Ее Успения совершал Божественную литургию. По окончании священнодействия и раздаче некоторых должностей мужам духовным, как чиноначальникам церкви, был назначен им игуменом благочестивый старец, по имени Кирилл, и вручен монастырю общежительный устав.

В заключение архипастырь, «всех поучая и наставляя, учинил угощение на трапезе сущим с ним и новопоставленному игумену с братиею его, и маломощных утешил и одарова».

В Новгород возвратился Пимен уже 31-го мая, а прибывший с ним Феодор Сырков остался в Тихвине и со всем усердием приступил к устройению монастыря по намеченному плану.

Память архиепископа Пимена, как основателя монастыря, особенно чтилась в Тихвинской обители.

В следующие 10 лет управления архиепископа Пимена Новгородскою паствою летописец касается весьма немногих событий из его жизни и деяний до разгрома Новгорода, хотя известно, что он часто ездил в Москву по вызову царя, присутствовал в земской Думе и принимал участие в делах Иоанна. Он упоминает о следующем: в 1561 г. 21 августа, по случаю брака Ивана Васильевича с царевною Мариею, архиепископ Пимен посылал к нему в Москву «два креста в триста рублев да и в семдесят, да два образа, Спасов да Пречистая, обложены серебром сто рублев в семдесят, да двумя царевичам два образа, Спасов да Пречистая, осмдесят рублев, да сорок золотых, со архимандритом Варфоломеем Юрьева монастыря»; а 26-го ноября он освящал каменный придел с трапезою в честь Косьмы и Дамиана на Щитной улице в церкви святого апостола Андрея. В 1564 г. 5 марта участвовал в хиротонии митрополита Афанасия, избранного на место умершего Макария. Достоин замечания, что пред избранием Афанасия в митрополиты, по предложению царя, состоялся собор, на котором постановлено было, чтобы впредь русские митрополиты носили белый клобук с рясами и херувимом, по примеру чудотворцев Петра и Алексия, а также чтобы грамоты благословенные, ставленные и носильные, печатали красным воском с изображением Богоматери и благословляющей руки. На том же соборе подтверждено право Новгородского архиепископа носить белый клобук и печатать красным воском.

В 1565 г., когда Иоанн оставил Москву и уехал в Александровскую слободу со своими приближенными и разными драгоценностями, Пимен, как любимец царя, отправлен был к нему во главе посольства в слободу с мольбою, чтобы возвратился в Москву и управлял государством, как Бог ему укажет. 16-го мая 1569 г. Афанасий, по своей болезни, оставил

первосвятительский престол. Для избрания нового митрополита опять собрано было в Москву высшее духовенство. Выбор пал на Казанского архиепископа Германа, который и был возведен на митрополичий двор. Но, не понравившись царю и его любимцам за добрые советы, Герман был удален из покоев митрополичьих, и на место его был вызван святой Филипп, игумен Соловецкого монастыря и 25 июля возведен на первосвятительскую кафедру. Первенствовал при хиротонии Пимен, владыка Новгородский, как старейший из иерархов.

В 1567 г. архиепископ Пимен присутствовал на соборе в Москве, на котором рассуждалось о причинах разделения государства, и был царю угождающим.

В 1568 г. 8-го августа «на Розважи улицы, в монастыри у Феодора у Дмитреева сына свящал владыка Пимен церковь каменную, новую, святого Чудотворца Николу, при игумене Трифоне»; а 31-го августа он поехал «к Москве, и ночевал на Брониче, и игумены Новгородский, все с образы в те поры на Брониче были, и владыку проводили, и того же дни на Брониче у владыки игумены хлеба ели». Пребывание его в Москве в этот раз было весьма кратковременно, потому что царь Иван Васильевич, собираясь в поход на Литву, 21 сентября поехал в Новгород с сыном царевичем Иваном и 20-го октября был недалеко от него. Архиепископ Пимен находился уже в Новгороде и ездил встречать государя на Бронницу с архимандритом и игуменами и «били челом государю и его сыну образы, и стол был на Бронницах у государя на владыку и на игуменов. В город прибыл государь с сыном и князем Владимиром Андреевичем 22-го октября в сопровождении Суздальского епископа Пафнутия, Андроньевского архимандрита Феодосия и Воздвиженского игумена Никола и был встречен архиепископом Пименом и всем Новым городом с крестами на Ильинской улице; и «слушал государь молебен у Пречистой у Знаменья, а после молебна пошел государь пеш за крестами к Софеи Премудрости Божии, слушал здесь обедню, и потом с сыном ел хлеб у архиепископа». В Новгороде пробыл государь 8 дней - до 30 октября.

Жил на Торговой стороне, на Буянове улице, царевич - на владычнем дворе, князь Владимир - на Холопьеу улице, а сам владыка - в чашниковой избе». Когда государь собрался в обратный путь, отложив поход на Литву до более благоприятного времени, «архиепископ Пимен пел напутственные молебны в Софеи Премудрости Божии и святил воду с мощей, а сам государь царь с царевичем слушал молебнов: и государь царь опосле молебнов наказывал архиепископу и всему православному крестьянству молити Бога о свое царском здравье и о царевичех, и архиепископ благословил царя и царевича крестом».

В следующем 1569 г. архиепископ Пимен опять ездил в Москву и прожил там «15 недель без дву дней». Эта поездка его в Москву и дружелюбное свидание с царем были последними. Грозные тучи уже давно собирались над Новгородом, которые разразились потом неслыханным бедствием. Летописец, описывая страшные казни, каким подверг грозный царь Новгород с его жителями и окрестностями и владыку Пимена, говорит: «Таково, убо, бысть во дни наша велие потрясение и поколебание и трус и падение, яково же в мимошедшая в предняя роды человеческия не бысть в Российской земли, в богоспасаемом преименитом и славном Великом Новеграде, их же око не виде и ухо не слыша и на сердца человеческая взыти не может».

Бедствие, постигшее Новгород в 1570 г., предугазано было еще за несколько лет необычайными явлениями. Летописец рассказывает, что в октябре 1555 г. ночью было на небе необыкновенное знамение: «Огонь ходил аки молонья и зажгло небо, а ходило полосами белыми и красными и синими - незнаемо, а расходилось по воздуху и сшибалось вместе, аки люди, да того было трожды расходилось да сшибалось, а иное аки молонья, проскочит сквози огонь». В декабре 1561 г. было другое небесное знамение: «Столпы сходились красными и синими, да на небеси как вода колебалась, на долго время». В 1564 г. 17 апреля «поднялся огонь от церкви Святаго Духа в Духове монастыре и пал на Вяжицком дворе на Яковлеве улице, что видели многие и ужасались; а после этого видения

на третий день поднялась (вероятно, загорелась) на Вяжицком дворе церковь Рождества Богородицы с приделом Николая Чудотворца». В 1567 г. 8 января «на 8 часу нощи звонило в колокольчики меншин, в три наконы в нощи; а то Бог весть кто звонил». Потом 5 мая в нощи опять «звонило у Софии заутренюю 5 часу нощи; многие люди слышали, как звонят». На все эти явления новгородцы смотрели как на предзнаменование чего-то недоброго, ждали чего-то необычайного.

Когда святой Филипп, вызванный из Соловецкого монастыря в Москву, ехал чрез Новгород, граждане, услышав о его приближении, толпами вышли к нему навстречу, за три версты, с хлебом и солью, принося ему дары, как победителю; умильно припадали к ногам святого игумена и, зная глубокое к нему уважение царя, умоляли ходатайствовать за его отчину, Великий Новгород, бывший у царя под опалою. «Новгород - твое отечество, - говорили ему граждане, - вступишь за него, ибо до нас дошел слух, что гнев свой держит на нас царь». Владыки Пимена в это время не было в Новгороде, он находился в Москве.

Иван Васильевич действительно не любил Новгород и, видимо, подозревал новгородцев в вероломстве. Так, в 1554 г. 23 мая новгородцы, неповинные ни в какой измене, должны были целовать крест царю и государю великому князю Ивану Васильевичу. В марте 1561 г. великий князь Иван Васильевич велел привезти в Москву из Софийского собора образ Спасителя и Петра и Павла, - Корсунские врата, и из Юрьева монастыря образ Благовещения; «и провожали те иконы архиепископ Пимен с архимандритом Варфоломеем, с новгородскими игуменами и священниками и со всеми гражданами В. Новгорода на Ильину улицу к Знамению Святей Богородицы, да там архиепископ и обедню служил... и после обедни отпустил иконы». В этом случае царь поступил так, как поступал он с городами, завоеванными и опальными. В 1569 г. Грозный вывел из Новгорода в Москву 150 семей. Лишенные отчизны плакали, оставленные трепетали. То было началом - ждали следствия. В сие время, как рассказывают, один бродяга Волынский, именем Петр, за худые дела

наказанный в Новгороде, вздумал отмстить его жителям. Зная неблаговоление Иоанново к новгородцам, сочинил письмо от архиепископа и от граждан к королю Польскому; скрыл оное в церкви Святой Софии за образом Богоматери; бежал в Москву и донес государю, что Новгород изменяет России. Надлежало представить улику. Царь дал ему верного человека, который поехал с ним в Новгород и вынул из-за образа мнимую архиепископову грамоту, в коей было сказано, что святитель, духовенство, чиновники и весь народ поддаются Литве. Более не требовалось никаких доказательств. Царь, приняв нелепость за истину, осудил на гибель Новгород и всех людей, для него подозрительных и ненавистных. Не спасли от страшной кары города и его святителя ни расположение царя к последнему, ни высокий святительский сан, ни человекоугодливость, наконец, Пимена царю.

В декабре 1570 г. великий князь с царевичем Иоанном, со всем двором, со всею любимую дружиною выступил из слободы Александровской и, миновав Москву, вступил в Тверскую область, где злодейская дружина его предалась грабёжам и убийствам. Опустошив один за другим города: Торжок, Коломну, Тверь, Клин, Медный, Вышний Волочок – царь приближался к Новгороду. 2-го генваря передовая царская дружина окружила Новгород со всех сторон крепкими заставами, дабы ни один человек не мог спастись бегством. Церкви и монастыри в городе и окрестностях опечатали. «Игуменов, черных попов, и диаконов, и соборных старцев – более 500 человек связанными привели в город. Священников и диаконов городских церквей подавали за приставов по 10 человек и приказали крепко держать в железных цепях». Взыскивали с каждого из них по 20 руб.; а кто не мог заплатить сей пени, того ставили на правеж; всенародно каждый день били, секли с утра до вечера. Опечатали дворы всех богатых граждан. Гостей, купцов, приказных людей оковали цепями; жен и детей стерегли в домах «до государева приезда и указа». Царствовала тишина ужаса. Никто не знал ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытия государя.

6-го генваря, в день Богоявления, ввечеру, Иоанн с войском стал на Городище, в двух верстах от посада. На другой день он велел казнить всех иноков, бывших на правеже. Их избили палицами и каждого отвезли в свой монастырь для погребения. 8-го января царь с сыном и с дружиною вступил в Новгород. Здесь, на Великом мосту, у Черного креста, встретил его с крестами, святыми иконами и со всем священным собором архиепископ Пимен. И когда, по обычаю, хотел осенить святым крестом государя и царевича, царь не пошел ко кресту и, не приняв святительского благословения, грозно завопил на архиепископа: «Ты злочестиве, в руке твоей держиши не крест животворящий, но вместо креста оружие, и сим убо оружием хочещи уязвити царское сердце наше, своим неистовым зломыслием, с своими злотворцы и единомысленники града сего жители, хочете царския наши державы отчину нашу, сей великий богоспасаемый Новгород предати супостатом нашим, иноплеменникам, королю литовскому Жигимонту Августу; и отселе неси, убо, наречешися пастырь и учитель и сопрестольник великия соборныя апостольския церкви Премудрости Божии Софеи, но волк и хищник, и губитель, и изменник, и нашему царскому венцу досадитель».

Сказав это, Иоанн велел архиепископу с крестами и иконами идти в Софийскую церковь. Здесь он слушал Литургию, молился со слезами и потом со всем своим двором пошел к архиепископу обедать в Грановитую палату, где ныне церковь во имя святого архиепископа Иоанна Новгородского.

За обедом, по словам летописи, «завопил гласом велиим обычным царским ясаком»... явились воины, схватили архиепископа, чиновников и слуг, ограбили архиерейский дом и храм Софии, откуда дворецкий Салтыков и протопоп Евстафий взяли все драгоценности, казну, сосуды, чудотворные Корсунские иконы, колокола и даже книги. Такой точно участи подверглись и другие церкви и монастыри Новгорода, и после этого открылся ужасный суд на Городище. Судили Иоанн и сын его: ежедневно приводили к ним от 500 и до 1000 новгородцев, били их, мучили, «поджигали некоею составною мудростию огненною, иже именуется поджар»,

потом измученных и поджаренных привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова и бросали с моста в воду. А жен и детей «вязали за руце и за ноги опако назад», младенцев привязывали к матерям и бросали с высоты в реку, где она и зимою не замерзает. Ратники московские ездили в лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались 6 недель и закончились общим грабежом. Иоанн с дружиною объехал все обители вокруг города, взял казну церковную и монастырскую, велел опустошить дворы и кельи, истребить хлеб, лошадей, скот; предал грабежу также и весь Новгород: лавки, дома, церкви; сам ездил из улицы в улицу, смотрел, как хищные воины ломались в палаты и кладовые, отбивали ворота, влезали в окна; делили между собою шелковые ткани, меха; жгли пеньку, кожи, бросали в реку воск и сало. Толпы злодеев были посланы и в пятины Новгородские губить достояние и жизнь людей «без разбора, без ответа».

Если верить Псковскому летописцу, в Новгороде граждан и сельских жителей погублено было тогда до 60 000 человек. Но Таубе и Крузэ полагают убитых 27000. Гванины - 2770 человек, кроме женщин и черных людей, а Курбский в своем сказании пишет, что будто бы Иоанн в один день умертвил 15000 человек; но в синодике Кириллова Белозерского монастыря, где записывались жертвы гнева Иоаннова, обозначено так: «Помяни, Господи, души раб своих 1505 человек», а вверху приписано: «Новгородцев». Новгородский же летописец говорит, что «на всяк убо день ввергнут и потопят в воде человек всякого возраста числом, яко до тысящи; а иногда и до полуторы тысящи; а тот убо день облегчен и благодарен, иже ввергнут в воду до 500 или до 600 человек... А в те поры государь, во время градского грабежу, иных государевых своих людей рассылает около В. Новгорода, во все четыре стороны, во всякую Новгородскую пятину по станом и волостем и по усадищам боярским и поместьям, и по всем местам около В. Новгорода, верст за двести и за полтретьяста и болши, и повеле дома их всячески расхищати

и скот убивати у всяких людей без пощадения, чей кто ни буди, без разсуждения. И бысть убо того неисповедимаго колебания и великаго падения, труса и кровопролития человеческого роду в В. Новеграде, и во окрестных странах около В. Новаграда, безпрестанно 6 недель, грех наших ради». Говорят, что Волхов, запруженный телами и членами истерзанных людей, долго не мог их пронести в Ладожское озеро.

Наконец, февраля 13, в понедельник второй недели Великого поста, на рассвете, государь призвал к себе остальных именитых новгородцев, из каждой улицы по одному человеку. Они явились как тени, бледные, изнуренные ужасом, ожидая смерти. Но царь, воззрев на них оком милостивым и кротким, сказал тихо: «Мужи новгородские, все доселе живущие! Молите Господа о нашем благочестивом царском державстве, о христолюбивом воинстве, да побеждаем врагов видимых и невидимых. Суди Бог изменнику моему, вашему архиепископу Пимену, и злым его советникам! На них, на них взыщется кровь, здесь изливающаяся. Да умолкнет плачь и стенание, да утешится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте в сем граде! Вместо себя оставляю вам правителя, боярина и воеводу моего, князя Петра Даниловича Пронского. Идите в дома свои с миром».

Судьба архиепископа еще не была решена. После расправы с Новгородом народ был свидетелем крайнего уничижения и ужасного поругания святителя Пимена: с него сняли святительские одежды и сначала отдали его под крепкую стражу, назначив для прокормления его только по две деньги, а потом в рубище посадили его на белую кобылу и привязали к ней ногами, дали в руки бубны и волынку и, как шута или скомороха, возили по улицам города. В таком же виде отправлен был несчастный в Москву, в Александровскую слободу, куда на нескольких стах возах отправлена была и несметная добыча грабежа и святотатства. Здесь Пимен вместе с другими знатнейшими узниками томился 5 месяцев. В это время производилось важное следствие: собирали доносы, улики; искали в Москве тайных единомышленников Пимена, которые будто бы еще укрывались от мести

государевой, сидели в главных приказах, в совете царском, даже пользовались доверенностью и особенной милостью Иоанна. Эти розыски кончились казнью многих невинных вельмож. Других знатных людей сослали в заточение на Белоозеро и имение их отписали на государя. А святитель Пимен, как предсказал ему святой Филипп, был лишен сана и сослан в Тульский монастырь святителя Николая и там скончался. «Сентября 25 (1571 г.) преставись владыка Ноугородский Пимен в Туле в монастыре у чудотворца Николы в Веинин; тамо и положен бысть; а в Новгороде был владыкою 17 лет и 2 месяца и 9 дней; а после своего владычества жил год и 2 месяца без шести дней; а не было владыки в Новгороде после Пимена 2 года без семи недель и два дни».

После архиепископа Пимена остались на память Софийскому собору и хранятся в ризнице его: 1) черного дерева резная панагия; кругом обложена золотом, прекрасной сканной работы, по местам украшена финифтью, жемчугом и лазоревыми яхонтами. В ней, как значится в надписи, находятся части святых мощей Иоанна Предтечи, святителя Николая, епископа Никиты, архиепископа Иоанна, первомученика Стефана, часть ризы преподобного Варлаама и часть ризы Божией Матери; 2) посох, обложенный сканым серебром с черенью и костяною полукруглою рукоятью; на нем четыре яблока хрустальных и 3) посох, обложенный серебром с финифтью; на нем семь яблоков; оглавие обложено серебром, с двумя рогами, на краях коих по херувиму. На обоих посохах имеются надписи. Из памятников письменности, принадлежащих архиепископу Пимену, сохранились: 1) жалованная грамота его Успенской церкви, в Устюжне железопольской, которою он жалует причт сей церкви, по ходатайству его, «особно своею данью, подъездом и десятиною», именно: «давать в дом святой Софеи, и ему архиепископу, за его подъезд и за благословенную куницу, на всяк год, по гривне по Московской; а десятильником его, за их десятильничь корм и за дар, по два алтына без денги Московской»; и 2) послание его же к царю Иоанну Васильевичу 1563 г.; в нем Пимен, восхвалив мужество и мудрость царя,

убеждает его идти на брань с литовцами и укрепляет его на ратный подвиг примерами древних царей, подвизавшихся за святую веру и церковь, и изречениями священного писания.

Так несчастно кончил свое служебное поприще архиепископ Пимен. Он узнал, но уже поздно, что милость царя тирана столь же опасна, как и ненависть его. Он не может долго верить людям, коих низость ему известна; малейшее подозрение - одно слово, одна мысль - достаточно для их падения.

Относительно личности архиепископа Пимена Курбский замечает: «Пимен был чистой и подвижнической жизни, но со странностями». В житии же святителя Филиппа личность архиепископа Пимена рисуется в весьма непривлекательном виде. Там повествуется, что святой Филипп, когда прибыл в Москву в 1566 г. по вызову царя для поставления в митрополиты, всеми мерами старался убедить собравшихся епископов, чтобы они крепко стояли против столь недоброго начинания царя, каково есть учреждение опричнины и разделение государства. Некоторые из них выражали сочувствие святому, другие из страха отмалчивались; но один из них, именно архиепископ Пимен, ласкосердствуя царю, оказал себя предателем. Возлюбив славу человеческую более, нежели славу Божию, он не только тайно передавал царю речи святого Филиппа, но и открыто поддерживал царя в учреждении опричнины и даже вместе с Пафнутием Суздальским и Филофеем Рязанским, в угодность царю, сделался другом опричников.

Когда потом святой Филипп подпал царской опале, архиепископ Пимен, искавший первосвятительского престола, стал во главе недоброжелателей и гонителей святого. Первые семена вражды к святому Филиппу он посеял в сердце государя, когда государь осенью 1568 г. приходил в Новгород с сыном Иоанном и гостил здесь 8 дней. В этом же году, 22 марта, когда царь, разгневанный обличениями святого Филиппа принародно, в церкви, с угрозами вышел из храма, враги его прибегли к клевете. Желая всенародно унижить митрополита, они подучили одного благообразного отрока, бывшего чтецом митрополичьей церкви, произнести пред всеми тут же, в соборе, самую гнусную клевету на

святого старца. Выслушав отрока, владыка Новгородский Пимен, первый, дав веру тому, чему, конечно, во глубине души не мог верить, сказал: «Царя упрекает, а сам творит такие неистовства». Услышав сие, святой Филипп сказал Пимену: «Возлюбленный! Чужой престол ты стараешься захитить, но и с своего вскоре низвержен будешь». Пророчество святого, как мы уже видели, не замедлило исполниться. И Курбский говорит, что «Пимен потворствовал мучителю (Иоанну Грозному) и вместе с ним был гонителем митрополита Филиппа». Списатель жития святого Филиппа, чтобы лучше охарактеризовать качества Пимена, называет его «черным Пименом» и говорит, что он первенствовал между епископами на соборе, когда святого Филиппа с поруаниями на телеге привезли в митрополию для очной ставки со лже-свидетелями, подкупленными в Соловецкой обители.

Теперь следует вопрос: что было причиною такого ужасного гнева Иоаннова? Подозрительный и порывистый характер его и наветы его окружающих. Кто же были эти любимцы царские? Люди без души и совести, люди низкого происхождения, возведенные из ничтожества на степень людей государственных, из убожества в богатство, словом, новички в боярстве, какие-нибудь однодворцы. Татары и боярские холопы составляли, как известно, царскую опрочнину. Мудрено ли, что эти люди жаждали корысти, ничем не были довольны, а главное, пылали завистью, ненавистью и мщением к древним боярским родам, пред которыми прежде раболепствовали, а этого никогда не прощает выходец. История может упрекать Грозного за доверчивость к этим людям и недоверчивость ко всем остальным. Ему указали на Тверь, Новгород и Псков, что в них будто бы гнездятся измена, предательство и желание отторгнуться от власти России и соединиться с Польшею. Московские воеводы, бывшие в Новгороде наместниками, беспрестанно доносили на неповиновение народа, судили и казнили виновных; все это могло возбудить и возбуждало подозрение Грозного. Этим воспользовались, явились, может быть, и доносчики, вроде Петра Волынца. Летописец, описывая разгром Новгорода,

говорит: «Наущением зломысленных богоотступников и злых человек, вложиша в ум и во уши царевы неприязненные и со-противные глаголы, изменные на архиепископа Новгородского Пимена, и на его владычных бояр, и на лутших людей посадских и именитых, еже о предании В. Новаграда иноплеменником, и от сих ложных глагол ожесточися сердце царево гневом и яростию великою... на вся люди, живущие в В. Новеграде и в окрестных местех». В другом месте он говорит: «Наущением злых, буявых человек, хищников, от действия сопостата дияволя, иже влагающих во уши царевы неприязненные глаголы на архиепископа Новгородскаго Пимена и на его владычных бояр, а на изящных именитых человек жителей градских о предании града иноплеменником; и от сих неистовых ложных глагол ожесточи Бог сердце... царю... великим гневом и неукротимою яростию и великим озлоблением на В. Новград и вся люди, живущий в нем». Может быть, Грозному не нравилось и то, что Новгород именовался Великим и заключал договоры с королями Шведскими, избирая своих судебных целовальников или присяжных. Может быть, припомнил и заговор князя Ивана Андреевича Старицкого, в котором новгородцы участвовали всем Новгородом. Как бы то ни было, искра была брошена удачно, и возгорелось пламя, которое кончилось тем, что В. Новгород совершенно опустел. После морового поветрия, истребившего пред тем много людей, и после царского разгрома Детинец и знатная часть Торговой, некогда многолюдной стороны, обратилась в площадь, где, сломав все уже необитаемые дома, заложили государев дворец. Достойно замечания, что гнев Иоаннов обращен был более на духовенство и дворян, от которых опричники требовали и старались вымучить сокровища.

Тропарь, гласъ 4

Насладився Богомудре, воздержанія, и
желаніе плоти твоея обуздавъ, на
престолѣ святительства сѣл еси, и
яко звезда многосвѣтлая просвѣщаѣя вѣрныхъ

сердца зряни чудес твоих, отче наш святителю
Пимене, и ныне моли Христа Бога, да спасет
душа наша.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Калесникова О.

Тихвинский Богородице-Успенский
мужской монастырь// ⁴² С. 295-302.

Тихвинский Богородицкий монастырь был основан в 1560 г. на месте Пречистенского погоста, входившего в состав Обонежской пятины Великого Новгорода. В течение многих столетий Богородицкий монастырь, один из крупнейших на территории Северо-Запада, был сокровищницей духовного опыта, источником распространения православия. Место основания обители было освящено в 1383 г. чудесным явлением иконы Богоматери «Одигитрии». Церковные предания отождествляли Тихвинскую икону с римско-константинопольской святыней - иконой «Римляныней» или «Лиддской», а также с главной иконой Влахернского храма в Константинополе, написанной евангелистом Лукой. Ее история дошла до нас в «Сказаниях о явлении и чудесах Тихвинской иконы Богоматери». Исчезнув из Константинополя и несомая по воздуху, она явилась над Ладожским озером. Ее перемещения по древней Новгородской земле, сопровождаемые многими чудесами и исцелениями, повторялись на Смолковой горе при реке Ояти, в селении Имоченцы, на Куковой горе на реке Паша, в селении Кожела. Во всех этих местах благодарные жители строили часовни, заменяя их постепенно храмами и монастырями. 9 июля (26 июня старого стиля) икона явилась на левом берегу реки Тихвинки. После усердной молитвы собравшихся икона медленно опустилась на руки людей, и тотчас началось строительство деревянного храма. В «Сказании» говорится о том, что в эту же ночь святыня вместе с начатым срубом переместилась на противоположный берег. Расценив это как волю Господню, жители воздвигли храм на новом месте. Первая одноглавая Успенская церковь простояла семь лет и была уничтожена пожаром от «свечи ночью». Эта же участь постигла и последующие два деревянных храма.

В 1507 г. «повелением великого государя и великого князя Василия Ивановича всея России и благословением преосвященного Варлаама митрополита» началось сооружение грандиозного для

того времени пятиглавого собора. Для его строительства были присланы «гость московский» Дмитрий Сырков и мастер Фрязин. Пробразом тихвинскому храму послужил Успенский собор Московского Кремля, определивший объемно-планировочную структуру здания. И хотя типологическое сходство заключалось лишь в общем замысле, выразившемся в значительных размерах, пятиглавии и шестистолпии, в духовной традиции тихвинский собор рассматривался как повторение главного государева храма Руси. Предпринятое строительство имело государственное значение и было свидетельством особого отношения великих князей к святыне, своим легендарным происхождением соединившей историю Московского государства с всемирной христианской историей.

Оставив Константинополь, признанный после падения Рима второй христианской столицей, и явившись на Новгородской земле, икона стала одним из подтверждений богоизбранности набиравшего силу государства, уподоблявшего себя последнему Риму. Тихвинская святыня почиталась наряду с Владимирской, Смоленской и Казанской богородичными иконами. Своим происхождением она привлекала к себе внимание великих князей и царей. К ней обращались за помощью и предстательством в защите отечества и благополучии царской семьи. Поэтому Пречистенский погост на Тихвине становится объектом великокняжеского, а затем царского внимания, что способствовало благосостоянию обители. Традиция покровительства иконе была заложена в конце XV века, когда Иван III выступил в качестве устроителя третьей деревянной церкви Успения Богородицы.

В XVI веке Пречистенский погост становится местом государева богомолья. Так, в 1526 г. новый каменный храм посетил великий князь Василий Иоаннович, приехавший «на Тифину помолиться о здравии и о спасении, и чтобы Господь Бог даровал плод чрева». В этом паломничестве великого князя сопровождал архиепископ новгородский Макарий. Второй раз он был в Тихвине в 1547 г., когда, уже будучи митрополитом всея Руси, он приехал вместе с молодым Иваном IV, незадолго до его венчания на царство. Их прибытие было частью ритуальной программы торжеств, разработанных митрополитом Макарием. Моление Ивана Грозного «у Пречистой на Тихвине» воспринималось как небесное благословение церемонии, уподобившей его византийскому императору. В 1560 г. по указу Ивана Грозного и благословению митрополита Макария был основан Тихвинский Богородицкий монастырь. Устроение монастыря проходило с большой торжественностью. В Успенском соборе Московского Кремля отслужили Божественную литургию, на которой присутствовали царь Иван Грозный с царицей Анастасией Романовной и двумя царевичами. Перед образом Богоматери,

писанном с чудотворного Тихвинского, совершили молебное пение, и митрополит Макарий благословил на святое дело Новгородского архиепископа Пимена. Торжественная служба прошла и в новгородском Софийском соборе. Третьего февраля архиепископ Пимен прибыл в Тихвин. Вместе с ним из Новгорода «для установления чина и обычаев монастырских» приехали опытные в духовной жизни старцы - настоятели Юрьевой, Хутынской, Кирилловской и Отенской обителей. Исполнителем «самодержавного изволения» был назначен «царев муж» - Федор Сырков.

2/15 февраля в день Сретения Господня архимандрит Пимен отслужил всенощную в Успенском соборе. На следующий день после молебна с чудотворной иконой он освятил территорию будущей обители. На месте трапезной с церковью Рождества был установлен крест. По окончании в Успенском соборе была отслужена литургия. Строительству монастырских зданий предшествовала большая работа по подготовке территории. Посадские дома, располагавшиеся у стен Успенского собора, были перенесены Федором Сырковым на версту к югу на место бывшей деревни Киселево. Место для строительства было осушено и выровнено.

Древние монастырские источники сохранили сведения о первых строениях. Под руководством Ф. Сыркова были возведены деревянная трапеза с церковью Рождества Богородицы, хлебня, просвирня, две поварни с колодцами около них, колокольня. Вокруг собора было выстроено каре из 42 деревянных келий, устроены две кельи для немощных старцев. Духовным и композиционным центром монастыря был Успенский собор: «Посреде же убо Лавры стояще Богоматере церковь, яки некое око, всюду зрящи и благолепием своим вся удивляюще, вокруг же ся, аки четырьмя стенами от четырех стран келиями зрится ограждена, и всюду преславно всеми видима». Территория монастыря была обнесена деревянной стеной с шатровыми башнями, тремя воротами и рвом. У западных ворот был срублен странноприимный дом и возведены дома монастырских служек, у восточных - дома монастырских работников и службы монастырские. Северные ворота вели к реке, на которой были сделаны две мельницы.

В монастыре был установлен общежительный устав, игуменом был назначен старец Кирилл (с 1651 г. введен сан архимандрита). В конце XVI века некоторые постройки были заменены на каменные. Так, в 1581 г. была сооружена трапезная с теплой церковью Рождества Богородицы.

Каменное строительство XVI века завершилось в 1600 г. сооружением на средства Бориса Годунова пятишатровой, трехъярусной звонницы, прообразом для которой послужила звонница Софийского собора в Новгороде. Важнейший период в истории монастыря

приходится на начало XVII столетия, когда Тихвинская обитель разделила испытания, выпавшие на долю Русского государства.

В 1611-1613 гг. монастырь героически выдержал осаду шведских войск, оккупировавших Новгород и его окрестности. В конце мая 1613 г. Тихвинский посад становится центром боевых действий. Скрывшиеся за стенами обители немногочисленные защитники героически сопротивлялись войску под командованием Делагарди. 24 июня на помощь тихвинцам пришли московские отряды Симеона Прозоровского и Леонтия Вельяминова. Совместными усилиями, после упорной борьбы, победа была достигнута 15 сентября. Благополучный исход тихвинских событий, положивший начало освобождению всей Новгородской земли, связывали с заступничеством Богоматери, чудотворная икона которой хранилась в монастыре.

Война закончилась 17 февраля 1617 г. подписанием перед одним из списков с чудотворного образа мирного договора между Россией и Швецией в деревне Столбово. В честь иконы «Споручницы мира» установилось местное празднование в пятую неделю Великого поста. События 1611-1613 гг. упрочили почитание Тихвинской иконы как воинской святыни, восходящее к византийскому культу икон - военных спутниц православных императоров, покровительниц в борьбе с неверными.

Становление этой традиции в отношении к Тихвинской иконе относится к событиям Казанского похода, когда ее явление во сне Ивану Грозному на реке Пьяне, где останавливалось русское войско, было воспринято как обещание победы над иноверцами. Впоследствии Иваном Грозным на этом месте был воздвигнут Троицкий Сакминский монастырь, куда из Тихвина им был прислан точный список чудотворного образа.

В XVII веке почитание Тихвинской иконы Богоматери приобретает общегосударственное значение. В 1653 г. при царе Алексее Михайловиче была создана наиболее пространная редакция сказания, закрепившая традицию отождествления Тихвинской святыни с творением евангелиста Луки. Вместе с ним составлена специальная служба в память о явлении иконы.

Несмотря на опустошения и разруху, принесенные шведской интервенцией и пожаром 1623 г., уничтожившим деревянные постройки, к середине XVII, благодаря царским жалованным грамотам и льготам, монастырь достиг высокого уровня политического и экономического значения, выразившегося в масштабах каменного строительства, развитии иконописного искусства, книгописания и ювелирного дела.

Успенский собор имеет замечательную по сохранности и художественной ценности настенную живопись XVI-XVII веков, выполненную новгородскими, тихвинскими и ярославскими иконописцами.

В годы правления Петра I монастырь постепенно утрачивает свое былое величие. В XVIII веке обитель не имела такого общественно-политического значения, как в эпоху становления Русского централизованного государства. Однако она никогда не оставалась без внимания. Чудотворная икона Богоматери «Тихвинская» привлекала многочисленных паломников. На молебен к святыне приезжали российские самодержцы и члены их семей, царская свита. Богатые жертвователи щедро одаривали монастырь различными вкладами. Здесь бывали Петр I, Елизавета Петровна, Павел I, Александр I и Александр II.

С учреждением в 1764 г. Духовных штатов Священный Синод присвоил монастырю статус второклассного, а в 1852 г. - перво-классного монастыря.

В жизни города обитель всегда имела очень большое значение, особенно в делах благотворительности и просвещения. С начала XVIII века при монастыре была основана богадельня для бедных и увечных людей, просуществовавшая вплоть до его закрытия. Также в начале XVIII века при Богородицком монастыре была открыта первая в Тихвине школа, в которой преподавали Закон Божий, Церковный устав, славяно-русский и греческий языки, риторику и пиитику. На протяжении столетий школа неоднократно преобразовывалась. И в 1803 г., по прошению архимандрита Герасима (Князева), в монастыре открылось духовное училище.

В XIX веке, во время проведения многочисленных военных кампаний, монастырь участвовал во многих фондах, оказывавших поддержку раненым и семьям погибших.

В 1812 г. обитель благословила уменьшенным списком с чудотворной иконы тихвинское ополчение. Эта икона, принимавшая участие в военных действиях, получила название «Ополченной». Впоследствии она участвовала в Севастопольских событиях и почиталась как воинская святыня.

В XIX веке тихвинские иеромонахи окормляли Российский военный флот. Известен духовный подвиг иеромонаха Кирилла, который 26 и 29 июля 1855 г. во время бомбардирования неприятельским флотом крепости Свеабы, служил молебен на палубе даже во время самой сильной перестрелки, воодушевляя своим примером матросов.

В начале XX века монастырь разделил печальную участь многих русских храмов и обителей. В первые годы советской власти монастырская община была преобразована в трудовую артель. В 1919 г. проведена первая опись монастырского имущества. К 1922 г. относится первая известная акция изъятия монастырских ценностей, среди которых находилась и драгоценная риза чудотворной иконы.

В 1924 г. монастырь был закрыт. Успенский собор действовал с этого времени до 1936 г. как приходской. В 1927 г. настоятель монастыря, епископ Тихвинский Антоний (Демянский), был арестован.

Во время немецкой оккупации Тихвина в ноябре 1941 г. экономической командой «Герлиц» из Успенского собора было вывезено 86 предметов, среди которых были иконы и предметы декоративно-прикладного искусства. В их число входила и главная святыня монастыря - чудотворная икона Богоматери. Древний образ вместе с другими ценностями был отправлен в Псков, откуда в 1944 г. был эвакуирован в Ригу. Дальнейшая история иконы связана с именем бывшего архиепископа Рижского Иоанна. В течение четырех лет она сопровождала его в скитаниях по послевоенной Европе. В 1949 г. архиепископ Иоанн эмигрировал в Америку. Сейчас икона находится в Троицком соборе в Чикаго. (О возвращении иконы см. далее – *Сост.*)

В тяжелые годы Великой Отечественной войны была открыта для богослужений церковь Тихвинской иконы Богоматери. Настоятелем храма был назначен игумен Сергей (Талицкий) - уроженец бывшего Тихвинского уезда, 22 года прослуживший в Богородицком монастыре.

До 1989 г. эта маленькая церковь была единственным оплотом православия на весь город и район. Бывшая надвратная башня тесна и неудобна для богослужений, т. к. в силу ее конструктивных, исторически сложившихся особенностей молящимся не виден даже иконостас. Однако в открытии этой церкви было нечто символическое, внушающее надежду на будущее возрождение, поскольку здесь находится вторая по значимости монастырская святыня - фреска с изображением чудотворного образа Богоматери, у которого в середине XIX века случилось исцеление мещанина Александра Боровского. В 1995 г. именно здесь начались первые службы возобновленной в наши дни обители.

Монастырские строения в послевоенные годы использовались как жилье для оставшихся без крова горожан. В них же располагались небольшие производства. Многие здания не избежали разрушений, которые были следствием как военных событий, так и печально известной политики государства.

Полностью уничтоженным оказалось монастырское кладбище, на котором были похоронены многие иноки и настоятели монастыря, а также многие известные люди, такие, как князь Симеон Прозоровский, защищавший обитель от шведов; князь Иван Иванович Шуйский, принц Иоанн Антонович Ульрих, русский историк Я. И. Бередников, А. П. Римский-Корсаков, исследователь тихвинской старины И. П. Мордвинов.

В 60-е годы началась реставрация монастыря, в ходе которой восстановлены многие здания. С 1968 г. в некоторых из них находится музей.

Летом 1995 г. по благословению ныне покойного владыки Иоанна возобновил свою деятельность Тихвинский Богородицкий

монастырь. Возглавил его наместник иеромонах Александр (Гордеев). Возродилась традиция главного монастырского праздника - в честь Тихвинской иконы Богоматери. Особенно большое стечение гостей и паломников на монастырском празднике отмечалось в 1998 г., когда Божественную литургию в Успенском соборе служил митрополит Петербургский и Ладужский Владимир. В сентябре 1999 г. монастырю вновь был присвоен почетный статус первоклассного, а настоятелем обители утвержден иеромонах Евфимий (Шашорин).

Колесникова О.

Дымский монастырь // ⁴² С. 302-303.

Примерно в 20 км от Тихвина находится Антониев Дымский монастырь. Издревле у богомольцев, идущих на поклонение к чудотворной Тихвинской иконе, существовал обычай прежде заходить в Антониев монастырь. Существовала поговорка: «Кто у Антония не бывал, того Тихвинская Божия Мать не принимает».

См. Житие преподобного Антония Дымского – *Сост.*

Березина Л. Д.

Возвращение святыни // ⁶⁸ С. 60-61, 91.

В 2003 году было принято решение о возвращении Тихвинской чудотворной иконы Божией Матери в Тихвинский Богородичный Успенский монастырь ко дню празднования в 2004 году: годы разлуки святыни с той землей, где она явилась более шестисот лет назад, завершаются!

Протоиерей Сергей Гарклавс, хранитель чудотворного образа, приезжал в Тихвинский монастырь 9 января 2004 года, чтобы согласовать порядок торжеств.

12 января 2004 года состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с американской делегацией во главе с хранителем иконы. На этой встрече были подтверждены сроки (26 июня – 9 июля 2004 года) и условия возвращения...

Маршрут возвращения Тихвинской иконы Божией Матери: Чикаго – Рига – Москва – Санкт-Петербург – Тихвин. 12 июня – 9 июля 2004 года.

9 июля, пятница – День празднования Тихвинской иконы Божией Матери; состоялась встреча Святейшего Патриарха; торжественные богослужения в Тихвинском Успенском монастыре.

Кириллин В.

Светоприсемная свеща и чудес сокровище.
Икона Пренепорочной Матери Божией Тихвинской //
София⁵⁰. Новгород. 2004. № 4. С. 15-20.

На протяжении более чем пяти веков образ Пренепорочной Девы Марии с Младенцем, почитаемый как явленный и чудотворный, оставался в Тихвине, в течение же последних 60 лет одна из самых любимых и почитаемых в Русской Православной Церкви святынь пребывала на чужбине. Но где бы она ни оказывалась, везде ее окружали заботой свои, православные люди. Нередко и чужие становились своими! Перед ней раскрывались их уставшие, наболевшие и чающие утешения души, перед ней обращались они к Премилостивой Заступнице с мольбами и просьбами о помощи, от нее отходили они с просветленными лицами и окрепшими силами. Некогда, оставив скудеющие в вере земли, икона эта чудесно явилась на Руси, потом, в век безбожия, оставила и Россию, и мало кто помнил о ней. Теперь вот она вернулась. Несомненно, миллионы молящихся глаз провожали ее возвратным путем в родные пенаты! Бесспорно, миллионы молящихся глаз вновь встречали ее дома! Очевидно, что так Соединившая Небо и Землю, соединяет теперь нас грешных, рассеянных бурным XX веком по разным странам, городам и весям! Это нам знак, и это нам залог. Если действительно хотим возрождения нашей страны, соделаем-ся истинными чадами Господа нашего Иисуса Христа и Его Пресвятой Матери!

ЖИТИЕ

архимандрита

Феодорита Кольского ¹⁰

блаженного, просветителя лопарей

Память его празднуется месяца августа в 17-й день

† 1571

Вроженец Ростова, Феодорит ушел из дома своих родителей в Соловецкий монастырь, и через год, 14-ти лет, приняв пострижение, был поручен на послушание престарелому и весьма мудрому пресвитеру Зосиме. Феодорит прослужил неотходно при обители пятнадцать лет и, навывуч всякой духовной мудрости, укрепился в подвигах добродетели. Тогда он был рукоположен Новгородским архиепископом в иеродиакона и, пробыв один год у своего старца, испросил у него дозволение посетить другие монастыри. Прежде всего он направил свой путь к преподобному Александру Свирскому, который принял его любезно, назвав при встрече по имени. Потом, обойдя другие монастыри, поселился в Кирилло-Белозерском, где нашел старца Сергия и других святых мужей. Пробыв года два в Кирилловской обители, он углубился в пустыни, окружающие этот монастырь, и здесь нашел Порфирия, бывшего (1521-1534 гг.) игумена Сергиева монастыря, Артемия, Иоасафа и других пустынников высокой жизни, уже состарившихся в иноческих подвигах. Феодорит, прожив здесь около четырех лет, получил от своего Соловецкого наставника письмо, в котором он, предчувствуя кончину, призывал своего ученика к себе. Ни отдаленность расстояния, ни трудности пути не удержали Феодорита: он поспешил к своему учителю, чтобы обнять многолетнего старца, облобызать его священные седины, и с год служил ему в его немощах и недугах, до блаженной его кончины. После этого Феодорит решил на себя

подвиг апостольский: он отправился на устье Колы, в землю диких лопарей. С языком их он успел познакомиться в Соловецком монастыре, потому что, по свидетельству жития преподобных Зосимы и Савватия, многие соседние инородцы: ижора, чудь, лопье, каяне и мурмане - приходили в обитель преподобных и, принимая святое крещение, делались монахами.

Лопари были самые грубые идолопоклонники, кланялись истуканам, боготворили ночных нетопырей, гадов и разных пресмыкающихся, ели нечистое и скверное, не знали жизни городской и селениями, а жили отдельными семьями. Но это были простые сердца, на которых семя слова Божия могло принести добрые плоды. Феодорит перевел некоторые славянские молитвы на язык лопарей и обучил их истинам веры. Помощником ему в христианском просвещении лопарей был старец Митрофан (см. Житие святого Трифона Печенгского – *Сост.*). Двадцать лет Феодорит трудился в этом святом деле. В Новгороде он был рукоположен в иеромонаха, несколько времени был духовником митрополита и, возвратившись к лопарям, основал там монастырь, который, впрочем, принужден был вскоре оставить по ненависти иноков, не желавших строгих правил устава его. Между лопарями он оставил уже две тысячи крещеных. Удалившись в Новгородскую область, он около двух лет был игуменом одного монастыря и потом, вызванный в Москву, поставлен архимандритом Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Феодорит в сане архимандрита 5 лет настоятельствова в Суздальской Спасо-Евфимиевой обители (до 1554 г.), но по клевете еретиков, единомысленных с Башкиным, старец-труженик подвергся двухлетнему заточению в Кирилло-Белозерском монастыре. Освобожденный из заточения, он несколько времени жил в Ярославском монастыре, откуда был вызван в Москву и в 1558 г. отправлен царем Иоанном Васильевичем Грозным в Царьград с вопросом к Патриарху о короновании. Возвратившись из Греции, Феодорит принес царю ответное послание Патриарха, и за эту услугу ему была назначена награда, состоящая из 300 сребреников и собольей

шубы, крытой аксамитом (парчою). Но нелюбостязательный Феодорит пожелал принять только 25 сребреников, и когда царь прислал ему и шубу, то инок продал шубу, деньги раздал бедным, а сам удалился на покой в Прилуцкий монастырь Вологодской губернии. Отсюда он два раза посещал просвещенных им лопарей и, наконец, после многотрудных подвигов и скорбей, почил мирно сном смерти на месте своего пострижения в Соловецком монастыре и погребен близ южной стены Преображенского собора. Над могилой его доселе сохранилась белая плита со следующей надписью: «Лета 7079 (1571) августа 17 дня преставися раб Божий священно-архимандрит Суздальский Евфимиева монастыря, священноинок Феодорит, Соловецкий постриженник». Церковь за подвижническую жизнь и просветительские труды дала ему титул Блаженного.

Тропарь, глас 8

тебѣ отче Феодорите, извѣстен вѣсть спасенія образъ. Восприни во крѣст последовалъ еси Христѹ. Творяше же и учаше, еже презрѣти плоть, преходитъ бо, прилежати же о души вещи безсмертней. Темже и со ангелы радуется преподобне духъ твой.

Кондакъ, глас 2

истотою душевною Божествомъ вооружився, и непрестанныя молитвы, яко копие вѣчнѣв крѣпко, проболъ еси бесовская ополченія, Феодорите, отче нашъ, моли непрестанно о всѣхъ насъ.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего

Нила Горского (Майкова) ²

*Память его празднуется месяца апреля в 7-й день
и месяца мая в 7-й день*

† 1508

реподобный Нил - великий отец Русской Церкви, по своему подвижничеству и наставлениям.

Он был из дворянской фамилии Майкова, родился в 1433 г. Начало иноческой жизни полагал он в обители преподобного Кирилла Белозерского. Здесь он пользовался советами

умного и строгого старца Паисия Ярославова, который потом был игуменом Сергиевой лавры и не захотел быть митрополитом. Затем Нил путешествовал на Восток, чтобы видеть в опытах жизнь духовную, был, по его словам, «на горе Афонской, в странах Цареградских и других местах». По возвращении с Востока короткое время жил он за оградой Кириллова монастыря в уединенной келье. Потом в 15-верстах от монастыря, на реке Сорке, поставил себе крест с часовнею и келью и тем, которые хотели делить с ним подвиги, предлагал жизнь не общежительную, а скитскую.

Историю внутренней своей жизни отчасти открыл сам преподобный в послании к князю иноку Вассиану, по настоятельной его просьбе.

«Пишу к тебе, - говорит он, показывая себя, - любовь твоя по Боге вынуждает к тому и делает меня безумным, чтобы писать тебе о себе. Не просто и не по случаям надобно нам поступать, а по Святому Писанию и по преданию святых отцев. Удаление мое из монастыря (Кириллова) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ее. Я видел, что там живут не по закону Божию и преданию отеческому, а по своей воле и человеческому рассуждению. Много еще и таких, которые, поступая так, неправильно мечтают, будто проходит житие добродетельное... Когда мы жили вместе с тобою в монастыре (Кирилловом), ты знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Священному Писанию, хотя по лености моей и не успевал. По окончании странствования моего пришел я в монастырь (Кириллов) и вне монастыря, вблизи его, устроил себе келию, жил, сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатию Божиею место по мыслям моим, мало доступное для мирских людей, как сам ты видел. Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний; прежде всего, испытываю заповеди Господни и их толкование и предания Апостолов, потом - жития и наставления святых отцев. О всем том размышляю, и что по рассуждению моему нахожу Богоугодного и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом жизнь моя и дыхание. О немощи моей и лени возложил упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцев или повинуйся тому, кто известен как муж духовный в слове, жизни и рассуждении... Святое Писание жестко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Священное Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто Писание не для нас писано, не должно быть выполняемо в наше время. Но истинным

подвижникам и в древние времена, и в нынешние, и во все века слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро; заповеди Господни для них дороги более, чем золото и камня дорогие, сладки более, чем мед и сот».

По этому письму видно, между прочим, и то, что путь жизни, избранный Нилом, изумлял собою современников. Да и подлинно было чему изумляться, особенно слабым.

Дико, мрачно, пустынно место, которое избрал для скита своего преподобный Нил. Это не местность Афонская, где столько красот природы, где воздух живительный, плоды роскошные.

Речка Сорка, передавшая свое имя Русскому угоднику Божию, похожая более на болото, чем на текущую реку, чуть тянется вниз. Вся местность скита низменная и болотистая. И здесь-то подвизался Русский отшельник. Еще целы прудок, выкопанный преподобным Нилом, и его трудов колодезь с превкусною водою, которую употребляют для исцеления. Еще цела одежда Нила; волосы ее колются, как иглы.

Все скитское общество преподобного состояло из иеромонаха, диакона и 12 старцев. В число их явились из Иосифа монастыря Дионисий из князей Звенигородских и Нил Полев – потомок князей Смоленских. Первый из них, когда жил в Иосифе, «в хлебопекарне работал за двух и к тому же пел 77 псалмов и творил по 3000 поясных поклонов каждый день. Но, полюбив уединение, просился и получил благословение идти к о. Нилу, который тогда сиял как светило в пустыни на Белоозере». Так говорит современник.

Для нужд братии преподобный Нил устроил на речке небольшую мельницу. Когда решились построить храм, надобно было предпринять много работ. На почве болотистой надлежало сделать высокие насыпи для храма, тем более что здесь же надлежало быть и братской усыпальнице. Руками святого старца и его скитников насыпан был высокий холм для храма и усыпальницы. Каждая келья поставлена на возвышении и каждая отстоит от другой и от храма на расстоянии брошенного камня. Скитники собирались в храм свой, по примеру восточных, только по субботам, воскресеньям

и праздникам. В прочие дни каждый молился и трудился в своей келье. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь, в полном смысле слова: за каждую кафизмою предлагалось по три и четыре чтения из отцов. Во время литургии пели только Трисвятую песнь, Аллилуия, Херувимскую и Достойно; все прочее читалось протяжно, нараспев. В субботу приходили в братскую усыпальницу, где совершалась панихида за упокой усопших. Таков церковный устав Нила.

Преподобный Нил был один из тех, которые душою скорбели о порче книг церковных, и старался исправлять их. Это, как и скитская жизнь, дотоле невиданная, возбуждало против него неудовольствия. Он терпеливо шел путем своим.

В 1491 г. видим преподобного Нила на соборе о жидовствующих еретиках. По делу о них же ревнитель православия блаженный Геннадий в 1492 г. желал лично видеть преподобного Нила, чтобы слышать суждения его о предметах недоумений.

Неизвестный современник писал: «Нил Майков, ученик Паисия, был в Святой Горе. Великий князь содержал их (Паисия и Нила) в великой чести. Когда окончился собор о вдовых попах и диаконах (1503 г.), старец Нил предложил, чтобы не было сел у монастырей, а жили бы трудами рук своих. К нему присоединились и Белозерские пустынники». Другой современник так говорит о том же: «Некоторые отцы, проводящие и любящие безмолвие и уединенную жизнь (между ними первый святой Нил), твердо помня отеческие наставления о нестяжательности, необходимой для черноризцев, скорбели о том, что монастыри владеют селами, и полагали, что напрасно произносится отречение от мира монахами, ибо они точно так же, как миряне, волнуются и ссорятся с мирянами и между собою, ходят по судам и ведут тяжбы. Потому они предлагали о том самодержцу, как имеющие доступ к нему по своей крепкой жизни и по великой добродетели и как уважаемые самодержцем». По известию того и другого современника, на соборе Иосиф Волоколамский и другие подали другой голос о монастырских имуществам, и их голос был уважен.

В предсмертном завещании преподобный, заповедуя ученикам бросить тело его в пустыни, в пищу зверям или закопать в яму с презрением, писал: «Оно тяжко согрешило пред Богом и недостойно погребения», - и затем прибавлял: «Сколько в моей силе было, старался я не пользоваться никакою честью на земле, в этой жизни; так пусть будет и по смерти». Преподобный скончался 7 мая 1508 г.

Мощи преподобного почивают под спудом. Грозный царь в 1569 г. хотел на место деревянного построить каменный храм. Но преподобный, являсь Иоанну, строго запретил ему строить такой храм. Так он и за гробом остается ревнителем скитской простоты.

Как жизнь преподобного Нила была особенная, так и в писаниях своих он такой наставник, какого дотоле не было в Русской Церкви. Он - учитель жизни созерцательной.

«Устав скитского жития преподобного Нила» после предисловия о мысленном делании предлагает наставления: 1) о различии мысленной брани; 2) о борьбе с помыслами; 3) как укрепляться в подвиге против помыслов; 4) о содержании духовной брани; 5) об 8-ми помыслах; 6) о борьбе с каждым из них; 7) как важно памятование о смерти! 8) о слезах; 9) о хранении сокрушения; 10) о смерти для мира; 11) о том, что все должно делать в свое время.

В заключение святой Нил говорит, с какими расположениями предложил он свой устав. «Умная молитва, - говорит он, - выше телесной: телесное делание - лист, а внутренне, умное - плод. Кто молится только устами, об уме же не брежет, тот молится воздуху. Ибо Бог внимает уму. Упражнение во внутренней молитве доводит человека до высшего духовного состояния, в котором дух даже не имеет молитвы, ни движения; ни самовластия, а наставляется силою иною». На этом пути, кроме молитвы, необходима борьба с помыслами. «Если не можешь молиться в безмолвии, без помыслов, и даже видишь их умножающимися в уме твоём, - не малодушествуй, пребывай постоянно в молитве». Наставления преподобного Нила о помыслах заключают в себе глубокие психологические наблюдения над действиями души.

Он разлагает дело души на части самые тонкие, едва заметные; показывает, как помысел из безгрешного постепенно переходит в действие более и более преступное и опасное.

Относительно внешней деятельности преподобный Нил предписывает скитскую полную нестяжательность и просто-ту во всем. Необходимое для жизни велит приобретать только трудами рук своих, повторяя слова Апостола: «Аще кто не хощет делати, ниже да яст» (2 Фес. 3, 10). «Иноческая милостыня - помощь брату словом во время нужды, утешить в скорби духовным рассуждением: душевная милостыня настолько выше телесной, насколько душа выше тела. Если придет к нам странник, успокоим его по силе и, если требует хлеба, подадим ему и отпустим его». Преподобный Нил часто говорит словами отцов и чаще других приводит слова Григория Синаита и Симеона Нового Богослова. О первом говорит он: «Сей блаженный, обнимая содержание писаний всех духовных отцов, по их чину, повелевает иметь прилежную заботливость о молитве».

Тропарь, глас 4

Вдалнѣся бѣгая Давидски мѣра, и вся яже в немъ яко умѣты вменив, и в мѣстѣ безмолвнѣ вселѣвся, духовныя радости исполнѣся еси, отче нашъ Ниле: и Единому Богу изволивъ служити, процвѣл еси яко финикс, и яко лоза плодоносна умножил еси чада пустыни. Темже благодарственно вопиемъ: слава Укрепившему тя в подвиже пустынножителства, слава Избравшему тя в Россіи отшельникомъ уставоположника изрядна, слава молитвами твоими и насъ спасающему.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Поселянин Е.

Преподобный Нил Сорский, личность и значение его в истории русского монашества. (По поводу 400-летия со дня кончины 7 мая 1508-1908) // Церковные Ведомости. 1908. № 18, 21.

В житии святого Нила Сорского имеются сведения, что он путешествовал по Востоку и жил на Афоне со своим учеником Иннокентием, который был из боярского рода Охлябининых. Они жили там довольно долгое время. Это путешествие имело решающее влияние на мысли Нила. Он принес из Афона образ скитской жизни, которому сочувствовал и раньше. Здесь же он мог изучить и в славянских переводах, и в подлинниках тех писателей, на которых любил ссылаться в своих сочинениях. То были творения Ефрема Сирина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Варсонофия, Исаака Сирина, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита. Но что еще важнее - Афону Нил был обязан идеей созерцательной жизни, так как тамошние монастыри отличались пред всеми монастырями созерцательным элементом.

По окончании своего странничества, Нил вернулся в Кирилло-Белозерский монастырь и поселился в келье, недалеко от монастыря. Вскоре же, однако, он совершенно удалился из обители. Об этом удалении Нил говорил в таких выражениях: «Ныне вдаль от монастыря переселихся, понеже благодатию Божиею обретох место, угодное моему разуму, занеже мирской чади мало входно». Вообще, замкнутость была главною чертою его характера.

Первое время преподобный Нил жил в своем уединении совершенно один, «отрицая» от желавших к нему присоединиться. Наконец, после долгих просьб, он согласился принять некоторых, но с условием, чтобы они «хранили заповеди Божии и творили предания святых отец». Для ознакомления с этим Нил и написал свое известное «Предание учеником своим о жительстве скитском».

Кроме «Предания», до нас дошли несколько его обширных писем и 12 «глав» - слов о борьбе со страстями или, точнее сказать, с зародышами страстей - помыслами.

Пользуясь в Москве большим уважением, Нил не раз бывал вызываем на соборы. На соборе 1503 г., когда уже часть членов его, и, между прочим, известный Иосиф Волоцкий, разъехались, Нил поднял вопрос о вреде для монастырей владеть недвижимым имуществом. Современник говорит: «Нача старец Нил глаголати, чтоб у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням,

а кормили бы ся рукоделием». Поднятый им вопрос был слишком важен. Вызван был обратно Иосиф, поднялась горячая полемика. Соображения практические и культурного характера одержали верх над внушениями иноческого идеализма.

Но не в том дело, что мнение Нила не восторжествовало и осталось лишь бесплотной мечтой. Важно, что устами Нила древняя русская жизнь просветила идею монашества, поставила на подобающую высоту тот идеал, который всегда будет в последующих веках на глазах и в сердце всех, кто познает стремление к равно-ангельской жизни.

Значение Нила Сорского в том, что он своею жизнью и – того важнее – писаниями своими является проповедником иночества созерцательного, духовного, то есть аскетизма в его чистейшем, высшем виде.

На Афоне напитал он свой дух наставлениями великих пустынных отцов, которые путем внутреннего очищения и непрестанной молитвы, совершаемой умом в сердце, достигли светоносных озарений духа: высшей таинственной радости. Проложенною этими аскетами дорогою пошел и Нил, и по этой же дороге повел за собою своих учеников.

Мудрость свою, взгляды на жизнь он черпал в чистом источнике Священного Писания, отказываясь доверяться голым внушениям разума. «Наипаче испытую Божественная Писания, прежде заповеди Господня и толкования их, и Апостольская предания; та же жития и учения святых Отец, и тем внимаю (т. е. понимаю) ко благоугождению Божию и к пользе души, списую себе и тем поучаюсь, и в том живот и дыхание мое имею... И аще что случится творити ми, аще не обрящу, то во святых писаниях, отлагаю се на время, дондеже обрящу: понеже по своей воли, и по своему разуму не смею что творити».

И вот из этого «испытания» Божественных Писаний, житий и учений святых Отец он и вынес как внешнее устройство скитской жизни, так и духовные ее начала.

Милостыню инока Нил понимает духовно: молитва, совет, утешение. Как подаст материальную милостыню монах, когда он сам нищий?

Мнения Нила о посте были тоже отличны от мнений его современников. Если он советует юным смирять тело постом, жаждою и трудом, то «старии и немощнии да упокоят себе мало». Вот все его слова о посте, тогда как в других уставах того времени этот вопрос излагается с удивительными подробностями и тонкостями.

Дух, дух, дух, царство духа – вот что представляется нам, когда мы постараемся вникнуть в стремления преподобного Нила.

Для него подвижничество – не известная внешняя выдержка, не трафарет поклонов, четок и известного количества выслушанных богослужений, и отправленных келейных правил, за которыми можно потом заняться «мятежом» мирским. Нет! Мир Нила – другой. Это – стяжание Бога, там, в глубине отрешившегося от житейского попечения сердца. Его пиры – это невидимая вечеря с Тем, Кто сказал: *«Я стою у двери твоей и стучу... Отвори мне и Я войду к тебе, и ты будешь вечерять со Мною, а Я с тобою»*.

В основу скитской жизни Нил поставил умное или мысленное делание. Это сокровенная сосредоточенная работа духа над самим собой. Надо напрочь все свое внимание в наблюдении над собой. Надо этим вниманием не допустить к сердцу пожеланий, страстей. И лучшее средство – это «вниди в клеть твою» - удаление в тишину своего духовного существа, и там высокая, ничем не развлекаемая молитва, на крыльях которой человек возносится до высоких созерцаний. Оттуда, из этой священной тишины, дух управляет умом и сердцем. Мимолетные, скоропреходящие порывы религиозного человека, сменяющиеся мирскими откликами, складываются теперь в крепкое, постоянное настроение, и житейские соблазны становятся над человеком бессильны. Нил в себе и в учениках своих не только стремился убить грех, но стремился к тому, чтоб в душе не мог даже возникнуть помысел о нарушении заповедей.

И вот наступают дни, когда на этой подготовленной почве внутреннего мира человеческого начинает совершаться Божественная тайна. К душе слетает «неизреченная радость». Язык перестает шептать слова хвалы, молитва уже не нужна. Ум – «кормчий чувств» уже водится не собою, а какою-то чудною «силою иной». Это открылось то дивное состояние, когда «не молитвой молится ум, но превыше молитвы бывает», когда существо человеческое наполняется предчувствием вечного блаженства.

Таковы плоды той отрешенной от всего мирского чистейшей молитвы, которая называется на языке аскетов «умное делание» и открывает им громадные духовные горизонты, давая порой минуты сверхчувственной радости. Читавшие аскетические книги люди знают, что долгими трудами приобретается этот дар «умной молитвы», и мы уже вкратце здесь говорили о таинственных путях к ней.

Жизнь и счастье духа – вот к чему звал учеников своих преподобный Нил Сорский. Если бы мы так же созерцали дух, как смотрим на внешний мир, то пред дивными озарениями, посланными душе великого русского скитянина, мы бы испустили крики восторга.

Но нет. – Все скрыто там, внутри. Все тайна между уединенной безмолвной душой и ее Богом. И как мало доступна и сколь непонятна миру захватывающая красота этой жизни.

1. *Смирнова А. В.* Нило-Сорская пустынь // ⁶⁰ С. 140-156.

2. *Романенко Е.* Нило-Сорская обитель // ⁴² С. 453-459.

Нило-Сорская пустынь основана более пятисот лет назад. На протяжении этого времени она знала расцвет и упадок духовной и хозяйственной жизни. Но во все времена как для самой обители, так и для Русской церкви лучом света было имя ее основателя – преподобного Нила Сорского. Его взгляды на устройство и цели монашеской жизни, история самой обители привлекали и продолжают привлекать внимание церковных деятелей, ученых, исследователей. За XIX-XX вв. издан ряд монографий, научных статей, не раз печатались сочинения самого Нила Сорского.⁶⁰

Постриг преподобный Нил принял в Кирилло-Белозерском монастыре, примерно в 1453-1455 гг. После 1475 г. он вместе со своим учеником Иннокентием «ушел из монастыря на Афон и в страны Царьграда».

На Афоне старец Нил долго изучал практику «умной» молитвы и скитского жития. Здесь он пришел к убеждению, что скит, как тип монастыря, наиболее удобен для высшего монашеского делания – безмолвия и «умной молитвы». Скитский путь подвижничества святые отцы почитали «зологом», «срединным» между отшельничеством и общежитием. «Средний путь непадателен есть». Отшельничество требует от подвижника «ангельской крепости» и грозит многими духовными опасностями: «горе единому, аще в леность впадет, во уныние или огчаание яко не имать воставляющего его в человецех» (Иоанн Лествичник). Общежитие (киновия) наполнено заботами о монастырском хозяйстве. Оно объединяет многих под кровом монастыря, поэтому не всегда удобно для безмолвия и созерцания. Уединение скита в «пустыне», отсутствие большого общего хозяйства позволяет сосредоточиться на «внутреннем делании». Малая соборность скита (первоначально – жизнь двух или трех монахов вместе), возможность получить духовное наставление помогает избежать многих опасных «прелестей» на духовном пути.

Устраивая свой скит, Нил Сорский сохранил все особенности древнего скитского жития. Первой, наиболее зримой, особенностью всех скитов является их местоположение. Если киновии, более раскрытые миру по своему характеру, как правило, стоят на открытых возвышенностях с плодородной почвой, в окружении озер и рек, скиты и лавры, как и келии отшельников, обычно устраивались в «пустыни». «Пустыню» могли называться горные ущелья, лесные

дебри, этим словом обозначались места необитаемые, труднодоступные и малопригодные для жизни. Ничто, даже красота видимой природы, не должна была отвлекать подвижника от безмолвия, созерцания, изучения Божественных Писаний – единственного источника Богопознания.

Образ «пустыни» в Священном Писании имеет преобразовательное значение будущей процветшей земли: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать» (Ис. 35. 1-2). На службе в день памяти преподобного Нила Сорского (7/20 мая) также читается библейское пророчество Исаии о пустынной земле. В день Страшного Суда именно в пустыне, говорит пророк, откроется «путь чист, и путь свят наречется», по которому избавленные от вечных мук пойдут в вечную радость (Ис. 35. 8-10).

Место «пустынное и жестокое» выбрал для своего поселения Нил Сорский, а его монастырь чаще всего называли Нило-Сорской пустынью. Придя на Сор, преподобные Нил и Иннокентий поставили кельи в лесу по скитскому обычаю: так, чтобы из окна одной можно было увидеть только другую келью. В кельях жили по одному. Уединение каждого инока в скиту сохранялось неукоснительно, даже в XVII в. лес «на свою потребу» рубить вблизи келий запрещалось.

«Повесть о пришествии преподобного Нила» рассказывает, что Нил ископал колодец и пруд неподалеку от келий, а на реке Сорке поставил мельницу «на потребу братии». Келья, колодец с питьевой водой, пруд для поливки огорода – этого, по мысли преподобного, было достаточно иноку скита для строгой нестяжательной жизни.

На некотором расстоянии от келий (примерно 250 метров), между двумя речками Сорой и Бродью, преподобный Нил наносил своими руками гору земли, так как место было болотистое и низкое. Здесь и поставили впоследствии первую скитскую церковь – во имя Сретения Господня.

«Предание преподобного Нила» рассказывает о многотрудном составлении скита. Приходящим к нему преподобный Нил предлагал изучение Божественных Писаний, соблюдение заповедей Божиих и монашеское делание по преданию святых отцов. Он строго предупреждал братию об опасности «самочинства», то есть жизни по своей воле, тех, кто не хотел соблюдать Божественные заповеди и святоотеческие предания, он отправлял от скита «бездельны». Нил Сорский говорил, что лучше отогнать, чем оставить творить свою волю.

Правила скитской жизни, изложенные в «Предании» преподобного Нила, направлены на то, чтобы уберечь иноков скита от падений, от влияния «мира», чтобы создать внешние условия, необходимые для

внутренней созерцательной жизни. Выходить из скита без благословения настоятеля и не в «уставленное» время запрещалось. Исхождение из кельи допускалось по «Уставу скитского жития», который был принят в Нило-Сорском скиту, во вторник, четверг, субботу и воскресенье (то есть в непостные дни). Великим постом – в субботу и воскресенье. «Пития, елико пианства имут» в Ниловом скиту, как и в монастыре Кирилла Белозерского, не держали «никогогоро».

В своем «Предании» Нил Сорский запрещает входить в скит женщинам, принимать отроков, держать скот «женьска рода на послужение».

В вопросах собственности преподобный Нил также держался древних скитских уставов. Понятие «мое» в скиту практически отсутствовало. Одной из высших добродетелей скитского инока было полное нестяжание. Келья также не являлась его собственностью. Если монах уходил из скита, то терял все права на нее. Если даже возвращался, то не мог требовать назад ту же келью. Это решалось только по воле настоятеля.

Немного известно об иноках Нило-Сорской пустыни. Обычно их жило в скиту 6-12 человек. В скиту жили монахи родом из Нижнего Новгорода, Муром, Москвы, Холмогор, Киева, Поморья, Вологды, Устюжны, приходили из Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Корнильево-Комельского монастырей, с Соловков. Нилов скит имел, видимо, тесные связи с Соловецким монастырем. Через Пилову пустынь и Кириллов монастырь обычно пролегал путь паломников, шедших на Соловки. Старцы Соловецкого монастыря нередко жертвовали в скит книги, богослужебную утварь.⁴²

На общую службу монахи собирались дважды в неделю, а остальное время проводили в своих кельях в трудах и молитвах. Сам преподобный Нил изучал Божественное Писание, переписывал книги, составлял сборники житий. Авторитет старца в то время был так высок, что с его мнением считались высшие иерархи Русской Церкви. Например, в 1489 г., когда было широко распространено ожидание конца света, Новгородский архиепископ Геннадий просил Ростовского архиепископа Иоасафа обратиться за советом по поводу этих слухов к старцам Паисию и Нилу. Нил Сорский участвовал и в обсуждении важных вопросов на церковных соборах в Москве. На соборе 1503 г. он выдвинул предложение освободить монастыри от управления волостниками. По его мнению, монахи должны были стремиться не к материальному богатству, а к высоте внутренних духовных помыслов.

Жизнь самого Нила являлась примером воплощения этих идей, образцом великого смирения стало завещание, в котором он просил после смерти бросить тело его, как грешное и недостойное погребения, на съедение зверям и птицам; а если и совершить погребение, то «со всяким бесчестием». Закончил земную жизнь

преподобный 7 (20) мая 1508 г. Монахи на месте его захоронения положили камень, с надписью года, месяца и дня его кончины, а позднее поставили часовню.

Скит и после смерти его основателя продолжал оставаться небольшим, монахов в нем было немного. В 1515 г. в скиту жили священник, дьякон и двенадцать старцев. Как и при Ниле Сорском, все имущество, пища и одежда их были общими. Слава и авторитет старца Нила, довольно высокие при жизни, после его смерти еще более возросли. Московские князья взяли скит под свою защиту и на свое материальное обеспечение. Через белозерских и вологодских приказчиков из государевых запасов монахи скита получали рожь, овес, пшеницу, горох, соль и другие припасы, которых было достаточно и для живущих в скиту, и для приходящих сюда богомольцев. Вклады, кружечные и свечные деньги являлись незначительными статьями дохода.

Во все времена Нилов скит не был ни богатым, ни многолюдным. Вторым его храмом стала такая же небольшая, как и первая, деревянная церковь Ефрема Сирина с трапезной. Царь Иван Грозный, посетивший скит в 1569 г., хотел поставить в нем каменную церковь, но преподобный Нил, явившись к нему в «сонном видении», запретил это делать, поэтому долгое время скит оставался полностью деревянным. По описным книгам первой половины XVII в. в нем имелись, кроме двух церквей, двенадцать келий, колокольня с четырьмя колоколами, часовенка над гробом основателя, сторожка, жигница, амбар, ледник, конюшня да старая мельница.

В 1641 г. Нилов скит по указу царя Михаила Федоровича приписали к Кирилло-Белозерскому монастырю, что позволило несколько оживить ремонтные и строительные работы. Были возведены новая колокольница и небольшая холодная церковь во имя Третьего обретения Честной Главы Иоанна Предтечи над захоронением основателя скита.⁶⁰ В 1669 г., через 10 лет после освящения церкви, в ней над гробом Нила Сорского была устроена деревянная золоченая рака, где по сторонам в четырех кругах вырезали тропарь, кондак, икос преподобному Нилу и летопись, в каком году преставился преподобный. Первая икона с изображением Нила Сорского появилась в монастыре в 1686 г. при строителе Дионисии Москвитине. Незадолго до написания иконы, в 1682 г., при том же строителе был составлен канон преподобному Нилу Сорскому. Создание храма и раки над гробом, почти одновременное появление иконы и канона – все это подтверждает состоявшуюся канонизацию преподобного Нила Сорского и позволяет ее датировать 60-80 гг. XVII в. Нилов скит был известен и почитаем на Руси в XVI-XVII вв.

Два с половиной столетия (XVI – первая половина XVIII в.) Нило-Сорская пустынь прожила по уставу скитского жития. Но в середине XVIII в.

жизнь в скиту постепенно замирает, что в немалой степени было связано с общей государственной политикой по отношению к монастырям. Секуляризационная реформа 1764 г. прямо скита не коснулась, так как земли и крестьян он не имел. Но «государево жалованье» поступать перестало, Кирилло-Белозерский монастырь, разоренный реформой, уже не мог помогать своему приписному скиту (с 1641 по 1777 гг. Нило-Сорский скит был приписан к Кириллову монастырю). В 1798-1805 гг. монашескую жизнь в Нило-Сорском скиту пытался восстановить игумен Кирилло-Новоезерского монастыря Феофан, но безуспешно – скит находился за 70 верст от Новоезерского монастыря.

В 30 годах XIX в. начинается новая история Нило-Сорской пустыни, но уже как общежительного монастыря. «Богодарованным жребием» стала Нило-Сорская пустынь для иеромонаха Никона (в миру Николай Прихудаилов), который пришел сюда в 1837 г. из Троицкого Кривоезерского монастыря (Костромская епархия). Будучи еще монахом Троицкого монастыря, он стремился найти обитель уединенную и пустынную. Три раза иеромонах писал записки с названием трех пустыней и клал их за икону Божией Матери «Иерусалимская». Жребий трижды указал ему на Нилову пустынь.¹²

Трустная картина открылась перед Никоном, приехавшим в первый раз в Нило-Сорскую пустынь: «Во всех церквах обители все было ветхо и убого, требовало обновления и улучшения. Отрады вокруг церквей не было никакой, небольшие ветхие кельи настоятельские стояли боком, близкие к падению... Скотный двор, погрязший в болоте, лежал в развалинах». Вместе с тем в самом воздухе иеромонах Никон почувствовал «тонкое духовное благоухание». «Все скорбное и неприятное, что видел и встретил он в ней, уступало этому благодатному чувству», и Никон решил посвятить свою жизнь восстановлению обители.

Иеромонах Никон выполнял должность строителя пустыни в 1837-1842 гг. Известный своей подвижнической жизнью и имевший почитателей в высшем свете, он привлек к Нило-Сорской пустыни большое внимание. Возросло число благотворителей, вкладчиков, доходы пустыни стали расти. Никон ввел ежедневную службу, следил за выполнением монастырского устава, боролся с нетрезвостью. Все это способствовало укреплению авторитета пустыни и увеличению числа ее насельников. В 1840 г. пустынская братия обратилась к настоятелю Кирилло-Белозерского монастыря Рафаилу с прошением о восстановлении самостоятельности их обители, и вскоре решение об этом состоялось. В указе Святейшего Синода от 31 декабря 1850 г. говорилось, что «восстановление по сохраняющемуся о ней благочестивому воспоминанию послужит немаловажною опорой для народа в духе православия». Нило-Сорскую пустынь восстановили как заштатный общежительный

монастырь. Способами ее содержания назначались земля (триста десятиин), проценты с имеющегося капитала (2143 рубля серебром), собственные средства «от сборов свечного и кружечного и от усердия богомольцев».

Иеромонахом Никоном было положено и начало каменному строительству в Нило-Сорской пустыни. Первый каменный храм во имя Тихвинской Богоматери заложили на месте разобранных церквей Сретения Господня и Иоанна Предтечи. Во время работ были обнаружены «нетленные мощи» (якобы преподобного Нила). Иеромонах Никон собрал их и оставил для перезахоронения после постройки храма. Как человек, вероятно, не очень искушенный в формальной стороне дела, он не сообщил о находке по инстанциям, как того требовали правила, и это имело для него серьезные последствия. Кто-то из монахов написал донос, обвинив Никона в «скрытии мощей», и он был привлечен к ответственности. После продолжительного следствия последовало суровое наказание: Никона лишили священства, права ношения монашеской одежды на год и сослали в Валдайский Иверский монастырь. Каменное строительство в пустыни продолжалось уже при другом настоятеле.

К теплой церкви главного храма примыкала колокольня. В северной части монастыря стоял двухэтажный настоятельский корпус, построенный в середине XIX столетия. Монастырь окружала каменная ограда с четырьмя башнями. В ограде размещались кельи, трапезная, различные службы. Над святыми воротами в 1860-е годы была возведена церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Так, к 1870-м гг. сложился новый каменный ансамбль Нило-Сорской пустыни. По словам благочинного монастырей архимандрита Кирилло-Белозерского монастыря Иакова, пустынь была «приведена в благолепный вид».

За этот период выросло и количество ее обитателей. В 1871 г. в ней уже жили сто тридцать человек, из них пятьдесят монахов и послушников. Годовой доход пустыни в это время составлял более двенадцати тысяч рублей.⁶⁰

Несмотря на все изменения монастырского устава, которые произошли в XIX в., Нило-Сорская пустынь сохранила свои древние традиции пустынножительства. Недалеко от самой пустыни находились два скита - Иоанно-Предтеченский и Успенский, в которых жили схимники в уединении, в строгих постах, в трудах и молитвах. Устройство этих скитов связано с именем упоминавшегося выше иеромонаха Никона. Еще в бытность в должности строителя он любил уединяться в келье, поставленной на том месте, где когда-то была келья Нила Сорского (в 100 саженьях от непосредственно самой пустыни) и сохранялся вырытый им колодец. Здесь же было начато в 1841 г. строительство церкви Иоанна Предтечи из разобранных деревянных церквей, но из-за удаления Никона

она стояла незаконченной. Вернувшись из ссылки, Никон, с разрешения нового настоятеля, поселился в келье около недостроенной церкви. Труды Никона она была завершена, украшена и 15 ноября 1852 г. освящена. А на другой день после этого события иеромонах Никон принял пострижение в схиму с именем Нил.

Так образовался Иоанно-Предтеченский скит. Он был окружен невысокой деревянной оградой. Посторонних, особенно женщин, на его территорию не пускали. С приходящими за советом и помощью старец общался в основном через своего келейника. Подвижническая жизнь старца являлась образцом для других. Настоятель пустыни Дионисий писал: «Братия... взирая на строгую жизнь схииеромонаха Нила, становится и сама строже к своим обязанностям». В Иоанно-Предтеченском скиту Нил прожил около восьми лет, после чего в поисках еще большего уединения построил новую келью в пятидесяти сажнях от того места, в лесной и болотистой чаще. Это было начало второго скита, в котором старец поставил церковь Успения Пресвятой Богородицы, две часовенки, выкопал два небольших пруда, расчистил землю под огород и сад. Территорию Богородичного Успенского скита также окружала деревянная ограда. В последнем старец провел остаток жизни (умер в 1870 г.). Никон был, пожалуй, единственным постоянным обитателем указанных скитов, хотя иногда там появлялись и другие старцы, стремящиеся к уединенной монашеской жизни.

В 1890 г. по ходатайству братии Нило-Сорской пустыни ее настоятелем назначили отца Герасима (в миру Глеб Никитин). Он управлял пустынью четырнадцать лет, и этот период для нее, по словам инока монастыря Иоанна Калинина, был «благотворным и светлым». Отцу Герасиму удалось «привить здесь среди иноков редкое трудолюбие, безропотное послушание и отсечение своей воли, трезвую жизнь, взаимную братскую любовь и иноческое терпение и смирение, а также истовое уставное богослужение». В 1904 г. Герасим ушел на покой, а впоследствии принял схиму с именем Нил и жил в скитах. Его сменил игумен Илларион (в миру - Иван Павлинов).

Нило-Сорская пустынь широко отметила 400-летие со дня кончины преподобного Нила. 7 мая 1908 г. состоялись церковные торжества, начавшиеся Всенощным бдением и завершившиеся крестным ходом в скиты. Вскоре произошло другое важное событие для пустыньских иноков. Летом 1912 г. они встречали архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения. В приветственной речи архиепископу иеромонах пустыни Иоанн сказал: «Жизнь наша далеко теперь отстоит от жизни святого первооснователя нашей обители... И при общем упадке и ослаблении нашей иноческой жизни чувствуется, что будто какая-то невидимая рука поставляет

нас снова и снова на путь спасения и угождения Богу всякий раз, как мы заметно начинаем сбиваться с него».

Мирная жизнь пустынных монахов закончилась в связи с революционными событиями в стране. По одному из первых декретов Советской власти монастырская земля и постройки обители перешли в распоряжение местных органов власти. В 1918 г. специальная комиссия произвела учет имущества и ценностей Нило-Сорской пустыни, которые теперь стали «народным достоянием». Однако декрет о свободе совести не препятствовал использованию церковно-религиозными организациями (общинами) зданий и предметов, предназначенных для богослужения, поэтому в апреле 1919 г. братия пустыни и жители окрестных деревень заключили договор с Вогнемским советом, а в сентябре того же года Кирилловский исполком, рассмотрев устав Нило-Сорской общины, зарегистрировал ее. Это позволило сохранить ядро монашеской организации и структуру ее управления, но такое положение продолжалось недолго.

Подлинным хозяином всех построек и имущества являлся, конечно, не народ, а губернские и уездные власти; по их инициативе в 1924 г. договор с Нило-Сорской общиной был расторгнут и на территории монастыря разместили колонию Кирилловского уездного исправительного дома. Возникшая угроза хищения церковных ценностей заставила местные власти хлопотать об их «изъятии для сохранения». В 1927 г. Череповецкий губисполком принял решение о закрытии Нило-Сорской пустыни и передаче ее сооружений для «культурных нужд» населению. Монахи еще какое-то время жили в Иоанно-Предтеченском скиту, но постепенно одни умерли, а другие разошлись. Колонию-тюрьму, просуществовавшую до 1930 г., сменил инвалидный дом, а затем психоневрологический диспансер, существующий там и поныне. Постройки Успенского скита разобрали, а Иоанно-Предтеченский скит сгорел в 1946 г. Каменные постройки пустыни, частью перестроенные, сохранились до наших дней. Сохранилась и часть церковного имущества, переданного в 1920-1930-е гг. в музей.⁶⁰

В настоящее время интерес к исторической судьбе, устройству и традициям скита не иссякает. История Нило-Сорской пустыни еще ждет своего продолжения. Слишком велик вклад святого Нила Сорского в историю духовного становления нашего Отечества, чтобы не доходили сюда руки и средства.⁴²

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего Иосифа Волоцкого (Волоколамского) (в миру Иоанна Ганина) 4, 90

игумена

*Память его празднуется месяца сентября в 9-й день
и месяца октября в 18 день*

† 1515

Н

а другой день Рождества Богоматери Церковь Российская празднует вместе с праведными ее родителями память и своего праведника, угодившего Богу преподобным житием в пустыне, святого Иосифа, игумена Воло-

коламского. Нам осталось несколько современных описаний его жития; но всех полнее и назидательнее то, которое составил ученик его Савва Черный, епископ Крутицкий, ибо из обители пустынной Иосифовой, из дремучих лесов Волоколамских, дотоле неведомых, внезапно воссияли великие святители на первостепенных кафедрах отечественной Церкви, начиная с митрополитов. Такой духовный собор сумел образовать вокруг себя сей великий просветитель, оставивши нам под сим заглавием обличительную книгу против современных ему ересей и действительно бывший светилom своего века.

«И весь бе не от славных, в пределах града Волоколамска, нарицаемая Язвище, в ней же храм Пречистыя

Богородицы честного Ея Покрова», - так начинает писатель житие преподобного Иосифа, указывая нам на смиренное место его рождения. Это была отчина его прадеда Александра, прозванием Санина, который выехал из Литовской земли и получил ее от великого князя Донского. Дед Иосифа, Григорий, постригся в монашество, как бы предзнаменуя тем благочестивое направление своего потомства, ибо и отец преподобного Иоанн, и трое братьев пошли тою же духовною стезею. 14 ноября 1440 г. родился у благочестивых родителей Иоанна и Марии Саниных младенец, нареченный в мире Иоанном, но прославившийся под иноческим именем Иосифа. По благоговевному обычаю того времени отдали они семилетнего отрока своего для обучения грамоте в обитель Крестовоздвиженскую в городе Волоколамске, под надзором опытного старца Арсения, от которого научился он не только первым началам словесным, но и началам иночества, так что, еще не дошед до возраста юношеского, уже возрос в страхе Божиим. Поучаясь разумно, превзошел он всех своих сверстников и в один год изучил все псалмы Давидовы; на другой же год приступил к чтению прочих книг Божественного Писания и сделался чтецом и певцом в монастырской церкви. Окрестные жители изумлялись дарованиям отрока и помышляли в самих себе, как было некогда о Предтече Господнем: «Что будет отрок сей?» - ибо на нем пребывала благодать Божия, и он избегал всех детских игр и глумления.¹

Иван Санин из Волоколамских дворян как бы по крови был предназначен к иночеству. В роду его известно восемнадцать монашеских имен и только одно мирское.⁹⁰ Из обители Воздвиженской перешел Иоанн в другую обитель Богоматери, что на Возьмище, в том же городе Волоколамске, и пребывал там неисходно до двадцатилетнего возраста. Прежде всех обретался он в храме на божественной службе и позже всех выходил, уклоняясь от сладкой пищи и строго исполняя все келейное правило. Рано начал помышлять юноша о суете всего временного, и в те годы, когда особенно свойственно увлекаться будущими надеждами, он уже думал об ее исходе и воздаянии за дела свои

в нескончаемом веке. Когда решился бежать от мира и облечься в ангельский образ, его тревожила мысль: кто будет его руководителем на трудной стезе иночества. Изменился даже внешний его образ от сей постоянной думы и подвига иноческого, так что это заметил присный ему человек от рода боярского Борис Кутузов, с которым часто рассуждал он о суете мира. Они оба вместе старались изучить правила иноческой жизни святого Василия Великого, доколе не обретут себе желанного наставника, которому бы могли передать себя в безответное послушание.

Родители Иоанна иногда скорбели о совершенном отчуждении сына их от всего мирского, иногда же радовались, воздавая за него хвалу Богу, потому что сами шли путем заповедей Господних и преисполнены были страха Божия. Юноша Иоанн начал испытывать, нет ли где в окрестных пределах старца опытного, могущего его руководить. Услышав же, что есть такой муж недалеко, в пределах Тверских, в обители преподобного Саввы, именем Варсонофия, по прозванию Немуой, положил в сердце своем завет: быть во всем послушным старцу, хотя еще лично ему неведомому. С теплою к Богу молитвою тайно ушел он из своей родины в пределы Тверские; обитель сия находилась на пути от Твери в Торжок. Основатель, давший ей свое имя, удалился сам на святую гору Афонскую, поручив собранное им стадо сподвижнику своему Варсонофию; но он его передал брату своему, также Савве, а сам удалился в ближайшую от обители пустыню, где слава о его духовной мудрости привлекала к нему святителей и князей, и, по свидетельству святого Иосифа, старец сей даже обладал даром чудотворения. К нему он и пришел еще под мирским именем Иоанна просить себе руководства.

Игумен Савва гостеприимно пригласил пришельца в трапезу вместе с другими посетителями, но нескромные их речи за трапезою до такой степени возмутили душу целомудренного юноши, что он немедленно бежал в пустыню к избранному им старцу. Там, открыв ему свой тайный помысел, просил наставления, как ему спастись. Прозорливый Варсонофий, видя благое его намерение, не советовал ему оставаться

в обители, но послал его в пределы Калужские, к святому старцу Пафнутию, который основался в Боровске и был известен праведною своею жизнью во всей окрестности. С послушанием принял Иоанн слово старца, не как из уст человеческих, но как бы из уст самого Бога. Поклонившись ему до земли, юноша просил себе старческих молитв и благословения и радостно отправился в путь, веруя, что обретет желаемое.

Преподобный Пафнутий, с юношеского возраста посвятивший себя иноческой жизни, провел около тридцати лет в Покровской обители города Боровска и уже более шестнадцати лет управлял вновь созданною им в тех же местах обителью, когда пришел к нему от старца Варсонофия новый искатель послушания иноческого. Иоанн застал его влекущим тяжелые бревна, несмотря на старческий возраст, наравне с прочею братией, с которою он разделял все черные работы; и утешился юноша, увидев в нем с первой поры исполнение слов Варсонофия. Ударили в колокол, и Пафнутий прямо с работы первый поспешил в церковь; тогда Иоанн пал к ногам его и заклинал именем Божиим причислить его, как заблудшую овцу, к избранному своему стаду. Преподобный спросил юношу, кто он и откуда. Иоанн же, не подымая лица от земли, умильно просил старца сделать его иноком. Тогда Пафнутий, убедившись, что не из какой-либо скорби или нужды жаждет он иночества, не усомнился постричь Иоанна, несмотря на юношеский возраст. Он постиг глубокий его разум и нарек ему в иночестве имя Иосиф, ради чистоты его духовной и телесной, и даже взял к себе в келью новопостриженного, чтобы самому руководить его в подвигах иноческих. Целомудренный Иосиф, как земля благая и плодоносная, во сто крат возрастил в себе посеянное духовным отцом его, в простоте сердечной все от него принимая с глубоким послушанием, как бы от самого Бога, так что в короткое время сделался и сам опытным в иночестве.

Находясь под непосредственным надзором старца, Иосиф безропотно проходил все трудные послушания монастырские, начиная с поварни и пекарни, дабы ничто во внутреннем быту обители не осталось ему чуждо. Впоследствии на него

возложено было хождение за болящею братиею, и с непоколебимым терпением исполнял Иосиф сию трудную должность, усердно удовлетворяя желания каждого из болящих, питая их, поднимая с одра и всячески утешая их; даже когда и сам бывал болен, продолжал служить им с чистою совестью, несмотря на свою немощь, как бы самому Христу. Испытанного в послушаниях внешних преподобный Пафнутий поставил эклесиархом в церкви, дабы в ней строго наблюдал за исполнением устава; а между тем, находясь непрестанно в обществе великого старца, Иосиф усовершенствовал по его примеру свой нравственный характер, отражая в себе, как в чистом зеркале, благой образ своего наставника, перед которым не могла укрыться ни одна его тайная мысль, не только слова или действия. Пафнутий предостерегал Иосифа по дару прозорливости о людях, коих общество могло быть ему опасно; когда однажды пришел навестить его житель родного города Волоколамска, преподобный велел юноше, угостив его, немедленно отпустить, потому что в молодости человек сей совершил убийство и беседа его могла быть гибельна для души. Наипаче умел он внушить Иосифу любовь к постоянным трудам и чтению Божественных книг Священного Писания; он употреблял его и во внешних делах монастырских и таким образом постепенно возвел послушного ученика в меру возраста совершенства духовного. Семнадцать лет протекли незаметно для Иосифа под сенью мудрого руководителя.

Во время пребывания в обители Пафнутьевой сподобил его Господь призвать к жизни иноческой и своих родителей по плоти, о которых много молился, чтобы возгоралось их сердце желанием ангельского образа. Он предварительно открыл помысел свой старцу, и тот, видя его усердие и твердую волю, которой не могла повредить нежность родительская, часто совращающая неопытных с пути иночества, благословил ему иметь попечение об их старости и даже принять к себе в келью отца, чтобы успокоить его старческие годы сыновнею любовью.

Иосиф написал умильное послание к матери, убеждая ее принять пострижение. Тронутая голосом сыновним, она, под именем Марии, постриглась в обители святого Власия, в родном ее городе Волоколамске, и тридцать лет пребывала там неисходно в строгом посте и воздержании, раздавая милостыню нищим и питаясь только хлебом и водою. Вероятно, в одно время с родителем вступили в иночество и два брата Иосифа, Вассиан и Акакий, водворившиеся в обители Пафнутьевой. Возрадовался духом Иосиф о внезапном отречении от мира всего своего семейства; старца же родителя взял к себе в келью и пятнадцать лет служил ему с сыновнею любовью и рабскою покорностью. Иоанн назвался Иоанникием в иноческом образе; сын его питал, как младенца, из собственных рук, подымая с одра болезненного по телесной его немощи, при ослаблении рук и ног; он был ему вместе и старцем и наставником, утешая в унынии чтением Священного Писания, так что родитель, обливаясь радостными слезами, часто говорил ему в умилении сердечном: «Что воздам тебе, чадо, за твои труды, которые один только Бог вознаградить может? Ибо не я тебе, но ты мне отец, и в телесных нуждах и в духовных». Так, соблюдая до конца любовь сыновнюю, с миром отпустил он родителя в лучшую жизнь, а сам опять пребывал в послушании келейном у духовного своего отца. Видя его постоянно занимающегося уставом духовным, преподобный Пафнутий прорек о нем однажды, что после него он соберет свою, еще большую обитель; но Иосиф не слышал и не подозревал сего по глубине своего смирения.

Настало время разлуки с блаженным учителем; Пафнутий, предчувствуя близкое свое отшествие, собрал вокруг себя братию и предложил ей избрать на свое место настоятеля, так как ему предстояли уже смерть и Спасов суд. Общий плач был ответом на печальный зов старца, и все положились на его предсмертную волю. Тогда преподобный призвал Иосифа и ему предоставлял принять после себя управление обителью; но избираемый долго отрицался, по чувству своего недостойнства, доколе наконец, привыкши во

всем быть послушным воле своего аввы, ни покорился ему и в этом, столь тяжком для него испытании своего смирения. Преподобный Пафнутий явил его всей братии и велел после своего исхода просить державного великого князя Иоанна Васильевича о назначении Иосифа игуменом в Боровский монастырь. С любовью приняла вся братия последнее извещение его воли и, когда предали земное земле, поспешила исполнить завещанное старцем. Огорчился державный о кончине святого мужа и спросил, кого благословил он на свое место. Услышав же имя Иосифа, обрадовался, потому что и до князя достигла молва о его добродетельной жизни; с любовью принял он нареченного игуменом и велел ему покориться воле усопшего. Митрополит Геронтий рукоположил его в священство и, благословив быть настоятелем обители Пафнутьевой, отпустил туда с честью. Новый игумен начал поучать братию пути спасения и утешил ее в горькой утрате, напомним ей собою блаженного Пафнутия, ибо он как бы восстал от сна смертного пред осиротившею братиею в лице Иосифа. Все восхвалили Бога, давшего им опять великого старца в назидание братству. В скором времени обнаружилось, однако, что многое изменилось по смерти Пафнутьевой, и поколебалось в сердце его учеников то заветное послушание, которое полагал он в основание своей обители.

Странствия Иосифовы

Иосифу желательно было, чтобы установилось общежитие в обители со всею строгостью, по уставу древних монастырей, и он старался внушить свою мысль братии; но не многие пристали к его совету. Заметив несогласие, обратился он с пламенной молитвою к Господу и Пречистой Его Матери, дабы исполнилось благое намерение, и как в прежние времена все было едино, так и при нем не было бы ничего частного во вверенном ему стаде. Чувствовал Иосиф, что прежде всего нужно ему обрести себе единомышленников между братией, и он открыл совет свой мужу жития крепкого Герасиму, прозванием Черный, который наиболее

отличался своею строгостью. Одобрил старец благой совет настоятеля и сказал ему утешительное слово: «Дерзай, отче, ибо от Господа пришел тебе сей помысел; я с тобою буду и еще многие из твоей обители». И действительно присоединились к их числу иные строгие старцы: два брата Иосифовы, Акакий и Вассиан, бывший впоследствии архиепископом Ростовским, и другой Вассиан, прозванный Босым, потому что во всякую погоду ходил без обуви, Иона Голова и еще несколько, числом до семи. Они советовали Иосифу идти в другие русские монастыри, где от начала соблюдается устав общежития, дабы оттоле принести его для их обители. Понравился совет их Иосифу, и он, избрав себе старцем-наставником Герасима Черного, поступил совершенно в ученики его, как бы один из новоначальных. Тайно оставили они обитель, так что никто, кроме участников их совещания, не знал об их отшествии. Когда же странствовали по обителям, Иосиф везде являлся простым послушником, исправляя все черные работы, занимаясь в пекарне и поварне и иными меньшими службами, дабы никто не подозревал его духовного сана и легко было бы ему изучить внутренний быт каждой обители. Так достигли они Кириллова знаменитого монастыря, что на Белоозере, где соблюдалось общежитие не словом только, но и на деле. Служба Божественная совершалась с особенным вниманием, и самый напев был тихий и чинный; каждый из братии стоял на указанном ему месте от игумена, и никто не смел переходить с одного на другое; во время трапезы чтение было внятно от глубокого молчания братии; брашно же и питье раздавалось всем равное и все с благословением, а по келиям дозволялось вкушать только по крайней необходимости, ради немощи и старости, и не было никакого различия в одежде или обуви - одним словом, все было общее и единое у всех, по заповеди Апостольской. С утешением видел сей чудный порядок игумен Иосиф и, во всем совещаясь со старцем своим Герасимом, воздал хвалу Богу, ублажая и великого авву Кирилла чудотворца, положившего такое начало в своей обители. Иосиф, как бы новоотрекшийся от мира, принял

там послушание в хлебе, а между тем тщательно испытывал у старцев весь чин и предания монастырские. До такой степени утешался он благочинием обители, где тогда игуменствовал Нифонт, что остался в ней более года, и еще дольше бы прожил, если бы не был открыт. Однажды, удалившись в уединенное место, совершал он обычное правило, но был подслушан братом, разделявшим с ним черную работу, который изумился, каким образом простой по виду его сотрудник читает наизусть Евангелие и Апостол. Вынужденный назвать себя, смиренный Иосиф бежал от воздаваемых ему почестей из любимой обители, которая одна, по словам его, соблюдала неврежденными все уставы Кирилловы, когда иные начали уже уклоняться от обычаев пустынных.

Любопытно слушать суждение самого Иосифа о некоторых современных обителях, сохранившихся в духовной его грамоте. Восхваляя смирение блаженного Сергия, который носил столь ветхие ризы, что его часто принимали за просителя, хотя был украшен всеми добродетелями от Бога, он говорит и об убожестве его обители, где самые книги писались не на хартиях, а на коре древесной. Потом Иосиф переходит к обители Кирилловой и говорит, что как сам Кирилл имел попечение о благочинии монастырском, так и доселе соблюдаются там его предания, подобно светильнику, поставленному на свещнике. Ученики его, сохраняя их в сердце, не дозволяют нарушать их не только простым инокам, но и своим настоятелям. Когда после кончины блаженного аввы и двух его преемников Иннокентия и Христофора пришел настоятель из чуждого монастыря и начал нарушать заповеданное Кириллом, то некто старец Досифей, жизни святой, с иными любителями иноческих преданий сильно ему воспротивились, хотя Досифей понес от него и раны за слово истины. Однажды он даже сброшен был с паперти церковной раздраженным игуменом и поднят замертво; но, очнувшись, продолжал обличение и готов был подвергнуться самой смерти за правду. Избрали другого игумена с такими же навыками и опять из чужой обители, который любил празднословить за трапезой и на соборном

служении. Нашлись и другие исповедники истины, подобно Досифею, старцы Илия и Игнатий, которые, подвергаясь частым биениям от настоятеля, устояли, однако, в истине и принудили его удалиться. То же произошло и при третьем настоятеле, который, хотя и был постриженник монастыря Кириллова, но получил дурные навыки, скитаясь по чужим монастырям. Соборные старцы сперва старались наставить его на стезю отеческую, потом же, видя его упорство в нарушении преданий, не терпя долее такого позора, все удалились из своей обители, доколе князь удельный, услышав о ее запустении, велел избрать иного игумена, и вся братия возвратилась.

То же слышал Иосиф о святом старце Варфоломее, строителе Симонова монастыря, от великого старца Спиридона, бывшего игуменом Сергиевой лавры. Когда по отшествии святого Феодора, племянника Сергиева, на Ростовскую кафедру, а святого Кирилла - на Белоозеро начал нарушать архимандрит общежительные предания, то Варфоломей с иными старцами, в числе коих был и Иона, будущий митрополит всея Руси, еще тогда юный годами, не молчали о том, но возбраняли бесчиние, хотя и терпели скорби от настоятеля. И если бы не страх державного князя (великий князь Василий Дмитриевич вверил устройство обители Варфоломею), то жестоко пострадал бы сей старец, он же непрестанно подвизался словом и делом, с кротостью и любовью, изгоняя из обители непокорных, и, ради его трудов и сущей с ним братии, все было там благоговейно. Посему и Господь его прославил по блаженной кончине и показал его некоему благочестивому человеку стоящим на том же месте, где он имел обычай молиться, как некогда являлись и другие святые мужи после своего преставления ради блаженной их жизни.

Видели мы, - продолжает преподобный Иосиф, - и блаженного Савву, который настоятельствовавший пятьдесят лет в Тверских пределах и столько имел попечения о своей пастве, что всегда стоял с посохом в руках у дверей церковных, и если кто из братии не приходил к началу или исходил прежде конца службы или переходил с места на место и беседовал, то строго это возбранял и обличал; противящихся

и непокорных за многое их бесчиние иногда наказывал он жезлом или посылал в затвор, ибо умел быть и строгим и милостивым, судя по тому, как сего требовал порядок церковный. Однажды бесчинный инок, раздраженный обличениями настоятеля, бросился на него и исторг ему почти всю бороду, так что братия едва могла отвлечь разъяренного. Иноки спросили блаженного Савву, как велит наказать виновного. Он же отвечал: «И жезлом я бью, и в затвор посылаю, монастырского ради бесчиния и братской обиды, свои же обиды не подобает мстить, но все терпеть». Видя брата кающегося, он вскоре простил ему, и тот пребыл в раскаянии до конца жизни. Когда однажды был мор и вымерли все священники, остался один Савва, чтобы посещать братию болящую и погребать усопших. Случалось, во время посещения приходили сказывать ему, что такой-то, другой брат, умирает и требует покаяния; Савва же отвечал: «Иди, брате, и скажи умирающему, да ожидает моего посещения». И действительно чувствовал болящий облегчение до его прихода и не отходил без причащения Святых Таин. Это бывало не с одним, не с двумя, но со многими, по свидетельству великого старца Варсонофия Неумоя, который был братом ему по плоти и временным начальником его обители при отшествии первого ее игумена на Святую гору.

Сорок лет провел в пустыне Варсонофий неисходно, погруженный в молитву и чтение Божественных книг, ничего не имея своего, ибо паче всего возлюбил нестяжание и христоподобную нищету; многого же ради внимания и чтения Священного Писания, он твердо знал его в назидание приходившим. Отовсюду к нему стекались миряне и духовные, и сам митрополит Фотий присылал к нему просить разрешения на некоторые изречения Священного Писания, а иногда случалось ему иметь о них словопрение. С клятвою свидетельствовали старцы, жившие в обители Саввиной, что однажды пришел к нему инок, будто бы с зовом от настоятеля для духовной потребности; прозорливый же Варсонофий, выходя из кельи, воззрел на икону Богоматери и сказал: «Ты, Пречистая Владычица, будешь хранительницею моим

книгам». Оставшись в келье один, брат, искушенный диаволом, захватил все книги и хотел бежать; но едва приблизился к дверям келии, как, пораженный невидимою силою, упал мертвым. Так обрел его возвратившийся старец и стал над ним горько плакать, упрекая себя в нечаянной смерти брата. Умершего отнесли в монастырь для погребения, но во время отпевания блаженный Варсонофий проливал столь обильные слезы, что ими омочился помост церковный. Когда приступили к последнему целованию и открыли голову усопшего, он внезапно двинулся и воссел на одре и еще прожил многие годы в обители в подвигах добродетели. Когда достиг глубокой старости блаженный Варсонофий, игумен Савва велел взять его из пустыни в монастырь, и радостен был приход его для всей братии; он сделался целителем и врачом их душевных и телесных недугов. Все было благочинно в обители до кончины блаженных Саввы и Варсонофия, ибо они не допускали каждого творить свою волю. После же их преставления братия избрала себе настоятеля из другого монастыря, который не стал соблюдать общежительного предания старцев. Спустя несколько времени, явился нарушителю Савва и грозно сказал: «Окаянный, как дерзнул ты попрасть благочиние иноческое моей обители?» Крепко бил он его жезлом, так что виновный не мог подняться с одра; по выздоровлении же не смел более тут настоятельствовать, но возвратился в свой монастырь.

В тех же пределах Тверских видел Иосиф еще одного благолепного старца пустыни Савватиевой Евфросина, родом из князей Теблинских, который жил в пустыне несходно шестьдесят лет, и к нему также приходили за советом миряне и духовные. Огорчившись частым нарушением своего безмолвия, бежал он в Великий Новгород и, обретши себе остров на озере Нево (вероятно, Конев или Валаам), там поселился на многие годы; но и туда начали к нему стекаться из окрестных сел с женами и детьми, и Евфросин снова принужден был удалиться в Савватиеву пустынь. По возвращении его великий князь Тверской Борис Александрович прислал к нему юную дочь свою, обрученную невесту

великого князя Московского Иоанна III, с убедительною просьбою: исцелить ее от тяжелой болезни. На руках принесли бояре княжескую отроковицу к блаженному, умоляя его со слезами исполнить волю родительскую, и долго отрицался преподобный по чувству своего недостойнства. Бояре же, припав к ногам его, сказали: «Если исцелишь ее своими молитвами, то примиришь тем два царства христианские». Между тем до того усилилась болезнь княжны, что она упала как бы мертвою. Старец велел отнести ее, едва дышащую, в церковь, куда и сам за нею последовал. Став пред иконою Пречистой Девы с Предвечным Младенцем, начал он усердно молиться со многим рыданием и велел служить молебен Богоматери и великому чудотворцу Николаю; тотчас после молебна девица встала, и здоровою ее отвели к родителю, прославляя угодника Божия.

Тот же великий старец Спиридон, бывший игуменом Сергиевой лавры, поведал преподобному Иосифу, что когда новый чудотворец святитель Алексий создал два монастыря, Андрониев и Чудов, то у настоятеля первой обители Андроника были в числе учеников пресловутые иконописцы: Даниил и помощник его Андрей Рублев, которые до такой степени преуспевали в Божественной любви, что всегда мысль свою возводили от предметов вещественных к невещественным, взирая на живописуемые ими иконы Господа, Пречистой Его Матери и святых, и при этом воззрении исполнялись духовной радости, даже в те дни, когда не занимались живописью. Посему и Господь прославил их в час смерти; прежде преставился Андрей, потом и спостник его Даниил и, при последнем издыхании, видел спостника своего, призывающего его в бесконечное блаженство. И сам Спиридон в юности своей, отвергнув мирской мятеж, принимал поучения честных старцев, которых Митрополит Алексий испросил у преподобного Сергия для своей обители.

Видел преподобный Иосиф и блаженного старца Макария, игумена и создателя монастыря Колязинского, который рассказывал ему, что пришел вселиться на то место с семью старцами из монастыря Клобуковского, где был пострижен,

в пределах Тверских. Житие их было столь назидательно, что из всех окрестных мест стекались к ним для духовного просвещения. Подивился им великий старец Митрофан, прозванием Бывальцов, только что возвратившийся со Святой горы Афонской, где прожил девять лет, и он говорил братии, что напрасно трудился, ходя во Святую гору, мимо Кольязина монастыря, ибо и в нем все подобно киновиям, сущим на Афоне. Мы не видали прежних святых отцов, просиявших в нашей земле: Сергия, Варлаама, Кирилла и иных им подобных, — а только видели многих из их учеников, которые подражали им в добродетели, в постах, смирении и злострадании. Они прочитывали писания древних святых отец Антония, Пахомия и других — и их именами в сердце, как одушевленными образами их и печатью, очищались не только от грехов, но и от страстей. Таков был святой отец наш Пафнутий, ученик ученика Сергиева, старца Никиты, архимандрита Высоцкого. С ним пожил я многие годы, видя его труды постные и крепкую любовь, веру в Бога и упование на Пречистую Деву, ради чего сподобился он благодати презирать сердечные тайны и исцелять болезни, и поистине далек был своими обычаями от людей нынешнего века. Многих же других видели, а иных слышали, которые были святы и честны, иночески живя во всех обителях Русской Земли. С такими наставниками удобно было и преподобному Иосифу взойти на высоту иноческого совершенства.

В Саввину обитель пришел опять Иосиф со старцем своим Герасимом, избегая почестей Кириллова монастыря, и опять вменился в простых, но Господь не попустил, чтобы укрылся такой светильник. Случилось во время всенощного бдения, что все клирошане разошлись, как у них был обычай, дабы несколько отдохнуть, но не заметили, что никого не осталось для чтения кафизм; книга лежала на аналое, а чтеца не было. Игумен, озираясь направо и налево, не мог от стыда вымолвить ни одного слова. Сжалившись над ним, Герасим велел Иосифу встать с места своего и читать; Иосиф же знаком напоминал ему о своем обете, но Герасим повторил приказание. Повинуясь своему старцу,

преподобный стал читать, но как бы малограмотный, по складам, заботясь о том, как бы его не узнали. Тогда Герасим с гневом закричал на него: «Читай, как умеешь», - и не смел более прекословить любитель послушания иноческого.⁴ «Бе же у Иосифа в язице чистота и в очех быстрость, и в гласе сладость, и в чтении умиление: никто бо в те времена нигде таков явился».⁹⁰ Такое умиление было в его чтении, такая сладость и чистота в произношении, что игумен пришел в изумление, ибо трудно было найти в то время подобное чтение. Он умыслил послать гонца к великому князю Тверскому с просьбою, чтобы не выпускал из своей отчины столь искусного клирика; но Иосиф, проникнув тайную мысль игумена, побудил своего старца Герасима немедленно после чтения оставить обитель и бежать за рубеж Тверской, чтобы не быть застигнутым, и действительно уже была за ними погоня от князя, но они успели перейти рубеж его отчины.

Пока Иосиф странствовал по различным монастырям, скорбела братия Пафнутьевой обители, не имея о нем ни единой вести, и произошло общее смятение. Одни говорили, что он убит, другие предполагали другое, и все обратились к великому князю Московскому, прося разрешить их недоумение. Огорчился державный отшествием преподобного, размышляя сам в себе, не оскорбил ли его чем-либо. Он велел братии повсюду о нем разыскивать и известить его, если что услышат; но все старания их остались тщетными, ибо Иосиф покровен был Божественным Промыслом. Возвестили о том опять великому князю и просили себе другого игумена; он же отвечал: «Нет вам иного игумена, кроме Иосифа, испытайте вернее, жив ли он», - и удалась огорченная братия от державного; один из них дерзнул даже хульно сказать: «Убиен или скитается, а нам только скорбь!» - но едва пришел он на свое подворье, как лишился рассудка и пребыл в таком положении до возвращения Иосифа. Возвратился наконец желанный игумен, и все приняли его с любовью, со слезами припадая к стопам его и не ведая от радости, о чем вопрошать. Тогда и похуливший его инок бросился к ногам его, прося себе прощения, и как только благословил

его игумен, пришел в себя, как бы никогда не болел. Не долго, однако, оставался в обители своей преподобный Иосиф, не желая возбуждать неудовольствия строгостью общежительных правил. Сердце его воспламенилось огнем святой ревности и, не ведая сам, что над ним сбывается пророчество аввы его Пафнутия, решился основать собственную обитель. Взяв с собою семь единомысленных себе иноков, с их совета, втайне оставил он опять и уже навсегда Пафнутьеву обитель и удалился в родные ему пределы Волоколамские. Это было в 1479 г.

Основание новой обители.

Давно уже слышал благочестивый князь Борис Васильевич Волоколамский о добродетелях преподобного Иосифа, желая его видеть, чрезвычайно обрадовался известиям, что хочет у него водвориться. Сам он пришел принять благословение святого мужа и предложил ему избрать любимое место в лесах его отчины, лишь бы только навсегда в ней поселился. Он дал ему опытного ловчего для избрания места, и, когда по указанно Иосифа ловец углубился в чащу леса, внезапно восстала ветреная буря, страшный вихрь ломал перед ним столетние сосны, так что в ужасе укрылся ловец от ярости стихийной. Когда же утихла буря, пошел он тем местом, где прежде всего прошел вихрь, и едва достиг той поляны, где теперь обитель, как блеснула яркая молния из туч, буря утихла, и солнечный свет внезапно воссиял. Изумился ловец нечаянному явлению и утаил оное в сердце своем, доколе не пришел сам Иосиф на то место и возлюбил его, тогда открыл ему ловец бывшее явление.

Иосиф немедленно поставил крест и икону Одигитрии и стал рубить лес для построения церкви; а между тем просил князя Волоцкого об укреплении за ним места, святителя же Новгородского Геннадия - о благословении для сооружения храма. Святитель поспешил прислать ему антиминс, и на память преподобного Илариона Далматского (6 июня) заложил Иосиф церковь во имя Успения Богоматери. Князь

Борис присутствовал со своими боярами и вместе с преподобным положил сам первое бревно в основание церкви. Подражая благому примеру своего князя, все его отроки и бояре носили бревна, как простые труженики, Бога ради. В короткое время сооружена была церковь и освящена в самый день Успения Богоматери. Преподобный поспешил строить келии для помещения стекающихся братий, служб и трапезы, ибо по благословению Божию число их умножалось ежедневно. Но, трудясь весь день вместе с братиею над строением, ночь проводил он в одинокой молитве там, где водрузил сперва честный крест. Видя чрезвычайные подвиги старца и братии посреди совершенной их скудости, князь Борис часто посещал обитель и привозил с собою брашна, но братия небрегла о пище и питии, довольствуясь хлебом и простым зельем. Авва же радовался воздержанию учеников своих, и хотя не было еще в начале строгих правил общежития, оно устраивалось само собою на деле. «Поелику, - говорит сам Иосиф в своей духовной грамоте, - тогда еще было начало, тогда не было ни старейшей, ни меньшей братии, некому было отдавать приказания, некому и принимать их; притом была большая скудость в обуви и одежде и в самых кельях, а работа непрерывная и труды всяческие. Мы желали только одного, чтобы число братии умножалось, и снисходили понемногу к немощам их, ибо милостыня у общеживущих есть сострадание друг к другу и даже терпение смут от братии. Каждый заботился о спасении души своей, помышляя час своего исхода, и произвольно томил себя постом и молитвою, усердствуя друг перед другом в работах монастырских не как ленивый земледелец, за которым нужен присмотр для возбуждения, но, заботясь напротив того, чтобы иной более не потрудился: если кто хотел поднять тяжелое, братия ему возбраняли и сами то подымали - так-ва были взаимная ревность и любовь». Все труды совершались по указанию настоятеля, без всякого празднословия, с глубоким молчанием и в постоянной молитве, в рубищах вместо одежды, в лыковой обуви; а если кто приходил к ним трудиться из князей или бояр, то и его нельзя было отличить

от прочей братии по одежде, и сам Иосиф был как бы один из просителей. С его благословения правило совершалось не вместе, но по келиям, сколько кто мог понести по совести; иной носил панцирь железный под свиткою, другой тяжелые железа и, сверх правил, полагал по две и по три тысячи поклонов, а иной никогда не ложился спать, как о том свидетельствуют жившие при начале обители. Трапеза была общая, и ничего не позволялось вкушать отдельно по келиям; Иосиф учил, что иноку подобает всегда от своей убогой пищи отделять часть для нищей братии, говоря: «Сия часть Христова». Церковь была холодная; добрые рабы Божьи выстаивали все богослужение в зимнее время в холодных одеждах, не смея сходить со своего места, хотя зима иногда была весьма суровая; но они согревались сердцем, помышляя о вечном пламени адском, более лютом, нежели временный мороз. После трапезы и повечерия все расходились по келиям, и никто не смел останавливаться на монастыре для суетных разговоров или выходить без благословения за ограду, и по окончании дня каждый должен был исповедовать помыслы свои отцу духовному;¹ лишь совершенный запрет питий, «от них же пьянство бывает», и доступа в ограду монастыря женщин и «голоусых отроков» отличает Волоколамский быт от обычных русских монастырей.⁹⁰ Некоторые не выносили строгого образа жизни и с ропотом удалялись, как некогда жители Капернаума от самого Господа, говорившие: *«Жестоко есть слово сие, кто может его послушати?»* (Ин. 6.60). Они оставляли обитель Иосифа с ропотом: *«Жестоко есть житие таковое в нынешнем роде, кто может его понести?»* Авва же молился о них, дабы Господь сего не поставил им в грех. Сам он служил во всем примером для братии, прежде всех приходил в храм, пел и читал на клиросе и говорил поучения; в общей работе предварял братию, изнуряя себя трудом, и вкушал пищу иногда через день, при непрестанных ночных молитвах, и никто не видал его дряхлым или изнемогающим; лице его всегда было светло, выражая духовную чистоту. Особенное внимание обращал он на душевное состояние братии, подкрепляя мудрые советы

теплою молитвою; если кто стыдился открыть свои помыслы, сам он начинал о них беседу и подавал нужные советы. Ночью тайно обходил он келии, и если где слышал разговор после повечерия, то ударял в окно, показывая тем свой надзор. Однажды, обходя таким образом келии, увидел близ водяных ворот человека, похищающего жито из житницы; испугавшись старца, вор хотел бежать, но Иосиф подал знак рукою, чтобы оставался без страха, сам насыпал ему сосуды и поднял на плечи, но заповедал, чтобы впредь того не делал, а лучше бы в случае нужды приходил и открывал ему. Все было так просто в обители, что не знали затвора по келиям, и белье висело многие дни над рекою, но никто не смел к нему прикасаться.

Святость Иосифа уже начинала проявляться. Инок, по имени Виссарион, которого все любили за его сердечную простоту, видел однажды в утреню Великой Субботы, когда по обычаю православной Церкви игумен понес плащаницу с пресвитерами кругом церкви, белого голубя, воссевшего над главою старца; но никто из братии сего не видел, и все изумились, слыша, что новоначальный брат говорит о голубях в церкви, которых не было; после же службы донесли о случившемся авве, но он запретил выводить о том молву.

Мать преподобного Иосифа пожелала его видеть, потому что от самого времени его пострижения лишена была сего утешения, и пришла даже за два поприща от монастыря в надежде на свидание; но Иосиф оскорбился нарушением правил, которые сам старался ввести в обители о недопущении в нее женского пола. Он послал сказать матери, чтобы возвратилась в свою келию, потому что не может видеть лица его в сей жизни, но завещал ей молиться, чтобы в будущем веке Господь сподобил их видеть друг друга в радости преподобных, и мать смиренно послушалась строгого слова сыновнего; скоро постигла ее блаженная кончина. Сын ее Елеазар, также инок, пришел навестить болящую, и она начала просить у него мантии, чтобы ею облечься. Изумился Елеазар: «Для чего мантия изнемогающей на одре смертном?» Она же сказала ему: «Пришли за мною три Марии: Мария

Магдалина, Мария Иаковля и Мария Египетская; разве не видишь, что они стоят около меня?» и к ним проговорила: «Иду с вами». Она несколько приподнялась и в том движении предала праведную Душу свою Богу в объятиях сыновних, последовав за соименитыми ей Мироносицами в жизнь вечную. Такова была блаженная кончина матери блаженного сына, и он воздал за сие хвалу Богу. При непрерывных стараниях преподобного начала процветать его обитель и обеспечивалось внешнее ее состояние богатыми вкладами. Князь Борис Волоколамский первый записал ей село свое Огнищево, а княгиня его Улиания - село Успенское и при нем пятьдесят рублей на строение храма каменного; много было других больших пожертвований от великого князя Московского, святителей и бояр и постригавшихся иноков княжеского рода. Сам преподобный Иосиф насчитывал не одну тысячу рублей от таких вкладчиков, помощью коих мог он и церковь каменную соорудить, расписать и снабдить ее нужною утварью. Преподобный совершил ее, к общему утешению братии, в 1485 г., а расписали ее искуснейшие живописцы Русской Земли: Дионисий с детьми своими, Владимиром и Федором, старец Вассиан и с ним два его братанича, Досифей и Ватан, бывший впоследствии епископом Коломенским. И такие подвижники обретались в его обители, которые украсили собою кафедры святительские, как то: Даниил, будущий Митрополит всея Руси, и Вассиан, брат преподобного, будущий архиепископ Ростовский, Смоленский епископ Савва, Тверской Акакий и два Крутицких, Савва Черный и Нифонт.⁴

Среди постриженников монастыря с самого начала видим много бояр. Хотя упоминаются и люди от «простой чади», но в общем монастырь Иосифа, как ни один другой на Руси, сразу же принял аристократический характер.⁹⁰

Из простых же иноков замечательны были строгостью жизни следующие: Герасим Черный, спутник Иосифа, занимавшийся постоянно вместе с ним списыванием Божественных книг и живший потом в затворе вне обители; Кассиан, по прозванию Босой, потому что ни летом, ни зимою не носил

обуви, изнуряя себя зноем и стужею; он удостоился впоследствии быть восприемником от купели младенца, царя Иоанна. Иона Голова, в мире бывший приставником детей князя Бориса Волоколамского, бежал от гнева княжеского в обитель, потому что не досмотрел однажды за юным князем Феодором и тот, упавши, повредил себе язык. Покровительство Иосифа спасло его от гнева, и столь велика была молва о святой жизни Ионы, что проходившие мимо воины брали у него хлеб на благословение, а болящие просили его молитв ради исцеления. Племянник его Епифаний оставил также двор княжеский, чтобы по примеру дяди предаться безмолвной молитве; тело его найдено было нетленным через четырнадцать лет после его кончины. Дионисий, из рода князей Звенигородских, славился также своим благочестием в обители и исправлял послушание в пекарне за двух братьев, полагая сверх того каждый день по три тысячи поклонов; но любя уединение, отпросился он у преподобного в дальнейшую пустынь, к Нилу Сорскому, и с ним удалился туда другой знаменитый инок из рода князей Смоленских - Нил Полев. И Андрей Голенин, из владетельного дома князей Ростовских, предал себя также руководству игумена Иосифа. Ловля зверей привела его к ограде монастыря; когда же вошел в церковь Божию и увидел Иосифа, совершающего Божественную службу, он пал к ногам его и просил немедленно постричь его в иноки, обещая, что не выйдет из храма, доколе не исполнится сие благочестивое желание; тут же, сбросив с себя богатую одежду княжескую, облекся он во власяницу, под именем Арсения; слуг своих распустил на свободу, имение оставил обители и отдан был на послушание Ионе Голове, при котором безропотно проходил самые трудные должности. После кончины князя Бориса Волоколамского сыновья его Феодор и Иоанн продолжали сохранять уважение к обители преподобного, тем паче что Иоанн был его крестный сын. Вскоре заболел он и, чувствуя приближение кончины, велел нести себя в монастырь к своему восприемнику; когда весть о том достигла до великого князя Московского, он повелел во всем исполнить волю юного

князя, исключая пострижение в иноческий образ по молодости лет, и строго о том было заповедано Иосифу словом державного. Бояре с плачем окружали болезненный одр своего князя, ибо он был всеми любим и каждый готов был за него умереть; уже юноша лежал без дыхания, когда игумен вошел в его келию. Он велел престать от плача и спросил только, успел ли покаяться и приобщиться Святых Тайн умирающий князь. Услышав же, что нет, крайне огорчился о таком небрежении своего крестного сына. Игумен выслал всех из кельи, оставив при себе только старца Кассиана Босого, и вознес пламенную молитву Господу и Пречистой Его Матери о христианской кончине юноши; внезапно, как бы от сна, пробудился Иоанн и громко стал звать к себе Иосифа, требуя покаяния. Изумились бояре, услышав голос своего князя, и несколько отдохнули от плача; Иосиф же уверял их, что князь только спал и проснулся, и, немедленно исповедав его, сподобил причащения Святых Тайн. Тихою радостью исполнилось сердце Иоанна; умиленно благодарил он старца за то, что спас его от вечной смерти благовременным покаянием и, завещав обители волость свою Спасскую вместе со своими смертными останками, мирно предал дух свой Богу. Его положили подле отца, с правой стороны, в нижней церкви Успения Богоматери.

Благодетельное влияние Иосифа не ограничивалось одним монастырем, но распространялось и на всю Волоцкую область. Вся она, по выражение одного из писателей его жития, «прилагалась к доброй жизни, и имя Иосифово, как некое освящение, носилось в устах всех». Мудрость его наставлений, подкрепляемая словами Священного Писания, привлекала к нему многих. Державные и их сановники избирали его духовным отцом своим, почитая за счастье с ним беседовать; сохранилось несколько его посланий о епитимиях, к детям его духовным, из вельмож в мире живущих; не укрывалось от его внимания жестокое обращение господ с их слугами, и строго обличал их Иосиф, внушая им христианскую любовь. «Доходит до меня слух, - писал он к одному вельможе, - будто ты весьма не милосерд и не жалостлив

к своим слугам, будто они терпят великую нужду и скудость в телесных потребностях, страдают от голода и наготы. Поэтому я, грешный, вспомнив твою веру к Пречистой и ведая милости и любовь о Христе к нам, нищим, осмелился напомнить тебе от Божественного Писания, как должно господину обращаться со своими рабами. Священное Писание учит: миловать их как братию о Господе, питать и одевать, заботиться о спасении душ их и наставлять во всех благих делах, а горькая бедность доводит их до преступлений. Слово Божие грозит Страшным Судом тем жестокосердным, которые не заботятся о призрении и спасении подчиненных и забывают, что все суть создание Господне, все плоть едина, все помазаны одним миром и все в руке Господней, что Господь делает бедным, кого хочет, что все предстанем пред одного грозного Царя на нелицеприятном его судилище, где жестокие будут осуждены на вечное мучение. Евангелие говорит: «*єлика хощете, да творят вам человецы, тако и вы творите им*» (Матф. 7.12). Тебя великий князь пожаловал, нужно и тебе быть милостивым к твоей братии; за сие получишь от Господа награду, уготованную милостивым». При такой обширной переписке, монастырских службах и трудах неутомимый старец имел еще время списывать по ночам Божественные книги: в описи книг 1573 г. упоминались письма Иосифовы: два Евангелия, Апостол, Псалтырь, Лествичник, сборник из отеческих книг, книга Григория Богослова, Богородичный канонник, служебник, и еще пополам со старцем Герасимом Черным написаны им Евангелие и две Триоди мелким почерком. Такова была изумительная деятельность старца; мы увидим последующие его занятия, любовь, которая внушала ему послания к господам о снисхождении к убогим, внушала и благотворное к ним соболезнование, в годину общественных бедствий и болезней, но уже не порознь, а к целому окрестному населению, которое почитало его отцом своим и кормильцем.

От самого начала основания обители имели в ней постоянное прибежище все окрестные земледельцы: если кто утратит орудие земледельческое, если у кого украдут

лошадь или домашний скот, тот прямо обращался к преподобному и получал от него цену утраченного, не говоря уже о припасах, им раздаваемых бедным. Поэтому и основание обители почиталось благодатным событием для земледельцев и даже было предзнаменовано. Рассказывал один из них, по прозванию Жук, что еще за несколько лет до пришествия Иосифова он и отец его слышали колокольный звон в своих дремучих лесах, как бы благовест к утрени или обедни, и полагали, что кто-либо тайно поставил в дебри церковь. Несколько раз ходили они ее отыскивать и однажды едва не заблудились, увлеченные далеко в лес таинственным звоном; но никто не мог им объявить, откуда звон, а многие, подобно им, его слышали.

Господь прославил своего угодника еще при жизни многими исцелениями болящих. Однажды, увидев бесноватого, велел он привести его в церковь и, поставив близ себя, принудил читать молитву Иисусову, присоединив к тому и свою усердную молитву, и таким образом изгнал из него нечистого духа.

Подвиги Иосифа для защиты Церкви

До сих пор мы видели пустынные подвиги Иосифа, назидательные для тех, которые могли лично пользоваться его словом или примером. Теперь увидим его, выступающим на более обширное поприще, вместе церковное и гражданское, ибо он, как светильник на свечнике, воссиял светом своего богослова всей Русской Земле для обличения возникшей в ней ереси. Господь, уготовляющий по нужде времен свои благодатные орудия, послал великого просветителя Иосифа для рассеяния сего мрака и утверждения Православия на Руси, ибо твердый подвижник не усомнился говорить слово истины Державному и Митрополиту всея Руси, поколебавшемуся в истине.

Попущением Божиим, дабы явились по слову апостольскому искусные в вере, открылась около 1430 г. тяжкая ересь жидовская в Великом Новгороде, при архиепископе Геннадии

и Митрополите всея Руси Геронтии. Жидовин Схария принес эту ересь в православное Отечество наше, в Новгород, который по своим связям торговым был в сношениях с Западом; оттуда распространилось лжеучение в столицу и проникло даже до двора великокняжеского. Ересь эта, называемая жидовствующею, вероятно, была сплетена с другою, более тонкою ересью, которая уже начинала распространяться в Европе, с лжеучением Социнианским, наводившим сомнение на догмат о Божестве Иисуса Христа. Иначе трудно объяснить, каким образом могли бы предаться жидовству лица светские и духовные высшего сана, ибо даже подозревались в оной митрополит Зосима и протоиерей, духовник великокняжеский. Сам великий князь Иоанн говорил преподобному Иосифу, что он знает, которую ересь держал Алексей протопоп и которую дьяк Федор Курицын, и действительно заметно существенное различие между изложением учения жидовствующих в книге Иосифовой «Просветитель» и другими о том сказаниями, современными прежде бывшему Собору. Еретики, судя по бывшим против них обличениям, отвергали Божество Иисуса Христа, называя его простым человеком, и потому не уважали таинств и постановлений церковных, отвергали почитание святых, поклонение иконам, не соблюдали постов и осуждали монашество; но все это проповедовал и Социн. Сходство же с иудейскими мнениями состояло в том, что еретики более держались Ветхого Завета, нежели Нового, и праздновали Пасху Иудейскую. Иосиф говорил, что они прямо ожидали пришествия Мессии и потому учили, что нужно следовать закону Моисееву. Почитать всех оглашенных в жидовстве, за прямо отпавших от христианства, не позволяют многие обстоятельства; однако опасность была чрезвычайная, по самой новости такого учения, которое внезапно пустило корни, ибо, как писал преподобный к брату своему Нифонту, епископу Суздальскому: «С тех пор, как воссияло солнце Православия в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси. Ныне и в домах, и на дорогах, и на рынке иноки и миряне - все с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении Апостолов,

Пророков и Святых Отец, а на словах еретиков, отступников от Христианства, с ними дружатся и учатся одному жидовству». Странно, каким образом великий князь Иоанн, с такою ревностью вступавшийся за вероисповедание дочери своей в Литве, допустил бы в недрах своего государства и в самой столице расти лжеучению, явно разрушавшему все Христианство, если бы при самом начале проникнул он во весь его яд; но скрытность и двуличность, которою облакали свои мнения еретики, при их благовидном поведении многих вводили в обман, и нужно было светлое око Иосифа, чтобы его проникнуть. Лжеучителям благоприятствовало еще всенародное ожидание кончины мира с окончанием седьмого тысячелетия от сотворения мира; они называли наше летосчисление ложным, придерживаясь иудейского. Еще в дни святительства благочестивого Митрополита Геронтия, ревностный пастырь Новгородский Геннадий открыл снова злую ересь в недрах своей епархии и написал сильное против нее обличение в окружном послании к своей пастве. Геннадий называл новых еретиков Мессаллианами, потому что по примеру сих древних еретиков они скрывали свое учение; а между тем попы их, т. е. зараженные их учением из числа духовенства, служили литургии после употребления пищи, отпускали тяжкие грехи против правил церковных, издевались над Священным Писанием, искажали псалмы и пророчества, по преданию еретиков, придерживаясь одного десятисловия вместо евангельского учения. В Новгороде, где уже и прежде проявилось учение раскольников, известных под именем стригольников, которые осуждали все предания Церкви, легче было, нежели где-либо, утвердиться сей новой ереси, и потому наипаче старался обличать ее ревностный пастырь. Он первый донес о ней митрополиту Геронтию и великому князю Иоанну, и при самом начале Державный созвал Собор, на котором была торжественно осуждена эта ересь. Он даже послал сына своего Василия в Новгород для прекращения оной на месте строгими мерами; но такой порядок действий прекратился вскоре после кончины митрополита Геронтия. Без сомнения,

тайные происки людей духовных и светских, благоприцствовавших лжеучению, доставили после него кафедру первосвятительскую Зосиме, который, хотя и сам был вынужден осудить эту ересь на вторичном Соборе, в 1490 г., однако тайно ей покровительствовал и даже стеснял благонамеренные действия владыки Новгородского. Дерзость еретиков умножилась, когда миновался срок ожидаемой кончины мира, и они этим воспользовались для большего поношения веры православной. Новая пасхалия, составленная по соборному повелению архиепископом Геннадием для успокоения умов народных, не прекратила их волнения, и опасность росла со дня на день, потому что, казалось, неоткуда уже было ожидать помощи, так как истощены были все средства гражданские и церковные.

В столь крайних обстоятельствах владыка Новгородский обратился к преподобному Иосифу, зная его глубокую ученость; он издавна находился в дружеских с ним отношениях и неоднократно поручал ему надзор за делами церковными в области Волоколамской и сбор доходов, удаляя часть их на его новую обитель, так как она еще принадлежала к епархии Великого Новгорода. Посреди сей страшной бури мужественно выступил преподобный один ратовать за православие, потрясаяемое и в палатах святительских, и при дворе великокняжеском; и здесь можно вполне оценить его заслугу, церковную и вместе государственную, ибо только одному избраннику Божию можно было столь твердо стать на страже веры вопреки всем препонам и отражать все волны ереси, нахлынувшей на Церковь. Посему и напрасны обвинения, падавшие на великого мужа за чрезвычайную его строгость, так как ему надлежало бороться с ересью, которая уже более двадцати лет укоренилась в России под покровительством людей сильных, при оскудении пастырей, когда лжеучители употребляли всякую хитрость для прикрытия своей лести.

Преподобный немедленно написал несколько слов против жидовствующих, в которых доказывал, что обещанный миру Мессия явился в лице Господа Иисуса Христа и есть

Сын Божий по естеству, что воплощение его для нашего спасения ничего не заключает в себе, несвойственного Божеству, и так как уже пришел Мессия, то закон Моисеев должен быть отменен. Он также защищал почитание Святых икон и писания Святых Отец, на которые нападали еретики. Эти шестнадцать слов, известные под общим именем «Просветителя», доказывают глубокую начитанность Иосифа в предметах богословских, судя по многочисленным выпискам из Святых Отцов, и заключают в себе историю ереси, от ее начала до соборных действий. В последних главах он доказывает необходимость подвергать еретиков отлучению церковному и суду гражданскому, потому что безнаказанность усиливает их дерзость и наносит вред всей Церкви. Он говорит о священной обязанности всех православных объявлять правительству о появлении ереси, дабы не сделаться ее сообщником, свидетельствуя из примеров отеческих, что должно изучать свойства ереси и отступников в вере и что покаяние, вынужденное страхом наказания, не освобождает кающегося от казни.

Прозорливый поборник истины имел причины так говорить; в описании его жизни мы видим, что благочестивый иконописец Феодосий, сын свято почившего художника Даниила, сказывал ему следующее: «Однажды поверили покаянию одного из таковых еретиков и даже поставили его в священника; он же, отслужив литургию, возвратился домой, держа в руках потир со Святым Причастием, и вылил его в горящую печь. При этом совершилось страшное чудо: жена нечестивца, готовя себе яства в этой печи, увидала отрока в пламени и слышала голос: «Он меня предал нечестиво огню, а я предам его огню вечному». Этот случай еще более возбудил Иосифа писать Державному, дабы остерегался верить еретическому покаянию; но прежде всего преподобный озаботился об удалении тайного покровителя ереси, самого митрополита Зосимы, который говорил, что не должно осуждать ни еретика, ни отступника; а если кто дерзал обличать его за хульные речи, того подвергал отлучению и лишал духовного сана или навлекал ему наказание от великого

князя. Безбоязненный Иосиф не щадил его ни в своей книге «Просветитель», ни в посланиях к святителям и Державному, лишь бы обличилась ересь. Он молил брата своего епископа Суздальского Нифонта крепко стоять за Христа и Пречистую Его Матерь и все православное христианство и стоять за истину даже до крови, представляя ему блаженную участь исповедников веры Христовой. Яркими чертами изображал он бедственное состояние Церкви и вообще колебание в вере от неприязненных толков и покровительства Зосимы, у которого из дома не выходили еретики. Иосиф убеждал прервать всякое сношение с лжепастырем, внушая и другим не принимать от него благословения. Вскоре после сего послания Митрополит Зосима вынужден был оставить как бы добровольно престол и удалиться на покой в Сергиеву Лавру, но по смерти он не был удостоен поминаения с прочими святителями Московскими в неделю Православия.

И после его удаления оставались еще покровители ереси, между коими всех замечательнее был дьяк великокняжеский Федор Курицын; происками его назначен был в Юрьев, первостепенный монастырь Новгорода, архимандрит Кассиан, в котором еретики Новгородские нашли себе сильную опору и завели у него тайные собрания, ругаясь над святынею. Ревностный архипастырь Геннадий написал еще несколько обличений против иудейства, и обличенные им еретики бежали в Литву и в Германию, свидетельствуя тем, из какого места возникло их лжеучение. Преподобный же Иосиф написал к великому князю Иоанну сильное послание в обличении еретика Кленова, купеческого сына из Великого Новгорода, и просил лично Государя принять против еретиков строгие меры. Великий князь, стараясь извинять себя пред ревностным защитником православия, не скрывал, что знает о существовании ереси у протопопа Алексея и дьяка Курицына, и даже раскаивался, что прежде поступал с ними слабо; но говорил также, что Митрополит и епископы его уже в том простили, так как Иосиф прямо ему сказал, что если подвигнется на нынешних еретиков, то Бог простит ему и в прежних; однако же прошел целый год,

а великий князь еще не принимал никаких мер. Тогда Иосиф решился действовать на него через его духовника Андрониевского и приступил окончательно к искоренению зла. В декабре 1504 г. созван был Собор против жидовствующих под председательством нового Митрополита Симона; присутствовал и преподобный и строго обличал дерзавших защищать лжеучение. Главные еретики были преданы казни, другие сосланы в заточение; некоторые хотели избежать наказания мнимым раскаянием, но Иосиф после двадцатилетнего продолжения ереси опытом доказывал, как непрочно такое покаяние и сколь вредно для Церкви послабление. Правительство, светское и духовное, действовало в этом случае не вопреки уставам церковным, но на основании законов Греческих против совратителей веры, и законы эти доселе обретаются в Номоканоне, или Кормчей книге.

Впрочем, это видно из жития Иосифа, писанного Топорковым: «Не о том печаловал игумен, чтобы градскую казнь наказывать еретиков, а о том лишь, чтобы не верили их лъстивому покаянно и несходно затворяли их в темницу, дабы, вышедши отголе, обманом опять не рассевали свою ересь, ибо уже не однократно бывали сему примеры, в продолжение многих лет». Ересь ослабела после Собора, но не вдруг истребилась, и настойчивость Иосифа оправдалась непрекращавшимися буйствами еретиков в Новгороде и даже в Москве. Между тем продолжался ропот на строгое определение градской казни за ересь, и ревнитель православия должен был защищаться против мирских нареканий. Даже собственный ученик его Дионисий, из князей Звенигородских, удалившийся в пустыню Вологодскую, писал против строгости сих мер великому князю Василию Иоанновичу. Иосиф защищал свое мнение в пространном послании к инокам, оправдывая действия правительства и говоря, что следует покоряться суду соборному и начальному Святителю. Спустя семь лет после Собора, по случаю новых еретических покушений, писал он опять к великому князю Василию два послания: чтобы не дал погибнуть православному христианству и царским своим словом искоренил бы плеве-лы, уже сорок лет возмущавшие православие.

И в других церковных делах своего времени принимал участие преподобный. В 1508 г. он был на Соборе, рассуждавшем о недвижимых имуществах монастырей, и в решении сего вопроса вместе с Серапионом, игуменом Троицким, старался согласить пользы Церкви и государства в разуме и добре, как говорит его жизнеописатель, «расчиняя лучшая к лучшим, смотря обоюду пользующая». Не думал преподобный при дружелюбных своих сношениях с Серапионом о тех несогласиях, которые должны были скоро между ними возникнуть. Три года спустя, Иосиф был опять призван к совещанию о том, какие меры предпринять для прекращения беспорядков между вдовыми священниками и диаконами, многие оставались недовольными определением соборным, по которому запрещалось вдовым священнослужителям священнодействовать, если не хотят постричься в монашество; но Иосиф доказал, что такое определение не есть нарушение церковного порядка, что и в древние времена Соборы иногда дополняли прежние церковные определения, и мнение его принято было даже на последующем Стоглавом Соборе. Таково было влияние преподобного на современные важнейшие вопросы, в которых необходима была строгость по духу времени.

Огорчения Иосифовы.

Не успел Иосиф утешиться водворением мира церковного, для которого столько трудился, как подвергся новым огорчениям внутри собственной обители, виною коих был князь Волоколамский Феодор Борисович. Позабыв любовь, завещанную ему родителем и братом к монастырю, столь благолепно устроившемуся в их отчине, Феодор начал приезжать туда с гордостью и требовать от келаря и казначея, чтобы снаряжались для него пиры и дары и держали бы при церквах вина и меда. Огорченный Иосиф послал к нему честных старцев, постриженников из его же палат, известить его о данном обете всею братиею общего жития пред Господом и Пречистою Его Матерью и велел напомнить, что, если бы не

просьбы и согласие его родителя князя Бориса, не водворился бы он в его отчине. Но князь Феодор не хотел и слышать о каком-либо противоречии; тогда преподобный возложил упование свое на Господа, князю же велел сказать: «Мы, Господине, не ради пиров пришли на сие место к отцу твоему, но дабы спасти души наши и молиться о вашей державе». Феодор же с досадою отвечал игумену, что если не хочет держать монастыря по всей его воле, то и шел бы, куда хочет. Иосиф не смутился столь жестокими словами, ибо и в радости привык не слишком радоваться, и в печали не предаваться печали, полагаясь во всем на судьбы Божии. Он начал помышлять о том, как бы удалиться и не дать место гневу княжескому. Но братия, узнав о его намерении, со слезами обступили авву, умоляя не оставлять их сирыми, ибо они ради его собрались в монастырь, положили в нем свои вклады на поминование родителей и все свое оставили ради наследия благ вечных, а потому он даст ответ Богу, если с его удалением расхитятся их имущества и прекратятся поминовения о душах их родителей.

Тронутый сею мольбою братии, Иосиф решился на время утешить корыстолюбивого князя некоторою мздою: сперва послал к нему драгоценную икону, писанную знаменитыми художниками Андреем Рублевым и Дионисием, потом и мирские богатые одежды, оставленные постригавшимися, но тем не удовольствовался князь и требовал неотступно угощений. Это повергло Иосифа в глубокую думу, ибо, с одной стороны, боялся он осуждения, если оставит монастырь, а с другой - не мог далее переносить насилий дерзновенного князя, который похищал все, что было ему по нраву, и к честным старцам посылал страшные угрозы, похваляясь наказать их торговою казнью, хотя они были из царской палаты. Преподобный Иосиф, зная строгость церковную о соблюдении данного по душам родителей поминовения и случаи обращения обителей к великим князьям от насилия удельных князей как на Руси, так и на Востоке, решился последовать примеру Сергиевой лавры, Толгского и Спасо-Каменного монастырей, которые в свое время прибегли под

защиту державного князя. Однако хотел прежде известить о том своего владыку Серапиона, который был тогда возведен на кафедру Новгородскую из игуменов Сергиева монастыря, дабы он, услышав о насилиях, какие терпит от своего князя, благословил его просить высшего суда. Но посланный им старец Игнатий не мог достигнуть Новгорода по случаю свирепствовавшей там язвы и был остановлен в Торжке. Тогда, вынужденный крайними обстоятельствами, преподобный послал к Митрополиту всея Руси Симону честных старцев Иону Голову и Кассиана Босого просить его о ходатайстве у благочестивого Государя, великого князя Василия Иоанновича, принять в свое покровительство обитель для избавления ее от насилии с тем, однако, чтобы по миновании морового поветрия испросить о том прощения у своего владыки, ибо не от радости, но «от велия туги сие творил». Державный, посоветовавшись с Митрополитом и боярами, на основании прежде бывших примеров приговорил взять под свою крепкую руку обитель Пречистые Богородицы, старцам же сказал, чтобы успокоили Иосифа относительно своего архиепископа, потому что не сам он отходил от кафедры Новгородской, но князь великий взял себе монастырь от насилия удельного князя и обещал уведомить о том владыку, как только минует земская невзгода.

Возрадовался Иосиф об избавлении обители своей от насилия лукавого человека. Князь же Волоколамский, исполнившись ярости, написал к владыке клеветную жалобу на Иосифа: что будто бы без его ведома он отложился от его престола. Архиепископ Серапион, не рассудив в первую минуту, по какой причине поступил так Иосиф, начал питать к нему неудовольствие; а между тем князь Феодор старался опять привлечь к себе преподобного, обещая изменить свои действия; но старец, провидя его козни, представлял ему, что это уже невозможно, потому что прогневаются и князь великий, и Митрополит. Когда утихло моровое поветрие, послал игумен честного старца с образом Пречистые Богоматери к архиепископу объяснить ему, по какой вине бил он челом Державному без его благословения, но

владыка не допустил к себе старца. Огорченный таким поступком владыки, Иосиф сказал: «Если на меня гnevается владыка, то образ Пречистой что сотворил ему и за что не допустил оный пред свои очи»? Тогда послал к Державному просить по данному им обещанию умиротворить его со святителем, и князь великий успокоил Иосифа, что владыка не имеет причины на него гневаться за отписание обители из удельного княжества к великому, разве только если имеет против него какие-нибудь личные огорчения. Но не прекратилась злоба князя Волоколамского; завистник преподобного, архимандрит Возьмищскаго монастыря Алексий похвалился князю, что наведет архиепископа на гнев против Иосифа, и действительно, обольстив богатыми дарами бояр Владычных, наветник внушил слишком доверчивому святителю наложить общее отлучение как на Иосифа, так и на него самого как бы под предлогом неудовольствия на всю область Волоколамскую, по жалобе князя за отпадение Иосифа. Архиепископ послал отлученную грамоту на Иосифа, которая постигла его во время тяжкой болезни, посреди Великой Четырехдесятницы. Испуганная братия советовала игумену послать просить прощения у своего владыки; но Иосиф, покоряясь до времени его запрещению, хотя и неправильно, не дозволил себе, несмотря на тяжкую болезнь, приступить к приобщению Святых Тайн; однако и не хотел искать разрешения там, откуда последовало незаконное отлучение. «Вы не знаете правил церковных, - говорил он братству, - ибо связывавший вопреки канона, сам себя вяжет».

Он решился обратиться к высшему суду, но не спешил, ожидая что, быть может, сам собою одумается архиепископ и сознает свою неправду. Видя, наконец, что не смягчается его сердце, послал бить челом о своем отлучении к Митрополиту всея Руси как Первосвятителю и к Державному, который поставил его в столь неприятное положение, позабыв написать о том Серапиону. Великий князь спрашивал Иосифа, как он думает поступить в примирении своем с владыкою, и получил ответ, что старец полагается во всем на его волю, ибо не от него возникла причина гнева, и великий

князь был уже раздражен против архиепископа за то, что в отлучительной грамоте он писал Иосифу: «Почему отдал свой монастырь в великое государство и, отступив от небесного, перешел к земному?» Государь упрекал за это выражение, для него оскорбительное, владыку Новгородского, говоря: «Что я точно земной, то я сам знаю, но почему же князь Феодор небесный?» По предварительному совещанию с Митрополитом, архиепископ был отрешен от епархии и вызван за сопротивление Державному в Москву, где был созван Собор в 1509 г. На Соборе не было Иосифа, дабы не казался он обвинителем. Митрополит и великий князь спросили архиепископа, по какой причине отлучил он своего игумена без всякого рассуждения. Серапион отвечал с огорчением: «Я не просил Державного, дабы послали меня на кафедру Великого Новгорода, и властен в своем чернеце вязать его и решить, когда тот, вместо подобающего терпения пред своим удельным Князем, искал покровительства иной власти». Великий князь и Митрополит, недовольные таким отзывом, судили архиепископа по всей строгости древних Соборов и за неправильное отлучение положили лишить его самого благословения и кафедры святительской. Благодушно возвратился Серапион к мощам преподобного Сергия и там провел еще многие годы в подвигах иноческих. Минутное облако, омрачившее его отношения с преподобным Иосифом, скоро миновалось; сам преподобный писал о святителе Серапионе, что всем его жаль, и был уверен, что ему не пришло бы на мысль отлучить его, если бы не наветы князя Волоколамского. Он просил присных своих объяснить бывшему своему владыке правильность своих действий, и старанием обоюдных доброжелателей они примирились, получив взаимно прощение. Так сказано в житии преподобного, и даже при распознавании истины умножилась между ними любовь паче первого. Смирился и виновник мятежа князь Феодор Волоколамский и, пред смертью испросив себе благословение у игумена, завещал село свое Буйгород в обиженную им обитель; он был в ней погребен подле отца и брата.

Миротворцем показал себя преподобный Иосиф и между державными, на души коих он имел благотворное влияние, ибо он, как некогда Сергей, был руководителем Земли Русской. Однажды возникло неудовольствие меж братьями, великим князем Василием и Юрием Дмитриевским, которого оклеветали перед Государем в тайных будто бы покушениях на его державу. Раздраженный Самодержец уже хотел схватить брата и посадить его темницу; но князь Юрий, вовремя узнав том, успел укрыться в обители преподобного Иосифа. Клятвенно засвидетельствовал он перед игуменом свою невинность и со слезами умолял его, как отца, заступиться за него пред разгневанным братом, дабы сохранилось между ними благословение родительское и не было пролития крови христианской, хотя и чувствовал себя в силах противостать оружием. Иосиф прослезился и запретил ему противиться брату, но велел во всем показать послушание и смирение, преклонив голову пред Помазанником Божиим, ибо тогда лишь, несомненно, Господь возвестит его правду. Князь Юрий смирился, обещал потерпеть все от брата своего, даже самую смерть, но убеждал Иосифа обратиться лично к Государю и сказать ему слово истины. Воздохнул Иосиф и отвечал: «Веришь ли, князь, немощь моя столь велика, что я даже не в силах перейти через двор монастырский», - но князь продолжал заклинять его, говоря: «Повинен будешь в моей крови», - и, несмотря на свою немощь, подвигся Иосиф его слезами. Но едва только игумен отъехал несколько верст от обители, как нестерпимая боль принудила его возвратиться.

Весьма опечалился князь Юрий, полагая, что Иосиф не хочет быть ходатаем за него пред братом; когда же убедился в его немощи, просил святых старцев Кассиана Босого и ученика его Иону Голову ехать, по слову Иосифову, ходатаями за него в Москву. Игумен велел прочей братии молиться об умиротворении между князьями. Большое волнение было тогда в столице, потому что разнеслась молва, будто князь Юрий изменил великому князю; он сам, однако, последовал за старцами, но остановился под Москвою, избегая гнева.

Бояре княжеские обрадовались приходу старцев в надежде на умиротворение. Когда вошли они в палату пред лице Державного, грозно воззрел на них великий князь и спросил о причине их пришествия, потому что провидел уже тайную его причину. Нимало не усомнился святой старец Кассиан Босой смело отвечать Державному: «Подобает прежде с кротостью допросить посланных и выслушать слова их, и, если окажемся в чем-либо виновными, тогда уже казнить по делам нашим, ибо вот мы на лице пред тобою». Державный смягчился и, встав со своего места, с улыбкою сказал: «Простите меня, старцы честные, я поглумился» - и, поклонившись им, спросил о здравии старца Иосифа; потом выслушал спокойно все их речи и возблагодарил Бога, внушившего игумену укротить великое зло. Он угостил трапезою старцев, немедленно послал за братом и примирился с ним; оба проливали радостные слезы, и бояре также плакали. До глубокого вечера веселился Василий с братом своим и с дарами его отпустил. Князь же Юрий, не заезжая в удельный свой город, прямо поехал в обитель преподобного; он пал к ногам Иосифа, называя его отцом своим и утешителем. Услышав же о молитвенных трудах, какие понесла вся братия ради его умиротворения, щедрою милостынею наградил каждого и записал обители село свое. А великий князь, отпустив с честью старцев, приказал поклониться от него Иосифу и в знак смирения снял пред ними венец свой, усердно благодаря за умирение Земли Русской.

Так близко было сердцу Иосифа все, что касалось его земной родины, что даже прозорливым духом провидел он и предстоявшие ей беды в самый час несчастной Оршинской битвы, на которой пало много православных воинов за Веру и Отечество. Святой игумен, сидя в келии, внезапно сказал брату, ему служившему: «Ныне, брат, за грехи наши много побито под Оршою православных; и действительно кровь там текла реками в этот несчастный день, 8-го сентября 1514 г. На такой духовной высоте стоял преподобный в последние годы своей жизни.

Последние годы и чудеса Иосифа.

Заботы чадолюбивого старца простирались на всех, кто только к нему пристал. Уже в преклонные его годы был однажды сильный голод во всей окрестности, так что многие оставляли дома свои и бежали в иные города; поселяне толпами обступили обитель Иосифа, прося себе хлеба; их было до 700, кроме малолетних, и всех он велел питать келарю, а детей принять в странноприимницу, которая потом сделалась известною под именем Богораднаго монастыря. Чрез несколько времени пришел келарь объявить игумену, что не осталось более запаса, а казначей - что истощились деньги для покупки хлеба. Тогда преподобный велел занимать деньги и брать под расписку, чтобы только прокормить находившихся в монастыре, и никто не вышел оттуда голодным. Некоторые из братии стали роптать, говоря: «Безрассудна эта милостыня; нас переморит и их не прокормит». И так как трапеза оскудела от подаяния, то иные пришли даже с жалобою к игумену. Иосиф напомнил им, что слово Божие велит радоваться с радующимися и печалиться с печальными: «Ныне же пришло посещение Божие, или, лучше сказать, милость, призывающая грешных на покаяние. Посмотрите на толпу сию алчущую: не различного брашна желает она, подобно вам, а только лишь куска хлеба, чтобы хотя несколько утешиться от голода, и ради сего оставила дома свои, скитаясь по чужим местам; мы же в обетах иноческих обещались всякую скорбь претерпеть ради Царства Небесного, а теперь являемся нетерпеливы; но потерпите немного, покаемся в согрешениях наших, и Бог нас помилует». Братия приняла слово своего игумена не как от человека, но как от Бога, и каждый, возвратясь в свою келью, молил Господа и Пречистую Его Матерь о прекращении гнева и насыщении алчущих. И вот нечаянно сам державный великий князь Василий пришел в обитель на богомолье и милостиво утешил братию царскими своими брашнами. Узнав же, что Иосиф кормит столько народа, заимствуя деньги и хлеб, велел привезти из села своего запасов, сколько нужно было. Брат великого

князя и его бояре, со своей стороны, прислали также обильную милостыню. Иосиф с всею братиею возблагодарили о сем Бога. Чувствуя оскудение телесных своих сил, преподобный написал к возлюбившему его Государю письмо от имени грешного чернеца Иосифа: «Божия, Государь, воля состоялась надо мною, и послал мне Господь немощь, так что уже с одра встать не могу и не могу править своим монастырем; и ты бы, Государь, Бога ради и Пречистой Матери Его, жаловал мой монастырь и после моего живота, как и при мне, и взял бы его под свою высокую державу, и о том бью тебе челом ныне со слезами: повели старшей братии заведовать обителью; по моему худому уму более всех сему пригожи старцы Кассиан Босой, Иона Голова, Арсений Голенин (князь Рязанский), бывший игумен Гурий (будущий архиепископ Казанский), бывший игумен Геронтий и еще несколько других. Не посылай нам, Бога ради, игуменов из чужих монастырей и чернецов не по мысли братии, дабы после моего живота жили бы, как при мне; неповинующиеся же пусть изгоняются из обители, в страх другим. Благословение Господа и Пречистые Его Матери да пребудет с тобою, твоим домом и царством». Великий князь, подвигнутый таким посланием, еще более стал радеть о его обители. Еще иную духовную грамоту написал к нему изнемогающий. Во имя Пресвятой Троицы передавал он обитель, дело трудов своих, и всю братию Богу Вседержителю и Пречистой Его Матери и благородному Христолюбивому Самодержцу всея Руси, дабы оградил монастырь, и кого назначит игуменом, тому повиновалась бы братия, соблюдая свято все постановления отеческие, а если кто воспротивится Уставу, да изженется. Устав сей, известный под именем духовной грамоты, состоит из тринадцати глав, в коих наставник благочестия иноческого говорит, что, предчувствуя близость своей кончины, решился написать правила, дабы каждый из братии знал свои обязанности. Правила эти заимствованы, большею частью, из древних постановлений, касающихся иноческой жизни, и подкреплены благочестивыми примерами и рассуждениями древних и новых подвижников. Тут все сказано подробно

о благочинии соборном, трапезном и келейном, об одежде и обуви, о службах, о недержании хмельных напитков, о заперещении ходить с женами и детьми в монастырь, о ревностном хранении древними иноками Устава монастырского и об обязанности настоятеля и начальствующей братии. Одним словом, к деятельному своему примеру присоединил Иосиф и назидание для будущего, поистине будучи просветителем и в деле веры и в делах совершенства иноческого, как яркое солнце Православия, воссиявшее на тверди Русской.

Незадолго пред кончиною призвал к себе Иосиф старшую братию и сказал: «Господа мои, братия о Христе, сами видите немощ мою; лета мои проходят, день преклоняется к вечеру и ничего иного мне не возвещает, кроме смерти, и ныне вам говорю: изберите себе игумена по совету вашему и по обычаю монастырскому». Они же, услышав это, заплакали и едва могли проговорить от слез: «Ты, господине, ведаешь, кто на это дело великое способен, дабы иметь попечение телесное и духовное о толикам братстве». Игумен отвечал им: «Знаю, но не хочу сам избирать для того, чтобы вы после не роптали, что не по совету вашему поставлен игумен, или, если он будет действовать иначе, да не хвалится, что назначен Иосифом; посему лучше сами себе изберите игумена, дабы после меня вам жить безмятежно». Братия ради послушания приводили к нему то одного, то другого; но старец опять предложил им совещаться о том между собою, говоря: «Всех я вас знаю, вы же сами изберите себе по сердцу». И угоден был всем на совете старец нищелюбивый, пребывавший в посте и трудах, Даниил, который готовился отойти в иной монастырь на игуменство и впоследствии возведен был на кафедру всея Руси. Возвестили о том преподобному, и он одобрил их выбор, сказав избираемому: «Ты видишь, чадо, немощ мою и старость; братия избрала тебя на мое место, и я тебя благословляю; ты же не ослушайся обычаев сего монастыря и во всем держи совет с братьею; пребывайте во всем, как я вам написал и заповедал, а если получишь от Бога милость, то и после меня не оскудеет обитель сия, подобно Кирилловой и иным».

Не прекословил Даниил избранию старцев, и, когда возвещено было о том Державному, велел он Митрополиту Симону поставить его в пресвитера и игумена. Преподобный часто призывал его, поучая как обращаться ему с братиею, и никому уже не велел ходить к себе за духовным советом, а все к новому игумену, дабы приучить учеников к своему отшествию: так мудро и прозорливо распоряжался он во всем. Потом пожелал облечься в великую схиму и, причастившись Святых Тайн, не позволял уже никого к себе впускать, кроме разве крайней необходимости, ибо начинал весьма изнемогать. Братия носила его ко всякой службе в церковь, полагая в сокровенном месте, потому что не мог более сидеть. 9-го сентября (1515г.), на память Святых Богоотец, служили у него в кельи утреню, и, когда прочая братия пела в церкви исходную песнь «Святой Боже» после «Слава в вышних Богу», преподобный троекратно перекрестил лице свое и тремя дуновеньями, в честь Пресвятые Троицы, предал дух свой в руки Господа, которого возлюбил от юных лет. Всего жизни его было семьдесят пять лет, из коих пятьдесят пять пребыл в иночестве. С великим плачем погребла его братия по правую сторону в нижней церкви, под спудом, где доселе почивают его мощи. Великий князь часто начал посещать обитель, заповедуя братии соблюдать Устав преподобного, который сделал его своим душеприказчиком.

Когда преставился преподобный, один из братии, Арсений, из рода князей Рязанских, много скорбя об утрате такого учителя, молил пламенно Господа, да дарует ему знамение, получил ли наставник его дерзновение пред Богом. Часто припадал он к гробу Иосифа, говоря ему как бы живому: «Не лиши меня сего ведения, отче». Однажды, когда молился в глубокий вечер Великой Субботы, впал он как бы в некое самозабвение, и ему предстал сам преподобный, говоря: «Арсений, что желаешь узнать: получил ли я милость от Господа? — Скоро и сам ты преjdeшь от жития сего». В ужасе воспрянул инок и поведал о том видении на всенощной одному честному старцу; в пяток же Светлые недели разболелся и, чувствуя свое отхождение к Богу, принял святую схиму

и приобщился Святых Таин. Мирно прощался он с плачущею братиею, прося их молитв, когда пришел к нему в келью игумен Даниил, то, по исходном каноне, предал в мире дух свой Господу. Несколько дней спустя, один из иноков, Виссарион, прозванный по чрезвычайной своей простоте Селифонтом, узрел в ночном видении светозарную обитель, где за прекрасною трапезою сидели только двое: Иосиф и Арсений. «Брат Селифонт, - сказал ему Иосиф, - не видишь ли, что Арсений приобрел себе лучшее?» Сам Виссарион после долгой, добродетельной жизни, предугадав свою кончину, велел приготовить камень для своей могилы и написать на нем предназначенный день, в который действительно и скончался. Такими подвижниками процветала обитель Иосифа.

Вскоре после кончины преподобного постригся в его обители некто из бояр именитых, Андрей Квашнин, на одре болезненном, и принял также имя Арсения; но, когда выздоровел, начал опять украшаться одеждами и требовал себе излишнее против братии, сожалея о том, что он оставил в мире, приводя в пример менее строгую жизнь иных монастырей. Игумен и братия старались успокоить волнение его духа, но после малой тишины он опять возмущался и решил, наконец, перейти в обитель Святого Кирилла; однако прежде хотел побывать у великого князя. Даниил послал вместе с ним к державному опытного старца. Добрый Государь принял их не с царским величием, а с кротостью христианина, чтобы наставить на путь истины бывшего своего боярина. Пригласив на трапезу, беседовал он о том, как подобает иноку терпеть на своем обещании, но не успел убедить его возвратиться в обитель Иосифову и с миром отпустил в Кириллову. Когда же Арсений хотел там поклониться гробу преподобного, внезапно упал как мертвый и, когда пришел в чувство, едва мог двигать рукою и ногою. Был в обители старец жития крепкого Гурий, соблюдавший все заповеди преподобного Кирилла; он, видя болящего в таком крайнем положении, велел немедленно везти его водою в обитель Иосифову. Братия, обрадованная его возвращением, вышла к нему навстречу, далеко за ограду, и понесла его к гробу

своего учителя; тогда только начал чувствовать Арсений вместе с сердечным сокрушением некоторое облегчение телесное: рукою мог он перекреститься и немного проговорить. Его отнесли в прежнюю келью, и мало-помалу здоровье его совершенно возвратилось, но он остался навсегда косноязычным. С тех пор Арсений пребывал в полном послушании игумена и посвятил себя на служение болящим, успокаивая их по возможности, разнося им пищу и терпя от них, Бога ради, всякое огорчение. Так потрудился он до блаженной своей кончины, и через десять лет после его преставления тело его обретено нетленным, по свидетельству самого описателя жития Иосифова, Вассиана Топоркова.

Были и другие знамения над гробом Иосифа. Архиепископ Великого Новгорода Феодосий говорил, что у него в Новгороде был священник, по имени Исаия, в церкви Иоакима и Анны, которого он взял с собою вместе с прочими клириками в Москву, куда поехал на Собор, при царе Иоанне Васильевиче. Исаия разболелся близ Волоколамска; архиепископ, бывший учеником и постриженным преподобного Иосифа, предложил болящему зайти с ним в монастырь, где хотел поклониться гробу Святого; но Исаия, будучи нетрезвого нрава, начал говорить многие укоризненные слова на обитель и просил отпустить его прямо в Москву. Советом вражьим, не смотря на продолжение болезни, хотел он и на обратном пути в Новгород миновать обитель, но однажды, в сонном видении, предстала ему некая жена, в багряных ризах, и вместе с нею старец, украшенный сединами, невысокого роста. Она спросила болящего, почему не хочет идти в монастырь ее, называемый Иосифовым, - и, когда тот извинялся незнанием, указала перстом на стоящего старца, говоря: «Вот Иосиф со мною». Тогда раскаявшийся священник признал вину свою и молил архиепископа, чтобы дозволил ему ехать в обитель Иосифову и там окончить дни свои, ибо чувствовал приближение смерти. Достигнув монастыря, исповедал он свое преступление игумену, что осуждал святое место, и просил постричь его в схиму. Спустя несколько дней, причастившись Святых Тайн, в добром исповедании отошел к Господу.

Другой новгородец Корнний, инок и начальник клириков, будучи любим от вельмож и бояр за свое сладкопение, увлекся суетностью и возлюбил плотское паче души. Странствуя по монастырям, посетил он и обитель Иосифову и, обличаемый строгим ее житием, начал укорять святое место за сию самую строгость; но Господь дал ему очувствоваться, и с раскаянием возвратился он в обитель. Через несколько дней опять стал смущать его помысел возвратиться на прежнее, но он боролся с помыслом, потому что был уже искусен в иноческих обычаях и в Божественном Писании, так что и все Давидовы псалмы мог читать наизусть. Однажды, стоя в церкви на клиросе, умилился душою при воззрении на икону Спасителя и молил человеколюбивого Владыку, чтобы спас его, ими же ведает судьбами. В тот же час разболелся он всем телом, и хотя жестокая болезнь исторгала у него вопли, но в течение десяти месяцев благодушно терпел Корнний, имея непрестанно на устах молитву как некое врачевание. Он велел нести себя к гробу преподобного и там, после молебна при окроплении Святою водою, просил, чтобы приложили его всеми членами к самой деке гроба, с теплою молитвою к отцу Иосифу об исцелении, и совершилось над ним чудо: мало-помалу начал он креститься и двигаться; суставы его тут же при гробе стали укрепляться, и, спустя несколько времени, совершенно исцелился, во славу Господа и преподобного его угодника.

Инок Варнава в обители Иосифа, родом из города Зубцова, будучи одержим много лет лютым недугом, называемым черною немощью, много странствовал по Святым местам, желая избавиться от недуга, и даже облекся в иноческий образ. Он был отдан под надзор строгому старцу Боголепу и, когда однажды подвергся наваждению беса, приведен был старцем своим к гробу преподобного, где после пламенной молитвы получил совершенное исцеление. Другой инок Онуфрий, родом из Москвы, принявший иночество по случаю болезни, ибо весь был покрыт ранами и ослеп, так что водим был нищими для своего пропитания, пожелал успокоиться душевно и телесно в обители преподобного.

Милостиво был он принят в Богорадную обитель и там начал часто припадать к гробу преподобного, умоляя его об исцелении. Когда же пели собором всенощную на память пришествия преподобного в дебри Волоколамские для создания обители и совершалась панихида, старец с верою вкусил немного кутьи, помазал освященным елеем свои язвы и глаза и внезапно прозрел. Со слезами начал он лобызать землю и гроб преподобного, отирая глаза его покровом, и через несколько дней, получив совершенное исцеление, просветился душою и сердцем; он был приставлен ходить за недужными и работал им не как человеку, но как самому Господу Иисусу Христу.

Много было иных знамений и исцелений от гроба преподобного, которые побудили, наконец, чтителей великих его подвигов на поприще иноческой жизни и в защиту Православия собрать сказания обо всех чудесах его, при жизни и по смерти явленных. По сим Божественным указаниям и Московский Собор (1578 г. декабря 20) причислил преподобного Иосифа к лику Святых и повелел в монастыре совершать ему службу. На Соборе же 1591 г. июля 1-го, служба, составленная преподобному Иосифу, была свидетельствована Патриархом Иовом, внесена в Минеи, и велено праздновать повсюду его память. Мощи преподобного Иосифа доселе почивают под спудом в соборной церкви Волоколамского монастыря. Его память совершается дважды в году 9(22) сентября и 18(31) октября.

(См. Житие архиепископа Геннадия Новгородского, Житие архиепископа Серапиона Новгородского. — *Сост.*)

Тропарь, глас 5

ко по́стников удо́брѣние и отцѣв красотѹ,
мѣлости подáтеля, разсѹдѣ́ннѣя свѣтильни́ка,
всѣ́ вѣрнии, соше́дшесѣ, восхвáлим крѣ́пости
учи́теля и е́ресей посрамѣ́теля, премѹдраго
Иосифа, росси́йскую звезду́, моля́щасѣ Госпо́ду
поми́ловатисѣ ду́шамъ на́шимъ.

Кондак, глас 8

ития треволнѣния, и мятѣжъ мирскій, и
страстная възгнѣния в ничтѣже вменѣвъ,
пустынный гражданинъ показался еси,
многихъ бывъ наставникъ, Іосифе преподобне,
монаховъ собратъ и молебникъ веренъ,
чистоты рачитель, моли Христа Бога
спастися душамъ нашимъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

525 лет Иосифо-Волоцкому монастырю.

Юбилейное издание.⁸⁸

В 2004 г. исполнилось 525 лет со дня основания Иосифо - Волоцкого монастыря - одного из наиболее значительных центров русской духовной культуры, основанного выдающимся церковным и общественным деятелем, писателем - богословом, преподобным Иосифом Волоцким. Обитель расположена близ села Теряево, в двадцати шести километрах от старинного города Волоколамска.

Первая деревянная церковь в честь Успения Божией Матери была освящена 15(28) августа 1479 г.

В 1486 г. деревянная церковь была заменена каменным собором в честь Успения Божией Матери. Собор был расписан известнейшими иконописцами Московского государства Дионисием с сыновьями Владимиром и Феодором и иноком Волоколамского монастыря Паисием. В 1506 г. преподобный Иосиф построил еще одну каменную церковь - в честь Богоявления, с одностолпной трапезной. В 10-е годы XVI века была построена трехъярусная восьмигранная колокольня, во втором ярусе которой находилась церковь в честь иконы Божией Матери «Одигитрия».

Преподобный Иосиф был искусным каллиграфом и писателем - богословом. Им был составлен «Просветитель» - первый свод русского православного богословия. Эта книга была широко известна

в Древней Руси. Он организовал в своем монастыре скринторий и библиотеку. В XVI веке в библиотеке насчитывалось около 1150 рукописей. В XVI-XVII вв. монастырь преподобного Иосифа стал одним из наиболее значительных культурных центров Московского государства. В XVI веке отсюда вышли 17 архипастырей; монах Иосифова монастыря Кассиан Босой был крестным отцом Иоанна Грозного, который сам неоднократно посещал обитель и делал крупные вклады «в память по старце Касьяне».

В конце XVII века монастырь был полностью перестроен, и с тех пор его архитектурный ансамбль остается неизменным. Работами по реконструкции руководил зодчий Трофим Игнатьев. С 1677 по 1688 гг. он построил новые стены с 7-ю башнями: Часовой, Никольской, Воскресенской, Петровской, Старицкой, Германовой и Кузнечной; в 1679 г. - надвратную церковь в честь Первоверховных Апостолов Петра и Павла, а в 1682 г. перестроил Богоявленскую церковь. В 1688- 1692 гг. другой русский зодчий Кондратий Мырнин воздвиг новый Успенский собор. Собор украшен полихромными изразцами «павлинье око». В начале XX века интерьер Успенского собора был реконструирован. Его стены были расписаны палехскими иконописцами по эскизам архитектора Кузнецова. Иконы для собора писали братья Фома и Василий Потаповы и Григорий Антонов. В 1922 г. монастырь был закрыт, а в 1989 г. он был возвращен Русской Православной Церкви. В 2001 г. мощи преподобного Иосифа были обретены и находятся в главном соборе монастыря. В настоящее время монастырь имеет статус ставропигиального.

СВЯТЫХ

о преподобном отце нашем

Пахомии Кенском ^{1, 8}

*Память его празднуется месяца января
в 1-ю субботу по Богоявлении*

† ок. 1515

Преподобный Пахомий был основателем Спасо-Преображенского Кенского монастыря, или Кенской Пахонимиевой пустыни, в Каргопольском (ныне Пудожском) уезде, который возник не позднее начала XVI в., а может быть, и в конце предшествующего столетия. В 1508 г. в Кенской обители принял иноческое пострижение преподобный Антоний Сийский и подвизался первоначально под руководством преподобного Пахомия. Антоний пробыл здесь, вероятно, значительное время, потому что был удостоен священного сана. А потом, по благословению своего наставника, он оставил Кенскую обитель и отправился в пустынное уединение с двумя другими учениками преподобного Пахомия. Скончался преподобный Пахомий около 1515 г. Его память празднуется местно.¹

Мощи блаженного Пахомия почивают под спудом в церкви основанной им обители, в 1764 г. упраздненной. По «Иконописному Подлиннику» под 14 мая: «Преподобный отец наш Пахомий, начальник Кенскаго монастыря, иже в Помории новии чудотворец, подобием рус, брада аки Василия Кесарийскаго, ризы монашеския». Преподобный Пахомий, игумен Кенского монастыря, преставился в лето 7000 (1492 г.).⁸

Тропарь и Кондак общия. См. стр. 766

Сказание
о преподобном отце нашем
Иннокентии Комельском,
Вологодском
(в миру князе Охлябинине) ¹

Память его празднуется месяца марта в 19-й день

† 1521

ей преподобный отец наш Иннокентий родился в царствующем граде Москве и происходил от рода московских князей Охлябининых, который был в свойстве с князьями Хворостиниными. Он был верным, преданным учеником преподобного Нила Сорского.

Еще раньше основания Сорской пустыни, святой Иннокентий путешествовал по Востоку, вместе с преподобным Нилом был в Палестине, в Константинополе, на Афоне и вместе с ним возвратился на Русь. Есть предположение, что святой Иннокентий принял иночество в Белозерской обители святого Кирилла.

Затем святой Иннокентий удалился в скит к преподобному отцу Нилу, на речку Сору. «Дико, пустынно и мрачно то место, где Нилом был основан скит, - писал известный исследователь Русской старины С. П. Шевырев. - Почва ровная, но болотистая, кругом лес, более хвойный, чем лиственный. Речка Сорка, давшая прозвище и угоднику Божию, не вьется, а тянется по этому месту и похожа более на стоячее болото, нежели на текучую воду. Среди различных угодий, которыми изобильна счастливая природа стран Белозерских, трудно отыскать место более грустное и уединенное, чем эта пустыня... Вид этого места с первого раза дает понять о том, чего искал здесь святой, и совершенно соответствует характеру его духовных созерцаний».

Вместе со святым Нилом преподобный Иннокентий пожил лета богоугодные в посте и во бдении и в страхе Божиим.

Подробных сведений о совместном пребывании святого Иннокентия с преподобным Нилом в Сорской пустыни не сохранилось. Известно только, что преподобный Нил, предвидя скорое свое к Богу отхождение, послал ученика своего, святого Иннокентия, в Вологодский уезд на Нурму реку и предсказал ему: «Бог тебя прославит там, и обитель у тебя будет общежительная. Моя же пустыня после смерти моей останется такою же, как при моей жизни, и братия по одному будут жить в келиях своих».

По преставлении преподобного старца Нила, пришел ученик его святой Иннокентий в Вологодские пределы на речку Еду, в селение так называемой Комельской волости, поселился здесь и положил основание обители. Это место было почти недоступно - непроходимые леса и дебри. Святой Иннокентий, погружаясь в глубину Комельского леса, избирает место для своей обители на реке Еде, или Елде, впадающей в реку Пежу, в 10-ти верстах от реки Нурмы. От Вологды обитель находилась к юго-востоку в 55-ти верстах, а от Грязовца - в 12-ти.

По Божию произволению, собралось у святого Иннокентия множество братии, и был он им наставником, учителем и вождем ко спасению. Так прожил он много лет.

И оставил он в обители перед своею кончиною завещание и предание свое братии, где сказано: «Написал я, убогий инок Иннокентий, такой завет. Если кому повелит Бог жить в пустыни нашей, то прежде всего о сем молю вас, Господа ради: поминайте меня, грешного, во святых молитвах своих. Я же вам, отцам и братьям нашим, до земли челом бью и завещаю вам, чтобы между вами не было ссор и споров, а были любовь о Христе и мир духовный. А юных и безбородых иноков не принимать и не постригать здесь таковых, и мирских людей, юных и безбородых, на службе не держать. Женщинам же в нашу пустынь совсем входа нет, и бессловесных животных женского рода в нашей пустыни не держать. И пьянственного питья совсем не следует нам иметь.

А о том, как пребывать в пустыни нашей, и о молитве, и о пении, и как питаться, и когда подобает исходить из пустыни потребы ради в благословенное время, и о рукоделии, и о прочем – обо всем этом установлено в написании господина нашего и учителя моего, преподобного и святого старца Нила».

И еще завещал преподобный Иннокентий при жизни, пребывая с братиею в своей пустыни: «Если братия наша иноки, пребывающие в пустыни нашей, станут жить богоугодно и хранить заповеди Божии, и задумают церковь воздвигнуть, то это – на Божиим благоволении и на их изволении, и, если благоволит Бог, пусть будет церковь во имя святого и великого Иоанна Предтечи, Крестителя Господня, в воспоминание третьего Обретения Честные его Илавы, празднуемого мая в 25 день. Ибо сей великий Иоанн – наставник всем инокам и пустынножителям.

Если какой-либо инок из братии нашей пустыни не захочет проводить свою жизнь по Божиим заповедям, по написанию господина нашего и учителя, старца Нила, и по сему нашему писанию, но пожелает жить самочинно и самовольно, такового брата настоятель и братия пусть накажут. Если же он после наказания не исправится, то пусть настоятель с братиею удалят его из пустыни, как мякину от жита, без всякой боязни, по сему нашему завещанию. Если же тот брат раскается и пожелает проводить свою жизнь по Божиим заповедям, по преданию святых отцов, по писанию господина и учителя моего, старца Нила, и по сему нашему завету, то пусть настоятель и братия примут его в пустынь сию.

Это я, инок Иннокентий, написал, чтобы так исполняли после моей смерти».

При некоторых списках Предания святого Нила Сорского ученикам своим о жителстве скитском, сохранилось «Надсловие на книгу блаженного Нила Сорского», сочиненное, по преданию, учеником его Иннокентием. В этом «Надсловии» сначала говорится об освобождении от страстей и очищении сердца от помыслов злых. Средством к сему, главным образом, должно являться не одно внешнее моление, а моление и хранение внутреннее. Затем говорится о трех чинах монашеского жителства (общежительном, скитском и отшельническом),

о совместном пребывании двух или трех братий, которое именуется «царским путем», или «средним», и о уединенном для единого инока пребывании. «Надсловие» предпочитает царский путь, среднее иноческое жительство, скитское, особенно для иноков, начинающих свой подвиг, на полное же уединение советует решаться только совершенному и очищенному от всякой страсти иноку.

При сем «Надсловии» в рукописях встречается еще «Пристегжение», гласящее преимущественно об истинном значении поста: воздержание от яств не есть главное и не должно считаться подвигом. И здесь предлагается «царский, средний путь», вкушать надо в меру и по силам каждого для поддержания тела, с верою к Богу. И не гордиться подвигами своего жительства.

Пожив много лет, управляя свое житие по Бозе, преподобный Иннокентий представился ко Господу в вечный покой месяца марта в 19 день, на память святых мучеников Хрисанфа и Дарии.

Братия же, взяв честное и многострадальное тело возлюбленного своего отца, учителя и наставника ко спасению Иннокентия, с псалмами и пениями надгробными похоронили его честно, по его завещанию, в коем он сам повелел погребсти свое тело в углу монастыря, близ ржавого болота; и на могилу его положили камень, на котором написали год, месяц и день преставления святого. Также и образ подобия его написали братия, каков был по виду преподобный отец Иннокентий.

Много завещаний написал преподобный Иннокентий рукою своею, послуживших ко спасению инокам; и о преподобном Иннокентии было написано немало. Но по грехам нашим в лето 1588 случилось нашествие казанских татар на Русскую землю, на пределы Вологодские, и тогда пустынь преподобного отца Иннокентия враги разорили, сожгли церковь Иоанна Предтечи, все строения предали огню и перебили много иноков. Спаслись только некоторые из них и бежали в обитель преподобного Павла, находившуюся в том же Комельском лесу, на реке Нурме. (Преподобный Павел Комельский или Обнорский скончался в 1492 г., память его празднуется 10 января.) Во время пожара монастыря сгорело и написанное о преподобном Иннокентии.

Было и другое писание о нем, но некоторые из братии, удалившись из пустыни, куда хотели, писание это унесли с собою в иные монастыри. Так в обители преподобного Иннокентия и не осталось известий о ее создателе.

По рукописному житию, преподобный отец наш Иннокентий изображается во всем подобен, и лицом и бородою, изображению святого Варлаама Хутынского чудотворца, в ризах преподобнических. По святцам, принадлежавшим графу Строганову и писанным в начале XVII века, преподобный Иннокентий изображается средним в росте, брада у него пошире, чем у святого Власия, не раздвоенная, с легкою сединою, ризы - преподобнические.

Мощи преподобного Иннокентия почивают под спудом в каменном Благовещенском храме обители его.

Иннокентиев Спасо-Преображенский мужской монастырь Вологодской епархии, Грязовецкого уезда, был упразднен в 1764 г. Настоятельство в нем было игуменское. По переписи 1662 г. за монастырем числилось 130 дворов. Крестьян было за монастырем 428 душ. По упразднении церковь монастырская была обращена в приходскую окружающих селений, и к ней был определен священник с причтом.

Тропарь, глас 4

Ѧ т юности сосѹд извѣранен был еси и в
житиѣ Бѹгѹ послѹжил еси, иноков
наставниче Иннокентіе, потщѣлся еси
хѹждшее покорити лѹчшему, тѣм же и страсти
ѹмертвив, возвысился еси к зрѣнію красоты
несозданныя, в Бѹзе Ѣмѹ же предстоѣиши, моли,
отче, Христа Бѹга спастися дѹшам нашим.

Ино́й Тропа́рь, гла́с 4

т юности своея весь Бо́гови пораво́тился
еси́, блаже́нне; то́го ра́ди любве́ оте́чество
и ро́д оста́вил еси́ и, в пу́стыню все́лився,
в не́й жесто́ко жити́е показа́л еси́, и чу́дес
дарова́ния от Го́спода прия́л еси́, преподо́бне
Иннокенти́е, моли́ Христа́ Бо́га,
спасти́ся ду́шам на́шим.

Конда́к, гла́с 4

те́чества, преподо́бне, уда́лился и все́лився
в пу́стыню, та́мо жесто́ко жити́е показа́л
еси́, и мно́гих люде́й жити́ем своимъ уди́вил
еси́; помина́й нас чту́щих на́мьять твою́, да зове́м
ти́: ра́дуйся, преподо́бне Иннокенти́е,
оте́че на́ш.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего

Филиппа Ирапского, Череповецкого⁴

Память его празднуется месяца ноября в 14-й день

† 1527

В пределах Вологодских, при державе великого князя Василия Иоанновича, пришел однажды отрок, по имени Феофил, к обители Комельской преподобного Корнилия и начать жить поблизости ее у боголюбивых людей, питаясь именем Христовым. Он имел обычай всякой день приходить в церковь на Божию службу и со многим смирением молил-

ся Господу, и дома утром и вечером упражнялся в молитве, вставая иногда и ночью для молитвенного бдения. Жители монастырской волости, между коими обитал отрок, изумлялись такому строгому воздержанию, смирению и трудам в столь юном возрасте, ибо они никогда не видели его играющим со своими сверстниками, ни даже позволяющим себе какие-либо детские шутки. Сказали о том преподобному Корнилию, и он велел привести к себе отрока; увидел и возрадовался духом

и с тихою радостью спросил, откуда он и кто его родители. Блаженный не мог сквозь слезы ничего отвечать преподобному и, преклонившись до земли, с трудом наконец проговорил: «Прости меня, Господа ради, честный отче, имя мне Феофил, а родителей моих не помню, оставшись малолетним и сирым после них. Слышал же, что были они благочестивые христиане, и, в мире живши, преставились. Сиротою скитаюсь я, питаемый Бога ради. Не знаю сам, как дошел до сего места и здесь живу у господина моего. Помилуй меня, Господа ради, честный отче, не оставь погибнуть во грехах многих, но повели, сколько могу, потрудиться у твоей святыни на этом святом месте». Преподобный, как чадолюбивый отец, видя его смирение и кротость, прозорливо о нем сказал: «Вижу, братия, что в нем готовится сосуд, избранный Господу моему» - и велел принять его в монастырь под надзор инока, блюстителя ризницы. Двенадцать лет было тогда отроку Феофилу, и с ревностью поступил он на сие послушание.

Братия возвестили преподобному Корнилию труды и смирение юного подвижника, и святой старец, призвав его к себе, ободрил ласковым словом: «Внемли мне, о Господе, драгой мне по сердцу Феофил, и от руки Божией прими венце доброты, благое иго иноческого жития». Как земля, жаждущая утренней росы, отрок радостно воскликнул: «Ей, отче, буди мне по глаголу твоему!» И с умилением внимал поучениям святого старца о совершенном отречении от мира для неуклонного последования за Христом. Все духовные советы, утолявшие его душевную жажду, слагал он в сосуд своего сердца и молил Господа направить его на путь истины и исполнить своей любви, которая, как золотой сосуд, никогда не может разбиться. Сам преподобный Корнилий возложил на него ангельский образ и нарек имя Филиппа пятнадцатилетнему отроку, который даже не мог еще назваться юношею, но уже был старцем по духу. Корнилий поручил его опытному иноку Флавиану, искусному в божественном писании, и тот научил его чтению, и пению, и всему, что было полезно душе его.

Заботливый игумен велел упражняться ему во всех монастырских службах, чтобы приучался ко всякой работе. И юный Филипп со смирением трудился то в хлебне, то в пекарне, носья воду и дрова, днем служа братии, а ночью стоял на молитве и предварял других к церковной службе. Так трудился он многие годы. Вся братия, ради чрезвычайного его подвига, начали просить своего игумена, чтобы Филипп был поставлен пресвитером, и общее желание исполнилось: смиренный служитель человеков сделался служителем Божиим у священных алтарей, и братия начала прославлять его. Оскорбился блаженный, говоря сам себе: «Горе тебе, Филипп, ты уже принял похвалу от лица человеков, какое же возмездие получишь в день судный от Господа своего!» Он пожелал безмолвия пустыни, и старец Корнилий одобрил его помысел.

Пятнадцать лет протекло с тех пор, как он подвизался в обители Корнилиевой; он начал прилежно просить Матерь Божию, чтобы извела его в пустыню от надлежащей скорби. Однажды ночью, во время пения канона Одигитрии, услышал он таинственный голос: «Иди отселе, возлюбленный раб мой, на уготованное тебе место, где можешь спастися». Преподобный Филипп посмотрел в окно своей келии и увидел в южной стороне яркий свет как бы утренней зари. Ужаснулся крепкий молитвенник и, положившись во всем на волю Божию, еще более утвердился в своем помысле, избирая только удобное время для оставления обители.

В другой раз услышал он тот же небесный голос, уже молясь в храме во глубине ночи, и немедленно оставил обитель, ничего не взяв с собою, кроме той рясы, в которой был. Мимо Вологды прошел он, сперва в монастырь Спасокаменный, что на Кубенском озере, и там несколько отдохнул у инока по имени Герман. Потом обходил многие веси и пустыни, ища себе места упокоения, где бы мог безмолвствовать наедине. Так достиг он пределов Белозерских. Там, на берегу реки Андоги, в волости сего имени, нашел уединенный бор и возлюбил место будущего своего упокоения. Когда под развесистою сосною опочил он от трудов, в сонном видении явился ему Ангел и сказал: «Здесь приготовил тебе

место Господь». Проснувшись от таинственного сна, блаженный Филипп помолился Пресвятой Троице и пошел к обладателю той волости, князю Андрею Шелешпанскому, просить у него места около уединенной сосны. Благодетельный князь сам последовал за отшельником и посохом своим очертил ему участок от реки Андоги к малому ручью Ирапу. Преподобный ископал ров по черте и устроил себе на крутом берегу малый вертеп, где начал житьствовать, молясь непрестанно Святой Троице.

Князь Андрей, возвратясь в село свое, рассказал брату своему князю Иоанну и поселянам, какой святой муж сана пресвитерского у них селится, и от радости сделал пир для священников и крестьян. Все радовались вместе со своим князем, воздавая хвалу Богу. Один только брат его, князь Иоанн, подвигся гневом на отшельника Филиппа и сказал единокровному: «Ты пустил его, а у меня он не спрашивался. Еду изгнать его и не позволю ему тут жить». Напрасно благодетельный Андрей удерживал брата, чтобы не делал зла святому мужу, и в том же убеждали его священники и народ. Еще более раздражился князь, немедленно сел на коня и погнал его в пустыню. У Малого Ирапа внезапно стал его конь и не пошел за ручей. Князь ударил его бичом, конь, разъярившись на всадника, закусил удила и понес его обратно в село к церкви Святителя Николая. Там поразил его о камень и на месте умер князь, а конь, пробежав еще две версты, запутался в чаще леса между деревьев и удавился. С плачем погреб князь Андрей тело непослушного брата и поехал в пустыню возвестить о том преподобному. Прослезился Филипп. Князь Андрей предложил ему денег для поминовения брата, но их не принял отшельник. «Если хочешь оказать мне свою милость, - сказал он князю, - то пожалуй мне участок земли попространнее, на помин твоего брата». Умилился князь и дал ему всю землю между ручьями Большим и Малым Ирапом, укрепив ее за ним грамотою, и строго запретил поселянам в чем-либо оскорблять человека Божия, ибо имел к нему великую веру и любовь и подавал ему все нужное.

С тех пор начал спокойно жить в своей пустыне преподобный и поставил сперва молитвенный дом или часовню во имя Живоначальной Троицы, где днем и ночью приносил пение и молитвы Богу. Потом, вышедши из вертепа, поставил себе келью, и к нему начали приходить от многих стран благочестивые люди ради молитв и благословения. Блаженный, поучая их о пользе душевной, совещался с ними, как бы устроить церковь во имя Живоначальной Троицы. По сердцу был совет сей благочестивым людям. Они начали с большим усердием готовить лес для построения церкви и, молитвами преподобного, скоро она соорудилась. Князь снабдил её нужною утварью и священными книгами. Тогда преподобный испросил у местного епископа разрешения освятить новый храм, и таким образом устроилось в нем ежедневное богослужение. Пустыня сия нареклась Красноторскою и Филиппо-Ирапскою, от соединенного имени отшельника и урочища. Повсюду пронеслась молва о жительстве преподобного в сей пустыне, и многие христолюбцы начали туда стекаться для молитвы и поучений, принося с собою все нужное для храма Божия. Там усердно молился святой отшельник и приносил бескровную жертву в Троице славимому Богу, призывая Матерь Божию и всех Святых на помощь благоверным Государям и христолюбивому воинству против супостатов, и о чадах своих духовных, и о всем мире денно и нощно воссылал молитвы. При непрестанном подвиге не оскудевали кротость его и смирение. Никто не видал его в мирских домах, ищущим себе упокоения, но с Ангелами ликовал он в пустыне и пищею его был сухой хлеб и вода от потока.

Многие искушения посещали его в безлюдной пустыне. Однажды ночью услышал он глас трубный и страшный шум, как бы от многих полчищ. Смутился преподобный, помышляя сам в себе: «Откуда могут быть сии звуки, когда нет здесь брани (битвы)?» И близко от себя услышал голос: «Есть здесь брань тебя ради. Если не хочешь иметь ее, иди и спи, и мы не будем устрашать тебя». Но святой оградил себя крестным знамением, псаломски воззвав: *«Да воскреснет Бог,*

и расточатся враги его!» (Пс. 9.67. 1), и вмиг исчезла вся сила вражия. Такое искушение еще более подвигло на пост и молитву жителя пустыни, и уже не возобновлялись страшные видения. Но злые люди, научаемые врагом, начали делать ему различные козни, чтобы удалить от уединенного места, указанного ему самим Богом. Против них укрепился он благодатию Духа Святаго, взывая к ним: *«Отступите от меня все творящие беззакония»* (Пс. 1.6.8). Помолившись об их прегрешениях, чтобы Господь не вменил им злобу их, одинокий утвердился в пустыне, предстоя во храме Святой Троицы, и люди, видевшие его кротость, оставили его на месте подвига. Когда же однажды от новых мечтаний демонских пришла ему мысль оттуда удалиться, укрепил его таинственный глас, что ничто не может противиться силе крестной и что такие мечтания доступны тогда только, когда перестает бодрствовать ум и помышлять о царстве небесном и бесконечных муках.

Отшельник сподобился в своей пустыне созерцаний божественных. Пришел однажды поселянин, по имени Мелетий, имевший к преподобному большую веру, и после долгой духовной беседы остался у него провести ночь. Глубокой ночью спал Мелетий, преподобный же бодрствовал, исполняя обычное правило. В полночь проснулся пришелец и позвал к себе старца, но не обрел в келье. Он увидел его из окна стоящим у церкви, лицом к востоку, с воздетыми к небу руками, и руки его светились огнем, как свечи горящие. Многим людям поведал поселянин чудное свое видение, и тем умножилась любовь народная к преподобному.

Пятнадцать лет провел таким образом в пустыне святой Филипп и до такой степени изнурил себя постом, что уже почти не мог ни вкушать хлеба, ни выходить в церковь, скорбя телом, но болезнуя только о душе своей и не изменяя своего правила в ожидании блаженного упокоения. Пришел тогда в пустыню к блаженному инок просить у него благословения и на вопрос, кто он и отколе, назвался Германом из Спасокаменного монастыря. Это, вероятно, был тот самый, у которого за многие годы пред тем отдыхал преподобный на пути в Белозерск. Герман просил дозволения

остаться с ним в пустыне, и сперва не соглашался отшельник, представляя всю трудность такого подвига, но убежденный мольбами инока, который полагал в терпении начало спасения, наконец согласился вместе с ним пребывать и приносить молитвы Богу. Герман, как послушный сын, во всем повинаясь своему отцу, между духовных бесед расспрашивал преподобного о его рождении и начале иночества и как вселился в сию пустыню. По мере того как рассказывал ему о себе отшельник, тайно записывал чудные его деяния, дабы не было предано забвению житие столь святого мужа.

Не много времени спустя, сказал ученику своему блаженный учитель: «Отче Герман, прошу твою любовь, когда увидишь меня мертвым, не оставь тела моего валяться на земле, но погреби его на месте моего покоя, ибо ты видишь, что я уже дряхл и изнемогаю. Сегодня я с тобою, а завтра увидишь меня умершим. Не напрасно послал тебя Бог посетить меня в уединении». Потом, причастившись Святых Таин, начал молиться Господу и Пречистой Его Матери, чтобы заступила душу его в час смертный, и вспомянул в молитвах своих все православное Христианство, чтобы всем даровано было прощение грехов, здравие и спасение.

Окончив молитву, со слезами сказал он ученику своему: «Брат Герман, настал для меня час смертный и время отшествия души моей к Господу. Ты же предай тело мое грешное земле, как я тебе заповедал». Уже был глубокий вечер, преподобный, изнемогая телом, лежал на одре, шепотом произнося молитвы. Герман совершал обычное правило и едва окончил, как услышал голос: «Встань и смотри!». Воспрянул инок и оградил себя крестным знамением, чтобы не впасть в искушение. Чудное благоухание пролилось по келии. Герман нашел старца своего уже усопшим, с лицом светлым и ярко сияющим, как бы Ангела Божия. Жалость проникла в сердце ученика об утрате любимого учителя, и горько над ним он плакал, вспоминая все благодатное его учение и любовь. Не облеченный в сан священства, недоумевал он, как погребсти его. На рассвете вышел он из келии, чтобы помолиться в церкви Живоначальной Троицы. Осмотревшись,

он увидел старца, идущего также из селения к церкви, и обрадовался лицу человеческому в пустыне. «Скажи мне, Господа ради, как твое имя и откуда идешь?» - спросил его Герман, и тот отвечал: «Имя мне Иов, я из обители Александровой, что на Свири, и сана священнического». Еще более обрадовался Герман и, приняв от него благословение, так говорил: «Отче святой, сотвори любовь. В ночь сию, Божиим изволением, преставился отец мой Филипп. Молю твою святую погребти тело преподобного». Вместе вошли они в келию и подивились светлости лица усопшего, прославленного Богом. В то же время собрались из веси (селения) благочестивые люди, как бы по внушению Божию, для погребения святого старца. Они устроили гроб и перенесли честное тело Филиппа в церковь Пресвятыя Троицы, где совершилось отпевание. Его погребли на берегу реки там, где сам указал для себя место, и, возвратясь в келью, оба инока по-пустынному вкусили хлеба, поминая блаженного отца Филиппа. Священноинок Иов расспрашивал Германа о житии преподобного, и Герман поведал ему то, что слышал из уст самого старца. Иов благодарил Господа, сподобившего его погребсти столь святого мужа. Слышав ранее о пустынном его житии, он пожелал видетсья с ним, и это привело его в пустыню Филиппову. Пробыв несколько дней вместе с Германом, Иов удалился в Свирскую свою обитель. Герман же оставался еще на сорок дней в уединенной келии, чтобы читать псалтырь по усопшем отце своем, и потом возвратился в монастырь Спасокаменный, что на Кубенском озере.

Память блаженного Филиппа осталась неизгладимою в сердцах смиренных поселян, воспоминавших благие его подвиги и спасительные поучения. Сорока пяти лет от рождения преставился преподобный, 14-го ноября 1527 г., на память ангела своего Апостола Филиппа.

Вскоре после его кончины, устроилась обитель иноческая на месте его подвига, и там, в соборной церкви Пресвятой Троицы, доселе почивают под спудом честные его мощи, от которых не престают истекать исцеления.

Первое описание жития его и чудес, составленное Германом, сгорело во время нашествия литовского. Второе же было написано, по свежей еще памяти уцелевших преданий, повелением благочестивого царя Алексея Михайловича. Над ракою написан священный лик преподобного по его явлению старцу Феодосию в той же пустыне. Долгое время болел ногою инок сей и не мог выходить из келии, ибо тяжкая была его болезнь. Он начал молить об исцелении Пресвятую Троицу, призывая на помощь и блаженного отца Филиппа. В самый день Покрова Богородицы явился ему во сне преподобный и велел написать свою икону, чтобы положить ее на раке; обещая ему благодать Божию, он осенил болящего крестным знамением и скрылся от взоров. Воспрянув от сна, старец Феодосий перекрестился и, не чувствуя никакой болезни, ступил на ногу и сам пришел в церковь, к общему изумлению. Исполняя завет преподобного, он велел иконописцу написать его икону с древнего образа, присланного из Москвы от княгини Кривоборской.

Тот же старец Феодосий, страдавший в другое время внутреннею болезнью, от которой не мог исцелиться помощью врачей, в тонком сне на праздник первоверховных Апостолов увидел преподобного, который причастил его Святых Христовых Таин и обещал здравие, повелевая продолжать трудиться в пустыни. Он имел и еще одно утешительное явление преподобного отца своего Филиппа, который повелел ему, ради совершенного исцеления, соорудить храм во имя Пресвятой Богородицы, на праздник честной ее иконы Казанской. С радостью исполнил Феодосий завет святого старца. Несколько других исцелений записаны в обители, которые все свидетельствовали о святости угодника Божия Филиппа, прославленного от Господа.

ТРОПАРЬ, ГЛАВ 4

ко ке́др, в пу́стыни дави́дски расту́щ, и я́ко
фи́никс, благоу́ханен цвету́щ, ревни́тель
учи́телю тво́емꙋ был еси́, преподо́бномꙋ отцу́

Корнилію, стопа́м во єго послѣдовал єси и, свято́е
и́го взѣм, свѣтлым житі́ем просіял єси, ꙗко
солнце, ꙗвля́ся мірови многими чюдеса́, ѿтче
Филиппе. И ны́не на Небесе́х предсто́иши
Престо́лу Пресвяты́я Трои́цы и ꙗко велико́е
и́мєя дерзнове́нне, преподо́бнии свои́ рѹце возде́в,
моли́ от враг сохрани́тися гра́дом на́шим и
спасти́ся ду́шам на́шим.

Тропа́рь, гла́с 8

Роспо́ем ны́не предѣвна́го в чюдесе́х
воссия́вшаго во о́бласти Бѣло́зера,
просия́вшаго, ꙗко солнце. О неисто́щимый
источни́че чюдес, святче́ Божий Филиппе,
всегда́ Святе́й Трои́це предсто́я и моле́нием
предваря́я за страну́ на́шу и о все́м міре, не
забѹди и нас, твои́х раб, призыва́ющих тя
моле́бным пѣ́нием, честну́ю па́мѣть твою́
творя́щих, помолі́ся о нас ко Го́споду во святы́х
твои́х моли́твах, да спасе́тъ ду́ши на́ша.

Моли́тва

Препо́добне и Богоблаже́нне ѿтче́ наш
Филиппе, при́ми ны́не нас моля́щихся и
припада́ющих тебѣ́ здѣ, иде́же свято́е и
многотру́дное по́контся тѣло́ твоѣ, ду́хом же́ на
Небеси́ предсто́иши Святе́й Трои́це, моли́ся о нас
ча́дех твои́х ѿтче́, да изба́вимся вся́ких скорбе́й
и боле́зней ду́шевных и тѣлесных и благоче́стне
поживе́м в насто́ящем житі́и, и в бу́дущем веще́
сподо́би нас со все́ми святы́ми покланя́тися в
Трои́це сла́вимо́мυ Бо́гυ, О́тцυ и Сы́нυ
и Свято́мυ Ду́ху, и ны́не и прісно
и во ве́ки веко́в. Ами́нь.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Пресс-служба Вологодского епархиального управления.
Мироточит икона в часовне Филиппа Ирапского // Новгородские епархиальные ведомости. 2001. № 12.

Замироточил большой образ преподобного Филиппа в житии, установленный у раки с мощами святого. Год назад мощи преподобного Филиппа Ирапского - подвижника XVI в., обрели на месте его погребения и перенесли в восстановленную часовню преподобного в центре Череповца. Произошло это в день памяти преподобного Филиппа Ирапского. Часовня, расписанная преподавателями и студентами иконописной школы при Московской духовной академии, открыта ежедневно, здесь всегда много народу. Впервые капельки мира на одном из клеем появились 15 ноября - об этом рассказал протоиерей Александр Куликов, настоятель Воскресенского собора, к которому приписана часовня. С тех пор образ мироточит постоянно. Мира исходит от иконы то больше, то меньше, но ежедневно похожие на росу капельки появляются в правом нижнем углу иконы. Чудесное явление засвидетельствовано многими. Мироточат иконы и в Воскресенском Горицком монастыре. В здешнем храме вначале обновились две иконы - стали ярче краски, высветлились изображения. А потом на одной из них - на образе Святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца - стали появляться капельки мира.

Варакин Е., Пятницкая Т.
Филиппо-Ирапская Свято-Троицкая пустынь // София³⁰. Новгород. 1998. № 3. С. 35-39.

Ансамбль Филиппо-Ирапской пустыни представляет собой комплексный памятник XVI-нач. XX вв. Он имеет церковно-археологическое, архитектурное, градостроительное и ландшафтное значение. Этот ансамбль - значительное явление в православном искусстве. В XVI-XIX веках это был один из центров православной культуры, книжного дела, сельского хозяйства, ремесел.

Местность «Красный Бор» в XVI веке входила в состав Белозерского уезда Надпорожского стана Андогской волости. С соседними монастырями и городами местность связана, в основном, по рекам. Определенное время обитель подчинялась Вологодским архиереям. В конце XVIII-XIX веках пустынь находилась в Прягевской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии.

В ревизии 1902 г. отмечено, что к Устюжскому уезду присоединили часть Череповецкого уезда по реке Суде.

В 1611-1618 гг. монастырь был сожжен литовцами. В это время мощи святого находились под Троицкой церковью (под спудом), о чем говорит и местное предание. После смутного времени пустынь была отстроена опять в дереве. В 1678 г. деревянная Троицкая церковь сгорела от молнии, а в следующем году выстроена заново, тоже деревянной. В 1688 г. обитель была приписана к Патриаршему Воскресенскому монастырю в г. Череповце, и похоже, что изменений в деревянном ансамбле еще не было. Обитель была известна в XVII веке далеко за пределами края. Об этом говорят грамоты – царская, патриаршая, владычная. Например: «От царя и великого князя Феодора Алексеевича всея...России Самодержца ... в Наднорожский стан в Андожскую волость в вотчину Живоначалной Троицы Филипповы пустыни Иранского чудотворца, что на реке Андоге в Красном Бору меж ручьями Иранами Большим и Малым всем крестьяном, которые в той пустыни впредь учнут жить...» (С. Шумаков. Обзор «Грамот коллегии экономии», вып.2. Тексты Белозерских актов 1395-1758гг. М., 1900. № X(1003/302) Послужная грамота от 1 июня 1680г.)

Московская княгиня Кривоборская и князь С.Щербатов в 1668 году присылали в обитель дары. Примечательно, что в Москве в 1660-годах хранилась «Икона преп. Филиппа Иранского древнего письма», т.е. XVI века.

Во втором этапе формирования ансамбля пустыни на смену легко сгораемым деревянным сооружениям начали возводить каменные.

Экономическое положение обители, ее статус, подчиненность и влияние сильно менялись на протяжении всего XVIII века. Пустынь в ряду других была приписной к Череповецкому монастырю в 1703 г. приписана к Олонецким верфям (по указу Меншикова А. Д.) Почти все небольшие монастыри-пустыни от такой подчиненности и налогов пришли в упадок и разорение. Затем с 1764 г. по 1792 г. пустынь была упразднена. Здания старели и ветшали. Краткая опись этого времени приведена в документе 1792 г., когда по указанию владыки Гавриила насельники Ворониной пустыни переведены в Филиппо-Ирапскую. Упраздненная ранее пустынь получила новых насельников. Настоятель Николай с братиею разместился в монастыре, состоящем из двух каменных храмов, отдельно стоящей деревянной колокольни, ветхой ограды с 12-ю лавками для ярмарочной торговли по праздникам.

Через три года после возобновления обители, в 1795 г., новый настоятель Серафим начал большие строительные работы, и вся обитель за несколько десятилетий обновилась. Замена всех ветхих зданий и возведение новых выполнялась по-прежнему в дереве. Были срублены братские кельи, трапеза с кухней, хозяйственные постройки. Деревянными были хлебня, четыре амбара, погреб, гостиные, двор, овин и новая ограда обители, срубленная в 1810 г.

Первое каменное келейное здание – восточное, оно было построено в 1867 г. На другой строительный сезон, в 1868 г., была построена вся южная линия келий – 9 братских келий, казначейская келья, рядом с ней два амбара, братская келья и ярус будущей юго-восточной башни для хранения овощей. Летом 1869 г. была сформирована западная линия и настоятельские кельи.

Бурные события двух революций отразились и в тихой пустыни. О необходимой конфискации земель и монастырских богатств в Новгородской губернской прессе высказывались учителя в мае 1917 г., т.е. еще при Временном правительстве. В сентябре 1918 г. целый ряд обителей под давлением новой власти вынуждены были реорганизоваться, принять статус сельскохозяйственных или трудовых артелей, коммун, советских хозяйств. В Новгородской губернии возникло 11 совхозов на базе монастырей, в Череповецкой губернии – 15.

Одновременно комиссии советской власти в ноябре 1918 г. пробовали закрыть храмы, изъять лесные дачи, подворья, здания, книги, вещи, выселить братию Филиппо-Ирапской пустыни. Жалобы настоятеля рассматривали Епархиальный совет, благочинные, губисполком, губмилиция. Пустынь удалось на время сохранить, но как «образцовое советское хозяйство». Довольно быстро новой властью монастырское хозяйство было разорено.

В апреле 1922 г. по всей стране производились изъятия из храмов изделий из драгоценных металлов и ювелирных камней. Эта участь не миновала и Филиппо-Ирапскую пустынь. В 1927 г. монастырь был закрыт. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. были разобраны иконостасы, разграблено убранство храмов, главы и кресты церквей сломаны, разобран верх Троицкой башни, увезены колокола. Были разобраны на кирпич восточная и юго-восточная башни, северо-восточное прясло стены с воротами на реку, над папертью Троицкого собора надстроен этаж. В корпусах опустевшего монастыря был размещен Андогский психоневрологический интернат (диспансер), ансамбль монастыря и населенный пункт стали называться «поселок Зеленый берег».

В 1946 г. еще сохранялась главная вертикаль монастыря – шатровая колокольня у Казанской церкви. Приспособление этого храма под котельную и устройство водонапорной башни в колокольне было сопряжено с разборкой верхних ярусов и шатра. Со сломом колокольни в 1950-х годах архитектурный ансамбль потерял градостроительную доминанту и силуэт его был почти окончательно сnivelирован.

Новый этап начался с освобождения ансамбля от психоневрологического интерната и передачи его Вологодской епархии, Воскресенскому собору г. Череповца, что, в какой-то степени, является восстановлением исторической справедливости, т.к. пустынь в свое время уже принадлежала Воскресенскому монастырю. В 1995-96 гг. проводились историко-архивные изыскания по монастырскому ансамблю и натурные исследования по собору. В результате исследований стало ясно, что Троицкий собор является ценным памятником истории и архитектуры конца XVII века. Здание в основном сохранило первоначальные строительные конструкции, декор, объемно-планировочную структуру и пространство интерьера. В композиции ансамбля собор продолжает играть первостепенную роль, несмотря на отсутствие завершений.

Совершенно уникальным является местоположение храма в ансамбле: в северной линии зданий монастыря, в комплексе со святыми воротами. Связано это, скорее всего, с тем, что собор поставлен на месте первоначальной деревянной церкви, выстроенной еще преподобным Филиппом, а по географической ситуации монастырь мог развиваться только к югу от собора. Местоположение храма повлияло и на его композицию: собор получил два входа – из монастыря и снаружи, из-за ограды, что учитывалось при пристройке паперти и ризницы.

Не вызывает сомнения необходимость полного восстановления завершений собора и придела на конец XIX века – с пятью деревянными барабанами на основном объеме. Оптимальным является метод фрагментарной реставрации с максимальным сохранением дошедших до нас конструкций, архитектурных форм и декора, с ориентацией архитектурного облика на последний этап 1900-1910-х гг.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего Кирилла Белого, Новоезерского, Новгородского ²

*Память его празднуется месяца февраля в 4-й день
и месяца ноября в 7-й день*

† 1532

В «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15. 14), - сказал Сын Божий. Какое высокое преимущество для человека быть другом Сына Божия! Что же нужно, чтобы получить это преимущество? Надобно исполнять заповеди Сына Божия. После того удивительно только то, что люди так мало дорожат заповедями Сына Божия. Как счастливы, как высоки умом те, которые с юности до гроба, как блаженный Кирилл Новоезерский, творят волю Сына Божия!

Земною родиною блаженного Кирилла, родившегося для неба в 4 день февраля, был город Галич. Родители его были люди богатые и благочестивые, дворяне Белые. Кирилл еще отроком почувствовал непреодолимое желание иноческой жизни и тайно оставил родительский дом, чтобы найти на реке Обноре преподобного Корнилия, о котором много слышал он от родителей. От Галича до келии Корнилия было 80 верст. Отрок прошел 15 верст и не знал, куда идти далее. Но на дороге увидел он старца, украшенного сединами. На вопрос старца, куда идет он, Кирилл отвечал: «К Корнилию. У него, как слышно, учатся спасению, а мне хотелось бы спастись». «Благословен Бог, вразумивший тебя, - отвечал старец, - если хочешь, иди за мною к Корнилию». На другой день в виду было местопребывание Корнилия. Указывая на него, старец сказал: «Иди, чадо, к блаженному Корнилию. Я попрошу его за тебя» - и благословил его. Отрок более не видел старца.

Преподобный Корнилий с любовью принял отрока и тогда же постриг его в иночество. Было тогда Кириллу около 20 лет. Молодой инок с горячею любовью начал совершать подвиги иночества, послушание, пост, молитву. После молитвы общей со всем усилием трудился он то в пекарне, то на другой службе. В свободное от трудов время поучался житию святых, читал священные книги, особенно псалмы Давидовы. Чистая, духовная жизнь его радовала всех, живших с Корнилием. Родители блаженного, без пользы искав сына долгое время, начали уже считать его умершим, как спустя 7 лет Комельский инок сказал им, что в их пустыни ведет высокую жизнь молодой инок, неизвестно откуда пришедший. Отец отправился в пустынь с богатыми пожертвованиями и не узнал в строгом постнике Кирилле сына своего. Сын продолжал молить Господа о спасении родителей. Наконец, отец, узнав сына, объявил преподобному Корнилию, что сам желает иночества, и его постригли с именем Варсонофия. Спустя 8 дней получено было известие, что мать блаженного скончалась инокинею Еленою. По распоряжению Кирилла, оставшееся имение роздано было бедным и слугам дана была свобода. Отец прожил в обители около трех лет в посте и молитве, и сын покоил старость его до гроба.

Спустя год по смерти родителя, Кирилл, стремясь к высшему совершенству, решился вести жизнь отшельническую, в глуши лесов северных. По благословению святого Корнилия, отправился он на север ходить по пустыням. Пищу его составляли теперь то разные травы, то кора сосновая. Чаще ему случалось видеть зверей, чем людей. Так провел он около 7 лет, очищая в уединении душу молитвою и созерцаниями духовными. По временам посещал он, как благоговейный поклонник, святые места Новгорода и Пскова. Но, проходя по жилым местам, не заходил он ни в один дом и не брал ни от кого подаяний, кроме разве куска хлеба. Дух его возвысился в таких подвигах, но телесное здоровье ослабело, и он молил Господа указать ему место постоянного пребывания. Молитва была услышана. Дойдя до Тихвинского монастыря Богоматери, он провел в нем три дня в непрестанной

молитве к Пречистой Владычице. Во сне явилась ему Матерь Божия и сказала: «Угодник Пресвятой Троицы, раб мой, Кирилл, пойди на восточную страну, к Белоозеру, и явит тебе Господь и Сын Мой место упокоения для твоей старости». Кирилл из Тихвина пошел к Белоозеру, с Кобылиной горы увидел он Новое озеро и на нем Красный остров. Ангел во сне известил, что здесь место его. На Кобылиной горе и ныне стоит часовня, а в ней та самая Тихвинская икона Богоматери, с которою пришел сюда преподобный Кирилл. Сюда каждый год бывает крестный ход из обители в благодарное воспоминание о милости Божией, основавшей обитель. Преподобный Кирилл на Красном острове, под высокою елью, устроил себе хижину, это было в 1517 г.

У крестьян дер. Шиднем Дия, Григория и Давыда выпросил он Красный остров для основания обители. Построив другую келию, сборную для ожидаемой братии, соорудил он две малые церкви – Воскресения Христова и Одигитрии. Вероятно, тогда, как испрашивал он благословение архипастыря на освящение храмов своих, посвящен он был в сан священства. Церковная песнь поет: «Зная, что разумение Богодухновенного Писания - средство ко спасению, ты благоговейно изучил все писание, преподобный Кирилл; затем и принял сан священства».

Первым учеником его на острове был Дионисий, потом стали приходить к нему и другие. Немало искушений встречалось для новой обители молитвенников. Но преподобный Кирилл был уже тверд. Рыболовы, приезжавшие на остров, видели в Кирилле своего врага, они делали ему разные оскорбления, домогаясь согнать его с острова. Блаженный переносил оскорбления их терпеливо. Не так принял он людей, живших бесчестным, бесчеловечным ремеслом (в тог-дашнее время таких людей было довольно много). Шайка разбойника, грабившего берега Нового озера, досадовала уже и на то, что поселились на острове люди, которые могут знать о ее делах. Хищники приплыли на челнах к Красному острову. «Сыны беззакония! - грозно сказал преподобный при встрече с ними, - вы забыли, что есть грозный суд правды

Божией, и на пустой остров явились вы для грабежа, и у пустычника думаете найти корысть. Что вы делаете?... Приведенные в ужас, хищники молили простить их. «Вперед не злодействуйте, чтобы не быть в аду», - сказал преподобный и отпустил их. Это чудесное укрощение злодеев утешило и одушевило собравшихся к преподобному молитвенников. В другой раз, теснимые бедностью, воры сняли колокола у бедного храма обители и спешили переправиться на другой берег, но заблудились. «Зачем вы прибыли сюда?», - спросил встретивший их Кирилл. Те пали к ногам святого мужа и просили прощения. «Еще не бывало того, - сказал преподобный, - чтобы кто-либо счастлив был чужим добром. Алчешь чужого - потеряешь свое. Вор не бывает богат, а бывает горбат. И с умом воровать, беды не миновать. Вот - трудовая копейка - до веку живет. Заработанный ломоть лучше краденного каравая. Помните ту народную мудрость». Затем велел он накормить их и отпустить с миром.

Блаженный служил для учеников своих образцом подвижнической жизни: сам копал землю и рубил лес. В жестокие морозы ходил в худой одежде и даже иногда босой. Когда только нужно было для других, сам совершал литургию, никогда не утомляясь.

Однажды похотливая жена вздумала прельстить блаженного на грех. Она явилась в келью, когда чтением молитв готовился он к совершению литургии. На вопрос блаженного: «Зачем пришла?» - лукавая отвечала, что, не зная, где добыть огня, пришла за огнем. Преподобный обличил ее пред всею братиею: «Вздумала, - говорит он, - видеть тело мое мертвое, заживо погребенное». Пораженная страхом, трепетала она всем телом. Преподобный успокоил ее кротким наставлением, но запретил женам являться на острове его. Блаженный Александр Свирский присылал ученика своего Никифора видеть подвижника Божия Кирилла. Было чему учиться у него ученикам его. (См. Сказание о Никифоре Ваетезерском - в Дополнении - *Сост.*)

Благодать Божия до того возросла в духе блаженного подвижника, что открывалась и для людей сторонних в осязаемых опытах. Ученик его Дионисий видел при Литургии

ангела, сослужащего преподобному. «Чадо Дионисий, - сказал Кирилл, - судеб Божиих не испытай и до отшествия моего к Богу не сообщай никому, что тебе открыл Господь, духовной радости Податель».

В обитель Кирилла собралось много иноков, а средства обители были бедны, и ученики Кирилла по временам страдали от недостатков содержания. Преподобный усердно молился за учеников, и помощь подаваема была неожиданно. Раб Божий доставил им и постоянное обеспечение. Князь Иван Васильевич Пенков был тяжко болен. Во сне говорит ему кто-то: «Иди в пустынь Кирилла Белого, за Тихвин, и выздоровеешь». Князь спрашивал потом, что это за пустынь. И узнав, что она на Новом озере, отправился по указанию. Когда увидел он блаженного Кирилла, то узнал в нем являвшегося ему. По просьбе больного князя, Кирилл служил литургию и молебен. От жестокого мороза другие не могли стоять в церкви, а Кирилл служил в разодранной одежде своей и босой. Больной князь совсем выздоровел и, признательный к милости Божией, дал грамоту - выдавать для обители Кирилловой каждый год 40 мер ржи, масло и соль. Церковная песнь поет блаженному Кириллу: «Мглу страстей прогнав молитвами, ты представил Богу сердце твое чистым, потому и вселилась в тебя благодать Святаго Духа, так что видел ты будущее, как близкое к тебе, и просившим у тебя с верою разрешил узы неплодствия». Пред кончиною своею преподобный видел и объявил бедствия, готовившиеся для России. «Будет, - говорил он, - на нашей земле мятеж между людьми и беды великие, прольется сильный гнев Божий, падут от меча многие, и многие разбросаны будут между чужими. Плачьте, братья, пред Господом и Пречистою Материю Его за твердость русского царства». Потом прибавил: «Но царство наше будет умирено и устроено Богом». Причастив Святых Таин, оградив себя крестным знамением, сказал он: «Слава Богу за все», - и предал Господу дух свой 4 февраля 1532 г.

Вслед за кончиною преподобного Кирилла открылись знамения близости его ко Господу. Больной инок Кириак, послушанием которого было ловить рыбу для братии, по болезни

не был при погребении преподобного и сильно скорбел о том. Явился преподобный и сказал: «Что ты так болен, брат Кириак? Вставай, иди ловить рыбу». Осенив больного крестным знамением, престал он быть видимым. Больной, дотоле лежавший без употребления рук и ног, начал двигаться, а принесенный к гробу преподобного, совсем выздоровел. Рассказав изумленной братии бывшее ему видение, пошел он ловить рыбу и наловил столько, как никогда прежде.

В ряду разных исцелений, следовавших затем, особенно поразительно исцеление инок Макария. Он поступил в Новоезерскую обитель из Корельской стороны. Своевольный и сварливый, не хотел он переносить скудость обители и вышел в монастырь г. Белозерска. Здесь посетила его жестокая болезнь, так что не ел, не спал он. Придя в сознание грехов своих, обратился он с молитвою к преподобному Кириллу. Почувствовав затем некоторое облегчение, он, по его просьбе, отведен был в обитель преподобного. Здесь вдруг стал он кричать и упал бездыханным. Испуганная братия положили его на самый гроб преподобного. Он очнулся, встал и вот что говорил о себе: «Демоны без милости мучили меня, но благолепный старец прогнал их жезлом. «Встань, - сказал он мне, - и более не греши».

Царю Иоанну святой Кирилл, являсь во сне, сказал не ходить в приемную палату до 3-х часов дня. И в этот час палата упала, отчего несколько человек лишилось жизни. Спасенный царь, кроме того что утвердил за обителью деревни Шиднем и Кобылино, отдал монастырю всю землю на 3 версты во все стороны монастыря. Это было в 1542 г.

В 1620 г. жена священника Михаила, села Кема, сильно страдала от родов. Преподобный явился ей в иерейском облачении с крестом в руке и сказал: «Иди в монастырь мой и будешь здорова». Она почувствовала облегчение, хотела идти в обитель, но удержана была родными под опасением за нее. Преподобный явился опять в прежнем виде, но еще держал свечу и кадильницу. «Не бойся, Антонина! - сказал он, - пусть священник со свечою и ладаном отслужит молебен, и ты будешь здорова. Мужу твоему иерею Михаилу скажи, чтобы

учил людей добру. Видите гнев Божий: то нападают иноплеменники, то посещает голод или мор. Это за то, что презирают праздники Божии, не постятся в среду и пяток, не чтят воскресного дня и валяются в грязи грехов. Если не покаются, хуже того будет».

Дивная сила молитвы святых Божиих! В деревне Шиднем поныне живут, не вымирая, потомки Дия, Григория и Давыда, уступившие остров преподобному для обители молитв.

Мощи преподобного Кирилла обретенны были нетленными при основании нового храма, строившегося по обету спасенного от бед боярина Морозова. По определению собора, мощи свидетельствованы были Вологодским архиепископом Маркеллом. А в 1652 г. августа 22-го дня перенесены были в раке в новый храм, где и ныне почивают, источая чудеса.

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 8

Божим Духом подвижаемъ, слез твоих
тучами изсохшее напоил еси, и
бездѣльное в пустыни житіе показал еси,
и еже из глубины сердца бодренными молитвами
и постомъ благодѣяния твѣды у плодоносил еси, и
вселенную всю просветил еси сияніемъ чудес
твоихъ, отче нашъ Кириллѣ, моли Христа Бога,
спастися душамъ нашимъ.

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 8 (ОБРЕТЕНІЕ МОЩЕЙ)

Ско свѣтильникъ явился еси всесвѣтелъ во отце
Нова Езера на Красномъ островѣ, преподобне
отче Кириллѣ, ты во крестъ Христовъ на рамо
вземъ, усердно Тому последовал еси, чистотою
Богѣи привлижився, от Него же и силами чудес
овогатися, темъ и мы любезно привѣгаемъ къ раце
честныхъ мощей твоихъ, умилно глаголемъ:
о преподобне отче Кириллѣ, моли Христа Бога
спастися душамъ нашимъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Романенко Е.

Нило-Сорская пустынь // ⁴² С. 459.

«В сорока верстах от Белозерска есть неглубокое, но притягательное своей красотой озеро Новое. Посреди него на маленьком острове стоит бывший Кирилло-Новоезерский монастырь. До него с берега можно добраться либо на лодке, либо по деревянным мосткам на вбитых в дно озера сваях. Летом залюбуешься открывающимся видом: в темной воде снуют красноперые окуни, тут и там зеленые острова. Издалека почти незаметны разрушения, причиненные строениям монастыря в нынешнем столетии. Но нет смысла стучаться в его двери – за ними сегодня... тюрьма», - так пишет в статье «Неприкаянная святыня» Галина Иванова.

...Остров Красный, или, как его окрестили современные журналисты, Огненный, где основал монастырь преподобный Кирилл, находится на небольшом озере Новом. Ныне он закрыт для паломников. Здесь находится тюрьма для приговоренных к высшей мере наказания.

...Тюрьмы, больницы, клубы находятся еще во многих строениях старинных обителей. Слишком велик разгром, устроенный безбожным правительством в XX веке. И пройдет не один год, прежде чем они снова обретут свой старый статус – спасение каждого из нас и всего земного шара в целом. Здесь нужны не только деньги. Должна очнуться душа человеческая для подвигов, для бескорыстной работы.

Свѣдѣнія

о преподобном отце нашем Макарии Оредежском, Новгородском ²

Память его празднуется месяца августа в 9-й день

† 1532

Преподобный Макарий Оредежский - ученик преподобного Александра Свирского. Он является основателем Успенской пустыни на реке Оредеже, в Олонецком уезде. Преставился мирно в 1532 году. Мощи его покоятся в церкви упраздненного монастыря.

Тропарь, глас 8

Отецъ ѻтче Мака́рие, извѣстенъ бысть спасѣнія ѡбразъ. Воспринѣмъ во крѣстъ послѣдовалъ еси Христу́. Творяше же и́ учаше, еже презрѣти плоть, преходитъ во, прилежати же о ду́шѣи вѣщи безсмертней. Тѣмъ же и со а́нгелы ра́дуется преподо́бне ду́х тво́й.

Кондак, глас 2

Чистотою ду́шевною Божѣствено вооружився, и непреста́нныя моли́твы, я́ко копие́ вручи́въ крѣпко, пробо́л еси́ бесо́вская ополче́ния, Мака́рие, ѻтче на́ш, моли́ непреста́нно о всѣхъ на́с.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, игумена Александра (в крещении Амоса) Свирского ²

Новгородского чудотворца

*Память его празднуется месяца апреля в 17-й день
и месяца августа в 30-й день*

† 1533

лагословен Бог, дарующий на пользу бедных людей таких великих подвижников благочестия, таких близких к Нему рабов Своих, каков преподобный Александр Свирский. Жизнь его - чудно высокая, отражение чистой Евангельской жизни; и чего не может он получить от Господа, став так близким к Нему высокою жизнью своею.

Дивный раб Божий родился в древней Обонежской пятине в селе Мандере, что ныне в Олонецкой губернии, и при святом крещении наречен Амосом. Когда он отдан был учиться грамоте, то сначала тупо учился в сравнении с прочими. Это сильно огорчало его. Раз со слезами молился он в храме о раскрытии разума своего и услышал голос: «Встань, что просил, получишь». Веселым воротился он в дом и с того времени легко и скоро стал понимать книжную мудрость. Богобоязненное дитя был и отроком таким же: постоянно соблюдал пост

и молился по ночам. «Зачем ты, сын мой, так изнуряешь себя?» — со скорбью говорила мать. Сын отвечал: «Зачем же тебе, мать моя, отклонять меня от приятного мне воздержания?» Родители хотели, чтобы вступил он в брак, но он уклонялся от того под разными предлогами и думал об одном, как бы совсем расстаться с миром.

В село, где жили родители, пришли иноки Валаамские. Увидав их, отрок подошел к ним и поклонился им до земли со словами: «Благословите меня, отцы святые!» Иноки изумились смирению отрока. Старший из них, поняв расположение отрока, сообщил, как живут иноки в Валаамской обители их, но прибавил: «Нам игумен не приказал отнимать детей у родителей и привозить в монастырь. Иди в дом твой, Сам Господь управит твой путь».

Блаженный отрок решил расстаться с родителями, которых любил. Получив дозволение их отлучиться в ближнее село за делом, он оставляет дом, чтобы не возвращаться более в него. Он отправился прямо на Валаамский остров. Юноша долго плутал по лесу и заблудился, отчаявшись когда-нибудь найти дорогу к монастырю. Амос стал молиться, прося у Бога помощи. Вдруг посреди лесной чащи юноша встретил путника, который вызвался проводить его к Валааму. Когда странники достигли ворот монастыря, путник неожиданно исчез... Удивительное явление и не менее загадочное исчезновение путника привело Амоса к мысли, что это был ангел, посланный Богом ему на помощь.

Семь лет был Амос послушником в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре. Узнав, где находится их пропавший несколько лет назад сын, родители Амоса приехали в обитель и стали уговаривать послушника вернуться в родной дом. Услышав решительный отказ, родители покинули обитель в страшном гневе. После этого Амос стал молиться днем и ночью, чтобы Господь указал его родителям путь истинный. Вскоре родители Амоса приняли иноческий постриг. (См. Сведения о Сергии и Варваре Свирских. — *Сост.*)

Сам Амос на 26 году жизни облекся в иноческие одеяния с именем Александра. В Валаамском монастыре провел он

13 лет как самый строгий к себе послушник. Крепкий здоровьем, он усердно служил всем, носил воду, таскал из леса дрова, а того и до души своей не допускал, чтобы отказаться от приказания старших. Ночь проводил он в молитве, а иногда обнаженное до пояса тело свое отдавал в пищу комарам и потом шел к заутрени. Спустя 13 лет, проведенных в общезжитии, получил он благословение подвизаться в уединении. Он и прежде того желал посвятить себя этому подвижничеству. Но опытный наставник удерживал его. «Нет, чадо, - говорил настоятель, - не утвердись ногами на ступени общезжития послушанием, как на корне, нельзя касаться вершины молчанием и уединением; не следует не вовремя предаваться своей воле. На все свое время».

В 1486 г. Александр удалился на озеро Рощинское, туда, где желал он жить еще тогда, как ушел из дома родительского. В шести верстах от реки Свири избрал себе место и там, где впоследствии построен был храм Спасителя, 7 лет подвизался в тесной хижине. Здесь по случаю нашел его боярин Завалишин и подумал, что видит привидение: так изнурил себя подвигами раб Божий. По усердной просьбе набожного боярина преподобный открыл ему жизнь свою, под условием молчания. «Семь лет живу я здесь, не видя никого, - говорил он, - ни разу не вкушал я хлеба, а довольствовался травой. Иногда же приходилось мне есть одну сырую землю». «Трудно было жить тебе так?» - спросил изумленный боярин. «Вначале было тяжело, - отвечал преподобный, - сильно страдал я желудком, по временам валялся на земле, не в силах будучи поднять головы. Я совершал пение свое, лежа на земле. Раз очень сильно страдал я и вот вижу кого-то светлого. «Чем ты болен?» - спросил он меня. «Желудком», - отвечал я. «Покажи мне больное место», - сказал он. И когда я указал, он возложил на меня руку и сказал: «Се здрав еси, к тому не согрешай, но работай Господу». С того времени чувствую себя здоровым». Была и еще борьба отшельнику. Духи злобы не раз являлись ему в грозных привидениях. Но он не уступал насилию их и молитвою рассеивал мечты их.

Спустя семь лет стали собираться к нему труженики, но и они сперва жили отшельнически, не близко один от другого. Боярин Завалишин доставлял по временам отшельникам хлеб, что укрепляло слабых.

По особенному внушению, преподобный начал строить монастырь в 130 саженьях от своей хижины, а сподвижники убедили его принять на себя сан священства и начальствования. В 1508 г. посвящен он в игумена, и тогда же был освящен храм Святой Троицы. Ставь игуменом, блаженный Александр не переменял строгости к себе, но казался последним в обители. Первый выходил на труды и больше всех трудился: то месил в хлебне тесто и пек хлебы, то носил воду из озера, то рубил и носил дрова, то приходил туда, где мололи рожь, и тогда, как другие спали, он молот за других своими руками. Никогда не спал он даже на рогоже, а на голой доске или сидя. Одежда его была ушита заплатами. Иные и смеялись над ним за такую одежду, но он оставался верным себе.

Усердно заботился он о спасении чад своих, иноков. В глубокий вечер приходил он к келье каждого, чтобы знать, кто чем занят, и потом кротко давал знать о цене времени. Он умолял братию приближаться к Богу смирением, трудами послушания, постом и молитвою.

Когда умножилось число братии, преподобный начал строить обширный храм Святой Троицы, притом каменный. Братия, видя скудость средств обители, говорили: «Где возьмем средства? Предприятие нерассудительное!» Преподобный отвечал: «Точно, мы ничего не можем сделать, если не поможет Господь, но Он помогает уповающим на Него». Храм был освящен по благословению архиепископа Макария в 1526 г. Преподобный построил еще братскую трапезу и другие здания, необходимые для общежития.

Высокая духовная жизнь северного подвижника привлекала к нему многих из близких и дальних мест. К великому авве одни приходили для испрошения благословения и молитв, другие шли со скорбями земной жизни, третьи открывали большую совесть свою. Преподобный принимал всех с кроткою любовью.

«Сын Авраамов пришел к нам, диакон Феодорит», - так приветствовал преподобный Феодорита, Соловецкого инока и будущего просветителя лопарей, к которому вышел он навстречу. Об этом пишет современник, князь Курбский.

Боярин Априлов, у которого рождались дочери и который бил за то жену, просил преподобного помолиться, чтобы Бог дал ему сына. Святой старец сказал: «И теперь жена твоя носит во чреве дитя не мужского, а женского пола. Это устроит Бог, а не жена твоя. Потому напрасно, сын мой, оскорбляешь ты жену твою. Патриархи по молитве получали чадородие. Поступай, как они поступали. Земледелец, засевая землю ячменем, не думает, чтобы родилась ему пшеница. Подавай милостыню бедным: они - молитвенники наши пред Богом». По неотступной просьбе Априлова преподобный помолился за него, и через год исполнилось желание боярина.

Один из самых богатых и знаменитых купцов Новгорода Богдан Семенович Корюков, хотя жил вдали от обители святого, но был близок к нему душою, уважал его. Однажды посетил он монастырь преподобного. Пав к ногам святого, говорил он ему: «Помилуй меня, раб Божий! Помолись за меня Богу: у меня один сын и есть, и тот тяжело болен, готов умереть». Преподобный отвечал: «Не в нашей воле, чадо, давать, что хотели бы. Веруй Богу искренно и молись Ему с сокрушением. Он может подать все полезное для души нашей. У тебя много было детей, и все они еще юными расстались с жизнью, судьбами Божиими. Придется похоронить и того, который остается, за грехи твои, которых так много. Сын мой! По крайней мере, теперь пробудись и расстанься с грехами: не прибавляй более ростов к ростам («не прилагай резы на резы»); будь сострадателен к бедным, сирым и вдовам, корми заключенных в темнице, процентов не вымогай с должников. Такими добрыми делами обратишь к себе милость Божию... Ты удостоишься, сын мой, и ангельского чина». По летописи видим, что Богдан Семенович вошел потом в особенное доверие великого князя. Ему поручено было в 1536 г. надсматривать за деланием монеты в Новгороде. По известию ученика Александра, Корюков перед смертью облекся в иночество.

Вот еще опыт прозорливости преподобного. Когда освящал он храм Святой Троицы, после молебна народ подавал ему то деньги, то вещи. Поселянин Григорий также хотел подать от себя что-то, но преподобный не принял. Два и три раза Григорий пытался положить дар свой в фелонь преподобного, но преподобный отталкивал руку его. «Рука твоя смердит, - сказал ему наконец преподобный, - ты бил ею мать твою и тем навлек на себя гнев Божий». «Что же мне делать?» - спросил в сокрушении Григорий. «Ступай, испроси прощения у матери твоей и впредь не смей оскорблять ее».

Незадолго до смерти своей преподобный построил еще каменный теплый храм в честь Покрова Богородицы, с братскою каменною трапезою. Тогда же утешен он был видением Богоматери, Которая обещала ему не забывать обители и умножить число иноков ее.

Преподобный Александр воспитал многих подвижников благочестия. В бывшей Оредежской пустыни - ученик его, преподобный Макарий, основатель пустыни, почивший в 1532 г. В Важеозерской Спасской пустыни, в 12-ти верстах от Свирского монастыря, почивает подвижник его и основатель пустыни, преподобный Никифор. В Оятской пустыни скончались питомцы Свирского наставника: Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Феофан, Корнилий и Афанасий.

Александр – великий авва. В духовном своем завещании он писал: «Братии моей приказываю жить в любви о Христе и отнюдь не держать в нашей пустыни опьяняющего питья, не иметь вражды между собою и не считаться ни в чем. Бог дал, доселе считаться не из чего, - казны монастырской нет: что Бог посылал при моей жизни, какой христолюбец давал вклад в монастырь - то все пошло в дом Святой Троицы и Боголепного Преображения, на храм и теплую церковь и на другой монастырский расход». Святой старец скончался на 85 году от рождения, 30 августа 1533 г. Наружный вид его: плешив, борода широкая и долгая, но редкая.

С 1547 г. уже чтили преподобного Александра церковною службою, но мощи его открыты только в 1641 г. Царь Михаил в 1643 г. устроил для них серебряную раку, в которой они и ныне покоятся.

Тропарь, глас 4

Иже от юности Богомудре, желанием
духовным в пустыню вселився, и единого
Христа возжелел еси усердно стопам
вслед ходити; тем же и ангельстии чини зряще
тя удивившася, како с плотню к невидимым
кознем подвизася премудре; повелел еси полки
страстей воздержанием; и явился равноангелен на
земли, Александре преподобне, моли Христа Бога,
да спасет душа наша.

Кондак, глас 8

Пко многосветлая звезда, днесь в странах
русских восиял еси отче, вселився в
пустыню, и Христовым стопам
последовати усердно возжелел еси; и Того святое
иго на рамо взем честный крест, умертвил еси
труды подвиг твоих телесная разыграния. Тем же
вопием ти: спаси стадо твое, еже собрал еси,
мудре, да зовем ти: радуйся, преподобне
Александре отче наш.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1. *Соловьева И. Д.*

Преподобный Александр Свирский и его монастырь
//София⁵⁰. Новгород. 1998. № 4. С. 15-17.

2. *Берташ А.*

Свято-Троицкий Пресображенский
Александро-Свирский мужской монастырь // ⁴² С. 359-374.

В 1484 г. преподобный Александр, ведомый ангелом, отошел в указанное ему Божией Матерью место близ реки Свирь, «леса и озер исполненное и красно отовсюду» - оттуда сиял ему небесный свет.

Царствование Ивана Васильевича III и его сына, Василия Ивановича (время основания монастыря), - очень значимое время в истории Российского государства. Это присоединение к Москве Новгорода, во владениях которого находилось Приладожье, свержение монголо-татарского ига, утверждение самодержавной власти и идеи «Москва – Третий Рим», спор преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, время ересей и первого полного славянского перевода Библии. Всю жизнь пребывая вдали от исторических событий, преподобный Александр, светоч монашества, в глубине лесов Русского Севера творил иную, духовную историю, удостоившись необычайных даров Святого Духа.

Для уединенных подвигов в 1506 г. преподобный Александр устроил себе отходную пустынь менее чем в 300 метров от общего жилища. Здесь в 1508 г. он сподобился явления Пресвятой Троицы в виде трех светоносных мужей – уникального в истории святости. Преподобный Александр обозначил это место часовней.

В самом монастыре во имя Пресвятой Троицы вскоре после явления преподобный Александр возвел первую деревянную столпообразную шатровую церковь. Для ее строительства великий князь Василий Иванович прислал искусных мастеров. Князь просил преподобного молиться за него и за Русскую державу. Освящен этот храм был по благословению Новгородского архиепископа Макария, впоследствии митрополита Московского (†1563). Преподобный возвел также деревянные Преображенский и в отходной пустыни Никольский храмы. Так со времени своего основания Александро-Свирская обитель состояла из двух рядом расположенных монастырей – Троицкого и Преображенского.

Под конец жизни преподобный Александр удостоился видения Пресвятой Богородицы, обещавшей не оставлять своим заступничеством обитель. На месте явления Божией Матери преподобный заложил за несколько лет до кончины Покровский храм из монастырского кирпича (строитель – московский мастер Игнатий). Бесстолпная одноглавая Покровская церковь, соединенная западным фасадом с трапезной, в своей нижней части является старейшей сохранившейся донныне монастырской постройкой конца первой трети XVI в.²

Свирский монастырь возник на землях Великого Новгорода и на протяжении всей своей многовековой истории был тесно связан с ним. Находясь в составе Новгородской архиепископии, Свирский монастырь получал от ее владык благословение игуменам и антиминсы на престолы вновь возводимых церквей. В Новгород возили на продажу выловленную монастырскими слугами рыбу и приобретали всевозможные и необходимые для хозяйства предметы. Новгородские

ремесленники исполняли заказы Свирской пустыни на написание икон и книг, изготовление окладов, церковной утвари и повседневной посуды. Многие вклады в монастырь поступали также из Новгорода.

Вместе с тем с момента своего основания Троицкий монастырь пользовался известностью и покровительством при великокняжеском дворе. Со времен царствования Василия III сложилась устойчивая традиция царских вкладов в Свирский монастырь. В казне хранились многие жалованные грамоты на владение вотчинами. Царские грамоты, каждая из которых подтверждала предыдущую, освобождали монастырские земли от налогов. Царь Иван Грозный в своих молитвах не раз обращался за помощью к Свирскому чудотворцу, а в посланиях в Кириллов Белозерский монастырь выделил его как высочайший нравственный образец среди многих других. Свирский монастырь пользовался также попечительством митрополита Макария. На время пребывания во главе обители игумена Дионисия (1582—1608 гг.) приходится наиболее крупные пожертвования царя Федора Ивановича и семейства царя Бориса Годунова, члены которого не раз приезжали сюда на богомолье. На средства Федора Ивановича в эти годы рядом с Преображенским собором был возведен придел во имя преподобного Александра Свирского. В приделе была устроена каменная гробница преподобного, на которую были возложены два покрова, датированные 1581 и 1582 гг. и присланные в монастырь от имени Федора Ивановича и Бориса Годунова. На покровах мастерицами царицы Ирины Федоровны, супруги царя Федора и сестры Бориса Годунова, были вышиты в полный рост фигуры преподобного Александра и тексты посвященных ему молитв.

К концу XVI в. Свирский монастырь превратился в один из богатейших в Олонецком крае. Но в 1612-1613 гг. процветавший монастырь был основательно разрушен и опустошен отрядами литовцев и поляков. Были убиты игумен Паисий и 59 иноков. Разрушены Покровская и Троицкая церкви, деревянная Преображенская, кельи, огоры и служебные постройки сожжены. Предвидя нападение, монахи успели спрятать в землю монастырскую казну и колокола, часть драгоценной утвари была отправлена на сохранение в Кирилло-Белозерский монастырь. Благодаря энергичным действиям нового игумена Феодорита, Свирский монастырь к концу 1680-х гг. достиг своего прежнего состояния.

На протяжении XVII в. в монастыре не прекращались строительные работы. С 1641 по 1644 гг. был поставлен новый каменный пятиглавый Преображенский собор с приделами Николы и Александра Свирского. В соборе в декабре 1644 г. были торжественно установлены в серебряной раке обретенные в апреле 1641 г. мощи

Александра Свирского. Рядом с Преображенским собором в 1661 г. на средства московского дьяка Богдана Силина началось возведение каменной церкви пророка Захарии с колокольной и папертью. В 1620 г. на старом месте была срублена новая церковь Николы. В 1681 г. на южных вратах Троицкой части монастыря появилась церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Строительство церквей повлекло за собой постоянные работы в их интерьерах - создание иконостасов и переделки в них, размещение новых икон и их украшение серебряными окладами. В самом конце XVII в., в 1695-1697 гг., костромскими каменщиками во главе с Яковом Агафоновым был сооружен Троицкий собор взамен построенного преподобным Александром. В качестве образца для него послужила Новгородская Знаменская церковь. В создании икон для обширного Троицкого иконостаса в 1698-1699 гг. принимали участие иконописцы города Тихвина: монах Аарон и его сын Георгий с помощниками. Около 1709 г. Троицкий собор был полностью расписан фресками, которые создала артель костромских мастеров под руководством иконописца Леонтия Маркова.

Значительными денежными вложениями, участием в перевозках и трудом монастырских слуг Свирская обитель принимала участие в строительстве города Олонца (с 1647 г.), в работах по благоустройству Новгорода, в снабжении русской армии в период Северной войны, в строительстве Санкт-Петербурга.¹

В 1723 г. к обители были приписаны 27 монастырей на огромной территории, охватывающей в современных границах северо-восток Ленинградской, север Вологодской и Архангельской областей, юг Карелии, в том числе Андрусовская, Сяндемская, Паданская, Климецкая, Кожезерская обители. Как подмонастырская слобода, наподобие Сергиева Посада, возник поселок (нынешняя Старая Слобода). В 1763 г. учреждается викарная кафедра Новгородской епархии, Александро-Свирский монастырь стал местом пребывания епископов Олонецких и Петрозаводских.

В войну 1812 г. монастырь пожертвовал на ополчение 2300 руб. и 15 фунтов серебра. При архимандрите Товии (1816-1819 гг.) был введен обычай перенесения в престольный праздник мощей преподобного Александра из Преображенского монастыря в Троицкий и было опубликовано житие основателя обители.

В июне 1817 г. в монастыре преподобного Александра Свирского поселились схимонах Феодор и иеросхимонах Леонид, известные как возобновители старчества на Руси. В Свирской обители старцы основали «школу монашества», обучая учеников премудрости иноческих послушаний. Император Александр I при объезде северных владений, услышав о знаменитых старцах,

пожелал с ними познакомиться. В числе учеников отца Леонида был также Димитрий Брянчанинов, будущий святитель Игнатий. «Он вполне подчинился руководству старца Леонида, который подвергал молодого своего ученика всевозможным испытаниям, желая изведать его нрав и увериться, что истинно его смирение. Это положило прочное основание всей его монашеской жизни». С октября 1892 г. в монастыре введено старчество – каждый инок отдавался под духовное руководство опытного старца.

27 июня 1858 г. у Святых врат, построенных в конце XVII в., обитель встречала высочайших гостей – государя Александра II с императрицей и августейшим семейством, в том числе будущим Александром III. 20 июня 1892 г. обитель посетил Иоанн Кронштадтский.

Последней и самой крупной постройкой в монастыре стало возведение в 1903-1904 гг. колокольни Преображенского монастыря. Колокола – как самый большой, новый, весом 532 пуда, так и древние, времен Иоанна Грозного, в Троицком монастыре – были полностью разбиты в 1920-е годы.

Послереволюционная история монастыря отличалась особым трагизмом. В ответ на декрет января 1918 г. жители близлежащих сел организовали «Союз охраны церквей и часовен» при монастыре, в который вошли до 1000 человек. Это озлобило местные власти. В ночь с 19 на 20 октября (ст. стиля) недалеко от монастыря были расстреляны чекистами «за контрреволюционные призывы и сопротивление» его настоятель, архимандрит Евгений, иеромонахи, казначей о. Варсонофий и о. Исаия, студент Казанской духовной академии Алексей Петров и мирянин Василий Столбовский.

Послание местного епископа Петрозаводского и Олонецкого Иоаникия Патриарху Тихону свидетельствовало: «Разгром обители произошел 23 октября 1918 г. В монастырь приехали с красноармейцами люди, называвшие себя комиссарами. Среди приехавших... оказались лица, бывшие ранее в монастыре послушниками и рабочими, которые хорошо знали положение имущества монастыря. Приехавшие отобрали в монастыре все, что можно. Они взяли все ценные вещи, многие очень важные в историческом отношении, содрали ризы с икон, отняли одежду и белье у монашествующих, захватили у них сахар, съестные припасы. Мало того, они заставили открыть соборный храм и начали распоряжаться в нем, как у себя дома. Без всякого стеснения, с полным надругательством над религиозными чувствами православного русского народа, они обращались с находившимися в храме мощами, самовольно вынули их из раки, а затем, вероятно, в оправдание своих возмутительных

действий выдумали басню, будто бы вместо останков тела святого Александра Свирского они нашли лежащую восковую куклу. В самом священном месте храма - алтаре, они, не снимая шапок, разбирали престол, хватали священные предметы, кресты, Евангелия и священные сосуды. Наконец, они... напились допьяна».

Как указывает московский историк В. Ф. Козлов, впервые обнаруживший соответствующие документы, «увезены были все драгоценности, 40-пудовая рака преподобного, другие серебряные предметы. Красноармейцы глумились над вынутыми из раки мощами. Их решено было представить в Лодейное Поле «на суд местного населения», и лишь благодаря просьбам монахов останки были оставлены в монастыре. В тюрьму Лодейного Поля забрали архимандрита Назария и еще двух человек». Таким образом, именно в Свирском монастыре 22 октября 1918 г. было проведено первое официальное вскрытие святых мощей в Советской России. Президиум Исполкома Союза Коммун Северной области в конце 1918 г. рекомендовал Лодейнопольскому военному мощи «продемонстрировать перед населением Лодейного Поля, после чего отправить в Петрозаводск в распоряжение Губсовдепа». 21 декабря 1918 г. они были увезены в уездный город - Лодейное Поле, освидетельствованы и помещены на обозрение в больничной часовне. В Троицком монастыре разместился артиллерийский дивизион.

В январе-феврале 1919 г. монастырь, где проживал 81 насельник и во владении находилась 1141 десятина земли, был закрыт. Его здания перешли в ведение Главного управления музейного фонда, однако должность хранителя исполнял неромонах обители Д. Птарев, и храмы продолжали действовать. Церкви были закрыты по решению Президиума Губисполкома от 29 ноября 1924 г. (фактически - в январе 1925 г.). Оставалась (до июня 1933 г.) только церковь святого Пантелеймона за Роштинским озером. Часть западных корпусов продолжали занимать монахи, работавшие в совхозе. В 1927 г. весь комплекс передали Губернской инспекции мест заключения для колонии на 600-1000 человек. С февраля 1931 г. до января 1938 г. здесь находилась крупнейшая в Советской России колония для проституток, в дальнейшем - «обычный» лагерь, который с перерывом на войну действовал до 1955-1956 гг. Ныне в Троицком монастыре продолжает находиться психиатрическая больница. (Данные 2001 г. - *Сост.*)

Мощи преподобного Александра Свирского были первыми, на кого упал удар беснующегося зла. Это и не удивительно. Святой Александр Свирский - единственный из новозаветных святых, кому воочию явилась Святая Троица, ему и выпала честь первому

принять на себя все издевательства, нападки, заведомую ложь новоявленных богоборцев.

Шесть раз большевики подходили к мощам святого Александра Свирского, видно, сковывал их благоговейных страх перед святыней, трудно было вершителям зла переступить через него – *«и бесы веруют, и трепещут»* (Иак., 2:19). Убрав эту труднопреодолимую преграду, большевики объявили начало «кампании по ликвидации мощей», которая происходила с 1919 по 1922 гг.

Дальнейшая судьба мощей святого Александра Свирского была известна лишь крайне узкому кругу людей, которые предпочитали о ней умалчивать...

Поиск мощей преподобного был основан на вере в то, что мощи святого, лицезревшего Святую Троицу, не могли быть уничтожены никакими адскими силами, на вере в то, что они находятся под особым покровительством Господа. Поиск начался с благословения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира.

Поиск мощей святого Александра Свирского осуществлялся путем изучения материалов государственного и научных архивов, фондов музеев. Из исследованных мест их возможного размещения в тот период однозначно была выбрана Военно-медицинская академия (ВМА). Академия располагала закрытым анатомическим музеем, возможностями для проведения экспертизы, а также особой политической благонадежностью руководителя кафедры нормальной анатомии, одновременно начальника ВМА, профессора В.Н. Тонкова.

Накануне и в день второго обретения мощи преподобного Александра Свирского мироточили, как и тогда, при первом обретении мощей (в 1641 г.). Только сегодня особенно мироточат ноги, как бы подкрепляя и утверждая нас, маловерных, в том, что он – святой Александр – сам снова пришел к нам. Снова явлена нам особая милость Господа и преподобного Александра Свирского.

Официальная передача мощей их ВМА произошла 28 июля 1998 г., в день равноапостольного великого князя Владимира – обновившего Землю Русскую святым крещением. Не является ли обретение мощей Александра Свирского, произошедшее в этот день, свидетельством начала нового обновления, свидетельством протянутой руки Божией и Божией Матери?²

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, схимонаха

Иродиона Илоезерского¹

Память его празднуется месяца сентября в 28-й день

† 1541

преподобном Иродионе сохранились лишь скудные сведения. Неизвестно, когда и где он родился, кто и какого звания были его родители. Он был учеником преподобного Корнилия Комельского (память преподобного Корнилия 19 мая) и подвизался в Комельской обители до самой его кончины. Когда же скончался преподобный Корнилий (в 1538 г.), в его обители произошли нестроения. Братия начали жить каждый по своей воле. Многие добивались начальнических должностей в монастыре, заботясь только о своей славе и о телесном покое. Но другие, храня в памяти образ святого учителя, восхотели подражать ему и предпочли узкий путь и жизнь, преисполненную скорбей и трудов. Стараясь найти уединение и избежать мирской суеты, они оставили Комельскую обитель. Одни отправились на восток, другие на север, к Белому морю. Тогда и преподобный отец наш Иродион, оставив Комельский монастырь, пришел к Белоозеру, к селению, называемому Илоское. На этом пустом и тихом месте и поселился подвижник. Создав здесь своими руками часовню, он ревностно трудился во славу Божию, беспрестанно воссылая пение и молитвы Господу. Срубил он также себе и небольшую кельицу. В строгом уединении отшельник прожил немного лет, но много потрудился для Господа. Одному Богу ведомы его великие подвиги: молитвенные бдения, пост, пустынные труды и страхи.

В одну ночь после продолжительного бодрствования преподобный погрузился в легкий сон. Тогда явился к нему ангел Господень и сказал: «Встань, старец!» Затем, указывая перстом, посланник Божий продолжал: «Иди на остров, который находится на озере Иле, и поставь там церковь во имя

Пресвятой Богородицы в честь Ее славного Рождества, - иди, ибо Бог там уготовал тебе место».

Преподобный тотчас же проснулся; его охватили трепет и смятение, и он стал на молитву. Сильно поразило его необычайное видение, и он размышлял, что же будет далее. После молитвы, укрепившей его душу, исполняя волю Божию, он отправляется в путь. Придя на некоторую реку, он снова молился и во сне услышал звон на полуострове, который вдавался в озеро Ило и был необитаем. Этим звоном указано было свыше преподобному Иродиону место его подвигов. Вскоре подвижник пришел на указанное место и осмотрел его. Искателю уединения сильно полюбился этот пустынный полуостров, покрытый густым лесом, удобный для подвигов. Илоезеро, или Илозеро, находится в Белозерском уезде. Самая местность называется Озадками и представляет собою полуостров, вдавшийся в озеро Ило. Место поселения преподобного Иродиона отстоит на 42 версты от г. Белозерска.

Так как земля эта принадлежала одному христолюбивому мужу, по имени Анисим, то преподобный купил ее и поставил на ней церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного Рождества, как приказал ему ангел. При храме была устроена теплая трапеза. Построив церковь, преподобный благолепно украсил ее иконами, священной утварью и всем необходимым. Сам он поселился в трапезе церковной. Однако не долго преподобный Иродион подвизался и здесь. Услышав о добродетельной и благочестивой жизни преподобного, многие из окрестных жителей стали приходить к нему, прося его наставлений и поучений, и в благодарность приносили отшельнику пищу. Преподобный же приносимое раздавал нищим, а сам вкушал лишь столько, чтобы не умереть от голода.

Однажды на пустынный полуостров, по Божию изволению, пришел благочестивый муж, по имени Елисей, и принес святому пищу. Став перед трапезой, в которой жил преподобный, Елисей сотворил молитву и ждал ответа, но ответа не было. Постояв немного, Елисей во второй раз сотворил молитву, но и на этот раз не услышал ответного возгласа. Не получив его и в третий раз, посетитель удивился, потом, осмелев, сам вошел в трапезу. Осматриваясь туда и сюда, Елисей сначала нигде не видел святого;

только тогда он мог его заметить, когда подошел к печи: преподобный Иродион лежал на горящих углях. Ужаснулся Елисей. Преподобный же, думая, что он пришел по нужде и в скорби, быстро вышел невредимым из печи и сказал Елисею: «Бога ради, прости меня, брат».

Елисей же сильно поразился тем, что видел: печь была сильно растоплена, а преподобный лежал в ней, как в прохладном месте. Тогда святой строго запретил посетителю рассказывать о виденном им чуде. Елисей же после того, привязавшись всею душою, стал часто приходить к преподобному Иродиону. И все окрестные жители, мужи и жены, все чаще и чаще посещали подвижника, прося его святых молитв и благословения.

С течением времени у церкви, построенной преподобным Иродионом, стали погребать умерших, приходили и с другими церковными требами: крестить младенцев, совершать таинство брака. Являясь на пустынный полуостров толпами, крестьяне приносили с собою и угощение: мясо и хмельные напитки, ели, пили и шумели; упившись, спорили и ссорились, оглашая тихую окрестность скверными и срамными словами. Преподобный сильно тяготился этими беспорядками, весьма сожалел о том времени, когда на уединенном острове царила полная тишина и он один среди окружающего безмолвия возносил горячие молитвы Богу. Он усердно молил теперь Господа, чтобы мир и безмолвие возвратились в его пустыню.

Неохотно преподобный вступал в разговор с посетителями, с еще большей неохотой принимал их приношения, и то лишь для того, чтобы только не обидеть принесшего, а потом все раздавал нищим. Свои подвиги он усиливал все более и более: ночи проводил в молитвах без сна, непрестанно утруждал свое тело воздержанием. Каждую субботу причащался он Святых Христовых Таин.

Спустя некоторое время, преподобному Иродиону было возвещено ангелом Господним отшествие в новую, лучшую жизнь. Тогда священноинок Исаия, живший вместе с преподобным, приобщил его Святых Таин, и на следующую ночь преподобный Иродион отошел ко Господу. Когда на другое утро Исаия посетил преподобного, то увидел, что тело его лежит бездыханно, облеченное в схиму и с крестообразно сложенными на груди руками.

Вся его келия была наполнена благоуханием. Тогда священноинок Исаия, почитатель преподобного Елисей и другие мужи, собравшись, погребли трудолюбное тело святого и положили его на том самом полуострове, где он подвизался в часовне, около воздвигнутой им церкви в честь славного Рождества Пресвятой Богородицы. Так мирно отошел к Господу преподобный отец наш Иродион 28 сентября 1541 г., всего через три года после оставления Комельской обители.

Спустя некоторое время, над гробом преподобного Иродиона построена была церковь в честь Похвалы Пресвятыя Богородицы, собралась братия и устроилась обитель. От гроба святого стали происходить, по Божьей милости, многие чудеса и исцеления для всех, с верою притекающих к нему: слепые получали зрение, хромые - хождение, немые - дар речи, прогонялись бесы. Из многих чудес его упомянем о следующих.

В часовню, где была могила преподобного Иродиона, пришел некто Софония. По простоте своей он воткнул посох в могилу святого и тотчас же лишился зрения. Спустя несколько времени, Софония понял, за что постигло его наказание. Тогда он начал сильно плакать и каяться в своем прегрешении, часто приходил ко гробу преподобного, прося отпущения греха своего.

Однажды, после молитвы на могиле, слепого отвели в келью, где некогда жил блаженный Иродион; там он заснул. Во сне явился ему преподобный и сказал: «Для чего ты ударил в гробницу мою своим посохом? Но если ты раскаялся от всего сердца во всех прегрешениях, то ступай снова ко гробу моему, там получишь прощение».

Софония встал и тотчас просил вести себя к гробнице угодника. Со многими слезами он припал к ней и молил преподобного об исцелении: «Угодник Божий, помилуй меня, прости мне грех, который я совершил по неведению».

Тогда возвратилось ему зрение, он стал видеть по-прежнему. В благодарность за свое исцеление Софония приказал написать образ преподобного Иродиона в том виде, каким он явился ему в видении, и поставил сию икону при гробнице святого.

Инок Вассиан, иконописец, ехал однажды через Илозеро. Поднялась сильная буря, так что волны опрокинули лодку Вассиана.

Он начал уже тонуть и сперва отчаялся в своем спасении, так как поблизости некому было помочь ему. Но потом, вспомнив святого Иродиона, погибающий с верою стал просить его: «Угодниче Божий, подай мне грешному руку помощи, избавь меня от напрасной смерти».

Скорый на помощь преподобный Иродион явился утопающему и сказал: «Не бойся, брат мой Вассиан, Господь избавляет тебя от утопления». И тотчас старец очутился стоящим на берегу; с радостными слезами молился Богу и Его угоднику Иродиону. Исполненный благодарности к преподобному, Вассиан пришел на Илозерский полуостров и в подвигах благочестия провел здесь остальные дни своей жизни.

Священник Евфимий, живший поблизости от места подвигов преподобного Иродиона, часто приходил к гробнице святого, так как питал к нему великую веру. Однажды Евфимий отправился в соседнее селение. Проходя по озеру, он провалился под лед и начал утонать. Когда же он призвал преподобного, то был поднят как бы на руках, перенесен на безопасное место и избавлен от смерти.

В Смутное время, когда враги напали на Русскую землю, разорили и город Белоозеро, шайка их явилась к той часовне, в которой покоилось тело преподобного Иродиона. Один из врагов стал снимать оклады с икон, бывших в часовне при гробе чудотворца. Вдруг невидимой рукой грабитель был повержен на землю; долго лежал он, как мертвый. Товарищи, схватив и привязав расслабленного на лошади, обьятые ужасом, бежали. И другими многими чудесами через угодника Своего Бог прославил великое и святое имя Свое. Слава Ему во веки. Аминь.

Древнее житие преподобного Иродиона написано Митрофаном, архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря (с 1652 по 1657 гг.).

Тропарь, глас 4

Воссия днесь светло, радуется град Белоёзеро, имея во области своей великаго светильника блаженнаго отца Продиона. Сошедшее убо и видевше людие многоцелебную раку его, пресветло осиявшу многими деянии чудес дара. Просящим с верою исцеления, страждущим от различных недугов подаёт здравие. Яко финикс насажден в дому Божия Матере, яко кедр при водах благодатию Христовою растущь. И яко же шипок благовонен обстоянии водами огражден. И мы чада твоя суще, припадающе молимтися: моли Пресвятую Троицу еже сохранитися граду нашему от нахождения иноплеменик и от враг видимых и невидимых. Яко да твоими к Господу молитвами спасаеми, всегда просим верою у тебе: моли о нас Христа Бога спастися душами нашими.

Кондак, глас 1

Слышавше отцы и братия немедленно притецем, и немолчно и усердно вопием ему, глаголюще: о пресветлый наш о Господе учителю отче Иродионе! Во спасаемых подвигах ревнитель был еси преподобному Корнилию и стопам последовал еси его. И един единому Богу изволи служити: слезами и постом и бдением изнуряя тело свое вечные ради жизни. Господеву работая, крест Господень на рамо взем, последовал еси ему бодренными си молитвами вооружаяся невидимо на врага. И ныне зрети сподобися во свете неизреченныя радости Пресвятую Троицу. Слава Богу, Всельшемуся в тя, слава Укрепльшему тя, слава Деющему тобою всем исцеление.

Сведения

о преподобном отце нашем, игумене

Иоакиме Опочском ²

Память его празднуется месяца сентября в 9-й день

† ок. 1550

По рукописным святцам, «преподобный отец Иоаким, игумен Опочского монастыря святого пророка Илии на реке Шеломе, преставился месяца сентября в 9 день». По другим источникам, преподобный Иоаким называется основателем монастыря в Опочском погосте, что ныне в Порховском уезде, в 20-ти верстах от Порхова. По писцовой книге 1584 г.

видим в Опочском монастыре игумена Нафанаила с несколькими братьями, следовательно, кончина преподобного Иоакима последовала около 1550 г. Мощи его почивают в приходском, прежнем монастырском, храме пророка Илии, и память его местно чтится 9 сентября - в день его кончины.

Тропарь и Кондак общ..

См. стр. 766

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего Нила Столобенского, Новгородского ¹

Память его празднуется месяца мая в 27-й день
и месяца декабря в 7-й день

† 1554

СВЯДЕНИЯ

о преподобном отце нашем Германе Столобенском ¹

Память его празднуется месяца февраля в 22-й день

† 1614

прп. Нил Столобенский

Преподобный Нил Столобенский родился в конце XV-го столетия в одном селе Новгородской области Деревской пятины Жабенского погоста. (Погостом в древней Новгородской земле называлось как место, где стояла приходская церковь с домами причта, так и весь приход, состоявший из нескольких деревень и вместе с тем составлявший административный и податный сельский округ. Жабенский погост находится ныне в Валдайском уезде Новгородской губернии.) Кто

были родители преподобного и какое имя носил он в миру, неизвестно; известно только, что отец и мать его вели благочестивую жизнь и воспитали сына в страхе Божием. С ранних лет отрок воспламенился любовью к Богу и, оставив родительский дом, удалился в Псковскую область, в монастырь святого Иоанна Богослова, именуемый Крыпецкий. (Монастырь Крыпцы или Крыпецкий находится в 20 верстах от Пскова. Основан преподобным Саввою во второй половине XV столетия. Память преподобного Саввы 28 августа. Существует монастырь и в настоящее время.) Здесь он принял пострижение в монашество и назван Нилом, во имя Нила Постника, подвижника Синайской горы. (Память Нила Постника празднуется Церковью 12 ноября.) Приняв на себя ангельский образ, преподобный Нил начал проводить высокую подвижническую жизнь, удручая плоть свою строгим воздержанием. Сколько лет подвизался преподобный в обители, неизвестно. Оставив Крыпецкий монастырь, преподобный около 1515 г. ушел в лесную пустыню и остановился в Ржевском уезде, в дремучем лесу, близ реки Серемхи. (Река Серемха, или, по-другому, Черемха, равно и озеро Серемо, из которого она вытекает, находится в Валдайском уезде.) Подвижник питался здесь лесными травами и желудями. Измождая плоть свою, он укреплял душу непрестанным богомыслием, постом, бдением и молитвою.

Видя высокую жизнь пустынника, исконный враг нашего спасения диавол восстал на него со всею злобою. Первоначально он старался устроить святого и изгнать его из пустыни разными привидениями. Принимая на себя вид страшных зверей, змиев и гадов, бесы устремлялись на преподобного с диким свистом и воплем. Святой же, как мечом, отражал демонские нападения крестным знамением и усердными молитвами. Посрамленный твердостью пустынника, диавол внушил разбойникам замысел убить святого Нила. Но преподобный, принесши молитву Богу о помощи, бесстрастно вышел к ним навстречу со своею келейною иконою Пресвятой Богородицы - и сила Небесной Заступницы превратила злодеев в боязливых и кротких людей.

Разбойникам показалось, что святого сопровождает целый полк вооруженных воинов; в ужасе они упали на землю к ногам преподобного Нила и, открыв ему свое злое намерение, просили прощения в грехе. Кроткий и незлобивый подвижник сказал им: «Не ваше это дело, чада, но общего нашего врага, дьявола, ненавистника всего доброго в роде человеческом».

И преподав им наставление бросить злодеяния, преподобный с миром отпустил разбойников. По-прежнему он прилагал труды к трудам и подвиги к подвигам, воссылая день и ночь благодарственные молитвы к Богу.

Прошло несколько лет со времени поселения преподобного Нила в пустыне Серемхской. По окрестным селениям прошел слух об его богоугодной жизни, и многие из благочестивых жителей этих селений стали приходить к святому за молитвою и наставлениями. И все они получали от него, как от неоскудевающего источника премудрости и благочестия, великое утешение - и преподобного Нила превозносили похвалами за его дивные подвиги и милосердие. Тяжело было смиренному подвижнику от похвал людских. Боясь потерять награду от Бога за свои труды, он сказал сам себе: «Что мне делать? За грехи свои я несу подвиг пустыни. Сам Владыка мой Христос дал нам образ смирения и не велел добрые дела творить напоказ людям, но совершать их в тайне, чтобы Отец Небесный, видя в тайне, воздал явно. Лучше мне отойти от места сего, ибо, принимая честь от людей, могу сделать тщетными труды свои и, изнузив свою плоть, боюсь лишиться награды».

И с того времени преподобный Нил начал днем и ночью молиться Богу и Пречистой Его Матери, взывая к Ней: «Пресвятая Владычица, Мати Христа Бога нашего! Ты знаешь, что всю мою надежду по Боге я на Тебя возлагаю. Ты же Сама, как ведаешь, наставь меня на путь, которым я должен идти, чтобы спастись».

Матерь Божия исполнила его прошение: однажды преподобный на молитве немного задремал и вдруг слышит голос, говорящий ему: «Нил! Выйди отсюда и иди на остров Столобное; на нем ты можешь спастись».

Преподобный исполнился радости, слыша небесный глас, благодаря Пречистую Богородицу, что не презрела моления его. С тех пор подвижник стал расспрашивать об этом острове своих посетителей. Ему сказали, что остров Столобное находится на озере Селигере, в 7 верстах от города Осташкова, что место то пустынно и никто не живет на нем. (Селигер – озеро Тверской (Осташковского уезда) и Новгородской (Демьянского и Валдайского уездов) губерний. Наибольшая длина 80 верст, ширина около 30 верст. На озере насчитывается около 160 островов. Остров Столобное (или Столобенский, также Столбенский) находится в пределах Тверской губернии Осташковского уезда; в окружности он имеет 670 сажень; к югу от него в 7 верстах находится город Осташков, к западу в 4 верстах – погост Рожок, к северу и востоку – селения Кровотынской волости. Столобенский остров в XVI столетии состоял в вотчине боярина Бельского, в начале XVII столетия принадлежал боярину Лыкову.) Получив нужные сведения об острове, преподобный оставил Серемхскую пустыню, в которой подвизался 13 лет (с 1515 по 1528 гг.), и с радостью отправился в путь, возложив надежду на Бога, Спасителя человеков.

Пришедши на остров Столобное, преподобный Нил обошел его, увидел, что он весьма удобен для уединенного, безмолвного жития, и поселился там. Остров этот очень невелик; на нем рос вековой лес, а в лесу вызревало множество всяких ягод. Преподобный возлюбил это красивое место, окруженное со всех сторон водами Селигера. На острове Столобном возвышалась гора, тогда покрытая сосновым бором. Поднявшись на гору, преподобный молитвой благодарил Бога за то, что не презрел моление его, но привел на место сие. «Се, Господи, покой мой, - говорил пустынный, - се жилище мое во веки веков».

После слезных молитв подвижник начал устраивать себе жилище. Он выкопал в горе небольшую пещеру, в которой находил кратковременный покой от трудов своих. В ней он прожил одну зиму; с наступлением весны из лесу, росшего на острове, построил себе на той же горе небольшую келейку

и часовню. В строгом уединении преподобный начал свои труды и подвиги, радуясь духом, вознося ум свой к небесному, помышляя всегда о часе смертном и о праведном воздаянии в будущей жизни. Тело и душу он упражнял во всеобщих стояниях и молитвах. Беспреданно поучался в законе Господнем и изливал душу свою пред Господом «во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, поя и воспеваѣя в сѣрдце своемъ Господу» (Ефес. 5.19), «ибо на Него, - говорил святой, - уповала душа моя, и Он был мне Помощником».

Пищу преподобный приобретал своими трудами: он возделывал землю мотыкою (кирка, заступ), сеял хлеб и сажал овощи, и таким образом ел хлеб, по слову Писания, в поте лица своего.

Ненавистник добра, диавол, воздвиг брань на преподобного и здесь, на острове Столобном, как прежде в пустыне Серемхской.

Однажды он явился подвижнику видимым образом и обратился к нему с такими словами: «Выйди отсюда, монах! Зачем ты пришел на это место? Сам видишь, что место это пусто и ни к чему не пригодно, а окрестные жители злы. Зачем ты хочешь трудиться здесь без пользы?»

Преподобный же, оградив себя крестным знаменiem, произнес псалом: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его» (Пс. 9.67.1); тогда диавол исчез, как дым, и стал невидим.

В другой раз, когда Нил оканчивал в келии своей всеобщее бдение, диавол пришел к нему в видении с целым полчищем бесов. Они принесли с собой веревки и, окружив келию святого, как будто оцепили ее веревками и неистово кричали: «Потащим келью и бросим ее в озеро». Но блаженный не устранился; он вознес пламенную молитву к Богу об избавлении от напасти и говорил: «Внуши, Боже, молитву мою и не презри моления моего» (Пс. 7.54.1). «Господи, Защитниче мой! Обыдоша мя, яко пчелы сот, и разгорѣшася яко огнь в тернии: и именемъ Господнимъ противляхся имъ» (Пс. 16.117.12).

Услышав слова молитвы, сатана со всем воинством возопил: «Не знаю, что мне и делать теперь? Вот ты совершенно победил меня и все воинство мое. Но знай, что я не отступлю от тебя, пока не одолею и не смирю тебя».

Преподобный, с твердым упованием на Бога, дерзновенно ответил диаволу: «Будь ты проклят, нечистый, и все дела твои. Слава же, и честь, и поклонение Единому Истинному Богу нашему, попирающему и повергающему тебя под ноги любящим Его. Знай ныне, окаянный и бесстыдный, что я и все, уповающие на имя Господне, не убоимся тебя и всех привидений твоих».

Так при всех ухищрениях своих дух злобы не мог отвлечь преподобного от любви Христовой, удалить его с пустынного острова и, побежденный крепким дерзновением к Богу, оставил святого.

Ненависть людей также осталась бессильной против подвижника, одинокого и безоружного, но сильного надеждой на Господа.

Так одно время жившие против Столобного острова поселяне, завидуя святому, что он - дальний и чуждый пришлец - один владеет и пользуется островом, а они, соседние жители, не извлекают из него никаких выгод, пришли на остров рубить лес, чтобы потом сжечь его здесь же и распахать землю для посева. Преподобный умолял их: «Оставьте мне бор, по крайней мере, на одной горе». На этой горе была келья его. Но они не послушали подвижника. Возбуждаемые бесовским внушением и завистью, крестьяне хотели совсем прогнать преподобного с уединенного острова или предать его смерти. Они вырубили весь лес, оставив одну только сосну близ жилища преподобного. Затем зажгли срубленные деревья, надеясь, что огонь дойдет до кельи святого и она сгорит. Действительно, огонь разлился по острову, с шумом и треском сжигая срубленные деревья, угрожая сосне, стоявшей близ кельи преподобного, и самой кельи, и ее обитателю. Тогда святой Нил слезно молился к Богу об избавлении от напасти, воспевая псалом Давида: «**Бо́же, в по́мощь мою́ вонми́, Го́споди, помо́щи ми́ потщися́; да посты́дятся**

и посра́мятся и́щущие ду́шу мою; да возвратя́тся вспя́ть и посты́дятся хо́тящии ми́ злая́» (Пс. 9.69.1-3). И милосердый Господь не оставил Своего раба, уповающего на Него, но услышал молитву его вскоре и избавил от напасти. Когда огненное пламя, с яростно истреблявшее деревья, дошло до горы, где стояла келья святого, то вдруг, по мановению Божию, угасло, как бы залитое водой. Увидев скорую милость Божию, преподобный возрадовался духом и возблагодарил Господа, а его недоброжелатели со стыдом и страхом возвратились домой.

Но диавол чем более терпел поражений от святого, тем с большей яростью нападал на него. Он возбудил против святого разбойников. Пришли они однажды на остров к подвижнику, думая, что у него много сокровищ, и хотели воспользоваться ими. Преподобный в то время трудился вне кельи. С угрозой они кричали пустыннику: «Старик, скажывай, где твое сокровище?» Святой, ничего не имея у себя, кроме ветхого рубища и одной келейной иконы Пресвятыя Богородицы, которая уже раз спасла его от разбойников, сказал им: «Чада, все мое сокровище - в углу кельи». Они бросились в келью святого; но, как только посмотрели в передний угол, где стояла икона, внезапно ослепли, пораженные ее чудным сиянием. Объятые страхом, они пали ниц на помост келейный и плакали. Преподобный вошел в келью и, увидев разбойников в таком положении, сказал им: «За чем пришли, чада, то и собирайте». Разбойники просили у святого прощения в своих согрешениях и открыли ему все бывшие у них злые умысления на него. Преподобный увещевал их удаляться от худых дел. Они же с горькими слезами умоляли святого: «Прости нас, отче, Бога ради прости, в чем мы согрешили пред Богом и пред тобою, и молись о нас».

Видя, что разбойники с сердечным сокрушением каются в своих грехах, преподобный сжалился над ними, встал на молитву и долго со слезами молился о них Богу. И Господь, милостиво преклоняющийся на молитвы рабов Своих, скоро даровал прозрение покаявшимся разбойникам. После того они припали к ногам святого и воздали ему благодарение.

Он отпустил их с миром, заповедав при этом никому не рассказывать о случившемся. Разбойники при жизни преподобного молчали, по преставлении же его подробно рассказали о том.

Очистившись от страстей пустынными подвигами и терпением, преподобный Нил удостоился особых даров Святого Духа, которые проявлялись в дивных знамениях и чудесах. Преподобный сподобился дара прозрения. Наиболее богобоязненные из Селигерских рыболовов посещали пустытника, когда ловили на озере рыбу, и приносили ему часть своего улова. Преподобный принимал от них рыбу с благодарением, как посланную Самим Богом, и питался ею во славу Божию.

Однажды, окончив свою ловлю на озере, рыболовы пристали к Столобному острову и одного товарища послали с рыбой к преподобному Нилу. Увидав его еще издалека, святой закрыл оконце кельи своей и не отзывался на стук и зов посетителя. Рыболов возвратился к товарищам своим и рассказал о происшедшем. Товарищи спросили его: «Не сделал ли ты, брат, какого греха, что святой отвернулся от тебя?» Он сознался им в плотском грехе. Тогда рыболовы послали с рыбой к преподобному другого товарища. Святой охотно принял дар усердия и, благословив принесшего, отпустил его с миром. Придя к своим, он рассказал, как охотно принял дар от него пустыжник, как благословил его. И рыболовы дивились дару прозрения, которым обладал преподобный Нил.

Много лет подвизался преподобный на указанном ему от Бога острове. На месте вырубленного и сожженного прежде селигерцами леса поднялся новый, и вот опять нашелся дерзкий человек, который приехал ночью на остров и стал рубить вновь выросший лес на дрова. Имя этого поселянина было Стефан, прозвание «Шам». Он или забыл, что было прежде при порубке леса на острове, или не верил рассказам о знамениях благодати Божией, ограждавшей преподобного, и не считал его святым. И вот когда Стефан нарубил целый воз дров и хотел уже ехать, вдруг, как страшный гром, раздался голос, говоривший: «Человече, перестань делать неприятности рабу Божию!»

Крестьянин упал на землю и долго лежал, как мертвый. Когда он очнулся, как бы от крепкого сна, то опять пытался уехать с нарубленным лесом домой, но лошадь его не могла двинуться с места. Долго трудился Стефан, но все без успеха и отсюда понял, что сила Божия не попускает ему съехать с острова с возом дров, ради молитв преподобного Нила. Поэтому, сложив с воза нарубленные дрова и обещаясь впредь никогда не рубить леса на Столобном острове, он отправился домой, но рассказал о чуде только после преставления святого.

Преподобный Нил обладал также даром совета и разума духовного. Поселянин Федор Харитонов, живший нерадиво, пришел к нему, оскверненный плотским грехом. Преподобный, хотя и допустил его к себе, но обличил в грехе и дал ему наставление и увещание вести чистую жизнь. Слушая со вниманием наставления святого, Феодор пришел в страх Божий, начал часто посещать преподобного для душеполезных наставлений, провел остальное время жизни в целомудрии и чистоте и скончался добрым христианином.

Для простого народа, косневшего во тьме невежества, преподобный Нил был поистине светильником всесветлым. На уединенный Столобный остров, как прежде в пустыню Серемхскую, к подвижнику приходило множество народа, жаждавшего получить от него наставление, совет, утешение или молитвенную помощь. Особенно почитали святого и часто бывали на острове Осташковские жители. Видя, какие чудеса творит Бог по молитвам угодника Своего - преподобного Нила, благочестивые осташковцы с верою начали призывать угодника Божия на помощь и прибегать к его молитвам. Замечая на озере обуреваемых волнами пловцов, святой Нил своими молитвами укрощал ветры и избавлял плавающих от опасности потопления; и во всяких скорбях и напастьях он был скорым помощником и утешителем для всех, призывавших его имя в подкрепление молитв своих.

Проводя дни и ночи в молитве и помышлении о Боге, преподобный Нил не позволял себе и на краткое время ложиться на одр. Когда же доходил до крайнего изнеможения,

то, стоя на коленях, для отдыха он опирался руками на два больших деревянных крюка, вбитые в стене его кельи.

Преподобный Нил живо содержал всегда смерть в памяти своей. Но чтобы еще более усилить память смертную, подвижник еще за много лет до кончины выкопал в часовне могилу и, поставив в ней вытесанный своими руками гроб, приходил к нему каждый день плакать о грехах своих.

Среди неослабных подвигов поста, бдения и молитв преподобный приблизился к исходу из сей временной жизни, и Господь даровал ему извещение об этом. Теперь подвижник усердно молил Бога да сподобит его причаститься Святых Христовых Таин, и молитва его была услышана.

Вскоре после того, по устроению Божию, прибыл на остров Столобное для посещения преподобного настоятель Никольского Рожковского монастыря (находился в 4-х верстах к западу от Ниловой пустыни) игумен Сергей, духовный отец подвижника, и принес с собою Святые Дары. Увидев отца духовного, преподобный исполнился великой радости. По его просьбе игумен Сергей исповедал его и приобщил Святых Таин. После того, беседуя с Сергием, преподобный Нил исполнился пророческого вдохновения и сказал своему духовному отцу: «Отче святой! По моем отшествии к Богу, на сем острове Бог воздвигнет храм в прославление Своего Имени, и место сие будет жилищем иноков». Это сбылось через 40 лет по преставлении преподобного. Когда же игумен расставался с подвижником, то преподобный сказал ему: «Отче святой, приди опять, посети меня грешного, приди Господа ради, приди». Игумен обещался опять посетить преподобного и отправился в свой монастырь.

Оставшись один, преподобный Нил всю наступившую ночь провел в своей келье на молитве. По окончании ее, почувствовав крайнее изнеможение, он оперся подмышками на крюки и в таком положении, предстоя пред Богом на молитве, уснул вечным сном. Кончина преподобного Нила последовала 7-го декабря 1554 г. На другой день игумен Серий и братия пришли посетить подвижника и нашли его уже почившим. Лицо святого было светло, как у живого; вся келья

наполнилась благоуханием. Опрятав (опрытоваю – убираю, укладывая прилично мертвое тело.⁵⁶ С. 386) честное тело преподобного и совершив надгробное пение, игумен Сергий с братиею положили его во гроб, который сам угодник приготовил для себя в часовне.

Всего преподобный прожил в пустыне 40 лет: у реки Серемхи 13 лет и 27 - на Столобном острове. Во все это время он неисходно пребывал в пустыни: не выходил ни в город, ни в села, непрестанно молился Богу, Которого возлюбил от утробы матери своей и от Которого восприял за то блага, уготованные любящим Его.

Спустя немного лет по преставлении преподобного Нила, на Столобенский остров пришел иеромонах Герман, из братии близ лежащего Николаевского Рожковского монастыря. Много слыша о жизни и подвигах преподобного Нила, он питал к нему в душе великое благоговение и любовь и желал, пополнив сведения о святом, написать его житие. Поэтому несколько раз он посещал Столобенский остров как для мысленного общения с преподобным, так и для того, чтобы слышанное о нем проверить и пополнить на месте свидетельствами лиц, знавшими преподобного. В то время пустынный остров стали посещать любители уединения, и некоторые проживали в келье преподобного Нила довольно долгое время.

Первым поселился здесь игумен одного из Новгородских монастырей Антоний, с которым Герман прожил вместе на острове три года; пустынники возобновили над могилой преподобного Нила часовню, а поверх могилы устроили гробницу и накрыли ее покровом. Прожив три года, Антоний и Герман оставили остров. В это время над мощами преподобного время от времени начали совершаться чудеса и знамения.

Приходящие ко гробу угодника Божия с теплою верою больные и немощные получали исцеление от своих недугов. Но те, которые не почитали почившего святого, не берегли места его подвигов, получали грозное вразумление. Проезжал раз озером в Осташков Иоанн Куров. Он завернул к острову Столобному, потом пошел в часовню на гроб

преподобного Нила. Здесь Куров прельстился покровом, лежавшим на гробе святого, и думал присвоить его себе. Когда он начал поднимать покров, то увидел, что вместе с ним поднимается и гробница. Иоанн так испугался, что помещался умом, проболел полгода и исцелился только тогда, когда покался пред гробом чудотворца.

Один житель Осташкова хотел срубить большую сосну близ кельи преподобного Нила, но неведомой силой был откинут далеко от нее, вразумился и просил прощения у гроба святого. Другой, рубя это дерево, сломал три топора и также с раскаянием вернулся домой. И долго после кончины преподобного Нила на горе пустынного острова стояла эта сосна, видимая со всех сторон издалека, напоминавшая проезжавшим о месте подвигов пустытника.

Около 1590 г. Герман снова пришел в пустыню преподобного, которая уже славилась чудесами. В то время здесь жил странник Борис Холмогорец. При помощи многих боголюбивых окрестных жителей Герман и Борис построили на Столобном острове первую деревянную церковь во имя Богоявления Господня с приделом во имя блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца. (Память его празднуется 2-го августа.)

Вскоре после устроения храма написан был лик преподобного Нила двумя иноками Вознесенского Оршина монастыря. (Монастырь этот находится в 20 верстах от города Твери вниз по течению Волги, на левом берегу ее, при впадении в нее речки Орши. Когда и кем основан, неизвестно. В половине XVI столетия уже существовал. С 1764 г. монастырь заштатный.) Лик преподобного писан был по рассказам тех, кто знал его при жизни и хорошо его помнил. После этого было установлено местное празднование памяти преподобного Нила. В 1599 г. инок Филофей составил житие угодника, написал стихиры и канон преподобному.

Вслед за этим, чрез сорок лет по преставлении преподобного Нила, при содействии Божиим, собрались на острове иноки, построили кельи, обнесли все строения оградой и начали здесь жить. Таким образом устроился на Столобном

острове в честь и память преподобного Нила общежительный монастырь. Обитель эта приняла название по имени преподобного Нила и называется с того времени и поныне Ниловою Пустынью. Первым настоятелем (строителем) монастыря поставлен был иеромонах Герман († 1614). Разрешение на основание обители дано Герману от Патриарха Иова. Построение храма и основание монастыря на Столобном острове произошло в 1591-1594 годах.

После устроения обители на Столобенском острове чудеса при гробе преподобного Нила не переставали совершаться. Упомянем два из них.

В праздник Василия Блаженного (2 августа), когда в пустынь собирались богомольцы - миряне с женщинами и детьми, два мальчика зашли в часовню, где гроб преподобного, и по неразумию начали играть, бросать один в другого рябиной. Внезапно загредел страшный гром, дети обмерли и упали на землю. Когда народ увидел мальчиков, лежавших без движения, стали служить угоднику молебен и призывать его на помощь. Дети пришли в себя и рассказали, что когда они бросали рябину, то увидели старца, который велел им перестать; они не послушали его и от страшного грома упали на землю. По усердной молитве родителей, дети возвратились домой здоровыми.

Исаия Травков, слуга боярина Бельского, проезжая раз озером Селигером мимо Столобного острова, кощунственно говорил перед своими спутниками: «Хотя ты, Нил, и свят, а я все-таки проеду мимо».

Когда Исаия вернулся домой, он внезапно захворал каменной болезнью. Едучи в другой раз по озеру, Исаия почувствовал себя особенно плохо, еле дышал и говорил едущим с ним, что он умирает. Тут он вспомнил о своем кощунстве, понял, что наказан преподобным и просил привести его на остров Столобное. Как только вынесли Исаию на остров, ему стало лучше: он сам дошел до часовни, пред гробом угодника Божия покался в своем безумии и получил исцеление. После того преподобный Нил явился Исаии во сне и сказал: «Почему ты не заезжаешь к Нилу и говоришь, что он не творит

чудес? А это разве не чудеса?» И потом по книге начал читать сказание о чудесах своих. После того вразумленный Исаия почитал преподобного Нила великим чудотворцем.

Однако, несмотря на многочисленные чудеса, более ста лет святые мощи преподобного Нила пролежали в земле. Они были обреты при следующих обстоятельствах. В августе 1665 г. в Ниловой пустыни произошел пожар: церковь и все другие деревянные здания монастыря сгорели. Архиепископу Нектарию, управлявшему тогда Ниловым монастырем, пришла мысль построить в обители каменную церковь. Он испросил на это разрешение у царя Алексея Михайловича; но до начала строения не дожил (скончался 15 января 1668 г.). Строение каменной церкви пришлось начинать его преемнику по управлению монастырем, игумену Герману II-му. По грамоте патриаршего местоблюстителя, Новгородского митрополита Питирима, в мае месяце 1667 г. приступили к работам. Разобрана была деревянная часовня, временно устроенная после пожара над гробницею преподобного Нила, и 24 мая начали копать рвы под фундамент нового храма по составленному заранее чертежу; на другой день ров довели до того места, где по чертежу линия его проходила в полутора аршинах от гробницы преподобного.

Копали в этом месте братия монастыря под наблюдением игумена, чтобы не потревожить святые мощи; но 27 мая земля, закрывавшая их, сама собой внезапно осыпалась, и мощи преподобного обнаружились: гроб и тело истлели, а кости все оказались целы.

Обретение мощей святого Нила предуказано было монастырю некоторыми чудесными знамениями и явлениями самого преподобного. С 17 на 18 мая, в третьем часу ночи, иеромонах Ниловой пустыни Леонтий и монастырские работники ловили рыбу на озере, в 6 верстах от монастыря, и видели над ним столп огненный, который стоял от земли до неба и потом спустился на землю. За два дня до обретения мощей, на восходе солнца, когда братия начинали копать ров близ гробницы преподобного, работники монастыря, ловившие рыбу в 2 верстах от обители, видели над гробницею

большую горящую свечу и подумали, что пред гробом чудотворца совершают молебен. В самый день обретения мощей явился преподобный Нил иеромонаху пустыни Александру во время дневного отдыха его, повелевая ему воспрянуть от сна. В тот же день преподобный явился, лежа на одре, и самому игумену Герману, как бы живой, повелевая поднять себя с одра. Игумен Герман с братиею монастыря, воздав благодарение Богу, с глубоким благоговением вынули святые мощи из земли, положили их в новый деревянный гроб и, накрыв их, поставили поверх земли. Потом отправили донесение об этом царю Алексию Михайловичу и митрополиту Питириму. В июне месяце от митрополита отправлена была в Нилову пустынь грамота, которою поручалось самому игумену с братиею совершить открытие святых мощей. Сам митрополит был в это время на соборе в Москве. При этом предписывалось переложить святые мощи в новую раку, поставить их - до окончания каменного соборного храма - в построенной на время деревянной Покровской церкви, а обретение святых мощей ежегодно праздновать 27 мая.

Когда постройка каменного храма была окончена, святые мощи торжественно перенесли сначала в 1669 г. в придел святого Иоанна Богослова, а затем, в 1671 г., когда каменный храм был освящен, поставлены здесь на правой стороне, повыше правого клироса. Со времени открытия мощей, как и ранее его, при гробе преподобного Нила совершались многочисленные чудеса. Неиссякаемо изливаются они для всех истинно верующих и доныне. При мощах преподобного хранятся келейная его икона Божией Матери и известная по чудесам схима святого, лежавшая в земле 112 лет и не подвергшаяся тлению.

Каждый год в день обретения мощей преподобного Нила, 27 мая, совершается особенное торжество в Столобенской пустыни: обнесение святых мощей вокруг монастыря и крестный ход из города Осташкова. Крестный ход отправляется в Нилову пустынь по озеру Селигеру на особо устроенной барке, на которой помещаются духовенство, хоругви с иконами. Барку эту сопровождает множество богомольцев на лодках.

В обители преподобного Нила с древних времен установлено бесплатное странноприимство, на что расходуются монастырем десятки тысяч рублей. Приходящие странники и богомольцы принимаются в гостиницах и довольствуются всем потребным.

Тропарь, Глас 4

ко светильник всесвѣтел явѣлся еси во
островѣ Гелигѣра ѣзера, преподобне ѡтче
Ниле; ты во крѣст Христовъ от юности
своея на рамо взѣмъ, усердно Тому послѣдовал еси,
чистотою Бѣгови привлижився, отнѣдуже и чудесъ
дарованіемъ обогатѣлся еси. Тѣмъ и мы,
притекающе къ раце мощей твоихъ, умильно
глаголемъ: ѡтче преподобне, моли Христа Бѣга,
спастиися душамъ нашимъ.

Кондакъ. Глас 8

тѣчества преподобне удалився, в пустыню
вселѣлся еси, и на островъ Гелигѣра ѣзера
возшедъ, жестоко житіе показал еси, и
многихъ добродѣтелями удививъ, дарованія чудесъ
от Христа прѣял еси; поминай насъ, чтущихъ
память твою, да зовѣмъ ти:
радуйся Ниле ѡтче нашъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Чистякова Ю.

Преподобный Нил Столобенский и его монастырь //
София. Новгород. 2000. № 2. С. 16-18.

У Нила Столобенского, избравшего подвиг столпничества, не было учеников и совсем немного свидетелей его подвигов: окрестные жители да разбойники. И тем не менее сквозь века дошло до

нас его житие, записанное по просьбе столобенцев в Болдинском монастыре преподобного Герасима в начале XVII века. А святитель Дмитрий Ростовский включил его в свои Четьи-Минеи, откуда и в наши дни можно узнать о жизни святого.

Обретение мощей совершилось 27 мая 1667 г., о чем было сообщено митрополиту Новгородскому Питириму: «Гроб и тело его святое земле предадися, а мощи святые целы все». В ответ же митрополит даже дал указание игумену монастыря о необходимых предметах и покровах для сооружения раки. И до 1917 г. мощи преподобного почивали в серебряной раке, а при мощах хранились его келейная Владимирская (так называемая Селигерская) икона Богоматери, а также известная по чудесам его схима, пролежавшая в земле 112 лет. 27 мая по старому стилю ежегодно совершался водный крестный ход из города Осташкова в Нилову пустынь при многочисленном стечении народа. Этот Крестный ход до 1917 г. был одним из немногих в России водных Крестных ходов со множеством украшенных судов и лодок. Лубочная картина с изображением торжественной процессии висела в доме каждого жителя Осташкова.

Первым настоятелем и фактическим основателем Ниловой пустыни стал иеромонах Николо-Рожковского монастыря Герман. Он построил над могилой Нила часовню, а спустя около сорока лет после кончины преподобного, в 1591—1594 годах, первую деревянную Богоявленскую церковь и колокольню «столб дубовый». Тогда же появилось первое иконописное изображение Нила Столобенского, исполненное двумя иноками, знавшими святого лично.

В первые годы пустынь была заброшенной, ее часто разоряли поляки. Но благодаря тому что земли вокруг Столобного острова и сам остров принадлежали боярину Лыкову — ближайшему родственнику царя, начался бурный расцвет пустыни. Родовитому боярину было легко содержать в своей отчине монастырь. Нил считался его небесным покровителем, и поэтому пустынь получала от Лыкова всяческую поддержку. Вклады сюда делали и князья Трубецкие, и Дмитрий Пожарский, и боярин Колотовский, и даже сам царь. Вклады были столь значительны, что в 1622 г. возвели «о пяти главах на клетках» деревянную Покровскую церковь, а вместо сторевшей Богоявленской над могилой Нила в 1635 г. была построена вторая деревянная церковь. Монастырь обнесли оградой с «осьмистенной колокольней» над воротами. Устроили больничные и гостинные кельи. В 1665 г. сильный пожар уничтожил все деревянные постройки. Настоятель Нектарий просит разрешения на строительство каменной церкви, и в 1667 г. в монастыре

заложили первую каменную Богоявленскую церковь. Одновременно с собором приступили к возведению стены вокруг монастыря. К сожалению, о первоначальном виде собора и стен можно судить лишь по сохранившимся иконописным изображениям, так как ни собор, ни остальные строения того времени не сохранились.

Середина и вторая половина XVIII века – период интенсивного строительства в монастыре, когда появились его наиболее интересные здания и сооружения. Уже в 1751-1755 годах на месте старых восточных святых ворот строится надвратная церковь Преподобного Нила. Первый ярус этого здания – проездные ворота с двумя калитками по бокам, через которые проходили прибывшие в монастырь богомольцы, а верхний ярус – сама церковь, напоминающая надвратную Тихвинскую церковь Донского монастыря в Москве 1713 г.

Из заброшенного монастырька, какие десятками возникали в XVI-XVII веках, пустынь превратилась в один из крупнейших монастырей России, стала центром монашескующих на острове. Даже в небольшие праздники от наполнявших Нилов монастырь паломников становилось тесно в старом монастырском соборе. В начале XIX века монастырь был настолько богат и популярен, что его настоятель просит «дозволения снести с архитектором Росси ...Ея Императорское величество княгиню Екатерину Павловну ...о составлении плана для нового собора». Карл Иванович с большой охотой принялся за этот проект монастырского собора и вскоре его закончил. Но по неизвестным причинам план Росси так и не был осуществлен. И только в 1821 г. было начато строительство нового Богоявленского собора по проекту И.И. Шарлеманя. Этот архитектор вначале предлагал свой проект на конкурс для Исаакиевского собора, но его замысел не удовлетворил петербургские власти, и проект без всякого изменения осуществили в Ниловой пустыни.

Интересно, что в 1845-1851 годах на другом конце земли, в 257 верстах от Иркутска, при Туранских горячих минеральных водах была основана Туранская мужская пустынь во имя Нила Столобенского – настолько личность преподобного Нила Столобенского была популярна.

Но к началу нашего века Нилова пустынь начала постепенно беднеть. Сократилось количество монахов. Недолгое оживление монастырь, как и город Осташков, пережил в связи с открытием железнодорожной ветки Бологое – Великие Луки, но и оно длилось несколько лет. Началась Первая Мировая война, разгорелась революция. В 1919 г. мощи преподобного, как и большинства русских святых,

были вскрыты. Большевики не замедлили закрыть монастырь, дабы «ликвидировать зревший в монастыре заговор». На его территории была образована коммуна, затем детская трудовая колония. Во время Великой Отечественной войны здесь был госпиталь, на высоком холме у пристани - братская могила воинов, умерших в госпитале от ран. Вскоре после войны на территории бывшего монастыря расположился Дом престарелых, затем турбаза «Рассвет».

Ныне возрождение обители, как почти во всех святых местах России, только начинается. Братии, насчитывающей ныне около тридцати монахов, предстоит много трудов. Но молитвенная жизнь уже сегодня находится на большой высоте. В 1995 г. остров Столобный посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, который также освятил исток Волги, берущей начало неподалеку. Тогда же праздничный Крестный ход, возглавляемый Патриархом Алексием, торжественно возвратил мощи преподобного Нила, хранившиеся до того в Осташкове, в Богоявленский собор монастыря.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, игумена
АНТОНИЯ (в миру Андрея) Сийского ¹

Память его празднуется месяца декабря в 7-й день

† 1556

и

СВЯДЕНИЯ

о преподобных отцах наших

Александре и Иоакиме Сийских ¹

Память их празднуется месяца декабря в 7-й день

† после 1556

Антоний Сийский

о образования Холмогорской епархии (1682 г.) монастыри, приходы Севера находились под управлением Новгородской митрополии. И житие преподобного Антония Сийского изначально связано с Новгородской Землей. Родился преподобный в селе Кехта (40 верст до Архангельска, на берегу Северной Двины). Родители угодника Божия считались состоятельными крестьянами. Его отец Никифор происходил из Новгорода Великого; мать Агафия, – северянка из Кехты⁵⁰. (2001. № 2. С.28.) Это были люди

благочестивой жизни: часто посещали храм Божий, делали посильные приношения в пользу церкви и старались исполнять заповеди Господни. Они горячо молили Господа, чтобы Он даровал им сына, и молитвы их были услышаны. В 1478 г. у них родился сын, первенец, которого они нарекли Андреем. Андрей отличался не только красотой лица, но и своими добродетелями. С ранних лет он был чист сердцем, кроток, незлобив, так что все любили его. Когда Андрею исполнилось семь лет, родители отдали его обучаться грамоте. Отрок быстро усвоил грамоту, а в то же время научился иконописанию и очень полюбил это занятие. Особенно часто он посещал храм Божий. Душа Андрея не лежала к занятиям родителей: сельские работы его не привлекали, ибо он хотел служить Господу. Любил он чтение. Все творения святых отцов и учителей Церкви, какие только мог достать, он изучал с великим рвением. Между тем Никифор и Агафия, почувствовав приближение своей кончины, призвали всех своих детей и сказали им: «Дети, мы достигли глубокой старости, и тяжелые болезни постигли нас, как сами вы видите. Уже недалеко время нашей кончины. Ныне мы поручаем вас Богу и Его Пречистой Матери. Они станут пещись о вас во все время вашей жизни и будут вам помогать во всех ваших делах. Вы же старайтесь всегда соблюдать заповеди Божии. Милость Господня да будет с вами вовеки!»

Вскоре они с миром отошли к Господу. Андрею в то время было 25 лет. По смерти родителей он переселился в Новгород и здесь прослужил одному боярину пять лет. По совету боярина вступил в брак. Но жена его через год умерла, и святой Андрей увидел в этом волю Божию. Он вернулся на родину, однако не долго пробыл там. Продав свою часть из имения родителей, он роздал бедным вырученные деньги и навсегда удалился из Кехты, чтобы служить Единому Господу.

Преподобный направился в обитель Пахомия (Спасо-Преображенская Кенская обитель) близ озера Кено, не взяв с собою даже другой смены одежды. Верст за пять до обители его застигла ночь. Святой стал усердно молить Господа, чтобы он указал ему путь, и после молитвы заснул. Во сне

явился ему благолепный муж в светлых ризах с крестом в руках и сказал: «Возьми крест свой и не бойся вступить на подвиг твой. Подвизайся и не страшись козней диавольских, ибо ты будешь муж желаний духовных и явишься наставником множества иноков». Осенив его крестом, дивный муж сказал еще: «Сим побеждай лукавых духов».

Святой тотчас же пробудился. Сердце его было исполнено духовной радостью. Всю остальную ночь он провел в молитве. Наутро, войдя в обитель преподобного Пахомия, он припал к ногам благочестивого основателя и начальника Кенской обители и с великим смирением просился в число иноков. Пахомий указывал на трудность иноческой жизни, говорил, что обитель его недавно основана, но ничто не могло удержать избранника Божия. Прозревая в пришедшем будущего подвижника, Пахомий принял Андрея в число иноков и облек в иноческие одежды, причем его нарек Антонием в честь преподобного Антония Великого. (Память преподобного Антония Великого 17 января.) Это произошло в 1508 г., когда преподобному Антонию было 30 лет.

Сам Пахомий стал руководить новоначальным иноком, взяв его в свою келью. Новый инок прежде всех являлся в храм Божий, постоянно хранил в своем сердце память о страшном суде и о будущем нелицеприятном возмездии. Отличаясь крепким здоровьем, он охотно исполнял самые тяжелые работы, занимался земледелием, трудился на поварне, усердно работая на братию. Телесным трудом преподобный умерщвлял свою плоть и тем очищал свою душу. Сильно он боролся с наваждениями злых духов и всегда побеждал их. Спал он крайне мало, соблюдал строгий пост, пищу вкушал через день и то помалу.

За такую подвижническую жизнь вся братия относилась к нему с любовью и уважением. Но великий своим смирением, святой Антоний тяготился людской хвалой. В то время в обители не стало иеромонаха. Преподобный Пахомий и братия просили Антония принять на себя сан священства. Уступая их просьбам, он отправился в Новгород к архиепископу и принял от него священный сан. Возвратившись

в обитель, подвижник начал вести еще более строгую жизнь. В монастыре была больница. В свободное от богослужения время святой Антоний ухаживал за больными: сам готовил для них воду, омывал болящих, стирал их одежды, ободрял и утешал своим словом. Так он подготавливал себя к будущим подвигам. Любя уединение, преподобный просил Пахомия благословить его на этот подвиг. И Пахомий благословил его, видя его добродетели и труды.

Преподобный отправился искать себе пустынное место для подвигов. Его сопровождали два благочестивых инока Кенской обители - Александр и Иоаким. Из Кенской обители преподобный Антоний со спутниками своими поплыл по реке Онеге до речки Шелексны. Поднимаясь по течению этой реки лесами и непроходимыми дебрями, иноки пришли на реку Емцу, в которую Шелексна впадает, к порогу, называемому Темная Стремнина. (Емца или Емец, река Архангельской губернии, левый приток Северной Двины.) Место это понравилось отшельникам; они поставили здесь хижину, а через несколько времени (в 1513 г.) построили небольшой деревянный храм во имя святителя и чудотворца Николая и кельи. К трем подвижникам присоединилось еще четверо иноков: Исаия, Елисей, Александр и Иона. Место, избранное преподобным Антонием, было покрыто густым лесом и расположено вдали от человеческих жилищ. Безмолвие тихой пустыни нарушалось только горячими молитвами иноков да пением птиц. Сурова была природа, суровы были и подвиги иноков. Только Господу Богу и самим подвижникам было известно, сколько лишений они претерпели в это время. Семь лет провел святой Антоний со своими сожителями, постоянно молясь и трудясь. Но враг рода человеческого не мог более сносить их благочестия. Он внушил жителям соседней деревни Скороботовой мысль, что с основанием обители земля их будет взята у них преподобным. Жители восстали против отшельников и изгнали их. Преподобный Антоний кротко удалился со своими учениками из того места и направился еще дальше на север. Удаляясь от них, преподобный сказал: «Живите ни голо, ни богато», - и предсказание его сбылось.

Снова начались странствования иноков по лесам и болотам. Однажды преподобный Антоний молился вместе с братией. Святой стоял впереди прочих с воздетыми руками. Во время молитвы к инокам подошел рыболов Самуил. Дождавшись окончания молитвы, он приблизился к преподобному и просил его благословения. Святой Антоний благословил Самуила, затем долго беседовал с ним и просил указать место, удобное для иноческих подвигов. Самуил привел иноков к Михайлову озеру, откуда вытекает река Сия (левый приток Северной Двины), на озере – небольшой полуостров. Место это отстояло на 78 верст к югу от Холмогор и было еще более пустынно: непроходимые дебри, темные леса, чащи, болота, заросшие мхом, глубокие озера – таковы были стены, отделявшие от мира место подвигов преподобного Антония. Единственными обитателями этого места были дикие звери. Здесь никогда не было человеческого жилья, одни лишь звероловы заходили порой сюда. И они рассказывали, что на этом месте не раз слышали они звон колоколов, пение иноков. Иногда им представлялось, будто иноки рубят лес. Отсюда составилось убеждение, что место Самим Богом предназначено для обители.

Место понравилось блаженному, и он решил здесь поселиться: построил часовню и келии. Так была основана знаменитая потом Сийская обитель. Это произошло около 1520 г., когда преподобному было 42 года от роду. Вначале инокам приходилось переносить много лишений. Сам преподобный вместе с другими иноками вырубал лес и копал землю. Этим сподвижники добывали себе скудное пропитание. Питались и «саморастущими былиями», то есть ягодами, корнями трав и грибами. Но часто не хватало им хлеба, масла и соли; приходилось терпеть голод. Однажды скудость была столь велика, что иноки стали роптать и даже хотели оставить то место. Но Господь помог преподобному Антонию. Неожиданно явился неизвестный христороувец, который доставил братии хлеб, муку, масло и дал еще средства на строение обители. Христороувец сказал о себе инокам, что он совершает далекое путешествие и теперь идет в Великий

Новгород, обещал возвратиться к ним, но более уже никогда не возвращался.

Около того времени сборщик дани от Новгородского владыки (новая обитель находилась в области Великого Новгорода) Василий Бебрь, думая, что у преподобного Антония много денег, подговорил разбойников ограбить инок. Но Господь хранил Своих верных рабов. Когда хищники хотели напасть на обитель, им показалось, что ее охраняет множество вооруженных людей. Разбойники засели в лесных дебрях, окружавших то место, но не могли дожидаться времени, удобного для нападения. Потом, гонимые ужасом, побежали, и, когда обо всем сообщили Бебрю, он понял, что сам Господь защищает инок. Пришел к преподобному Антонию, упал пред ним на колена и раскаялся в своем согрешении. Старец кротко простил его.

Слух о подвигах преподобного и сожителей его распространился по окрестностям, и многие стали приходить к ним и доставлять средства к жизни. Некоторые принимали пострижение от руки подвижника. Когда число учеников умножилось, преподобный Антоний послал в Москву учеников своих Александра и Исаию. Они должны были испросить у великого князя Василия Иоанновича (княжил 1505-1533 гг.) разрешение на постройку новой обители. Великий князь милостиво принял инок, вручил им грамоту на землю, которую занимал монастырь, пожертвовал церковную утварь и ризы. С радостью были встречены иноки, принесшие из Москвы царскую грамоту и пожертвования.

Преподобный Антоний начал усердно строить обширный деревянный храм во имя Пресвятой Троицы. Наконец храм был окончен. Местную икону Живоначальной Троицы по преданию писал сам святой Антоний. Но Господь хотел испытать терпение рабов Своих. Раз после утреннего пения, когда преподобный Антоний с братией был на работе, от оставшейся непогашенной свечи храм, выстроенный с таким старанием, сгорел. После сего братия даже хотели разойтись. Они были утешены лишь тем, что местная икона Пресвятой Троицы осталась совершенно неповрежденной.

Тогда построили новый храм, и чудесно сохранившаяся икона была торжественно внесена в него. Вскоре от нее по молитвам святого недугующие стали получать исцеления.

Кроме этого храма, преподобный выстроил еще две церкви: одну - в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, другую - во имя преподобного Серия, Радонежского чудотворца, к которому преподобный часто обращался в своих молитвах. Когда обитель была устроена, братия стали просить подвижника, чтобы он принял игуменство. Смиренный подвижник должен был уступить настойчивым просьбам братии и принять на себя управление монастырем.

Несколько лет он управлял обителью и показывал всем добрый пример. Ежедневно преподобный являлся в храм Божий и, стоя на божественной службе от начала и до конца ее, не опирался на жезл, не прислонялся к стене. И за братией следил, чтобы соблюдали благочиние в церкви: не переходили с места на место, не выходили вон без крайней нужды. Предписывал братии неопустительно исправлять и келейное правило. По окончании молитвы подвижник первый являлся на работу и здесь подавал пример трудолюбия братии. Любил он и божественные книги и собрал в своей обители много писаний отцов и учителей церкви.

Проводя ночи в молитве, преподобный отдыхал, лишь на недолго забываясь сном после трапезы. Пища его была такая же скудная, как и у братии. Одежда ветхая, покрытая заплатами, как одежда нищих, так что никто из посторонних не узнавал в преподобном начальника обители. Заботливо обходил подвижник монастырские службы - пекарню и поварню, ободрял братию, несущих эти тяжелые послушания, и советовал им избегать праздных бесед. С особенною любовью посещал преподобный Антоний монастырскую больницу, наставлял болящих иноков с благодарностью переносить недуги и непрестанно молиться, памятуя о приближающемся смертном часе. Для ухода за больными преподобный поставил особого надзирателя. Было уставлено в обители строгое общежитие - общая и для всех равная пища и одежда. Хмельные пития запрещались совершенно:

предписывалось не принимать их и от христороубцев, даже не допускать принесших к монастырю. «И сим уставом блаженный возможе пьянственного змия главу отторгнуть и корение его отсеци», - так свидетельствует жизнеописатель преподобного. Много заботился подвижник и о нищей братии: обязал иноков подавать неоскудную милостыню. Делал это нередко и сам, тайно от братии, боясь вызвать их ропот.

Слыша о строгой жизни святого, многие стали приходить к нему, просили его молитв, и некоторые поступали в число братии. Всех иноков собралось в обитель 70 человек. Многие между ними отличались святостью своей жизни и духовными трудами; один из них, Иона, составил потом житие своего духовного отца и наставника.

Но преподобный Антоний тяготился людской славой. После нескольких лет управления обителью, избрав на свое место Феогноста, мужа опытного в духовной жизни, он оставил игуменство и вместе с одним простым иноком удалился из обители в уединенное место. Сначала преподобный Антоний поселился на острове Дубницкого озера, в 3 поприщах от обители, вверх по течению реки Сии. Остров был весьма красив и удобен к пустынножительству. Обошел его преподобный, осмотрел весь и возлюбил: остров окружали озера, по берегам которых росли непроходимые леса, расстилались болота, заросшие мхами. Преподобный Антоний поселился здесь, поставил малую хижину и часовню во имя святителя и чудотворца Николая и еще ревностнее, чем прежде, начал подвизаться в безмолвии, непрестанной молитве и трудах: рубил лес, очищал место для посева, копал землю своими руками, сеял хлеб и питался от трудов своих, а оставшийся хлеб отсылал в монастырь. Ночью, по вечернем правиле, подвижник до самой заутрени молот муку. В летние ночи обнажался он до пояса и отдавал свое тело на съедение комарам.

Господь сподобил подвижника дара прозорливости. Юный инок Сийского монастыря Филофей, боримый искушителем, задумал уйти в мир, расстричься и жениться. Но ему пришла благая мысль зайти к преподобному в пустыню

и принять от него благословение. Увидя Филофея, подвижник обратился к нему с такими словами: «Что это, чадо, пришел ты сюда, смущаемый от злого помысла? Хочешь уйти в мир, расстричься и думаешь утаить это от меня». Услышав свою тайну из уст преподобного, Филофей устранился, упал к ногам его и во всем признался. Подвижник поднял его, ободрил и после наставления отпустил в монастырь.

Через некоторое время преподобный Антоний отошел в другое уединенное место за пять поприщ от прежнего, на озеро Падун, и, поставив там себе келью, предан был молитвенным подвигам. Это место было окружено горами. На горах рос такой высокий лес, что снизу казалось - он достигал до небес. Келия преподобного приютилась у подножия этих гор и как бы обсажена была кругом двенадцатью белыми березами. Печальна была эта вторая пустыня преподобного, она располагала к богомыслию и молитве. Подвижник сколотил из бревен плот и с него удил рыбу на озере для пропитания. Во время ужения он обнажал голову и плечи на съедение комарам и оводам: насекомые слетались роями, покрывали его тело, кровь струилась по шее и плечам, а подвижник стоял недвижимо. Так прожил преподобный два года вне своей обители, в обеих пустынях.

Между тем Феогност отказался от игуменства. Братия просили преподобного, чтобы он снова принял игуменство: «Отче, не оставь нас, чад своих, - говорили со слезами братия, - иди в обитель свою и пребывай с нами. Если же не придешь, мы все разойдемся как овцы, не имеющие пастыря». Преподобный Антоний склонился на их просьбу. Снова начал он управлять обителью, подавая всем пример благочестивой и подвижнической жизни. От старости он не имел уже сил исполнять тяжелые работы, но не унывал в молитве, не ослабевал в посте.

Тогда проявился у преподобного Антония дар чудотворений - награда святой его жизни. Перед самым праздником Преображения иноки целую ночь трудились на рыбной ловле, но ничего не поймали. Печальные пришли они в монастырь, но преподобный, ободрив их, снова послать на озеро,

к Красному мысу, говоря: «Чада, окажите послушание и узрите славу Божию, ибо Господь милостив: Живоначная Троица не забудет ваших трудов и не оставит братий наших, верно служащих Господу на этом святом месте, алчущими в великий праздник». Иноки отправились на указанное место, закинули сеть и поймали такое множество рыбы, что долгое время питались ею и после праздника. С тех пор стали называть эту тоню Антониевой.

От суровых подвигов и от старости тело преподобного Антония высохло и ослабело, весь он сгорбился, не мог сам ходить, так что водили его братия. Но он не прекратил своих подвигов и сидя исполнял молитвенное правило.

Видя изнеможение своего наставника и ожидая близкую кончину его, братия просили преподобного дать им письменный устав и указать себе преемника по управлению монастырем. Преподобный исполнил просьбу скорбящих учеников своих: поставил им строителя обители Кирилла, а игуменом на свое место - Геласия. Геласий в то время был за морем, на реке Золотице, посланный по делу. (Река Золотица Архангельской губернии на северо-восточном берегу Белого моря и впадает в него.) Кирилл находился в монастыре, и подвижник обратился к нему с предсмертным наставлением. Он убеждал нерушимо соблюдать устав монастырский - в церковной службе, в пище и питии, равно любить братий и быть всем слугой. Всякие монастырские дела обсуждать со всею братиею на трапезе и без совета с ними не делать ничего, чтобы не было в монастыре неудовольствий, предписывал посещать больных братий и особенно о них заботиться.

Затем обратился к собравшимся братиям и уговаривал их не ослабевать в молитвах, иметь взаимную любовь и единомыслие, удаляться гнева и лукавых слов, повиноваться старшим, хранить чистоту телесную и душевную, иметь пищу по уставу монастыря и совершенно избегать пьянства - не варить хмельных питий в монастыре и не держать их, без всякого нарушения соблюдать общежительный устав обители.

Для большей же крепости своих распоряжений подвижник передал братии завещание, писанное своею рукою, содержащее и правила иноческого жития.

В назидание и руководство современным инокам приведем эти правила Сийского подвижника.

«А которые братья ропотники и раскольники (то есть, нарушители братского единения) не восхотят по монастырскому чину жить, строителю и братии не почнут повиноваться, тех изгоните из монастыря, чтобы и прочие имели страх». Впрочем, после искреннего раскаяния их следует снова принимать и держать, как братию, равно как и тех раскаявшихся, которые выехали из монастыря при жизни преподобного и свезли монастырскую казну. «Да прежде имейте страх Божий в сердце своем, да вселится в нем Дух Святой, да научит Он вас и наставит на истинный путь. А между собою имейте любовь и покорение о Христе друг к другу, чем покроете многие грехи свои. В общежитии живите равно и духовно, и телесно, в пище и в одежде, по заповеди святых отец. Строителю не прибавляйте на трапезе ничего из пищи и питья сверх братского довольствия. То же равенство и в одежде и в обуви. Питья хмельного не держите в монастыре, не принимайте его и от христолюбцев. Женский пол в монастыре отнюдь не должен ночевать, также и миряне (мушчины) не ночевали бы с братьями и не жили бы по келиям. Нищих поите и кормите вдоволь и милостыню им давайте, да не оскудеет место сие святое. А братия, которые здоровы, не оставались бы без монастырского послушания ради спасения своего, исключая больных. Близ монастыря не позволяйте крестьянам ставить починков и дворов, кроме коровьего двора, да и тот пусть будет за озером. Сие, молю вас, храните и да будет с вами милость Божия». Своему будущему заместителю Кириллу он внушает смирение и кротость: «Не яр буди к меньшим себе, но с кротостью наказуй согрешающия, блудый себе, еда и ты в некоем прегрешении искушен будеши». Когда братия спросили, где предать погребению его тело, святой отвечал: «Связавши ноги, влеките мое грешное тело в дебрь и затопчите его во мху, в болоте, на растерзание зверям и гадам, или повесьте на дереве на съедение птицам, или же бросьте с камнем в озеро».

Но иноки прямо сказали, что не сделают этого, а честно погребут его. Накануне своей кончины преподобный приобщился Святых Христовых Тайн. На следующий день, 7 декабря 1556 г., перед утреней, простившись с братией, подвижник мирно предал Господу свою душу, прожив всего 79 лет. Из них 37 лет преподобный провел в пределах Сийских - в обители и пустынях. Братия честно погребли мощи его в храме Живоначальной Троицы, на правой стороне близ алтаря.

Оставив видимым образом братию, преподобный не представлял их своей помощью, как и всех призывающих его имя. Много чудес совершилось при его честных мощах. Укажем наиболее замечательные.

Священник соседнего села Харитон относился с завистью к памяти преподобного Антония и с хулою отозвался раз о нем. После того Харитон внезапно ослеп и скоро понял, что Господь наказывает его за хулу на святого. Тогда он начал раскаиваться в своем прегрешении, усердно молился преподобному и снова прозрел. Благодаря Господа и Его угодника, Харитон поступил после того в Сийский монастырь и здесь подвизался в трудах иноческих.

При жизни своей преподобный Антоний любил писать иконы. Еще и доньше сохраняются святые иконы, писанные его рукою. И по кончине своей он покровительствовал людям, занимавшимся этим богоугодным делом. Так игумен Сийского монастыря Питирим (управлял обителью с 1577 по 1586 гг.), заботившийся о благоукрашении обители, много писал новых икон и поновлял старые. Однажды Питирим заболел. Недуг его все усиливался, и ему стала грозить смерть. Больной молился Живоначальной Троице и преподобному Антонию. И вот раз ночью, забывшись легким сном, он увидел, что от гробницы преподобного в его келию идет благолепный старец, украшенный сединами. «Хочешь ли ты быть здоровым и окончить начатое?» - спросил он у Питирима. «Хочу, но не могу», - отвечал болящий. На это старец сказал: «Святая Троица исцеляет тебя, не ослабевай в твоём деле. Я - настоятель Антоний, пришел посетить тебя в болезни». Чудотворец коснулся больного игумена. Питирим почувствовал

себя здоровым и с новым рвением стал заниматься иконописанием и украшением храмов обители.

Купец из Холмогор, по имени Карп, плыл по морю с Терского берега, с реки Варзуги. На ладье его среди других товаров был запас рыбы для Сийского монастыря. Поднялась сильная буря: волны вздымались, как горы, и захлестывали ладью. Гребцы уже совсем отчаялись в спасении. Вдруг Карп увидел недалеко от себя старца, который распростер свою мантию над лодкой и охранял ее от волн. «Ты призываешь многих на помощь, - сказал изумленному дивный старец, - а меня не зовешь. Между тем в ладье твоей есть часть и нашего монастыря. Но Бог дарует тишину». «Кто ты, человек Божий? - спросил купец. «Я - Антоний, начальник обители на Михайлове озере, на реке Сии», - сказал старец и стал невидим. С этого времени буря стала стихать, и подул попутный ветер. Прибыв благополучно в Сийскую обитель, Карп возблагодарил за свое спасение преподобного Антония и вскоре принял иноческое пострижение в его обители.

Тимофей, по прозванию Рябок, живший в десяти поприщах от обители, ослеп и ничего не видел два года. Наступил праздник Живоначальной Троицы, в Сийскую обитель шли богомольцы. Слепой слышал это движение и горько плакал о том, что не может идти с богобоязненными людьми. Горячо молясь Пресвятой Троице и преподобному, Тимофей попросил свести себя в обитель и всю дорогу продолжал мысленно молитву. Вдруг он почувствовал, что начинает видеть как бы некую слабую зарю, потом начало зеленеть в его глазах: это он видел лес, которым шел. Обрадованный Тимофей боялся поверить своему исцелению и ничего не сказал спутникам. Желая испытать свои глаза, он начал всматриваться в дорогу, которой шел, и разобрал тропу. Сердце его наполнилось радостью и восторгом, но он утерпел и все еще не говорил о своем исцелении. Придя в храм обители, Тимофей увидел чудотворный образ Живоначальной Троицы и другие иконы, увидел горящие свечи и тогда во всеуслышанье возблагодарил Господа и Его угодника за чудесное исцеление свое.

Много и других чудес происходило по молитвам сего великого угодника Божия во славу Пресвятой Троицы.

Многочисленные чудеса, совершавшиеся при гробе преподобного Антония, побудили братию Сийского монастыря при упомянутом игумене Питириме хлопотать пред царем Иоанном Васильевичем Грозном о причтении преподобного к лику святых. Это и было совершено спустя 23 года после кончины преподобного, в 1579 г. преподобный Антоний причтен был к лику святых, чтимых всею Русскою Церковью.

Тропарь, глас I

еланіемъ дѣховнымъ распаливсѣя, и мятежи
мирскія отринувъ, ко единому же Богу
любовію прилепился еси, и того вседѣшнѣ
взыскѣя, во внѣшнюю пѹстыню отошелъ еси,
при водахъ вселился: идеже во слезахъ и трудѣхъ
пребывая многолѣтнее время, в терпѣнии мноземъ
житіе ангельское проходилъ еси, в наставленіи
Божественнаго разума, и множество монаховъ
собралъ еси мудре; ихже посещая, не остави,
Антоніе преподобне отче нашъ, Пресвятей Тронце
моляся, от зѣлъ всяческихъ избавити
и спасти дѹшѣ наша.

Кондакъ, глас 8

т юности преподобне плоть свою в постѣхъ и
молитвахъ истончилъ еси, и крестъ твой вземъ,
Христу последовалъ еси: темже и к вышнимъ
теченіе радостно устремилъ еси, идеже со всеми
святыми Свѣтей Тронце предстоиши; и ныне стадо
твое посещая, поминай чѹщихъ пресвятѹю пѣмѣть
твою, да вси вопіемъ благодарне ти: радѹйся
богомудре Антоніе, наставниче пѹстынный.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Герасим (Дьячко), иеродиакон.

Александр Сийский // ⁵⁵ С. 539.

Александр Сийский подвизался в Сийской обители до самой своей кончины. Здесь же он и был погребен. В 90-х гг. XVI в. в обители была установлена традиция совершать соборную панихиду по 6 первым ученикам преподобного Антония - Александре Сийском, Исаии, Иоакиму, Елисею, Александру (2-му) и Ионе - в 4-ю субботу Великого поста. Память Александра Сийского чтится местно.

1. Орлова Н.

*Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь
// София. Новгород. 2002. № 1. С. 27-30.*

2. Феоктистов А.

*Живоначальной Троицы Антониево-Сийский
мужской монастырь // ⁴² С. 531-536.*

Основанный в 1520 г. на реке Сие в Двинском крае на древней Новгородской Земле Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь оказал большое влияние на духовную, экономическую, социальную жизнь Псковья, позже - Архангельского края, и при этом внес важный вклад в становление государственности России.

Еще при жизни преподобного Антония Сийский монастырь начал превращаться во влиятельный церковно-административный центр. Вслед за отцом, великим князем Василием Ивановичем, монастырю особо благоволил царь Иоанн Васильевич Грозный - вознаграждал труды преподобного земельными и лесными угодьями, участками рыбной ловли. В 1545 г. монастырь получил судебные и финансовые льготы, тогда же упоминаются его подворья в Холмогорах, Уне, Неноксе.

Через 21 год после кончины строителя монастыря братья поручили иеромонаху Ионе составить житие и службу ему. Составитель жития записал воспоминания «от оставшихся ученик блаженного, о нем поведаша ми», а также рассказы очевидцев посмертных свидетельств преподобного Антония. В 1579 г. житие и служба преподобному были отвезены в Москву и представлены царю Иоанну Васильевичу - с ходатайством о канонизации преподобного.

Канонизация преподобного Антония произошла во время настоятельства одного из самых значительных последователей преподобного - игумена Питирима. В 1577 г. он был вызван Сийской

братией из основанной им Комельской обители. Значение монастыря – хранителя святых мощей чудотворца – стало быстро возрастать. Увеличился приток богомольцев и богатых пожертвований. Иоанн Грозный одарил обитель землей. При этом освободил от поземельного налога в царскую казну, дал грамоту о несуждении игумена и братии никем, кроме царя, а крестьян – кроме игумена. В 1579 г. сийские монахи владели весьма обширной территорией: только в сторону Каргополя она простиралась на 50 верст.

Питирим вкладывал доходы и денежные пожертвования в устройство обители. Но в 1586 г. он тяжело заболел и принужден был, к огорчению братии, игуменство оставить. Тем временем иноки решили начать большое строительство. Царь Феодор Иоаннович указом одобрил их намерение: «...поставить в Сийском монастыре церковь каменную Живоначальная Троицы и гроб Антония чудотворца внести в церковь». Первые 4 года ушли только на заготовку и доставку строительных материалов. В помощь царь дал льготы на оброк сроком на 5 лет.

С началом сооружения храма игумен Питирим внезапно получил исцеление. В легком сне ему явился кроткий старец, спросив больного о самочувствии, он коснулся его и сказал: «Живоначальная Троица исцелит тебя, только не ослабевай в деле своем, во мне же будешь иметь помощника. Я начальник святому месту сему». Проснувшись, Питирим почувствовал себя совершенно здоровым. Он снова принял на себя управление обителью, для строительства храма испросив у царя продлить оброчные льготы еще на два года.

Но 15 июля 1593 г. весь монастырь до основания сгорел. Бедствие потрясло братию. Деятельный игумен обратился к царю за помощью. И снова помощь была получена. Монастырь стал подниматься из пепла. Однако тяжкие испытания и нескончаемые заботы подорвали здоровье игумена. В 1597 г. игумен Питирим скончался.

На его место был избран иеродиакон Иона. В сан игумена его посвятил Новгородский митрополит Варлаам. Иона управлял монастырем 37 лет, до 1634 г. За это время Россия пережила многие беды и потрясения, что сказалось также на обители. Игумен Иона достойно выдержал все испытания.

В 1599 г. по приказу царя Бориса Годунова сюда был сослан боярин Феодор Никитич Романов, один из последних потомков царственного дома Рюриков. Романова, против его воли, постригли в монахи с именем Филарет.

Стремясь окончательно удалить Романова от мира, Годунов приказал посвятить его в иеромонаха, а затем в архимандрита. Так прошло почти шесть лет. Захватив престол, Лжедимитрий распорядился

освободить Филарета и доставить в Москву. Священный Собор возвел его в сан митрополита Ростовского. Желая показать, что «сын» во всем наследует политику «отца», Иоанна Грозного, Лжедмитрий подтвердил Сийскому монастырю прежние льготы и предоставил новые.

Игумен Иона воспользовался благоприятными возможностями завершить сооружение каменного Троицкого собора. В 1607 г., на праздник Святой Троицы, храм был освящен. По описанию 1627 г., он был устроен «о пяти верхах», имел два придела: во имя мученика Стратилата и в честь святого Антония, чудотворца Сийского.

В 1619 г. Филарет был возведен в сан Патриарха. Став духовным владыкой всей России, затем и наставником юного царя, своего сына Михаила, Филарет не забыл заступничества Ионы. К Сийскому монастырю было приписано несколько небольших обителей и пустынь. Филарет назначил игумена наместником в патриаршей десятине, заключавшей в себе церкви и монастыри крупных центров края: Холмогор, Архангельска, Кевролы и Мезени. Ионе повелевалось собирать с них различные церковные пошлины и отсылать их в Москву. Вскоре с таким же поручением обратился к игумену и Новгородский владыка, доверив сбор епархиальной дани. К тому же на Иону было возложено наблюдение за церковным благочинием и жизнью духовенства. Сийский монастырь стал управителем края в духовных делах. Принимал он участие и в решении государственных задач. Так во время войны с Польшей из казны обители была отпущена для войска большая сумма, по существу, монастырская казна тогда опустела.

Игумен Иона скончался 22 марта (по ст. стилю) 1634 г. Среди событий следующего десятилетия надо отметить хотя бы одно: «вместо ветхие древяные церкви» Благовещения Пречистой Богородицы была «вчерне» построена большая каменная церковь с трапезною, келарскою и приделом. К счастью, здания Троицкого собора и Благовещенского храма сохранились до наших дней.

В 1658 г. в монастыре произошел опустошительный пожар. Сгорела Сергиевская церковь, нанесен урон другим храмам, на каменной колокольне расплавились колокола, дотла выгорели келейные и дворовые строения. 367 человек остались без крова.

И только местная чудотворная икона Смоленской Богоматери вышла из огня невредимой, что было знаком милости Божией. Началось строительство церкви преподобного Сергия Радонежского. Царь Михаил отдал обители оброк с нее, для украшения храмов направил

в монастырь своего иконописца Феодора Усольцева. Непрестанными трудами игумен поднял духовное и хозяйственное положение обители до того уровня, в каком она пребывала при Ионе.

Весной и в начале лета 1672 г. в окрестностях монастыря стояла столь ненастная холодная погода, что начался падеж скота, реальной была угроза неурожая хлебов. Все горевали и молились. На помощь пришел преподобный Антоний, явившись монастырскому работнику Иоанну Тырьданову во сне. Преподобный наказал передать настоятелю, чтобы тот повелел подвластному духовенству «идти иероям из окрестных весей со кресты, со всенародным множеством к Угловатому озеру молебствовать». Крестный ход состоялся, Господь услышал их молитвы: погода вдруг сменилась, урожай был спасен. С тех пор на протяжении веков ежегодно совершается крестный ход к Святому озеру. Только в безбожное время с закрытием монастыря, разрушением храма и скита на берегу озера шествие прекратилось. Но и в те десятилетия местные жители тайными тропами пробирались к святому месту, ставили там поклонный крест. Ныне с возрождением монастыря традиция возобновилась. В день памяти Всех Святых, в земле Российской просиявших, жители не только Холмогорья, но и Архангельска, других городов и районов области шествуют, с духовенством во главе, крестным ходом.

В 1682 г. состоялось открытие Холмогорской епархии, первым ее архиепископом стал Афанасий (Любимов). Сийский игумен всемерно помогал ему в устроении епархии. Феодосий почил о Господе 29 октября 1688 г. и чтится в обители как местнопочитаемый святой.

В 1692 г. в Сийском монастыре была учреждена архимандрия. Первым архимандритом стал иеромонах Никодим. На это время приходится расцвет монастырской библиотеки. По описи 1701 г. в ней имелось, несмотря на опустошительный пожар 1658 г., 387 рукописных книг и 364 печатных, а к концу XVIII в. - уже 940 книг.

В 1764 г. по указу Екатерины II монастырские земли и угодья были секуляризированы. По монастырскому штату Сийская обитель была причислена ко II классу и зачислена 36-й по счету.

В конце XVIII в. для монастыря открывается время для просветительства. Крупнейшие ученые страны приступили к изучению Антониево-Сийского монастыря - его монашеской жизни, истории, экономики, архитектуры, иконописи, библиотечного собрания. О высокой духовности, образованности и культуре монастыря можно судить и по такому факту: его настоятели не однажды назначались ректорами Архангельской Духовной семинарии.

Печальна участь обители в 20-х годах XX в. Сначала здесь была создана трудовая коммуна, где работали иноки. В 1923 г. обитель была разграблена и закрыта. Здесь была устроена уже настоящая коммуна. Часть книжного собрания и обширных архивов, а также иконы, церковная утварь были распределены по отдельным музеям, библиотекам, архивам, но многое украдено, уничтожено. Храмы опустошены, некоторые строения разрушены. Позднее на территории монастыря обосновался дом отдыха работников лесной промышленности, затем дом детей-инвалидов, интернат для престарелых, летний пионерлагерь и дача для областного начальства.¹

Новая жизнь монастыря началась в 1992 г. с передачи его в полуразрушенном состоянии Церкви и прихода сюда настоятелем о. Трифона. Его игуменство началось с нового пожара, уничтожившего большую часть кровли над Благовещенской церковью, ризницей и трапезной палатой. Это новое бедствие совпало с приездом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Но бывший мичман-подводник, а ныне игумен о. Трифон, выдержал удар.² Ему предстояло восстанавливать монастырь. Вскоре у него появились послушники, трудники, благотворители.

Оглядываясь на десятилетний путь возрождения обители, можно сказать, что сформировано, выпестовано ядро братии, в значительной степени выстроена укладность монашеской жизни. Идет возврат к древним традициям. Братия, молодая по возрасту, духовно возрастает, обретая крепость веры, опыт молитвенного предстояния Богу, борьбы со страстями, приуготовляя души к вечной жизни.

Каждое утро в 5:30 служится братский молебен преподобному. Если в первые годы Божественная литургия совершалась в отдельные дни, то ныне - ежедневно. Недавно появилась новая традиция: по окончании вечернего богослужения братия и богомольцы, 150 раз читая мысленно «Богородице Дево, радуйся», обходят крестным ходом монастырские храмы с преднесением фонаря и иконы Божией Матери, которую несет старший священник.

Вторая литургия теперь уже служится братией на Емецком подворье обители. Обустраиваются храмы при подворьях в пос. Брин-Наволоц, д. Ваймуга-Осередок, селе Сельцо. Регулярно совершаются молебствия в монастырской часовне преподобного Антония, возведенной на месте будущего Успенского храма в Архангельске. Развивает свою деятельность подворье в Санкт-Петербурге.

Духовное, молитвенное делание срастворяется с деланием трудовым, хозяйственным. Монастырь имеет свою молочную ферму,

конюшню, гараж, столярные мастерские, пекарню, тепличное и огородное хозяйство, пашни и луга. Собрана немалая библиотека. В ее основу легли современные издания богослужебных книг, житийная литература, историческая и богословская. Поступают и дореволюционные печатные издания, среди них есть несколько книг, ранее принадлежавших монахам Антониево-Сийского монастыря. Ныне библиотека насчитывает около 10 тысяч книг и журналов. Стала известной далеко за пределами обители иконописная мастерская. Иконы пишутся для восстанавливаемых храмов монастыря и епархии. С марта 2000 г. братия издает ежемесячную газету «Духовный Сеятель», а с ноября 2001 г. - церковно-исторический альманах «Сийский хронограф».

Восстанавливается, достраивается заново храм-колокольня Трех Святителей Московских, снова украсилась луковкой и крестом Сергиевская надвратная церковь, красуется православный крест над Троицким собором, ждет своей очереди быть водруженной на высокий шатер Благовещенской церкви металлическая главка с крестом.¹

Тихими сийскими вечерами над монастырской землей, над Большим Михайловым озером льется плавное пение монахов. Понимаешь, какое это древнее и намоленное многими поколениями иноков святое место. Место это отличалось своей необычностью задолго до прихода будущего подвижника. Говорят, местные крестьяне видели в лесу рубящих деревья монахов, а иной раз в торжественной тишине доносился до деревень звон колоколов. Явление это возобновилось лет десять назад, незадолго до возрождения монастыря. Да и сегодня, бывает, несется этот звон, отражаясь в лесах, воде, бесконечности небес, хотя нет до сих пор ни одного колокола, способного дать такой благовест...

Усилия братии монастыря и Архангельской епархии по возрождению обители как главного духовного центра на этой северной территории страны, являются величайшим продолжением того духовного подвига, который начал более 450 лет назад преподобный Антоний Сийский. Придет день, и свет этого праведника засияет во всю мощь, освящая и глухомань этого края и самые затененные уголки наших душ. И да прольется этот свет на всех живущих на земле.²

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего **Макария Римлянина,** **Новгородского** 13

*Память его празднуется месяца января в 19-й день
и месяца августа в 15-й день*

† после 1540

«Два суть чина и состояния в жизни: одно обыкновенное и свойственное человеческой жизни, то есть супружество, другое - ангельское и апостольское, выше которого быть не может, то есть девство, или состояние иноческое», - говорит один из святителей церкви Афанасий Великий, описывая монашество. К иночеству, этому «страшному и святому образу ангельского жития», стремилось немало и людей знатных, прославленных своею деятельностью, и людей науки, и простецов, одинаково жаждущих спасения душевного и совершенства христианского.

Подвижничество влекло иных, презревших наслаждения мира, с первых же дней их юности, а иных же - в годах зрелых, после борьбы с окружающим их греховным безверием и пагубными страстями. Одни облачались в монашескую мантию, как в одежду духовного веселия, не вкушивши еще горечи жизни, другие, утратившие уже веру в счастье и радость, испытывавшие и перенесшие немало, прикрывались ей как щитом

спокойствия душевного, как надежную охрану от тревожений и бурь житейских.

«С верою в сердце и молитвою в устах» оставляли они «мир и вся красныя его» и спешили в уединенные обители, «отсекая волю собственную и желания», или удалялись в непроходимые леса, безлюдные пустыни, часто далекие от воспитавшей их родины, и там, «ведомые только Богу Единому», среди суровых подвигов и лишений, беспрестанно вознося молитвы, проводили дни своей жизни.

Водимые Промыслом Божиим, нередко оставляли они места своих первоначальных подвигов в обителях, облекших их саном иноческим, и или являлись в мир ревностнейшими проповедниками-миссионерами, или избирали новые места в более отдаленном пустынном крае, как бы забытом, неизвестном еще и здесь, по воле Господа. Открываемые людьми, полагали начало обителям монашеским, привлекая многих чистотою и святостью своей жизни.

Много послужили подобные пустынножители и иноки их тихих обителей для веры Христовой, для дел правды, добра, для славы отечества и страны, давшей им «место спасения и веру правую непоколебимую».

Труды подобных подвижников неизгладимы в истории человечества, а жизнь их всегда поучительна для нас как жизнь, полная примеров истинного христианства, как жизнь идеально высокая.

Свято чтится народом память «скромных, но великих пред Господом молитвенников за грешный мир». Места их подвигов, места их вечного успокоения служили и служат местами, куда стекаются «обновиться духом и укрепиться верою» многие из суетного мира, обуреваемые невзгодами житейскими и обретающие здесь покой душевный и вместе с сим исцеление недугов телесных.

Велика помощь исповедников Творца Небесного, прославленных нетлением своих святых мощей. «Аще и затворены суть мощи их во гробех, - говорит Симеон Метафраст, - но силы их в Поднебесной земными пределами не суть определены».

Почти каждая местность нашего отечества освящена молитвенными трудами того или другого подвижника благочестия и имеет основанные ими святые обители, или блистающие благолепием храмов, или, по сокровенной от нас воле Божией, забытые, пришедшие в запустение до времени, когда угодно будет Господу посетить сердца верных сынов Православной Церкви любовью к возобновлению и восстановлению святыни.

Среди угодников Божиих, просиявших в обширной стране Великого Новгорода, были два пришельца - уроженцы Рима, основавшие обители особенно нам дорогие, как рассадники веры и просвещения, как оплоты Православия. Один из них воздвиг обитель в Новгороде на берегу Волхова, другой - в пределах современной столицы нашей Петербурга, на берегу небольшой речки Лезны. Первая обитель существует и поныне, сияя величественными храмами, вторая же, перенесшая немало невзгод, пережившая века, была разрушена в один из набегов иноплемеников в тяжелое для Отечества смутное время и, к глубокому прискорбию верующих, теперь находится в совершенном запустении. Господь сохранил только святыню ее: нетленные мощи основателя.

Обитель эта - Макарьевская пустынь Новгородской губернии и уезда, на границе с Петербургскою губерниею, в 110 верстах от Новгорода и в 97 верстах от столицы, основанная в первых годах XVI столетия преподобным Макарием Римлянином.

Жизнь великого угодника Божия, его труды и судьба пустыни должны быть дороги для нас, чад святой Православной Церкви, тем более что по неисповедимым путям Господним забытая обитель восстанавливается.

Светильник Церкви Православной - преподобный Макарий, Новгородский чудотворец, родился в конце второй половины XV столетия, в шумной столице запада - Риме, в семействе богатых и знатных граждан. Благочестивые родители и воспитали своего сына-первенца в строгих законах религии, и дали ему блестящее по тому времени образование научное. Одаренному от природы высоким умом юному римлянину предстояла завидная будущность на

поприще службы общественной, но не желал юноша брени славы, не искал почестей, он жаждал иной жизни, жизни созерцательной, духовной.

Достигши лет совершенных и отказавшись от всех удовольствий и наслаждений, он решил посвятить себя служению не тленному миру, но Творцу его - Всемогущему Богу. Изучение Священного Писания, творений святых отцов было постоянными занятиями будущего подвижника. Мечты: жить согласно учению Святой Церкви, усвоить себе ее истины и догматы и постепенно приготовить себя к строго-подвижнической жизни - всецело овладели и его сердцем и его душою.

Но западная церковь, к которой принадлежал он по рождению, полная в то время смут внешних и беспорядков внутренних, не могла пленить пылкий ум молодого богослова, ее уставы и обрядность не могли казаться ему истинно чистыми, непогрешимыми. С болью в сердце взирал ревнитель о Господе на религиозную жизнь гордого, кичливого ложным могуществом Рима, на наступивший раскол среди высших иерархов церкви и духовных их чад.

Католический запад переживал тогда тяжелое для него время. Папство как бы утратило в глазах многих свое прежнее высокое значение и пришло в такую слабость и расстройство, что делами церкви руководила светская власть.

Скорбел будущий подвижник и со слезами молил Бога указать истинный путь спасения среди погруженной во мрак греха и суеты мирской, но родной ему церкви, и Господь не отринул мольбу своего избранника. Он обратил духовный очи его на единую спасающую церковь, прославленную Соборами святых отец за правоту, непреложность ее догматов и учения, освященную подвигами и молитвенными трудами великих ее мужей - церковь Восточную, Православную.

«Только под ее святым покровом, среди ее чад я найду спасение», - думал он и тайно покинул Рим, раздав неимущим богатство свое, оставляя родных и присных своих. С посохом странника-пилигрима, в ветхой одежде, без средств, надеясь только на Господа, отправился исповедник правды и закона Божия в далекую, неизвестную ему страну - Святую Русь.

Путь подвижника «ради Господа» был труден. Много перенес он, странствуя, пока наконец не достиг земли для него обетованной, земли православной - северных ее стран в пределах Великого Новгорода. Благолепие церквей и многочисленных тогда монастырей Новгородских, строгая жизнь монашествующих, торжественность, истовость богослужения глубоко поразили пришельца.

Паломничая по обителям Новгородским, он достиг монастыря преподобного Александра на берегах реки Свири, где игуменствовал еще сам преподобный основатель обители. Преподобный Александр, уже удрученный годами и болезнями, радостно встретил пришельца, пожелавшего пробыть некоторое время в обители Свирской послушником - учеником ее великого игумена. Благословив доброе желание чужеземца, преподобный Александр в духовных беседах открыл и разъяснил пришельцу то, чего жаждала его душа и сердце.

Недолго пробыл пришелец Рима учеником начальника обители Свирской. Следуя примеру многих подобных себе духовных чад святого игумена, он, приняв монашество с именем Макария, решил навсегда затвориться в келии пустынножительской, похоронив себя для всего, напоминающего мир.

Посетив еще раз дорогие для него святыни Новгорода, он избрал для себя в пределах Новгородских непроходимую болотную дебрь, раскинувшуюся на несколько верст по берегам реки Лезны, и здесь, на небольшом островке топкого болота, поставил келью.

Горя любовью к Богу, со слезами взывая о грехах своих, изнуряя плоть и смиряя дух в строгих подвигах бдения, поста и беспрестанных молитв, отдаленный от мира, незнаемый людьми, питаясь скудными плодами и растениями суровой пустыни, преподобный Макарий прожил немалое время, пылая надеждою достичь Царствия Небесного избранным им путем скорби и лишений.

Но не укрыла пустыня великого подвижника. Всемогущий Господь восхотел явить его миру и через него привести многих к жизни богоугодной и спасению душевному. Однажды глубокой, ненастной ночью преподобный Макарий стоял на

молитве. Кто-то постучал в дверь его кельи, умоляя открыть во имя Бога. Подвижник уступил мольбе, и в келью вошло несколько незнакомых людей, судя по костюму, охотников, по-видимому, уставших и изнуренных. Пустынножитель, по обычаю иноческому, приветствовал их миром. «Лице преподобного сияло особенным светом благодати Божией, как лице Ангела, и немногие слова его приветствия отозвались дивною благодатию на сердцах вошедших», - повествует писатель жития преподобного, рассказывая о событии.

Изумленные боголепным видом подвижника, путники, испросив благословения, сказали ему: «Только молитвами твоими, человек Божий, милосердный Господь помог нам найти твою келью и дойти до нее, не погибнув среди болотных дебрей, куда привела нас охота!» «Не мои грешные молитвы, но благая воля Вседержителя направила вас сюда», - смиренно ответил преподобный, предлагая путникам пищу из своих скромных запасов. Обласкав уставших пришельцев, преподобный Макарий успокоил их и после краткой беседы с ними и общей молитвы, благословив, отпустил их, указав путь из болот.

Удивились охотники и скромному смирению, и уму одинокого пустынножителя, покидая его келью. «Удивились они, - рассказывает тот же писатель жития, - и терпению подвижника Божия. Им казалось немыслимо, чтобы он мог проживать, окруженный со всех сторон топким болотом, из которого поднимались облака комаров и мух, уязвлявших человека весьма болезненно».

Действительно, жизнь при таких условиях можно было назвать невозможной, но угодник Божий терпеливо переносил все: голод и жажду, зной летний и зимнюю стужу. Он жил только для Бога, для духовного небесного мира, но не для мира тленного, и Господь помогал ему. В рукописном старинном житии преподобного говорится, что даже дикие звери, нередко посещавшие подвижника, не трогали его. Он безбоязненно ласкал медведей и кормил их из своих рук, как точно домашних животных. Что казалось невозможным для простых людей мира, то было счастливою долею для избранника Божия.

Об одном только печалился теперь преподобный: его спокойствие и безмолвие могут быть нарушены людьми, ибо убежище его узвано ими.

И действительно, скоро молва о святой жизни подвижника среди болотных дебрей реки Лезны привлекла многих жаждущих его совета, назидательного поучения и молитвы. Не отказывал преподобный в духовной помощи страждущим, но известность тяготила его, и он решил покинуть место первоначальных своих подвигов.

Еще далее вглубь болота переселился преподобный Макарий со своего островка. Избрав небольшое возвышение, окруженное густым высоким лесом, место на левом берегу Лезны, он здесь построил себе вторично убогую келью. Но недолгое время и здесь укрывался преподобный от мира. Господь дивным образом открыл людям его новое убежище. «Своими подвигами, - читаем в рукописном житии преподобного, - он привлек к месту особую благодать Божию, являвшуюся окрестным жителям то в виде столпа огненного, по ночам здесь видимого многими, то в виде облака благоуханного дыма, поднимавшегося отселе к высоте и разливавшего благоухание по окрестностям».

Эти явления заставили местных жителей проникнуть в глубь пустыни, и они, «опечаленные первым исходом преподобного, лишившись его сладких для них бесед», с радостью обрели его там. «Тогда поняли они вполне те дивные явления столпа огненного и дыма кадильного, которые привлекли их сюда, и еще более стали чтить человека Божия». (Житие преподобного Макария, игумена пустыни Успения Богоматери – по рукописи 1793 г.)

Велика была любовь народная к преподобному Макарию. Многие подолгу не покидали его пустыню, некоторые же пламенно молили о позволении навсегда остаться с ним и вблизи его скромного жилища построить свои кельи.

«И увидел тогда преподобный, что нет сил отказать в мольбах их, что на то - воля Господа». Усердно помолившись Творцу Небесному, он дал согласие ревнителям подвигов и жизни иноческой ставить кельи и этим положил начало своей пустынной обители.

Собравшейся братией скоро была построена небольшая деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Постройку Успенской церкви можно предположить около 1540 г. Первым игуменом был сам преподобный Макарий, посвященный в священный сан святителем Новгородским. На Новгородской епископской кафедре был тогда известный Макарий, впоследствии митрополит Всероссийский.

Являя собою пример для братии, преподобный поистине был «добрый пастырь». Подвизаясь немалое число лет «подвигом добрым и неослабным», достигший дара прозорливости и чудотворений, он твердо шел по пути подвижничества, руководя многими. Смирняя себя, изнуряя трудами и молитвенными бдениями, он ревностно насаждал и укреплял в крае веру Христову, поучая братию не ослабевать в подражании ему.

Незадолго до кончины своей преподобный Макарий, передавши управление монастырем одному из учеников своих, удалился на излюбленный им островок – место первоподвижничества своего. Здесь мирно почил о Господе, преподав благословение братии, поручив юную обитель свою воле Всемогущего Бога. Кончину преподобного Макария можно отнести к первым годам второй половины XVI столетия.

С плачем погребли иноки своего любимого игумена у стены созданного им Успенского храма с левой наружной его стороны. Память преподобного Макария местно чтится: 15 августа – день кончины и 19 января – день тезоименитства преподобного. В эти дни в обители совершается особенное торжественное богослужение, и не одна тысяча богомольцев стекается на поклонение мощам преподобного Макария. «Все бывающие в Макарьевской пустыни на поклонении угоднику Божию, - говорит один из современных писателей, - выносят из своего паломничества самое отрадное духовное впечатление». Здесь поистине пустыня!... Пустыня, освященная трудами и молитвенными подвигами прославленного угодника Божия, преподобного Макария Римлянина, чудотворца Новгородского.

В 1761 г. над могилою преподобного, при постройке вновь церкви Успения Богородицы, был устроен придел, посвященный преподобному Макарию. На островке же, месте подвигов преподобного, в том же 1761 г. сооружена была небольшая часовня, которая за ветхостью заменена теперь (конец XIX в. – *Сост.*) новою, более обширною и весьма красивою.

Основанная преподобным Макарием Римлянином обитель с первых же дней своей многовековой жизни отличалась «не вещественным достатком и многолюдством», а «высокодуховною жизнью братии», искавшей не тленного богатства, а Царствия Небесного. Благолепие богослужения, строгое отношение к уставу и обетам иноческим, миссионерство, духовное просвещение края и отзывчивость на его нужды были заветом преподобного Макария, и завет этот исполнялся свято.

Усердием благочестивых жертвователей вскоре после кончины преподобного была воздвигнута вблизи Успенского храма вторая деревянная церковь во имя Савватия Соловецкого, и этими двумя храмами, немногими необходимейшими постройками да «тремя келиями монашескими», как видно из описи 1628 г., ограничивалось общее число монастырских зданий. Невелики были и земельные владения обители.

О монастыре преподобного Макария не сохранилось никаких исторических актов. Обитель жила более замкнутою жизнью, ее игумены не избирались на высшие степени иерархические, не были приглашаемы на собрания духовно-государственные, но, верные заветам своего первоначальника, шли узким, тернистым путем в жизни, далекие от всего мирского.

В нерадостное для Руси смутное время обитель преподобного Макария подверглась общей участи монастырей Новгородского края - разрушению от врагов. Шведские войска, грабившие в 1615 г. церкви и монастыри Новгородские, разорили и обитель преподобного Макария. Иноки пали под мечами врагов, храмы и здания, а также библиотека и рукописи погибли в пламени.

Возобновленная при царе Михаиле Феодоровиче Макарьевская пустынь за недостатком средств постепенно пришла в упадок, так что в конце первой половины XVIII в.

считалась уже не самостоятельной, но находящеюся под ведением Александро-Невской Лавры.

Забвение посетило пустынь преподобного Макария. Здания, пришедшие в ветхость, обратились в развалины, не сохранилось и следа келий монашеских. Богослужение совершалось только в дни, посвященные памяти угодника Божия, да и то по просьбе богомольцев-паломников. Полуразрушенная Успенская церковь одна напоминала о некогда славной обители Макарьевской, славной своею внутреннею жизнью на пользу добра и умственного света.

По штатам 1764 г. пустынь была упразднена и обращена в приходскую церковь, определены были к ней священник с причтом. Затем, потеряв значение и приходского храма, была приписана к сельской церкви во имя святителя Николая в селе Добром.

Но не допустил Господь святое место до окончательного запустения. Он вызвал обитель к новой для нее жизни.

В 1840 г. один из ревнителей благочестия возобновил Успенский храм в лучшем благолепном виде. Тогда же на собранные пожертвования над местом, где почивают под спудом мощи преподобного, устроена была деревянная вызолоченная рака с древним, почитаемым чудотворным, изображением на ней угодника Божия преподобного Макария.

Возобновлена была и часовня с колодцем на островке, где начал подвиги и скончался преподобный. Вода в этом колодце почитается целебною. Существует предание, что колодец ископал сам угодник Божий и молитвами своими извел в него чистую, как хрусталь, целебную воду. Сохранились рассказы о явлении преподобного тяжким больным с советом «с молитвою испить воды из его колодца», и больные, исполнившие его совет, получали облегчение, а нередко и совершенно исцелялись от посетившего их недуга. Поэтому богомольцы, посещая место первоначальных подвигов преподобного, всегда уносят с собою в сосудах воду, почерпнутую из колодца. Берут как воду, освященную молитвами великого угодника Божия, как воду нового Иордана.

Один из престарелых священнослужителей выразил желание поселиться при забытой церкви и до самой кончины

своей совершал здесь богослужения. По смерти этого священнослужителя пустынь вновь опустела.

Но прочное начало восстановления святого места было положено, и совершенно забытою быть пустынь уже не могла. В 1871 г. церковь была вновь поправлена частью на средства одного из благотворителей, частью на добровольные пожертвования, а для посещающих пустынь - небольшой странноприимный дом.

Тропарь, глас 4

Пим, отечество твоё оставив, в пустыню
вселняся еси, и тамо в пусте месте обрёт
жилище себе, отвёг еси суеты мира сего,
и в безмолвнем пристанищи добре направляя еси
себе ко Господу. Сего ради и мы, чтущии тя,
притекающе к раце мощей твоих и любезно твою
овлавызающе, молим тя отче Макарие: моли о
нас Господа, да помилует нас в день судный.

Кондак, глас 7

От Рима возсиял еси, яко же звезда
пресветлая, преподобне отче наш
Макарие, и в пустыни вселився, просветил
еси чистым житием твоим верно притекающия к
тебе. Тем же и мы, прославляюще светлую
память твою вопием ти: радуйся, преподобне
отче Макарие.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Толтыга С.

Макарьевская пустынь // София⁵⁰. Новгород. 1998. № 1. С. 13-15.

Новейшая история монастыря более печальна. Уже в апреле 1920 г. на заседании межведомственной комиссии по ликвидации монастырей в Новгородском уезде принято решение: предоставить здание монастырского странноприимного дома отделу народного образования под устройство в нем ремесленной школы с интернатом. Монастырь был окончательно закрыт в 1932 г., но до этого, по воспоминаниям местных жителей, монахов увозили по этапу, а в здания монастыря вселили несколько семей, организовав в нем коммуны. Позже, в 30-е годы, в монастыре было какое-то отделение Свирьлага.

В годы Великой Отечественной войны все монастырские строения были уничтожены: по древней Макарьевской дороге прошла военная машина разрушений. И поныне кое-где виднеется вросшая в стволы деревьев колючая проволока: след то ли войны, то ли Свирьлага.

Ныне на месте монастыря бутры строительного мусора — остатки строений, заросших кустарником и травой. Весь деловой кирпич был вывезен после войны в соседние деревни. Заброшенные пруды, редкие случайные остатки разбитых могильных плит монастырского кладбища да единственный крест, поставленный на месте подвигов преподобного Макария, напоминают о существовавшей здесь несколько столетий высоко духовной иноческой жизни.

Такая же печальная картина и на месте скита: остатки цоколя, небольшие фрагменты стен скитской церкви, засыпанный и заросший колодец да груды камней возвышаются среди болота на островке, как малая гора Голгофа, где смерть и разрушения попрали смерть и забвение и воссияли невиданным светом духа и святости!

По сведениям, полученным от настоятеля Петропавловской церкви Любани о. Евгения Бабинцева, в чьем приходе находится Макарьевская пустынь, уже несколько лет паломники и прихожане Любанской и Тосненской церквей в день праздника Всех Святых, в земле Российской просиявших, вместе со священником о. Евгением шествуют на место благочестивых подвигов преподобного Макария Новгородского чудотворца, где у креста служат молебен, акафист и панихиду.

Сказание

о преподобных отцах наших Иоанне и Лонгине Аренгских, Соловецких ¹⁰

Память их празднуется месяца июля в 3-й день

† 1561

Блаженные Иоанн и Лонгин трудились в Соловецком монастыре под руководством святого игумена Филиппа. Проводя жизнь в строгом посте, постоянной молитве и внимании к своей совести, они были усердными исполнителями воли своего игумена. Постоянным правилом жизни их было изречение святого Апостола: *«Все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков».*

прп. Лонгин и прп. Иоанн

(Колос. 3, 23) Хотя они были люди не книжные, но, наставленные в первоначальных истинах христианства, из созерцания величественной природы почерпали важные уроки для своего простого ума и чистого сердца. Они видели необозримое море и возносились мыслью к Творцу, положившему предел морю; звездное небо обращало взоры их к Богу, назначившему всему стройный порядок. Таким образом эти простые люди в тиши обители смиренно восходили

от совершенства к совершенству, пока Господу угодно было призвать их к Свету невечернему, не совсем обычным путем. Возвращаясь в 1561 г. с твердой земли в обитель на судах, нагруженных строительными материалами, они были застигнуты сильною бурей и потонули. Святые тела их были обретены нетленными на Корельском берегу, за 120 верст от обители Соловецкой, в устье Сосновки, и положены в селении Яренге. Скоро слава чудес, совершающихся при мощах их, привлекла к ним нескольких иноков, которые построили себе кельи. Таким образом возник в Яренге монастырь. В 1622 г. в этом монастыре, расположенном вблизи селения, на берегу моря, была деревянная церковь святого Николая Чудотворца, а также кельи с трапезою и часовня. Церковь была достаточно снабжена иконами, книгами, свечами, колоколами, попечением старца Варлаама, и Трифона, и Ермолая Теловых. Богослужение отправлял иеромонах Матвей. В 1625 г. инок Илья Телов доносил Патриарху Филарету о чудесах, совершающихся при мощах праведников. Вследствие этого Новгородским митрополитом Макарием предписано игумену Корельского Никольского монастыря Герасиму с боярским сыном митрополичьего Софийского дома Солоновым произвести подробное исследование о времени обретения мощей и о чудесах блаженных Иоанна и Лонгина. Сведения, показанные в донесении инок Ильи, оказались справедливыми, причем также обнаружилось, что чудотворения совершались в течение 60 слишком лет. Самые замечательные исцеления того времени - Марии, три года страдавшей от беснования; молодого поселянина, бывшего в падучей болезни, и поселянина Евфимия, полгода страдавшего желудком и вызванного в Яренгу явлением Иоанна и Лонгина.

В 1635 г. Яренгский монастырь со всеми землями и угодьями селения Яренги по ходатайству Патриарха Иоасафа грамотой царя Михаила Феодоровича отдан был в ведение Соловецкого монастыря. Царь писал: «Пожаловали мы у моря Яренгским погостом, где лежат чудотворцы Иван да Лонгин». Новгородский митрополит Афоний, напоминая архимандриту

Рафаилу, управляющему Соловецким монастырем, что, по прошению Патриарха Иоасафа, царь пожаловал им Яренгу на краю моря, где лежат мощи новоявленных чудотворцев Ивана и Лонгина, предписывал построить и освятить новый храм во имя Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, потому что «Яренгские Чудотворцы Иоанн и Лонгин тружались в древние лета в Соловецком монастыре». «Как тот храм совершится, - прибавлял митрополит, - и мощи новоявленных Чудотворцев Ивана и Лонгина в новый храм перенесешь, и в котором месте те мощи положишь, и ты бы о том отписал». Новый деревянный храм был построен и освящен преемником архимандрита Рафаила, переведенного в 1636 г. в Новгородский Хутынский монастырь, игуменом Варфоломеем. 2-го июля 1638 г. были перенесены в этот храм мощи праведников и положены: блаженный Иоанн - на правой, а блаженный Лонгин - на левой стороне. Яренгский монастырь состоял под управлением Соловецкого до своего закрытия, при составлении духовных штатов в 1764 г. В настоящее время святые мощи Иоанна и Лонгина почивают в приходской церкви селения Яренги. Память их совершается 3-го июля.

ТРОПАЙ, ГЛАГОЛЮЩЕЕ (ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ)

В ко звезды́ многосвѣтлыя, от юности
возсиявше, осветили есте́ сердца́ вѣрныхъ
пренесеніемъ честныхъ мощейъ вашихъ,
добродѣтельми чудесъ вашихъ, во плоти́ яко
бо Ангели на земли, показастесь, пощениемъ
насаждени бысте, яко древо при водахъ
воздержанія, напоени струями слезъ вашихъ,
и скверну омысте, сего ради явистесь
приятельнице Божія Духа, Иоанне и Лонгине,
молите Христа́ Бога спастися душамъ нашимъ.

Сказание о преподобных Вассиане и Ионе Петроминских, Головецких^{10, 2} чудотворцах

Память их празднуется месяца июня в 5-й день
и месяца июня в 12-й день

† 1561

Преподобные Вассиан и Иона были современниками святого игумена Филиппа, впоследствии митрополита Московского и всея России, и образовались в духовноподвижнической жизни под руководством этого опытного мужа. Святой Филипп особенно старался вкоренить в управляемых им иноках дух трудолюбия и послушания, по-

СТР. ВАССИАНЪ ИОНА СОЛОВЕЦК.

казывая в себе самом пример всех добродетелей, приличных истинному подвижнику. Ученики его - преподобные Вассиан и Иона - своею кончиною засвидетельствовали верность наставлениям его: они умерли на подвиге послушания.

Воздвигая в обители каменные храмы, святой игумен имел нужду в разных строительных материалах, которые и были привозимы с приморского берега на монастырских судах. В 1561 г. плыли в монастырь с известью из устья реки Двины пятнадцать судов; но поднялась сильная

буря, и эти суда были разбросаны и потоплены. При этом многие из бывших на них людей утонули, и в числе их преподобные Вассиан и Иона, сопровождавшие суда. Морские волны выбросили тела преподобных на восточной стороне Унской губы. Соседние поселяне по утишении бури, плывя на рыбную ловлю по Унской губе и приблизившись к месту, где лежали тела преподобных, увидели множество воронов, носящихся в воздухе над ними и как бы отгоняемых невидимою силою. Тела были нетленны и невредимы. Поселяне сначала решились было отвезти их в свое селение и с честью похоронить близ своей приходской церкви. Но когда они, положив тела в ладью, поплыли к своему селению, мгла и мрак окружили их, так что они потеряли дорогу и опять пристали к тому месту, где были найдены тела преподобных. В ночном видении явились им преподобные Вассиан и Иона и сказали: «Положите нас на пустом месте, в бору, под большою сосною, а в свое поселение не возите; взяв нас из воды, неужели вы желаете опять положить нас в воду? Когда Богу угодно будет, Он и на этом месте устроит храм». Тогда рыбаки припомнили, что, действительно, селение их стоит на сыром месте, и, согласно желанию преподобных, похоронили тела их в бору, под сосною, а над могилою поставили деревянный крест.

В 1599 г. приплыл в Унскую губу старец Троицкого Сергиева монастыря Мамант и был задержан там четыре дня сильным противным ветром. Когда он спал, явились ему в сонном видении два мужа и на вопрос, откуда они и как имена их, назвались: один - Вассианом, а другой - Ионою. Рассказали о своем потоплении, указали место погребения и просили поставить над могилою часовню. 12-го июня старец поставил над мощами преподобных часовню и устроил в ней крест. Затем начался попутный ветер, и он отправился в путь.

Так прошло довольно времени. Чудеса и явления преподобных прославили место погребения их во всей северной стороне, так что прохожие и мореходцы, приставшие к берегу, считали своим долгом помолиться в часовне и оставить там жертву своего усердия - деньги и свечи.

Пришел в селение при Унской губе старец из российских монастырей. Жители рассказали ему о преподобных Вассиане и Ионе и советовали поселиться при часовне. Старец последовал их совету и, помолившись Богу, устроил невдалеке от часовни небольшую келью и поселился в ней. Милостыня приходивших богомольцев и мореходцев, искавших в Унской губе пристанища от морских бурь, с избытком удовлетворяла жизненным потребностям постника, а уединение пустынного места и слава преподобных скоро привлекли к нему сожителей. Первым сожителем его был старец Савватий, потом Дионисий, а с течением времени к ним присоединились иеромонах Ефрем и два мирянина - Козьма с сыном. Пустынники решились устроить над мощами преподобных храм и стали рубить деревья. Неожиданное обстоятельство значительно помогло им в этом предприятии: ветром занесло к ним две ладьи с людьми, плывшими по обету в Соловецкий монастырь. Богомольцы, вышедши на берег и увидев приготовления к постройке, со всем усердием также принялись за дело. На месте часовни была устроена деревянная церковь и приготовлено все необходимое для освящения его и совершения богослужения. Иеромонах Ефрем отправился в Вологду к архиепископу с просьбою об антиминсе и книгах для нового храма. Получив все по желанию, он уже возвращался в устроаемую обитель, но на дороге был захвачен и убит поляками, опустошавшими Русскую землю в смутное время самозванства. Все церковные вещи были разграблены. Такая же судьба постигла и Козьму с сыном: они собирали на храм в окрестностях Онежского озера и в Каргопольском уезде были убиты литовцами. Другие сожители их по неимению средств к жизни разошлись в разные стороны. Остался в пустыни один Савватий. Церковь стояла неосвященною пять лет. Наконец к гробам преподобных пришел из покоя иеромонах Иаков. Он озаботился освящением храма в честь Преображения Господня и устроил над местом погребения преподобных Вассиана и Ионы раку. Скоро к нему собрались любители пустынного уединения, и возникшая обитель была названа Пертоминским монастырем преподобных Вассиана и Ионы.

Петр I, застигнутый бурей на пути из Соловецкой обители в Архангельск, нашел убежище в Пертоминском монастыре. Пробыв здесь три дня, он своими руками устроил огромный деревянный крест с надписью на русском и голландском языках: «Сей крест поставил капитан Петр в лето 1694». Крест был поставлен на берегу и впоследствии перенесен в Архангельск.

Ныне мощи преподобных Вассиана и Ионы почивают под спудом в каменном храме Успения Божией Матери, освященном в 1691 г. Обретение мощей преподобных празднуется 5-го июня.¹⁰

Вот один из многих опытов загробной деятельности святых Пертоминских. В обители их чувствовали недостаток в сене, нужном для скота. Более других скорбел о нужде благочестивый послушник Никита, скорбел и молился о помощи. В одну ночь после молитвы заснул он. И вот являются преподобный Вассиан и Иона. «Ты призывал нас, - говорят они, - но нас не было в обители, мы промышляли сена для скота. Бог посылает тебе довольно сена - не скорби; скажи братии, что сено куплено, пусть пошлют в ближние поселения». Когда послали в Унскую волость, то купили до 90 возов и за цену небывалую, по 6 денежек за воз.²

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 8

Прежде отвержением міра, яко морскаго
треволнения, избегающе, отцы
преподобнии: после же изволением
Божиим в водах морских кончину влаженную
приняте, и к неволезненному покою престаиваете
от земли радуящиеся. Тем и по кончине от
Христа Бога прославите чудеса обильно, теплин
в ведах верным помощницы покажетесь, и, ныне
на Небесах предстояще престолу Христову,
Вассиане превлаженне и Ионо преславне,
молитесь присно о душах наших.

СВЯТЫЙ

о преподобном отце нашем

Зиновии Отенском ⁸

Память его празднуется месяца октября в 30-й день

† 1568

Зиновий Отенский - ученик и сотрудник преподобного Максима Грека. По заточении учителя своего Максима Грека в 1526 г. инок Зиновий был сослан в Новгородскую Отенскую пустынь и здесь «благодушно» подвизался до своей кончины в 1568 г. Сочинение его «Истины показание к вопросившим о новом учении» представляет прекрасный памятник Русского Богословия. Оно написано против западного вольномыслия, проявившегося в учении Феодосия Косого, и напечатано в Казани в 1863 г. «Рассуждения его спокойны, ответы обдуманы, опровержения отчетливы, сведения изумляют обширностью. Зиновию известен был «Просветитель» преподобного Иосифа, и сочинение его показывает, что Зиновий выполнил свое дело далеко лучше своего предшественника, как и следовало: у него глубже и отчетливее, чем у Иосифа, раскрыты начала христианской философии». (Филарет. Обзор Русск. Дух. Литер., стр. 216-217)

Тропарь и Кондак общи.

Г.м. стр. 766

СВЯТЫХ

о преподобном отце нашем

Анании Новгородском 12, 29

иконописце

*Память его празднуется месяца июня в 17-й день
и в 3-ю Неделю по Пятидесятнице*

† 1581

«Преподобный Анания иконописец бысть в Антониеве (Новгородском) монастыре, преставися в лето 7089 (1581) июня в 17 день», - так сказано в рукописных святцах.

Преподобный Анания был подражателем святого апостола Луки не только в искусстве иконописания, но и в различных добродетелях. Добродетельный и блаженный старец жил в Новгородском Антониевом монастыре и там писал дивные иконы многих святых чудотворцев.* Занимаясь иконописанием, он так строго выполнял иноческие обеты, что в продолжение 33-х лет ни разу не выходил за ограду своей обители. Преподобный Анания много приносил добра своей душе и многим христианским душам, занимаясь написанием святых икон, и имел у себя ученика именем Нифонт.

По слову Григория Двоеслова:
«Иконы доставляют неученым,

смотрящим на них людям то же, что писания доставляют умеющим читать их. Блажен иконописец, благоговейно посвящающий на служение Богу талант, полученный от Его благодати!»

Преподобный Анания скончался 17 июня 1581 г. и погребен в Новгородском Антониевом монастыре. Место могилы его забыто.

* История обители и ее основателя преподобного Антония Римлянина подробно освещена в новгородских летописях (Первая Новгородская летопись старшего и младшего изводов и позднейшая, Третья Новгородская летопись XVII в.).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Андроник (Трубачёв), игумен.

Анания // ⁵⁵ С. 221-222.

Анания – († 17.06.1581) преподобный, инок Антония Римлянина Новгородского монастыря, иконописец. Упоминается в повести «О преложении честного и многочудесного тела» святого Антония Римлянина и в рассказах о посмертных чудесах святого Антония, записанных Нифонтом – иноком Антониева монастыря в 70-80-х гг. XVI в. В повести Нифонт рассказал о себе, что был учеником Анании, почитавшего преподобного Антония Римлянина задолго до прославления последнего в лике святых. После совершения иноческого правила Анания имел обыкновение молиться преподобному. Свою веру в святость преподобного Антония Анания передал и иноку Нифонту, благодаря которому в 1597 г. состоялось обретение мощей преподобного Антония. По словам Нифонта, Анания отличался терпением и строгой подвижнической жизнью. В 1570 г. Анания стал свидетелем разгрома монастыря войском царя Иоанна IV Васильевича Грозного и мученической кончины игумена Геласия с 20 братьями. В «Сказании о святых иконописцах» (конец XVII в.) Анания назван преподобным, «писаше дивныя иконы многих святых чудотворцов».

Иконы, принадлежащие кисти Анании, неизвестны, но можно предполагать, что он исполнил первый образ преподобного Антония на камне, на котором тот, по преданию, приплыл по Волхову. В 1547 -1552 гг. камень был вложен в западную стену

Рождественского собора, изображение неоднократно поновлялось. Нет сомнений, что Анания был погребен в родной обители, но где именно, неизвестно. Время местной канонизации Анании также неизвестно, но уже в конце XVII в. имя его входило в число святых Великого Новгорода в «Описании о российских святых» (конец XVII-XVIII в.; здесь указан день преставления Анании). Канонизация Анании была подтверждена включением в 1831 г. его имени в Собор Новгородских святых. В службе всем новгородским святым Анания прославляется как чудотворец: «Ананія, добре соблюдый образ Божій в души твоей, из раки изобразуя святых и немощных исцеливый тростію твоею, изобрази и в нас добродетельныя виды, всеславне» (3-й тропарь 6-й песни канона). На прориси с иконы «Новгородские чудотворцы» XVIII в. он представлен в правой группе в 5-м ряду 2-м слева, с надписью на нимбе: «Ананіи».

Тропарь, глас 8

 тебѣ ѡтче Ананіе, извѣстен вѣсть спасенія образ. Воспріимъ во крѣстъ послѣдовалъ еси Христу. Творяше же и учаше, еже презрѣти плоть, преходитъ во, прилежати же о души вѣщи везсмѣртней. Тѣмъ же и со ангелы радуется преподобне духъ твой.

Кондакъ, глас 2

 истотою душевною Божественно вооружився, и непрестанныя молитвы яко копіе вручивъ крѣпко, проболъ еси бесовская ополченія, Ананіе, ѡтче нашъ, моли непрестанно о всѣхъ насъ.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, пустынника

Никандра (в миру Никона)

Псковского 4, 9

чудотворца

*Память его празднуется месяца марта в 25-й день,
месяца июня в 29-й день и месяца сентября в 24-й день*

† 1581

При державе великого князя Василия Иоанновича и при архиепископе Великого Новгорода и Пскова Серапионе родился в пределах Псковских, в селе Видеребье, сей преподобный в 1507 г. от благочестивых родителей Филиппа и Анастасии, и во святом крещении наречено ему было

мирское имя Никон. От раннего возраста привержен он был к церкви и просил родителей своих отдать его в научение Божественного Писания, моля Господа Иисуса, да даст ему благой разум, и так открылся ему путь к душеспасительному познанию, постигнув обманчивость жития сего, единого Христа возлюбив и себя предуготовил ему жилище. Брат его Арсений, восприявший иночество, показал ему первый пример отречения от мира.

В селе их была церковь во имя Святителя Николая, и туда часто притекал отрок, умоляя угодника Божия, да не попустить

ему погрязнуть в многострастном море. Отроческих игр и глумлений он всегда чуждался и не любил красивых одежд, имея пред собою всегда, еще в юные годы, постоянно страх смерти, как бы уже пред его глазами стоявшей. Взирая на честные иконы святых, ревновал он подражать их житию. Благодатиею Божиею явились и новые руководители отрочу Никону, которые указали ему места пустынные в окрестностях Пскова, где некогда подвизались преподобные отцы Евфросин и Савва, коих нетленные тела во свидетельство праведной их жизни подавали многие исцеления.

Одушевленный посещением их обители, семнадцатилетний юноша Никон по смерти отца своего начал убеждать скорбящую мать оставить все временное для благ вечных и посвятить имение свое Богу, отдав его частью в церковь, частью же в помощь нуждающимся. По совету сыновнему и мать восприяла иноческий образ, в котором благоговейно скончалась. Преподобный же юноша, уже ничего не имущий, пошел во град Псков, где обошел все обители иноческие и поклонился опять в пустыне мощам святых Евфросина и Саввы, как хлебом духовным питая алчущую душу свою их житием. Много скорбел он, что не довольно изучил разум божественных писаний, и для сего единственно возвратился опять во Псков. Там нашел одного благоговейного человека, по имени Филипп, к которому вошел в дом для услужения, и, несмотря на озлобления от его домашних, пребыл постоянным в своем труде. Филипп, снисходя к его усердному желанию, отдал его в науку одному опытному учителю во Псков, и Господь, услышав усердную молитву раба своего, отверз ему взоры мысленное, дабы уразумел тайны Божественного Писания.

Однажды в храме, услышав слово евангельское: «Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обременѣнни, и Аз упокою вы» (Матф. 11.28), весь был он пленен Духом Святым, дабы идти вслед Владыки своего Христа и уклониться от суеты мира сего. Вспомнил он и псаломное слово Царя Пророка: «Се удалихся бѣгая и водворихся в пустыни. Чаяху Бога спасающаго мя от малодушія и вѣри» (Пс. 54. 7-8).

Услышав от некоторых людей, что есть место весьма пустынное, вдали от всякого населения, исполненное только лесами и болотами, пожелал там водвориться на уединенный подвиг. Он попросил одного боголюбивого человека, по имени Феодора, указать ему сие место, на реке Демьянке, между Псковом и Порховом (в этих местах, между Псковом и Порховом, в деревне Кудрово, родился и жил до 11 лет, а затем переехал в город Порхов ныне преставившийся протоиерей Софийского Кафедрального собора Великого Новгорода отец Анатолий Малинин. Он рассказывал нам о крестном ходе в день памяти преподобного пустынноика из города Порхова в Никандрову пустынь в начале 40-х гг., когда преодолевали расстояние в 10 км, шли с песнопениями, хоругвями. – *Сост.*), и тот с радостью пошел с ним в пустыню. Они поставили посреди лесов малую хижину, где несколько дней провели в молитве, потом опять возвратился преподобный юноша во Псков. По своему обычаю, взошел он в церковь Богоявления Господня, где любил молиться, и просил Господа утвердить ум его, дабы устоять в подвиге. Там услышал он глас, исходящий к нему из алтаря: «Никон, раб мой, иди в пустыню, которую я указал тебе для твоего спасения, там обрящешь себе покой и живот вечный. Просияет по тебе пустыня сия, и приходящие почерпнут там благодать мою, и о памяти твоей возрадуются». Вняв таинственному гласу, как стрела пернатая, устремился в радости духовной юноша прямо из храма в пустынный путь свой. Дорогою встретился ему юродивый Псковский, блаженный Николай, который возвестил предстоящие ему страхи и искушения от лукавых демонов и человеков. Но не утратился мужественный юноша и, достигнув пустыни, укрепляемый Духом Святым, провел там многие годы неисходно, совершая заповеди Божии в посте, молитве и непрестанном бдении.

Когда, однако, распространилась молва о святой его жизни и, несмотря на пустынное место, начали стужать (Стужаю – докучаю, наскучиваю, досаждаю, тревожу, беспокою, смущаю⁵⁶ С.680) ему посещением, преподобный, избегая славы человеческой, оставил, хотя и с плачем, любимое

удинение и возвратился в Псков. Увидя его изможденным от постнических трудов, умилился о нем благоговейный Филипп, у которого он некогда проживал, и принял его опять в дом свой. Когда же узнал от него, что желает облечься в ангельский образ, отвел его в обитель евангелиста Иоанна, где почивали мощи преподобного Саввы Крыпецкого чудотворца. Игумен възбранил юноше постричься, видя его слабым и изнуренным и не полагая, чтобы он был в силах перенести все трудности иноческого жития. Никон же умолял настоятеля исполнить пламенное его желание и, припавши к раке преподобного Саввы, как бы к живому, возгласил ему: «О всеблаженный житель пустыни, отец наш Савва, помоги мне твоими молитвами и, хотя недостойн я, не отринь меня от святой твоей раки, но сотвори и меня общником с труждающимися здесь иноками, да и я прославлю вместе с ними пресвятое имя Божие». Тогда игумен уже не противился более столь неколебимому решению и облек его в иноческий образ, нарекли имя ему Никандр. Преподобный еще более стал преуспевать в добродетели, весь распаленный огнем Божественной Любви, и сделался благоприятным храмом Святого Духа, непрестанно возбуждая душу свою к хвалению Бога, так что настоятель и братия дивились строгому его житию.

Благоговейные же мужи: Филипп, приведший его в обитель, и Феодор, указавший ему пустыню, – будучи и сами подвижники его примером, прияли в той же обители иноческий образ и, там богоугодно пожив, перешли в вечность. Преподобный же Никандр и здесь не мог перенести возроставшей о нем молвы человеческой, он опять удалился в свою любимую пустынь, где пробыл пятнадцать лет, питаясь одним зельем (зелье – трава, зелень, овощ ⁵⁶ С.200).

Случилось однажды, по зависти диавольской, что в его одинокую хижину взошли разбойники и ограбили все его иконы, книги и нужнейшую утварь, избив самого немилосердно. Один из них пронзил даже копьем ему ребро. Преподобный Никандр, едва живой, очнувшись от тяжелой боли и видя себя всего обагренного кровью, вознес с рыданием обычную свою молитву человеколюбивому

Богу, возблагодарив из глубины души пострадавшего за нас волею на кресте за то, что и его сподобил пострадать за себя. Помолился и о врагах своих, дабы Господь отпустил им согрешения и направил на путь спасения.

Едва кончил он молитву, как уже восстал здоровым, будто ничего не пострадавший. Разбойники же, достигши в дебрях до озера, называемого Демьяно, потеряли дорогу и три дня блуждали около, как слепые, изнемогши от голода. Двое из них очутились, сознали вину свою и уразумели, что молитвы старца воспретили им путь. Двое же других ожесточились и даже произнесли на него хулу, но вскоре упали с моста в реку и потонули. Оставшиеся в живых возвратились с раскаянием к старцу и, возвратив ему похищенное, просили молитв его. Никандр отпустил их с миром, взяв с них обещание, чтобы впредь лучше жили.

Молва, распространившаяся о сем чудном событии, опять привлекла посетителей в пустыню Никандрову, и опять бежал он из любимого уединения в прежнюю обитель Кrypteскую. Здесь должно удивляться смиренномудрию святого мужа: когда разбойники оставили его еле живого, он ни во что вменил свои страдания; когда же услышал прославление благих своих дел, вменил сие паче лютого копья разбойничьего и, хотя с горькими слезами, оставил, однако, место любимого своего подвига, дабы не получить ему мзды человеческой вместо Божией.

Жестоко было его жителство и в самой обители, как бы в пустыне. Пять дней в неделю вкушал он сухой хлеб и воду и только по субботам и воскресеньям позволял себе немного вареной пищи. Днем носил воду и дрова для братии, ночью бодрствовал на молитве, а иногда, тайно выходя в лес, до половины обнажал тело свое, чтобы предать его насекомым, доколе не обогрелось кровью. Между тем добровольный страдалец руками прят волну, устами же пел псалтырь и, как неколебимый адамант, простаивал всю ночь под облаком ядовитых насекомых; наутро он прежде всех обретался опять в церкви и после всех из нее исходил, так что все дивились его ревности и смирению.

Братия пожелала иметь его эклесиархом (эклесиарх – церковноначальник, ключарь церковный⁵⁶ С. 171), и он с любовью принял сию службу, занимаясь в свободные часы сотрением пшеницы для просфор. Таким образом, от чистых рук и сердца приносил чистый хлеб в церковь для совершения Божественного Таинства Евхаристии, с трепетом, при непрестанном размышлении, что самое тело Господа Иисуса будет преломляться за грехи наши под видом приносимого им хлеба. Братия, утешенная его ревностностью, просила игумена, поставить преподобного Никандра келарем их обители, как весьма опытного в иноческом житии. Поставленный на сию новую должность, он принял ее, как бы из рук самого Христа, усердно служа всей братии и памятуя слово Господне: «Иже аще хощет в вас вѣщшии выти, да вѣдет ва́м слуга́» (Матф. 20.26).

Пробыв некоторое время в сей должности и видя, что нельзя в ней избежать молвы и невольных иногда огорчений с братиею, удалился он из обители Крыпецкой на малый остров, отстоявший от нее на три версты, и там, в уединенной хижине, прожил три с половиною года в посте и подвиге. Окрестные жители приходили к нему за советом и пользовались его душеспасительным словом. Ненавистник же добра диавол возмутил против него игумена с братиею: будто преподобный отвлекает от них народ и приношения. Возрадовался такому нареканию Никандр, ибо только и мыслил, как бы удалиться ему от молвы житейской. Нимало не скорбя на изгонявших его, постарался он угодить им скорым послушанием их воле и опять удалился в свою любимую, Богом показанную ему пустыню.

Случилось ему на пути остановиться для ночлега в селе, называемом Локоты, в доме поселянина, который, приняв его гостеприимно, хотел принудить есть и пить, так как это был понедельник сырный. Святой же отрекался от всякой пищи, ибо и этот понедельник соблюдал в посте, как и все прочие. Раздразнился против него хозяин дома, и, как случилось, что за несколько дней пред тем, разбойники сожгли дом его соседа, ему пришло на мысль, что и преподобный

то же хочет с ним сделать, потому что чуждается его гостеприимства. Хозяин совещался со своими присными, чтобы умертвить пришельца, гнушающегося их пищею, и, действительно, напавши ночью на святого, немилосердно избили его оружием и дреколием. Но Господь не попустил ему погибнуть от руки бесчеловечных, ибо громкий вопль терзаемого услышан был на селе. Множество народа собралось в избу и удержали разъяренных. Внезапно опамятававшись от жестокого дела, как бы от хмеля, со стыдом просили они прощения у преподобного. Никандр принял от них немного хлеба, дабы показать им, что расстается с ними в мире, и помолился о своих мучителях.

В другой раз, когда утрудившись на пути, лег он отдохнуть в лесу, внезапно увидел над собою двух страшных волков. Поняв лесть бесовскую, преподобный вооружился знаменiem креста и, ударив посохом по земле, воскликнул: *«Отступите от меня все делающие беззакония»* (Пс. 1.6.8) – невидимы стали мнимые звери. Невредимо достиг он своей пустыни, где пробыл еще пятнадцать лет, много страдая от бесов и людей, но все одолел слезными к Богу молитвами.

Преподобный получил от Бога дар прозорливости и исцелений посреди подвигов своей пустынной жизни. Некто Петр, по прозванию Юсуков, имевший поместье по соседству его пустыни, на ловле зверей, гнавшись за лосем, нечаянно заведен был в непроходимые дебри, к уединенной хижине пустынника. С молитвою постучался он в дверь. Старец велел ему идти ожидать его у дуба, назвал по имени пришельца и благословил его супругу. Изумился Петр такой прозорливости и стал вопрошать, сколько лет проводит он уже в пустыни. Но преподобный, открыв только свое имя, умолчал о прочем. Тогда пришелец припал со слезами к ногам его и просил, как друга Божия, вымолить ему от Господа разрешение от горького неплодия долголетнего их брака. Никандр отпустил его с миром, возвестив ему о радостном рождении сына.

Другому человеку, по имени Симеон, пришедшему навещать его ради душевной пользы, преподобный предсказал

о скором его отшествии из временной жизни и советовал окончить дни в покаянии иноческой жизни. Симеон с послушанием исполнил спасительный совет старца.

Люди, жившие окрест, иногда тайно приходили к хижине Никандровой и всегда слышали, что он молился внутри келии с горьким плачем; но, когда преподобный ощущал приход человеческий, он внезапно умолкал и притворялся спящим, а толкущему в его дверь отвечал, как бы воспрянув от сна. Никто, однако, не заставал его лежащим для отдыха, когда же хотел упокоиться после вечерней молитвы, то сидя засыпал немного. Постоянную пищу его было зелие; и по захождении солнца вкушал он немного сухого хлеба, если его приносили. Во дни же Великой Четыредесятницы принимал пищу только раз в неделю. Ежегодно в пятницу, пред цветною неделю, приходил он во время вечернего пения в Демьянский монастырь и, там приобщившись на другой день Пречистых Таин, возвращался опять на суровое жительство в свою пустыню.

Господь, прославляющий и утешающий своих угодников, повелел святому Александру Свирскому, чудотворцу, явиться преподобному Никандру и укрепить его в подвиге против невидимого врага, который с тех пор уже не смел приступать к нему, но только издали старался возмутить его мечтаниями, или страхованиями шума колесниц и ратного клича, или видением диких зверей. Но все сии страхи и мечты рассеивал преподобный одним знамением креста. Снова явился ему святой Александр, обещая, что Господь освободит его и от таких мечтаний.

Недалеко от пустыни Никандровой жил человек, по имени Назарий, который впал в совершенное расслабление телесное и полтора года не мог двинуть ни одним членом. Во все время своей болезни он непрестанно призывал преподобного, да подаст ему исцеление, и велел нести себя в его пустыню. Увидев же старца, припал к ногам его и, омывая их слезами, просил себе помощи. Старец, исполненный смирения, запретил ему касаться ног своих и, назвав его по имени, сказал, что исцеление может придти к нему не

от человеков, а только от Бога. «Помолился обо мне, отче, - воскликнул к нему изнемогающий, - ибо, если отринешь меня, умру здесь пред лицом твоим». Преподобный, сжалившись над ним, велел отнести его в гостиную хижину, стоявшую у дуба, где обыкновенно останавливались проходящие, и велел там немного опочить. Но больной отвечал ему, что во все время продолжительной болезни никогда не мог заснуть от остроты своих мук. Однако Никандр повторил свое повеление, говоря, что приготовил ему теплую келью, предвидя его приход, и там после краткого сна больной открывает ему свой недуг. Старец оградил его крестным знаменiem и сам заключился на всю ночь в келье своей для молитвы. Болящий, сладко уснув, на другой день встал совершенно здоровым, как будто никогда не болел, и струпы гнояного его недуга, как кора, отпали от его тела вместе с его срачицею, когда стал ее снимать. Такое чудное исцеление совершил над ним преподобный, но не велел никому открывать о бывшем чуде, дабы не пострадал еще более ради своей нескромности. Много других подобных исцелений от него истекало, которые благоговейно записаны в его житии.

Пришел к нему еще один человек, с плачем извещая об утрате своей ослицы, похищенной ворами, и прося возвратить ее. Преподобный отвечал ему, что более подобает скорбеть о похитителях, нежели о похищенной, ибо душа человеческая важнее утраченного скота. Огорчился поселянин мнимым жестокосердием святого и укорил его за то, что более соболезнает грешникам, нежели ему. Никандр же отвечал, что сетует о них потому, что самого себя признает первым из грешников. Однако отпустил его с миром, обещая возвращения похищенного, и, действительно, в ту же ночь прибежала к нему украденная ослица.

Преподобный, видя приближение старости, начал готовиться к смертному исходу и старался украсить себя еще более к сретению Жениха Христа. За восемь лет до кончины восприял он схиму в Демьянском монастыре. В последние годы часто приходил к нему из города Порхова диакон Петр и много с ним беседовал о пользе душевной. Однажды

Никандр, возвещая бывшее к нему милосердие Божие, сказал: «Брат мой, много болел я ногами, но, по благодати Божией, освободился от сей болезни», - и с изумлением увидел диакон, что его тело на ногах согнило даже до костей. Тогда же открыл ему преподобный, что вскоре пошлет Господь по его душу, и просил себе одной милости: дабы предал его грешное тело земле. «Но как узнаю я о твоём преставлении, - спросил диакон, - дабы в тот день я мог придти послужить твоему погребению?» Святой отвечал: «Нельзя, чадо, без скорби поведать тебе о исходе моей жизни, ибо в тот день будет, грех ради наших, возмущен бурейю военною город Псков и будет в осаде от литовских людей. Ты же, когда услышишь о моей кончине, тогда послужи мне». И на вопрос диакона: «Где повелишь погребсти честное свое тело?» - отвечал: «Где найдешь его, там и погреби».

Через сорок семь лет после своего первого пришествия в пустыню преподобный впал в телесный недуг и, немного поболев, провидел свою кончину. Со многими слезами молил он всемилостивого Бога о спасении души своей и всех святых призывал к себе на помощь, наипаче же Пречистую Богородицу, которой поручал по себе и место свое, для устройства обители. Потом возлег на рогожу и, со светлым лицом воззрев на небо, громко возгласил: «Благословен Бог, тако Благоволивый, слава Тебе», - простер ноги свои, сложил крестообразно руки - и так предал дух свой Богу сентября в 24-й день 1582 г.

Роста был он среднего, брада продолговатая украшена была сединою, лицо его сияло благолепием. Всего жития его было 85 лет, и он не напрасно провел годы сии, во многих трудах послужив Всевышнему Царю, доколе не преставился в вечныя Его обители.

Сбылось в то время и пророчество преподобного о буре воинской, и великое смятение было во Псковской стране при державе царя Ионна Васильевича от нашествия Польского короля Стефана Батория, доколе воинство Русское не отразило Литовские полки.

В самый день преставления святого Никандра случилось быть в его пустыни некоему крестьянину, по имени Иоанн, из села Боровичей. Постучавшись с молитвою в келью святого и не слыша от него ответного гласа, дерзнул он отворить двери и увидел его уже отшедшим к Богу, келья же вся исполнена была благоухания. Много плавав над телом преподобного, он похоронил его близ дуба, где ныне стоит церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, и, соблюдаемый молитвами его, прошел посреди полков литовских в Порхов, где возвестил о преставлении святого старца. Горько възрыдал весь народ о преподобном, как бы осиротевший, лишившись такого молитвенника к Богу. Плакали люди и о том, что не могли прилично, с должным псалмопением, погребсти его по случаю обстояния иноплемennых. Но диакон Петр, услышав о его кончине, поведал народу, как предсказал преподобный о нашествии Литвы во время своего исхода, и возбудил всех безбоязненно идти на его погребение, ибо Господь его молитвами оградит всех от врагов. Граждане, возложив надежду на Господа и на Его угодника, взяли свечи, фимиам и все нужное для погребения и пошли со священниками и диаконами в пустыню мимо полков Литовских, которых миновали невредимо. С великою честью погребли они в день Покрова Богоматери тело преподобного, которое осталось нетленным. (Мощи преподобного Никандра были вскрыты в начале 20-х годов, в настоящее время местонахождение их неизвестно. — *Сост.*)

105 лет спустя после его кончины, в 1687 г. июня в 29-й день, повелением Святейшего Патриарха Иоакима, при митрополите Новгородском Корнилии епископ Тамбовский Леонтий с архимандритом Хутыня Евфимием, игуменом Лисицким Германом и ключарем Софийского собора освидетельствовали мощи преподобного Никандра, уже в устроившейся над ним обители Благовещенской. Обретши их нетленными, с благоговением переложили в новый гроб и поставили в церковной стене. Потом списали житие и чудеса его и, составив службу, послали все сие к Святейшему Патриарху, который утвердил ее соборно в первопрестольной

Москве, уставив совершать память преподобного 24-го сентября, в день его преставления, обще с храмовым праздником Благовещения Пресвятой Богородицы.

Митрополит Александр сам был пустыннолюбец и в юности своей подвизался с преподобным Антонием Сийским, который устроил обитель Пресвятой Троицы на истоке реки Двины, и сам, ревнуя его трудам, составил свою обитель Великопустынскую в пределах Псковских. С радостью услышал он о подвигах святого Никандра и, поставив игуменом Исаию, дал ему обильную милостыню и велел соорудить храм Благовещения над гробом преподобного. С тех пор потекли от него непрестанные исцеления, и исцеляемые им возревновали о благолепии обители, которая процвела в пустыни.⁴

Монастырские настоятели устроили при соборной церкви придел во имя святых апостол Петра и Павла, в память обретения мощей преподобного Никандра июня 29, и начали совершать третье празднование преподобному. С тех пор Благовещенская обитель начала именоваться Никандровою пустынью.⁹

Некто из дворян Новгородских, Иаков, прозванием Муравьев, который сетовал о своем безчадии, ибо все дети его умирали в младенчестве, будучи благочестив, многие творил он благодеяния церквам и обителям и весьма любил нищих, наделяя их милостынею, заповедовал молиться, чтобы Господь даровал ему младенца. Однажды пришло ему на мысль соорудить близ своего двора церковь во имя преподобного Никандра, к которому имел большую веру, и вскоре после того родился у него сын Игнатий. С радостью прославил он Бога и, во исполнение своего обещания, поставил первую церковь во имя угодника Божия, по благословению Никона, митрополита Великого Новгорода, будущего Патриарха.⁴

Тропарь, глас 6

Светило незаходямаго свѣта странѣ
нашей явился еси, Богоблаженне,
дѣлающе претерпѣвъ вражия
озлобленія, биченіе и раны яко одежда нетленія
вменишася тебѣ, со зверьми бо брався, и от
человѣкъ злыхъ провѣдѣнія приѣвъ, о тѣхъ молился
еси, не постави имъ грѣха сего, глаголя; тѣмже
Владыце Христу ꙗко подобился еси, достохвальне
Никандре, отче нашъ, молися о душахъ нашихъ.

Иной тропарь, глас 4

Гласъ вожествовавый, иже во Евангелии,
услышавъ преподобне отче Никандре:
приидите ко мнѣ вси труждающіеся и
обремененніи, и азъ упокою вы, и приѣмъ крестъ
последовалъ еси Христу; миръ оставль, въ пустыню
вселился еси, пощениемъ и бдениемъ Небесный даръ
восприимъ, и души недужныхъ, приходящихъ къ тебѣ съ
вѣрою, исцеляеши, тѣмже и со ангелы срадуется
преподобне духъ твой.

Кондакъ, глас 1

Зко лучи твоя солнечную Христосъ показа,
преподобне; сияеши бо въ земли
Россійской чудеса благодатию, и
отгоняеши тма страстей же и скорбей отъ
приходящихъ къ тебѣ съ вѣрою, тѣмже почитаемъ
твою память Никандре, отче нашъ и вопиемъ ти,
радуясь пустынножителей красотѣ и странѣ
нашей похвалѣ и утверждѣніе.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Щербова Н.

Дивная помощь. Из чудес преподобного
Никандра Псковского – к 25 марта – дню его памяти // ⁴⁷

Журнал «Русский паломник». 1910. № 12. С. 183-186.

(Из личной библиотеки протоиерея Новгородского Софийского
Кафедрального собора о. Анатолия Малинина)

Первое чудо, которое было записано, случилось через года три-четыре со времени кончины преподобного Никандра. Мало кто заходил в глухой лес поклониться одинокой могиле. Только могучий дуб все пышнее раскидывал над нею свои темно-зеленые ветви, и солнечные лучи приветно озаряли ее деревянный крест. Но вот в 1584 г. один старец, по имени Исаия, знавший преподобного Никандра, пришел в эту лесную пустынь.

Исаия давно чувствовал призвание к отшельнической жизни и уже много лет был тайно пострижен в монашество. По сердцу и настроению старца Исаии была эта дремучая сосновая роща, а более всего привлекала уединенная, свободная келья, освященная молитвенными подвигами преподобного Никандра. Исаия решил остаться здесь и по мере своих сил подражать жизни глубоководного им подвижника Божия.

Не раз казалось Исае, что преподобный Никандр невидимо присутствует здесь, руководит им, помогает ему бороться с искушениями и помыслами. Старец Исаия ощущал эту духовную близость преподобного по особенному благодатно-радостному миру, который внезапно наполнял его душу. Иногда во время ночной молитвы казалось старцу Исаии, что преподобный вместе с ним слушает келейное правило...

Недолго оставался старец Исаия в полном одиночестве: вскоре пришел к нему юноша Андрей, бывший до того пономарем в Москве. Юноша упросил старца принять его в послушники и дозволить жить вместе с ним в келье. Андрей уверял старца, что всей душой жаждет подвижничества, что тяготится суетою и соблазнами мира. Старец Исаия с радостью принял его в свою келью.

Первое время Андрей усердно исполнял всякую работу. По примеру старца-инока большую часть дня и ночи посвящал молитве, но вскоре охладел и начал тосковать по том самом миру, от которого ушел в пустыню. Испытание с каждым днем все сильнее охватывало Андрея, и, наконец, он решил тайно бежать от Исаии. Денег на дальнюю дорогу до Москвы у Андрея не было, и он, все более и более отдаваясь во власть искушения, задумал похитить иконы и книги и даже новое монашеское одеяние гостеприимного Исаии.

Однажды, когда старец, утомленный работою, прилег отдохнуть, Андрей накинул на себя его новую рясу, захватил все, что нашел ценного в бедной келье, и бежал. День был жаркий, несмотря на тень векового леса. Бежать с книгами и иконами было не легко. Андрей достиг места, называемого Подогривье, и на опушке леса, утомленный быстрой ходьбой, решил немного отдохнуть.

Между тем старец Исаия пробудился и сразу заметил исчезновение книг и икон. Не найдя нигде Андрея, старец понял, что не кто другой, а именно хитрый послушник похитил все его небольшое имущество. Пропажа новой монашеской рясы и клобука не печалила старца, но старинных икон и книг ему было жаль до слез.

Скорбь и досада охватили сердце старца. Погнаться за похитителем он не мог, так как давно страдал болезнью ног и только с помощью посоха с трудом передвигался по дремучему болотистому лесу. Сначала Исаия не знал, что делать, но затем поспешно направился к могиле преподобного Никандра. Со слезами, как живого, просил и умолял он почившего подвижника помочь ему отыскать иконы и книги.

Успокоенный несколько молитвою, глубоко веря в чудесную помощь преподобного пустынножителя Никандра, старец Исаия решился, невзирая на слабость ног своих, отыскать Андрея. Взяв свой посох и призывая на помощь преподобного, он двинулся в путь за беглецом.

Андрей, отдохнув несколько, хотел было идти дальше, как вдруг увидел перед собою какое-то непонятное сияние и вслед затем неизвестного ему дивного старца. Одет старец был в белый монашеский подрясник, опоясанный кожаным кушаком. Длинная седая борода спускалась до пояса; сияние, как бы от солнца, окружало его величественное и прекрасное лицо. Взгляд глубоких темных глаз старца, казалось, проникал в самую душу Андрея.

Повелительным движением руки преградил он дорогу Андрею и в то же время кротко произнес: «Андрей, чадо мое! Куда ты хочешь идти? Или не знаешь, что ты нигде не можешь укрыться от меня?»

Страх и трепет охватили Андрея. В раскаянии упал он на колени и поверг к ногам старца похищенные иконы и книги. Андрей хотел покаяться пред ним, облегчить свою душу, но вдруг почувствовал, что онемел и не может произнести ни одного слова. В ужасе знаками стал он умолять старца об исцелении, но в это время заметил, что старца нет уже перед ним. Только дивное сияние еще дрожало в воздухе над тем местом, где стоял старец.

С диким криком, сбросив с себя все похищенное, Андрей, сам не сознавая, что делает, как безумный бросился бежать в лесную чащу.

В то же время монах Исаия, как бы по тайному указанию преподобного Никандра, достиг этого места. Взволнованный Исаия

быстро подвигался вперед, совершенно не сознавая еще, что ноги его чудесно исцелены от многолетней мучительной болезни. Вступив на лесную опушку, Исаия вдруг увидел вдали светлую сияющую фигуру преподобного Никандра и склоненного пред ним Андрея. Не понимая, видение это или наяву, Исаия остановился в изумлении. В то же мгновение видение преподобного как бы исчезло в воздухе. Исаия только услышал дикий крик своего ученика, мгновенно исчезнувшего в лесной чаще, и увидел разбросанные по лесной поляне драгоценные для него иконы и книги.

Со слезами радости собрал он их и возблагодарил преподобного Никандра, чудесно явившего ему свою помощь. Чувствуя себя в то же время совершенно исцеленным, как будто никогда не страдавшим слабостью ног, старец Исаия бодро и радостно возвратился в свою келью.

Долго и горячо молился он на могиле преподобного Никандра и положил в душе своей, в благодарность преподобному, основать здесь церковь с монастырем.

Вскоре желание старца исполнилось. Слух о чудесном заступлении преподобного Никандра привлек в пустыню много братии. Пришел и Андрей и со слезами просил прощения у старца Исаии. Исаия повел его на могилу преподобного и молил святого Никандра о разрешении немоты своего ученика. И молитва старца была услышана.

Исцеленный Андрей постригся в монашество и удалился в Великопустынский монастырь.

Между тем все увеличивающаяся братия стала просить Исаию быть их игуменом и убеждала его ходатайствовать о посвящении в иеромонахи. Исаия отправился в Новгород к преосвященному Александру, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, так как в то время г. Порхов принадлежал Новгородской епархии. Старец Исаия рассказал преосвященному о месте, где подвизался преподобный Никандр, о числе братии, водворившейся в пустынном месте подвигов угодника Божия.

С радостью рукоположил преосвященный старца Исаию в иеромонаха и игумена новой обители и дал средства для сооружения над гробом угодника Никандра большого храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы.

Вскоре среди глухого леса воздвиглась знаменитая Никандрова пустынь.

Степанов И.

Возвращение иконы // Благодатные лучи. Псков.
1996. № 4. С. 7.

По благословению Святейшего Патриарха Алексия II, 24 августа на Псковскую землю вернулась бесценная реликвия - икона

Возвращенный образ преподобного
Никандра Псковского Чудотворца

преподобного Никандра Псковского Чудотворца (конец XVIII - начало XIX века) с частицей его мощей. Предыстория этого события такова.

Известный московский меценат Евгений Михайлович Ряпов выкупил на одном из зарубежных аукционов большое количество икон (всего возглавляемым им фондом выкуплено и возвращено на Родину более 1 500 единиц предметов церковного обихода) и передал их Святейшему Патриарху Алексею II. В числе этих

икон находилась и икона преподобного Никандра. Патриарх благословил вернуть икону на ее историческую родину - Псковский край, где в XVI веке сам преподобный подвизался на пустынножительство. Адресована была икона на остров Залита, где уже много лет бессменно служит старейший священнослужитель нашей епархии, митрофорный протоиерей, отец Николай Гурьянов... По благословению Владыки и с согласия отца Николая, образ преподобного Никандра отправится в город Порхов, в крепостную Никольскую церковь, в двадцати верстах от которой находится знаменитая Никандрова пустынь, основанная на месте подвигов преподобного пустынножителя.

Крылов А. Е.

Судьба Никандровой пустыни // ⁷⁸ С. 24 - 35.

На протяжении пяти веков на юге Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии и пограничных с ним уездах Псковской жители почитают память преподобного пустынножителя Никандра, прославленного аскетическими подвигами основателя некогда знаменитой Никандровой пустыни.

Каждый год в дни престольных праздников и на память преподобного в затерянный среди лесов и болот монастырь шли лесными тропами благочестивые крестьяне, ехали петербургские,

псковские и новгородские купцы, богомольные местные помещики, а порой и русские великие князья.

В девяти верстах западнее древнего русского города Порхова, возведенного в 1239 году молодым новгородским князем Александром Ярославичем, будущим героем Невской битвы и Ледового побоища, святым благоверным великим князем Александром Невским, как боевая крепость Новгородской земли для защиты от алчных западных соседей – литовцев и немцев, на огромной площади почти в 150 квадратных верст раскинулся дремучий Никандровский лес. Богат он строевой древесиной, ягодами и грибами, боровой дичью и промысловым зверем. Неповторимое очарование лесу придают тихоструйные речки и ручьи, покойные озера и мшистые болота, среди которых возвышаются живописные холмы и гривы, покрытые березами и соснами. А еще славится Никандровский лес святыми целебными источниками, близ которых в 80-х годах XVI-го века иеромонах Исаия основал Свято-Благовещенскую обитель. Позже монашеское братство получило имя преподобного Никандра (1507-1581 г.г.) – псковского пустынножителя, проводшего в диком лесу в отшельничестве, в строгом посте и неустанных молитвах более полувека своей подвижнической жизни и причисленного Русской Православной Церковью в 1687 году к лику святых.

История Никандровой пустыни полна интереснейших событий. Возникнув накануне Смутного времени и дожив до установления в России большевистского режима, монастырь испытал на себе как милость царствовавших Государей и крупных вельмож, так и тяжелые удары судьбы.

Начало святой обители было благополучным. Вокруг инока Исаии, прожившего в лесу несколько лет отшельником, собирается группа мирян, пожелавших посвятить себя монашеству. Новгородским архиепископом Александром Исаия был рукоположен в иеромонаха, и вскоре на том месте, где прежде стояла келия преподобного Никандра, стал создаваться монастырь. Строительство его началось с возведения над местом погребения пустынножителя Благовещенской церкви. В храм с погоста Тишинка была перенесена икона Благовещения Божией Матери. Перенесение иконы и строительство церкви было сделано по завещанию преподобного Никандра. Святая икона дала название не только церкви, но и всей обители.

Усердным почитателем памяти преподобного Никандра и щедрым дарителем скромной пустыни был сын бывшего порховского

воеводы Яков Матвеевич Шаврук-Муравьев. В середине XVII века с благословения новгородского митрополита Никона, впоследствии патриарха Московского и всея Руси, он построил в монастыре три церкви: во имя преподобного Никандра, преподобного Александра Свирского и Святой Троицы. Все три храма были деревянные.

Большое содействие Никандровой пустыни оказывали русские цари. В 1667 и 1677 г.г. царь Алексей Михайлович пожаловал монастырю много пустошей. Щедро жаловал обитель и царь Феодор Алексеевич. Монастырю дары эти были жизненно необходимы, ибо несколькими годами ранее он испытал два тяжелейших разорения. В 1665 году поляки, вторгнувшись в псковские и новгородские земли, не остановились перед тем, чтобы взять штурмом затерянную в глухом лесу тихую пустынь. Иноки с большим мужеством защищали свою обитель, дело доходило до рукопашных схваток, но силы были слишком неравны. Рассвирепевшие от оказанного сопротивления иноземные солдаты убили монахов, разграбили монастырь, а игумена увели в плен, где он находился почти год. В 1673 году пустынь постигла новая беда: случился сильный ножар, уничтоживший все деревянные строения.

Но святая обитель не погибла, она воскресла из пепла к новой жизни и окрепла. Вместо сгоревших деревянных церквей были построены каменные.

В 1687 году в жизни монастыря произошло великое торжество: 29 июня по благословению патриарха Иоакима были обретены мощи преподобного. Найденные нетленными, они были переложены в новую раку и установлены на прежнем месте. Православная Церковь причислила преподобного Никандра к лику святых. Было написано житие преподобного Никандра и составлена ему служба, установлен праздник памяти угодника в день его преставления 24 сентября. Память святого совершается также в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. При соборной церкви настоятели монастыря устроили придел во имя святых апостолов Петра и Павла, в память обретения мощей преподобного Никандра 29 июня. В этот день в обители начали совершать третье празднование преподобному. В южной стене соборной Благовещенской церкви был установлен гроб с мощами пустынножителя Никандра. С тех пор Благовещенская обитель стала именоваться Свято-Благовещенской Никандровой пустынью.

В 1764 году по учреждении штатов, когда по указу Императрицы Екатерины II большинство русских монастырей было упразднено,

Никандрова пустынь была оставлена на своем содержании, в ней положено быть строителю и шести инокам. В конце XVIII-го века скромный заштатный монастырь, несмотря на это, возвысился и благоустроился в бытность его настоятелем архимандрита Геннадия. При нем на небольшую обитель, уединившуюся в глухих псковских лесах, посыпались щедрые дары императора Павла I. Царским указом от 20 ноября 1830 года численность монашествующей братии была определена в 30 человек. В том же году монастырь был причислен к ордену святого Иоанна Иерусалимского и ему была пожалована многокрестная ризница с крестами ордена.

Новый подъем Никандровой пустыни пришелся на 50-е годы XIX века, когда обитель возглавил архимандрит Игнатий. В 1855 году, по случаю избавления жителей Порхова от холеры, свирепствовавшей в 1831, 1848 и 1853 годах, был установлен ежегодный крестный ход из пустыни в Порхов.

В конце XIX века Никандрову монастырю принадлежало 4836 десятин окружающих его земель и 14 пустошей в уезде общей площадью 2081 десятина.

После коммуны, распущенной через шесть лет, на ее месте некоторое время действовала кустарная мастерская. В начале 1930-х годов монастырь был разгромлен. Разгромом святой обители руководили порховские коммунисты. Выполняли их волю отрeksi-еся от Бога мужики из соседних деревень. Взрывали и ломали церкви, часовни, монастырские стены, иноческие кельи, хозяйственные строения. Своеобразную заботу погромщики проявили о большим колоколе, висевшем на звоннице над монастырскими воротами. Весом колокол был 360 пудов 37 фунтов, 13 нудов весил его язык. Чтобы он не разбился, падая при ударе о землю, на снег (это происходило зимой) положили большую кучу хвороста. Напряглись, потянули за веревки, и 300-пудовый богатырь, могучий призывной звон которого во дни богослужения был слышен за 20 верст, качнувшись, рухнул вниз, пробив кучу хвороста и сугроб. Удар о мерзлую землю был так силен, что от колокола откололся большой кусок. И далеко окрест разнесся сжимающий сердце гул сокрушенного исполина.... С помощью лаг взвалили на дровни, и лошади, напрягая изо всех сил гужи, потащили его по застывшему лесу в Порхов. Говорят, по дороге колокол упал с дровней, словно не желая покидать родную обитель...

Дальнейшая судьба колокола неизвестна. Большие монастырские часы были увезены во Псков и до сих пор «украшают» здание

областной администрации. Кирпич же от разломанных монастырских построек местное население развезло по домам для своих нужд. Из всех монастырских строений до начала Великой Отечественной войны сохранился лишь прекрасный дом настоятеля. В годы 2-й мировой войны, в 1941 г., была предпринята попытка возобновления монастыря Митрополитом Литовским и Виленским, экзархом Латвии и Эстонии, Высокопреосвященным Сергием (Воскресенским). Им назначен был настоятелем Никандровой пустыни иеромонах Андрей (Тишко), однако после его трагической гибели монастырь пустовал. Затем его облюбовали для себя немцы, создав здесь контору по заготовке древесины. Пилить лес заставляли окрестное население. Лес был сильно вырублен, целые составы с порховской древесиной отправлялись в Германию. Отступая под ударами советских войск, немцы успели разрушить дом настоятеля. Правда, первый этаж уцелел. И в нем до начала 50-х годов жил местный егерь. Позже и этот дом был разобран на кирпичи, и теперь от него ничего не осталось. После войны любители легкой наживы из числа жителей деревни Дуброво перекопали все монастырское кладбище в поисках драгоценностей. Следы действий святотатцев сохранились до наших дней: надгробные плиты сдвинуты с мест, рядом зияют ямы, каменные кресты одни прислонены к деревьям, другие просто лежат на земле... «А что стало с теми людьми, что надругались над телами усопших?» – спросил я у старейшей 87-летней жительницы деревни Любовец Татьяны Васильевны Васильевой. «Всех наказал Господь, – вздохнув, ответила Татьяна Васильевна, – один повесился, другого убили в Прибалтике, третьи пропали неизвестно где, даже родственники ничего не знают».

Что же осталось от некогда цветущего монастыря, принимавшего паломников со всей России? Человек, добравшийся сюда ныне по разбитой тяжелыми машинами и тракторами дороге, увидит остатки кирпичной монастырской стены и колокольни, фундаменты каких-то зданий, несколько старых дубов, труднопроходимую туескую аллею, заросшие пруды. Невдалеке от монастыря – три колодца-источника целебной вкусной воды (до четвертого нужно долго идти) и заброшенное кладбище. А поднявшись по узкой тропинке на небольшой крутой холм в центре монастыря, поросший деревьями и декоративным кустарником, пришедший сюда увидит скромный железный крест в простой бетонной раковине за низкой железной оградой, в киоте на кресте икона с изображением седобородого монаха во весь рост. Жители окрестных

деревень нисколько не сомневаются, что здесь под спудом покоятся мощи преподобного Никандра, хотя никто не скажет, кто и когда предал их земле после того, как рака святого была вскрыта и обследована советской комиссией в 1920 году. (По другой версии мощи преподобного Никандра были тайно похоронены в Любавце.) Крест на месте разрушенной Благовещенской церкви появился после войны. Современный же вид могила преподобного Никандра приобрела около десяти лет назад. Прежде она была обложена диким камнем, известняком, крест был деревянный, а ограды не было совсем. Она производила суровое впечатление могилы аскета. В Пасху, в Благовещение, в день святых апостолов Петра и Павла, в день памяти преподобного Никандра и в другие дни сюда, в заросший высокими травами монастырь, приходят небольшими группками жители ближних деревень и горожане, чтобы поклониться месту подвига и трудов крестьянского сына Никона из псковской деревни Виделебье, ставшего известным всем православным христианам преподобным Никандром пустынножителем, святым подвижником, всю свою тяжелую жизнь молившимся Богу за всех нас грешных и чье присутствие до сих пор ясно ощущается в этом поруганном, но по-прежнему и навсегда святом месте...

Константинов О.

Возрождение // ⁷⁸ С. 36 - 41.

В конце 90-х годов порховские лесники первыми восстановили здесь часовню преподобного Никандра и срубы источников, псковские казаки установили навесы и металлические кресты, журналисты «Новостей Пскова» расчистили кладбище, а сотрудники Порховского краеведческого музея – туевую аллею. В 2000 году архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий поставил вопрос о необходимости возобновления в пустыни духовной жизни. Однако зимой на обитель свалилась новая напасть: частные лесозаготовители стали вырубать деревья, проложив дорогу вплотную к целебному источнику Петра и Павла. Лишь благодаря вмешательству общественности и депутатов областного Собрания, это поругание было остановлено. В мае 2001 года впервые в области на государственном уровне был проведен «круглый стол» по проблеме спасения Никандровой пустыни. Во встрече приняли участие более 30 организаций и священнослужители Псковской епархии во главе с архиепископом Псковским и Великолукским

Евсевием. В итоге был создан общий попечительский совет. А уже 30 июня 2001 года в Никандровой пустыни, по благословениюладыки, поселился первый рясофорный монах – строитель Гавриил.

Он объединил под одной крышей абсолютно разных людей. В середине лета в обитель приехали псковские (промежицкие) спецназовцы ЛенВо, местные жители и стали вместе расчищать источники, фундаменты стен, церквей и братских корпусов. А на день преподобного Никандра перенесли часовню на одноименный источник, сделав так, как это было в древности. Военные из города Острова выделили несколько автокунгов для времянок, сараев и погребов, топографы провели съемку местности, дорожники расчистили подъездные пути. Снетогорский женский монастырь подарил дом для настоятеля.

Посетил Никандрову пустынь и епископ Меркурий, возглавляющий в Северной Америке московскую православную миссию, на практике возродивший духовное наставничество земляков над обителью. В 2002 году по благословению архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия у святых врат воздвигнута первая деревянная церковь в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Деньги на «именные бревна» собирали всем миром. Как некогда по кирпичику была разобрана обитель, так теперь по бревнышку она восстанавливается.

Но это только малая часть огромной работы, которую предстоит сделать. Впереди строительство еще одного храма, где можно было бы, как и сотни лет назад, проводить службы, молиться за спасение наших душ и возрождение православной России. А потому в Никандровой пустыни всегда будут рады любой, даже самой малой помощи, пришедшей от Вас и Ваших близких.

Житіє

преподобного отца нашего

Трифона (в мирѣ Митрофана)

Печенгского, Кольского ¹

просветителя лопарей

*Память его празднуется месяца февраля в 1-й день
и декабря в 15-й день*

† 1583

и

Свѣдѣнія

о священномученике, иеромонахе

Ионе Печенгском, Кольском ¹

Память его празднуется месяца декабря в 15-й день

† 1590

и

Свѣдѣнія

о преподобномучениках

Германе и Гѳоріи Печенгскихъ,

Кольскихъ ¹

Память ихъ празднуется в 3-ю Неделю по Пятидесятнице

† 1590

Преподобный Трифон, в святом крещении Митрофан, родился и получил воспитание в пределах Новгородских, - в самом ли Новгороде или где-либо в его области, о том не сохранилось письменного свидетельства. По устному же преданию, он родился близ города Торжка, где и жили его благочестивые родители, принадлежавшие к духовному званию. Время рождения преподобного известно точно: оно произошло в 1495 г.

Измлада святы́й отрок начал подражать богоугодной жизни своих родителей. С юных лет предавался постническим трудам, был кроток и милостив. Если кто-нибудь звал его с собою в храм, то он с величайшей радостью стремился туда; всегда старался он придти в храм Божий первым и здесь благогове-

но внимал Божественному пению. Семя слова Божия упало на добрую почву. Однажды отрока сильно поразили слова: «*Пусты́нным живёт блаже́н е́сть, воже́ственным раце́нием возкриля́ющимся*» (2 тропарь, 1 антифон 5 гласа).

С этого самого часа Митрофан твердо решил удалиться в пустыню. Он часто стал уходить для молитвы в глухие, непроходимые места: ни зима, ни зной не могли удержать благочестивого отрока. Уединение пустыни не страшило, а радовало его. Родители старались удержать его, но не могли отклонить от такого доброго намерения, ибо огонь Божественной благодати ярко горел и согревал юного подвижника.

прп. Трифон Печенгский

Однажды, по своему обычаю, святой отрок был в пустыни и упражнялся здесь в богоугодных подвигах. Вдруг раздался глас: «Я, Милующий вас, вспомнил о тебе: ступай в землю пустынную, жаждущую, где не ходил еще никто и не обитал ни один человек». Великий страх объял подвижника, недоумевавшего, чей голос слышал он. «Я - Иисус, - раздался вторично глас, - Которому ты служишь в пустыне сей». Святой убоился еще более и сказал: «Владыко Господи, я человек мало знающий и не книжный». Тогда опять послышался глас: «Не дерзай противоречить. Ступай, куда Я пошлю тебя; говори, что Я тебе повелю».

После этого святой еще более стал подвизаться в добродетелях, еще чаще стал посещать храм Божий. По окончании церковного пения он уединялся в пустыню для молитвы и душеполезных размышлений. Часто он думал о чудных словах, которые он услышал в пустыни. Наконец, вразумляемый Святым Духом, он постиг, что под именем земли непроходимой, жаждущей разумеются язычники, жаждущие евангельского благовестия. Тогда он оставил место, где родился, и, будучи еще мирянином, направился туда, куда ему указывал Господь. И пришел он на берег Северного Ледовитого океана, в Кольскую область, на реку Печенгу. (Река Печенга – в Архангельской губернии, Кольского уезда; впадает в Печенгскую губу Северного Ледовитого океана. Место деятельности преподобного Трифона – северо-западная часть Кольского полуострова, от реки Колы до границ Норвегии.) Время, с которого начались здесь апостольские труды преподобного Трифона, указывается приблизительно - с 1520 г. по 1525 г. Издавна страна эта входила в состав Новгородских земель, а после падения Новгорода (в 1478 г.) перешла под власть великих князей Московских. Здесь обитали лопари. (Лопари – народ Тюркского племени, живут по берегам Белого моря и Ледовитого океана, главным образом, на Кольском полуострове, теперь Лапландии, занимаются оленеводством и рыбной ловлей). Преподобный Трифон был одиноким пришельцем в диком и отдаленном краю. Подражая Господу нашему Иисусу Христу, Который не имел где

приклонить главы Своей, преподобный странствовал по реке Печенге, не имея крова и пристанища, скитался по лесам и горам, среди каменных расселин и пропастей. Часто ему досаждали нечистые духи, стараясь помешать его трудам и подвигам духовным. Но святой Трифон мужественно претерпевал все лишения и нападки бесов. Часто, обливаясь слезами, он бросался на землю, молился и в сердечном умилении взывал к Создателю: «Любовь Твоя, Господи, да отженет от меня страх. Скажи мне, Господи, путь, на который наставит меня десница Твоя».

Кроме Господа, не с кем было сперва беседовать уединенному подвижнику. Вокруг него обитали лопари - народ, живший во мраке самого грубого язычества. Они почитали богами камни, утесы и горы, реки и озера, зверей и гадов; поклонялись грубо сделанным идолам и заклали им в жертву оленей. Лопари кочевали по местам гористым или болотистым, куда трудно было достигнуть. Их бедные и грязные поселения, состоящие из шалашей, далеко отстояли друга от друга, верст на сто или более.

Встречаясь с лопарями на берегах реки Печенги, святой проповедник начал вступать с ними в беседы, желая просветить их истинной верой Христовой. Приняв вид торговца, преподобный сначала говорил с ними о предметах купли; а затем, с Божией помощью, он начал свою проповедь, обличая идолопоклонство, говорил о суетности их богов. Потом уже смело и необязненно начал проповедовать им о Едином, в Троице славимом, Боге, рассказывал им о создании мира, о грехопадении, о том, как Единородный Сын Божий Своею крестною смертью искупил грехи всего мира, поведал им о славном Его воскресении и вознесении на небо. Своим словом он поучал всех, ревностно проповедовал о вечном царствии, о блаженстве праведников и бесконечной муке грешников. Но лопари, омраченные неверием, не внимали Божественному учению. Особенно же вооружились на святого волхвы, или колдуны лопарей, называемые у них «кебуны». Они вступали в препирательство с преподобным Трифоном, но, не умея одолеть его словами, словно дикие звери

бросались на святого, всячески старались причинять ему зло, били, толкали его, повергали на землю, вопили, что этот странник и неведомый пришлец глумится над их богами и не чтит их; с воплем они требовали, чтобы святой Трифон тотчас же оставил их пределы, грозили ему страшными мучениями и лютой смертью. Иногда, вооружившись дреколем, они говорили между собою: «Пойдем и убьем его, ибо он поносит богов наших и обличает наши грехи».

Но Господь Бог, по слову Своему, всегда пребывал со Своим верным слугою, многократно избавляя от рук врагов, которые старались умертвить его. Хранимый Божией благодатью, преподобный иногда укрывался в горах или каменных расселинах, иногда невидимо проходил мимо своих врагов, ослепленных злобою. Затем показывался снова и безбоязненно продолжал проповедь слова Божия дикому и грубому народу. Нередко лопари видели, как из уст преподобного, проповедующего слово Божие, исходил огонь, и дивились такому чуду. Тогда некоторые, внимая словам проповедника, стали принимать учение евангельское. Другие же с яростью кричали на благовестника: «Возьмем и умертвим его». Но готовые принять святое благовестие говорили им: «Мы не находим в нем никакой вины; добру учит он нас, возвещает нам о царствии Божием, о будущей жизни, о воскресении из мертвых. Лучше оставим его. Если мы найдем на нем какую-либо вину, то тогда и убьем его». С такими словами изгоняли своего просветителя лопари, слушавшие проповедь его. Преподобный же радовался духом тому, что подвергался ударам и поношению ради Господа.

Не мало лет ревностно трудился преподобный Трифон, благовествуя истинную веру, и с Божьей помощью огласил святым учением лопарей, живших по реке Печенге и по реке Пазе. (Паза – река Архангельской губернии, Кемского уезда на границе России с Норвегией; представляет собой сток озер Энаре, в Норвегии, и впадает в Северно-Ледовитый океан). Не было лишь иерея, который бы мог крестить их. Посему святой Трифон отправился в Новгород, взял у архипастыря Новгородского грамоту и получил от него благословение.

Взял он отсюда также плотников и, возвратившись на реку Печенгу, приступил к постройке храма во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. (К сожалению, год основания Троицкого храма, при котором возник потом монастырь, неизвестен.) Сам преподобный продолжал подвизаться в добродетелях и изнурял свою плоть трудами телесными. Каждую ночь он пребывал в молитве, днем издалека носил на своих плечах бревна и тес для постройки церкви. Не оставлял он и своих апостольских трудов, но с великим тщанием утверждал в святой вере тех, которые склонялись к ней.

Наконец церковь была построена, но неизвестно почему оставалась три года не освященной. По истечении трех лет преподобный прибыл в Кольскую волость, где тогда было лишь небольшое число русских пришельцев. Они образовали поселение. Божиим промыслом в Коле преподобный неожиданно встретил священноинока Илию. Этот Илия был посылаем два раза – в 1534 и 1535 гг. Новгородским архиепископом Макарием в те части епархии, которые населены были инородцами финнами, чтобы разрушать их идолов и мольбища, просвещать их словом евангельского благовестия, особенно в тех местах, где христианство ранее было насаждено и проповедано, где были крещенные, отпавшие снова в язычество. Пригласив священноинока Илию с собою, блаженный Трифон возвратился на реку Печенгу, в то место, где стояла новопостроенная церковь во имя Живоначальной Троицы. Илия освятил церковь и крестил лопарей, которые были просвещены проповедью преподобного.

В то же самое время преподобный Трифон воспринял иноческое пострижение, которое совершил над ним священноинок Илия. Проповедь и назидания святого Трифона благотворно действовали на лопарей, прежде объятых тьмою идолослужения. Новопросвещенные от своего усердия начали приносить в церковь различные дары и клали их к ногам святого Трифона, как то было во времена апостольские. Другие же отдавали блаженному земли, озера, речные и морские уголья. Но подвижник еще с юных лет своих был нестяжателем и великим нищелюбцем. И теперь он ничего не брал

себе из приносимого, но отдавал все на нужды воздвигнутой им церкви во имя Живоначальной Троицы, а за подавания повелевал в той церкви молить Бога о здравии живых и о упокоении усопших, записывая имена их в помянники.

Слух о благочестивой жизни преподобного стал распространяться. К нему приходили из русских земель бельцы и иноки, желающие подвизаться под его руководством. Так образовалась обитель при церкви Живоначальной Троицы, и число подвизавшихся в новой обители росло все более и более. Скоро настало оскудение в ней. Хотя новопросвещенные лопари и делали приношения преподобному, но их было недостаточно для поддержания благолепия церковного и пропитания иноков.

Много трудностей пришлось перенести преподобному Трифону при устройстве обители в дикой стране. Однажды преподобный, замесив хлеб, вышел из своей келии. В это время в келью вошел большой медведь. Опрокинув квашню, он стал есть приготовленное тесто. Возвратившись в келью и увидев зверя, преподобный сказал: «Именем Господа Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из кельи и стань вот здесь смиренно».

Медведь тотчас исполнил приказание и покорно стал перед кельей. Преподобный взял большую палку и нанес несколько ударов зверю, говоря: «Во имя Иисуса Христа даю тебе удары за то, что ты сделал». Затем он отпустил зверя, и с тех пор все было тихо в окрестностях монастыря; ни медведи, ни волки не нападали на монастырское стадо оленей. Такую силу Господь дает Своим угодникам, что даже и дикие звери повинуются им, как некогда повиновались праотцу нашему Адаму.

Однажды преподобный купил для монастырских нужд в городе Коле ручные жернова. Путь предстоял долгий и утомительный: до Печенгского монастыря было около 150 верст. Дорога проходила то по болотам, то по гористой местности. Но преподобный не страшился трудов телесных. Он сам взял жернова и на своих плечах понес их в обитель. Увидев это, бывшие с ним ученики просили учителя не утруждать себя напрасно; умоляли его, чтобы он передал им свою нелегкую ношу. «Братья, - отвечал им святой, - тяжкое

бремя лежит на потомках Адама с рождения и до самой смерти. Нет, лучше мне повесить себе на шею мельничный камень, чем смущать братию своей праздностью». Ученики дивились разумному ответу, но еще более изумлялись, видя терпение святого. Всю дорогу преподобный Трифон нес на себе жернова, невзирая на плохой путь. К тому же подвижник ничего не вкушал во время пути, так как путешествие происходило Великим постом.

Между тем число иноков в Печенгской обители сильно возросло. Руководимые святым отшельники трудились в подвигах и совершенствовались в добродетелях. Показывая пример смирения, преподобный не восхотел принять на себя управление новой обителью, но поставил для братии игуменом ученика своего Гурия, который управлял обителью с 1556 по 1590 гг.

Тяжела была жизнь иноков в отдаленной и суровой стране. Недалеко от монастыря начиналось Студеное море, большую часть года покрытое льдом. Земли у монастыря было немного, да и та была камениста и мало пригодна для земледелия. Зимой стояла великая стужа. Летом снег сходил лишь на короткое время. Нередко хлеб и овощи померзали. Часто инокам приходилось переносить всякие лишения и невзгоды. Целый ряд годов погибали от морозов все овощи и посевы. Скудные монастырские запасы совершенно истощились, и братии грозила голодная смерть. Тогда преподобный, взяв с собою нескольких иноков, отправился к Новгороду и странствовал в этой области целых восемь лет, переходя из города в город, из одного селения в другое. Именем Христовым святой Трифон собирал милостыню и отсылал ее в монастырь на реке Печенге. Так кормил он своих духовных детей и спас их от неизбежной смерти. Много страждущих и болящих исцелил в то время святой в Новгородских пределах и тем вознаграждал боголюбивых людей за их подаяния. По прошествии восьми лет святой возвратился в свою обитель и снова предался иноческим трудам.

Во время этих странствований ходил преподобный Трифон за милостыней и в Москву. Было это во дни царя и великого князя Иоанна Васильевича. (Иоанн Васильевич Грозный

царствовал с 1533 по 1584 гг. Путешествие преподобного Трифона в Москву относят к 70-м годам XVI стол.) Накануне прибытия святого в Москву царь шел из своих палат в соборный храм Успения Богоматери к Литургии. На пути вдруг предстали пред ним два благолепных инока. Царь милостиво посмотрел на явившихся и приветливо спросил их, откуда они. «Один из нас пришел из монастыря Соловецкого, другой - просветитель лопарей и строитель церкви Живоначальной Троицы на реке Печенге, в Кольском уезде, смиренный Трифон». После этого явившиеся стали невидимы. Окружавшие царя бояре были сильно удивлены: они заметили, что царь с кем-то говорит, слышали его голос, но не видели, кто это беседовал с царем, спросить же его самого не осмеливались. На следующей день царь Иоанн с царевичем Феодором также шел к литургии. В это самое время к нему подошел преподобный Трифон, вместе с другим иноком из Соловецкого монастыря. Иноки смиренно подали царю свои челобитные. Царь остановился и сказал им: «Я еще вчера видел вас. Сейчас я иду к Божественной литургии. После разберу ваши просьбы». Сказав это, царь ушел во святой храм, а благоверный царевич вошел в один из приделов, снял с себя верхнюю драгоценную одежду и, призвав к себе одного из бояр, сказал ему: «Ступай, отдай сию одежду иноку Трифону и скажи, что царевич посылает ее в дар ему; пусть он сделает из нее священную одежду для богослужения». Посланный немедленно исполнил волю царевича. Преподобный Трифон с радостью принял драгоценную милостыню и возблагодарил Господа, вложившего благую мысль в сердце царевича.

По окончании Божественной службы царь Иоанн Васильевич сел с боярами в своих палатах и приказал прочесть челобитные иноков. При этом он рассказал боярам, как вчера явились ему эти странники, которые сегодня подали челобитные.

- Мы видели их сегодня, государь, а вчера нет. Слышали мы, как ты говорил, а говорящих с тобой не видели и голоса их не слышали.

- Я с ними говорил довольно долго: как это вы их не видели?

Царь повелел призвать к себе иноков, подавших ему челобитные. Царь спросил: «Вы ли вчера говорили со мною?» Иноки стали отрекаться: «Нет, великий государь, вчера нас и в Москве еще не было. Многие могут засвидетельствовать, что мы только сегодня пришли в царствующий град». Слыша это, царь и бояре удивились; они поняли, что пред ними стояли потаенные рабы Божии. С того времени царь особенно полюбил преподобного Трифона. Он одарил иноков, пожаловал обители, основанной преподобным, колокола и церковную утварь и милостиво отпустил их. Святой с большой милостыней возвратился в свою обитель и с ликованием был встречен иноками и новопросвещенной своей паствой. Вероятно, к этому времени относится грамота, данная царем Иоанном на имя игумена Печенгского монастыря Гурия. Грамотой представлялось монастырю право пользоваться рыбными ловлями в пяти морских губах и тем, что выбросит море – «кита, или моржа, или какого иного зверя, и морским берегом, землею и островами и реками и малыми ручейками, верхотинами и тонями и горными местами и пожнями и лесами и летними озерами и звериными ловищами и Лопарями, которые Лопари наши».

Долгое время подвизался святой Трифон и достиг мастиной старости: ему уже исполнилось 88 лет. Незадолго до своей кончины он впал в тяжкий недуг. Игумен Гурий и братия, видя то, скорбели и со слезами говорили ему: «Зачем ты, отче, оставляешь нас? На кого покидаешь нас, сирых?» Святой утешал и ободрял их: «Не скорбите, чада мои, и не прерывайте добрый путь течения моего! Возложите все упование свое на Господа, ибо Он никогда не оставлял меня в бедах и несчастиях. Не оставит Он и вас, собранных во имя Его; только любите Его всей душой и всем сердцем. Чада мои, любите друг друга и твердо соблюдайте все иноческие обеты. Уклоняйтесь от начальствования. Вы знаете меня много лет, я всегда старался служить всем и никому никогда не отказывал, всегда у всех был в послушании. Не скорбите о том, что я оставляю вас: смерть для верующего христианина не

страшна, она доставляет ему покой. Душа человеческая подобна некоему страннику: она приходит в мертвенное тело, оживляет его и некоторое время пребывает в нем. Но лишь только она оставляет тело, плоть наша становится прахом. Душа возвращается к Творцу, переселяется в свое отечество. Дети мои, не будем обременять души наши грехами, но станем стремиться к вечному Свету. Не любите мира, ни того, что в мире, ибо сами вы знаете, что мир во зле лежит. Еще последнюю заповедь даю вам: когда душа моя покинет сию грешную плоть, погребите тело мое в пустыне, у церкви Успения Пресвятой Богородицы, куда я часто удалялся для богомыслия и молчания». (Храм Успения Пресвятой Богородицы отстоял в 18 верстах от Печенгской обители вверх по течению реки Печенги.)

Так назидал в последний раз святой Трифон братию. Сподобившись причастия страшных Христовых Таин, болящий старец сел на своей рогожине. Силы уже совсем оставляли его. Вдруг игумен заметил, что преподобный прослезился. Видя это, игумен сказал блаженному: «Отче, что с тобой? Ведь сам ты запрещаешь нам скорбеть. Ты говоришь, что с радостью идешь к сладкому Иисусу. Так почему же ты проливаешь слезы?» - «Тяжкая напасть постигнет сию святую обитель, многие погибнут от острия меча. Но не смущайтесь, уповайте на Бога, Он может возобновить обитель!» Сказав это, святой лег на своей рогожине, лице его просияло дивным образом, и с улыбкой он предал Господу свою чистую душу. Блаженная кончина его последовала 15 декабря 1583 г. Иноки благоговейно погребли его честное тело в пустыне, где он сам указал место.

И после своего отшествия к Господу он не покидает всех, молящихся ему. Часто дивный заступник и на суше, и на море оказывает скорую помощь призывающим его и с верою притекающим к его мощам.

Одно чудо произошло вскоре после преставления святого. Царь Феодор Иоаннович вел войну со Швецией и осадил один неприятельский город. (Феодор Иоаннович царствовал с 1584 по 1598 гг. Война со шведами, о которой здесь

говорится, была в 1590 г.) Сам царь расположился недалеко от города. Шведы коварным образом узнали, где стоят царские шатры, и ночью навели пушки на то место. Царь после воинских трудов почивал в своем шатре. Вдруг во сне перед ним предстал благообразный инок и сказал: «Встань, царь, и выйди из сего шатра, чтобы тебе не быть убитым». Царь же спросил его: «Кто ты, отче?» - «Я - Трифон, которому ты дал в милостыню одежду свою с намереньем, чтобы твоя милостыня была раньше всех. За это Господь, обещавший спасенье царям, говорит тебе: «Скорее встань с ложа и немедленно выйди из шатра!» Царь тотчас же пробудился и вышел из шатра. В это самое время шведы стали стрелять. Одно ядро ударилось в царский шатер и пробило ложе, на котором почивал царь. Государь, видя дивное покровительство святого Трифона, возрадовался и возблагодарил Господа за свое спасенье. Немедленно он отправил посланцев в Печенгский монастырь разыскать святого. Царь не знал, что преподобный уже скончался. С того времени Феодор Иоаннович возымел еще большую веру и усердие к нему и часто делал вклады и пожертвования в его монастырь.

Вскоре обитель постигло несчастье, о котором предсказал перед своей кончиной преподобный Трифон. В ту же войну шведы с большой ратью приступили к обители Живоначальной Троицы. По преданию, это нападение было 18 декабря 1590 г. Сначала они сожгли храм Успения Пресвятой Богородицы, где были погребены мощи преподобного. При сем храме находился некий благочестивый священноиннок Иона. Одно время он был иереем в городе Коле, при храме во имя святителя и чудотворца Николая. У него родилась дочь; но вскоре после рождения младенец захворал и был уже при смерти. Тогда Иона, посоветовавшись со своей супругой, дал обет вступить в число иноков Трифонов монастыря, если выздоровеет дочь его. Лишь только при святом крещении младенца погрузили в воду, он тотчас получил исцеление. Тогда Иона, оставив жену и дочь, вступил в число иноков, начал подвизаться под руководством самого блаженного Трифона, постригся и стал священноиноком.

При нашествии врагов в 1590 г. он был замучен из числа первых. После сего шведы направились к самой обители. Однако целых семь дней враги не осмеливались напасть на монастырь: они видели на стенах его множество вооруженных воинов. Наконец в самый день праздника Рождества Христова, по Божьему попущению, шведы овладели обителью, когда кончалась Божественная литургия. Сначала неприятели избили всех иноков и мирян, бывших на монастырских службах. Потом, как дикие звери, ворвались в самую церковь и умертвили всех бывших в храме: одних они перерубили пополам, другим отсекли руки и ноги. Игумена Гурия и казначея они подвергли разным мучениям, стараясь узнать, где находится монастырская казна: кололи оружием, жгли на огне. Но Христовы страдальцы не отвечали им ни слова, только с молитвой взирали на небеса. Враги разъярились еще более и изрубили доблестных иноков на части. Затем они осквернили храм, подожгли его вместе с телами умерщвленных ими иноков и разорили всю обитель до основания. Но безбожные убийцы не избегли праведного суда Божия. На обратном пути они заблудились и почти все погибли от голода. Только некоторые из них спаслись и принесли на родину весть о гибели своих сотоварищей. Всего в монастыре было убито тогда иноков 51, а мирян 65 человек. Только те, кто находился в отлучке, на работах или других монастырских службах, избегли вражеского меча. Возвратившись в обитель, они оплакали и погребли умерщвленных, потом донесли обо всем царю Феодору Иоанновичу. Благоверный государь сильно скорбел о разорении обители преподобного Трифона. Он повелел вновь построить обитель в Кольском остроге, при храме в честь славного Благовещения Пресвятой Богородицы. (Острог – укрепленное место. Кольский острог – г. Кола.) Но в 1619 г. обитель сгорела. Тогда повелением благоверного государя Михаила Феодоровича обитель была построена близ города, за рекою Колою.

Много чудес совершилось в обители преподобного Трифона. Священноинок той обители Иона, по прозванию

Сорокоум, должен был проезжать мимо могил убиенного Ионы и святого Трифона. А в обители было установлено правило: если кому-либо из братии случалось проезжать мимо того места, то он должен был совершить панихиду и благоговейно поклониться перед теми могилами. Инок же Иона дерзнул не только нарушить это установление, но даже осмелился сесть на могилу убиенного Ионы. Не воздав должного поклонения, он отправился далее в путь, но, отъехав немного, вдруг впал в тяжкий недуг: паралич расслабил тело его, так что едва живым привезли его обратно в обитель. Тогда Иона сознал свой грех и пред всеми каялся в нем: «Бог наказал меня, братия, за грех мой: я не сотворил поминовения преподобному и даже сел на могилу праведного». С великой верой молил он Господа и преподобного Трифона о прощении. На четвертый день ночью явились ему во сне два мужа: один, благолепный и благообразный старец, был облечен в монашеское одеяние, другой же был в фелони. Явление их устрало больного, так что он не мог произнести ни слова. Тогда тот, на котором была иерейская фелонь, сказал другому старцу: «Отче мой, святой Трифоне, коснись болящего и исцели его». Старец же отвечал: «Ты, Иона, почтен саном иерейским, ты должен коснуться, ибо болящий сел на твою могилу». «Нет, отче Трифоне, - говорил другой старец, - ты - первоначальник в сей стране и мой учитель, я же твой раб и ученик». Преподобный Трифон сказал: «Если ты именуешь меня своим учителем, то тебе подобает исполнить мое повеление». Тогда старец, облеченный в фелонь, осенил болящего крестным знамением и перстом коснулся его со словами: «Во имя Пресвятой Троицы и молитвами преподобного Трифона, будь здрав и впредь никогда не нарушай правил, которые установлены были в обители первыми отцами». Пробудившись, больной почувствовал себя здоровым и, видя свет, как бы последующий удалявшимся преподобным, быстро поднялся с постели и побежал было вслед за этим светом. Другие иноки, видя его неожиданное и скорое исцеление, прославили Пресвятую Троицу и преподобного Трифона.

Место, где был погребен преподобный, несколько лет оставалось ничем не огороженным. Однажды на то место приехала помолиться кровоточивая женщина. По своей нерассудительности она дерзнула сесть на могиле преподобного. Вдруг невидимой силой далеко отбросило ее от могилы вместе с оленем, на котором она приехала, так что некоторое время женщина лежала точно мертвая. Бывший при этом народ, видя такое чудо, был поражен ужасом. С того времени построили над гробом преподобного часовню, куда для молитвы собирались богомольцы.

Сын стрельца Назария Пастухова из Колы, по имени Игнатий, заболел и пролежал в своем недуге целых три года. Болезнь все усиливалась: он оглох и так ослабел, что родители отчаялись в его выздоровлении. Но они вспомнили безвозмездного целителя, святого Трифона, и дали обет съездить к гробу преподобного вместе со своим болящим сыном. Здесь они отслужили молебен и с теплою верою молились святому угоднику Божию. На возвратном пути, когда они еще недалеко отъехали от обители, вдруг отрок получил исцеление, стал слышать и почувствовал себя совершенно здоровым. С великою радостью родители благодарили преподобного Трифона за исцеление своего сына.

Инок Печенгской обители, по имени Иоасаф, впал в тяжкий недуг. Шесть недель страдал он нестерпимой головою болью и, наконец, ослеп. Болезнь его все усиливалась, так что Иоасаф уже отчаялся в своем выздоровлении. В такой беде с сердечной верою помолился он преподобному Трифону. И вот ночью во сне явился ему светолепный инок. Больной спросил инока, кто он. «Я - Трифон, строитель сего монастыря!» С этими словами он коснулся десницей лица и глаз Иоасафа и сказал: «Во имя Пресвятой Троицы, будь здоров и прозри. Не нарушай никогда обетов иноческих». После того преподобный стал невидим. Проснувшись, болящий почувствовал себя здоровым и стал видеть.

Из монастыря преподобного Трифона послана была ладья на рыбную ловлю в реку Печенгу. На ладье той был управителем монах Вениамин. Поднялась буря и отнесла судно

в открытое море. Волны высоко вздымались и покрывали ладью. Ее то прибывало к берегам, к которым нельзя было пристать, то снова относило в море. Все отчаялись в своем спасении, один монах Вениамин ободрял их, убеждая не малодушествовать и уповать на Пресвятую Троицу и на преподобного Трифона. Наконец волны принесли ладью в устье реки Варьемы, прибили к мели и угрожали совершенно разбить ее. Все ужасались, только Вениамин снова ободрял отчаявшихся: «Не ужасайтесь! Вскоре увидим спасение от Господа». Однако малодушные спустили малую лодку и в ней поплыли к берегу. Вениамин остался в ладье и с ним один мирянин. Они громко кричали: «Пресвятая Троица, помогай нам. Мы обещались на сей ладье умереть при казне и при запасах монастырских». В это время явился на море благообразный инок такого же вида, каким изображался на иконе преподобный Трифон. Приблизившись к ладье, разбиваемой волнами, он оградил ее крестным знаменем и стал невидим. Тотчас остановилась буря, и умолкли волны. Ладья благополучно прибыла в реку Печенгу.

В октябре месяце, когда на море бывают сильные ветры, плыло с Двины несколько больших ладей с хлебными запасами. На одной ладье находился инок Печенгской обители, по имени Аркадий, с частью монастырских запасов. В это время поднялся сильный ветер. Ладью принесло к крутому скалистому берегу. Люди, бывшие в ней, бросили якорь, но волны заливали ладью. В отчаянии после долгой борьбы они пересели на маленькую лодку и на ней пристали к берегу, все время только повторяя молитву: «Господи, помилуй». С берега им казалось, что их ладья уже погружалась в море. Вдруг явился на ней благообразный старец. Он ходил по ладье и помогал ей веревкой. Потом запретил ветру, утишил море и стал невидим. Возвратившись с берега, они нашли ладью в целости и, возблагодарив Пресвятую Троицу и преподобного отца Трифона, приплыли в город. Все прочие лады, числом семь, потонули от бури, только люди спаслись.

Житель Колы Иларион Грохотов, ловя на море рыбу, разорвал себе глаз удой. Все лицо его опухло, глаз закрылся, и от нестерпимой боли Илариону казалось, что он помирает. Товарищи повезли его в Колу. Когда плыли по Кольскому заливу, больной начал громко молить преподобного Трифона об исцелении, обещаясь до кончины своей работать в его обители. Помолчав немного, он спросил товарищей: «Видите ли вы, - от города идет к нам судно. На нем сидят молниеносные иноки». Товарищи отвечали ему, что никого не видят. Вдруг больной вскричал: «Прозрел - вижу!» - и начал рассказывать товарищам, как один из монахов, которого он видел на той лодке, подошел к нему, коснулся его глаза краем своей одежды и исцелил его. «Я видел, - сказал он им, - молниеносных иноков на судне. Один из них, похожий видом на преподобного Трифона, подошел ко мне, коснулся воскрилием своей одежды моего ока, и я прозрел». Все дивились такому чуду, а исцеленный по обету своему проработал до самого окончания своей жизни на монастырских рыбных ловлях.

Инок из обители Кадалажской, по имени Иоасаф Майков, по обету трудился в Старо-Печенгской обители. Завистник рода человеческого смутил его. Иоасаф, забыв обеты иноческие, впал в нетрезвую жизнь. Тогда явился Иоасафу преподобный Трифон и грозно сказал ему: «Недостойный иннок, так ли ты обещался работать Господу?» Иоасаф в ужасе упал на землю и почувствовал, будто на него надели тяжкие оковы. Между тем к нему пришли другие иноки той обители и слышали, как гремят оковы, но не могли их ни видеть, ни осязать. Они спросили его, что такое с ним случилось. Тогда он рассказал им все, поведал о явлении преподобного и о своем наказании. Так целую неделю пребывал Иоасаф в оковах. И снова явился ему преподобный, запретил грешить и разрешил его от оков.

Игумен Печенгской обители Иоанн, побежденный духом властолюбия, отправился в Москву за милостыней для обители и, чтобы сделать угодное патриарху Никону, говорил от лица Печенгской братии, будто они все хотят, чтобы обитель преподобного Трифона была приписана к устроенному

Патриархом Крестному монастырю. (Крестный монастырь Архангельской губернии, Онежского уезда на острове Кие Онежского залива, 15 верстах к северо-западу от г. Онеги и в 8 верстах от берега. Происхождение монастыря такое. Никон, будучи иеромонахом, ехал из Анзерского Соловецкого скита, был застигнут бурей и едва спасся, пристав к пустынному острову Кию. Здесь он водрузил крест. Впоследствии, уже будучи митрополитом, посетил остров и, найдя свой крест целым, дал обет построить обитель, что и исполнил в 1656 г. Обитель существует доньше.) Патриарх, поверив Иоанну, сделал такое распоряжение и послал его с соответствующими полномочиями в Крестный монастырь. Иоанн прибыл туда, потом, приехав в Печенгскую обитель, он забрал дорожную утварь и казну и часть отвез в Крестный монастырь, а часть взял себе. Этого мало. Дерзкий игумен, может быть, ища денег, начал раскапывать могилу преподобного Трифона. Господь немедленно же наказал его. У гробницы святого он был поражен невидимою силою, со страхом бежал в монастырь, затем впал в болезнь и скончался лютой смертью.

Много и других чудес на суше и на море совершилось по молитвам преподобного Трифона и совершается доньше.

Память преподобного Трифона вскоре после его кончины установлено праздновать местно.

Тропарь, глас 8

Путѣ вводящаго в жизнь наставник и
учитель был еси: первое во, преподобне
отче наш Трифоне, пришел еси в часть
Норвегския земли, и в послѣднихъ концѣхъ северныя
страны языки просветил еси, породив водою и
Духом Святым, и священная твоя чада в
безплодной пустыни, яко древа масличная,
насадил еси, велю обитель Святыя и
Живоначальныя, Единосущныя и Нераздельныя

Трѡицы созда́л еси́ и мона́хов мно́жество собра́в.

Тѣмъ ꙗко́ апѡстоломъ и пүстынножителемъ
равночестна чтүще тѣ, прилѣжно припадающе,
вопие́м: моли́ все́хъ Бо́га за Рүсскүю зѣмлю, за
о́бласть твою́ и за все́я лю́ди, почитающія
па́мять твою́.

Кондак, гласъ 8

Рсе́ твоё ѱмное желаніе к Бо́гү впернѣв,
и Того́ званію невозвратно от дүши
послѣдовал еси́, в пүстыню конѣчную
вселнѣвся, и та́мо а́нгельски и равноапѡстольне
пожив, мно́гим пүть бы́л еси́ ко спасенію; сего́
ра́ди и Христо́с тѣ просла́ви, и да́ром чүдесъ
овога́ти, нбо́ вели́кихъ царей́ Ио́анна и Феодо́ра
Россі́йскихъ чүдесы́ ѱдивнѣ еси́; тѣмъже все́и вопие́мъ
ти́: ра́дүйся, испове́днице Христо́а Бо́га на́шего,
ра́дүйся, гра́дү твоемү́ непоколебнмое
үтвержде́ние, Три́фоне ѡтче́ на́ш.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Баталова Л.

Трифоно-Печенгский мужской монастырь // ⁴²

С. 579-580.

Трифонов Печенгский мужской монастырь – самая северная православная обитель всего христианского мира. История Печенгского монастыря началась с часовни. В беседе с голландским купцом Симоном ван Салингенем проповедник Трифон поведал, как он построил келью в глухом месте, поставил в ней иконы, пред которыми молился Богу. Слух об этом дошел до поморов (русских

поселенцев – *Сост.*), приходивших на западный берег ловить треску. По словам Трифона, они просили его построить церковь, где можно было бы совершать богослужения. Благодаря стараниям праведника, христианство начало распространяться по этой северной земле. Преподобный Трифон Печенгский широко почитаем на севере как просветитель местного населения – лопарей (саамов).

Основанная в первой трети XVI века, обитель имеет обычную для средних веков историю: вокруг подвижника Трифона, вдохновляемые его трудом и благочестием, собрались ученики и последователи. Первоначально преподобным Трифоном был основан скит, на месте которого позднее была создана Успенская пустынь, в 15 км от нынешнего поселка Печенга, вверх по течению одноименной реки.

Позднее, когда стало ясно, что монастырю удобнее находиться вблизи самого моря, преподобным был основан нижний Печенгский монастырь при впадении р. Печенга в залив (1533 г.). Нижний монастырь носил название Троицкого по имени главного храма обители. Быстрое возрастание обители (с ее двумя монастырями – нижним и верхним) началось при царе Иоанне Грозном: преподобный Трифон, будучи в Москве, получил от царя грамоту для монастыря с большими привилегиями и правами.

Процветанию монастыря, который еще при Трифоне явился основателем русско-нидерландской торговли, был положен конец спустя семь лет после кончины Трифона (15 декабря 1583 г.). В рождественскую ночь 1590 г. шведы напали на обитель, разграбив верхний монастырь (где под спудом почивали мощи преподобного), и нижний, перебив всю братию – 51 монаха и 65 мирян.

В 1591 г., по повелению царя Феодора Иоанновича, монастырь был возобновлен в г. Кола (130 км на юг от Печенги). Но монастырь так и не достиг того процветания, которое он имел при Трифоне. В 1764 г. указом Екатерины II монастырь был и вовсе закрыт, но на Печенгской земле оставалась небольшая часовенка во имя Сретения Господня (построена в 1707 г.), небольшой храм-часовня во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба (1564 г.), часовня во имя великомученика Георгия Победоносца (1564 г., ныне это территория Норвегии, г. Нейден) и нескольких часовенок на полуострове Рыбачьем, построенных или самим Трифоном, или его учениками.

В конце XIX века, когда был поднят вопрос об улучшении благосостояния северных окраин, решено было возродить Трифонов Печенгский мужской монастырь. Были собраны необходимые

средства, братия Соловецкой обители получила благословение Священного Синода возродить монастырь. Уже к началу двадцатого столетия в Верхнем монастыре красовался трехпрестольный Сретенский храм с приделами Успенским и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. В 1908 г. в Нижнем монастыре был освящен деревянный храм Рождества Христова. В 1911 г. для моряков и рыбаков в Печенге на берегу залива выстроен Николо-Андреевский храм. К монастырю была приписана церковь Бориса и Глеба на Пазреке, обновленная в 1874 г. Четверть века в ней служил замечательный миссионер, священник Константин Щеколдин. Благодаря стараниям другого замечательного подвижника, архимандрита Ионафана (умер в 1913 г.), монастырь за 20 лет превратился в оплот русской государственности и культуры на Русском Севере, став при этом крупнейшим высококультурным и прибыльным хозяйством на Кольской земле.

В 1920 г. Печенгская земля отошла к Финляндии, в церкви Рождества Христова служили лютеране. Монахи монастыря в 30-40-ые годы все перебрались в Нововалаамский монастырь в Финляндии. В 1944 г. во время боевых действий был разрушен Сретенский храм Верхнего монастыря. В 1944-45 гг. храм Нижнего монастыря использовался военными в своих нуждах.

В 1995 г. началось новое возрождение Трифоно-Печенгского монастыря. В настоящий момент (конец 2000 г.) монастырь все еще ютится на 15 сотках земли, имея в своем распоряжении только одно здание храма 1908 г. постройки. В этом здании, поделенном на три части, служат Богу, живут, трудятся братья обители. Монастырь радушно принимает паломников и самым активным образом участвует в духовной жизни этого края.

Среда

о преподобном отце нашем

Ионе Яшезерском ¹

Память его празднуется месяца сентября в 22-й день

† 1589-1592

Преподобный Иона был родом из селения Шокши, находящегося в 16 верстах к северу от основанной им Яшезерской пустыни. Шокша, ныне Шокшенский погост Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда, в 60 верстах к юго-востоку от г. Петрозаводска. Яшезерская Благовещенская пустынь находится в той же губернии и том же уезде, в 78 верстах к юго-востоку от г. Петрозаводска, на западном берегу озера Яше. Местность, в которой стоит Яшезерская обитель, представляет собою каменистую пустыню. Начало основания обители было положено преподобным Ионою в конце царствования Иоанна Васильевича Грозного. (Иоанн Грозный царствовал с 1533 по 1584 гг.). Тогда устроена была в монастыре деревянная церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом во имя святителя Николая Чудотворца. Около того же времени к преподобному Ионе собралось 8 человек братии, чтобы разделить его пустынные труды и подвиги.

Много трудился преподобный Иона над устроением обители. Своими руками прокопал он канаву из Яшозера в соседнее озеро Сенное для большего удобства рыбной ловли. По нуждам обители и ради ее пользы преподобный ездил верхом на лошади по глухим тропинкам окрестностей. Хранятся и доныне в монастыре две дорожные верховые кожаные сумы преподобного Ионы. Сам подвижник выгачивал из дерева некоторые сосуды, употребляемые при богослужении. Напоминанием о таких трудах его служит выгоченный им из карельской березы ковш для употребления под теплоту, также хранящийся в обители.

Слава, которую стяжал преподобный Иона святостью жизни и неусыпным попечением об устроении обители, привлекла

знатных покровителей и вкладчиков. В Яшезерскую пустынь при жизни преподобного жаловали различные предметы, чаще всего богослужебные книги, великая государыня инокиня Марфа Иоанновна (в миру Ксения, - жена Феодора Никитича Романова, мать царя Михаила Феодоровича), царь Феодор Иоаннович (царствовал с 1584 по 1598 гг.), царь Василий Иоаннович Шуйский (царствовал с 1606 по 1610 гг.). Последний, кроме книг, наделил обитель пашенными, сенокосными, лесными и рыболовными угодьями. Преподобный Иона заслужил трудами и подвигами своими любовь и уважение от Соловецких игуменов Иакова (управлял Соловецким монастырем с 1581 по 1597 гг.) и преподобного Иринарха (управлял Соловецким монастырем с 1613 по 1626 гг. Память его 17 июля), а также от митрополита Новгородского Исидора (управлял епархией с 1603 по 1619 гг.), много также жертвовавших в бедную пустынную обитель. В 1628 г. в Яшезерском монастыре было уже два храма: прибавилась теплая с трапезой церковь в честь Преображения Господня.

Тропарь, глас 8

тебѣ ѡтче Ионе, извѣстен вѣсть
спасѣнія ѡбразъ. Воспримъ во крѣстъ
послѣдовалъ еси Христу. Творяше же и
учаше, еже презрѣти плоть, преходитъ во,
прилежати же о души вещи вѣснѣмъ. Тѣмъ
же и со ангелы радуется преподобне духъ твой.

Кондакъ, глас 2

истотою душевною Божествомъ
вооружився, и непрестанныя молитвы, яко
копие вручивъ крепко, проволъ еси вѣснѣмъ
ополченія, Ионе, ѡтче нашъ, моли непрестанно
о всѣхъ насъ.

СВЕДЕНИЯ

о преподобном отце нашем

Антонии Чернозерском^{1, 9}

Память его празднуется месяца января в 17-й день

† XVI

преподобном Антонии сохранилось очень мало сведений. Время подвигов его относят к XVI столетию. Преподобный основал монастырь с храмом в честь Рождества Пресвятой Богородицы на берегу Черного озера, в Череповецком уезде Новгородской губернии, в 40 верстах к

северо-востоку от Череповца,¹ в двух верстах от реки Шексны. Кто был Антоний, из какого звания, когда и по чьему позволению устроил пустынь, неизвестно.⁹

В своей пустыни подвижник и скончался. Мощи преподобного Антония покоятся под спудом в храме давно упраздненной его обители. Местное почитание его началось неизвестно точно когда, но ранее учреждения Святейшего Синода (1721 г.)¹.

Тропарь и Кондак общи.

См. стр. 766

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Хрусталева М. Ю.

Антониева Черноезерская в честь Рождества
Пресвятой Богородицы мужская пустынь // ⁵⁵ С. 593-594.

Пустынь находилась на восточном берегу Черного озера, в 1,5 км от деревни Анисимово Череповецкого уезда Новгородской губернии (ныне Шекснинский район Вологодской области). ...Основана в конце XVI в. преподобным Антонием Черноезерским, построившим церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Поляки дважды разорили Антониеву Черноезерскую пустынь: в 1585 и 1610 гг., когда пустынь была сожжена. Впоследствии восстановлена. В XVII в. над гробом преподобного построили деревянную часовню, на месте которой в 1875 г. возвели деревянную церковь Рождества Богородицы, в которой под спудом за правым клиросом покоились мощи преподобного Антония. В 1764 г. Антониева Черноезерская пустынь была упразднена, в 1841 г. приписана к Чуровскому приходу, по штату в ней служили священник, диакон и пономарь.

В 1911 г. по инициативе архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) Антониева Черноезерская пустынь была возобновлена с целью осуществления православной миссии среди старообрядцев-беспоповцев Спасова согласия, имевших в Череповецком уезде женские скиты. 7 июня состоялось торжественное открытие пустыни, на котором архиепископ Арсений совершил чин освящения мраморного креста. Начальное управление Антониевой Черноезерской пустынью было поручено игумении Леушинского монастыря преподобной Таисии (Солоповой), первая настоятельница Антониевой Черноезерской пустыни – игумения Маргарита – была также из насельниц Леушинского монастыря. На миссионерские цели пустыни в 1914 г. было назначено ежегодное пособие в размере 380 рублей.

В конце 30-х годов XX в. Антониева Черноезерская пустынь была закрыта, насельницы репрессированы. К 2001 г. на территории обители находились руины недостроенного (начат в 1916 г.) каменного собора и приходское кладбище. Сохранился фундамент Рождественской церкви.

Сре́дения

о преподобном отце нашем

Дании́ле Шужго́рском ¹

Память его празднуется месяца сентября в 21-й день

† XVI

Преподобный Даниил был родом из пределов Московских. Пострижение в иноческий сан он получил в Кольском монастыре преподобного Корнилия. (Кольский монастырь основан преподобным Корнилием в 1498 г. Существует до сих пор и находится в Грязовецком уезде Вологодской губернии, в 6-ти верстах от города Грязовца. Память преподобного Корнилия 19 мая.) Отсюда преподобный Даниил ушел для подвигов в безлюдную и лесистую местность, на гору, называемую Шужгорской, и основал здесь свой монастырь. (Шужгорский Даниилов-Спасо-Преображенский монастырь Новгородской губернии, Белозерского уезда, в 59-ти верстах к юго-западу от г. Белозерска. В 1764 г. был обращен в приход, известный теперь с именем погоста Спасо-Шужгорского, или Шушигоры.) Время жизни подвижника относится к XVI столетию. Празднование преподобному Даниилу местное. Его мощи почивают под спудом за правым клиросом, в бывшей монастырской, а теперь приходской церкви в честь Преображения Господня.

Тропарь и Кондак омише.

Гм. стр. 766

СВЯТЫХ

о преподобных отцах наших

Никифоре* и Геннадии*

Важеозерских,

Задне-Никифоровских^{8,9}

и

Ифанасии, Дионисии, Игнатии,

Корнилии, Леониде, Феодоре,

Ферапонте Островских, Оятских,^{8,9}

учениках прп. Александра Свирского

Память их празднуется месяца августа в 30-й день

† XVI

Многие из учеников преподобного Александра Свирского прославились подвигами благочестия: в бывшей Оредежской пустыни - ученик его преподобный Макарий, основатель пустыни, почивший в 1532 г.; в Важеозерской Спасской пустыни, в 12 верстах от Сиверского монастыря, почивает сподвижник его и основатель пустыни преподобный Никифор; а выше поименованные семь преподобных подвизались, почили и погребены в Оятской пустыни (И. П. Барсуков).⁸

Никифор, преподобный, монах, ученик преподобного Александра Свирского, основал в половине XVI столетия пустынь во имя Спаса, находящуюся в 54 верстах от города

СЛР: НИКИФОРЪ И ГЕННАДІЙ ВАЖЕОЗЕР

Олонца, известную под именем Задне-Никифоровской. Пустынь сия в начале XVII века была разорена литовцами. Потом возобновлена и приписана в 1723 г. к Сяндемской пустыни. В 1764 г. обращена в приходскую церковь и приписана к Коткозерскому приходу; наконец, в 1800 г. приписана к Свирскому монастырю. Близ этой пустыни, в горе (в пещере), почивают мощи преподобного Никифора и Геннадия, сотрудника его, в часовне, в честь основателя поставленной. В Задне-Никифоровской пустыни лежат

еще мощи преподобных: Игнатия, Леонида, Дионисия, Феодора, Ферапонта, Корнилия и Афанасия - учеников Александра Свирского. О житии и подвигах сих иноков достоверных сведений нет.⁹

(Преподобные Никифор и Геннадий Важеозерские, Задне-Никифоровские в список Собора Новгородских святых не вошли, здесь они даны дополнительно. См. раздел «Дополнение» - *Сост.*)

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛѢ

тебѣ ѡтче (нмярек), извѣстен вѣсть спасенія ѡбраз. Воспрійм во крѣст послѣдовал еси Христѹ. Творяше же и учаше, еже презрѣти плоть, преходит во, прилежати же о дѹшѣ вещи везсмѣртней.

Тѣм же и со ангелы радѹется преподобне дѹх твой.

Кондак, глас 2

И истотою душевною Божественно
вооружився, и непрестанныя молитвы,
яко копне вручив крепко, провол еси
весовская ополчения, (и мярек), отче наш,
моли непрестанно о всех нас.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Берташ А.

Введенско-Оятский женский монастырь // ⁴² С. 285-286.

Монастырь расположен на левом берегу в излучине р. Ояти, близ железнодорожной станции с тем же названием (Доможировская волость Лодейнопольского района), в 210 км от Санкт-Петербурга. Оять близ Ладожского озера впадает в реку Свирь. «Местность Введенского монастыря по низменности своей не очень живописна, но привлекает к себе уединенностью, простотою обстановки и для любителя безмолвия и духовной созерцательной жизни служит отличным пособием - есть где поработать душой и телом во славу Божию», - писал автор прошлого века. От небольшого возвышения («острова») среди бывших монастырских лугов, которые прежде затапливались рекой, и повелось название находящейся на нем обители. Ныне река Оять обмелела, «острова» не бывает даже в половодье, и возрожденный монастырь получил официальное наименование Введено-Оятского.

Когда монастырь был устроен, неизвестно. В житии преподобного Александра Свирского сказано, что родители его были «поселяне села, нарицаемого Мандеры, еже близ Островского Введенского монастыря Пресвятыя Богородицы». Таким образом, ещё до рождения преподобного (1448) обитель уже существовала. Отрок Амос - преподобный Александр - часто молился во Введено-Островской обители, на противоположном от родной деревни левом берегу реки. Впоследствии родители Стефан и Васса приняли постриг и великую схиму с именами Сергей и Варвара и почитались как святые в приладожском крае. Вероятно, не только преподобный Сергей, но и преподобная Варвара несла послушание

во Введенском монастыре, что было возможно «по простоте жизни и чистоте нравов наших предков». В обители сохранялись железные вериги преподобных (их с верою надевали паломники) и образ Тихвинской Божией Матери, перед которым они, по преданию, молились. В монастыре были погребены и преподобные ученики святого Александра Свирского - Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий, но места их захоронения были утрачены еще в XIX веке. Есть указания на то, что сам преподобный Александр посылал их одного за другим для управления Введенским монастырем.

Обитель упоминается в грамотах великих князей и царей Василия Ивановича, Ивана Васильевича Грозного, Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича. Островский старец Игнатий писал царю Феодору Ивановичу, что в 1592 г. «приходили на наши на Новгородские места Немецкие люди войною и тожде наш монастырь и церкви и в церкви образы и книги сожгли». В Смутное время интервентами из Литвы были сожжены Богоявленский и Петропавловский храмы, оставался только Введенский. В XVII столетии и долгие годы монастырь был приписан к Александро-Свирскому. Самая старая подлинная грамота в монастырском архиве относилась к 1635 г.

В начале XVIII столетия упоминаются деревянные трехпрестольная Богоявленская (1704-1705) и Александро-Свирская (1702-1703) церкви. Деревянный монастырь не раз страдал от пожаров - в 1590, 1627, 1783 гг. В 1762 г. пожар уничтожил оба храма - деревянный Богоявленский трапезный и Введенский с Петропавловским приделом, после чего и в связи с реформой Екатерины II монастырь обеднел окончательно - здесь жили от 1 до 3 иноков. Однако вместо сгоревших удалось построить новые церкви - теплую Александро-Свирскую (1782, с 1793 - Введенская) - из старых настоятельских келий, и соборную Богоявленскую (1732, с 4-х ярусным иконостасом) - помог доход от мукомольной мельницы с лесопильным заводом на р. Чегле. Богоявленский собор, судя по описанию, соответствовал традициям северного деревянного зодчества и отличался обширными размерами.

В 1814-1817 гг. при строителе иеромонахе Кирилле было построено старейшее сохранившееся доньше и главное здание монастыря — Введенская соборная церковь. Посреди нее 21 ноября 1817 г. был освящен Тихвинский придел. В 1835 г. была поставлена на каменный фундамент вторая монастырская церковь - Богоявленская с Александро-Свирским и Петропавловским приделами и

нижним храмом Преображения Господня, устроенным в 1829 г. на месте придела Божией Матери «Живоносный Источник». В этом приделе покоились мощи родителей преподобного Александра. Особенной энергией в монастырском устройстве отличался ученик святителя Игнатия (Брянчанинова), иеромонах Израиль (Андреев), «поведения весьма скромного и трезвого, к послушаниям, требующим особой бережливости, весьма способен», как отзывался о нем святитель. Он исполнял послушание во флоте, был экономом Троице-Сергиевой пустыни, а с 14 февраля 1839 г. — строителем, потом игуменом Введено-Островского монастыря. 24 августа 1859 г. его перевели на Коневец, где он скончался в глубокой старости в сане архимандрита. «Память о нем и теперь жива в благодарных сердцах окрестных жителей, потому что он умел благовременным словом и делом дать отеческий совет на пользу каждого». И на Ояти, и в Коневском монастыре о. Израиль прославился как строитель. Во Введенском монастыре он возвел каменные кельи, хозяйственные постройки, гостиницу, колокольню с 11 колоколами (1857-1859), принял в дар от купцов Даниила Кротова и Феодора Ассысалова два позлащенных креста с частицами мощей многих святых и, наконец, позаботился о раке над мощами местно чтимых схимонаха Сергия и схимонахини Варвары. Власти с 1854 по 1865 гг. препятствовали установке раки, поскольку родители преподобного Александра не были общецерковно прославлены. При о. Израиле монастырь сподобился самого большого за свою историю денежного пожертвования — от незабвенной благотворительницы графини А. А. Орловой-Чесменской поступило 5715 руб.

К революции монастырь был самым немногочисленным из мужских — 10 монахов и 3 послушника. Старожилы показывают болотистое место у восточной стены монастыря, где вскоре после победы большевиков приняли мученическую кончину последний настоятель обители с братией.

Президиум Леноблисполкома 23 ноября 1932 г. вынес следующее постановление о ликвидации бывшей церкви Введено-Островского монастыря: «Учитывая, что община пользуется двумя церковными зданиями, что противоречит ст. 10 закона о религиозных объединениях, а также принимая во внимание нуждаемость колхоза «Ильич» в помещении для школы и клуба, новое здание Введено-Островского монастыря ликвидировать и использовать для указанных целей, древнюю церковь оставить в пользовании верующих». Новый храм вскоре был полностью разобран, но еще раньше, в 20-е годы, уничтожили каменную монастырскую ограду с башенками.

Монастырь ныне восстанавливается как женский. Вход в обитель с юга. Центральное положение занимает Введенская церковь. Она построена в духе классицизма, а композиция (венчание с луковичной главкой) и детали отделки напоминают о храмах русского барокко. Колокольня в позднеклассицистическом стиле, от которой оставалось только два яруса, ныне восстановлена с завершением в виде древнерусского шатра вместо прежнего шпиля. К югу от церкви - двухэтажный каменный братский корпус с деревянным мезонином. Между ним и колокольней - неказистый дом из силикатного кирпича. Восточнее - меньший по размерам братский корпус с примыкающей к нему кузницей. С него началось восстановление монастыря. Здесь ныне не только кельи, но и освященная вскоре после возрождения монашеской жизни домовая церковь во имя Киево-Братской иконы Божией Матери (во 2-м этаже). К югу от него и к востоку от церкви - хозяйственные строения середины XIX века: сарай, конюшни. К северу от церкви - кладбище и бывший настоятельский корпус, построенный в 1827 г. и впоследствии расширенный. На новом кладбище покоится возобновительница монастыря — игуменья Фекла (Коняшева). К северу от собора находился не существующий ныне Богоявленский храм. Участок этот не застроен, и, вероятно, доселе здесь пребывают под спудом мощи преподобных родителей святого Александра Свирского. В самой дальней, северо-западной, части - гостиница 1853 г. на месте часовни, где был дом преподобных Сергия, Варвары и Александра в деревне Мандеры (этой деревни не было уже в XIX в.), силами Всецерковного Православного молодежного движения в 1996 г. установлен крест. Особым почитанием пользуется недавно открытый целебный радоновый источник, к которому стремятся многие паломники. Место его пока не благоустроено и находится на северо-западе, вблизи монастыря.

Настоятельница монастыря — монахиня Михаила (Орешко). Обитель очень малочисленна, в 1998 г. в ней подвизались 4 монахини и несколько трудниц.

В Санкт-Петербурге монастырю передано бывшее подворье Кашинского Сретенского женского монастыря с церковью во имя св. благоверной княгини Анны Кашинской (Б. Сампсониевский пр., 53, 1903).

Сказание

о преподобном отце нашем

Галактионе Белозерском ¹

Христа ради юродивом

Память его празднуется месяца января в 12-й день

† 1506

В рукописных святцах читаем: «Преподобный Галактион юродивый бысть в Ферапонтовом монастыри». Блаженный Галактион был учеником преподобного Мартиниана и жил у него в келье. Подражая примеру наставника, Галактион был очень усерден к подвигам и молитве и не знал телесного покоя. Когда преподобный Мартиниан по дряхлости уже не мог сам ходить, Галактион носил его в церковь на общую молитву. Преподобный Мартиниан благословил его юродствовать во Христе, и блаженный прославился этим подвигом, соединявшимся у него с поразительной прозорливостью.

Однажды пришел блаженный Галактион с братией в только что отстроенную монастырскую трапезу. Братия начали хвалить новую храмину, но Галактион, юродствуя, заметил: «Добра-то добра, да не долговечна». Братия не придала словам блаженного никакого значения, а между тем они сбылись на следующий же день. Загорелась в монастыре келья одного брата; огонь перешел на другие строения, потом на трапезу, и она сгорела без остатка.

В то время в Ферапонтове монастыре жил на покое Иоасаф, в миру князь Оболенский, бывший Ростовский архиепископ. (Иоасаф управлял Ростовской кафедрой с 1481 по 1489 гг., скончался в 1514 г.) Когда загорелась келья бывшего владыки Ростовского, он вспомнил, что в ней осталась драгоценная вещь, предназначенная на монастырское строение, и начал тужить. Галактион укорил Иоасафа за его малодушие, а тот ему ответил,

что жалеет не о своей потере, а о монастырской. Тогда блаженный попросил его точно указать, где лежит сокровище, и, осенив себя крестным знамением, бесстрашно пошел в пылающую келью; взяв там сокровище, он положил его пред владыкой в присутствии изумленной братии и сказал Иоасафу: «Вот, не тужи, о худом деле скорбишь». Ожидали, что загорится деревянная звонница, и подошли рубить ее топорами, чтобы спасти от огня колокола. Но блаженный, подбежав, оттолкнул всех и заявил: «Этому не гореть». Сам стал у звонницы, и действительно огонь ее не коснулся, хотя окружающие ее строения сгорели.

Один брат, живя в обители, впал в уныние и хотел уйти. Блаженный Галактион пришел к нему, сел на пороге келии и сказал: «Что это ты задумал, брат, послушал нашего врага? Но не избегнуть тебе его преследований, если и убежишь от нас, нигде невозможно избежать сетей лукавого». Инок поражен был прозорливостью блаженного, проникновением его в тайные помыслы свои и остался в Ферапонтовой обители. В течение 30 лет он был потом ее игуменом.

Великий князь Василий Иоаннович (княжил с 1505 по 1533 гг.) послал в 1506 г. войско на Казань под предводительством своего брата князя Дмитрия. Слух об этом дошел до Ферапонтова монастыря. Блаженный Галактион сказал: «Великий князь еще долго будет хлопотать о Казани. Родится князь Иван: тот овладеет Казанским царством». Братия с года на год ждала рождения в великокняжеской семье сына Иоанна. Но так как предсказание блаженного долго не сбывалось, то о нем забыли. Его припомнили лишь тогда, когда в 1553 г. Иоанн Васильевич Грозный завоевал Казань.

Более 20 лет после смерти преподобного Мартиниана подвизался блаженный Галактион в Ферапонтовом монастыре. Заболев предсмертным недугом, за много дней он провидел свою кончину и предсказал ее время. Посетить больного старца пришел инок Савва, должностью просфорник, пользовавшийся советами и наставлениями блаженного. Савва начал тужить о его болезни, а блаженный ему ответил: «Не скорби, брат, о том, что я хочу отойти от вас: через восемь дней и ты придешь за мною». Савва недоумевал,

что значат эти слова, и передал их братии. Но они сбылись со всею точностью: скончался блаженный, а через восемь дней помер и духовный друг его Савва. Кончина блаженного Галактиона последовала в 1506 г. Погребен он в церкви Ферапонтова монастыря, в ногах у преподобного Мартиниана.

ТРОНАРЕ, ГЛАГО 8

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 8

Глас апостола твоего Павла услышав
глаголюща, мы юродни Христа ради; рав
Твой Галактионо, юродь бысть на земли
Тебе ради Христэ Божэ; тем же и ныне память
его почитающе, тебе ся молим,
Господи спаси душа наша.

Кондак, глас 4

Ро юродство претворився волею, міра сего
 красоты отнюдь возненавидел еси;
 плотская мудрования увядил еси, постом
 и жаждою, и зноєм, и студению мраза, от дождя
 и снѣга, и от прочих воздушныхъ тяготы, никогда
 же уклонився душею; и очистил еси себе яко
 злато в горниле, Галактионе блаженне.

Сказание

о чудотворце

Иакове Боровичском, Новгородском 2, 4

Христа ради юродивом

*Память его празднуется месяца мая в 22-й день
и месяца октября в 23-й день*

ок. 1540

то был сей угодник Божий? Точных сведений не отыскано. «Не ведомо нам, кто он и откуда, - говорит Славеницкий, - мы только благодарим блаженного Иакова. Он просиял Христовою силою чудотворений, подобно древним великим святым. В блаженном отроке сильный и дивный муж пришел к нам в русскую страну - охранять и соблюдать веру нашу во Христа». По слухам, блаженный Иаков был простой, но усердный к делу судовщик и принял на себя суровое юродство. Скончался же убитый громом.

Самое первое явление прославившегося раба Божия было чудное. Надобно представить себе быстроту течения Мсты, особенно страшно-бурную силу ее в весеннее время, когда самая сильная и ловкая рука гребца с трудом у берега может править ладьею. По этой-то реке против течения ее волн, во время вскрытия ее, на третий день Пасхи, в 1540 г., несло громадную льдину (накру). Это было у грозных Боровичских порогов: но льдина неслась наперекор массам воды, сбрасывающимся с порогов.

Густой пар, как бы дым, поднимался со льдины, плившей между камнями. На ней увидели дубовую колоду: гроб без крышки с почившим отроком. Как ни дивно было плавание льдины, крестьяне встретились с мыслью об ответе за мертвое тело и положили проводить мимо селения гроб. Принесли шесты и длинными шестами оттолкнули льдину от берега. Льдина, однако, не слушалась и возвратилась к берегу. Веревками обмотав колоду, повлекли с льдиною по течению Мсты и отвели версты за две от села Боровичи. На рассвете следующего дня льдина опять явилась у берега, на прежнем месте. Ее вновь отвели по реке, но и в третий раз возвратилась она к тому же месту. Старшинам ночью, не одному и не двум, явился во сне отрок, тот самый, которого видели они в колоде, и с упреком говорил: «Зачем, будучи христианами, немилостиво гоните меня, христианина? Если хотите знать мое имя, то я – Иаков, одноименный святому апостолу Иакову». Старшины поутру передали один другому видение, и вслед за ними народ поспешил на берег, чтобы благоговейно снять гроб со льда. Мощи были поставлены в часовне.

Когда стали благоговейно лобызать нетленное и чистое тело, то явились чудесные исцеления. Донесли о том Новгородскому архипастырю. В июне 1544 г. по распоряжению архиепископа Феодосия Софийским священником Иоанном в присутствии многих духовных и светских лиц освидетельствованы были мощи праведника и совершившиеся при них чудеса. От 6 октября 1544 г. архиепископ грамотою благословил перенести мощи из часовни, где стояли они, в ближний храм Святого Духа. Вместе с тем предписано совершать торжественное служение в день перенесения мощей.

После того потекли от мощей праведника потоки чудес. В 1572 г. Новгородский архиепископ поручил строго проверить на месте рассказы о чудесах. Посланные донесли, что при мощах святого Иакова совершается «множество исцелений». Славеницкий в свое время писал: «Учиниша письмени предавати чудеса и егда их наполнися осьмдесят и осмь седмиц, престаша писати».²

Во вновь устроенной церкви Сошествия Святого Духа, в селении Боровичи, мощи покоились более ста лет, до тех

пор, когда патриарх Никон соорудил великолепную обитель Иверскую, по образцу Афонской. Он перенес с большим торжеством нетленные мощи блаженного отрока в храм Богоматери по тому соображению, что они явились в день празднования чудотворной ее иконы Иверской. Перенесение мощей было в 1657 г., и там они доселе (конец XIX века – *Сост.*) почивают в серебряной позлащенной раке, устроенной патриархом.

Умилительны простодушные слова описавшего явление святых мощей сих, быть может, и очевидца, по той любви, которою он проникнут к святым угодникам Божиим: «Ныне мы несомненно благодарствуем блаженного Иакова, хотя и неведомо нам, кто он и откуда. Но Бог ведает раба своего и да будет наше с ним пребывание во веки, в здешней жизни и в будущей. Вновь просиял он Христовою силою чудотворений, подобно древним великим святым, и в блаженном отроке сем сильный и дивный муж пришел к нам в Русское благочестие хранить и соблюдать веру нашу во Христа. Если бы и все Святые пришли к нам в Русскую землю Государя нашего Царя, всем бы им обрелись у нас и упокоение, и похвала, и не было бы нам о том тесноты или заботы, но радость наипаче и недугов исцеление и души спасение».⁴

Канон праведному Иакову написан был, как видно по акростиху, «Иваном», вероятно, тем самым священником Софийским Иоанном, который в первый раз свидетельствовал мощи и чудеса.²

Тропарь, глас 1

Божественною благодатню просветився, и по
смерти даруешн исцеление, притекающим
к раце мощей твоих, премудре Иакове;
темже и мы ныне чтим, честных мощей твоих
перенесение, веселяще вкупе душа и телеса.
Тем вси вопием ти, слава Давшему ти крепость,
слава Венчавшему тя, слава Дающему
тобою всем исцеления.

Кондак, глаголющий 8

Кёрою и любовию твоё честное перенесённое
празднующих влаженне, сохранён и соблюден
от всякия злобы, и соблазна змиина, имаша
бо дерзновение ко Владыце всех Христу Богу,
Его же моли спасти царя православнаго, и люди
молящие ти ся, да вси вопиём ти, радуйся отче
Иакове вся Рүсская Земля удобрёние.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Секретарь Л. А.

Святой Иаков Боровичский, чудотворец

// 49 1995. С. 272-275.

При патриархе Никоне мощи святого были перенесены в основанный им Валдайский Иверский монастырь. Торжественное переложение мощей из ветхой деревянной раки во вновь устроенную тщанием патриарха серебряную состоялось 25 февраля 1654 г. в главном соборе Иверского монастыря. Накануне патриарху привиделся необыкновенный сон, о котором он рассказал митрополиту Макарию: «Увидел я великий свет на том месте, где строится святая обитель сия, и среди сего света лежащего на каком-то возвышении человека, светлого телом, только на нужных членах имущего некия рубы (рубище – изодранная, ветхая одежда⁵⁶ С. 558); сочтя его мертвым, я приблизился к нему, дабы прикрыть руки благословляющие, и он, как живой, складывает их на груди своей». На следующий день было приступлено к переложению честных мощей святого Иакова. «Едва только открыл патриарх святые мощи, как вдруг увидел руки святого угодника Божия благословляющими точно так, как показалось ему в сонном видении; и положил он тогда руки святого Иакова на нетленные перси его так, как видел их слагаемыми во сне». Отсюда и общепринятое церковное изображение Иакова Праведного в полуобнаженном виде с крестообразно сложенными на груди руками.

В книге «Рай мысленный» патриарх рассказал о чуде, свершившемся в Едрове в момент перенесения мощей из Боровичей. Женщина по имени Мария поведала патриарху об исцелении дочери, которая не видела шесть лет и внезапно прозрела. За время от явления мощей Иакова Праведного и до открытия их сохранились точные, хотя и самые краткие, сведения о шести чудесных исцелениях. За время с открытия святых мощей в 1545 г. и до перенесения их из Боровичей в Валдай в 1654 г. достоверно известны также шесть чудесных исцелений. Особенно часты были исцеления от глазных болезней.

В Святодуховском соборе в Боровичах остался ковчег с частицами мощей святого Иакова.

«Кто именно был в кратковременном житии своем на земле благоугодивший Господу отрок, святой Иаков Праведный, именуемый Боровичским чудотворцем, кто были его родители и откуда нетленные мощи его приплыли к боровичскому берегу, об этом нет достоверных сказаний, ни письменных, ни устных. Есть несколько легенд и народных верований. Но говорить о их вероятности опасно, как бы не солгать на святого. Да и напрасны домогательства ума человеческого в том, что скрыла от него Десница Божия: ... святые угодники Божии не земного, но горняго отечества ищут, не земнородным, но небесным племенем хвалятся, не плотским родителем, но духовным Отцом, вездесущим и всеблагим Богом, величаются, и не в земном, но в небесном граде вечно житьельствовать тщатся. И так будем твердо знать и помнить, что сей досточудный угодник Божий есть именитый гражданин великого града Сиона, Иерусалима небесного».

P.S. В рукописном отделе Государственного Исторического музея в Москве нам удалось обнаружить рукописное житие XVII в. – житие святого Иакова Боровичского с подробным описанием совершенных от его мощей чудес. Житие представляет большой исторический интерес, как живое свидетельство религиозной жизни одного из древних поселений Новгородской земли.

Сказание

о преподобном отце нашем

Арсении Новгородском ²

Христа ради юродивом

*Память его празднуется месяца мая в 8-й день
и месяца июля в 12-й день*

† 1570

Местом рождения преподобного Арсения, в миру Амвросия, был Ржев - Владимиров. В доме родителей своих обучен он был кожевному ремеслу, но еще более воспитал он в себе святую ревность к благочестию. По смерти

отца Григория мать его Пелагия, впоследствии инокия Аполлинария, заставила его вступить в брак. Но Амвросий горел ревностью жить в чистом, непорочном девстве. Спустя 5 месяцев после брака скрылся он из дома матери. Пять лет занимался он в Новгороде кожевную работою, не давая знать о себе своим. Он испытывал сам себя тайным подвигом, тайно постился и молился. Потом написал письмо к матери и жене, где утешал их Евангельским обещанием блаженства для тех, которые оставляют для Господа мать, жену, детей, имущество.

Благочестивый строитель храмов и обителей Феодор Дмитриевич Сырков, узнав благочестивую жизнь Амвросия, предложил

ему свою готовность доставлять средства для построения новой обители, и Амвросий принял иночество с именем Арсения. В 1562 г. обитель и храм в честь Рождества Богородицы построены были Арсением на Ярославовом дворище, на Торговой стороне, на правом берегу Волхова, в соседстве с храмом святых Мироносиц. Преподобный Арсений, основав обитель, продолжал вести жизнь строгую, носил вериги, довольствовался весьма малым, одежда на нем до того была бедна и ветха, что, если бы бросить ее на площади, и бедняк не поднял бы ее. Когда ходил он в ней по улицам или сидел на мосту, дети смеялись над ним, но все это не отвлекало его от умной молитвы, которою постоянно был он занят, тихо проливая слезы.

В последние годы жил он в затворе, почему в святцах и называется затворником. *«Блаженны плачущие, потому что они утешены будут»*, - сказал Спаситель (Матф. 5. 4). Плачущие - это те, которые считают земную жизнь местом удаления из отчизны и потому не принимают земных утешений. Таков был преподобный Арсений! Из очей его постоянно текли слезы. Он плакал по небесной отчизне, тем более что видел беды, готовые обрушиться за легкомыслие гордых новгородцев. Он плакал, но мы согрешили бы, если бы подумали, что жизнь его была безотраднa. Тот, кто не допускает до себя земных утешений и даже отягчает жизнь свою добровольно для Господа, наслаждается надеждами на вечность блаженную, наслаждается душевным миром, пред которым смех и веселости людского легкомыслия - горе.

В 1570 г. Грозный царь, по неистовой жестокости, предав тысячи новгородцев разным смертям, захотел построить себе дворец на Ярославовом дворище, но, узнав об Арсении и его обители, явился к нему с дарами и с наружным смирением. Преподобный затворник не принял даров его и сказал: «Много душ неповинных послал ты в Царство Небесное, а сам не наследишь его». Грозный смолчал. Собираясь потом во Псков, он опять пришел к Арсению и просил благословения на путь свой. «Завтра, государь, готов и я в путь свой», - сказал Арсений. Иоанн обрадовался, мечтая, что

затворник пойдет за ним во Псков. Но преподобный на следующее утро приобщился Святых Таин и потом преставился июля 12-го 1570 г. Он положен был в том же затворе, где и подвизался. По обретении нетленных мощей его над ними была построена часовня. В 1634 г. писали: «На Торговой стороне, в монастыре Арсеньеве, мощи преподобного Арсения лежат под спудом. От мощей его приходящим с верою исцеления бывают. Тропарь и кондак ему составлен, а празднество еще не установлено». Вскоре после того составлена была и служба.

В 1785 г. мощи святого Арсения перенесены были в храм Кириллова монастыря, где и ныне покоятся. Здесь построен и придел в честь преподобного Арсения.

Тропарь, глас 4

тѣчество свое и рѣдъ оставилъ еси, Христѣ
прилепился, и Великаго Новаграда достигл
еси, и в немъ во юродствѣ трудолюбное
твое тѣло изнурилъ еси многимъ постомъ и
воздержаніемъ, и пророчества даръ пріяти
сподобился, и многшвенныя ризы изволилъ еси на
себѣ носити, и, тѣло в немъ предложивъ; обитель
себѣ в премирномъ Царствіи у Христа, всехъ Бога,
сотворилъ еси. Его же моли, святѣ Арсеніе
преподобне, Церкви и странѣ нашей в міре
пребывати отъ всехъ наветъ вражнихъ, ущѣдрити насъ,
почитающихъ твоѣ торжество,
и спасти дѣши наша.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Андроник (Трубачёв), игумен.

Арсений Новгородский // ⁵⁵ С. 438-439.

... Ранняя редакция жития сообщает, что «новгородский гость» Ф. Д. Сырков, основатель нескольких новгородских монастырей и церквей, убедил Амвросия принять иночество; по версии поздней редакции, Сырков пожертвовал средства на строительство храма и обители. Согласно Новгородской III летописи, Арсениев монастырь с деревянным храмом в честь Рождества Пресвятой Богородицы был основан в 1562 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 253) По сообщению ранней редакции жития, в 1566 г. Амвросий принял постриг с именем Арсений, но продолжал жить как юродивый: зимой и летом ходил в рубище, носил вериги, по улице передвигался почти бегом, и если ему не успевали подать милостыню, то никогда за ней не возвращался. Над святым часто глумились дети, которые гвоздями прибавляли его одежду к мосту через реку Волхов, где любил сидеть блаженный.

Обе редакции жития рассказывают о посещении Арсения Новгородского царем Иоанном IV Васильевичем Грозным во время похода на Новгород в 1570 г. По сообщению ранней редакции, царь после беседы со святым дал ему мешок серебра, но блаженный на следующее утро вернул деньги, сказав, что они ночью «вопикют велми» в его келье. Узнав об отказе святого от денег, царь предложил ему села, но тот попросил весь Новгород. Перед походом на Псков царь вновь посетил юродивого, прося его благословения. «Завтра, государь, готов я в путь за тобою», - ответил Арсений Новгородский. Это было предсказанием собственной кончины: наутро Арсений Новгородский преставился. Погребение с почестями совершил Новгородский архиепископ Александр.

Рассказ содержит ряд хронологических противоречий: царь находился в Новгороде с 6 января по 13 февраля, поход на Псков состоялся 13-20 февраля, а преставился Арсений Новгородский 12 июля; архиепископ Александр был поставлен на Новгородскую кафедру в 1576 г. (хотя можно предположить, что он участвовал в погребении святого, будучи еще архимандритом новгородского Юрьева монастыря). Возможно, встреча Арсения Новгородского с царем произошла летом 1572 г. 31 мая этого года царь вместе с новой женой Анной Колтовской, сыновьями и двором прибыл в Новгород и жил здесь 2 месяца, пребывание царя сопровождалось

новыми казнями. Не только казни, по сообщению поздней редакции жития, привели к столкновению между государем и подвижником. 13 марта 1570 г. на Торговой стороне Новгорода, где стоял Арсениев монастырь, началась расчистка места для строительства «государева двора». Иоанн Грозный пришел к Арсению Новгородскому с щедрыми дарами, желая, чтобы тот удалился. Арсений Новгородский не принял дары, обличив царя словами: «Многих неповинных души послал ты в Царствие Небесное». Царь смирился перед подвижником и не тронул его и монастырь. (Предположению о встрече царя с преподобным в 1572 г. противоречит то обстоятельство, что царь в этот приезд не намеревался идти во Псков.)

По версии поздней редакции жития, последние годы жизни Арсений Новгородский провел в затворе в основанном им монастыре, где и был погребен, над местом погребения Арсения Новгородского поставили каменную часовню (Барсуков. Стб. 59), затем церковь в честь Рождества Христова. Арсений Новгородский был весьма почитаем среди новгородцев. Первое из чудес, описанных в житии ранней редакций, рассказывает о спасении жены благочестивого новгородца Ивана Мартынова. Переправляясь через Волхов на плоту, она поскользнулась и упала в воду. Сильным течением ее затянуло под плот, в отчаянии женщина взмолилась Арсению Новгородскому, пообещав ежегодно совершать ему молебны, и неведомо как оказалась на др. плоту; (Шлянкин. С. 4-5).

В 1732 г. Арсениев монастырь пришел в упадок и был приписан к Юрьеву монастырю. В 1785 (1786 или 1787?) г. мощи Арсения Новгородского были обретены и перенесены в новгородский в честь Покрова Пресвятой Богородицы и святителя Кирилла Александрийского монастырь и положены на южной стороне Кирилловской церкви. В 1792 (1793?) г. над мощами святого был сооружен придел в его честь. В 1812 г. устроена бронзовая позолоченная рака. Во имя Арсения Новгородского был также освящен придел в храме в честь Владимирской иконы Божией Матери во Ржеве. В 1830 г. на месте упраздненного Арсениева монастыря купцом Кузнецовым была выстроена церковь в честь Иверской иконы Божией Матери, в которой находилась гробница, где ранее почитали мощи Арсения Новгородского.

Секретарь Л. А.
Кириллов монастырь // София⁵⁰. Новгород.
1997. № 1. С. 24-25.

... к началу XX века Кириллов монастырь представлял собой большой комплекс каменных строений. Здесь проживало 10 монахов. Так как он являлся штатным, из казны ежегодно выплачивалось 250 рублей. Кроме того, начислялись проценты с денежных вкладов. Большой вклад пожертвовала семья известного предпринимателя, владельца фарфоровых фабрик И. Е. Кузнецова. Доход приносило огородничество. Картофель выращивали отменный. Держали молочное стадо. Укосы на заливных пожнях позволяли не только содержать скот, но и продавать сено.

Но наступили трагические для монастырей времена после 1917 г. В 1920 г. началось их тотальное закрытие. Не избежала этой участи и Кирилловская обитель. Здесь разместили инвалидный дом.

В годы Войны монастырь оказался на линии фронта. У его стен в 1941 г. совершил подвиг Александр Панкратов: закрыл своим телом смертоносный огонь вражеского пулемета. После освобождения Новгорода в 1944 г. при разминировании монастыря бойцами 154 инженерно-саперного батальона было обнаружено 7 трупов наших военнопленных солдат со следами страшных пыток. Монастырские постройки получили серьезные повреждения. По распоряжению городских властей их не стали восстанавливать, а приказали разобрать. Кирпич и камень использовали для строительства в Новгороде. Руины древней обители постепенно заросли деревьями и бурьяном.

ЖИТИЕ

отрока

Артемия Веркольского ⁴

*Память его празднуется месяца июня в 23-й день
и месяца октября в 20-й день*

1545

и

Сведения

о праведной отроковице

Параскеве Пирминской ⁵⁵

сестре святого Артемия Веркольского

Память ее празднуется месяца июня в 23-й день

xvi

Артемий Веркольский

итие праведного сего отрока писано по благословению Макария, митрополита Новгородского, и память его, местно чтимая, совершается 20-го октября над ракою его мощей. Артемий родился в 1532 г. в Двинском округе, над рекою Пинегою в селении, называемом Веркола. Известны имена его родителей, Косьмы и Аполлиналии, которые воспитывали его во всяком благочестии. С пятилетнего возраста отрок начал уже чуждаться детских игр и, несмотря на слабые силы, приучался возделывать землю, как бы поспешая принести Богу плоды трудолюбия краткой своей жизни. В столь

ранние годы он сделался помощником отцу своему, послушный ему как Исаак. Свободное же от трудов время посвящал на молитву, ибо возлюбил Господа Бога паче всего.

Артемий был уже двенадцати лет. Однажды в поле помогал он родителям, бороня вспахиваемую землю. Внезапно, Божиим изволением, поднялся бурный ветер, и черная туча покрыла небо, прокатился гром над головою отрока, и мертвый пал он на землю, хотя и не коснулась его молния. Однако общее было поверие, что отрок убит громом, как бы назnaменованного судом Божиим. Его положили на пустом месте, в сосновом лесу, непогребенным и далеко от церкви. Но Господь, прославляющий своих угодников, прославил и сего отрока. Протекло 28 лет после его кончины. Случилось клирику церкви Святителя Николая, по имени Агафоник, идти лесом мимо того места, где лежало тело, всеми забытое. Внезапно воссиявший свет обратил внимание путника на отроческое тело, ничем не поврежденное через столько лет. По разнесшейся о том молве собрались окрестные поселяне; без всякого рассуждения и без молитв подняли они обретенное тело и положили его в паперти церкви Святителя Николая.

В тот же год, по грехам людей, повальная болезнь свирепствовала в Двинском округе и много похитила жертв, особенно из числа жен и детей, ибо Господь часто посещает нас болезнями для нашего вразумления. Некто Каллиник, крестьянин Веркольского селения, имел сына, который сильно страдал лихорадкою. Много молился он об исцелении своего детища и, наконец, молитвенно обратился к блаженному Артемию, чтобы помог единоклеточному с ним отроку. Отец снял с гробницы берестовой покров, положил его на грудь сына, и внезапно оставил больного долговременный недуг. Обрадованный отец объявил поселянам о чудном исцелении. Все начали притекать к блаженному отроку, и миновалась общая болезнь.

Когда переносили нетленные мощи из паперти в придел, женщина, имевшая расслабленного младенца, приложила его ко гробу блаженного Артемия, и младенческая рука в ту же минуту окрепла. Другая женщина и крестьянин, страдавшие глазами, тут же получили зрение от прикосновения

к священной раке. И многие другие, отягченные различными недугами, исцелились. Более 50-ти чудес записано священнослужителями церкви Святителя Николая, при которой почивал блаженный Артемий. Они написали лик святого отрока на доске бывшей его гробницы и стружки от нее раздавали в благословение. Иногда являясь в сонных видениях, врачевал он недуги. Так явился Илариону, жителю Холмогор, который впал в отчаяние от постигшей его слепоты и хотел наложить на себя руки. В самый день памяти Святителя Николая предстал страждущему отрок, в светлой одежде, держа в левой руке посох, а в правой крест, и, осенив его, сказал: «Восстань, исцеляет тебя Христос рукою раба своего Артемия, иди в Верколу, приложись к его гробу и расскажи о том священнику и крестьянам». Исполнил его повеление, болящий и прозрел; это случилось в 1623 году.

Далеко простиралась целебная сила новоявленного угодника Божия. Рыболов из Хевролы, по имени Харитон, занесенный по морю на остров Новую Землю, посреди Ледовитого моря, в течение целого лета лишен был движения руки, вывернутой в самом плече. И вот забытому людьми на море явился родич его, блаженный Артемий из пределов Хеврольских, обещая исцеление, если помолится над его гробом. И по его слову миновалась болезнь.

Мощи блаженного Артемия свидетельствованы были по указу Макария, митрополита Новгородского, в 1610 г. и в день Святителя Николая перенесены из придела в главный храм. Тогда же была сочинена ему и служба. По случаю исцеления сына воеводы Мезенского Афанасия Пашкова при его гробе, признательный отец построил близ церкви Святителя другую церковь, во имя великомученика, соименного Артемию. Но через 30 лет обе сгорели, и над мощами поставлена была часовня. Еще десять лет спустя, по просьбе клириков и мирян Веркольских, царь Алексей Михайлович дозволил основать монастырь на том месте, где были обретены мощи, на берегу реки Пинеги. Их переложили в новую раку и перенесли из часовни в обитель. Но и она трижды пострадала от пожаров и была упразднена в исходе минувшего (XVIII) столетия. Наконец, усердием окрестных жителей сооружена

каменная церковь во имя самого Артемия Веркольского, и в ней донныне почивают святые мощи блаженного отрока. Церковь совершает его память 23 июня и октября 20.

Тропарь, глас 1

Пустынный житель и в телеси Ангел и чудотворец, показавши еси, отче Артемие: постом, бдением, молитвою небесныя дарования приими, исцеляеши недужныя и души верою притекающих к тебе. Слава Давшему тебе крепость, слава Венчавшему тя, слава Дающему тобою всем исцеления.

Тропарь, глас 2

Иже Вышняго повелением, тученосные облаки сошедше на землю, и молниями блистающимися, грому же возшумевшу с прещением, испустити душу свою в руце Господови премудре Артемие; и ныне предстоя престолу Владыки всех, иже верою и любовию приходящим к раце твоей, подаждь исцеление всем неотложно, и молися Христу Богу спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Возсия днесь пресветлая память твоя праведне Артемие, Богоданные благодати яко реки, изливая, от светоцелевныя раки мощей твоих; от нея же почерпающе исцеления, от многоразличных недугов избавляемся, с верою приемающе, и взывающе, радуйся Артемие богомудре.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Сальников А. К.

Артемиев Веркольский мужской монастырь // ⁵⁵ С. 454-456.

Монастырь находится близ села Веркола Пинежского района Архангельской обл., на левом берегу реки Пинеги.

Монастырь был основан в 1645 г. по обету мезенским и кеврольским воеводой А. Ф. Пашковым после чудесного исцеления его сына Иеремии по молитвам родителей перед мощами святого, праведного Артемия Веркольского. На месте обретения нетленных мощей святого Артемия Пашков выстроил на свои средства церковь во имя великомученика Артемия Антиохийского (соименного праведному отроку) с приделом во имя праведного Артемия Веркольского, освященную по благословению Патриарха Московского и всея Руси Иосифа и святителя Афония, митрополита Новгородского, а также устроил ограду и кельи для братии. В 1648 г. настоятелем обители был поставлен иеромонах Рафаил. В том же году вышел указ царя Алексея Михайловича о строительстве монастыря, и «инии людие начаша ириходити и тружатиcя, и вклады чюдотворцу в казну дающе, и единокители учинишася. И с того времени монастырь святого праведнаго Артемия, Веркольского чюдотворца, именовася и молитвами его распространяшася» (Савельева. С. 373-374). ... В XVIII в. обитель и храмы несколько раз горели, но мощи святого Артемия не пострадали.

В 1764 г. Артемиев Веркольский монастырь был отнесен к заштатным. В 1865 г. в Артемиеве Веркольском монастыре был введен общежительный устав Коневецкого монастыря, и в 1867 г. обитель была переименована в общежительную Артемиеву Веркольскую пустынь. 13 марта 1890 г. Артемиев Веркольский монастырь был отнесен к первоклассным общежительным монастырям с архимандричьим управлением, а 3 июля 1910 г. настоятель Артемиева Веркольского монастыря архимандрит Варсонофий (Вихвелин) был назначен епископом Кемским, викарием Архангельской епархии с оставлением должности настоятеля. В начале XX в. в Артемиеве Веркольском монастыре проживало около 60 монахов и 100 послушников, в монастыре действовали иконописная, переплетная, сапожная, портная, красильная и кузнечная мастерские, все хозяйственные работы выполнялись насельниками. Весной 1904 г. монастырь участвовал в первой Всероссийской выставке монастырских работ и получил похвальный отзыв за экспонаты (икону святого Артемия,

резные костяной и деревянный кресты, др. изделия). Частым гостем и щедрым благотворителем обители был святой праведный Иоанн Кронштадтский, автор акафиста святому праведному Артемию. Ежегодно, во время поездок на свою родину в с. Сура, он останавливался в монастыре, служил молебны. В 1897 г. Кронштадтский пастырь участвовал в освящении построенного на его средства в обители Успенского собора.

... В 1880 г. настоятель архимандрит Феодосий приобрел находившееся в 60 км от монастыря Святое озеро, на берегу которого 31 окт. 1885 г. был основан Святоезерский Николаевский скит.

Мощи святого праведного Артемия почивали в посвященном ему храме в серебряной раке около иконостаса. В начале XX в. в обители хранились 3 серебряных креста с частицами святых мощей, чудотворная Казанская икона Божией Матери и икона святителя Николая Чудотворца. Богослужения совершались с канонархом по столбовому распеву, читалась «неусыпаемая Псалтирь». Дважды в год совершались крестные ходы — 23 июня, в день кончины праведного Артемия, когда мощи святого обносили вокруг монастыря, и 17 ноября в память перенесения мощей святого в обитель. Артемиев Веркольский монастырь был закрыт в конце 1919 г., часть братии приняла мученическую кончину. Надвратный Иверский храм с колокольней, каменная ограда, кирпичный монастырский завод и ряд др. построек были разобраны. В 1941-1945 гг. в сохранившихся помещениях монастыря размещались детский сад и приют для эвакуированных и бездомных детей, в 80-х гг. - средняя школа и тракторная бригада.

В 1990 г. здания монастыря были переданы РПЦ. 5 авг. 1990 г. состоялось первое богослужение в деревянной часовне на месте кончины святого Артемия, 17 ноября - первая литургия в Николаевском приделе Артемиевского храма. Определением Священного Синода РПЦ от 25 декабря 1991 г. Артемиев Веркольский монастырь был открыт. ... В 2001 г. в монастыре подвизались 7 иеромонахов, 2 монаха и 10 послушников. Устав Артемиева Веркольского монастыря составлен по образцу устава Пантелеимона великомученика монастыря на Афоне. В селе Карпогоры открыто подворье обители. Братия Артемиева Веркольского монастыря осуществляет активную миссионерскую деятельность, окормляя жителей всего Пинежского района Архангельской области, в котором нет действующих приходских храмов.

Сказание
об отроках
**Иакове и Иоанне Менюжских,
Новгородских** ³

Память их празднуется месяца июня в 24-й день

† 1566-1569

Святые Иоанн и Иаков, отроки Менюжские, были дети благочестивых родителей – Исидора и Варвары, занимавшихся земледелием в одном из селений Медведского погоста Новгородской губернии и уезда, в царствование государя и великого князя Иоанна Васильевича IV, при святом митрополите Московском Филиппе и при архиепископе Новгородском Пимене, в последней половине XVI века (около 1570 г.) Отроками сии святые названы потому, что они в отрочестве и даже, можно сказать, в детстве, когда старшему из них было 5 лет, а младшему - 3 года, были застигнуты

внезапною и необыкновенною смертию. И вот как это было.

Однажды, в осеннее время, Исидор, собираясь с женою своею Варварою на обычную работу, убил барана и, приготовив его как следует для употребления в пищу, отправился вместе с женою в поле, находящееся не в дальнем расстоянии от дома, оставив своих детей одних - без всякого надзора. И они, видевши упомянутое действие своего отца над бараном и принявши оно за

обыкновенную игру или забаву, вздумали и сами позабавиться подобным образом. Старший брат сказал тогда младшему: «Брате, сотворим и мы так же, как и отец наш сотворил», и, по неразумию своему, не предвидя могущих быть от того дурных последствий, взял палку и ударил ею в голову младшего брата своего, который тотчас же от удара упал на землю и умер. Увидев умершим брата своего, Иоанн очень испугался и, не зная, что ему делать в таком случае, скрылся как младенец в печи за дровами, которые заранее были в нее положены для просушки, по случаю дождливой осени. Возвратившись вечером с работы своей и нашедши мертвым младшего сына своего, отец и мать горько плакали и рыдали. Когда же они нигде не могли отыскать и старшего сына своего, то еще более усилили свои рыдания, чем и привлекли в свой дом родственников и соседей своих, которые, уверившись в действительности печального события, много удивлялись и горевали с родителями, так что все едва наконец несколько поуспокоились. После сего мать, по обычаю, зажгла в печи дрова, не ведая и не думая о том, что за ними скрывается сын ее. Когда дрова в печи прогорели, и Варвара заглянула в нее, то увидела там своего сына, который был уже мертв, но совершенно цел и невредим от огня.

Всеблагой Господь, призирающий с высоты своей всевидящим оком своим на все живущее на земле, зная незлобие и невинность сих младенцев, восхотел в них прославить имя Свое, почтив нетлением нескверные и непорочные тела их и сопричислив их к лику святых Своих, - одного, как неповинно убитого, а другого, как принявшего за убийство мученическую от огня кончину. Услышавши крик и плач своей жены Варвары, Исидор, муж ее, тотчас поспешил к ней и, увидев так же, как и она, сына своего, лежащего в печи мертвым, но целым и невредимым от огня, исполнился страха и ужаса. Почему к плачу и крику своей жены присоединил и он свой вопль великий. На этот вопль опять собрались родственники и соседи, которые, смотря на такое преславное чудо, весьма дивились и славили Бога, сотворшего оное. А так как весть об этом чуде быстро и далеко разнеслась,

то имя Божие начало прославляться и в других местах. Плакав, наконец, детей своих, Исидор и Варвара облекли их в погребальные одежды, положили во гробы и по христианскому обряду предали тела их земле при их приходской церкви во имя Святителя и чудотворца Николая, что в Медведском погосте.

Спустя несколько дней после погребения отроков Иоанна и Иакова, гробы их явились плавающими на одном малом озерке, состоящем в двух поприщах (или верстах) от Менюжского монастыря. И вот как это явление огласилось.

Окрестные поселяне, имевшие обыкновение охотиться в лесах на птиц и зверей, однажды отправились на таковую охоту утром с тем, чтобы, как и прежде, возвратиться с нее домой вечером. Но, заблудившись в лесу и не могши никак отыскать дороги к дому, не только вечером того дня, но и на другой день не вернулись домой, оставаясь в лесу. Продолжая и на третий день отыскивать там дорогу, охотники пришли, наконец, к упомянутому озерку и увидели в нем плавающими два гроба. Убедившись по внимательном осмотре в том, что это те самые гробы, в которых так недавно были погребены Иоанн и Иаков, охотники начали умолять святых отроков об указании им пути или дороги, и вдруг глазам их представилась небольшая тропинка, по которой они и дошли до жилищ своих.

По прибытии домой, охотники немедленно возвестили своим соседям обо всем случившемся с ними. Собрались священники окрестных погостов со своими причтами и в сопровождении множества народа отправились к указанному охотниками озерку. Оказалось, что на нем действительно плавали знакомые им гробы, поэтому и решено было взять оные и нести опять к той церкви святителя и чудотворца Николая, при которой они были погребены. Но так как при этом охотники-поселяне предъявили, что явившиеся им во сне святые отроки желают быть погребенными не на погосте у сей церкви, но в пустом месте на Менюше, где прежде был монастырь, то гробы с лежащими в них мощами и были принесены на то место, на котором с подобающею честью

и положены были близ малого ручейка, там текущего, где над гробом их вскоре построена была часовня.

Всеблагой Господь сподобил сих святых отроков дара чудотворения, и многие из притекающих к гробам их начали получать исцеления от разных недугов и болезней. И вот случай такового исцеления, который, спустя несколько после сего лет, по воле Божией, особенно послужил к прославлению святых отроков и к созданию церкви на месте погребения их.

Один монах, по имени Макарий, проходивший из города Пскова в Новгород мимо того места, где почивали мощи святых отроков Иоанна и Иакова, внезапно застигнут был лютою болезнью, на избавление от которой не было никакой надежды. В таком тяжком и горьком положении он кое-как добрался до мощей святых, помолился пред ними со всем усердием и верою – и тотчас получил исцеление. Будучи преисполнен глубочайшею благодарностью к святым отрокам за полученную от них милость, монах этот решился остаться при мощах их с намерением употребить все свое старание на изыскание средств к возобновлению бывшего Менюжского монастыря. С этой целью он, возвещая всем поклонникам святыни о полученном им при мощах исцелении от болезни своей, умолял их о подавании на создание церкви, которую, по милости Божией и по молитвам святых угодников Его, и удалось ему устроить над мощами сих святых отроков Иоанна и Иакова на доброхотные даяния пришельцев и поклонников святыни. Этим иноком впоследствии был возрожден Троицкий Менюжский мужской монастырь. (См. Сведения о Макарии Менюжском. – *Сост.*)

В царствование благочестивейших Государей - царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей при Новгородском митрополите Корнилии, мощи святых отроков Иоанна и Иакова Менюжских были свидетельствованы и обретены целыми и невредимыми, каковыми почивают и доныне, подавая исцеления всем, с верою приходящим к ним во славу Христа Бога, Которому честь и поклонение во веки веков.

Память святых отроков Иоанна и Иакова совершается 24 июня, в каковый день по преданию они скончались.³

Тропарь, глас 1

Б

олѣзньми святыхъ праведныхъ отроковъ
Иакова и Иоанна, имъ же о Тебѣ
пострадаша, умоленъ буди, Господи,
и вся наша болѣзни исцели,
Человеколюбче, молимся.

Тропарь, глас 4

И

мущимъ непорочную душу, от купели
святаго крещенія и в младенчестве
Христа ради страданія претерпѣвши,
Богомъ избраннии блаженнии отроцы Иоанне и
Иакове, моли́те милостивого Бога телесныя
немощи недужныхъ младенцевъ целити, миръ странѣ
Россійстей даровати, и душамъ нашимъ велию
милость.

Кондак, глас 8

П

реудобренную и похвальную двоицу
почтимъ по достоянію, Иакова
блаженного и Иоанна всехвального; тии
во младенческую немощь отвергша, страданія
претерпѣша, тѣмъ вси вопиѣмъ, слава Давшаго вамъ
крѣпость, слава Венчавшему васъ, слава Дающему
васъ ради исцеленія.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Моисеев С. В.

Архиерейская служба в Менюше // София⁵⁰. Новгород. 1996. № 3 (19). С. 3.

Память отроков в прежние времена широко почиталась местным населением. В XIX – начале XX вв. после празднования Прихоженья (6 июля по н. ст.) из Клопского монастыря тысячи богомольцев отправлялись в Менюшу. Многие ходили сюда по обету («завету»). Сюда же приносили больных детей, и, по воспоминаниям, многие получали исцеление. Непременной частью богомолья являлось посещение «святого озера», на котором находилась купель. В день памяти святых отроков из Мшагской и Медведской церквей крестный ход отправлялся в Менюшу. Сначала шли на озеро Каменское к стоявшей на сваях часовне, здесь святили воду, а после молебна возвращались в Менюшу для отправления литургии.

Ныне посреди села стоит огромный полуразрушенный собор, построенный в 1837-41 гг. и значительно расширенный в 1891-93 гг. Главный престол его был посвящен праведным отрокам Иакову и Иоанну, а боковые – Святой Троице и святителю Николаю.

Храм был закрыт в 1937 г. В послевоенные годы верующие неоднократно подавали прошения об открытии прихода, но власти отказались возратить храм верующим. Однако священники Голинской церкви в престольный праздник совершали в этом храме праздничные богослужения.

7 июля 1996 г. после водосвятного молебна при большом стечении верующих высокопреосвященнейшим Львом, архиепископом Новгородским и Старорусским, в сослужении трех иереев и протодиакона в храме была совершена Божественная Литургия. На малом входе и молебне исполнялись старые сугубые тропарь и кондак святым отрокам. После крестного хода вокруг поруганного храма в крипте, находящейся под северным нефом собора, где покоятся под спудом мощи праведных Иакова и Иоанна, был совершен акафист святым отрокам.

Сведения

о деве

Гликерии Новгородской ³

Память ее празднуется месяца мая в 13-й день

† 1522

Праведная девица Гликерия была дочь Пантелеимона, старосты Людогощинской улицы, что в Новгороде. Сведений о святой жизни ее не сохранилось; но об обретении мощей ее в Новгородской 2-й летописи говорится (стр. 172), что в лето 1572 июля 14 дня, спустя 50 лет по преставлении, мощи праведной Гликерии обретыны нетлен-

ными, поверх земли, за церковью святых мучеников Флора и Лавра, и тогда же архиепископом Леонидом со всем священным собором перенесены в самую церковь Флора и Лавра. «Владыка проводил тую девицу собором и молебен пел». В день перенесения мощей праведной Гликерии при гробе ее получил исцеление от болезни четырехлетний отрок Агафоник, сын подьячего Богдана Суворова.

Святые мощи праведной Гликерии почивали под спудом в юго-западном углу церкви святых мучеников Флора и Лавра.

Церковь же сих мучеников находилась на Софийской стороне, в Неревском конце, на Легощинской, или Легощей, улице, близ Чудинской. Построена эта церковь в 1379 г.

в виде продолговатого четверугольника с обыкновенным полукружием для алтаря. С южной стороны в ней имелся придел святителя Николая.

См. Новгородскую II летопись под 7080 г. и надпись на раке ее.

Тропарь, глас 8

Вышняя красоты желающе, нижняя сласти телесныя далече от себе отринула еси, и нестяжанне паче суетнаго мира возлюбивши, ангельское житие провождала еси, Гликерие, дево блаженная, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 3

Веселися, Великий Новград, великое сокровище стяжав, мощи твои, святая праведная дево Гликерие, благодать исцелений подающии всем с верою и любовию приходящим к ним. И ныне предстоя с ликом святых жен русских пред Престолом Святей Троицы, моли оставление грехов даровати чтущим святую память твою.

Виде продолговатого в сечении, с обильными
мелкими, сужающимися к концу, с обеих сторон
находящимися в нем поперечными
полосками. Сидит на
С. М. Новикова. В. 1890 г. и 1891 г. из
Л. 1890 г. и 1891 г. из

Виде продолговатого в сечении, с обильными

8 1890 г. и 1891 г. из

Виде продолговатого в сечении, с обильными
мелкими, сужающимися к концу, с обеих сторон
находящимися в нем поперечными
полосками. Сидит на
С. М. Новикова. В. 1890 г. и 1891 г. из
Л. 1890 г. и 1891 г. из

8 1890 г. и 1891 г. из

Виде продолговатого в сечении, с обильными
мелкими, сужающимися к концу, с обеих сторон
находящимися в нем поперечными
полосками. Сидит на
С. М. Новикова. В. 1890 г. и 1891 г. из
Л. 1890 г. и 1891 г. из

Сакты мои православной Духе
рии почивали при студом в ледя-
ной пещере, в которой сакты мучени-
ков Флора и Лавра.

Первые же сакты мучеников нахо-
дились на Софийской стороне, в
Неревском конде, на Легодинской,
или Легодинской, в сакте. Сакты

XVII ВЕК

Древний план Новгорода, изображенный
на киоте иконы Знамения Божией Матери
конца XVII века.

ЖИТИЕ

преподобномученика

Евфросина (в миру Ефрема) Синозерского, Новгородского ^{1,2}

Память его празднуется месяца марта в 20-й день

† 1612

и

СРЕДЕНИЯ

о преподобном отце нашем

Гурii Шалочском ¹

Память его празднуется месяца ноября в 15-й день

† ок. 1603

Святой Евфросин, в миру Ефрем, был родом из Карельской области. Его отец Симеон и неизвестная по имени мать жили около Ладожского озера (Нево). Близость Валаамского монастыря оказала влияние на религиозное настроение Ефрема. Он оставляет родительский дом и живет некоторое время при монастыре. Здесь он приобрел знание богослужебного устава и сроднился с суровыми условиями иноческой жизни. Но иноком Ефрем пока не стал. Он переселяется в Новгород Великий и живет там довольно продолжительное время, а потом уходит в одну из Новгородских областей, в Бежецкую пятину. (Бежецкая пятина - земля на восток или юго-восток от Новгорода, получила свое название от села Бежичи нынешней Тверской губернии.) Он поселяется в селе Долосском, верстах в двадцати от города Устюжны Железопольской. (Устюжна - уездный город

Новгородской губ. В 386 верстах к востоку от Новгорода, на реке Мологе.) В этом селе, при храме святого великомученика Георгия, Ефрем долгое время служил чтецом. Он успел достигнуть зрелого возраста, когда благодать Божия коснулась его сердца и зажгла в нем непреодолимое желание принять иноческий подвиг. Приведя свой дом в полный порядок и распорядившись своим имуществом, Ефрем пошел в путь, не имея с собою ничего, кроме единственной бывшей на нем одежды. С тех пор его мысль не возвратилась к оставленному дому, устремляясь только к Богу, так что, «возложив рѹкѹ свою на рало» (Лк, 9. 62), он уже не оглядывался вспять. В твердом решении стать иноком Ефрем приходит в Тихвинский Успенский монастырь и умоляет настоятеля и братию удостоить его пострижения. Зрелый возраст просителя, его рассказ о юности, проведенной под кровом Валаамской обители, о продолжительных годах службы церкви Божией в должности чтеца снискали ему общее доверие, и его просьба вскоре же была исполнена. Ефрема облачают в иноческий образ и при пострижении дают ему имя Евфросина. Достигнув того, к чему так стремилась его душа, преподобный Евфросин с ревностью предается иноческим подвигам. Просвещая свой ум Словом Божиим, которое он с любовью и вниманием читал, утверждая сердце на камне веры, он покоряет плоть свою постом и воздержанием, смиренным послушанием игумену и братии, усердным трудом в заповеданных ему службах, работая не ради людей, но ради Бога, в чистоте совести и нелицемерной любви. Среди трудов и подвигов он всегда памятовал о кончине жизни и будущем воздаянии от Нелицеприятного Судии.

Прожив некоторое время в Тихвинской обители, преподобный почувствовал великое, неудержимое желание уйти в пустыню, в уединение, и там потрудиться Богу суровой постнической жизнью и безмолвием. Он идет к игумену, рассказывает ему о своем желании и испрашивает благословение на задуманное дело. Настоятель благословил его, дал ему наставление о пустынножизни и отпустил с миром из монастыря, сказав: «Иди, чадо, Бог с тобою!» Это было в 1600 г.

Лишенный какого бы то ни было имущества, но с сердцем, исполненным радости, отправился преподобный в свой путь. Его влекло в знакомые места, в вышеупомянутую Бежецкую пятину, где он и нашел себе пустыню, окруженную дебрями и лесами, среди зыбучих мхов и непроходимых болот. Реки и озера окружали ее, как оградой, и делали малодоступной для человека. Здесь, в диком бору близ реки Чагодищи (река Чагодища, или Чагода, – левый приток Мологи – протекает в Тихвинском и Устюженском уездах Новгородской губернии), у берегов Синичья озера, верстах в 15 от села Долосского и 50 верстах от Устюжны, преподобный выбрал место, удобное для уединения, достаточно обширное для основания обители, и остановился на нем. В горячей молитве он возблагодарил Бога, давшего ему новое жилище, как птице, которая обрела себе храмину, как горлице, отыскавшей себе гнездо. «Призри на место сие, - взывал преподобный к Господу, - и благослови его, и сподоби меня на этом месте работать Тебе во все дни жизни моей. Ибо на то я и пришел сюда, чтобы работать Тебе, да прославится о мне Трисвятое Имя Твое».

На выбранном месте святой Евфросин поставил крест, выкопал себе пещеру и начал вести суровую подвижническую жизнь, проводя время в молитвах, бдении, песнопениях, часто всю ночь не смыкая глаз за молитвой. Подвиги поста и воздержания были для него непрерывны. Целых два года он не видел человеческого лица, скрытый дебрями лесов от внимания окрестных жителей, и потому в оба года ни разу не вкушал хлеба. Его пищей служили лесные растения: ягоды, грибы. Часто приходилось питаться белым боровым мохом, который называется ягодником. Было у него и рукоделье: он плел рыболовные сети. Прожив год в пещере, святой Евфросин поставил малую келью и продолжал уединенную жизнь среди молитвы, подвигов, труда и лишений. Еще год скрывался он от взоров людских, но потом люди нашли его.

Прошло немного времени, и слава о его подвижнической и добродетельной жизни пронеслась по всем окрестным селам. Благочестивые люди стали приходить к нему

за назиданием, молитвой и советом. Другие же, ревнуя его добродетельной жизни, являлись к нему в пустыню учиться подвигам благочестия и селились рядом с ним. Мало-помалу вокруг преподобного собиралось духовное стадо, и уже в первый год его открытой жизни понадобилось более обширное помещение для совместных молитв братии. Было решено построить храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Святой Евфросин и его сподвижники сами принялись за работу, нарубили лесу и поставили храм, который и был освящен священноиноком Гурием, игуменом Шалоцкого монастыря, на третьем году жизни Евфросина в пустыни. (Шалоцкая Успенская пустынь, в 40 верстах к востоку от Устюжны, уездного города, делается известной с 1603 г., когда игуменом в ней был Гурий, вероятно, основатель пустыни. В 1764 г. она упразднена. На месте ее ныне погост Шалоч, или Глины.) Всего преподобный прожил здесь в подвигах одиннадцать лет, и Бог удостоил его дара прозорливости.¹

Преподобный Евфросин был роста среднего, с широкими плечами и мужественною грудью; русые волосы его украшены были сединами; борода продолговатая и раздвоенная на конце.²

В те годы Русская Земля переживала тяжкое Смутное время. По смерти Бориса Годунова в 1605 г. на Руси воцарился Самозванец, а после его скорой гибели и четырехлетний правления Василия Шуйского, государство осталось вовсе без царя - среди внутренних раздоров, неурядиц, междоусобиц, вызванных новыми самозванцами, и внешних опасностей от поляков и шведов. Поляки заняли Смоленск и самую Москву, шведы - Новгород. Шайки казаков и разбойников, отряды поляков и литовцев бродили по государству, грабя и убивая население. В начале 1612 г. в Нижнем Новгороде, по призыву Троице-Сергиева монастыря, уже собиралось земское ополчение, которое, под предводительством Козьмы Минина и князя Пожарского, должно было освободить Москву от поляков и дать мир и тишину исстрадавшемуся от смуты государству и Церкви Православной; но пока смута и злодеяния царили по всей Русской земле. В этой смуте

суждено было погибнуть смертью невинного страдальца и преподобному Евфросину.

Одна ватага ляхов, вероятно, принадлежавшая к отрядам Лисовского, с грабежом и разбоем проникла в округ Устюжны. Население, напуганное разбойниками, грабителями и насилиями иноплемеников, уже давно приучилось скрываться по лесам, среди болот и непроходимых топей. Обитель преподобного Евфросина казалась удобным и безопасным убежищем, будучи удалена от жилых мест и окружена реками, озерами и зыбучими мхами. Поэтому сюда собралось немало народа, не только простого, но и из знатных семейств, надеясь здесь скрыться от разбойничавших ляхов. Но обители суждено было потерпеть поругание от иноверных. Преподобный Евфросин прозрел надвигавшееся бедствие и предупредил о нем насельников обители и всех, искавших в ней защиты. В 19-й день марта 1612 г. преподобный открыл им, что приближаются вооруженные супостаты, и предложил позаботиться о своей безопасности. «Братья мои и чада, возлюбленные о Христе, - говорил святой, - кто хочет избыть напрасной смерти, уходите из обители Пресвятой Богородицы и спасетесь от великой беды. Ибо так угодно праведному суду Божию, что вскоре придут на это святое место злые супостаты». Многие не поверили ему. «Почему же ты не уходишь от святого места сего?» - спрашивали они. Старец отвечал: «Я пришел сюда умереть ради Христа». Однако не все сочли ответ искренним и продолжали думать про себя, что старец говорит так из недоброжелательства, желая себе одному спастись от меча врагов. Но кто послушался святого, те действительно спаслись; а кто не поверил ему, все погибли жестокой смертью от поляков.

Был среди насельников обители инок Иона. Устрашенный прозрением преподобного, которое он считал внушением Святого Духа, он хотел бежать вместе с прочими. Но святой Евфросин выделил его из среды других и удержал с собою, воспламенив в нем ревность к дому Божию и готовность пребыть здесь до смерти. «Брат Иона, - говорил преподобный, - зачем допускать в душу страх малодушия?

Когда настoit брань, тогда и нужно показать подвиг мужества. Если Бог за нас, кто против нас? «Кто ны разлучит от любви Божия, скорбь ли, теснота, или гонение, или глад, беда или меч; ни смерть, ни живот, ни ангели, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, и ни ина тварь кия» (Римл. 8. 35. 38-39) не могут сделать этого. Чего же испугался ты, брат? Нет ничего страшного в том, что угрожает. Смерть? Но она не страшна, так как мы отходим в пристанище. Ограбление? Но — наг изшел, нагим отыду (Иов. 1. 21). Заточение? Но — Господня есть земля и исполнение ея (Пс. 23.1). Бояться ли оболгания? Но егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради; радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех (Матф. 5.11-12). Я видел меч и небо в молниях, ждал смерти и думал о смертном, созерцал земные страдания и думал о вышних почестях и горнем венце, как конце подвигов, — и это было для меня достаточным утешением и умилением. Да будет же воля Божия! Но мы не устрашимся кратковременного страха, ради любви Христовой. На то мы и званы и обеты свои принесли Господу, чтобы умереть на месте сем ради имени Его святого. Иное дело — мирские люди; они не связаны словом, им нужно беречь себя и детей».

Так поучал старец инок Иону. Ободрился инок, возгорелся духом и, возложив надежду на Бога, решил не уходить из обители, но умереть здесь в пустыни со старцем Евфросином. Преподобный, поведав присутствовавшим о приближающемся бедствии, сам тотчас же облекся во всю иноческую одежду и схиму (он был уже схимником) и начал молиться Богу и Пречистой Богородице, да сподобят его удела праведных. Весь день и всю ночь без сна провел он в молитве, поя и славя Бога со слезами.

Все случилось по слову святого. На следующий день, 20 марта, явились неизвестно откуда кровожадные супостаты, окружили обитель и всех, кого нашли здесь, побили мечом. Но среди ужасов кровопролития и злодеяний страх остался неведом святому Евфросину. Укрепляемый молитвой, ограждаемый силою Святого Духа, он мужественно сам вышел

навстречу полякам. В иноческом одеянии и схиме прошел он из своей кельи к тому месту, где стоял водруженный им на земле честный крест, и встал у креста. Бросились к нему ляхи, окружили его, сказали: «Старец, отдай нам имение монастыря». Преподобный, не имевший не только золота и серебра, но и никаких ценных вещей, кроме самых необходимых и бедных, ответил: «Все имение этого монастыря и мое - в церкви Пречистой Богородицы», и он показал на храм, разумея то некрадмое богатство, которое для верующих скрыто в Боге. Но враги подумали, что он говорит о драгоценных вещах, и обрадованные бросились к храму. Однако один из них вынул меч и ударил преподобного Евфросина в шею. Шея была перерублена до половины, и святой старец пал на землю мертвым. Между тем ворвавшиеся в церковь поляки не нашли там ничего и были озлоблены. Лях, убийца преподобного, не довольствуясь тем, что старец был уже бездыханен, ударил его чеканом (кирка, топор) по голове и пробил ее до мозга.

Такова была страдальческая кончина святого Евфросина. Вместе с ним погиб и инок Иона, которого преподобный удержал от бегства.

Бог судил, чтобы остался в живых один из очевидцев кончины святого Евфросина. Жил в селе Долосском благочестивый крестьянин Иоанн, по прозвищу Сума, с сыном Емелианом. Оба они питали благоговение к обители Пречистой Богородицы и весьма почитали старца Евфросина. И старец любил их за благочестие. Вместе с другими Иоанн и его сын искали убежища от поляков в обители, и 20 марта, когда сюда ворвались супостаты, Иоанн находился в келье преподобного. (Емелиан случайно отсутствовал в монастыре.) Злодеи нанесли и ему удар мечом в правое плечо, и он упал запертво среди трупов. Когда поляки, обыскав храм и не найдя там ничего, вышли вон, один из них, осматривая трупы, предположил, что Иоанн еще жив, и нанес ему вторую рану. По уходе поляков, Иоанн пришел в себя и рассказал вернувшемуся сыну о том, что произошло. Оправившись от ран, Иоанн Сума прожил еще два года. По смерти он был

погребен рядом со святым Евфросином. От них и узнали окрестные жители о разгроме обители и страдальческой кончине святого старца.

Тело преподобного Евфросина было с честью предано земле в 28-й день марта. На погребение собралось все окрестное население, почитавшее добродетельную жизнь святого. В тот же день похоронили инока Иону и прочих, кто погиб от меча поляков.

Спустя 34 года по кончине преподобного, в обители был построен строителем Моисеем новый храм во имя Пресвятой Троицы и колокольня с переходами. В 1655 г. 25 марта на 44 году после кончины мощи святого Евфросина по благословению Макария, митрополита Новгородского, были перенесены строителем Ионой под колокольню и положены в восточном углу правой стороны.

В 1904 г. Новгородскому архиепископу Гурию был представлен журнал окружного съезда того же года, в котором просили разрешить духовенству служение молебнов и литургий в память преподобномученика Евфросина Синозерского, чтобы удовлетворить настойчивое желание почитателей преподобного, стекающихся к его гробу даже из других епархий. Тогда же просили ознаменовать это событие особым торжеством с крестными ходами из церквей. В 1911 г. окружной съезд духовенства возобновил свое ходатайство перед архиепископом Арсением, который и вошел с соответствующим представлением в Святейший Синод. С разрешения последнего на 29 июня в погосте «Синозерская пустынь» Новгородской губернии, Устюженского уезда, назначено восстановление церковного почитания преподобномученика Евфросина Синозерского.¹

Тропарь, глас 1

т юности вперив ѹм свой к Бѣгѹ,
блаженне Евфросине, и бѣгая сѹеты мѣра
сего, достиг в пѹстыню непроходимѹю, идеже
Бѣгѹ тя ѹкрепляющѹ, ангельское житіе стяжав,

поработал еси довольно Владыце твоему Христу
 в пощении и в молитвах и во всемогущих вѣдѣніяхъ
 и сподобился еси дара Духа Пресвятаго, еже
 прорицати будущая, наставляя на стезю
 покаяния притекающихъ къ тебѣ и послушающихъ
 тя. Темже Всеблагий Богъ, видя великую твою к
 Себѣ веру, нелицемерную любовь и несумѣнную
 надежду, дарова тебѣ, не точию еже веровати в
 Него, но и еже страдати по Немъ, егда от
 противныхъ сыновъ в тѣхже пустыни кровь твою
 нещадно излияся, и доселе, якоже Авелева,
 вопиетъ къ Богу, свидѣтельствующу о семъ
 нетлѣніемъ мощей твоихъ; на нѣже взирающе
 умилно вопиемъ: слава Христу Богу, Даровавшаго
 тебѣ благодати толику, Егоже и моли о насъ.

Кондакъ, глаголю 8

Пображая житію древнихъ отецъ, богомудре
 Евфросіне, возненавидѣвъ міра сего
 красотѣ, вселился еси в пустыню, и веру Христову
 якоже щитъ в сердце свое приѣмъ, изшелъ еси, добръ
 воинъ Царя Небеснаго не на брань противу плоти
 и крови, но на брань противу кознемъ невидимаго
 врага. Темже даровавшейся тебѣ Духа Святаго
 благодати, глубокимъ смиреніемъ твоимъ низложилъ
 еси вознесенію того гордыню, и приѣмъ еси отъ
 небеснаго Дародателя неувядаемый вѣнецъ
 победы. Сего ради сошедшеся любовію вопиемъ
 ти: радуйся, отче Евфросіне, пустынное
 украшеніе.

Иной Тропарь, глаголю 4

О юности твоея вперивъ умъ свой къ Богу,
 блаженне Евфросіне, отверженіемъ міра,
 вселился еси в непроходимую пустыню,

в ней же постнически, укреплением Божиим,
в молитвах и пощениях доблественно, якоже
достойно, пожил еси, и жизнь свою страдальчески
неповинно убиением от сопротивных сынов
скончал еси. Сего ради со преподобными и со
мученики венчался еси, с ними же предстоя
престолу Пресвятыя Троицы, моли, молим тя,
оставление подати согрешениям нашим
и даровати нам велию милость.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Хрусталеv М. Ю.

Преподобный Евфросии Синозерский
и основания им Синозерская' пустынь //
София⁵⁰. Новгород. 1999. № 1. С. 20-23.

Конец XVI века был беспокойным для окраинных рубежей России, в том числе и для православия в этом крае. Православные корелы насильственно обращались в лютеранство шведскими миссионерами. Направленные королем Швеции Густавом Вазою войска, взяв Кексгольм, захватили, разрушили и сожгли Рождество-Богородицкий Коневецкий и Спасо-Преображенский Валаамский монастыри, убив в последнем до восьмидесяти иноков. Уцелевшие от разгрома монахи, в том числе и послушник Ефрем, «переселися в Новгород». Слава Новгорода как крупного духовного центра, с его именитыми обителями и святынями, была общеизвестна. Там было от кого и чему научиться. В одном из монастырей, точнее, при Софийском Доме, Ефрем «пробыть немалое время», совершенствовался в книжной учености.

К числу многочисленных обителей земли Русской, затерявших среди болот и лесов, прославленных подвигами угодников Божиих, бесспорно может быть отнесена Троицкая Синозерская пустынь. Основателем ее был святой преподобномученик Евфросин, называемый старцем. Пустынь принадлежала к числу монастырей особого рода. К нему по праву можно отнести слова Лаврентьевской летописи: «Мнози бо монастыри от цесарь и от бояр и от

богатства поставлены, но не суть тащи, кацы суть поставлены слезами, пощением, молитвою, бдением».

Впервые слово «старец» по отношению к преподобному Евфросину появляется в его житии 1650 г., составленном постриженным Соловецкого монастыря иеромонахом Ионою, Филипповым сыном, «Суровицыным по прозванию». Упомянутое житие озаглавлено так: «Сказание о житии преподобного старца Евфросина...» В XVII веке под старцем понимался «муж, умудренный духовным опытом и просвещенный Духом Божиим, сияющий святостию и чистотою жизни». Всеми этими качествами преподобный обладал в полной мере.

Преподобный Евфросин не имел пресвитерского сана, оставаясь простым монахом в силу своего иноческого смирения. Во всяком случае, его житие об этом умалчивает. Иеромонах Иона свидетельствует о старческом окормлении преподобного следующими словами: «Вси приходящии к нему, аки от источника, почерпашу от него святое учение. Бе бо преподобный, велик разум имея, сведущ в Божественных догмаех, премногу обрете глубину Божественнаго писания, коему прилежа от младых ногтей...» Как великий старец, преподобный Евфросин был уважаем и почитаем всеми сословиями на Руси и считался чудотворцем еще при жизни. Об этом свидетельствует Большой Синодерский Синодик, употреблявшийся в обители.

Слава о Синодерском пустыннике как великом старце разнеслась далеко, и православная Русь его хорошо знала. Была срублена и освящена церковь на восточном берегу Синичьего озера, где и обосновалась Благовещенская (первоначальное название) Синодерская пустынь. Начальником новой обители стал преподобный Евфросин, а управлял ею эконом. Старец ежедневно уходил в старую Пустыньку, где проводил время в общении с Богом, сподобившись дара прозорливости. Именно в это время «процвела есть, яко крин, пустыня Синеезерская, егда преподобнии руце твои и притекших к тебе братии сотвористе в ней храм Божий...».

Иноки проводили время в трудах, отправлении богослужений, посте; голод и холод они переносили безропотно, поскольку у пустыни не было своей земли и недостаток хлеба был естествен.

В начале XVII века преподобный Евфросин принял схиму великого образа от рук преподобного Гурия Шалочского, как бы подводя итог жизни.

Наступало «смутное время», началась польско-литовская интервенция против Русского государства. Труды и подвиги преподобного стали еще суровее. Житие его повествует: «В лето по седми тысящах в сто тринадцатом году во царство Благодетельнаго Государя Царя и великого Князя Бориса Феодоровича, по прозванию Годунова, грех ради наших, прииде из полския земли лют плотоядный

зверь и кровопийца Гришка Отрепьев... и приведе с собой зло-
нравный той пес много неправовверных и проклятых ляхов...»

Житие преподобного старца не сообщает сведений о том, ког-
да и кем была восстановлена Синозерская пустынь. Во всяком слу-
чае, место, освященное кровью преподобного, забытым не оста-
лось. Позднейшая (XIX века) копия со списка грамоты царя Миха-
ила Федоровича, данной в Москве 22 февраля 1636 г. пустыни, гла-
сит: «От Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всяя Рус-
сии в Устюжну Железнопольскую воеводе Нашему Борису Ивано-
вичу Тютчеву. Били нам челом Новгородского уезда Бежецкия
пятины, Черенскаго погоста, Новгородския метрополии, Благове-
щения Пречистыя Богородицы, Синичья озеро пустынники чер-
ной поп Михаил да старец Иосиф... и в прошлом де 127-м (1619)
году в тое Синичью пустыню поселились они и во 138 (1630) году
по благословению Преосвященнаго Киприяна, Митрополита Ве-
ликого Новагорода, и по своему обещанию они в той пустыни на
прежнем церковном месте воздвигнули храм Благовещения Пре-
чистыя Богородицы и освятили...» Царской грамотой было дано
земли пустыни по реке Чагодоше вверх и вниз на две версты в
вотчину. С этого времени начинается строительство.

Церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, ностроен-
ная в 1630 г., освящена была в 1633 г. Численность братии быстро уве-
личивалась, поэтому над Благовещенской церковью при настоятеле
обители строителе Моисее был воздвигнут храм Живоначальной Трои-
цы, и после его надстройки церковь Благовещения вновь освящена
в 1645 г. Вновь построенный храм освятили в 1648 г., а в 1665 г. по не-
понятым причинам освятили вновь. С этого времени Синозерская
пустынь стала именоваться не Благовещенскою, а Троицкою.

В 1653 г. по благословению Макария, митрополита Новгород-
ского, мощи преподобного были перенесены с места своего перво-
начального захоронения и положены под колокольней, на правой
стороне, в восточном углу, под спудом. Над ними было установлено
деревянное надгробие с изображением преподобного в рост.

Второй по времени сооружения обители являлась колоколь-
ня, срубленная в 1653 году и соединявшаяся с Благовещенской
церковью деревянными переходами, сломанными в начале 50-х
годов XIX века. По описи значится: «При вышеупомянутой церкви
колокольня деревянная, крыта тесом, на ней глава обита деревянной
чешуёю, на той главе крест железный, в которой колоколов болших,
средних, малых восемь, а на оных колоколах по отписки весу не зна-
чится». Один из этих колоколов был вкладом царя Алексея Михайло-
вича в Синозерскую пустынь, о чем говорила чеканная надпись.

При строителе, иеромонахе Иоакиме, сооружена была «вторая цер-
ковь во имя святых верховных апостолов Петра и Павла деревянного

строения теплая с папертью: на оной церкви одна глава обита деревянной чешуею, на ней крест железной, которая церковь, и олтарь, и паперть крыты тесом». В 1847 г. по неизвестной причине она сгорела, а часть спасенных икон перенесена была в церковь Благовещения.

С благословения Корнилия, митрополита Новгородского, при строителе, иеромонахе Фаддее, в 1682 г. возведена «третья церковь во имя святого апостола Иоанна Богослова деревянного строения, холодная, с папертью, на той церкви две главы обиты деревянной чешуею, на них кресты железные, оная церковь, и олтарь, и паперть крыты тесом». В нижнем этаже ее помещался теплый придел во имя святого Николая Чудотворца. В 1852—53 гг. все здания пустыни были обшиты тесом.

Вместе с тем Синозерская пустынь была небогата. За ней числилось всего 20 душ крестьян, а на содержание ее шло 12 рублей из устюженских таможенных доходов, согласно указам царей Алексея Михайловича 1665 г. и Федора Алексеевича 1677 г. В цветущую для пустыни пору, а именно во второй половине XVII века, сюда поступало немало вкладов. Среди вкладчиков известны имена многих знатных людей того времени: князья Черкасские, Волконские, бояре Морозовы, Нарышкины, Пушкины, стольник Леонтьев, стольник Львов, местные дворяне Ушаковы, Булгаковы, Дашковы, Батюшковы, Благовещенский протопоп и царский духовник Меркурий Гаврилович. Все вклады записывались в особую вкладную книгу. Вообще, сам монастырь своим существованием был обязан этим добровольным жертвователям. Жертв было довольно много, среди них многочисленные книги, иконы, Евангелия в серебряных окладах, ризы и стихари бархатные, атласные, зипуны, шубы. Жертвовали и скот: лошадей, коров, овец — и разного рода хлеб. Сразу же после восстановления обители устюженский «посадский торговый человек Панкратий Афанасьев, сын Рыбник, дал вкладу большой колокол, весу в нем двадцать семь пудов с четвертью, а куплен тот колокол, говорится, в море (т.е. за границею) дорогою ценою, пуд до пяти рублей с полтиной». За свой прекрасный звук он назывался Лебедем и после упразднения монастыря был вывезен в Боровичский Свято-Духов монастырь.

В начале XVIII века счастливая нора для обители прошла. Она была сделана приписною к другим, более сильным экономически, монастырям. До 1753 г. Синозерский монастырь был приписан к Воскресенскому монастырю в городе Устюжне и в этом же году переписан к Успенскому Тихвинскому монастырю. В 1758 г. грамотой митрополита Новгородского и Великолуцкого Димитрия велено было Синозерскую пустынь вновь приписать к Воскресенскому Устюженскому монастырю, как наиболее близкому к ней. С введением

при императрице Екатерине II штатов, Синозерская пустынь была упразднена и обращена в приходскую церковь. Окончательное ее закрытие произошло в 1769 г., когда большая часть имущества ее была вывезена в Свято-Духов монастырь в город Боровичи.

Преподобный мученик Евфросин со времени перенесения его мощей под колокольню в 1653 г. почитался как местночтимый святой. Так как житие преподобного и составленный ему в 1650 г. тропари и кондак почти современны перенесению мощей, то, вероятно, с того же времени ему отправлялась и церковная служба как святому прославленному. Святость удостоверялась нетлением его мощей и совершенными чудесами. Известны 3 чуда при жизни преподобного и 27 после его кончины. Имелась в пустыни и икона преподобного XVII века — вклад царя Алексея Михайловича.

С 1904 г. начали служить в Синозерской Троицкой церкви молебны с пением тропаря и чтением молитвы преподобному Евфросину, так как в опубликованном Святейшим Синодом «Верном месяцеслове всех русских святых» преподобный Евфросин был помещен в их числе. Преподобный, очень почитавшийся еще при жизни как подвижник и прозорливец, а после убийства как угодник и чудотворец, во второй половине XVII века был церковью чествуем как местный святой. По благословению Святейшего Синода, 29 июня 1912 г. он был причислен официально к лику святых преподобномучеников и чудотворцев Новгородских и как святой угодник изображается на иконе Собора Новгородских Святых.

Церковь Иоанна Богослова сгорела в 1944 г. от удара молнии. В 1960 г. сгорела Троице-Благовещенская церковь и колокольня. Святые мощи с 1936 г., после их вскрытия, кощунственно служили «экспонатом» антирелигиозной выставки.

14 июня 1991 г. мощи переданы церкви и обрели свой покой в приделе священномученика Антипы, епископа Пергам Азийских Казанской церкви города Устюжны в раке, сооруженной еще в 1799 г. и возвращенной Устюженским краеведческим музеем.

Сказание

о митрополите

Аффонии (Афонии) Новгородском ⁵

*Память его празднуется месяца февраля в 10-й день,
месяца апреля в 6-й день и месяца октября в 4-й день*

† 1653

Блаженный Аффоний возведен был на Новгородскую святительскую кафедру вскоре после кончины (спустя два месяца) митрополита Киприана. Родом он был великоросс, но о времени и месте его рождения, равно и о

первых годах жизни, не сохранилось никаких сведений. По поступлении в монашество, Аффоний за свою блаженную жизнь удостоен был игуменского сана в Переславском Борисоглебском монастыре, откуда, по сказанию летописи, и взят на святительский престол в Новгород. «Лета 7143 (1635), - говорит летописец, - марта в 8-й день, на память преподобного отца нашего Феофилакта, в 4 неделю поста избранием и повелением благочестивого и христолюбивого великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Руси самодержца, и при его государевой благочестивой царице и

великой княгине Евдокии Лукиановне, и при их благородных чадах... поставлен бысть В. Новуграду и В. Лукам преосвященный Аффоний, митрополит, в царствующем граде Москве, во святей соборной и апостольской церкви Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея Успения, рукою великого господина, святейшего Иоасафа, патриарха Московскаго и всея Руси; а взят преосвященный митрополит Аффоний в митрополи-ты из пречестныя обители святых праведных страстотерпец князей Русских Бориса и Глеба из Переславля Залесскаго со игуменства; а в В. Новград приехал преосвященный Аффоний митрополит того же 7143 (1635) г., марта в 22-й день, в праздник Входа во Иерусалим, на память священномученика Василия Анкирския церкви».

Новгородскую паствою Аффоний управлял 14 лет. По жизни был строгий инок, смиренный и благочестивый. Имя его, как святителя богоугодного, поныне с глубоким благоговением воспоминается после имен Новгородских святителей, просиявших святостию жизни. Но существование его как митрополита мало было заметно в свое время и таким же остается в истории, так как о жизни и трудах его в памятниках письменности сохранились весьма скудные сведения и те, большей частью, отрывочные, о которых мы здесь и упомянем.

В 1639 г. митрополит Аффоний написал небольшое сочинение о духовной силе и благодати. Поводом к написанию сего сочинения послужило то обстоятельство, что вопрос о прилоге «и огнем» в известной молитве на Богоявление, хотя уже решен был собором в начале патриаршества Филарета, но еще не преставал волновать общество и в бытность Аффония на святительской кафедре. Поэтому он счел нужным «поспешением» самого патриарха Иоасафа написать небольшое сочинение «О духовной силе и благодати, невидимо подаваемой свыше действием Святаго Духа в крещении и в день пятидесятный». Здесь автор по преимуществу старался оправдать и защитить решение Московского собора и восточных патриархов об исключении из молитвы слова «и огнем».

В этом же 1689 г. митрополит Аффоний, заботясь об устройстве разоренных шведами монастырей, доносил царю Михаилу Феодоровичу, что «монастырь Николы чудотворца на Липне стоит пуст без пения, а каменное строение из давних лет валится розно, а построить того монастыря некому»; и вместе с тем просил, чтобы позволено было ему устроить монастырь и собрать настоятеля с братиею, а прежний оброк, платимый монастырем за рыбные ловли, сложить и употребить на свечи, ладан, вино церковное и просфоры. Согласно челобитью Аффония, от царя велено ему устроить и возобновить Липенский монастырь на безоброчное владение прежними монастырскими угодьями. На другой год после того, в 1641 г., было донесено царю от дьяка Арцыбашева, что «отдан был в В. Новгороде Липецкий Никольский монастырь в строение Новгородскому митрополиту Аффонию», и митрополит-де в том монастыре церковь покрыл и освятил, а службы нет». Вместе с этим дьяк в доносе просил, чтобы монастырь дан был ему в строенье, обещаясь вполне устроить оный. После смерти Арцыбашева, управлявшего монастырем 5 лет, в 1645 г. митрополит Аффоний доносил царю Алексею Михайловичу, что он, митрополит, во время заведывания Липенским монастырем «на строение его, на церковные кровли, и на паперти, и на крыльца израсходовал из Софийской казны 97 руб.; а во время пятилетнего владения Арцыбашева строения в том монастыре вновь не оказалось». Таким образом, Липенский монастырь с 1646 г. опять перешел к Софийскому дому в распоряжение митрополита Аффония.

В 1640 г. митрополит Аффоний предпринимал поновить чудотворную икону Знамения Божией Матери, что можно видеть из грамоты к нему царя Михаила Феодоровича, 9-го сентября 1641 г.

«От царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руси в нашу отчину в В. Новгород богомольцу нашему Аффонию, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому: в нынешнем 7149 г., сентября в 5 день писал еси к нам ты, богомолец наш: в нашей де отчине в В. Новгороде у чудотворнаго образа Пречистые Богородицы честнаго и славнаго

Ея знамения, на образе Ея, у Пречистыя Богородицы и у Предвечнаго Младенца на лицах и в ризах попортилося, и которые святые на той же чудотворной иконе приписаны, и те святые также попортились; а без нашего де указу того чудотворнаго образа починить не смеешь; а к Софейском Дому у тебя, богомольца нашего, есть приказной Леонтей Черной, что был преж сего у нас иконописец; и нам бы указати тот чудотворный образ Знамения Пречистые Богородицы починить ему Леонтию. И мы указали тот чудотворный образ Пречистые Богородицы Знамения, которые попорченные места, починить иконнику Леонтию Черному. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б, богомолец наш, чудотворный образ Пречистые Богородицы Знамения и святые, которые приписаны на той чудотворной иконе в лицах и в ризах, порченные места велел починити иконнику Леонтию Черному. А как тот чудотворный образ починит, и ты б о том отписал к нам в Москве, а отписку велел подати в Приказе Большаго Дворца Боярину нашему князю Алексею Михайловичу Львову да дьякам нашим Григорию Нечаеву да Максиму Чиркову. Писан на Москве лета 7149 г. сентября в 9 день».

Состоялось ли тогда это предприятие, неизвестно, потому что отписки Аффония к царю о поновлении иконы не найдено. Подлинная же грамота, хранившаяся в Новгородском консисторском архиве старых дел, имеет историческую важность: во-первых, потому, что до этой грамоты известно было по летописям об одном только поновлении иконы Знамения Божией Матери в 1527 г. Новгородским архиепископом Макарием; во-вторых, грамота показывает, что возобновление чудотворных икон в период патриаршества происходило у нас не иначе, как по указу государеву; и, в-третьих, из грамоты видно, что иконы чудотворные были возобновляемы иконописцами, известными самому государю, из числа которых при Новгородском Софийском доме в 1641 г. был московский дворцовый иконописец Леонтий Черный, упоминаемый в грамоте.

В 1641 г. по указу царя Михаила Феодоровича митрополит Аффоний с тремя настоятелями новгородских

монастырей и всем своим соборным духовенством свидетельствовал 30 августа мощи преподобного Александра Свирского. А в 1643 г. по указу того же государя перенес 5 декабря нетленные останки угодника Божия из Николаевской церкви Свирского монастыря в церковь Преображения Господня и здесь переложил в новую сребропозлащенную раку, которая устроена была самим государем и прислана из Москвы.

В 1642 г. Аффоний участвовал и первенствовал между иерархами при избрании патриарха на место умершего в 1640 г. 20 ноября Иоасафа. Считаю не лишним упомянуть здесь о необычайном тогда избрании нового патриарха. Когда по вызову государя прибыли в Москву Аффоний и прочие святители и когда они со множеством архимандритов, игуменов, протопопов и священников представились государю, он просил их прежде всего вознести усердные молитвы к Богу, да дарует Он Церкви своей нового верховного пастыря и учителя. А когда они удалились, велел приготовить шесть жребиев и написать на них имена, на каждом жребии по одному имени тех шести лиц, которых сам же предварительно избрал. Запечатал все эти жребии своею царскою печатью и отослал через боярина своего Алексея Михайловича Львова в соборную церковь к находившимся там святителям с тем, чтобы они помолились Богу и Пречистой Богородице, вынули пред Ее чудотворною иконою Владимирскою один из присланных жребиев, «кого Бог изволит и Пречистая Богородица изберет быти патриархом», и тот жребий прислали нераспечатанным к государю. Святители взяли сначала три жребия, положили их в драгоценную панагию, которую носили прежние патриархи, поставили панагию в киоте на пелене пред чудотворною иконою Владимирской Богоматери и начали молебствие. По окончании молебна старейший из архиереев, Новгородский митрополит Аффоний, велел Ростовскому митрополиту Варлааму вынуть один из трех находившихся в панагии жребиев и держать в руках, а два остальные отложить. Потом положили в ту же панагию другие три жребия из шести,

присланных царем, поставили ее пред тою же чудотворною иконою на пелене, вновь совершили молебствие, и из панагии вынут был еще один жребий митрополитом Сарским Серапионом, а два остальные отложены. Наконец, в ту же панагию положили два прежде вынуты^х из нее жребия и поставили ее пред чудотворною иконою Богоматери. По окончании третьего молебствия один из этих двух жребиев вынул архиепископ Суздальский Серапион и поднес митрополиту Аффонию и всему собору. Аффоний, не распечатывая жребия, отдал его князю Львову для доставления государю. Царь распечатал жребий пред всем своим царским синклитом и объявил, что «благволи Бог и Пречистая Богородица быти патриархом Иосифу, архимандриту Симонова монастыря», и тотчас же послал князя Львова в соборную церковь возвестить о том самому архимандриту Иосифу пред всем освященным собором. Такое необычайное избрание Иосифа на патриаршество совершилось 20 марта 1642 г. На следующий день под председательством Аффония происходило наречение, а 27 марта - и самое посвящение Иосифа в патриарха в присутствии царя.

В 1643 г. Аффоний возвел в сан игумена Белозерской Кожеозерской пустыни инока Никона, впоследствии знаменитого патриарха. Никон первоначально подвизался на Анзерском острове, где провел около четырех лет, а оттуда для уединенных подвигов переселился в Кожеозерскую пустынь. Здешняя братия, видя суровые иноческие подвиги Никона, избрала его себе настоятелем. Достойно замечания, что Аффоний, возводя Никона в сан игумена, тогда же пророчески предрек ему, что он будет преемником его на кафедре Новгородской.

В 1645 г. Новгородский владыка Аффоний присутствовал при венчании на царство шестнадцатилетнего юноши Алексея Михайловича. В этом же году юный царь подтвердил митрополиту Аффонию право самому ему «ведать и судить своих архиерейских людей и дьяков, и детей боярских, и крестьян, и всяких домовых служебников во всяких исцовых исках». Это право, при тогдашнем ограничении духовной власти, составляло особенную царскую милость, которою

пользовались очень немногие святители. В 1648 г. пожалованы были Аффонию от царя два дворцовых села.

В генваре 7-го дня 1649 г. (лета 7157) Аффоний, по повелению царя Алексея Михайловича, был вызван в Москву. В бытность свою здесь он «бил челом великому государю царю, чтоб государь пожаловал отпустил его в келию, занеже ему святителю сущу в древней старости». Просьба была уважена: царь пожаловал, отпустил его с Москвы и в келью. По прибытии в В. Новгород митрополит Аффоний «февраля в 21-й день удалился на покой в обитель Всемилюстиваго Спаса великаго чудотворца Варлаама. И бысть в В. Новеграде во святительстве 14 лет без дву недель, а в обители Всемилюстиваго Спаса и чудотворца Варлаама, как сведен с митрополии, был три лета без полутора месяца, ту и преставися 6-го апреля в лето 7160 (1652)».

Келейные молитвенные подвиги святителя Аффония остаются неизвестными миру, но о них лучше всего свидетельствует дар прозорливости, который дан был ему от Бога при жизни. Так, когда он возводил Никона в сан игумена Кожеозерской пустыни, то тогда же, за несколько еще лет, предсказал ему, что тот будет преемником его на Новгородской святительской кафедре. А потом он же предсказал Никону и возведение его на патриарший престол всея России. Сохранилось сказание, что когда Никон, прибыв в Новгород, в сане святителя поехал в Хутынский монастырь к проживавшему там на покое своему предместнику, митрополиту Аффонию, мужу святой жизни, но по старости и беспамятству добровольно оставившему свою кафедру, и начал просить у него себе благословения, то Аффоний отвечал: «Ты меня благослови». После долгого препирательства между ними об этом сказал, наконец: «Благослови меня, патриарше...» Никон заметил: «Нет, отче святой, я грешный митрополит, а не патриарх...» - «Будешь патриархом, и благослови меня», - пояснил свою мысль Аффоний, и, действительно, первый принял благословение от Никона, а затем благословил и его. Предсказание это вскоре же исполнилось.

Но особенно открылась богоугодная жизнь святителя Аффония сряду после его кончины. В то время, когда

скончался старец Аффоний, митрополита Никона не было в Новгороде; он находился в Соловецком монастыре, куда был послан царем для перенесения в Москву святых мощей митрополита Филиппа. Тело усопшего святителя Аффония было поставлено в Хутынской монастырской церкви под колокольнею и оставалось непогребенным 11 недель - с 6 апреля по июль месяц, пока не прибыл отдать последний долг почившему псковский архиепископ Макарий. В продолжение всего этого времени в Новгороде и его окрестностях стояла страшная засуха. Но, несмотря на сильные жары, иссушившие все ручьи и даже реки, тело усопшего святителя не подверглось тлению. Когда же почивший был перенесен из Хутыня и поставлен в Софийском соборе, то в ночи пролился такой обильный дождь, что реки и ручьи наполнились водою и засохшие поля оживились. «Бысть Аффоний митрополит, - говорит летописец, - не погребен 11-ть недель, для того что, по государеву указу, докамест не приехал псковский архиепископ Макарий, а Никона митрополита в то время в Новгороде не было, для того что, по государеву указу, ездил в Соловки по Филиппа митрополита. Бяше же того лета в Новеграде и во окрестных странах засуха велика; и егда святителя Аффония митрополита привезоша в В. Новград, и поставиша его в соборной церкви Софии Премудрости Божии, и абие тоя нощи бысть дождь велик, яко наполнитися рекам и ручьям, православнии же людие возрадовашася велми и хвалу Богу воздаша. Погребен бысть Аффоний митрополит у Святей Софеи Премудрости Божии в Мартириевской паперти», где и почивают его мощи под спудом.

Имя Аффония поныне читается в Новгороде и нередко над могилою его совершаются панихиды. Память его празднуется 10 февраля; вместе с другими новгородскими святителями, почивающими в Софийском соборе.

Тропарь и Кондак общиѣ. Г.м. стр. 33

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего

Мартирія (в миру Мины)

Зеленецкого, Великолукского ¹

Память его празднуется месяца марта в 1-й день
и месяца ноября в 11-й день

† 1603

реподобный Мартирий, по мирскому имени Мина, происходил из города Великие Луки. Родители его, благочестивые и зажиточные Козма и Стефанида, скончались, когда отроку было менее десяти лет и он учился псалтири. Произошло это в первой половине XVI в.

С самого детства Мина был называем особенною благодатиею Божиею. Под руководством своего духовного отца, священника городского Благовещенского храма Бориса, он, чем более возрастал телом, тем более прилеплялся душою к Богу, питаясь наставлениями достойного пастыря. По принятии же Борисом иноческого образа с именем Боголепа в обители святых Козмы и Дамиана, откуда он был вскоре назначен строителем Великолукского монастыря во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца, Мина не захотел более оставаться в миру. Раздав нищим имение свое, поспешил он к чтимому учителю и был пострижен им в иночество с именем Мартирия.

Не сокрыта была Богом от прозорливого Боголепа будущая духовная высота Мартирия, не сокрыл и он этого дара от избранника, пророчески предсказав своему ученику о будущем основании им обители в обширной пустыни, о населении ее иноками и о том, что сам он удостоится блаженства древних преподобных. Семь лет руководитель и руководимый неослабно трудились Господу в одной келье, соревнуя друг другу в подвигах труда и молитвы. Один раз в день, в девятом часу, вкушали они хлеб и воду и мало приготовленных овощей. По совершении общих церковных служб и пения вечернего, читали повечерие, четыре утренних канона, прилагая к ним еще два по избранию, тысячу Иисусовых молитв, двести - Пресвятой Богородице и шестьсот земных поклонов. После того они творили молитвы на сон грядущим, но ко сну не скоро отходили и большую часть ночи проводили без сна, в ручных трудах, перетирая жерновами зерно в муку. Переноса труды послушничества, Мартирий поставляется келарем монастыря, ему вручаются службы казначейства и пономарства. Здесь было первое явление преподобному Мартирию иконы Богоматери. В полдень вошел он на колокольню и заснул. Во сне видит огненный столп, а около него образ Богородицы, именуемый Одигитрия, приложился к образу, а он был горяч от столпа огненного. Проснулся Мартирий в ужасе, осязал чело свое, и оно оказалось также горячим.

В то время пришел боярский сын Афанасий. Тронутый до глубины души примером добродетельной жизни инок, Афанасий вскоре поселился в их обители и сам принял монашеский образ с именем Аврамия. Боголеп поручил его руководству Мартирия. Случилось, что Авраамий впал в тяжкий недуг, грозивший ему смертью. Но после данного им обета - по совету Мартирия сходить в Тихвин помолиться Пречистой Деве перед чудотворною ее иконою, болящий инок получил исцеление. В чувстве глубокой благодарности к Пресвятой Деве Авраамий решил посвятить себя служению в честной Ее обители. Оставив монастырь преподобного Сергия, Авраамий пошел в монастырь Тихвинский, где архиепископом

Новгородским Пименом, в то время полагавшим начало той обители и распределявшим братию по службам, был поставлен ключехранителем церковным, чтобы всегда быть первым и последним при чудотворной иконе Царицы Небесной за проявленную на нем неизреченную милость Ее. Это произошло в 1560 г. в царствование царя Ивана Васильевича Грозного.

Преподобный Мартирий, ожидая возвращения Авраамия и раздумывая о нем и о святом месте его пребывания, увидел однажды во сне, будто бы над Тихвином высится огненный столп, а на самой вершине его блещет явленная икона, к которой он устремлялся, чтобы приложиться. Видение это возбудило в душе Мартирия пламенное желание посетить самому обитель Тихвинскую и пред иконою Царицы Небесной молить, чтобы Владычица указала, не шумен ли, не мятежен ли путь его настоящей жизни в избранном монастыре, и куда укрыться ему для совершенного безмолвия.

Он начал готовиться к исполнению этого намерения и тайно склонил одного боголюбца разделить с ним подвиг будущего жития в пустыне. Его останавливала лишь мысль, не противно ли будет воле Божией исполнение такого желания. С горячими молитвенными слезами просил он указания свыше, и вот явился в келье блаженный Михаил, объявляя, что он должен идти в пустыню один. Веруя, что повеление это давалось ему от Бога, преподобный тайно вышел из монастыря и за 60 верст от него, углубясь в едва проникаемую дебрь, ископал себе малую пещерку близ скудного источника воды, и в новом месте посвятил себя молитве. Сам преподобный так пишет о своем отшествии в пустыню в своих записках: «Пришел мне помысл отойти в пустынножительство, и я совещался с их поваром бельцом идти в пустыню, куда наставит Бог. Неожиданно пришел в мою келью юродивый, именем Михаил, и сказал мне: «Мартирий, иди один». Потом пошел к повару и ему сказал то же: «Иди один». Я же снова совещался с тем поваром идти в пустыню в праздник архистратига Михаила. В монастыре шло освящение храма во имя архистратига Божия. Только начался чин

освящения, мы тайно вышли из монастыря и отошли на 60 верст от Великих Лук. В ту ночь выпало снега по колено. Мы нашли глубокую пустыню, решили поставить в ней хижину, но не могли этого сделать, потому что мох был засыпан снегом и мшить хижину было нечем. Подле одного потока в глиняной почве берега выкопали мы хижину, покрыли ее еловыми прутьями и в ней поселились. За необходимым орудием я послал своего сподвижника в соседнее село, но он ушел и не вернулся. Однако, уходя, сказал одному крестьянину, что в таком-то месте живет один старец. Этот крестьянин приходил время от времени и навещал меня. Я жил в пустыне и питался рукоделием: плел лапти из лык и с тем крестьянином отсылал по селам к крестьянам. Они присылали за лапти все потребное. Я, грешный, принимал приносимое с благодарением, моля за них Бога».

Дикая безлюдная пустыня полна была всяких страхований, и преподобный Мартирий картинно описывает это в своих записках: «В той пустыне принял я великие страхования от бесов. Приходили они ко мне и страшили около наружных дверей хижины моей, говоря между собою: «Спит он». Один бес вошел в хижину и, подойдя, намеревался коснуться меня и даже удавить. Бесы, стоявшие за дверьми, побуждали его напасть на меня, но я молился, и бесы были посрамлены».

В один праздничный день пустынный чувствовал себя нездоровым, с трудом отпел он дневные службы, через силу приготовил обед и поставил на стол, но ни к чему не прикоснулся, вкусил только сухариков и воды. После того он отписал своему отцу духовному, прося его благословения на пустынный подвиг. Но благословения на это не было дано. Духовный отец писал: «Иди жить в общежительном монастыре». Преподобный Мартирий, не дерзая преслушаться опытного учителя, но, вместе размышляя о необходимости исполнить ранее данный обет, направился к Смоленску для поклонения чудотворной иконе Божией Матери, преподобным Авраамью и Ефрему, которых со слезами молил наставить его, что делать, как уготовать себе мир по Бозе. Преподобные Авраамий и Ефрем, представ Мартирию в сонном

видении, успокоили его возвещением, что ему назначено жить в пустыне: «Где Бог благословит и Пресвятая Богородица наставит».

Тогда, вспомнив бывшее ему прежде явление светозарного столпа и иконы над Тихвином, преподобный Мартирий уразумел значение этого указания и направился к этой обители, уверенный несомненно, что там Господь разрешит окончательно всякое его недоумение.

Найдя в Тихвинском монастыре ученика своего Авраамия, Мартирий поместился в одной с ним келье и со смирением и покорностью истинного подвижника начал проходить тяжкие в общительстве послушания, неотступно памятуя Господа, пришедшего в мир, «да не послужат Ему, но да послужит другим».

О своем приходе в Тихвинский монастырь и пребывании там преподобный Мартирий повествует так: «Когда я пришел из Лук Великих на Тихвину к Пречистой Богородице, был там ученик мой Авраамий пономарем, пришедший ранее меня. Я начал жить с ним в одной кельи. Рассказал я Авраамию о пустынном жительстве и прибавил: «Брат Авраамий, я хотел только приучить себя к пустынножительству, чтобы идти в Поморье и быть вдали от людей, неизвестным ими». Авраамий не одобрил этого. «Не ходи, отче, ни в Поморье, ни куда еще, но иди в пустыню и в то место, о которых я скажу тебе. Шел я раз из церкви с книгою по монастырю темной ночью, направляясь к трапезе, посмотрел на небо в ту сторону, где та пустыня, и увидел на небе крест сияющий, как луч, усажен весь звездами над тем самым пустынным местом. Место это я знаю, оно непроходимо, стоит во мху. Иди на него и не ищи другого. Живи там, пока Бог повелит тебе. Будет с тобою Бог в том месте и Божие милосердие».

Вот что рассказал мне про святое место Авраамий, ученик мой. Потом я поселился в эту пустыню, называемую Зеленой».

Какие же побуждения были у преподобного Мартирия идти в уединение из людного Тихвинского монастыря? Подвижническая жизнь двух братий о Христе не могла не привлечь к ним всеобщего уважения. Известность о них распространялась более и более, в то время как многолюдство

богомольцев в знаменитой чудотворною иконою обители постоянно усиливалось. Мог ли терпеть это искавший полнейшей безвестности Мартирий? Неотложно он вознамерился уклониться в какую-либо глухую пустыню. Рассказ Аврамия решил для преподобного, куда ему идти. С этой минуты сердце Мартирия только и жаждало посетить пустыню, указанную Богом Аврамию. С неустрашимым рвением стал он молиться Царице Небесной, да управит его путь, и решился просить благословения на свой подвиг от настоятеля. Оно было дано, и Мартирий, изготовив две малые одинаковой меры иконы, одну - Живоначальной Троицы, другую - Пресвятой Богородицы Тихвинской, списанную с иконы чудотворной, отправился по данному указанию.

На пути к пустыни, около пяти верст не доходя до нее, находилось селение Бабурино. Здесь Мартирий сведал от одного из поселян, по имени Иосифа, о месте, к которому направлялся, и просил его провести туда. Едва заметною тропкою, миновав обширные, опасные и топкие мхи, Мартирий с проводником достиг пустыни, возвышавшейся красивым зеленым островом среди лесистой топи. За этою труднопроницаемою оградой, как бы нарочно укрытой для иноческого безмолвия, Мартирий убедился, что воистину сам Бог привел его сюда, и не напрасно со слезами благодарности повторял слова Пророка: «*Се удалихся бѣгая и водворихся в пустыни, чѣяхъ Бѣга спасающаго мя*» (Пс. 54. 7-8). Преподобный здесь и остался. Крестьянин Иосиф, указав место, где должны были начаться иноческие подвиги Мартирия, думал уже удалиться, но преподобный, отпуская его, объявил по внушению Духа, открывающего безвестная и тайная, что его ожидают испытания, что в его отсутствие дочь его утонула в колодце при черпании воды и, кроме того, погиб вол, приподнятый, как вилами, сучьями высокого дерева. Таким образом, при самом вступлении в пустыню, которую Мартирий призывался освятить своею жизнью и нетлением в ней, ему дарована была благодать прозорливости, о которой, конечно, не мог уже не разглашать при всяком случае крестьянин Иосиф. Сам Иосиф время от времени приносил Мартирию пищу.

Раз Иосиф, будучи болен, решил дать на помин по себе ржи преподобному Мартирию. Но выздоровел и забыл о своем решении. Тогда во сне он увидел огненный столп над Зеленецкой пустыней, из него простертую руку, рассыпающую на землю огненные искры. Видение устрало Иосифа, он пришел к преподобному с раскаянием и привез рожь. Но пустынный не имел жернова, не был в состоянии превратить ее в муку, затем в хлеб и попросил Иосифа продолжить свою милость — смолоть рожь и печь из муки хлебы, что тот и исполнил.

Жестоко, многоболезненно было житие Мартирия в этой дикой и угрюмой пустыни. Однако ни дикость места и суровость холодных здесь испарений, ни лишения в самонужнейшем, ни дикие звери этой местности, ни козни врага не могли поколебать доблестного воина Христова, в котором не было ни робости, ни уныния. Ископав себе сперва малую ямину, а вскоре поставив и часовенку в прославление и благодарение Господа и Пресвятой Богородицы, Мартирий непрерывным славословием стал оглашать и освящать пустыню, которая безжизненностью своею доселе пугала темный народ. Здесь он удостоился снова видеть во сне образ Богоматери. Ему представилось море, а на нем плавает икона Богоматери, подобная явившейся ему. Посмотрел он на правую сторону и увидел близ иконы архангела со скипетром, как пишется Гавриил на иконе Благовещенья. Архангел приглашает подвижника приложиться к образу, и он после колебаний вступил в воду. Образ стал тотчас погружаться в море, и на поверхности осталась только ножка Спасителя. Преподобный взял ножку обеими руками и начал плакать со слезами: «Милостивый Светодавец, если и придется потонуть, пусть это будет вместе с Тобою». И тотчас как бы некая буря перенесла образ через море, поставила подвижника на берегу, и образ скрылся.

Пустыня просветлела святою жизнью отшельника, и уже безбоязненно все более и более начали приходить в нее люди не только чтобы назидаться словом и примером преподобного, но многие и для водворения вместе с Мартирием и для восприятия отшельнического жительства. Умножившееся

братство учеников преподобного побудило его приступить к построению первой для служения малой церкви во имя Живонаначальной Троицы. В убогую церковь, украшенную иконами из часовни, были перенесены на время и две иконы Пресвятой Богородицы: Тихвинская, принесенная самим Мартирием, и другая - Живонаначальной Троицы, принесенная учеником его Гурием. Инок этот, по выходе из храма, увидел на небе крест, сиявший над крестом церковным, во свидетельство благодати Божией к месту сему и храму.

Скоро стало весьма многим известно население пустыни иноками, так что именитые люди новгородские и бояре начали посылать приношения сюда на храм и на братию. В числе их известный своею ревностью к церкви Христовой богатый новгородец Федор Сырков, построивший несколько храмов своею казною, даровал обильные средства для сооружения в Зеленой пустыни каменной теплой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Этот благодетель Зеленецкой пустыни, называемый то царевым мужем, то новгородским посадником, подпал вместе с другими новгородскими жителями под опалу царя Грозного в последнее пришествие его в Новгород в 1570 г. и был замучен.

Господь благословлял пустынно-подвижнические труды преподобного, и благодать Божия видимо воссияла на нем самом. По его словам, однажды в тонком сне ему явилась Божия Матерь. «И видел я во сне, - повествует преподобный Мартирий, - Богородицу в девичьем образе, благолепную видом. Такой девицы благообразной я не встречал среди людей: умилена лицом, красива видом, длинные зеницы и черные брови, нос средний, опущенный. На голове ее был венец золотой, разными цветами. Невозможно понять умом, ни высказать языком, как сиял он подобно солнцу. И вот Она в келье моей, на лавке, в большом углу, где стоят иконы. Я же будто бы вышел из чулана, где спал, стал пред Нею и смотрел на Нее, не сводя очей своих с Ее красоты. И Она, Царица и Богородица, смотрела на меня. Я глядел, не отрываясь, на Ее святой лик, на очи, исполненные слез, готовых капнуть на Пречистое лице Ее. И тотчас была невидима. Встал я ото сна

и был в ужасе. Выходя из чулана, зажег свечу от лампы, чтобы посмотреть, не сидит ли Пречистая Дева на месте, где я видел Ее во сне. Вошел на средину кельи и не увидал на том месте. Подошел я к образу Одигитрии, стоящему в келье моей, и убедился, что воистину явилась мне Богородица в том образе, как изображена она на иконе моей».

Вскоре после этого преподобный Мартирий, не имея возможности противиться настояниям многих учеников своих и опасаясь оставить их без пастыря духовного, должен был идти в Новгород, дабы принять от архиепископа сан священства и игуменства. Достоверно неизвестно, который из архиепископов Новгородских: Александр или Леонид, управлявшие епархией в семидесятых годах XVI века, - удостоили священства и игуменства преподобного Мартирия. Но по писцовым книгам Обонежской пятины видно, что преподобный Мартирий в 1582 г. был уже игуменом и имел 12 человек братии в Зеленецкой обители.

После Сыркова Господь не замедлил даровать Зеленой пустыни нового, еще более богатого благотворителя. Преподобному надлежало быть в Москве. На пути старец остановился в Твери, где по царскому повелению проживал тогда бывший Касимовский царь Симеон Бекбулатович, любимый сын которого в то время находился при смерти от болезни, так как все врачебные средства оставались бесполезными. Когда печальному отцу возвестили о прибытии преподобного, которому уже сопутствовала слава о чудном житии его и о благодатных дарах Святого Духа, на нем напечатленных, последовал призыв старца к новообращенному христианину-царю. Но в ту самую минуту, когда царь Симеон с честью встретил подвижника, ему возвестили, что сын его умирает. Видя печаль отца, преподобный сказал ему: «Не скорби, царь, но все упование возложи на всещедрого и всесильного Бога, во святой Троице присно славимого, и на его Пресвятую Матерь, Пречистую Богородицу. Она, всемогущая Его Матерь, нас недостойных благоволит услышать, если молимся с верою». Сотворив молитву пред бывшими с ним иконами Живоначальной Троицы и Пресвятой Богородицы,

преподобный начал молебное пение с освящением воды, положив иконы на перси отрока, и тот, будто пробуждаясь от сна, стал с одра здоровый. С этой минуты Зеленецкая обитель обрела в царе Симеоне самого ревностного и щедрого почитателя. Не мог преподобный отречься от дара благодетельности и принял некоторую часть из тех значительных сумм, какие царь Симеон понуждал его принять на полное обстроение монастыря. Преподобный представлял при этом преклонность своих лет и невозможность ему начинать обширные сооружения. Тем не менее пожертвования царя были приняты, и вскоре построены и украшены были церковь Богородицы, честные иконы Тихвинския, и церковь святого Иоанна Златоустого, во имя ангела царевича Иоанна. Вместе с тем же казною Симеона устраивались и улучшались и другие части обители.

Из Твери преподобный Мартирий продолжал свой путь в Москву, чтобы испросить царское утверждение основанному им монастырю. Благочестивый царь Феодор Иоаннович, сын Грозного, вступивши на русский царский престол в 1584 г., сочувственно отнесся к просьбе преподобного Мартирия. Последовала жалованная грамота в 7103 (1595) г., из которой видно, что братии Зеленецкого монастыря «повелено дати, по государеве грамоте, к монастырю три выти земли, и им дано две выти, а за третью выть дано им для их бедности и для монастырского строенья, на ладан и на вино церковное, на службы, на Ладожском озере ко Птинову носу Дубенский проход и Рябковский станок весь с пожнями и с рыбными ловлями и со всеми угодии»... Такое царское пожалование, по которому монастырь получил в двух вытях 28 четей земли и богатые рыбные ловли, было весьма значительным приобретением для монастыря.

Преподобный Мартирий достиг между тем глубокой старости и, приготавливаясь к смерти, ископал себе глубокий ров, поставил там своими руками устроенный гроб и проводил возле того гроба много часов в молитве, слезах и размышлениях. Это делал он и для себя, и было тут назидание спасающимся. Наконец, уразумев час радостного отшествия

своего от временной жизни в вечную, созвал он братию на последнее прощание и умолял возлюбленных о Господе чад своих иметь непоколебимую надежду на Пресвятую Живоначальную Троицу и всецело возложить упование на Матерь Божию, как и он, недостойный, верно уповал на Нее, завещал им пребывать неотступно в обители, быть в трудах благодушными и неленостными и в молитвах усердными. Особенно увещевал быть благими, щедрыми, милостивыми, приветливыми ко всем проходящим в обитель, вспоминая слова Спасителя: «бѹдите милосерды, якоже и отецъ вашъ милосердъ есть» (Лк. 6. 36). Увещевал преподобный братию не оставлять свой монастырь, помня, что можно везде спастись, живя с верою. Не советовал подвижник братии хлопотать об обогащении обители земельными вкладами, разрешая принимать от государя лишь милостыню на поминование. Итак, поучив их пути спасения, преподобный объявил, что, отходя телом, духом пребудет всегда с ними. Так же просил он, чтобы избрали иного из среды себя пастыря, а не наемника, и заверил, что «если милость Господня на нем обрящется, то об отходящих от жизни в обители сей он имеет желанно и любезно молить Владыку, да спасет и успокоит души их. Для живущих же все потребное, благое и спасительное в болотной и уединенной обители сей да умножится дивно, как в самой честной и славной». (В записках преподобного наставление имеет вид духовной памяти, хотя озаглавлено «Наказание к братии игумена Мартирия».)

Велика была печаль стада Христова, глубоки были рыдания сердечные, теплы молитвы и искренни изъявления преданности и благодарности доброму пастырю, который обитель свою, возросшую из малой хижины до благоустроенного монастыря с большими и благолепными храмами, оставлял в наследие инокам достаточно уже обеспеченною в ее ежедневных нуждах. «Благословен Господь Бог Израилев, - произнес Мартирий, - яко посети и сотвори избавление людям своим». Потом, приобщась Животворящих Христовых Таин, в духовном веселии произнес еще несколько слов во спасение, дал братии последнее благословение и изрек: «Мир всем православным», - и почил о Господе светлою кончиною праведника 1603 г., марта в 1-й день.

Трудолюбное тело преподобного погребено близ церкви Богоматери, построенной на пожертвование царя Симеона, в могиле, ископанной собственными его руками. В настоящее время мощи преподобного Мартирия покоятся под спудом, в подвальном этаже церкви святого Иоанна Богослова.

Рядом с преподобным Мартирием почивает преосвященный Корнилий, бывший инок монастыря, потом митрополит Казанский и, наконец, Новгородский, много заботившийся об украшении Зеленецкой обители, предполагаемый автор древнего жития преподобного Мартирия. Скончался Корнилий в 1698 г.

ТРОΠΆРЬ, ГЛАВ 2

О юности, богоблаженне, Христа возлюбив, отечество оставил еси и, всех мирских мятежей уклонився, в тихое пристанище пречестных обителей Богоматерни достиг еси: отонудуже увидив непроходную пустыню, крестовидною зарею показанную желательне ю обрел еси и, в ней вселився, иночествующих собрал еси, и сих ученики своими, яко лествицею восходною на небо, трудолюбно тщался еси возводить к Богу. Ему же молися, богомудре Мартирие, даровати душам нашим велию милость.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Берташ А.

Свято-Троицкий Зеленецкий мужской монастырь // ⁴²

С. 289-293

Монастырь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы «в Зеленцах» находится, не доезжая 44 километров из Санкт-Петербурга до Тихвина, среди болот. Многочисленные пути к нему, про-

ложенные трудами монастырской братии, в советское время сделались непроезжими, и ныне сообщение с обителью осуществляется по железной дороге. Сейчас в Санкт-Петербургской епархии едва ли найдешь место более глухое и уединенное.

Основатель монастыря Мартирий «последние месяцы жизни провел в совершенном безмолвии, сидя подле ископанной своими руками могилы». Он преставился 1 марта 1603 г. Сохранилось повествование преподобного Мартирия о жизни Зеленецкой братии и чудесах, сопровождавших значимые события.

В 1612 г. монастырь razорен отрядами Я. Делагарди. В 1620 г. он именуется «убогой новой пустынью Зеленой». Благовещенскую церковь сожгли «немецкие люди», каменный Одигитриевский храм стоял «без пения». Восстановлен был Зеленец на пожертвования царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. Максимального расцвета обитель достигла при игуменстве, а затем архиерействе местного постриженника святителя Корнилия, с 1674 – митрополита Новгородского. С 1695 г. до своей кончины в 1698 г. он жил в Зеленецком монастыре на покое. При нем было возведено большинство сохранившихся донине монастырских строений. Святитель Корнилий составил службу и житие преподобного Мартирия.

Монастырю принадлежали 5 сел, 8 деревень с 600 крестьянами, около 300 тысяч десятин земли (пустоши, болота, лес), рыбные ловли, подворья в Новгороде на Феодоровском ручье, и в Кожевниках, и в Тихвине. К нему были приписаны Староладожские Ивановский и Васильевский, Гостинопольский и Новгородский Спасо-Нередицкий монастыри.

Зимой 1747 г. монастырь посетила императрица Елизавета Петровна. Пожертвования ее пришлось израсходовать на ликвидацию пожара, случившегося 24 июня того же года.

После 1764 г. монастырь был оставлен за штатом и пришел в запустение, в 1771 г. по инициативе митрополита Гавриила (Петрова) приписан из Новгородской в Санкт-Петербургскую епархию и возведен в III-й класс, а также определен как место пребывания умалишенных и ссылки для церковного покаяния. На следующий год его razорила шайка разбойников.

В 1857 г. была устроена художественная серебряная рака над почивающими под спудом в соборной церкви мощами преподобного Мартирия, в 1912 г. – мраморная гробница над захоронением местного почитавшегося святителя Корнилия, погребенного подле него.

К настоящему времени сохранилось большинство монастырских строений, составляющих уникальный по своей целостности и стилистическому единству архитектурный ансамбль 80-х годов XVII века, возведенных святителем Корнилием. В их числе величественный пятиглавый Свято-Троицкий собор (1684 г.) с храмом

в высоком подцерковном этаже во имя Святого Апостола Иоанна Богослова и колокольной (1686 г.), Благовещенская трапезная церковь (возможно, перестроена на основании храма времен преподобного Мартирия), три келейных корпуса, ограда, хозяйственные постройки. В 1811-1834 гг. сооружены угловые башни ограды и настоятельский корпус над святыми вратами на месте разобранной в 1773 г. Иоанно-Богословской церкви (он хуже всего сохранился). На соборе устроена четырехскатная кровля вместо позакмарного покрытия, колокольня получила завершение шпилем. В 1901-1902 гг. была возобновлена Иоанно-Богословская церковь, расписан верхний собор. За стенами обители сохранились гостиница середины XIX века, жилая часть конюшенного двора, развалины бани и одного из кирпичных заводов XVII века (по предположению крупнейшего знатока монастыря Е.В. Крушельницкой).

В 1918 г. монастырские земли передали коммуне «Восход» и местным жителям. Несмотря на формальное закрытие обители в следующем году, монашеская жизнь в ней продолжалась. В июне 1932 г. три монастырских храма обслуживал один иеромонах. Две церкви (соборная и трапезная) тогда же были закрыты и переданы коопсельхозу «Зеленец» для переоборудования под клуб и дом отдыха рабочих. В монастыре последовательно размещались трудовая колония, подсобное хозяйство, профтехучилище, в годы Великой Отечественной войны – госпиталь. С 1945 по 1967 гг. здесь находился дом инвалидов общего типа, затем психоневрологическая лечебница.

12 декабря 1990 г. монастырь возвращен Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви. 24 ноября 1993 г. была отслужена первая Литургия в нижней церкви и поднят крест на собор. Монастырь отличается строго уставным характером богослужений. Его настоятель – игумен Пахомий (Трегулов).

Подворьем монастыря является церковь во имя Божией Матери «Всех Скорбящих Радости» (Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 24). Она строилась как часовня при одноименной церкви, где помещалась явленная на этом месте икона Божией Матери «с грошиками», часовня – одна из самых больших в России (могла вместить до 900 человек, освящена 20 декабря 1909 г.). Близ часовни упокоилась Блаженная Матрона (Мыльникова), «Матроушка-Босоножка» († 1911). Часовня закрыта по постановлению от 21 апреля 1938 г., использовалась под завод, возвращена в 1991 г. и переосвящена в церковь. Восстановлена чтимая могила блаженной. Ее мощи обреты 6 мая 1995 г.

СРЯДЕНИЯ

о преподобном отце нашем

Никандре Городноезерском 1, 3, 51

Память его празднуется месяца марта в 15-й день
и месяца ноября в 4-й день

† 1603

преподобном Никандре Городноезерском известно только то, что в XVI в. он основал пустынь на западном берегу озера Городно с храмом в честь Воскресения Господня. Пустынь прозывалась по месту Городноезерскою, а по имени основателя - Никандровою. Обитель

не отличалась многолюдством, и с преподобным Никандром подвизалось никак не более десяти человек братии. В описи 1581 г. говорится, что в монастыре «ке-
льи игуменская да 10 келей, а в них 3 старцы, а 7 келей пусты». Свою подвижническую жизнь преподобный Никандр проводил в трудах, посте и молитвах, подавая своим сподвижникам пример святой жизни.

Память преподобного Никандра местно празднуется неизвестно с какого времени.

По кончине святого основателя Городноезерская Никандрова пустынь начала падать; число братии — уменьшаться. Бедная и не имеющая средств для содержания, она приписана была

к Крутецкому монастырю (Новгородской губ. Боровичского уезда – ныне погост Крутец, в 72 верстах от Новгорода), а в 1764 г. упразднена. В настоящее время на ее месте Никандровский погост. Церковь погоста – прежняя монастырская в честь Воскресения Господня, с приделом во имя Никандра Городноезерского.¹

О жизни и подвигах преподобного Никандра не сохранилось никаких сведений, кроме благоговейной памяти в сердцах народа. Над могилою святого мужа, находившеюся в роще за монастырскою обителию, или пустынею, в начале XVII века существовала новая церковь Всемиловитоваго Спаса, как видно из сохранившегося в Никандровском погосте отрывка из писцевых книг. Ныне же (1876 г. – *Сост.*) над этою могилою существует только часовня и в ней надгробие, имеющее вид раки.

Никандровская пустынь по штатам 1764 г. упразднена и переименована в село Никандрово с церковию во имя Воскресения Христова и в ней – приделом в честь преподобного Никандра Городно-Езерского. К этой Никандровской церкви принадлежит ныне и часовня, в которой почивают под спудом мощи преподобного Никандра. Никандровская же церковь или село Никандрово состоит в Боровичском Новгородской епархии уезде, от города Новгорода в 200 верстах, от города Боровичи к северу в 45 верстах, на западном берегу Городна озера.³

(Ныне деревня Никандрово Любытинского района Новгородской области. – *Сост.*)

Тропарь, глас 4

Земных и тленных наслаждений презрѣвъ,
яве, превлаженне, пустынное же и
безмолвное житіе изволив, міра же
краснейшаго и пищи временныя возненавидѣвъ,
отнюдуже сподобился еси небесныхъ благъ
наслаждения; темже вопиемъ ѿ: преподобне отче
нашъ Никандре, моли Христа Бога
спасти ся душамъ нашимъ.

Кондак, глас 4

Наслаждёвсья богомудре, воздержанія и
желанія плоти твоея обуздавъ, явился
вѣрою сія и по преставленні чудеса
показав от честнаго гроба твоего; темже вопиѣм
ти: спаси стадо твоѣ мудре, да зовѣм ти:
радуйся, отче наш Никандре.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Жервэ Н. Н.
*Никандрова пустынь // София*⁵⁰. Новгород.
1997. № 2. С. 21.

Среди Боровичских святынь особое место занимает бывшая Никандрова пустынь, расположенная в красивой местности близ озера Городно. ... преподобный Никандр... основал здесь монастырь Спаса Всемилоствого и подвизался здесь с 1550 г. до глубокой старости. ...Скончался преподобный Никандр 15 марта 1603 г. и был погребен здесь же. Когда преподобный Никандр причислен к лику святых, неизвестно, но почитание его отмечается уже в XVII в. В роще за монастырем в начале XVII века была построена деревянная церковь Всемилоствого Спаса.

По кончине святого основателя число братии Городноезерской Никандровой пустыни уменьшилось, и обитель была приписана к Крутецкому монастырю Боровичского уезда, а в 1764 г. упразднена (незадолго до этого в обители случился сильный пожар, и основная часть ее выгорела). Монахи были переведены в Крестовоздвиженский монастырь, который находился рядом с поселком Песь. На месте Никандровой пустыни появляется погост Никандрово, и в нем строится деревянная церковь во имя Воскресения Христова с приделом в честь святого Никандра Городноезерского чудотворца. На его могиле была построена часовня.

По сохранившимся документальным свидетельствам (ТАНО. Ф.481. Оп.1. Д.8. Л.11) праздник в честь святого Никандра в погосте совершался ежегодно 4 ноября. В этот день утром в часовне

у мощей преподобного начиналось Всенощное Бдение; после часов из храма совершался сюда крестный ход; служился водосвятный молебен и молебны преподобному по просьбе богомольцев; после чего в храме совершалась Литургия и мирской молебен преподобному Никандру. Служба ему совершалась по общей Минее. Отдельной службы не имеется, а имеется только тропарь и кондак.

В 1831 г. на месте деревянной церкви Воскресения была построена большая каменная церковь во имя Святой Живоначальной Троицы с тремя престолами: в неотапливаемой части — во имя святителя Николая Чудотворца, слева — во имя великомученика Димитрия Солунского. Возможно, престолы были освящены в память старых монастырских церквей. Существовала в селе Никандрово, кроме того, и деревянная часовня во имя Флора и Лавра.

В 1932 г. церковь и часовня были отняты у верующих. Старинное село стало приходить в запустение. До настоящего времени сохранилась только каменная церковь Святой Троицы. Мощи святого Никандра почивали под спудом до 1992 г. 19 сентября 1992 г. настоятель церкви села Внуто (в 10 км от Никандрова) архимандрит Иосиф, отслужив молебен Пресвятой Троице и преподобному Никандру, вскрыл могилу святого. Нетленные мощи были перенесены в Успенскую церковь села Внуто.

Теперь мощи преподобного Никандра почивают открыто в раке. Около нее висит икона святого Никандра. Первый молебен в Успенской церкви состоялся 1 ноября 1992 г. Рядом с церковью слева от алтаря находится могила архимандрита Иосифа, скончавшегося в селе Внуто 16 августа 1993 г.

Жемчужин Иоанн, священник Внутовской церкви.

*Летопись Внутовской церкви//
София⁵⁰. Новгород. 1997. № 2. С. 6-8.
Написано в 1893 г. Декабрь 15 дня.*

Внутовская церковь во имя Успения Божией Матери сравнительно новая. Она освящена в 1869 г. благочинным 3 округа Боровичского уезда священником Десято-Пятницкого погоста Иоанном Нафетовым с разрешения и благословения преосвященного Новгородского.

Церковь Внутовская деревянная, небольшая, но прочно и довольно крепко устроенная. Стоит она на высокой горе, господствующей над всей окрестностью верст 30-40, что придает ей особый красивый вид. Гора эта до построения на ней церкви была покрыта дремучим лесом и носила название «Петровой горы».

потому, вероятно, что начало поселку при горе этой положено крестьянином близлежащей деревни Еросихи Петром.

С началом существования Внутовской церкви тесно связано имя бывшего старшины... волостного правления М. Давидова: он задумал устройство Внутовской церкви, выбрал место, он хлопотал по устройству и сделал все, что мог, для ее благоустройства и обеспечения. Видя крайнюю необходимость в церкви для жителей данной местности, удаленность от соседних церквей на 15-20 верст, Петр Давидов стал подговаривать жителей соседних деревень, чтобы они помогли ему устроить на Петровой горе церковь, на что с весьма понятною охотою и согласились. Место тогда же было уступлено крестьянином д. Внута Захаром Никифоровым, внуком основателя поселка, а на Петрову именно гору выбор пал, кроме красоты местоположения, потому, что на уступе горы этой с древних времен существует часовня с древней и, по преданию, явленной иконой Успения Божией Матери.

... Во Внутовском приходе состоит 8 часовень в разных деревнях, но все они построены очень давно, так что никто не может вспомнить, по какому случаю, когда и кем они устроены. При некоторых из них есть древние кладбища, которые в настоящее время все упразднены по случаю открытия церкви во Внута.

1. Коваленко А., Коваленко Я.
Церковь Святой Троицы в Никандрове//
*София*⁵⁰. Новгород. 2002. № 3. С. 2-4.

2. Коваленко А., Коваленко Я.
Святые Земли Русской. К 400-летию памяти
преподобного Никандра Городноезерского († 1603 г.) //
*София*⁵⁰. Новгород. 2003. № 1. С. 27-30.

На рубеже XVI-XVII вв. в новгородской Бежецкой пятине среди непроходимых лесов, болот и озер иноком Никандром была основана пустынь. ...Божий промысел привел его на южный берег озера Городно, где он и поселился. Постепенно около него собралась братия, была построена церковь в честь Воскресения Господня. Так образовалась пустынь...¹

В конце XV — начале XVI века северо-восток Бежецкой пятины представлял собой совершенно глухие места. Из селений-погостов писцовая книга указывает Шереховичи, Молдино, Молодильно, Минцы, Миголощи, Левочу, Сопины, Кушаверу, окружающие

в радиусе 50-70 км пустынные и непроходимые болота, леса и озера Городно, Ушко (Ушково), Камено (Каменское), Хвошно и Рокиткино. Но уже в середине XVI в., по описанию писцовой книги за 1564 г., Никандровская Городноезерская пустынь предстает типичным для XVI века монашеским скитом, «в Никольском погосте и Шереховичах царев и великого князя монастырь, стал на чорном лесу, Никандро́ва пустыня, а в нем церковь Воскресе́нья Христо́во да теплая церковь Дми́трией Вологоти́цкой чудотворец, келья игуменская да 10 келей, а в них 5 старцов, а 5 келий пусты, пашни монастырские 5 коробей в поле, а и дву по тому ж». Через двадцать лет (1581-83 гг.) количество монахов сократилось: «...келья игуменская, да десять келий, а в них три старцы, а семь келий пусты. Пашни монастырские двадцать чети в поле, а и дву по тому ж, в обжи не положены». С увеличением пахотных земель к обжитому и намоленному месту стали стягиваться крестьяне, к середине XVI в. появляются в писцовых книгах названия окрестных от Никандровой пустыни деревень: Откуши, Клешино, Побежалово, Поддубье, Зеглино, Рогозово. Из описи вещей, взятых в Новгородский архиерейский дом, становится очевидным, что в первой четверти XVIII в. Никандро́ва пустынь — развитый монастырь: «из Никандро́ва [было взято в архиерейский дом] лошадей 18, скота рогатого 41», а «Коллегия Экономии донесла, что, по ведомостям, доставленным из Новгородской епархии от 8 марта 1725 г., в Никандровой пустыни значится монахов с игуменом — 20 человек...». В XIX в. приход насчитывал «1038 душ в селе и 33 деревень от 1/2 до 18 верст».²

Преподобный Никандр дожил до глубокой старости и почил в 1603 г. 15 марта. Над его могилой в начале XVII в. была построена церковь во имя Всеми́лостивого Спаса. В царствование императрицы Екатерины II монастырь сгорел, после чего в 1764 г. он был упразднен, а монахи переведены в другие обители.¹

...Преподобный Никандр Городноезерский окончил свой жизненный путь ... во время еще одного страшного бедствия, постигшего Московское государство. Неурожай лета 1602 г. породил страшный голод. «Такой беды, - говорят современники, - не помнили ни деда, ни прадеда. В эти ужасные годы в одной Москве погибло до 127 000 человек, погребенных в убогих домах (так называли общие кладбища), не считая тех, которые были погребены у церквей». А спустя два года после кончины преподобного Никандра Городноезерского вокруг Никандровой пустыни, ...земли были разорены наемными войсками шведского полководца Горна

де ля Гарди. Но как в 1581, так и в 1605 г. молитвами святых подвижников устояла Земля Русская, не была поругана Вера Православная, наступил конец Смутного времени...²

Над могилой преподобного Никандра, на месте сгоревшей церкви, была построена часовня. Вплоть до пожара 30-х годов XX в. часовня была действующей.

В 20-е годы XIX в. началось строительство нового каменного храма, и в 1831 г. он был освящен во имя Святой Троицы. Храм был построен и содержался на пожертвования местных дворян-землевладельцев Апраксиных, Мяксниных, Филипповых, Михельсов, Сиверсов и др. По местному преданию, над южной и северной дверями храма изображена в ангельском образе благодетельница храма графиня А. С. Апраксина: такой, какой она была в начале строительства храма, и такой, какой художник запечатлел ее по окончании строительства. В состав красок храмовой живописи входили местные природные материалы.

Последним, скончавшимся своей смертью настоятелем храма Святой Троицы был о. Николай. Архимандрит Афанасий, в 25-летнем возрасте принявший постриг, вскоре после пострижения был репрессирован.

Церковное имущество было разграблено. Иконостас разбит, и фрагменты царских врат долгие годы вместе с битыми кирпичами и стружкой находились под полом алтарной части церкви. Там же был в 2002 г. найден чудом сохранившийся бархатный обрывок хоругви. Храмовые иконы спасались местными жителями, уносившими их по своим домам. Так, житель деревни Побежалово И. Тихомиров одну из икон величиной в человеческий рост один нес до своего дома целых 2 км. Потом пять человек не смогли сдвинуть ее с места.

Церковная роспись подвергалась поруганию, ценной работы пол из церкви был вывезен председателем колхоза. Колокольня храма и трапезная были разрушены, а зимний храм превратился в склад зерна, отчасти благодаря мерам по сбережению которого уцелела роспись. Двери и окна были заколочены, а в помещение проведено электричество. По свидетельству местных очевидцев, всех разрушителей церкви постигла впоследствии печальная участь. В середине 70-х годов перестал существовать колхоз. Отпала надобность в зернохранилище. Храм был оставлен на разрушение и поругание, однако значился как охраняемый памятник архитектуры.

Мощи находились под спудом и, по благословению Архиепископа Льва, 19 августа 1992 г. были извлечены архимандритом Иосифом и из Никандрово перенесены в Успенский храм с. Внута.

Постепенно рушился храм, осквернялись могилы. Так, в одну ночь была опрокинута массивная гранитная плита могилы графини Апраксиной.²

... все, что можно было разрушить, рушили и разбирали по кирпичику для хозяйственных нужд. Подгоняли трактора, цепляли тросами кирпичные стены, тянули, дергали, пытались обрушить... Чудом устояла церковь, в которой 17 августа 1994 года настоятель Любытинской Успенской церкви священник отец Николай Балашов провел первое богослужение за последние 57 лет.⁵¹ К этому дню коренные жители деревни Никандрово готовились заранее: убирали в церкви полувековую грязь, чистили, мыли, терли с песком полы добела, смывали семью водами, украшали храм цветами, зелеными березовыми ветками. На службу собрались жители всех возрастов из окрестных деревень, пришли с ощущением особой значимости происходящего. Как будто соединились поколения, и время сомкнулось... Некоторые принесли с собой домашние иконы, отец Николай привез из церкви Успения большую икону преподобного Никандра Городноезерского. День был необыкновенный. Отец Николай отслужил водосвятный молебен у родника, который, по преданию, считается святым, вымоленным преподобным Никандром и из которого берут воду жители двух деревень: Никандрово и Ерошат. Люди крестили детей, освящали дома, каждый хотел поговорить с батюшкой и пригласить его к себе в гости, угостить своим хлебом, пирогами, медом. И во всем этом был преподобный Никандр.

Чудотворная сила преподобного Никандра ощущается и поныне.

Церковь стоит в деревне Никандрово на возвышении. Местные жители постоянно, во все времена года слышат церковное пение, доносящееся из закрытой церкви (скобы массивных дверей закручены толстой проволокой), вечером и ночью видят на кладбище, которое расположено возле церкви, горящие огни, «как свечи горят», особенно часто на месте захоронения Никандра преподобного. Доводилось видеть даже множество фигур с горящими свечами в руках, которые шли чередой, – это напоминало крестный ход вокруг церкви, при этом доносилось молитвенное пение. Все это в нашем атеистическом сознании тех времен вызывало, мягко говоря, недоумение, а точнее говоря – страх. Страх – из-за нашей оторванности от Создателя и Его святых.

Рядом с церковью стоит дом коренных никандровцев Алексеевых, в нем несколько лет жила безвыездно Галина Федоровна.

Много раз, днем и ночью, она слышала церковное пение, которое вызывало у нее слезы, и видела горящие свечи ночью на кладбище, за церковью. Объяснить себе это никак не могла.

Из рассказа в августе 1997 г. коренной жительницы деревни Клешино (в 5-ти км от Никандрова) Алексеевой Александры Ефимовны: «Лет 15 назад приснился мне сон – только слова: «Я – молитвенник этого края. Пойди на скотный двор и возьми на стене мою икону – в левом углу на третьем бревне сверху. Икона в окне, возьми ее с собой». Скотный двор старый: тетя Паша здесь жила 92 года, до нее баба Марья жила здесь 90 лет, а я разбирала двор и распиливала бревна на дрова в то время, когда приснился сон.

Икону нашла сразу же. Но это было не окно, а ниша».

Внучка Александры Ефимовны – Марина: «Мы с Андрюшей в 1993 г. (мне тогда было 13 лет) летним утром пришли из деревни Клешино посмотреть церковь в Никандрове (мощи тогда год как перевезли во Внута). Мы поднялись на церковное крыльцо и услышали церковное пение многоголосого хора. Был сильный звук, пели с плачем, мольбой. Мы открыли двери, вошли – внутри церкви не было ни души, а пение продолжалось именно здесь.

Мы бросили рюкзак, туфли – все, что было в руках, и с плачем от страха бросились бежать обратно. На следующий день пришла бабушка, все забрала из церкви и принесла домой».

Складывалось такое ощущение, что разрушающаяся церковь, святой преподобный Никандр, души живших и погребенных здесь монахов (об этом свидетельствуют особые, вытесанные из камня, со знаком схимы, надгробия) и православных предков наших взывают к нам: «Проснитесь!» Как сказал Господь: **«И сбудется в них пророчество Исаиинно, глаголющее: слухом услышите, и не имате разумети: и зряще узрят, и не имати видети. Отолсте во сердце людей сих, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежаша, да не когда узрят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся, и исцелю их»** (Матф. 13. 14-15). (И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «Слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Матф. 13.14-15). Это о нас. - *Сост.*

Ураган июля 1997 года значительно повредил старую кровлю храма, что ускорило процесс ее разрушения. Обвалилась маковка

церкви, дожди размывали росписи. Особым повреждением подверглись западная стена храма и ризница. Росписи купола и изображения евангелистов Луки и Марка были навсегда утрачены.

В августе 2000 г. в день канонизации Новомучеников Российских было обнаружено мироточение стоявшего в алтарной части храма литографического изображения иконы Владимирской Божией Матери. Крупные капли появлялись вновь и вновь, источая временами аромат. Чтобы исключить сомнения, салфетка, лежащая под иконой, была заменена на совершенно новую чистую ткань — через некоторое время и она начала источать тот же запах. Вечером при чтении акафиста типографские краски иконы стали ярче, проступил розовый цвет края рукава одеяния Богородицы и хитона Богомладенца Иисуса. Икона «плакала» в рушившемся храме, повергая приходящих в изумление и священный трепет.

Промысел Божий направил стремление одного из мирян пожертвовать значительную сумму первоначально на реконструкцию кровли. Погода благоприятствовала — милостью Божией всю осень 2000 г. стояла небывало сухая погода, и крышу храма удалось покрыть новым железом. Так началось восстановление храма.

Поиск крестов, по преданию, сброшенных в болото, не увенчался успехом, и 2 сентября 2001 г. священником о. Владимиром Константиновым, настоятелем Успенского Любытинского храма, был освящен и воздвигнут новый позолоченный крест.

В 2001 г. были завершены работы по восстановлению разрушенной наружной кладки, оштукатуриванию и побелке. С лета 2002 г. в храме совершаются регулярные богослужения и продолжаются восстановительные работы.

8 сентября 2002 г. было совершено торжественное освящение церкви Святой Троицы архиепископом Великого Новгорода и Старорусским Львом в сослужении новгородского духовенства.

Во всем том, что ныне происходит на наших глазах, видна молитвенная помощь и покровительство Пресвятой Богородицы и преподобного Никандра².

Коваленко Я.
*В честь 400-летия памяти преподобного Никандра,
Городноеозерского чудотворца († 1603)//
София⁵⁰. Новгород. 2003. № 4. С. 6.*

В храме Святой Троицы села Никандрово Любытинского района 16 ноября 2003 г. архиепископ Великого Новгорода и Старорусский Лев совершил праздничную службу.

На том месте, где теперь находится Никандровская церковь, в древности существовал Воскресенский мужской монастырь, основанный преподобным пустынножителем Никандром, память которого и отмечалась в эти дни.

К праздничным дням в церковь возвратилась храмовая икона XIX в., которая более восьмидесяти лет хранилась в семье одного прихожанина. Было написано несколько новых икон, в частности икона преподобного Никандра Горднеезерского с частицей его мощей.

Несмотря на проходящие сегодня реставрационные работы в церкви Святой Троицы, в ней регулярно совершаются богослужения настоятелем Успенской Любытинской церкви о. Владимиром Константиновым.

Из села Никандрово Владыка Лев отправился в село Внута, где отслужил 17 ноября праздничную литургию в храме Успения Пресвятой Богородицы, где ныне находятся мощи преподобного угодника Божия.

ЖИТИЕ

пустынника

Никифора Головецкого, Новгородца ¹⁰

Память его празднуется в 3-ю Неделю по Пятидесятнице

1605 (1617-?)

Никифор, сын новгородского иерея, пришел в обитель еще в молодых годах. Полюбилась ему иноческая жизнь. Он молил настоятеля постричь его; но юность и красота его заставили отклонить такое желание. Отказ только усилил в юноше рвение к иноческой жизни. С приезжими из Новгорода он получил от своих родителей письмо, в котором они звали его скорее воротиться домой. «Скажите родителям, - отвечал он подателям письма, - что они боле не увидят меня в этой жизни: мы свидимся там, за гробом». Никифор продолжал трудиться для монастыря с другими, соблюдая строгий пост. Для сна он никогда не ложился, но сидя отдыхал немного. В часы досуга он любил читать житие Марка Фраческого, образ этого пустынножителя глубоко запечатлелся в нем и влек его к отшельнической жизни. Однажды при всех Никифор вскочил со стула, осенил себя крестным знаменiem, снял пояс, сандалии, в одной серой свитке побегал в лес и пробыл в пустыни на Соловецком острове 12 лет в посте, молитве и коленопреклонениях. Тогда один пустынный постриг его в иночество. Проведя три года в иноческих подвигах, он скончался в 1605 г., в неделю цветоносную.

Были отшельники, коих имена остались ведомы одному Богу. Соловецкий инок, по нуждам обители ходя по острову, от усталости хотел отдохнуть подле одной крутой горы. Собираясь прилечь на землю, он перекрестился и вслух произнес Иисусову молитву; вдруг с высоты горы из расселины он слышит: «Аминь». Не веря своему слуху, он в другой и в третий раз произносит молитву и опять слышит то же:

«Аминь». «Кто ты, - в изумлении спрашивает инок, - человек или дух?» «Я - грешный человек, - отвечает невидимый, - и плачу о грехах». «Как имя твое и как ты пришел сюда?» - «Имя мое и как я пришел сюда, знает один Бог». - «Один ли ты здесь?» - «Подле меня живут два старца; был и третий, но отошел ко Господу, и мы похоронили его». - «Чем же вы питаетесь?» - «Вспомни, брат, слова Господа: не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. Он питает и греет внутреннего человека. Вспомни, как в прежнее время преподобные мужи и жены обитали в горах, вертепах и пропастях земных. Создатель Бог питал их, и ныне не один ли и тот же Бог? Если хочешь узнать, чем Владыка питает бренное мое тело, возьми это». С этими словами он сбросил кусок чего-то, инок взял и ел. Это был белый мох, стертый с брусникою. «Вот чем питает меня Владыка мой», - сказал отшельник. Инок начал молить его, чтобы он сказал, сколько лет на этом месте и как проводил время. «Я здесь десять или более лет, - отвечал отшельник. - В первый год пребывания много и тяжело я страдал от страхования бесовского. Бесы, являясь в виде разбойников, устрашали меня, били нещадно, тащили из кельи, требовали, чтобы я удалился с острова или ушел в обитель. Измучив меня, оставляли едва живым. Тогда приходили ко мне два святолепных мужа, имея просфору в руках. Они говорили: «Встань, брат, и, осенив себя крестным знамением, сотвори молитву Иисусову; не бойся козней вражиих, мужайся и крепись - и Бог поможет тебе. Вкуси от этой просфоры, мы будем тебя посещать». Лишь только вкушал я просфору, тотчас чувствовал себя здоровым и радостным. В первый год, когда особенно нападали на меня демоны, старцы часто посещали меня, вносили меня в хижину и укрепляли. На другой год нападения демонов стали слабее, а теперь, благодатию Христовою, я безопасен от всех наветов вражиих. Но старцы иногда посещают меня и приносят просфору и хлеб». Когда инок прощался, пустынник просил его принести в назначенный день ладану. Инок обещал, но не успел исполнить в определенное время, а потом уже не нашел пустынника.

На другой год инок, однако же, опять пришел на то место, где беседовал с пустынником, и, утрудившись, лег отдохнуть. В сонном видении явился ему отшельник и, сказав: «Теперь ты напрасно пришел», - дал ему просфору.

Так как число искавших пустынной жизни становилось более и более, и они, подвизаясь без руководства духовных отцов, опытных во внутренней брани, могли впадать в искушение, то для желающих уединения в это время устроился приют скитской жизни под руководством преподобного Елезара Анзерского.

Тропарь, глас 8

 тебѣ ѡтче Никифоре, извѣстен вѣсть спасѣнія образъ. Воспримъ во крѣстъ послѣдовалъ еси Христу. Творяше же и учаше, еже презрѣти плоть, преходитъ во, прилежати же о души вещи безсмертней. Темже и со ангелы радуется преподобне дух твой.

Кондак, глас 2

 истотою душевною Божественно вооружився, и непрестанныя молитвы, яко копие вручив крепко, пробол еси весовская ополчения, Никифоре, отче наш, моли непрестанно о всех нас.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, игумена

Антония Леохновского ¹

*Память его празднуется месяца октября в 17-й день
и 2-я пятница после июня 29-го дня*

† 1611

Преподобный Антоний, сын Тверских боярских детей Вениаминовых, родился около 1525 г. Люди богобоязненные, родители Антония воспитали сына в заветах строгого благочестия, и посеянное ими в юной душе семя страха Божия принесло свой добрый плод. Еще будучи отроком,

Антоний обнаружил склонность к подвижничеству; с годами его ревность к благочестию возрастала все более и более, пока наконец не созрело в нем решение оставить мир с его соблазнами и поселиться где-либо в уединении, чтобы беспрепятственно служить Богу. Улучив подходящее время, Антоний тайно покинул навсегда родительский дом и, вверив себя водительству Промысла Божия, отправился искать желанного безмолвия. Он достиг пределов Новгородской области и остановился в урочище «Пустошь Рублево», Бурежского погоста, на юго-западном берегу озера Ильменя. Пустошь отстоит от Новгорода окольным, сухим путем верст на сто, а прямым, через озеро Ильмень, верст на 50.

Рублево лежало при речке Переходе и представляло собою горы, прорезанные оврагами и покрытые вековым лесом. Место это показалось Антонию удобным для уединенного пустынножительства. В одной горе он выкопал себе тесную пещеру и начал в ней спасаться: труд, молитва, пост и другие подвиги обуздания плоти были для отшельника средствами спасения. По заповеди Божией, преподобный Антоний вкушал свой хлеб «в поте лица» (Быт. 3. 19). Он расчистил лес под пашню и огород, сеял хлеб, сажал овощи; затем сам убирал созревшую ниву, сам и молотил хлеб на гумне, которое устроил недалеко от пещеры. Добытый собственным трудом хлеб и служил пустыннику пищей; изредка он прибавлял к нему немного овощей. Но и этой скудной пищи преподобный вкушал лишь по столько, сколько необходимо для подкрепления изнемогающей плоти, один раз в сутки, по захождении солнца. Часто же преподобный и совсем отказывался от пищи, налагая на себя строгий пост. Пил он простую колодезную воду. Спал подвижник на сырой земле, заменявшей в его пещере пол, причем в изголовье себе клал ничем не покрытую деревянную колоду. Неоднократно в течение ночи он оставлял свое суровое ложе для молитвы. В молитве изливал он пред всевидящим Господом свою душу и ею ограждал себя от нападавших на него пустынных страхований.

Идя неуклонно скорбным и узким путем самого сурового подвижничества, преподобный Антоний, подкрепляемый благодатиею Божиею, достиг столь высокой степени совершенства, что окончательно умертвил в себе всякую привязанность к миру.

Между тем тайный уход его с родины поверг домашних в скорбь и слезы; они начали повсюду искать пропавшего. Двум сестрам преподобного удалось узнать о месте его подвигов. Пришли они в Рублевскую пустынь, долго ходили здесь по дремучему лесу, звали подвижника-брата и плакали. Но преподобный Антоний не показался им, ибо ради Господа он оставил дом свой. Господь сказал: «**всѣякъ, ꙗже оставитъ домъ имени Моего ради, сторицею прииметъ**» (Матф. 19. 29). Во исполнение сих слов Он удостоил Своего угодника великого дара чудотворений.

Несмотря на полное уединение преподобного Антония, молва об его богоугодной жизни распространялась все далее и далее. Услышал о нем инок одного монастыря, по имени Нифонт, который и захотел посетить славного подвижника. От одного Новгородского купца Нифонт узнал, где находится Рублевская пустынь, и отправился к преподобному Антонию. Увидев его, инок сначала испугался, потому что изнуренная подвигами плоть пустытника была черна и груба. Но преподобный успокоил посетителя словами: «Чадо, не бойся вида моего тела!» Потом, назвав по имени Нифонта, с которым встречался первый раз в жизни, преподобный облобызал его и разделил с ним свою скромную трапезу. Целый день вели они душеспасительную беседу, прерывая ее по временам общей молитвой.

Заветным желанием преподобного Антония было облечься в иноческий образ. Об исполнении этого желания он усердно молил Бога, и Господь услышал его молитву. В праздник Вознесения Христова преподобному явился ангел Господень и сказал: «Антоний! Иди на место, называемое Леохново, на три поприща отсюда». (Поприще равняется полутора версте. Поприще состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; на наши меры оно равно приблизительно 690 сажень.⁵⁶ С. 457). Повинуясь велению небесного вестника, преподобный Антоний оставил пустынное безмолвие и пришел в Леохново. Здесь он нашел священноинока-отшельника Тарасия, который и постриг его без перемены прежнего, мирского имени. (Пострижение преподобного Антония произошло в котором-нибудь из трех годов: 1555-1557). Общими усилиями и трудами преподобный Антоний и Тарасий построили в Леохнове храм, украсили его святыми иконами, снабдили книгами и другими предметами, необходимыми для богослужения. Когда постройка храма была окончена, сподвижники послали к Новгородскому архиепископу за благословением на освящение храма и за антиминсом. Узнав от посланного, от чьего имени он пришел, архиепископ охотно исполнил просьбу иноков - дал свое

благословение преподобному Антонию и антиминос для церкви. Храм был освящен в честь Преображения Господня в самый день этого праздника (6 августа). Так положено было основание Леохновской пустыни. (Построение храма и открытие обители было также, вероятно, в один из указанных годов.)

Вскоре начали стекаться сюда желающие подвизаться под руководством преподобного Антония. Приходили в Леохново не только люди простого звания, но также и знатные, подобно самому преподобному, люди благородного происхождения, которые, по апостолу, **вменили вся члвчты выти, да Христа приобрящут** (Филипп 3. 8). Преподобный не был человеком образованным или даже начитанным, но для собравшейся братии он явился мудрым руководителем, назидавшим иноков и собственным примером, и хотя простыми, но полными глубокого жизненного значения поучениями. Первым являлся подвижник в храм и оставлял его последним; за службой Божией он стоял с великим вниманием и благоговением. Время, свободное от церковной молитвы, он проводил в трудах, сам исполняя все черные монастырские работы. Иногда преподобный пек для братии хлеб или готовил кушанье. После трудового дня наступала ночь, но и ее подвижник нередко проводил без сна в молитве, не давая никакого послабления плоти, и без того изможденной непрерывным трудом и постом.

Подражая сам великим пустынноикам древности, преподобный Антоний ставил их в образец иноческой жизни братии своей обители. Он любил напоминать им следующие слова святого Исидора Пелусиота: «Для чего мы называем отцами прежде нас бывших черноризцев, если сами не хотим, как истинные сыны их, последовать их отеческим нравам и украшаться их обычаями? Не могут нам быть отцами те, нравам которых не подражаем. Поревнуем, братия, житию отцов наших, которые, окрылившись любовью к Богу, возлетели от видимого превыше всего земного, чтобы вкушать сладости небесной; бездомовные, безыменные, в пустынях и расселинах земных, они покорили плоть свою духу и уже на земле явили себя не человеками, но ангелами;

поревнуем им, чтобы вместе с ними прославиться на небесах». Убеждая братию идти путем, завещанным святыми отцами, преподобный Антоний указывал им, что для этого требуется единственно искреннее желание и здравый ум. Спасительный путь одинаково открыт и ученому и простецу. В подтверждение этой истины он повторял братии изречение отца монашествующих, преподобного Антония Великого: «Не требует иных душа человеческая, как только здравого ума».

Наставления Леохновского подвижника, подкрепляемые его примером, падали на добрую почву: братия усердно исполняли его наставления. Церковное богослужение в обители совершалось со строгим благочинием. В храме братия с благоговением внимали церковному пению и чтению, не нарушая молитвенной тишины. Охотно исполняя возложенные послушания, иноки присоединяли к ним и добровольные подвиги для спасения души. Поэтому монастырь преподобного Антония был действительным приютом мира, братской любви, взаимного самопожертвования и других христианских добродетелей. Видя духовное возрастание братии, преподобный радовался и благодарил Господа. Между тем число братии Леохновской обители возрастало и с течением времени достигло пятидесяти.

Дары прозрения и чудотворений, полученные от Господа преподобным Антонием еще во дни уединенного подвижничества, подвижник проявлял и в последующее время своей жизни. Так, стоя однажды на молитве, преподобный Антоний сказал келейнику: «Брат! Сегодня под Оршею, ради грехов наших, побито множество православных». И через несколько дней до монастыря дошла печальная весть о поражении Русских под Оршею в битве с поляками, происшедшей в тот именно день, в который сказал о ней преподобный. (Орша - ныне уездный город Могилевской губернии, расположенный на обоих берегах Днепра, при впадении в нее речки Оршицы; один из древнейших городов русских: упоминается уже в XI веке. В описываемое время Орша находилась в руках литовцев и была пограничной крепостью. Здесь разумеется, вероятно, поражение русских войск недалеко от Орши, на реке Уле, в 1564 г.)

При жизни преподобного Антония в Леохновской обители случился пожар: загорелась крыша трапезной, и огонь, раздуваемый и направляемый сильным ветром, готов был перекинуться на соседние келии. Опасность грозила всему монастырю. Испуганный келарь прибежал к преподобному и, припав к ногам игумена, со слезами просил его помолиться о спасении обители. Тогда преподобный Антоний обратился к иконе Всемилоственного Спаса, стоявшей в келии, и так молился со слезами: «Господи! Ты благоволил возлюбить место сие, - попусти же наказание с милостью и сотвори достойное». Затем, еще с не обсохшими от слез глазами, преподобный сказал келарю: «Не бойся, брат, всемилостивый Господь Бог наш не опечалит нас свыше меры». И только что он произнес эти слова, как ветер изменил свое направление. Благодаря этому пожар прекратился, причинив незначительный ущерб обители.

Один юноша, пасший овец близ монастыря, был ужален змеею и находился при смерти. В это время пришел к нему преподобный Антоний и сказал: «Иди к источнику близ обители и принеси воды». Когда юноша исполнил приказание, преподобный влил ему в рот воды со словами: «Во имя Святыя Троицы, силою Христовою исцеляет тебя раб Христов - старец Антоний». Тотчас же у больного началась очень продолжительная и такая сильная рвота, что даже сам преподобный пришел в изумление. После этого юноша почувствовал себя совершенно здоровым и хотел уже гнать свое стадо далее. Но святой старец остановил его таким вопросом: «Скажи, зачем ты вчера клялся бедной вдове, что волк съел ее овцу, тогда как сам ты продал ее за три сребреника?» - «Действительно, солгал я ей, отец». Юноша признался в грехе своем и потом с удивлением спросил подвижника: «Ты, отец, как узнал об этом?» «Когда я сидел в келии своей, - отвечал преподобный, - приехал ко мне всадник на белом коне и сказал: «Антоний! Встань и иди скорее на южную сторону, где источник. Увидишь там человека, ужаленного змеею, и скажи ему: «Не клянись именем Божиим и Его святыми, не делай неправды и отдай вдове овцу, чтобы не было тебе

хуже». Тогда юноша, упав к ногам угодника Божия, подробно исповедал пред ним свой грех: «Точно, - сказал он, - продал я овцу женщины за три сребренника, а ей сказал, что съел волк. Вдова не поверила мне и говорила: «Разве ты не знаешь, что я - человек бедный, но делай, как хочешь». Прошу тебя, отец, помолись обо мне Господу Богу, чтобы Он простил мой грех. Вдове же обиженной я возвращу овцу, а в обитель на праздник Преображения Господня и убогим буду ежегодно уделять до самой смерти своей десятую часть от стада».

Преподав покаявшемуся наставление избегать дурных дел, чтобы не потерпеть еще большего наказания, преподобный снова повелел ему возвратить украденное. Потом с миром отпустил юношу; и он удалился, благодаря за свое исцеление Бога и Его угодника.

Слава о преподобном Антонии, как великом подвижнике и чудотворце, распространилась по Русской земле, достигла и до Москвы. Царь Иоанн Васильевич Грозный, много слышавший об угоднике Божиим, имел сильное желание его увидеть. Потому, когда преподобный Антоний прибыл по нуждам обители в Москву, царь призвал его к себе и просил молитв и благословения. Он вручил преподобному щедрую милостыню для его обители вместе с жалованными грамотами ей на земли и рыбные ловли на озере Ильмене.

Как заботливый хозяин, преподобный Антоний много потрудился и позаботился о благосостоянии своей обители. В 1587 г. обитель получила пустоши - Рублево и Леохново, затем в конце XVI века и начале XVII-го были пожалованы ей другие, близлежащие угодья. В 1606 г. преподобный бил челом о пустоши Иваново, причем, жаловался, что «монастырские животные выпустить негде», а между тем эта пустошь, не населенная, заросшая лесом, подошла к монастырю близко. Пустошь дана была обители из оброка, другие же угодья безоброчно.

Пятьдесят шесть лет подвизался преподобный Антоний в иноческом образе и, будучи уже глубоким старцем, приблизился к блаженной кончине, встретить которую Промысел Божий судил ему вне стен родной обители. В 1611 г.

шведы вторглись в пределы Новгорода и начали опустошать его окрестности. Тогда митрополит Новгородский Исидор (Исидор управлял Новгородской епархией с 1603 по 1619 гг.), чтобы уберечь уважаемого старца от опасности, вызвал преподобного Антония с несколькими учениками к себе в Новгород. Здесь престарелый подвижник заболел и, чувствуя приближение своей смерти, стал с радостью готовиться к ней. В день Воздвиженья Честнаго Креста Господня старец приобщился святых Христовых Таин и преподал последнее благословение окружавшим его смертный одр. Затем он велел позвать к себе Корнилия, пономаря церкви святого Евангелиста Луки, и обратился к нему с такими словами: «Брат Корнилий! Пусть будет тебе знамение, чтобы мне быть положенным в созданном мною монастыре благолепного Преображения».

В этот же день, 14-го сентября, преподобный Антоний мирно почил на восемьдесят шестом году от рождения. (Так передается в древнем житии преподобного. По древним источникам, подвижник скончался 17 октября.) Время кончины святого старца относится к 1611, 1612 или 1613 году.

Торжественное погребение блаженного старца совершил Новгородский митрополит. Трудлюбное тело преподобного было положено близ алтаря Новгородской церкви во имя святого Евангелиста Луки на Рядитине улице. (Древняя церковь во имя святого Евангелиста Луки находилась на Софийской стороне, расположенной на левом западном берегу реки Волхова. В настоящее время не существует.) Место своего погребения преподобный Антоний избрал сам, так как нашествие шведов отрезало доступ к Леохновской обители.

По удалении шведов из пределов Новгородских, скитавшиеся по лесам жители начали возвращаться на покинутые места. (Старая Русса возвращена была Швецией России в 1617 г. по Столбовскому миру.) На место Леохновской обители первым пришел Григорий, любимый ученик преподобного Антония, который убежал из нее при нападении шведов и затем укрывался в лесу. На месте обители он нашел лишь пепелище да непогребенные тела убитых братий. Враги не пощадили скромной обители преподобного Антония:

убогое строение монастырское предали огню, а не успевших скрыться иноков - смерти. Со слезами похоронив тела убиенных, Григорий поставил на родном пепелище маленькую келью, а близ нее - часовню в честь Преображения Господня. Подвизаясь в пустыне, инок молил Господа, чтобы вновь возродилась уничтоженная врагами обитель. Так прошло несколько лет, и вот однажды преподобный Антоний является ученику своему во сне и говорит: «Брат Григорий! Пойди в Новгород, скажи митрополиту Киприану и старшинам города, чтобы положили меня на месте моей обители». (Киприан управлял Новгородской епархией с 1626 по 1634 гг.)

Григорий не обратил внимания на явление, приняв его за обыкновенный сон, хотя оно и повторилось. Наконец, преподобный Антоний явился своему ученику в третий раз и, испуская огненные лучи, сказал: «Если не исполнишь слов моих, явлюсь в другом месте; ты же погибнешь».

Грозное явление угодника Божия так сильно поразило Григория, что он долго пролежал как мертвый, без сознания. Придя в себя, он сейчас же отправился в Новгород, где и передал митрополиту и старшинам города о повелении преподобного Антония. Тогда митрополит Киприан с крестным ходом, при большом стечении молящихся, пошел ко храму святого Евангелиста Луки, близ которого находилась могила преподобного Антония. Когда ее раскопали и, вынув гроб, сняли с него крышку, то тело угодника Божия оказалось нетленным. Среди множества теснившегося народа находился слепец Иосиф, уже три года не выдавший света. Молитвами преподобного Антония, Иосиф тут же прозрел. По распоряжению Новгородского митрополита, мощи чудотворца на место его подвигов сопровождали с молебным пением настоятели Новгородских монастырей во главе с архимандритом Юрьевской обители Дионисием. (Дионисий управлял Юрьевым монастырем с 1618 по 1632 гг.) Множество народа следовало за мощами. На пути в Леохново, когда честные мощи несли близ Аркажского монастыря, совершилось новое чудо - прозрел другой слепец, по имени Стефан. С благоговением положены были святые мощи преподобного Антония на том месте, где он подвизался более

50-ти лет. Так исполнилось предсказание святого, что тело его будет покоем в созданной им обители. Событие это произошло не ранее 1626 г. и не позднее 1632 г., в первых числах июля – во 2-ю пятницу после праздника святых апостолов Петра и Павла.

В скором времени после перенесения мощей преподобного Антония его разоренная обитель была восстановлена, но затем скудость содержания прекратила ее самостоятельное существование: монастырь стал приписным, а в 1764 г. был окончательно упразднен. Причем два монастырских храма обращены в приходские церкви. На месте основанной преподобным Антонием обители осталось село Леохново. (Село Леохново Новгородской губернии и уезда в 20-ти верстах от города Старая Русса.) В 1788 г. церкви и остатки деревянного монастырского строения сгорели. Усердием прихожан в том же году вместо деревянных сгоревших церквей был выстроен каменный храм в честь Преображения Господня с двумя приделами, из которых один (северный) – во имя преподобного Антония Леохновского. Придел освящен 30-го декабря 1788 г., и в нем под аркой, отделяющей придел от средней части храма, были положены честные мощи преподобного Антония. Здесь под спудом они покоятся и в настоящее время. Над мощами преподобного Антония поставлена деревянная вызолоченная рака, на верхней доске которой находится сделанный из серебра образ угодника Божия с вызолоченным венцем и хартией. Пред ракою на восточной стороне висит древний образ Нерукотворенного Спаса. Предание говорит, что пред этою иконою молился подвижник и что она чудесно сохранилась в куче пепла после пожара 1788 г., когда огонь уничтожил все. При раке хранятся жернова, которыми, по преданию, преподобный Антоний молот хлеб; а также каменный клевец (род кирочки, или остроконечного молотка, служащий для обтески камня), служивший ему для обделки жерновов.

Празднование преподобному Антонию местное. Совершается оно трижды в год: во вторую пятницу после праздника святых апостолов Петра и Павла в Леохново бывает

крестный ход из семи соседних церквей в память перенесения мощей преподобного Антония из Новгорода; в праздник Вознесения Господня после литургии из Леохновской церкви бывает крестный ход в церковь Рублевой пустыни в память пришествия преподобного Антония в Леохново из Рублева после видения ему ангела в день Вознесения Господня; наконец, 14-го сентября воспоминается кончина преподобного Антония.

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 1

Пустынный житель и в телеси ангел,
вогносец показался еси, пощением и
бдением отче наш Антоние, небесный дар
приял еси: исцеляеши недужныя и души
притекающих с верою к раце честных мощей
твоих. Слава Давшему тебе крепость, слава
Венчавшему тя, слава Действующему тобою
всем исцеления.

КОНДАК, ГЛАГОЛ 8

Пития треволнения, и мятѣж мирскій, и
страстная взыграния в ничтоже вменив,
пустынный гражданин показался еси,
многих быв наставник, Антоние преподобне:
монахов собратель и молебник верен, чистоты
рачитель, моли Христа Бога спастися
душам нашим.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Житие и описание Леохнова монастыря.⁷⁰

На том месте, где прежде был основанный преподобным Антонием Леохнов монастырь, теперь находится село Леохново, отстоящее от города Старой Руссы в 37 километрах по дороге. Окрестные деревни Еваново, Виленка, Елицы, Гостеж составляют основу прихода Спасо-Преображенской церкви.

Из описания жизни преподобного известно, что он вместе со священноиноком Тарасием построил в Леохнове церковь во имя Преображения Господня. В начале XVII столетия монастырь совершенно был разорен шведами, а братия умерщвлена; но в скором времени опять был восстановлен, когда около 1630 г. перенесены были в него нетленные мощи преподобного. В середине XVIII столетия в нем было две церкви. Одна – во имя Преображения Господня, построенная в 1690 г., была четырехстенной постройкой длиной 6 и шириной 3 сажени, с алтарем, трапезою и папертью, крытая тесом. На ней были две главы, обитые деревянной чешуей, с железными крестами. Иконостас в церкви был трехъярусный, «платной работы». Вторая церковь, во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы, построена в 1727 г.

Главным источником содержания служила земля. Царь Василий Иванович Шуйский освободил от оброка и пошлин пустоши Дурново и Еваново, бывшие доселе оброчными. Грамота, выданная монастырю царем Василием Ивановичем Шуйским на владение перечисленными пожнями и пустошами, затерялась во время шведского разорения. Когда же монастырь был восстановлен, он владел опять всеми прежде ему принадлежавшими землями с той только разницей, что пожни, бывшие до разорения монастыря безоброчными, с 1628 г. стали числиться за монастырем на оброке. В Новгороде на Софийской стороне на Лукине улице вблизи церкви Святого апостола и Евангелиста Луки (в начале XIX столетия она была уничтожена вследствие ветхости) принадлежали монастырю сад 55 сажень в длину и 22 сажени в ширину и подворье, а поблизости в Редятине улице ему принадлежал «огородец на капусту», который к 1675 г. был отобран. Всей земли монастырской было 160 десятин 205 сажень.

Кроме земли, средствами содержания монастыря были рыбные ловли на озере Ильмене. Монастырь имел право посылать до царствования Василия Ивановича Шуйского 4-х человек ловить рыбу;

царь же Василий Иванович дал право монастырю посылать 8 ловцов. Владение крестьянами также составляло один из способов содержания монастыря. Крестьян за монастырем числилось весьма немного, всего 58 душ. Они жили в деревнях Рублеве и Еванове и исправляли монастырские работы. Различного рода частные пожертвования также были средством содержания монастыря. Так известно, что царь Иван Васильевич дал монастырю много милостыни, которая, вероятно, состояла из различных вещей, необходимых для монастыря.

Однако всех означенных способов было недостаточно для содержания монастыря, и потому он скоро потерял свою самостоятельность и состоял приписным к разным монастырям. Так, в 1681 г. со всеми вотчинами и угодьями он был приписан к Новгородскому Юрьеву монастырю, в 1687 г. - к Новгородскому архиерейскому дому, в начале же XVIII века мы находим его приписанным к Старорусскому Спасо-Преображенскому монастырю. Сколько времени он состоял приписанным к архиерейскому дому и Спасо-Преображенскому монастырю и пользовался ли когда-нибудь самостоятельностью после 1681 г., неизвестно. Полное название монастыря было Леохнов-Ивецкий-Антониев-Спасский.

В 1764 г. по штатам монастырь упразднен и обращен в приходскую церковь. Монастырские церкви сделались церквями Леохновского прихода. Но недолго леохновским прихожанам можно было пользоваться монастырскими церквями: церкви и все остатки деревянного монастырского строения в 1788 г. сгорели. В том же году, благодаря усердию прихожан, вместо деревянных церквей была построена каменная церковь в честь Преображения Господня с приделами - с северной стороны в честь Казанской иконы Божией Матери и с южной стороны - во имя преподобного Антония Леохновского. Сей последний придел был освящен 30 декабря того же 1788 г., и в нем были поставлены мощи. Иконостас, утварь и все церковное имущество перенесены были из упраздненного Новгородского Павлова-Варецкого монастыря.

Каменная церковь XVIII века сохранилась до настоящего времени, но в перестроенном виде. Первоначально она была построена крестообразно, вместе с колокольной. Первая капитальная перестройка была произведена в 1820-е годы: южный придел преподобного Антония был расширен и получил прямоугольный план; был пристроен и северо-западный угол церкви. Известно и о второй перестройке церкви в 1857 г., когда она была еще более

расширена, до прямоугольника 12 сажен в длину и 11 сажен в ширину. Изменено было строение кровли, вся постройка увеличилась в высоту.

В 1829 г. прежняя колокольня была разобрана и построена новая каменная, «изящной архитектуры». Под колокольней устроен был ход в ограду. С двух сторон надвратной колокольни пристроено по комнате: помещение с правой стороны от ворот использовалось как сторожка, а с левой стороны - под гостиницу для приезжих богомольцев. Как архитектурное произведение колокольня представляет собою один из лучших образцов строгого классического стиля начала 19 века. Звон леохновской колокольни был слышен за 20 верст в Старой Руссе.

В 1853 г. кладбище, устроенное вокруг церкви, было обнесено новой каменной оградой вместо обветшалой деревянной. В 1885 г. справа от колокольни была построена бревенчатая сторожка, крытая тесом, и большой рубленый деревянный сарай.

В послереволюционное время в Леохново на противоположной от церкви стороне дороги было три дома: в одном, двухэтажном, с каменным первым этажом, жил священник, в другом - диакон, в третьем - церковная прислуга. Было большое хозяйство, огороды, богатые сады; держали рабочих лошадей и выезд.

Теперь о внутреннем устройстве и убранстве храма. Капитальная стена отделяет южный придел во имя преподобного Антония от остальной церкви. Этот придел отапливался тремя изразцовыми печами и использовался как теплый (зимний) храм. Мощи преподобного Антония почивают под спудом в пролете, сделанном в виде арки в стене, разделяющей храм. Над ними была поставлена деревянная вызолоченная рака. В начале нынешнего столетия на верхней доске раки находился образ преподобного Антония из серебра с позолоченными венцом и хартией. Перед ракой на восточной стене висел древний Нерукотворный образ Спасителя. Предание говорит, что это был тот самый образ, перед которым еще при жизни молился преподобный Антоний, и прибавляет, что он, когда в 1788 г. пожар истребил все, найден в куче пепла нисколько не поврежденным. Перед ракою преподобного на особой тумбе стоял образ Корсунской Божией Матери, почитавшийся чудотворным. При раке хранились жернова, в которых, по преданию, преподобный молот хлеб, и каменный клевец, который служил для обделки жерновых камней. Все эти святыни утрачены. Большой урон был нанесен пожаром 11 февраля 1916 г.,

после которого придел был заново отремонтирован и поставлен новый иконостас. Большое количество икон и утвари утрачены при разорении церкви безбожной властью и в последние годы - от краж. Ныне образ преподобного Антония на деревянной обтянутой тканью раке писан масляными красками и украшен расшитым бисером бархатным венцом. Несколько иконописных изображений преподобного сильно искажены позднейшими записями.

Судьба церкви при советской власти типична для большинства русских православных храмов. В 1938 году церковь была закрыта и переоборудована под клуб. Часть здания использовалась под кладовые. При этом был произведен капитальный ремонт; сняты кресты с глав, а в алтарной части оборудована сцена. Несколько раз показывали кино, но старшее поколение не рисковало ходить - боялись кощунства. При разорении церкви с икон смывали позолоту, доски использовали для перестройки сторожки под медицинский пункт. Небольшую часть утвари ревностные прихожане тайком унесли по домам и так сохранили до возрождения церкви. Колокола с колокольни сняли еще раньше. Когда сбрасывали большой колокол, он ушел глубоко в землю, так что пришлось откапывать лопатами. Грузили колокола на подводы и увозили к ближайшей станции Перетерки не существующей уже железной дороги. Далее везли в Новгород на переплавку. Незадолго до закрытия церкви преподобный Антоний явил чудо: двое дерзких скептиков, решившиеся потревожить мощи и опустившиеся для этого в подвал, где стоит гробница, были отброшены от гроба молнией.

От преследований за веру пострадали по доносам священнослужители: протоиерей Владимир, дьякон Феодор, регент Глеб Гараничев, Василий Воронин, Димитрий Навлушин и многие другие.

В годы Великой Отечественной войны, когда фашисты оккупировали окружающие деревни, верующие Леохновского прихода по собственному почину возродили храм. Незадолго до окончания войны 21 апреля 1945 г. по просьбе прихожан была официально зарегистрирована православная община. Верующим были переданы, помимо здания церкви, деревянная сторожка, баня, сарай, кладовые и утварь: купель, водосвятная чаша, хоругви, стихарь, 56 икон. В дальнейшем церковное имущество пополнялось из близлежащих разоренных храмов: из Псижи, Великого Села и других мест. Во время войны снаряд попал в юго-западный угол церкви. При ремонте старинные изразцовые печи не сохранили, и зимой в церкви стало холодно и неудобно. Сильно пострадала от

обстрелов колокольня и более не использовалась. Уцелевшие небольшие колокола повесили на специально устроенную звонницу. Звонили потомственные «звонари»: Анастасия и Анфиса Кузнецовы, отец которых, Александр Федорович, после революции переехав сюда из Старой Руссы, много лет служил сторожем и звонарем в Леохново.

После войны преследования церковнослужителей продолжались. Настоятелей часто меняли, запретили устраивать на ночлег в сторожке прихожан из дальних деревень. В 1949 г. категорически запретили совершать церковные требы в домах. Дело доходило до незаконных расправ над активными служителями церкви. В 1950 г. был осужден сроком на 25 лет один из членов двадцатки - Е. Бойков. Несмотря на притеснения властей, удалось отремонтировать церковь в 1947, 1960 и 1979 годах. В 1960—61 гг. снова встал вопрос о закрытии храма и переоборудовании его под клуб. Инициаторами выступили учителя школы, Виленский сельсовет и Старорусский райисполком. Но прихожане оказали непредвиденное сопротивление. На имя уполномоченного по делам церкви стали поступать письма. «Мы, колхозники, работаем, а в праздник - куда главу поклонить. Нам, старым, недолго и жить... Просим Вас слезно, от всего сердца». Отправили письмо от имени двадцатки за 18 подписями и на имя Хрущева. Епископ Новгородский и Старорусский Сергей поддержал просьбу оставить храм верующим, поскольку он «находится в исправном состоянии, есть священник и полный состав двадцатки». Верующие отстояли храм, и он не был закрыт. В октябре 1964 года церковь посетил архиепископ Сергей.

В 1980-е годы службы совершались священниками, приезжавшими из Старой Руссы. Кроме ветхой сторожки, в селе Леохново не осталось к этому времени ни одного жилого строения. Некогда богатые сады заросли ныне липами и березами, среди которых кое-где видны вековые дубы. Вблизи колокольни стоит гигантская лиственница - современница деревянного монастыря. Окружающие село некогда пахотные земли частью поросли молодым лесом, частью превратились в луга; а в предреволюционное время здесь велось интенсивное земледелие самыми передовыми методами, которые внедрялись помещиками из деревни Пескова Вейсами, немцами, в прошлом столетии принявшими православие. «Второй Украиной» называли эти места за их плодородие. Фамильный склеп Вейсов, много благотворивших Леохновской церкви, находится у ее северной части. У алтарной части - могилы

священников, многие годы верой и истиною служивших в Леохновской церкви: отец Василий Лебедев, отец Иоанн Курский (умер в 1914 г. после 40 лет служения здесь), протодиакон Иоанн Наговский (40 лет прослужил в Леохново, умер в 1925 г.), отец Григорий Губанов (умер в 1956 г.), отец Михаил Каменев (умер в 1971 г.). На кладбище, окружающем церковь, до сих пор совершаются захоронения.

Леохновская церковь три раза в год совершает празднество в честь преподобного Антония. В праздник Вознесения Господня вспоминается пришествие преподобного из Рублевской пустыни в Леохново. Старожилы помнят крестный ход, который совершался в этот день после литургии из Леохновской церкви в церковь, находящуюся в Рублевской пустыни. Шли все, кто мог, от мала до велика, нарядившись в лучшую праздничную одежду. Кроме богослужения, в «пустыньке» устраивались гуляние и ярмарка. Ныне прямая дорога от Леохново в Рублево заросла и стала непроходимой.

Во вторую пятницу после праздника первоверховных апостолов Петра и Павла бывает празднество в память обретения и перенесения мощей преподобного из Новгорода в устроенный им монастырь. В этот день бывал крестный ход из семи соседних церквей. Хоругви, чтимые иконы и другие местные святыни, принесенные сюда на праздник, вместе с неуместившимися в храм верующими располагались кольцом вокруг храма, вынося за ее стены ликование праздничной службы. На памяти верующих и крестный ход из Старой Руссы с чудотворной Старорусской иконой Божией Матери. Несли икону на специально устроенных носилках сто человек. У церковной ограды устраивалась ярмарка, лавки выезжали из Старой Руссы, среди прочих были и шелковые ряды. Одних лошадей стояло более тысячи.

Многочисленными были и другие большие церковные праздники. Старожилы вспоминают, что перед церковью летом и трава не росла, вбитая в землю ногами богомольцев. В церкви стояли тихо и благочинно рядами по 4-5 человек от соли до притвора: справа мужчины, слева женщины. Служба бывала очень благолепна, было два хора. Перед закрытием церкви в 1938 г. одним, Виленским, хором управлял Глеб Гараничев, а другим, Гостежским, Параскева — дочь музыканта Павла Никифорова.⁷⁰

Память преподобного отца нашего Антония празднуется Леохновской церковью 17/30 октября, хотя по многим источникам, днем его преставления считается 14/27 сентября, в неделю 3-ю по Пятидесятнице — в Соборе Новгородских святых и во 2-ю пятницу после 29 июня — перенесения мощей.⁵⁵ (А. А. Романова. С. 670)

К Леохновскому монастырю принадлежит Рублевская пустынь - место первоначальных подвигов преподобного Антония. Она находится примерно в четырех километрах от села Леохново вблизи деревни Рублево, в которой ныне сохранилось только два ветхих дома. В одной из гор, примыкающей к дороге, недалеко от входа в пустынь в 1859 г. открыта пещера, в которой, по преданию, жил преподобный. Недалеко от пещеры под горой находится родник и колодец, по преданию, тот самый, из которого черпал себе воду святой. Вода в нем всегда бывает чистая и приятная. Вверх по ручью - еще два родника, ныне заросших. На противоположном пещере берегу оврага на горе находилась деревянная церковь. До 1873 г. она была часовней и построена усердием прихожан Леохновской и соседних с нею церквей, а в 1873 г. 30 августа была освящена и приписана к Леохновской церкви. Служба в ней бывала в праздник Вознесения Господня, в праздник перенесения мощей преподобного Антония и 30 августа/12 сентября, в день освящения церкви. Все деревянные строения в пустыни разобраны перед войной. Позади церкви заметны следы гумна, по преданию, устроенного самим преподобным для обмолота хлеба, добываемого им своими руками. От гумна сохранилась каменка, над которой стояла прежде икона Вознесения Господня.

На все праздники преподобного Антония в пустыни бывало много богомольцев, ибо почти каждый, приходя в село Леохново, считал своим долгом посетить и Рублевскую пустыню. Ныне редкие паломники могут найти в пустыни крест с образом преподобного Антония близ пещеры, обветшалый святой колодец под горой и каменное основание бывшей церкви, поросшее березами, образующими подобие живых стен.

В 1991 г. по благословению Епископа Новгородского и Старорусского Льва в селе Леохново начаты работы по восстановлению жилья и хозяйства. Начинали с расчистки и осушения участка под застройку, заново проводили в село электричество, налаживали отопление церкви. Построены два новых дома, необходимые хозяйственные постройки. Скит отстраивается на том самом месте, где некогда стоял деревянный монастырь. До сих пор в земле находятся мелкие предметы - современники монастырской жизни. Церкви переданы в вечное пользование окружающие земли: 10 гектаров пашни и 4 гектара леса.

Из местных жителей постоянными помощниками в строительных делах стали Алексей Егоров, уроженец деревни Поречье, который, будучи отроком в дни разорения храма, спас от уничтожения богослужебное Евангелие, сохраняющееся до сих пор в церкви, и Алексей Шарин из деревни Еваново, внук Леохновского сторожа и звонаря.⁷⁰

Все работы выполняются на пожертвованные средства. Средствами и усердием новгородского предпринимателя Иванова Владимира Никандровича восстановлена в монастыре колокольня, ведутся ремонтные работы. (Сост.) Возрождению монастыря способствует администрация Старой Руссы. Собственный доход церкви очень мал: едва хватает на текущие нужды.

За последний год увеличилось число паломников, приезжающих сюда поклониться святым мощам преподобного Антония. В 1992 и 1993 гг. на празднование памяти святого в церкви служил Божественную литургию епископ Новгородский и Старорусский Лев. Летом 1994 г. празднование перенесения мощей преподобного собрало Божией милостию на архиерейскую службу, возглавленную епископом Львом, освященный собор из семи священников и двух протоиереев. Украшало службу благолепное пение хоров двух кафедральных соборов епархии - Новгородской Софии и Старорусского Воскресенского собора. По старинной традиции, впервые за многие годы в селе устраивалась праздничная ярмарка.

Возрождающийся скит остро нуждается в средствах на восстановительные работы и ждет благочестивых поселенцев, готовых к молитвенному подвигу, трудам во славу Божию и к прославлению преподобного отца нашего Антония, который и поныне исцеляет недужные души притекающих к нему с верою православных христиан.

Адрес монастыря:
с. Леохново Старорусского района Новгородской обл.
Телефон: 8-252 7 54 35. Отец Александр.

Сказание

о преподобном отце нашем

Серапионе Кожеезерском ^{2, 4}

Память его празднуется месяца июня в 27-й день

† 1611

Сведения

о преподобном отце нашем

Авраамин (в схиме Антонии)

Кенском, Кожеезерском ²

Память его празднуется месяца июня в 7-й день

† 1634

Серапион Кожеезерский

По рукописным святцам, «преподобный отец Серапион, иже на Кожеезере в Каргопольском уезде, новый чудотворец, представился в лето 7000 июня в 27 день». Преподобный Серапион – прекрасное деревцо, принесшее превосходные плоды святой любви после того, как дикою отраслью привился он ко Христу Господу. В числе Казанских пленных татар, принявших святое крещение, был молодой мурза Туртас Гравирович, принявши при купели имя Сергия. Он жил в доме боярина Захария Ивановича Плещеева, женившегося на Астраханской царице

Ельякше, в крещении Иулиании. Царь ласкал его. Сергей так искренно, так глубоко полюбил святую веру, что решился расстаться с миром, чтобы выполнять самые высокие правила новой веры. Обойдя иноческие пустыни, на пустынном острове озера Кожи встретил он отшельника Нифонта, пленился жизнью его и остался жить с ним. Это было в 1560 г. Пищею для отшельников служила трава и частью - ягоды. Сергей со всею точностью выполнял наставления Нифонта. После испытания, данного себе самому, Сергей просил старца постричь его в иночество. Старец, видя искренность и чистоту желаний его, назвал его при пострижении Серапионом.

Мало-помалу узнали строгих отшельников, и молва о их высокой жизни стала привлекать к ним ревнителей духовной жизни. Отшельническая жизнь Серапиона продолжалась почти 18 лет. Когда собралось к Нифонту и Серапиону довольное число иноков, Нифонт отправился в Москву просить земли для обители, но скончался в Москве, не начав там дела. В обители не знали о судьбе Нифонта и по недостатку съестных припасов стали чувствовать голод. По состраданию к страждущим Серапион отправился испрашивать подаяния. Ему дали хлеба в зерне и жернова. По мхам и лому хвороста он принес все это на себе в обитель и спас братию от голодной смерти.

Узнав о кончине Нифонта, блаженный Серапион отправился в Москву. Здесь получил он царскую грамоту от 30 сентября 1584 г., которою предоставлялась земля для новой обители по 4 версты во все стороны, а митрополитом Дионисием дана была грамота с благословением на устройство монастыря. Возвратясь на свое место, блаженный Серапион расчистил с иноками для пашни лес, оградил место обители оградой и соорудил храм в честь Богоявления Господня.² Потом вторично ходил в царствующий град с иноком Авраамием за антимином для новой церкви. Патриарх Иов восседал тогда на святительском престоле. Он рукоположил Авраамия в сан иеромонаха и поручил Серапиону строительство обители.⁴

Скоро потом был построен и освящен другой храм, теплый, в честь святителя Николая. Вот что говорил сам блаженный Серапион в просьбе своей к царю в 1595 г.: «Поставлен на Лопском озере, на Кожеозере, храм во имя Богоявления Господня, а другой – теплый, во имя святителя Николая;

устроен общий монастырь. А строение его продолжалось 36 лет. Но ныне начали посылать с Москвы в Богоявленский монастырь опальных людей, а им старцам и самим питаться нечем и беречь тех людей некому. Царской милостыни ни деньгами, ни хлебом не выдается. Вотчинные земли Богоявленской обители, всего четыре обжи на реке Онеге, куплены, и они сами, приезжая, пашут пашню, а крестьян у них нет; сами же варят соль в Пияле для монастырского расхода. Да на посаде, в Турчасове, куплен для приездов двор. Мимо монастыря проходили царские ратные люди, и они, помогая им и доставляя подводы, много задолжались». Вследствие сей просьбы царь освободил земли Кожеозерской обители от податей и повинностей.²

Вскоре соорудил Серапион и другую церковь - Благовещения Богоматери, по благословению митрополита Новгородского Александра и по его прошению, митрополит Исидор учредил в 1608 г. игуменство в новой обители, назначив настоятелем Авраамия. Три года спустя преставился к вечной жизни блаженный Серапион (27 июня 1611 г.) после 46-летних подвигов в пустыни Кожеозерской, в которой собралось под сению его до 40 человек иноков. Между ними особенно прославились святостию жизни Леонид - основатель Усть-Недумской пустыни - и преподобный Никодим - отшельник Хозь-Югский.⁴

Жизнь преподобного Серапиона говорит нам: *«Мы погреблись со Христом крещением в смерть, дабы как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и мы ходили во обновленной жизни. Итак, да не царствует грех в смертном теле, чтобы вы повиновались ему в похотях (Рим. 6. 4-12).»*²

Тропарь и Кондак общи.

См. стр. 766

СРЕДЕНИЯ

о преподобном отце нашем, игумене

АНТОНИИ СОЛОВЕЦКОМ 8, 69, 55

*Память его празднуется месяца апреля в 17-й день
и месяца августа в 9-й день*

† 1613

Предшественник преподобного Иринарха Соловецкого, возведен на игуменство в 1604 г. † 1612 г., погребен в часовне преподобного Иринарха (Истор. Росс. Иер., II. 435. Ратшин, стр. 4).⁸

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Андроник (Трубочёв), игумен.

Антоний Соловецкий // ⁵⁵ С. 606-607.

Досифей, архимандрит.

Топографическое и историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря

// ⁶⁹ Москва. 1834 г. С. 90-114.

О преподобном Антонии известно, что он был иноком Соловецкого монастыря. Для братии он был образцом подвижника: «Бяше муж зело трезвен и великий терпеливец в подвизех иноческих, в молитвах и постех небесною помощию укрепляем, ко утешению и укреплению иноков и всех православных». За труды и иноческие подвиги Антоний был посвящен во игумена Соловецкого монастыря в 1605 г. Настоятельством ему довелось в Смутное время.⁵⁵

Слава о Соловецком монастыре далеко в старину простиралась в Шведских пределах, и могущество его известно было самим королям. Близкое соседство и частые войны, на которых храбрые Соловецкие стрельцы и поморские крестьяне одерживали знатные победы, заставили шведов уважать обитель Соловецкую.

Во время злосудных замыслов России, повсеместно возмущенной от поляков, когда разномыслие разделяло умы и сердца сынов ее и когда шведский король Карл IX, по просьбе царя Василия

Ивановича Шуйского, согласен был по условию, заключенному в Выборге, отправить в Россию вспомогательное войско, тогда шведский Улеаборгский наместник и Каяненбургский воевода Исаак Бем, уведомляя о сем в 1609 г. Соловецкого игумена Антония, требовал от него ответа: кого он признает в России царем и желает ли королевской помощи.

Переписка сего настоятеля со шведскими воеводами и королем Карлом IX о делах Государственных весьма достопримечательна, ибо открывает неизвестные еще до сего времени нашим бытописателям события, происходившие тогда на Севере, и подтверждает уже ими описанные.

Король Карл IX, поддержки которого в борьбе с поляками просил царь Василий Шуйский, неоднократно обращался через своих воевод к Антонию с целью узнать, готов ли монастырь принять помощь и впустить шведские войска на Русь. С мнимым доброжелательством, нимало не помышляя о пользах России, исполненные лстивых выражений, воеводы советовали игумену Антонию держаться законного царя Василия Ивановича Шуйского. По притворному ли дружеству или по духу лютеранства уведомляли его, что прямое намерение войны поляков, совокупившихся со Лжедмитрием по проискам Папы и Римского Императора, состоит в том, чтобы поколебать в России Греческое вероисповедание; а притом непременно желали знать от него, игумена, признает ли он Василия Ивановича законным своим Государем, и предлагали с королевского повеления в случае надобности свое вспоможение.⁶⁹

Любой ответ шведам означал предательство, поэтому игумен Антоний не отвечал на многочисленные послания. В 1610 г. царь Василий был низложен и увезен в Польшу, в августе того же года царем стал королевич Владислав. 12 марта 1611 г. игумен Антоний писал шведскому королю, войска которого захватили Новгород.⁵⁵ Содержание сего послания таковое: «Божиею великою милостию, великия России Великий Святитель, Святейший Гермоген Патриарх Московский и всеа Руссии, и благоверные великия Князи Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Казанский, и Псковский, и всего Московского Государства, Царского Величества, и богомолья Соловецкого монастыря и Сумскаго острогу, богомольцу игумену Антонию с братиею, тебе, великому Каролусу девято – Свейскому, Готскому, Венденскому, Финскому, Лопскому в Северной стране, Каянскому, Естенскому, и Влифляндскому Королю. Буди тебе ведомо, которые Литовские люди на Москве, великому Святителю Святейшему Патриарху, и боярам, и Князем, и дворянам, и всем детям боярским, и гостем и всем людям

всего Московского Государства крест целовали, и в том оне изменили и во всем солгали. А который назывался в Московском Государстве ложным Царевичем Дмитрием Ивановичем воровски; и того ныне убили, и в животе его нет. А писал с Москвы великий Святитель, Святейший Гермоген Патриарх Московский, и всеа России в Великий Новгород, и во Псков, и в Казань, и в Нижний Новгород, и на Вологду, и в Ярославль, и в Северные города, на Рязань, и во все города Московского Государства, и велел съезжаться к Москве ратным воинским людям, и стояти и промыслять единомышленно на Литовских людей; и Божиею милостию в Московском Государстве, у Святейшего Патриарха, и у бояр, и изо всех городов всего Московского Государства ссылаются, и на совет к Москве сходятся, и советуют стоять единомышленно на Литовских людей. А хотят избирати на Московское государство Царя и великаго Князя из своих прирожденных Бояр, ково Всесильный Вседержитель Бог изволит и Пречистая Богородица, а земель иноверцов никого не хотят. А у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге, и во всей Поморской области тот же совет единомышленный: не хотим никого иноверцов на Московское Государство Царем и великим Князем, опроче своих прирожденных бояр Московского Государства.

Писан в Сумском остроге, лета 7119 (1611) марта в 12 день».

Неприятен был шведскому королю сей патриотический ответ Соловецкого настоятеля. Время показало, что шведские воеводы, привыкшие к грабегам и убийствам, через дружественные письменные уверения токмо лестно старались выведать мысли, а в самом деле имели намерение завладеть как всем Поморьем, так и Соловецким монастырем. Они в то время, когда шведский военачальник де ла Гарди, нарушив святость договора, разорял Великий Новгород, в том же 1611 г. весною разбойнически напали на поморские монастырские волости, приступили под Кольский острог. Однако же мужеством воеводы, находившегося в сем укреплении, с уроном были отбиты и прогнаны. В то же лето, покушаясь на разорение Соловецкого монастыря, со многою силою приплыли они на судах к Беломорским островам, называющимся Кузова, которые отстоят от Соловецких к западной стороне чрез морской пролив на 30 верст. Но там, как свидетельствует старинная летопись, будучи омрачены невидимою Божиею силою и молитвами чудотворцев Соловецких, простояв целое лето, без успеха возвратились в свои места. После посланных о сем известий игуменом Антонием в Москву немедленно присланы были от Думы боярской воевода Михаил

Лихарев да стрелецкий голова Елиазар Беседново, которые с отрядом войск августа 15 прибыли в Сумский острог для удержания нападений вероломных шведов в область Поморскую.

Бедствия и опустошения, потрясавшие в сие время внутренность России, простерлись и на отдаленный Северный край. В течение 1613-1615 гг. опустошали поморские монастырские волости черкесы, возбужденные к грабежам поляками, и русские изменники под именем Литовских людей, которые, сначала не получив успеха по Холмогорским городам, устремились на Поморские. Все предано ими огню и мечу; один токмо Сумский острог с заключившимися в нем крестьянами с малым числом ратных людей устоял против многократных нападений неприятельских. Поморяне и храбрые стрельцы Соловецкого монастыря, выдержав трудную осаду, одержали потом знатные победы и вместе с прочими верными сынами Отечества совершенно истребили сих кровожадных грабителей. Тогда же шведские военачальники, до заключения Столбовского мира непрерывно неприятельски действовавшие, оказали и наглость в несправедливом требовании именем своего короля сдачи Сумского острога, принадлежавшего Соловецкому монастырю. Тщетно угрожали они бестрепетному настоятелю и достойному защитнику Отечества игумену Антонию, который, быв всегда сыном веры и верности, твердо им в том отказал. Грамота их, исполненная лжи и обмана, останется навсегда явным свидетельством их вероломной политики.

Заметить надобно, что в короткое царствование злополучного Царя и великого князя Василия Ивановича Шуйского и в продолжение междоусобия Соловецкая Лавра так же, как Троице-Сергиевская, усердием к общей пользе деятельно споспешествовала водворению спокойствия в Отечестве. Благоразумием игумена Антония спасена обитель Соловецкая, а с нею и вся область Поморская от шведских воевод, которые сперва лестью и коварством, а потом и вооруженною рукою намерены были отторгнуть страну сию под владычество королей шведских.

В 1609 г. знаменитый русский воевода Михайло Васильевич Шуйский-Скопин получил в Новгороде пожертвованных от монастыря на наем шведских войск 2000 руб. Сам царь Василий Иванович, извещая игумена Антония, что за общий разврат соотечественников попустил Бог нашествие иноплемеников (польских), и, жалуясь, что Государственная казна была уже истощена, из прочих монастырей вся наличная сумма взята, предлагал о немедленной присылке денег на жалованье ожидаемым в помощь бедствующей столице шведам и татарам; почему в 1610 г. послано было в Москву монастырской суммы 3150 руб. монетою да Печенгского монастыря 398 руб. 150 ефимков и ложка серебряная. Благодарный

монарх при милостивых обещаниях, несмотря на смутные обстоятельства, особенною грамотою подтвердил имущественные права, дарованные монастырю от прежних Государей. Поморцев, разоренных от шведов, освободил на два года от государственных и прочих земских повинностей, для того наиболее, что они должны были от нападений шведов защищать и беспрестанно оберегать Соловецкий монастырь и прочие береговые укрепления. Тогда же по приговору бояр и воевод после очищения Москвы от поляков выдана была на владение в сем городе старинного подворья Соловецкому монастырю крепость. Подлинник сей крепости с прочими старинными документами хранится в монастыре, а копия помещена под числом XXVI.⁶⁹

Мудрая осторожность игумена Антония спасла не только Соловецкий монастырь, но и все русское Поморье от иностранной интервенции, а Москву - от нападения с Севера. 41 год подвизался преподобный Антоний в иноческом чине и преставился марта 21 дня 1613 г. Погребен он под Спасо-Преображенским собором обители. Над местом погребения преподобного Антония впоследствии устроили раку.⁵⁵

Тропарь, глас 8

Отече́ ѡтче́ Анто́нне, изве́стенъ бы́сть
спасе́ннѣ образъ. Воспри́имъ во крѣстъ
послѣ́довалъ еси́ Христу́. Творя́ше же и
уча́ше, еже́ презрѣ́ти плоть, прехо́дитъ во,
приле́жати же о́ души́ вещи́ безсмертне́й.
Те́мже и со́ а́нгелы ра́дуется́ преподо́бне́ ду́хъ
тво́й.

Кондакъ, глас 2

Истото́ю ду́шевною́ Божѣ́ственно
воору́жився, и непреста́нныя моли́твы,
яко́ копие́ вручи́въ крѣ́пко, пробо́л еси́
весо́вская ополче́ннѣ, Анто́нне, ѡтче́ нашъ, моли́
непреста́нно о́ все́хъ насъ.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, игумена

Иринарха Головецкого ^{10, 2}

Память его празднуется месяца июля в 17-й день

† 1628

Преподобный Иринарх, приняв иноческое пострижение в Соловецкой обители, ревностно подражал добродетельной жизни преподобных отец Зосимы и Савватия. Высокие качества души его сделали его известным царю, и «светильник» был поставлен «на подсвечнике» (Матф. 5, 15). По смерти игумена Антония, Иринарх был

поставлен Соловецким игуменом. Сколько забот и трудов предстояло преподобному Иринарху! Смирный и кроткий, всегда погруженный в богомыслие и занятый иноческими подвигами, он в то же время по воле царской предпринимал меры защиты от врагов – шведов и датчан – и приводил монастырь в оборонительное состояние. В Сумском и Кемском острогах сделаны новые укрепления, число военных людей на содержании монастыря увеличено до 1040. Но с попечением о внешней безопасности обители преподобный соединял заботливость о внутреннем духовном преуспеянии ее. Будучи сам примером подвижничества, он ревновал о поддержании в подчиненных ему

иноках духа истинного монашества.¹⁰ Эта ревность заставила его просить царя, дабы словом царской власти напомнил он забывчивым инокам о их обязанностях. И царь Михаил Феодорович, вполне сочувствуя стремлениям игумена, в своей грамоте от 9 февраля 1621 года писал: «Известно нам стало, что в Соловецком монастыре некоторые из братии дерзают жить не по священному уставу, не по правилам святых Апостолов и Богоносных отцов, не по преданию преподобных отцов Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, хотят ходить по своим волям. Мы, слыша это, дивимся, что в такой знаменитой лавре начинают жить так слабо, ни во что считая отеческие предания. Как только придет к вам наша грамота, вы, богомольцы наши, введите строгий надзор и не допускайте исполнять свою волю тем, которые захотят жить слабо, уклоняться к мирским делам или держать (хмельное) питье, выходить из монастыря и творить молвы; строго надзирайте, чтобы братия и послушники жили по правилам святых отцов, а не по своим похотям, и усердно ходили бы в церковь. Пусть новоначальные будут в полном послушании у вас, богомольцев наших, игумена и известных старцев, а по самоволию ничего не делали бы, бесчиния в обитель не вносили бы. Остерегайтесь, чтобы для дел неправедных не хулилось имя Божие между неверующими и чтобы таким слабым житием не навелась гнева Божия. Тех, которые из братии не будут слушать, вы смиряйте по монастырскому преданию и не попускайте самовольничать».²

Под духовным руководством преподобного Иринарха образовалось несколько истинных рабов Божиих. Таков преподобный Елеазар, основатель Анзерского скита. Блаженный игумен не только дал ему благословение завести на Анзерском острове скит для любителей пустынной жизни, но и доставил ему средства для устройства скита и писал о нем Патриарху Филарету. Патриарх прислал грамоту на постройку храма, а царь - утварь для нового храма.

Приготовляясь к кончине, преподобный Иринарх испросил себе увольнения от дел начальственных и последние два года жизни провел в совершенном безмолвии.

Он преставился 17 июля 1628 года. Мощи его почивают под спудом в часовне его имени.

Посмертные явления преподобного Иринарха свидетельствовали о том, что он обрел благодать у Господа и сделался молитвенником за бедствующих и страждущих. Инок Виталий, любимый преподобным, по кончине его скорбел и печалился, но был утешен следующим знаменательным видением. В 40-й день, когда братия совершали по усопшем обычное поминовение в трапезе, инок ночью того дня в тонком сне увидел самого игумена Иринарха, который, со светлым лицом, в епитрахили и с кадилом в руке, ходил по рядам братии и кадил.

Иеромонах Вениамин также со скорбью и слезами вспоминал почившего игумена, и, когда после продолжительной молитвы лег на одр, ему показалось, что в келью вошел сам преподобный Иринарх, благословил его и сказал: «Сын мой, зачем скорбишь обо мне! Я получил милость от Владыки, Христа Бога нашего, и нахожусь в покое; ты же не печалься, а радуйся обо мне и старайся о своем спасении». С этими словами преподобный стал невидим, а сердце Вениамина исполнилось радостью.

В 1636 году в игуменство Варфоломея Маркелл, впоследствии Соловецкий игумен и архиепископ Вологодский, находясь вне монастыря на послушании, увидел во сне, будто стоит он в Преображенском соборе обители у западной стены, а пред царскими воротами - лестница, достигающая большой главы. Игумен Иринарх, сойдя по той лестнице, направился к игумену Варфоломею, взял посох из рук его и сказал: «Довольно, брат, не твое это дело», потом, взглянув на Маркелла, произнес: «Подойди и возьми этот посох». Маркелл приблизился, взял посох - и видение окончилось.

В 1642 году, в марте, благочестивый трудник в монастырской кузнице Иоанн Емельянов после продолжительной молитвы в своем чулане задремал и увидел во сне, что приполз из дверей змей и укусил в руку. В самом деле, на одном пальце оказалась язва, рука начала пухнуть и отекала так, что владеть ею было невозможно. На третью ночь опять увидел Иоанн во сне, что к нему вошли два старца; одного

он тотчас узнал, - это был преподобный Иринарх, а другой, с сосудом и кистью в руке, остался неизвестен. Иринарх, благословив больного, взял у своего спутника кисть и окропил распухшую руку Иоанна. Проснувшись, больной нашел платок, которым была обвязана рука, мокрым. Скоро Иоанн совершенно выздоровел и прославил угодника Божия.

Преподобный Иринарх не раз помогал жителям сурового севера в борьбе их с природою. Такую помощь получили от него в 1629 году жители Двинской страны, промышлявшие в море. Сильным ветром занесло суда их в море, где они и плавали во льдах много дней. Бедствующие усердно молились Богу об избавлении от гибели. Когда настала ночь, одному из кормчих явился во сне старец в священническом облачении, украшенный длинною седою бородою, с крестом в руке. «Встаньте, - сказал он, - молитесь Богу, призывайте на помощь Соловецких чудотворцев, и Господь вскоре окажет вам милость». После этого он осенил всех крестом и на вопрос, кто он и откуда, отвечал: «Я игумен Соловецкого монастыря Иринарх». Кормчий, проснувшись и поглядев около себя, никого не увидал. В ту же ночь преподобный явился и на другом судне, повелевал не унывать, но уповать на милость Божию, назвался Иринархом и своим посохом указал путь к Анзерскому острову. Это видение укрепило ослабевших промышленников. Вскоре ветер, переменяв направление, понес одно судно к берегу, где плователи нашли на льду множество морских зверей и возвратились домой с богатою добычею, а другое судно пристало к Анзерскому острову, и плывшие на нем, хотя и без добычи, возвратились домой, сохранив свою жизнь от опасности.

Подобным образом жители Варзуги весною плавали в море для добычи морских зверей и, не имея успеха в промысле, возвращались домой. Встретив большую льдину, они вытащили на нее свои суда и спокойно легли спать. Во сне одному из них явился старец и сказал: «Вставайте, Бог даст вам добычу». Промышленник, проснувшись, увидел близ судна старца, который на вопрос, кто он, назвал себя Соловецким игуменом Иринархом и стал невидим. Товарищи, разбуженные

имевшим видение, выскочили из судов своих и нашли на льду чрезвычайное множество морских зверей. Изловив их, они возвратились домой, прославляя угодника Божия.

Жители Сумского острога, промышляя в море на 15 судах, пристали у Анзерского острова к льдине, на которой, вытащив свои суда, легли спать. Оставленный ими сторож, задремав, вдруг услышал голос: «Зачем спишь? Вставайте и влеките суда свои дальше на лед». Проснувшись, он увидел пред собою высокого ростом старца, который, назвав себя Соловецким Иринархом, стал невидим. Но сон одолевал сторожа. Опять явился ему старец и вскричал: «Вставайте, ваши суда повредит льдом». Между тем на море поднялась великая буря. Тогда сторож поспешил разбудить товарищей, которые едва успели огтащить свои суда дальше на лед; некоторые снасти были уже унесены волнами.¹⁰

Тропарь, глас 4

Пóстническое по́ Бозе жити́е возлюбѣвъ, всѧ
плотскáя мѹдровáния дѹхѹ покорѣл еси́ и
воздержáнием стрáсти ѹмертвил еси́, во
трѹдѣхъ, и бдѣнїихъ, и молѣтвахъ образъ бѣвъ
добродѣтели, тѣмъ мона́шескаго житїя́ наставникъ
показáлся еси́, о́тче преподóбне Ирина́рше, моли́
Христá Бóга спастїся дѹшáм нáшимъ.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего
Дамниана (в мирѣ Дномиды,
в схимѣ Днодора)

Юрьегорского, Каргопольского ¹

Память его празднуется месяца ноября в 20-й день

† 1633

СВЯДЕНИЯ

о преподобном отце нашем
Прохоре (Порфирии) Юрьегорском,
Архангельском ¹

Память его празднуется в 3-ю Неделю по Пятидесятнице

† сер. XVII

и

Алексии Головецком, Калужанине ¹

Ефреме Черном, Головецком ¹

Носифе I Головецком ¹

Носифе II Головецком, Младшем ¹

Севастиане Головецком ¹

Тихоне Головецком, Москвитанине ¹

Трифоне Головецком ¹
Феодуле Головецком, Рязанце ¹

пустынниках

† сер. XVII

и

Кирике Головецком ¹

больничном старце

† сер. XVII

и

иеромонахе

Мисаиле Головецком ¹

пустыннике

† ок. 1617

и

Тимофее (в схиме Феодоре) Головецком,

Алексинце ¹

пустыннике

† 1634

Память их празднуется месяца августа в 9-й день -
в Соборе Соловецких святых

Преподобный отец наш Диодор родился в конце XVI столетия в селе Турчасове Каргопольского уезда, на реке Онеге, близ Белого моря. Отца его звали Иерофей, мать — Мария. Во святом крещении он получил имя Диомид. Когда Диомиду было 15 лет, приняв благословение родителей, он отправился помолиться в Соловецкий монастырь и не возвратился оттуда в родительский дом. Он полюбил монастырскую жизнь и трудился в славной обители три года, проходя разные службы с полным послушанием, без всякого прекословия и ропота, за что и любим был всеми. Со страхом Божиим и смирением стоял Диомид в храме, слушая священное пение и чтение. Более всего хранил он чистоту телесную и уклонялся от тех братий, которые небрегли этой добродетелью. Всею душою юный подвижник стремился к ангельскому образу, и, когда ему минуло 19 лет, он слезно молил игумена Антония (игумен Антоний управлял Соловецким монастырем с 1603 по 1612 гг.) сподобить его иноческого пострижения. Видя смирение и слезы юноши, игумен дал повеление постричь его и наречь в монашестве Диодором. Затем передал новопостриженного инока под руководство старца, опытного в иноческом житии священноинока Иосифа, родом из Великого Новгорода. (Пострижение преподобного Диодора было при игумене Антонии. Значит не ранее 1603 г. и не позднее 1612 г., через три года по приходе преподобного в обитель, когда ему было 9 лет. Следовательно, он родился между 1584 и 1593 гг. Пришел в Соловецкий монастырь между 1600 и 1609 гг.)

Священноинок Иосиф, старец преподобного Диодора, был великим почитателем пустынного, отшельнического монашества и нередко рассказывал своему юному послушнику, как в лесных дебрях спасаются святые пустынники. Рассказы эти возбуждали в молодом иноке горячее желание самому поселиться в лесу с пустынножителями и подражать многотрудному, вышеестественному житию их. Преподобный Диодор не престанно помышлял теперь только об этом, хотя усердно исполнял и возлагаемые на него трудные монастырские службы в хлебе и поварне.

Однажды, трудясь с братьями в хлебне, преподобный смотрел на озеро (здесь, вероятно, разумеется Святое озеро, которое лежит близ самого монастыря с восточной стороны) и вдруг сказал им: «Смотрите, братия, по воде, как посуху, ходит пустынножитель». Но братья посмотрели и ничего не увидали. После того подвижник служил в квасопарне, трудясь без лености, усердно молясь Господу в храме и в келии.

Много лет подвизался так преподобный Диодор в Соловецком монастыре. Сюда пришел к нему старый его отец Иерофей, к радости преподобного, принял монашеское пострижение и прожил в монастыре до смерти. Подвижник похоронил родителя своими руками.

По смерти отца у преподобного Диодора снова возникло настойчивое желание оставить многолюдный монастырь, уйти в пустыню, чтобы в безмолвии проводить там многоскорбное житие отшельника. Он выходит из Соловецкой обители на остров, чтобы разыскать тамошних отшельников, беседовать с ними и даже сожительствовать им. Сорок дней ходил он по острову, питался только травой и росой. Он изнемог от голода и еле дыша лег под деревом. Здесь нашли его братья Соловецкого монастыря, пришедшие сюда собирать растения и ягоды. Они сочли подвижника умершим и на носилках принесли к монастырскому подворью. Когда же братья заметили в нем признаки жизни и поняли, что он изнемогает от голода, тотчас же дали ему хлеба с квасом. Так был спасен ревнитель пустынного подвига от голодной смерти.

Этот несчастный случай не удержал, однако, преподобного Диодора от исполнения заветного желания. Вскоре он снова отправляется на Соловецкий остров и поселяется на нем. На первое время преподобный занял одну пустую келию, оставленную неизвестным пустынником. Потом, когда подобному удалось встретить двух отшельников и беседовать с ними о пустынном житии, он еще более возлюбил подвиг отшельничества, сам поставил себе в лесу хижину и пребывал в ней, трудясь днями и проводя ночи в молитве.

Но преподобного не оставляла прежняя мысль посетить всех отшельников острова, безвестных тружеников и рабов

Божиих, скрывавшихся от человеческих взоров в лесных дебрях. Помолясь Господу и Соловецким чудотворцам об исполнении своего заветного желания, преподобный Диодор начал обходить пустыню. И не презрел Господь молитвы угодника Своего: сподобил его видеть многочисленных отшельников - иноков и мирян, которые тогда спасались на Анзерском и Соловецких островах. В житии преподобного называются следующие отшельники: старец Ефрем Черный, мирянин Никифор Новгородец; иноки: Алексей Калужанин, Иоасаф, Тихон Москвитин, Феодул Рязанец, Порфирий, Иоасаф Молодой, Севастиан, имена других не названы. Желая облегчить их подвиг, преподобный начал часто приходить в монастырь и приносить им оттуда пропитание. Погребал скончавшихся.

Однажды зимою пошел он в пустыню и встретился с отшельником Никифором, мирянином, родом из Новгорода. Отшельник был совершенно нагой. Обратившись к преподобному, он сказал: «Посещай, посещай, Диодор, чтобы и самого тебя посетил Бог». И побежал. Преподобному хотелось побеседовать с пустынником, но он не мог догнать его.

В другой раз преподобный Диодор посетил еще более совершенного отшельника, удостоился беседы с ним и узнал, кто он такой. Его имя было Тимофей, родом из города Алексина (уездный город Тульской губернии). Он ушел в пустыню в Смутное время, в царствование Расстриги (так называли первого Лжедмитрия, которого считали расстриженным чернецом Григорием Отрепьевым; царствовал с 1605 г. по 1606 г.), видя мятеж и расстройство в Московском государстве. В малой ладье приехал Тимофей к острову, достиг пустыни и, построив себе хижину, водворился в ней. Пустынник три года терпел тяжкие искушения и голод, пока явившийся светообразный старец не указал ему траву, которой он должен питаться, и воду, которую должен пить. Одушевленный рассказом пустынножителя, преподобный Диодор решил окончательно поселиться в пустыне в сожитии с Никифором и Тимофеем. «Раб Христов, - сказал преподобный Тимофею, - моли Бога, чтобы и меня сподобил Он сожительства с вами, чтобы

укрепил наше сожительство, помог нести мне этот труднейший подвиг для спасения моей души».

Теперь преподобный стал часто ходить к обоим отшельникам, приносил им все необходимое, молил и увещевал продолжать высокий подвиг их, утешал в скорбях, сам обещался до смерти хранить обет иночества и неисходно пребывать в пустыни. Его пример нашел подражателей.

Но братия Соловецкого монастыря начали роптать на преподобного Диодора и говорили: «Он разоряет монастырь, а пустыни устраивает монастырским добром. Пустыни наполняет братиями, которых уводит из монастыря. Проживая в пустыни, они уж не трудятся для обители. Прельщаются и другие. Если теперь будем мы послаблять ему, то он соблазнит многих и немалый вред принесет монастырю».

В это время в пустыню преподобного Диодора ушел из монастыря больничный келарь Кирик. Оскорбились этим больничные братия и слезно просили своего игумена, преподобного Иринарха, чтобы он велел отыскать Кирика в пустыни у отшельника Диодора. «Кирик опечалил нас своим отшествием, - говорили они игумену, - потому что никто не умел так покоить нас, как он. Скорбим мы теперь». Слыша их жалобу, игумен и вся братия Соловецкая сильно разгневались на преподобного Диодора. Послали на остров некоторых из братьев, стрельцов и монастырских работников, чтобы разыскать преподобного и других отшельников. Их нашли, схватили и привели в монастырь как преступников; келии их разорили. Преподобного же Диодора, как виновника всему, как главного злодея, привели связанного. Всем пустынным было приказано жить в монастыре, а преподобного заковали в железо и бросили в темницу. Здесь он пробыл пять с половиною месяцев в строгом заключении, не имея возможности выйти ни в церковь, ни к братии. Освободившись по Божией милости от уз, преподобный тайно покинул монастырь уже навсегда и ушел в прежнюю свою пустыню. Все келии и жилища пустынных были разорены. Видел это преподобный, скорбел и молился со слезами: «Милостивый Господи, Владыко Человеколюбче! Если угодно тебе это, да будет воля Твоя!»

Долго и усердно искали преподобного Диодора братия Соловецкого монастыря, но не нашли, так как Господь покрыв раба Своего. Шесть месяцев прожил преподобный в пустыни и непрестанно молил Господа и Соловецких угодников, чтобы найти ему более удобное и безопасное место для безмолвия. Один только, кажется, человек из Соловецкой братии знал место пустынного уединения преподобного Диодора - родной брат его (имя его неизвестно), который иногда и посещал пустынника.

Раз пришел он к келии брата отшельника; не получив ответа на свое молитвенное приветствие, он вошел внутрь келии и увидал преподобного без чувств лежащим на земле, сильно распухшим. Подвижник объяснил брату, что избит бесами.

После того преподобный Диодор решил уйти для подвигов на другое место. Он переехал на лодке море и, выйдя на берег в устье реки Онеги, возблагодарил Господа, помогшего ему безопасно переплыть морскую пучину. Оттуда он поплыл вверх по реке, ища места для поселения. Преподобному понравилось пустынное место по речке Кене, не доходя Кенозера. Кена - левый приток реки Онеги. Она вытекает из Кенозера - озера на границе Пудожского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии. Диодор решил там поселиться: сотворив молитву, поставил крест, срубил келию и предался обычным подвигам, прилагая труды к трудам, принося Господу благовонное кадило молитв своих. Но ревностного отшельника и здесь ждали испытания. Около того места крестьяне ловили зверей. Встретив преподобного, они избили его, сожгли келию и лодку; надругаясь над старцем, таскали его за ноги и оставили еле живым. При этом они кричали подвижнику: «Зачем поселился ты здесь? Уж не хочешь ли поставить монастырь? Не задумал ли отнять насильно наши угодья и рыбную ловлю? Если не уйдешь отсюда, убьем тебя».

Преподобный ушел оттуда, молясь Господу за своих обидчиков. Придя к реке Онеге, подвижник стал под берегом на обычную молитву, а в это время ехал к реке богатый московский купец Надея Светечников. Увидя старца, он поклонился ему и спросил, откуда и кто он. «Нищий я и скитаюсь», -

смиренно отвечал подвижник. На настойчивые расспросы купца преподобный Диодор рассказал ему о своих злоключениях. Купец разгневался на крестьян, пожалел невинно обиженного подвижника и сказал ему: «Я донесу обо всем царю, и он отмстит твоим обидчикам». Но старец не желал этого и молил своего защитника: «Нет, господин мой, не делай этого, не доноси царю». Купец обещал исполнить волю кроткого старца, но, придя в Кинозерское село, рассказал местному судье о поселянах, избивших святого, и грозил донести на них. Виновные испугались; они разыскали подвижника и, припадая к его ногам, умоляли вернуться на прежнее место, соглашаясь устроить ему келию и всячески покоить его.

Но преподобный Диодор удалился от них к Заводлому озеру и нашел там пустынное место - гору Юрьеву при Юрьеве озере. Место это отличалось красотой и показалось преподобному удобным для отшельничества. И возрадовался пустыжник, возблагодарил Господа, водрузил крест, построил келью и предался подвигам пустыни: трудам и молитве. Семь лет подвизался здесь преподобный Диодор совершенно один. После того пришел к нему некий инок Прохор. Он увидел труды преподобного, удивился его вышеестественному житию и остался его сожителем.

Много раз пустынники слышали звон на месте том, слышали его и приходившие сюда мирские люди и рассказывали об этом святому старцу. Преподобный же прославлял Господа. И вот однажды явился ему святолепный муж и сказал: «Богу угодно, чтобы на месте этом был храм во имя Живоначальной Троицы, другой - во имя Пречистой Богородицы, честного и славного Ея Введения, третий во имя преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев; соберутся сюда братия и общежитие умножится».

Но пустыжник не помышлял о создании монастыря, поэтому не придавал видению особенного значения. Когда видение повторилось и повторялось вместе с тем небесное повеление, преподобный Диодор стал советоваться с Прохором и говорил своему сожителю: «Недоумеваю, как могу устроить общежительный монастырь тремя храмами, когда

не имею ни одной медницы». Когда так смущался и размышлял пустынник, в следующую ночь явился ему в третий раз святолепный муж и сказал: «Что ты помышляешь в сердце своем и недоумеваешь? Ты беспокоишься, что ничего не имеешь? Но пойми, что судьбы Божии неиспытанны и **вся возможна сѣть ꙗко Бѣга** (Мр. 10. 27); не думай теперь ни о чем». Далее явившийся посылает преподобного в Москву, к келарю Троицкой лавры, велит рассказать ему все происшедшее и обещает, что келарь будет строить это место, что найдутся и другие строители монастыря. «Ты же не преслушайся, - говорил явившейся муж преподобному, - и не наводи на себя гнева Божия». И стал невидим.

Той же ночью преподобный решил идти в Москву. Он сказал Прохору о своем решении, просил его потерпеть на этом месте его возвращения и с молитвой отправился в дальний путь.

Пришел преподобный Диодор в Троице-Сергиеву лавру, помолился у мощей Сергия и Никона Радонежских чудотворцев, но келаря Александра Булатникова в лавре он не застал: в то время келарь был в Москве. (Александр Булатников, постриженник Соловецкого монастыря, был келарем Троицкой лавры с 1622 г. по 1642 г. Будучи знатным по происхождению и восприемником детей царя Михаила Феодоровича, Александр имел значительные средства и давал богатые вклады главным образом в монастырь преподобного Сергия.) Преподобный Диодор поспешил в Москву, молился перед ее святынями и разыскал келаря Александра. Келарь рассказал о пришедшем из Поморского края пустыннике благочестивой матери царя Михаила Феодоровича инокине Марфе.

Инокания Марфа, насильно постриженная в монашество Борисом Годуновым в 1601 г., была женою боярина Феодора Никитича Романова, в монашестве Филарета, и называлась в миру Ксения Ивановна. Она призвала преподобного к себе, расспрашивала его о пустынной жизни, о месте подвигов, о видении, которого он удостоился, дала церковные сосуды, образа, книги, ризы, колокола и двести рублей денег на устройство церквей и монастыря. Обещалась жертвовать и на будущее время, приказала старцу приходить к ней и

напоминать о разных нуждах пустынной его обители. Она повелела преподобному с усердием устроить монастырь свой и сказала о пустыннике своему сыну, царю Михаилу Феодоровичу. Царь дал ему грамоту. Келарь Александр также снабдил преподобного книгами, ризами, колоколами и деньгами. Купец Надея Светечников пожертвовал ему два колокола и книги. Жертвовали и другие христолюбцы и давали подвижнику 300 рублей.

Из Москвы преподобный Диодор пошел в Великий Новгород, к митрополиту Киприану (управлял Новгородской митрополией с 1626 г. по 1634 г.), своему епархиальному владыке, чтобы просить его дозволения на устройство монастыря. Келарь Александр дал преподобному письмо к митрополиту с просьбой оказать покровительство подвижнику.

Новгородский владыка принял пустынника Диодора очень ласково, поместил у себя, расспрашивал и полюбил святого старца. С радостью дал митрополит Киприану благословенную грамоту на построение монастыря, антиминс на освящение церкви, денег, разных припасов на путь, дал ему жалованную грамоту, которой освобождал монастырь от податей, и священника, который был должен совершать богослужение в новоустроенной обители. Отпуская подвижника, митрополит обещал ему покровительство и помощь и на будущее время.

Радостно шел преподобный Диодор в свою желанную пустыню, размышляя и удивляясь тому, как это, ранее ничего не имея, он получил все нужное для устройства храмов и монастыря. Еще более возрадовался, увидев своими глазами дорогую пустыню, убогую келию и сожителя своего Прохора, который дождался здесь возвращения подвижника.

Преподобный начал трудиться над созданием обители. Прежде всего он обратился к Господу с усердной молитвой показать ему то место, где должен быть устроен главный храм монастыря, и удостоился видения. Он видел, что с неба сошел превеликий крест и стал на горе. Около креста вилось множество воронов, которые спустились потом на гору и расселись по деревьям. И услышал он голос, говорящий: «На сем месте да воздвигнется храм Пресвятыя Троицы.

А сколько видишь здесь птиц, столько сойдется сюда иноков, и на сем месте прославится имя Божие». Преподобный поведал Прохору о видении, и они прославили Бога.

Потом подрядили плотников и работников рубить лес на церковное здание. Когда лес был готов, приступили к постройке деревянного храма во имя Живоначальной Троицы. В прежнее время на Юрьевой горе было языческое кладбище, ложным богам приносились там жертвы, и место это было нечисто. Когда начали строить храм, гора тряслась, слышны были в ней крики. Плотники испугались и хотели оставить работу. Тогда святой совершил на горе молебное пение, окропил место святою водою, и бесы с шумом и криками бежали в Юрьевое озеро, потом исчезли в лесу. Поставив храм во имя Живоначальной Троицы, приступили к постройке Введенского храма и придела во имя Соловецких чудотворцев. Устроили келии, монастырь обнесли оградой. Иерей, приведённый преподобным Диодором из Новгорода, совершал богослужение в главном храме.

Братии в новоустроенной обители первое время было всего трое: преподобный Диодор, его сожитель Прохор и священник, пришедший из Новгорода. Но потом один по одному начали сходить к ним миряне, постригались в иноческий образ и трудились в пустынной обители со смирением и послушанием. Сам преподобный прилежно и с любовью трудился для братии и в хлебе, и в поварне, мыл братские свиты и заботился о братии, как отец о детях. Новоначальных братий он утешал и поучал трудиться, подвизаться и избегать празднословия, которым враг часто прельщает иноков.

Раз, стоя на молитве, преподобный видел как бы медный столб от земли до неба. У столба того висят крючья, и по ним поднимаются многие иноки. Одни по крючьям и столбу восходят до небес, небеса отверзаются, великий свет обвивает пришедших, и небеса затворяются снова. Другие поднимаются лишь до половины столба и падают на землю, чтобы снова начать восхождение. Видение означало трудность и высоту иноческого подвига.

Когда в монастырь Живоначальной Троицы собралось много братии, почувствовался недостаток в хлебе и других предметах пропитания. И неоткуда было получить их обители: место ее далеко отстояло от мирских сел. А в летнее время по причине окружающих болот к ней не было и дороги. Только с большим трудом и по крайней нужде проходил кто-нибудь до обители. Настал голод, и братия начали роптать на преподобного Диодора: «Неразумно истратил ты все средства на постройки: в одно время выстроил три храма, поставил келии, оградил монастырь. А теперь нам нечем питаться. Лучше бы ты поставил сначала один храм, а другой после. Не можем переносить мы голода и завтра же утром все разойдемся, кто куда хочет». Старец утешал их и говорил: «Потерпите, братия. Бог нас не оставит, ибо может пропитать нас». Но братия не переставали роптать. Святой стал на молитву и просил Господа не оставить уповающих на Него. Тогда явился ему святолепный муж и сказал: «Не малодушествуй, укрепляй братию и вспомни, сколько душ пропитал Господь в пустыне: неужели же вас немногих не может Он пропитать? Трудитесь и благодарите Бога, ловите на озерах рыбу».

Явление это повторилось два раза. Но преподобный не верил своим видениям и считал их бесовским наваждением. Увидев святолепного старца в третий раз, он испытывал его, заставляя читать молитву. Явившийся прочел «Достойно есть» и лицо его озарилось неземным светом. Преподобный упал к ногам чудного старца и вопрошал его: «Кто ты, господин мой, и почему имеешь такое попечение о месте этом и о братии - о нас грешных? Сладкий свет осиял сердце мое в твоём присутствии». - «Я постриженник Кириллова монастыря, игумен Ошевенского монастыря. Имя мое Александр. Не скорби, Диодор, укрепляй братию. Возложите упование на Бога, работайте Ему со страхом и пропитает вас». Затем чудотворец напомнил свои слова, сказанные в прежние явления, предсказал умножение братии в обители и стал невидим.

Преподобный Диодор прославил Бога и угодника Его, преподобного Александра, и умолил братию идти на озеро и ловить рыбу. Братия пошли на ловлю и поймали множество рыб.

Потом продали их за 60 рублей и купили хлеба и всего потребного.

В другой раз во время голода сподвижник преподобного Прохор услышал глас от образа Пресвятой Богородицы, пред которым молился: «Не скорбите, но имейте любовь между собою и трудитесь. Бог не оставит вас, но пропитает на месте сем. Идите на озеро и ловите рыбу». И снова братия наловили множество рыбы. Случилось и еще раз голодать Юрьегорской братии. Иноки роптали на преподобного, а он, кроткий душою, утешал братию, призывал надеяться только на Бога, Который не заставит терпеть выше сил и будет милостив. Братия успокоились и, вышедши после за монастырь по делу, они увидели лежащей черную лисицу, взяли ее и, продав за 8 рублей, купили пищи.

До этого времени у монастыря не было своей пахотной земли, своего хлеба, потому часто и приходилось братии голодать. Теперь, когда монастырь увеличился, братия умножились, преподобный и сподвижники решили завести свои пашни. Они рубили лес и распахивали землю.

Но преподобному готовились новые тяжкие испытания. В то время прислан был Патриархом Всероссийским Филаретом (управлял Российской Церковью с 1619 по 1633 г.г.) в Юрьегорский монастырь опальный старец Феодосий. Пожив недолго в обители, он замыслил зло на преподобного Диодора - решил убить его. Улучив время, злодей зазвал подвижника в лес и там исполнил свой замысел: повалил старца на землю, бил его без милости и давил за горло. Потом потащил бесчувственного подвижника под лежащее дерево и накрыл им, думая, что он умер. Но благодать Божия помогла преподобному: он пришел в себя и с великим трудом добрел до своей келии. Увидел его Феодосий и обмер от страха, потом пришел в келию подвижника, пал ему в ноги и со слезами просил у него прощения, умоляя не сказывать о происшедшем. Кроткий подвижник простил преступника, не разгневался даже на него и только заметил: «Бог да простит тебе, чадо, ибо не твое это дело, но бесовское».

Он обещал Феодосию от всех скрыть его преступление и стал любить его более прежнего. Но злодея нисколько не тронуло незлобие святого и ничуть не исправило.

Прошло немного времени, и Феодосий начал возмущать против преподобного Диодора новоначальных иноков, уговаривал их уйти из монастыря. Один раз братия рубили лес. Был с ними и Феодосий. Он вырезал топором на дереве подобие лица преподобного Диодора, подписал его имя и начал бить изображение плетью. Все смеялись на это. Феодосий продолжал возмущать новоначальную братию и прельстил 17 человек бежать из монастыря. Сговорившись, они ограбили монастырскую казну, взяли из имущества обители столько, сколько могли унести с собою, и, оскорбив преподобного, ушли. Но святой старец не огорчился лишением монастырских достатков, он даже радовался уходу недостойных братий, которые соблазняли своим неповиновением других. Упова на одного Бога, он благодарил Его за все скорби.

Много обид принял преподобный Диодор и от других неразумных людей и всегда терпел безропотно, молясь за своих оскорбителей, направляя их к спасению и приводя в любовь тайными обличениями и уговорами. Часто он уединялся от братии и безмолвствовал, молясь Господу день и ночь.

Но приближалась уже блаженная кончина угодника Божия. По монастырским делам нужно было преподобному ехать в город Каргополь. Пред отъездом позвал он к себе священноинока Иоасафа и старца Прохора, первого сожителя своего, и поручил им управление обителью, убеждая с радением и без послаблений держать монастырь. Прохору он открыл о своей скорой смерти. «Уж не увидимся мы с тобою, - говорил преподобный пустынному сподвижнику, - если Богу угодно, встретимся в будущем мире».

Приехав в Каргополь, преподобный Диодор скоро заболел и после непродолжительной болезни, напутствуемый приобщением Святых Таин, с миром преставился в 27 день ноября 1633 года. Тело его было погребено при приходской церкви того священника, который его напутствовал пред смертью. Но недолго трудолюбному телу подвижника

пришлось лежать вдали от его обители. Чрез два месяца после кончины преподобного пришел в Каргополь Прохор и взял его нетленное тело. Привезя мощи угодника Божия в Юрьегорский монастырь, Прохор похоронил его близ церкви Живоначальной Троицы на южной стороне.

Мощи преподобного Диодора почивают ныне под спудом в самой церкви Живоначальной Троицы, в 1764 г. обращенной в приходскую.

Преподобный Диодор оставил своей обители письменное завещание чрез того каргопольского священника, который напутствовал святого в загробную жизнь. Подвижник заповедает братии и закликает ее: «Чтобы и не слышно было о хмельном питии в монастыре у братии, но трезво веселиться в духовном житии. Если же кто, одержимый бесстрашием, и презрев сию мою заповедь и писание, начнет носить в монастырь вино и предаваться пианству, тот будет судиться со мною пред Грозным и Нелицеприятным Судиею, Господом нашим Иисусом Христом».

Господь прославил преподобного Диодора дарами благодати Своей - прозорливости и чудес. Однажды подвижник ездил в Великий Новгород для сбора подаяния на обитель и, возвращаясь оттуда, остановился в деревне Андомской (близ Онежского озера), у одного христоролюбца Иоанна, имевшего дочь девицу, которая пред тем была просватана. Беседуя с преподобным, Иоанн сказал: «Отче святой! Я хочу дочь свою отдать замуж». Помолчав немного, подвижник заметил: «Раб Божий! Подожди недолго и, как будет угодно Богу о ней, так и поступи».

На следующий день преподобный отправился в свою обитель, а дочь Иоанна чрез сорок дней после этого умерла девицей.

Другое чудо случилось после кончины преподобного Диодора. Юноша Андрей, живший в Юрьегорской обители, был неводержан в пище и питии и согрешал блудом. Не желая смерти грешника, Господь наказал Андрея слепотою. Он искал у людей себе помощи, но не находил. Тогда пришел ко гробу преподобного, горячо молился об исцелении, утирал свои слепые глаза покровом с гроба и клобуком преподобного

и тотчас прозрел. Это произошло в 1656 г. Но скоро забыл Андрей милость угодника Божия и предался мыслью своему прежнему греху. Тогда явился ему во сне преподобный и с запрещением говорил: «Не согрешай, не согрешай, чтобы не захворать тебе прежнюю болезнью». Немного времени помнил Андрей предостережение угодника Божия, потом опять предался своему греху и даже впал в блуд. Напала тогда на него болезнь, и страдал он ею, пока не покался настоятелю и не исправил своей жизни.

Раз у Андрея возникло желание уйти из обители. Но преподобный Диодор еще раз явился ему во сне и сказал: «Терпи на месте сем и хорошо тебе будет». Вспомнил Андрей милости, явленные ему угодником Божиим, убоился оставить обитель, с радостью обещался терпеть в ней, сколько будет угодно Господу, и принял монашеское пострижение.

(См. также Сказание об Андрее Соловецком – *Сост.*)

Тропарь, глас 8

тебѣ ѡтче (имярек), извѣстен вѣсть
спасѣнія образъ. Воспримъ во крѣстъ
последовалъ еси Христу. Творяше же и
учаше, еже презрѣти плоть, преходитъ во,
прилежати же о души вещи безсмертней. Темже
и со ангелы радуется преподобне дух твой.

Кондак, глас 2

истотою душевною Божественно
вооружився, и непрестанныя молитвы, яко
копие вручив крепко, провол еси весовская
ополчения, (имярек), отче наш, моли непрестанно
о всех нас.

Скязания

о пустыннике

Андрее Головецком ¹⁰

Память его празднуется месяца августа в 9-й день

† после 1606

Сведения

о пустыннике

Адриане Головецком ¹⁰

Память его празднуется месяца августа в 9-й день

† 1632

о пустыннике

Несторе Головецком ¹⁰

Память его празднуется месяца августа в 9-й день

† ок. 1632

о пустыннике

Савве Головецком ¹⁰

Память его празднуется месяца августа в 9-й день

† 1636

При игумене Антонии (1605—1612) Василий Кенозерец, любивший уединяться в пустынные места острова, рассказал своему духовному отцу Иосифу встречу с чудным пустынником Андреем: «Случилось мне

однажды, - говорил он, - зайти далеко от монастыря, так что я, потеряв дорогу, блуждал без пищи и питья. Вдруг вдали показалась мне как бы тень человека. Я устремился за нею, тень скрылась в дебрь; я продолжал бежать и, увидев малую тропинку, по ней дошел до густой чащи, в которой был узкий проход для одного человека. Проникнув этим проходом, я увидел гору и на ней следы босого человека. В горе виделось малое отверстие. Сотворив молитву, я вошел в темную пещеру. Перекрестившись, я простер руки и осязал человека, и в испуге сотворил молитву, на которую житель пещеры ответил: «Аминь». Я пал к его ногам. «Зачем ты пришел сюда и чего тебе нужно?» - спросил незнакомец. «Прости меня, отец святой; я заблудился и пришел сюда; молю тебя, скажись надо мною и укажи мне путь к обители». Отшельник провел меня в другую пещеру, в которой с южной стороны было окно, освещавшее внутренность. Тогда я рассмотрел незнакомца: он был наг, с малой бородой, тело его было черно.

В пещере поставлены четыре сошки; на них положены две доски и два корытца, в одном - вода, в другом - моченая трава. Пустынник дал мне отвесть травы и напоил водою.

пустынник Андрей Соловецкий

Вкусив предложенного, я ощутил в себе бодрость и крепость сил. Тогда я спросил старца поведать мне житие его. «Я был трудник Соловецкого монастыря; имя мне Андрей, - так начал свою повесть пустынник, - пришедши в Соловецкую обитель, я трудился в Сосновой, вываривая соль. Игуменом в то время был Варлаам (1571-1581 гг., впоследствии Ростовский митрополит). Вскоре мысль о грехах пробудилась во

мне; породилось желание оставить все, подвизаться для Бога. Нимало не отлагая, я пришел в пустыню, нашел это место, выкопал пещеру и поселился в ней. Томился я голодом и жаждою; питался ягодами и грибами, много раз терпел наваждения бесовские, биения, ругательства, болезни; боролся с помыслами, как с лютыми зверями. Не раз раскаивался, что ушел в пустыню, считая бесплодным свое отшельничество. Неоднократно даже оставлял пещеру, чтобы идти в мир. Но раздавался гром небесный, проливался дождь, и я принужден был возвратиться в пещеру. Здесь тихая прохлада успокаивала меня. Иногда поднимался я из пещеры зимою; но страшный мороз, от которого сокрушались мои кости, не давал мне возможности отойти на пять шагов. Три года продолжалась эта тяжелая борьба. После трехлетних искушений для меня настало спокойствие, и прекратились все неприязненные нападения. Тогда явился ко мне некто святообразный и сказал: «Мужайся; не оставляй пути к Богу, указанного тебе. Он дал мне эту траву, говоря: «Питайся ею и пей воду из этого озера». И вот я 38 лет питаюсь этою травою».

Выслушав этот рассказ, я упал к ногам старца, прося его молитв. Андрей вывел меня из пещеры, указал путь к обители и, благословив, сказал: «Иди с миром и никому не говори слышанного от меня, пока я жив». Я пошел, и мне показалось, что до монастыря было не более полуверсты. Спустя несколько времени, Василий с другим учеником Иосифа—Дамианом, отправились отыскивать пещеру Андрея; но, пройдя целую неделю, не нашли ни дебри, ни горы, ни пещеры.

Повесть Василия глубоко запала в душу Дамиана. Он желал отшельнической жизни; жаждал беседы с подвижниками пустыни, ведомыми одному Богу, а потому в пустынных местах острова провел сорок дней в поисках пустыннолюбца. Наконец силы его изнемогли, и он, едва дышащий, лег под дерево. Здесь нашли его Соловецкие иноки, положили на носилки и, принеся к монастырскому подворью, призвали духовного отца. «Что с тобою, Дамиан?» - спрашивал духовник. «Прости меня, отец; с тех пор, как я вышел из монастыря, не видал хлеба, а питался только травою». Тогда дали

ему хлеба, и Дамиан оправился. Опять пробудилось в нем желание отыскать отшельников. После усердной молитвы к Богу и преподобным Зосиме и Савватию, он вышел из обители и в этот раз нашел многих пустынников, подвизавшихся на Соловецком и Анзерском островах: это были старец Ефрем Черный и мирянин Никифор Новгородец; потом Алексей Калужанин, Иосиф и Тихон Москвитянин, Феодул Рязанец, Порфирий, Трифон, Иосиф Младый, Севастиан и многие другие. Сердечной любовью прилепился к ним Дамиан, начал часто посещать их и приносить им нужное из обители. Когда умирал кто-либо из них, то он своими руками совершал погребение. Во время таких трудов встретил его однажды пустынник Никифор. «Посещай, Дамиан, чтобы и сам ты был посещен от Бога», - сказал отшельник и скрылся. Дамиан нашел в пустыни Тимофея, который во время смут самозванцев, оставив в Алексине дом родительский, приплыл из Архангельска на остров в малой лодке, выстроил себе хижину и поселился в ней. Подобно Андрею он питался травой.

Дамиан пожелал подражать примеру отшельников, выстроил себе уединенную келью и удалился туда на безмолвие. Но здесь посетило его тяжкое искушение. Однажды служивший Дамиану брат, придя навестить его, сотворив молитву, не получил ответа. Инок отворил дверь и нашел Доминана едва живым, всего распухшим. Пустынника перевезли в монастырскую больницу, где он пробыл полгода, под надзором опытных старцев. Но лишь только Дамиан оправился, решил искать иного места для уединенной жизни. На малой лодке он пустился в море и поселился на Онеге. Здесь звероловы тяжело избили его; но, оправившись, пустынник пошел отсюда за озеро Бодло и вблизи острова на Юрьевой горе водрузил крест и поставил себе келью, где провел семь лет. Дамиан, в схиме Диодор, начал строить здесь храм во имя Святой Троицы и, положив основание обители, скончался ноября 27 дня 1633 года.

Кроме этих пустынников в диком лесу Соловецкого острова, предание называет многих других подвижников, искавших спасения в самом строгом безмолвии. Таков был

Адриан, живший близ озера, в самой середине острова, в двух верстах от кельи, выстроенной игуменом Иринархом, и проводивший строгую подвижническую жизнь; здесь он скончался и погребен в пустыни. Мирянин Савва, бывший в числе труждающихся в обители, удалился в леса на Соловецком острове и подвизался одиннадцать лет, ведомый только единому Богу. По смерти же, в игуменство Рафаила, он был погребен близ Дамианской кельи (1633-1636). Подле Саввинской кельи отшельничал монах Нестор, день и ночь подвизаясь в молитве и посте. По смерти он также погребен близ Дамиановой пустыни.

Тропарь и Кондак общия.

См. стр. 766

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Андроник (Трубачёв), игумен.
Андрей Соловецкий // ⁵⁵ С. 388.

Память 9 августа — в Соборе Соловецких святых, пустынный. «Повесть о пустынножителе Андрее» известна по 2 спискам начала XIX в. (РНБ. Солов. № 1195/1366; ГИМ. Воскр. № 128). В «Повести» сказано, что преподобный пришел в Соловецкий монастырь при игумене Варлааме (Рогове; впоследствии митрополите Ростовском). Сначала проходил общие послушания с трудниками, затем был послан в Сосновую солеварню. В 1575 г. Андрей Соловецкий скрылся в глубь острова и поселился в выкопанной им пещере. Здесь он испытал тяжкие духовные и телесные искушения, «с помыслы брахся, аки с лютыми зверми», несколько раз хотел вернуться в монастырь, но всегда неожиданные обстоятельства (гром, молния, дождь или сильный мороз) останавливали его. Когда же Андрей Соловецкий принимал решение не покидать пустынь, «тихий прохладный и теплый ветер, благорастворенный воздух и солнце, светло сияющее», успокаивали подвижника. Через 3 года Андрею Соловецкому явился

ангел и благословил в пищу траву, а воду велел брать из озера; так пустынный прожил еще 28 (в «Повести» явная ошибка — 58) лет, трава и вода были его единственной пищей.

Как свидетельствует «Повесть», преподобный сам поведал историю своего отшельничества иноку Василию Кенозерцу, который, заблудившись, обнаружил пещеру Андрея Соловецкого, видел в жилище преподобного «два корытца, во едином бысть трава намочена, в другом же вода». Василий пересказал услышанное своему духовному отцу иеромонаху Исидору Новгородцу и описал ему внешность отшельника: «Наг бысть весь, возрастом средний, скудобрад, тело же его черно, аки земля, и сухо, аки мертвеца». В монастыре стало известно о пустынножителе, но никому больше не было открыто место его подвигов. Была ли в XVII-XVIII вв. местная канонизация Андрея Соловецкого, как и других пустынножителей Соловецких, неизвестно, но в начале XIX в. имя его внесено в «Верное и краткое исчисление... преподобных отец Соловецких» (РНБ. Солов. № 1195/1366), в начале XX в. включено в «Архангельский патерик». Местное прославление Андрея Соловецкого совершилось в связи с установлением в 1993 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия II Собора Соловецких святых.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, игумена Никодима (в мирѣ Никиты) Рожеезерского, Хозьинского ⁴

*Память его празднуется месяца июля в 3-й день
и месяца октября в 31-й день*

† 1640

Близ города Ростова, в селении Иванкове, родился сей великий труженик, и мирское имя его было Никита. Родители его были земледельцы, и часто с ними находился он в поле, пася стадо отцовское. Однажды, посреди тишины сельской, услышал он тайный голос, его зовущий, но не тем именем, которое он носил: «Никодим, Никодим!» Ужаснулся отрок, ибо никого другого не было в поле, и возвестил о том родителям. Они успокоили его, ибо уразумели в этом голосе предзнаменование иного образа жизни. Но как сын послушания, он оставался с ними до их кончины. После их смерти, чувствуя сиротство свое, переселился в Ярославль, где научился ковать железо и делать гвозди, чтобы питаться трудами рук своих. Потом переселился он в царствующий град, где занимался ремеслом своим, не забывая и нищих, которым уделял свои избытки, и часто посещал храмы Божии.

В одном доме с Никитою обитал выходец из Твери, занимавшийся одинаковым с ним ремеслом, который имел злую и безнравственную жену. Ей пришла преступная мысль отравить мужа, и она положила яд в его пищу. Не зная коварного замысла, муж пригласил с собою обедать сотрудника своего Никиту, и оба были отравлены. Но муж немедленно умер, а Никита, хотя и сохранил жизнь, но страдал жестокою болезнью в утробе.

Однажды сидел он, по обычаю, на месте, где продавал рукоделие свое, к нему подошел человек в странном одеянии и спросил, назвав его по имени: «Никита! Чем болишь, скажи мне без всякого сомнения, что с тобою случилось?» С полною доверенностью открыл ему болящий причину своей болезни, и странник сказал ему: «Чадо, в шестом часу дня приходи ко храму Владычицы, честнаго Ея Покрова, что на рву. Там я тебе дам лекарство, которое поможет тебе молитвами Пресвятой Богородицы». Послушался Никита и на указанном месте встретил его тот же человек, с малым сосудом в руке, из которого дал ему выпить, осенив прежде себя знамением крестным. В ту же минуту он исцелился от тяжкой болезни, а странник скрылся от его взоров, - это был блаженный Василий, Христа ради юродивый.

Немного времени спустя, пришел Никита на место, называемое Кулишки, где спасался в землянке другой человек Божий, по имени Илия. Увидев Никиту, громко он воскликнул в прозорливом духе: «Откуда пришел сюда Хозь-Югский пустынный?» Не уразумел сперва такой речи блаженный Никита, но потом, когда начал размышлять сам с собою, подумал, не было ли это указанием, чтобы бежал из суетного мира. Одна сия минута решила судьбу его, ибо вспомнил он и прежде бывший к нему в отрочестве глас, нарекавший его Никодимом, и недавнее чудное свое исцеление.

Оставив суетный мир, пошел он в Чудовскую обитель великого Архистратига и припал к ногам архимандрита Пафнутия, со слезами умоляя постричь его в иноческий образ. Видя его глубокое смирение и доброе произволение, не усомнился архимандрит исполнить его желание и нарек ему имя Никодим, данное свыше.

В совершенном послушании пребывал новый инок при отце своем духовном и после сорокадневного искуса стал усердно исполнять все службы монастырские и трудиться для братии, которые все радовались строгому его житию. Взоры его всегда были опущены долу, а ум парил горé. Не было в нем никогда ни малейшего порыва нетерпения или гнева, ибо в мыслях его было непрестанно воздаяние

страшного суда за грехи наши. С тщанием прилежал он пению и чтению церковному, никогда не отлучаясь от храма Божия.

Одиннадцать лет провел он таким образом в обители Чудовской. Когда же архимандрит Пафнутий возведен был на степень митрополии Крутицкой, взял он с собою любимого ученика своего и там еще оставался при нем один год блаженный Никодим. Но по истечении сего времени пожелал он безмолвия пустынного и смиренно просил святителя отпустить его в пределы северные на новый подвиг. Хотя и грустно было митрополиту Пафнутию расставаться с искренним своим другом, однако позволил ему идти в пустыню и благословил в путь иконою Богоматери Владимирской с Предвечным Младенцем.

К северу направился труженик в пределы Каргопольские, к морю Океану, в пустынный монастырь Кожеезерский, и там поставил над жертвенником дарованную икону. Не более полутора лет пробыл Никодим в обители, трудясь вместе с братиею в хлебне и поварне и во всех монастырских службах, подавая собою пример глубочайшего смирения. Убегая молвы человеческой, ибо всеми был похваляем, ради высокого жития, удалился Никодим во внутреннюю пустыню, на реку, называемую Хозь-Юга, где поставил себе посреди болот уединенную хижину. Таким образом, исполнилось над ним слово человека Божия, что назовется он пустынником Хозь-Югским. Ночь и день проводил он в трудах и молитве и часто говорил сам себе: «О смиренный Никодим, обрел ты себе место безмолвное для своего спасения, и так воспряни духом в сие краткое мимотекущее время, хотя и в едионадесятый час, ибо вечер уже приблизился, и праведный Судия придет со славою воздать каждому по делам его».

С твердою верою вооружился преподобный на врага душ человеческих и крестным знамением рассеивал все его страхования, которыми искушаем был, подобно древним пустынножителям. Не давал он отдыха изнуряемой своей плоти и только сидя позволял себе несколько дремать после дневного труда и ночного бдения. Сам он развел огород около своей хижины и посылал в обитель все, чем благословлял Бог

его труды. Малой удицей ловил рыбу на реке Хозь-Юге, но никогда не позволял себе лакомства вкушать ее свежую. С тяжелым водоносом ходил всякий день на реку, от которой отстояла хижина его на одно поприще, и во все время перехода творил молитву, чтобы не подвергнуться ему искушению демонскому. Слышал он иногда и голос вражеский, изгонявший его из пустыни: «Изыди, калугер, зло погибнешь; ибо ты вступился в достояние наше!» (Калоугер – почтенный старец, монах. ⁵⁶ С. 242.) Но пустынный, подняв взоры и руки к небу, теплую творил молитву и укреплялся в своем подвиге. Однажды вся его келия объята была огнем по козни вражией, но и тогда не вышел из нее преподобный, и молитва его угасила пламя шумным дождем, внезапно пролившимся на келию.

Приходили к нему разбойники расхитить то, что собрал, но ничего не обрели, кроме немногих запасов, и сами, заблудившись в пустынной дебри, принуждены были возвратиться к его убогой келии и положить на пороге ее даже то небольшое, что похитили.

Тем окончились наваждения демонские. С тех пор уже не испытывал их в своей пустыне блаженный Никодим и мирно продолжал безмолвное житие свое.

Случилось, что вода в реке Хозь-Юге до того возвысилась, что обступила всю келию преподобного. Но он взял икону Богоматери, которою благословил его митрополит Крутицкий, и, поднявшись на крышу, оттоле, как на столпе, воспевал псалмы, доколе не отступила вода от его келии. В другой раз, в зимнее время послал настоятель отнести преподобному запас хлебный, и едва могли обрести иноки пустынную келию, ибо ее совершенно занесло снежною бурей. Под глыбами снега, как бы в пещере, спасался преподобный, ожидая, доколе не растают погребшие его снега.

За озером, на два поприща от обители, стоял монастырский скотный двор, и жившие там служители приходили иногда за благословением к преподобному. Они упросили дозволить им соорудить на другом месте новую для него келию, ибо первая много пострадала от огня и воды. Долго не

соглашался пустынножитель, но должен был уступить их усердию. Со слезами оставил он первое, им самим устроенное жилище, которое, несмотря на тесноту, казалось ему пространнее царского чертога. Близ нового жилища ископал он себе глубокую яму и часто в нее спускался для сокрушенной молитвы. Однажды пребыл в ней всю Четырдесятницу без пищи, питаемый благодатию Божиею.

Был в обители Кожеезерской добродетельный инок, который посещал блаженного Никодима в его пустыни; любил его старец, ради его смирения. Игумен Авраамий послал сего инока управлять монастырскою волостью на реку Онегу. Никодим просил прислать оттуда ему несколько удиц, и тот, исполнив повеленное по усердию к старцу, завязал в плат, кроме удиц, еще несколько серебряных денег. Присланный постучался в келию старца, но, прежде нежели принять от него плат, преподобный по духу прозорливости велел развязать узел. Оставив деньги, он взял одни лишь удицы; такова была его нестяжательность. Господь сподобил его дара чудес еще при жизни.

Пришли в обитель Кожеезерскую в 1635 г. помолиться Спасу и Пречистой двое из поморских жителей - Кириак Козлов и Иван Пешков - и рассказали братии, что в весеннее время вышли они в море из реки Варзуги и долго их носило бурю между льдов, так что уже отчаивались в жизни, ибо нигде не могли пристать к берегу от плавающих льдин. Многих святых призывали они на помощь, чтобы спастись им от потопления, вспомнили и блаженного старца Никодима; и, когда, истомившись от последних усилий, впали как бы в забвение, представилось им, что пришел в их ладью старец и говорит: «Знаете ли Хозь-Югского Никодима, которого призвали себе на помощь?» Сказав сие, старец стал на корму и начал управлять ладьею, говоря: «Не бойтесь, чада, но все упование возложите на Бога и на Пречистую Богородицу, Она спасет вас». Ладья находилась еще за два поприща от берега, но при управлении чудного кормчего, надвое разделялись пред ним льдины, оставляя широкий проток наподобие реки; и так благополучно достигли они берега. Явление сие было еще за девять лет до кончины блаженного.

Слава о нем распространялась по всем окрестным пределам, и многие приходили навещать его для пользы душевной в пустыню. Достигла молва и до царствующего града. Святейший Иоасаф, Патриарх Московский, возблагодарил о нем Господа, что в последние времена явил такого светильника на Руси. Он послал старцу в дар дорогую шубу, заповедав молиться за благоверного царя, христолюбивое воинство и всех православных. С благоговением принял дар сей преподобный, помолился за пославшего Святейшего Патриарха и тут же отослал шубу в монастырь, ибо сам привык покрывать только рубищем наготу свою.

Вскоре после стал на молитву преподобный и помолился Господу, чтобы принял его в сообщники святых своих и сделал причастником небесного царствия. Во время молитвы предстали ему два светлых мужа: один - в одежде святительской, другой - в иноческой. Страх объял блаженного, не привидение ли искушает его? Но явившийся Святитель сказал ему: «Не бойся, раб Христов, пустыни житель и ревнитель преподобных! Господь послал нас известить о твоём преставлении, ибо вскоре примешь благое Иерусалима, уготованное от Господа любящим Его». Исполнившись дерзновения, припал к ногам их блаженный Никодим и спросил: «Кто вы, господие мои, и что ваше ко мне пришествие?» Тот же Святитель Божий отвечал: «Я – Алексий, митрополит Московский, со мною же Дионисий - архимандрит Сергиевой Лавры. То, о чем ты молился, исполнится, и ты водворишься в царствии Небесного Владыки со Святыми Его». Сказав утешительное слово сие, оба скрылись от взоров пустытника.

Тогда, почувствовав скорое свое отшествие к Богу, пригласил к себе преподобный настоятеля обители и открыл ему бывшее видение. Игумен упросил старца идти с ним в обитель, чтобы помолиться обо всей братии и там довершить жизненный подвиг. Не соглашался сперва отшельник, ибо хотел окончить дни свои в смиренной келии, но игумен умолял его не оставлять их сирыми и не лишать своего благословения обители. Повинуясь настоятелю, последовал за ним в обитель многолетний отшельник. Там встречен был

с великою честью братиею, ибо все смотрели на него как на Божий дар, свыше к ним посылаемый из пустыни. Рачитель безмолвия поселился в малой пустой келии и продолжал молитвенный подвиг до исхода жизни. Не боле сорока семи дней продлилось жительство его в обители. К нему приставлен был для служения инок Иоанн Дятлев, которого и прежде любил за его благонравие.

Когда однажды шел из трапезы Иоанн мимо келии блаженного Никодима, услышал голос старца изнутри его зовущий, ибо келия его всегда была затворена. Взошел он и увидел старца, сидящего в сенях на пороге. «Чадо Иоанн, - сказал ему Никодим, - веди меня на место в келию мою, ибо уже крайне изнемогаю». Иоанн отвел его, и преподобный, благословив его, отпустил, сказав ему: «Иди, чадо Иоанн, с миром, Господь да будет с тобою во все дни жизни». В то же время игумен и братия выходили из трапезы и почувствовали необычайное благоухание на дворе монастырском. Они хотели видеть, откуда истекает благоухание, и нашли, что это из келии преподобного. Подошедши к ней, сотворили молитву, но не получая отклика, вошли и обрели преподобного уже скончавшимся. Лицо его было светло и радостно. Восплакали над ним игумен и братья, вспоминая многолетние труды его в пустыне. С великою честью погребли старца Никодима близ церкви Богоявления Господня, с южной стороны, и многие потекли исцеления от его гроба верующим. Преставился преподобный Никодим в 1639 г. июля 3-го, при настоятеле Ионе, прожив в монашестве около 50 лет, из коих 37 лет неисходно в пустыни.

Ученик преподобного иеромонах Иаков, описавший житие его и чудеса, принимая труд сей, помолился Господу, Пречистой Его Матери и угоднику их, преподобному Никодиму, чтобы явили ему, богоугодно ли будет дело сие? Однажды, после божественной службы, взошел он отдохнуть в келью, и было ему видение, будто бы в церкви много народа, раскопана земля и виден гроб. Спрашивал он: «Чей это гроб?» Ему отвечали: «Преподобного Никодима». Иаков остерегался, как бы не упасть в разрытую могилу, но упал

в нее на самый гроб и ужаснулся. В эту минуту поднялся из гроба Никодим, сел в нем и, обняв ученика своего, веселым взором внушал, чтобы не боялся. При воззрении на радостное лицо прекратилась боязнь Иакова. Стал он спрашивать старца о пустынном его подвиге и все ли истинно, что слышал от свидетелей его жизни в сей пустыни. Не скрыл и того, что дерзнул написать трудолюбное его житие. Преподобный весело отвечал ученику своему: «Хорошо ты сделал, чадо мое, ибо все сие пострадал я ради Царствия Небесного, ты же потщись хранить чистоту и целомудрие и подвизайся для пользы души своей!» При сих словах инок проснулея.

Это был тот самый Иаков Дятлев, которого перед смертью благословил преподобный Никодим. Он пишет о себе, что еще при игумене Авраамии в Петров пост 1624 г. взят был настоятелем, как простой послушник, вместе с другим иноком Моисеем в пустыню Никодимову. Плыли они озером до устья Хозь-Юги и поднялись рекою до места жительства отшельника, келия которого отстояла на целое поприще от берега. На половине дороги от реки до хижины, встретил их сам пустынножитель и поклонился до земли игумену, прося благословения. Поклонился ему также до земли и сам настоятель Авраамий, прося себе взаимно благословения. Спросил он преподобного, кто известил его об их пришествии. «Никто не сказал мне, - отвечал отшельник, - но я ожидал тебя в эти дни». Изумился настоятель и, когда подошли к келии, произнес обычную молитву. Отшельник же тихо сказал: «Аминь». Потом, взглянув на послушника, назвал его по имени и спросил: «Давно ли живет в обители Иоанн Дятлев?» Еще более изумился его прозорливости игумен, ибо не более двух недель определился послушник в обитель. Он сказал старцу о болезни очей сего послушника, и сам Иоанн, бросившись к ногам его, просил себе молитв для исцеления.

После душеполезной беседы они расстались. Настоятель и преподобный взаимно просили друг у друга молитв; особенно старец Никодим просил, чтобы не забывал его священноинок Авраамий во время возношения Святых Даров. А между тем послушник Иоанн почувствовал, что начала

ослабевать болезнь его глаз. На следующий год опять посетил игумен Авраамий старца отшельника с тем же послушником, и опять прозорливо встретил их преподобный. Они остались для ночлега в пустынной келии. Послушник едва не умер от угара, но преподобный, нашедши его без чувств, восставил своею молитвою.

Как-то игумен поплыл вверх по реке для осмотра очищенных покосов. Спускаясь обратно, увидел издали отшельника, ходящего по берегу и около него мирно пасущихся оленей, но как только услышали голос плывущих, все разбежались. Изумился настоятель такому общению его со зверями пустынными, но блаженный возвратился простотою духовною к райской жизни.

Во время сего вторичного посещения совершенно пресеклась болезнь очей послушника Иоанна, так что он мог свободно читать книги. Когда же опять впал в ту же болезнь, исцелился прикосновением лоскута от мантии преподобного. Ему явился однажды в тонком сне святой старец и, слегка прикоснувшись, сказал: «Чадо Иоанн, я всегда молил Бога, да подаст тебе исцеление», - и с сими словами скрылся. С тех пор не возвращалась к нему болезнь.

Писатель жития испытал милость преподобного и над своими присными. Когда однажды заболела его мать Евдокия, явился ей в тонком сне блаженный старец и велел молиться Господу и Пречистой Его Матери для получения исцеления.

На том месте, где стояла ветхая его хижина, поставлен был впоследствии Животворящий Крест. В летнее время многие из трудившихся на покосах монастырских, вспоминая с любовью труды святого старца, приходили молиться на место земного его подвига и там получали исцеления.

Ко гробу святого старца отовсюду притекали также болящие и одержимые духами нечистыми и все получали, по вере своей, облегчение от недугов. Некоторым являлся Никодим во время их болезни, один или с другом своим, священноиноком Авраамием, и благодатное их явление всегда приносило помощь. Также мантия его иноческая и посох, которым подпирался в преклонные годы преподобный,

приносили благодатную помощь. Много таких дивных исцелений записано было в обители Кожеезерской. Являлся он и путникам, заблудившимся в дебрях и лесах, и приводил их в обитель, когда уже предстояла им голодная смерть.

Спасал он и обуреваемых на Северном море. Житель города Архангельска, пришедши в обитель, рассказывал, что весною ходил он по Белому морю для ловли моржей и отлучился от своей дружины, без всякого запаса. Долго скитался он по льдинам и, уже не видя нигде исхода, истомленный, лег на льду в ожидании смерти. Со слезами призывал он на помощь Господа и всех Святых. Было утро, при солнечном свете внезапно увидел он как бы на воздухе пятиглавую церковь, а в головах у себя старца, который сказал ему: «Обещайся идти в обитель Богоявления на Кожье озеро помолиться Всемиловитому Спасу, и Он тебя избавит от горькой смерти». На вопрос, кто он, старец назвал себя Никодимом, а виденную им церковь - Богоявленскою, и в сию минуту очнулся от чудного видения заблудившейся путник. Внезапно почувствовал он, что сильным ветром оторвало от других ту льдину, на которой он лежал, и несет ее с моря, а громады льдов расступались перед нею, доколе не прибило ее благополучно к берегу. Тогда спасенный от смерти прославил Господа и его угодника и поспешил, по чудному зову, в обитель Кожеезерскую принести благодарственную молитву над гробом неведомого ему спасителя.

Один из окрестных жителей, по имени Симеон, живший на реке Лене, лишился зрения после долговременной болезни. Слышал он издавна о чудесах преподобного и усердно молился, чтобы оказал ему помощь. Однажды, когда лежал ночью на одре своем и творил умную молитву, услышал он, что двое входят в его хramину и говорят: «Вот пришел к тебе Никодим Кожеезерский с игуменом Авраамием». Один из них приложил персты обеих рук к болящим глазам, и тотчас почувствовал облегчение страдалец, но никого не видел пред собою. Была темная ночь; при рассвете изумился Симеон, что рассеялся вокруг него обычный мрак и все предметы опять стали ему видимы. В радостном восторге поднялся он

с постели и вышел из дома. С изумлением встретили его перед воротами братья и присные, которые еще накануне видели его слепым. Все вместе пошли они в обитель Кожезерскую принести благодарное моление на гробе преподобного и поведали о чудном исцелении игумену и братии.

В Прологе, напечатанном в Москве в 1662 г. во дни патриаршества Никона, причтен был преподобный Никодим к лику Святых, и назначено творить ему память июля 3-го, с пением стихир и канона, творцами коих были пришельцы Сербской земли: Макарий, митрополит Гревенский и авва Феодосий.

Тропарь, глас 8

тъ царствующаго града пресельникъ
явися и яже в немъ великія овители и,
промышленіемъ Божественнаго разума
окормляемъ, к морскимъ странамъ устремися,
вселися же в пустыню, уклоняся мирскія молвы,
и сілоу Святаго Духа вооружился еси, крестнымъ
оружіемъ враги своя прогоняя, постомъ и
непрестанною молитвою жизнь свою совершая,
сревнуя великимъ отцемъ Антонію, и Онүфрию, и
Павлу Фивейскому, с ними же Господеву молися,
отче Никодіме, спастися
душамъ нашимъ.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, иеромонаха

Леонида Устьнедвского ⁹

Память его празднуется месяца июля в 17-й день

† 1654

Продолжительна была жизнь преподобного Леонида, далеко перешедшая за обыкновенный предел человеческой жизни, указанной псалмопевцем (Пс. 89. 10). Но о первой ее половине за целые 50 лет не дошло до нас никаких известий, кроме того одного, что он родился в 1551 г. в Новгородской области, в Благовещенском приходе Пошехонского уезда (ныне Ярославской губернии), Шекинской (в рукописи Щетинской) волости от крестьянина Филиппа и жены его Екатерины. Благочестивые родители, воспитывая его в страхе Божием и в правилах православной веры, постарались научить его книжному чтению, что было тогда редкостью не только в бедном быту пошехонских крестьян, но и в высших классах народа. Что побудило родителей-крестьян учить своего сына грамоте, был ли он женат и как жил, в довольстве или в бедности, об этом решительно ничего неизвестно. Заметно только, что эти 50 лет, проведенные Леонидом в трудах земледелия, не прошли бесследно для остальной его жизни: они выработали из него человека с верным взглядом на предметы, расширили его кругозор и укрепили волю. Близость к природе и занятие земледелием, ставившее человека в полную от нее зависимость и побуждавшее земледельца надеяться честного плода (Иак. 5, 7) своих трудов только от щедрот Отца Небесного, научили его терпению и сохранили в нем детскую простоту сердца, сделавшую его достойным духовных откровений. Неизвестно, думал ли когда Леонид оставить свои земледельческие занятия и посвятить себя иноческой жизни. Но когда в 7111 (1603) г. он увидел однажды во сне Матерь Божию,

повелевавшую ему идти на реку Двину в Моржевскую Николаевскую пустынь и, взявши оттуда Ее икону, именуемую Одигитрией, перенести ее в устюжские пределы, в Усольский уезд на реку Лузу к Туриной горе и, построив в честь ее храм, оставаться при нем до смерти, то он, хотя и почел это видение обыкновенным сонным мечтанием и не принял его за откровение, считая себя недостойным того, однако вскоре оставил свои занятия и, несмотря на свои преклонные лета, отправился в Кожеозерский монастырь, устроившийся тогда на Лопском острове, и принял там иноческое пострижение.

Для того чтобы с первого же раза оставить мирские привычки, испытать все скорби и лишения и видеть на деле всю трудность и тесноту иноческого пути, не надобно было искать другого места, кроме этой, вновь возникавшей тогда обители, находившейся в стране бедной и суровой, окруженной водами пустынного озера и удаленной от жилищ человеческих. Здесь и в самое лучшее время, уже при третьем игумене, знаменитом Никоне (впоследствии патриархе), иногда недоставало хлеба, и братия вынуждена была питаться древесною корою. А в то время, когда пришел Леонид, только что вырублен был лес на острове, построен бедный и малый храм Богоявления и блаженный трудник старец Серапион заводил общежитие. Через лесную чащу и валежник, чрез мхи и болота он ходил на Онегу за житом, чтобы спасти от голодной смерти собравшихся к нему сподвижников. В том же 1603 г. пришел в Кожеозерский монастырь из Москвы и другой сподвижник - Никодим, впоследствии Хозьюгский отшельник. В сообществе с ним Леонид прожил целый год под руководством опытного старца Серапиона, стараясь во всем подражать своему наставнику. Конечно, он никогда не расстался бы с ним и не вышел из пустынной обители, если бы ему не повторилось прежнее сновидение, повелевавшее идти в Моржевскую пустыню и перенести на Лузу икону Одигитрии. Тогда он в недоумении и страхе, никому не поведав о видении, вышел из Кожеозерской обители и, идя по реке Онеге, дошел до моря и отправился в Соловки для поклонения мощам преподобного Зосимы и Савватия. Благосклонно принятый игуменом, он прожил

здесь три года как новоначальный, трудясь в пекарне. Постоянно занятый исполнением своего послушания, самого тяжелого в многолюдных обителях, преподобный Леонид начал было уже успокаиваться и забывать о своем двукратном сновидении, как вдруг увидел его в третий раз так живо и ясно, как бы это было не во сне, а наяву. Пресвятая Дева явилась ему в том же самом виде и велела немедленно идти в Моржевскую пустынь и перенести икону Ее на Лузу. Тогда старец понял, что это не было обыкновенное сновидение, и устрасился того, что так долго не верил ему и не исполнял повеление Божией Матери. С горькими слезами рассказал он игумену Антонию свое троекратное сновидение и просил благословения оставить Соловецкую обитель. Игумен посоветовал ему не противиться более воле Божией, чтобы не навлечь на себя гнева небесного, с молитвою отпустил его из своей обители, и Леонид немедленно отправился в Моржевскую пустыню. (Моржегорский Николаевский монастырь близ Холмогор в 1682 г. приписан к Холмогорскому архиерейскому дому.) Пришедши туда, Леонид не решился, однако, сказать строителю о причине своего прибытия, думая, что ему, как неизвестному пришельцу, не дадут веры, и еще целый год провел в Моржевской пустыни в великих трудах, постоянно думая о бывших ему сновидениях, ужасаясь и трепеща о том, что он все еще не исполнил повеленного. Но благая Мати благого Бога не прогневалась на то, что было допущено по неведению и недоумению. Она благоутробно снизошла и призрела на мольбы и слезы старца, в котором провидела будущего Своего усердного служителя, и явилась ему в четвертый раз, повелевая перенести Свою икону на назначенное Ею место. С великим благоговением и страхом старец дерзнул спросить: «Покажи мне, Госпоже, место, где стоит образ Печистаго лица Твоего, и, объемиши его грешными руками моими, я пойду на место, которое Ты назначаешь». Пресвятая Дева так явственно показала ему образ и место, где он стоял в церкви, что как будто это бы не во сне, а видел он его телесными очами. Пробудившись, старец пришел в трепет и в страхе воскликнул: «Пресвятая Богородице, помоги мне грешному» «и нача плакати горько

на долг час и мало в себе пришед от ужасного видения и благодарив Бога и Его родную Матерь Пречистую, во время утренняго пения в день недельный идя в церковь Николая Чудотворца и поведя строителю и братии о явлении Пречистыя Богородицы все порядку, како явился ему и икону им показа. Он же, благочестивый монах, строитель (Корнилий Кочергин 1599 – 1623. Список иерархов и настоятелей монастырей. Строев, стр. 831) и братия, в велицем ужасе бывше о слышанных, после божественных литургий, пеша молебен и взявши строитель образ Пречистыя Богородицы честнаго Ея Одигитрии, с Превечным Младенцем, даде старцу Леониду и паде пред иконою, целовав ю, моляся со слезами. Такожде и вся братия и народи прилучившиися ту, и проводивша образ Пречистыя Богородицы со звоном». (Из рукописной книги Устьнедумской церкви.)

Получив святую икону и напутствуемый молитвами и благожеланиями всей братии, старец Леонид с радостью отправился в назначенное ему место, хотя он и не знал его и никогда не бывал в той стране. Достигши реки Лузы, он остановился близ Туриной горы, при устье речки Якушицы, впадающей в Лузу верстах в 80 от Устюга. Тут находилась церковь Воскресения Христова, место это понравилось путнику, поэтому, сделав себе малую хижину из древесных ветвей и хвороста, он поселился в ней и жил несколько времени, проводя дни и ночи в посте и молитве и непрестанно думая о том, как бы ему построить храм и иноческую обитель, как ему сказано было в видении. Но место было тесное, сухой земля очень мало, а кругом все болота и согры. Мало того, когда местные жители узнали о намерении старца, то, дорожа землею, не только не позволили ему приступить к строению, но и выгнали его из хижины. Сильно опечаленный, со слезами и святою иконою в руках, Леонид оставил излюбленное им место и, не зная, куда идти, пошел лесом по берегу реки Лузы. Отойдя версты две, встретился с крестьянином Никитой Назаровым, одним из самых зажиточных в окрестности. Удивился благочестивый земледелец, встретивши старца инок в таком месте, где не было никогда пути и, увидя его слезы, стал спрашивать: кто он, откуда и

куда идет, и о чем плачет. Леонид, припавши к ногам Никиты и горько рыдая, рассказал ему все подробно, показал и самый образ Божией Матери, прося указать место, где бы вселиться и устроить храм для святой иконы. Рассказ и слезы старца тронули Никиту, и он, с благоговением помолившись пред иконою, предложил ему то место, где они встретились. Несказанно обрадовался этому предложению Леонид, возблагодарив Бога и доброхотного дателя, он поставил святую икону под деревом и начал рубить лес, чтобы построить себе келью. Но Никита не удовольствовался тем, что дал старцу место, он пособил старцу построить и келью, приходил к нему для бесед и молитвы пред иконою Божией Матери и посылал ему пищу. Когда окрестные жители узнали о том, то и они мало-помалу стали приходить помолиться пред святою иконою, принесенной из дальней обители и избравшей себе место в их стране. Они увидели в этом благоволение к ним Божией Матери, и их усердие к иконе стало возрастать более и более. Вскоре для помещения иконы жители построили часовню, а познакомившись ближе с пустынником и видя в нем истинного подвижника, стали посылать ему все необходимое для жизни, прося его молитв о себе. Блаженный Леонид, видя в народе такое усердие к иконе Божией Матери, не стал отлагать своего намерения о построении храма Божия и отправился в Ростов к митрополиту получить на это его благословение. Митрополит Филарет не только благословил построить церковь, но и выдал святой антиминс для ее освящения. Самого старца удостоил сана священства и поручил ему быть начальником в устрояемой им иноческой обители. Возвратившись на Лузу, блаженный Леонид собрал на совет окрестных жителей и просил их помочь ему в строении храма, на что те охотно и согласились. Таким образом, близ пустынной кельи Леонида на место часовни, в которой находилась икона Божией Матери, вскоре устроена была церковь Введения Ее во храм, куда при освящении церкви и была перенесена святая икона 17 Февраля 7116 (1608) г. С того времени, как от неисчерпаемого источника, потекли от нее исцеления и чудеса, что еще более прославило устрояющуюся обитель и наполнило ее

братиею. Старец Леонид с отеческою любовью принимал приходивших к нему, служил для них живым образом строгого исполнения иноческих обязанностей и показал пример изумительного трудолюбия. Так как место, на котором находилась церковь, было низкое и сырое, окруженное болотами, то вследствие этого оно было почти совершенно неудобно для общежития. Чтобы осушить его, почти 60-летний старец решился предпринять такой труд, который едва был по силам и нескольким молодым и сильным работникам. «И нача копать болото лесное, непроходимое до Черного озера, много трудився и скорби прият от солнечного зноя и от паутов и комаров, а правила своего никогда не оставляше. Ненавидяй же добра диавол, хотя его утраштити и отгнати от трудов, наведе на него сицеву пакость: копающему, внезапно прииде змий и уязви его в левую ногу. Старец изскачив вскоре из протоки тоя, помышляше на бегание, но боляше ногою и нача слезно молитися Господу Богу и Пречистой Бородине и почи мало, и уснув, услыша глас: «Не скорби, старче, и не думай бежати, но паки возвратися на дело, уповая на милость Божию. Помогает тебе Пресвятая Богородица и от змия не будет тебе вреда». Старец же паки нача труждаться и прозва той исток Недума река. В болоте же том прежде змиинаго рода никогда не бывало и донныне несть. И копа того непроходимаго леснаго болота от Лузы реки до Чернаго озера 900 сажен, а от Чернаго озера копа болота 40 сажен до Святаго озера, от Святаго озера до Черныя речки копа 800 сажен, а та Черная речка течет из лесных дальних болот. И обратися та Черная речка тою копанною бороздою в Святое озеро и в Черное и в Лузу реку и постави старец Леонид мельницу колесную на той речке». (Рукописная книга Устьнедумской церкви.)

Тот край, где поселился блаженный Леонид, был край пустынный и глухой. Он и после долго назывался «Лузскою Пермцею», т. е. частицею страны диких пермяков. Отсюда понятно, какое важное значение должна была иметь пустынь для этого дикого края в церковном и гражданском отношении. Не говоря уже о том благотворном влиянии, которое старец оказывал на окрестных жителей, как учитель веры и благочестия,

своими беседам и наставлениями, а особенно своею святою и подвижническою жизнью. Его неутомимое трудолюбие, строгий порядок в заведенном общежитии и хозяйственная во всем предприимчивость и находчивость, могли быть весьма полезны и служить примером для подражания полудиким жителям Пермцы. Поэтому преподобный Леонид справедливо почитается просветителем этой глухой стороны.

Утешением для блаженного труженика были многочисленные чудеса и исцеления, происходившие от принесенной им иконы Одигитрии и служившие явным знаком милости и благоволения к нему Божией Матери. Одержимые различными недугами издалека приходили в его пустынную обитель для поклонения святой иконе Богоматери и возвращались домой здоровыми. Другие, еще не бывши в обители и только давши обещание сходить в нее, получали исцеление и являлись в монастырь для исполнения своего обещания уже совершенно здоровыми. Случалось, что, когда обещавшиеся сходить в монастырь на поклонение святой иконе забывали о том или откладывали исполнение своего обещания то за тем, то за другим делом на долгое время, таким блаженный старец чудесно являлся в видении и напоминал о данном ими обещании. Так в 7118 (1610) г. некто Плохой Конков, прибывши в Устьнедумскую пустынь на 25 Февраля, объявил братии, что он долгое время тяжело мучим был бесом. Лицо и весь вид его изменились так, что страшно было и взглянуть на него. Однажды, когда он, утомленный сильным припадком беснования, лежал одиноко в комнате, явился ему незнакомый старец и, подошедши к его постели, начал укорять его за то, что он, Плохой, не исполнил своего обещания сходить в пустыню для поклонения чудотворному образу Богоматери. «Та бо тебе имать от того страдания избавити, аще ли обещания своего не исполниши и укосниши иди, то ничим же имаша избавлен быти от недуга твоего», - сказал явившийся и стал невидим. Тогда больной вспомнил свое обещание, поспешил отправиться в монастырь, и, когда совершено было о нем молебное пение пред чудотворною иконою Божией Матери, «нача быти в совершенном разуме и лице ему такожде светло и не бысть ему врагия

стужения, ни тяжести». В лице старца Леонида, совершавшего для него молебны Божией Матери, он с удивлением узнал незнакомого старца, явившегося ему во время болезни.

Сколько вынес преподобный Леонид борьбы с негостеприимною природою, сколько принял трудов при устройении обители! Но все эти подвиги казались ему малыми и недостаточными, поэтому желая достигнуть высшего совершенства, он имел обычай часто уходить из своего монастыря в пустое и непроходимое лесное место над Черным озером. Там на одном мысу он поставил Крест и проводил здесь дни и ночи в молитве, «терпя великое досаждение от лесного гнуса, от паутов и комаров». Многие, проходя мимо и видя его сидящим у креста в лесу и покрытого лесным гнусом, удивлялись его добровольному страданию, другие смеялись над ним и называли суетным его терпение. Старец говорил им на то: «Здесь у креста будет монастырь на собрание иноков, будут церкви и звон, будет много людей и пашни, и мне умереть на сем месте». Когда братия, жалея его, приходили звать его в монастырь, он иногда возвращался с ними, иногда же, несмотря на все их просьбы и мольбы, оставался тут, чтобы продолжать свои подвиги.

Предсказание святого исполнилось еще при его жизни. Канал, проведенный неимоверными трудами преподобного Леонида и названный им рекою Недумою, значительно осушил болота, но Луза весною во время разлива часто выходила из берегов и затопляла монастырь, стоявший на низком месте. В иные годы вода стояла по несколько дней не только в кельях, но даже и в церкви, вливалась в амбары, кладовые и портила монастырские припасы. Избавиться от этого почти ежегодного бедствия не было другого средства, как перенести монастырь на другое, более возвышенное место. Сильно скорбел об этом преподобный Леонид и, хотя ему было уже около ста лет, и он был так слаб и дряхл, что передал управление монастырем строителю Арсению, сам же большую часть времени проводил в уединении и безмолвии, готовясь к смерти, но не хотел умереть, пока не перенесет монастыря на избранное им место, на высокий мыс Черного озера, и не успокоит там братию. Поэтому,

пригласив в монастырь Григория, сына Никиты Назарова и других влиятельных людей из окрестных жителей, он объявил им о своем желании перенести монастырь на мыс Черного озера и просил их помощи в этом деле. Когда строитель, братия и все приглашенные в монастырь крестьяне единогласно одобрили его намерение и изъявили готовность помочь ему, старец просил их пригласить народ и в назначенный день, совершив в церкви молебное пение, поднял чудотворную икону Божией Матери и в сопровождении всей братии и множества народа перенес ее на мыс и, поставив у креста, начал рубить лес для постройки церкви. Примеру старца последовали братия и все пришедшие по приглашению крестьяне и вскоре нарубили лесу на церковь и на другие монастырские постройки. На следующий год церковь была заложена по благословению Ростовского митрополита Варлаама во имя Введения во храм Богородицы, с приделом великомученицы Параскевы, нареченные Пятницы. Когда она была построена, преподобный Леонид для большей торжественности пригласил для ее освящения Арсения, архимандрита устюжского Архангельского монастыря. С крестным ходом, с горящими свечами и с пением хвалебных песен, при многочисленном собрании народа перенесли чудотворную икону Божией Матери из прежнего монастыря в новоустроенный храм и освятили его 23 Мая 7160 (1652) г. Это был радостный день в жизни преподобного труженика Леонида и уже последнее деяние его на пользу устрояемой им обители.

По перенесении монастыря на новое место блаженный старец большую часть времени проводил в уединенной молитве и безмолвии, выходил из кельи только в церковь и совершенно устранил себя от управления обителью. Как светильник, тихо догорал он и через два года с небольшим почил от своих трудов и переселился в обители вечные к блаженному лицезрению Той, святому и чудотворному образу Которой он предстоял столь долгое время. Блаженная кончина его последовала 17 июля 1654 г. Мощи преподобного Леонида почивают под спудом в бывшей монастырской, а ныне приходской церкви. Здесь же доныне сохраняется

тяжелая и жестокая власяница его, и как при жизни блаженного старца, так и ныне ежегодно бывает большое стечение богомольцев в девятую пятницу по Пасхе.

Тропарь, глас 1

Божественною любовию и житиём
духовным от юности распалився,
преподобне, и вся, яже в мире красная,
возненавидев, Христа единого от души возлюбил
еси, отче, лёгкое нго на рамо взём,
Божественным Промыслом и Пречистыя
Богородицы чудным явлением направляемъ,
достиге пустыни и в ней многолётне подвизался
еси в трудех многих и слезах, всяким
злостраданием плоть свою изнуряя. Отонуду же
Бог, твоя труды видев, умножи тебе чада в
пустыни. Но яко имея дерзновение к Богу, моли о
нас, рабех твоих, отче преподобне Леониде, да
избавит нас от всех навет вражних и спасет
душа наша.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего Елеазара (Севрюкова) Анзерского, Соловецкого¹⁰

Память его празднуется месяца января в 13-й день

† 1656

Преподобный Елеазар почитается благоустроителем пустынной жизни на Соловецких островах. До него отшельники проводили жизнь уединенную на избранных местах, а со времени основания им скита собрались к нему, так что Троицко-Анзерский скит сделался рассадником, в котором воспитывались любители пустынной жизни.

Преподобный Елеазар родился в городе Козельске Калужской губернии в конце XVI века. Родители его, по фамилии Севрюковы, были купеческого звания и отличались особен-

ным благочестием. В молодых годах обнаружилась в Елеазаре склонность к иноческой жизни. Набожные родители не хотели препятствовать добродетели сына и дали ему свое благословение. Прибыв в Соловецкий монастырь, Елеазар был принят в число братства преподобным игуменом Иринархом и с усердием и ревностью занялся резным делом в Преображенском соборе. Строгим постом, постоянством в молитве, глубоким вниманием к самому себе послушник приобрел

уважение братии и любовь игумена и был пострижен в монашество.

Не ища славы человеческой и стремясь к большим подвигам, Елеазар, по благословению преподобного Иринарха, оставил обитель и удалился на Анзерский остров, отделенный от Соловецкого на север проливом в 4 версты. В то время этот остров был необитаем; только изредка приставали к нему беломорские суда и монастырские промышленники, занимавшиеся рыбной и звериной ловлей. Среди острова возвышается чрезвычайно крутая гора, называемая теперь Голгофою. С вершины ее в ясный летний день открывается величественный вид на необъятное пространство морских вод, на немалую часть островов Соловецкого и Муксальмского берега твердой земли, остров Жигжин. Весь Анзерский остров, с его холмами, покрытыми густым сосновым и березовым лесом, с его озерами разной величины, находится как бы под ногами.

Елеазар, плененный местоположением, поселился около озера, называемого Крутым. Первым делом его было водрузить деревянный, сделанный им самим крест, близ которого он устроил убогую хижину. Жизнь в соседстве одних только зверей и морских птиц сначала была для пустытника весьма тяжела. Много раз он испытывал диавольские страхования. Так, демоны представлялись ему то в образе знакомых людей, то в образе воинов, пеших и конных, иногда с оружием. Они яростно устремлялись на Елеазара, как бы намереваясь убить, и говорили: «Зачем сюда пришел? Это наше место, и никто до сего времени не приходил сюда». «Не ваше, - говорил им пустыжник, - но Христа Бога моего, и Богу угодно, чтобы я здесь жил», потом он читал «Да воскреснет Бог» - и этою молитвою прогонял незваных посетителей. Иногда они являлись в различных страшных образах, со скрежетом зубов и воплем. Бывало и так, что вдруг над кельей его раздастся как будто гром или выстрел из многих орудий. Но Бог утешил подвижника радостным видением: в одно время, когда он сидел в своей келье, явилась пред ним Пресвятая Богородица и сказала: «Мужайся и крепись, Господь с тобою, напиши на стенах кельи: «Христос с нами

установился». (У Анзерских подвижников и доселе есть обычай писать эти слова на своих дверях.) Подав ему трость и четки, Царица Небесная сделалась невидима. В другой раз он слышал пение: *«Вознесу Тя, Господи Боже мой, яко подъял мя еси и не возвеселил еси врагов моих о мне»*, и присовокупил: *«Буди имя Господне благословенно отныне и до века»* (Пс. 71. 17).

Для снискания себе пропитания, а также для управления в труде, пустынник занимался деланием деревянных чашек, которые ставил у морской пристани. Мореплаватели, находя эти чашки, охотно брали с собою, оставляя взамен их хлеб и другие съестные припасы.

Через несколько времени, в 1616 г., инок Елеазар встретился в пустыне с таким же подвижником, Соловецким иеромонахом Фирсом, и принял от него пострижение в схиму. С принятием схимы пустынник увеличил свои подвиги и перешел на другое место жительства, к морской губе, называемой ныне Троицкою, вдающейся в остров на две версты. Здесь он нашел ветхую часовню, которую перестроил своими руками. Келейным занятием его было по-прежнему приготовление деревянных чашек.

Мало-помалу молва об Анзерском пустыннике распространилась по Беломорскому берегу, и к нему собралось несколько ревнителей безмолвия и уединения. Елеазар не решился удалиться от людей, ищущих подобно ему душевного спасения, и составил из них небольшое братство пустынножителей.

Преподобный Елеазар ввел для сподвижников древний порядок пустынной жизни. Каждый пустынник имел особую келью, не в дальнем расстоянии от других, пребывал в ней в посте и молитве, занимаясь каким-либо рукоделием для своего пропитания, никого не принимал к себе и сам не ходил, кроме собрания на общую молитву. Общая молитва совершалась или в часовне, или в келье преподобного Елеазара. С вечера отправляли вечерню, читали псалтирь, пели каноны Господу Иисусу и Пресвятой Богородице, исповедовали свои помышления и грехи наставнику. Утром служили литию, утреню, часы, и затем подвижники уходили на безмолвие в свои кельи. Преподобный Елеазар был примером подвижничества для всех учеников: умерщвляя свое тело постом,

бдениями и коленопреклонениями, он имел на себе железные вериги, рубил дрова, носил воду. Время, свободное от этих трудов, он употреблял на переписку полезных книг. «От многого Божественного писания, - сказано о нем во вкладной скитской книге, - различные повести собрал, и три книги «Цветника» своею рукою написа уставом, также и чин монашеского келейного правила в писании добре истолковал; братии своей патерик о уставе и благочинии скитском положи, и «Старчество» и иные книги своею рукою написа».

Как преподобный умел побеждать свои пожелания, показывает следующее повествование жизнеописателя его. Случалось, что ему приходило на мысль вкусить рыбы; он приготавливал ее, ставил перед собою и, не дотрагиваясь, укорял себя в невоздержании. Нетронутая пища, оставаясь в келье, разлагалась, тогда подвижник говорил себе: «Ешь теперь, если хочешь».

Не терпя таких подвижников самоотвержения, враг искуситель усиливал свою злобу на преподобного. Соловецкий игумен Иринарх, глубоко уважая Елеазара, нередко и сам посещал его для духовной беседы, и приглашал через слугу к себе в монастырь. Однажды является этот слуга с лошадью, заложенною в сани. Подскочив к окну кельи, он передал от игумена поклон и приглашение приехать в монастырь. Елеазар начал собираться в путь и раньше обыкновенного совершил утреннее молитвенное правило. Заметив, что посланный часто уходит из кельи во время службы, он спросил его: «Зачем так часто отлучаешься из кельи?» - «Лошадь посматриваю, не смиренно стоит», - был ответ. По окончании молитвы Елеазар хотел перед отъездом вкусить пищи и угостить приезжего и перед вкушением, по обычаю, стал читать молитву Господню, но лишь только произнес: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», - мнимый слуга мгновенно исчез. С ужасом подвижник взглянул в окно, но на дворе не оказалось даже и следов приезжего. Тогда он понял, что это было искушение от диавола, и возблагодарил Господа Бога, не допустившего посмеяться над ним врагу.

Иногда враг человеческого рода воздвигал на преподобного злых людей. Так, однажды он положил на сердце некоторым береговым жителям ограбить подвижника, внушив

им мысль, будто у него большие богатства. Эти люди приплыли к острову и приблизились к бедной келье старца, который, предугадывая намерение их, обратился с молитвою о защите к Богу. Злодеи, не успев ничего сделать, как бы обезумели и стали бессмысленно кружиться около кельи. Сжалившись над ними, преподобный Елеазар вышел к ним и спросил: «Зачем, дети, вы пришли и чего хотите?» Но несчастные не отвечали и продолжали кружиться. Тогда подвижник молил Бога о разрешении пришельцев от невидимых уз, и молитва его была услышана. Очнувшись, злодеи пришли в себя и с раскаянием просили у старца прощения. Преподобный простил их, и, наставив никогда не желать чужой собственности, отпустил домой.

Как ни убегал подвижник славы человеческой, но он сделался известен даже царствующему дому. Игумен Иринарх в царствование Михаила Феодоровича находясь в Москве по делам монастыря, был принят родительницею царя, великою старицею Марфою Ивановною. В беседе с ним старица спросила: «Правда ли, что на Анзерском острове проживают отшельники?» Когда игумен ответил утвердительно, старица подала ему мысль об устройстве для них храма и пожертвовала для этой цели 100 рублей. Сами Анзерские пустынники давно желали устроить себе храм Божий, но, не имея достаточных средств, не знали, как приступить к делу. Теперь они видели, что Промысл Божий печется о них, внушив такую мысль родительнице царя.

Другое обстоятельство еще более помогло Анзерским пустынникам исполнить свое желание в скором времени. Один старец, Александр Булатников, впоследствии преемник знаменитого келаря Троицко-Сергиевой лавры Авраамия Палицына, уважаемый царем и всею его фамилиею, знал лично преподобного Елеазара. Он вместе с игуменом Иринархом извещал Патриарха Филарета об устройении Анзерского скита и о неимении у пустынников храма. Грамотою 18-го марта 1620 г. Патриарх предписывал Соловецкому игумену Иринарху послать в скит плотников и срубить храм в клетку во имя Святой Троицы с приделом преподобного Михаила Малееина, обещаясь прислать от себя образа, сосуды, облачения, книги —

все, что необходимо для богослужения. Со своей стороны, царь грамотою 20-го января 1621 г. повелевал Анзерским пустыньникам иметь содержание от Соловецкого монастыря, не вмешиваясь в управление монастырскими угодьями, быть в послушании Соловецкого настоятеля и соборных старцев, самоволия и бесчиния не делать, мирских людей к себе не принимать, всячески удаляясь молвы и смятения.

С построением храма Анзерские пустынники хотя не оставляли своих келий, но чаще стали собираться для общей молитвы. Иеромонах Варлаам совершал для них богослужение и в качестве «строителя» скита пользовался некоторою властью над скитянами. Сам Елеазар избежал начальствования и оставался духовным руководителем и советником братства. Но вскоре, в 1624 г., вероятно, по воле царя или патриарха он должен был принять на себя бремя правления, которое отягчилось для него потерей покровителя и друга - Соловецкого игумена Иринарха. Каких духовных даров достигли оба подвижника, обнаружилось в следующем обстоятельстве. Когда наступил для Иринарха смертный час, Елеазар, будучи в своем скиту, сказал братии: «Друг мой, собеседник о Господе игумен Иринарх сегодня умирает, - мне надобно поспешить в обитель, но уже не застаю его в живых». Иринарх же на одре смертном пред Соловецкою братнею произнес: «Брат мой духовный Елеазар сегодня отправляется из своего скита в нашу обитель и желает прибыть прежде моей кончины, но, по воле Божьей, уже не увидит меня в живых».

При новом Соловецком игумене Макарии грамотою 7-го Февраля 1628 г. число братства в Анзерском ските определено в 12 человек. И на это число повелено отпускать через Соловецкий монастырь из доходов Двинской области: на одежду - по 2 р. на человека, на содержание - по три четверти ржаной муки, по осьмине овса, солоду, по полуосьмине круп и толокна, на церковные расходы - пуд воску, три ведра красного вина, 10 фунтов ладана, на просфоры - по четверти пшеничной муки и, кроме того, 5 р. на дрова. Благодаря такой заботливости царя Михаила Феодоровича, материальное положение Анзерских пустынников было обеспечено.

Милостивое расположение царя к Анзерскому скиту увеличилось еще более со времени счастливого события в царском семействе. В беседе с Александром Булатниковым царь выразил ему свою скорбь, что не имеет по себе наследника, прибавив: «Кто бы мог помолиться, чтобы Господь разрешил наше неплодие?» - «Есть, государь, - отвечал старец, - в твоей державе один подвижник, которого молитву, верую, услышит Господь Бог», - и рассказал о жизни и подвигах преподобного Елеазара. Благодетельный царь обрадовался этой вести и послал просить пустынника в Москву. Преподобный Елеазар отправился. В первой же беседе с ним царь открыл цель приглашения его. Подвижник, утешая царя, сказал: «По вере вашей Господь Бог не оставит вас без наследника престола». Государь принял эти слова за предсказание и оставил старца в Чудовом монастыре в ожидании. Скоро Господь утешил царя, даровав ему сына Алексея (1629 г.). Рождение царевича принесло царскому дому радость и торжество. Не был забыт при этом и Анзерский пустынник, пребывавший в Чудовом монастыре. Царь, призвав к себе Елеазара, предлагал ему почести и чины духовные, но смиренный подвижник отказался от лестных предложений, намереваясь окончить жизнь свою в пустынном уединении.

Уважая Анзерского строителя, царь хотел упрочить существование скита его и грамотою 31-го июля 1633 г. объявил Анзерский скит независимым от монастыря и разрешил пустынникам избирать строителей из своей среды, иметь братии 12 человек и 2-х мирян для рубки дров. Провинившихся не посылать в Соловецкий монастырь для исправления, но смирять их по своему усмотрению. Соловецкому игумену предписывалось не вступаться в управление скитом, не посылать туда строителей, не делать пустынникам никакого притеснения и не препятствовать желающим из Соловецкой братии переходить в скит. А Двинскому воеводе особою царскою грамотою того же 31-го июля 1633 г. было повелено под опасением опалы высылать в Анзерский скит своевременно и сполна назначенное содержание на казенных подводах и судах, помимо Соловецкого монастыря.

Впрочем, зависть и недоброжелательство злых людей причиняли скитянам не мало скорбей и беспокойств. 13-го июля 1634 г. приезжали к острову злоумышленники с явной целью грабежа, но в то время приплыли к устью губы поморские ладьи, и воры, устранившись, бежали. По жалобе преподобного Елеазара царь грамотою 31-го января 1638 г. повелевал Сумскому воеводе охранять скит от разбойников и недоброжелателей.

В это время скитское братство увеличилось несколькими замечательными лицами. В 1634 г. вступил в скит Никодим, который сделался любимым учеником преподобного Елеазара и по смерти его занял место строителя. Сюда пришел, по стремлению к строгому подвижничеству, московский священник Никита. Скоро он принял монашеское пострижение с именем Никона. Пламенная душа Никона созревала в Анзерской пустыне в подвигах поста и молитвы для будущих трудов церковного управления в звании Новгородского митрополита и потом Всероссийского Патриарха. Никон каждый день прочитывал псалтирь, каноны Господу Иисусу и Божией Матери и клал 1000 поклонов. Но недолго этот новый подвижник служил назидательным примером для скитского братства: Промысл Божий, видимо, вел его к высшему служению - и Никон переехал в Кожеезерскую пустынь.

Прежняя церковь сделалась тесною для умножающейся братии, и преподобный Елеазар решил построить каменный храм Знамения Пресвятыя Богородицы, мерою в 5 сажень. Средств, сбереженных временем, оказывалось почти достаточно; но, в крайнем случае, имелась в виду благотворительность некоторых из поморских жителей. Пустынники повергли пред царем новую просьбу о разрешении устроить каменный храм и вскоре получили разрешение. Благочестивый царь, приняв живое участие в деле, начинающемся к славе Божией, предписал Двинскому воеводе князю Львову отпустить из таможенных сборов на это строение двести рублей с тем, чтобы Анзерские пустынники молились Богу за упокой души родителя его, патриарха Филарета. Мало того, царь повелел Львову послать в скит строителей с рабочими людьми, опытными в каменном деле. Соловецкому же

игумену Варфоломею в грамоте 12-го января 1638 г. было приказано дать с монастырского завода для предполагаемого строения кирпич и известь, с платою из сумм, принадлежащих Анзерскому скиту, т. е. пожалованных царем и имеющихся в соборе.

Но доброму намерению не суждено было исполниться в скором времени. Соловецкому игумену Варфоломею не нравилось дело, задуманное Елеазаром, а потому он донес в Москву, что Анзерский строитель начинает церковное строение не по средствам, и в монастыре нет в готовности материалов. Хотя Варфоломей в следующем году оставил настоятельство, но строительство каменной церкви замедлилось на неопределенное время. Преподобному Елеазару пришлось испытать много неприятностей и огорчений. Несмотря на это, он не унывал и не оставлял своего намерения. Через восемь лет новый случай помог ему приступить к начатому делу. Алексей Михайлович, вступив на престол по кончине родителя своего, вспомнил об Анзерском пустыльнике, предсказавшем некогда рождение его, и пожелал видеть его. Преподобный, несмотря на старческую дряхлость, отправился в столицу и был милостиво принят государем. Царь вручил ему подтвердительную ручную грамоту 11-го февраля 1646 г., а Соловецкому игумену Илии повелел по предположенной мере выстроить в скиту каменную церковь и донести в приказ большого дворца боярину князю Львову, во что обойдется строение. Теперь, казалось, все препятствия были устранены; тем не менее игумен Илия не приступал к постройке, пока не получил подтверждения о царской воле от Двинского воеводы князя Ромодановского. Между тем, негодую на Елеазара, он успел выдержать его некоторое время в Соловецком монастыре в заключении.

Наконец подвижник имел утешение не только видеть успешное строение храма, но и лично заправлял постройкою, участвуя во всех трудах братии. Так, когда раннюю весною не было доставлено из Соловецкого монастыря достаточное количество кирпича и рабочие оставались без дела, преподобный Елеазар, несмотря на лед, носившийся в море, сам с несколькими людьми отправился на судне в монастырь. Нагрузив ладью кирпичом и известью, пловцы на обратном пути были затерты льдом. Опасность

была великая, но преподобный, не теряя присутствия духа и упования на Бога, взялся за руль и спас всех от явной гибели.

При усердных трудах Елеазара и его сподвижников скитский каменный храм с трапезою и кельями для пустынников устроился, но освящен был уже по кончине строителя.

В то время когда Анзерский пустынник изнемогал под бременем забот и лет, прежний его сподвижник Никон, митрополит Новгородский, а впоследствии - Всероссийский Патриарх, был ему помощником и утешителем. Помня Анзерский скит, в котором принял пострижение, Никон почти каждую свою грамоту Соловецким властям заканчивал припискою: «Да пожалуйте Бога ради и нашего ради прошения, Анзерских старцев жалуйте и берегите»; или: «Да поберегите Анзерских старцев, строителя и братию, а мы, елика сила наша будет, рады вам помогать». Всякую просьбу бывшего своего наставника Елеазара Никон старался исполнять с точностию. Так, в грамоте Соловецкому архимандриту Илии 1651 г. митрополит писал: «Бил челом Живоначальныя Троицы Анзерския пустыни строитель старец Елеазар с братиею, чтоб к ним в Анзерскую пустыню из Соловецкого монастыря отпустить велеть больничного старца Кирика; и как к тебе сия наша грамота придет и ты бы в Анзерскую пустыню больничного старца Кирика отпустил». Сделавшись же Патриархом, Никон еще с большею любовью благодетельствовал Анзерскому скиту. Грамотою 29-го апреля 1655 г. он извещал, что по ходатайству его государь повелел увеличить жалованье Анзерскому скиту и давать по пуду лада-ну, по три пуда воска, по 5 ведер церковного вина, по четыре четверти пшеничной муки на просфоры, строителю и братии прибавить по рублю, отпускать денежную выдачу и вновь прибывшим пяти инокам. Вместе с тем Патриарх и от себя препроводил милостыню - Елеазару два рубля, и 11-ти человекам братии - каждому по рублю. В другой раз Патриарх послал в скит серебряные оклады на иконы весом 7 фунтов 80,5 зол., 250 рублей деньгами, 11 осетров для братии и белугу для Елеазара, прося молитв соборных и келейных.

Среди разнообразных забот о благоустройении своего скита преподобный Елеазар приближался к кончине и созревал для вечности. Опыты своей духовной жизни он изложил в рукописи и сохранил их на память ищущим спасения.

«В одно время стою я пред образом Христа Спасителя и со слезами молюсь, говоря: «Владыко Христе, Царь и Создатель мой! Что воздам за Твою ко мне милость? Ничто же благо сотворих пред Тобою», - и вижу, как бы голубь прикоснулся к моему лицу и, сказав: «Богу принесу слезы твоя», - стал невидим. После сего возрадовалась душа моя.

Когда скончался у нас брат Тихон, другой брат, также Тихон, взял себе две книги, принадлежавшие умершему. Настало время вечерней молитвы. Братии собралось в церковь только еще четыре человека. Вдруг я заметил над главами иноков некую силу Божию в виде голубине, но у Тихона этого не было. Много дивился я, не понимая тайны. Но вскоре провинившийся подошел ко мне и, с умилением каюсь в проступке, испросил себе прощение.

Когда меня угнетали многие скорби, так что я близок был к мысли оставить Анзерский скит, мне неоднократно слышался неведомый голос: «Не бойся, Господь с тобою», или: «В терпении вашем стяжите души ваши» (Лук 21. 19), или: «Вы, сильнии, немощи немощных носите» (Римл. 15. 1). Таким явлениям я не верил, чтобы не впасть в прелесть вражью. Но неверие мое исчезло при следующем явлении: стою я в келии и смотрю в окно. В это время внезапно представилось мне, будто на полуденной стороне разразился страшный гром и слышались Евангельские слова укоризны: «О роде неверный и развращенный, доколе буди с вами, доколе терплю вы?» (Матф. 17. 17).

В то же скорбное для меня время было мне следующее видение: стою я будто в какой то прекрасной долине. Некто подошел ко мне и, указав на небо, сказал: «Посмотри!» Взглянув, я увидел по всему небу необыкновенно светлый луч, подобный радуге. Немного спустя незнакомец снова сказал: «Подними еще взор свой к небу». Я повиновался и узрел среди неизреченного света образ Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, Иоанна Предтечи и двух Апостолов. Наконец, неведомый мне светосный юноша в третий раз произнес: «Воззри еще к небу!» Я опять поднял взор и на этот раз увидел Нерукотворенный образ Христа Спасителя величины необычной. Затем незнакомец, упрекнув меня

в малодушии и недостатке терпения ради Того, Кто все претерпел за нас, стал невидим.

Однажды, по своему обыкновению, я совершал в келии краткую молитву Иисусову и полагал поклоны, а потом стал читать молитву ко Пресвятой Богородице, говоря: «Пресвятая Госпожа Владычице, Богородице, спаси меня грешного!» - и вот внезапно является предо мною Пресвятая Богородица, в сиянии небесной славы, имея три светлые звезды - одну на главе и две на раменах. Царица Небесная произнесла: «Елеазар, не переставай призывать Меня в своих молитвах, и Я буду помогать тебе до исхода души твоей».

В Великом посту, в один недельный день, во время литургии, я сподобился видеть Царицу Небесную, стоявшую умиленно против своего образа, около левого клироса, лицом на церковь. Когда мы с обоих клиросов вышли на середину и стали петь: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь», - Владычица сошла со своего места и стояла пред нами, пока мы кончили пение.

В другое время в церкви Святой Троицы Царица Небесная явилась мне в том виде, как Она изображена на Смоленской иконе, держа на левой руке Предвечного Младенца, и сказала: «Елеазар, храните заповеди Христовы и устройте во имя мое храм». С этими словами видение кончилось.

В той же церкви однажды явился мне апостол Павел с образом Знамения Божией Матери в десной руке и сказал: «Елеазар, когда приходите к храм, поклоняйтесь образу Христа Спасителя со страхом и трепетом; скажи о сем братии».

Некогда пришел мне помысл, что я творю угодное Богу моему и что значат мои труды и моления. Потом я, встав, помолился с особенным усердием: «Владыко, Боже, Отче Вседержителю, вразуми меня, как прославлять Пресвятое Имя Твое!» После этой молитвы я услышал небесный голос: «Всякий день молись, говоря: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение... Господи, прибежище был еси нам в род и род... Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранитися нам». Повесть свою о чудесных явлениях преподобный утвердил своею подписью так: «грешного старца Елеазара».

13-го Января 1656 г. Анзерский скит лишился своего основателя и строителя Елеазара. Кончине его предшествовала краткая и легкая болезнь старости и изнурения. На смертном одре старец еще беседовал со своими учениками, увещавая их жить добродетельно, не изменять устава и благочестивых обычаев скита и обещая им благодатную помощь Божию. Наконец, подвижник наименовал своим преемником в попечении о братии своего ученика и сподвижника - Никодима и, причастившись Святых Христовых Таин, мирно предал дух свой Богу.

Явления и чудесная помощь страждущим показывали, что преподобный Елеазар обрел благодать у Господа. Один инок Онуфрий некогда впал в такое уныние, что ослабел телом и лишился рассудка. В минуту самых тяжких страданий явился ему преподобный, сотворил за него молитву и мгновенно исцелил немощного.

Анзерский иеромонах Измаил впал однажды в тяжкую болезнь, не мог выходить из кельи и слег. В сильном изнеможении он как-то заснул и ему представилось, что преподобный Елеазар выходит из своей часовни и приближается к келье больного. Страдалец проснулся и, забыв о своей болезни, встал с одра и спешно подошел к окну, чтобы удостовериться в явлении, но никого не увидел. С этих пор он почувствовал себя совершенно здоровым.

Того же скита инок Макарий, искусный в живописи, задумал написать изображение преподобного Елеазара, но не знал, какой вид имел преподобный. Скучая об этом, инок после вечернего правила лег на одр и уснул. Вдруг он видит перед собою преподобного Елеазара, который говорит: «Ты, брат, желал меня видеть, и вот я теперь стою пред тобою». Инок в страхе проснулся и увидел уже наяву преподобного. Тогда Макарий пал на колена и поклонился явившемуся, который стал невидим. Припомнив черты лица его, инок изобразил его кистью.

В одно время Анзерскому строителю Исаии, мужу добродетельному, нужно было отправиться в Соловецкий монастырь. Хотя и было время зимнее, но пролив, разделяющий острова Соловецкий и Анзерский, был свободен от льдин. Строитель поплыл на небольшой лодке с одним из братии.

На обратном пути они были застигнуты массою льда, принесенного ветром с моря. Огромные льдины, окружив лодку, понесли ее в открытое море. Путники в ужасе выскочили из лодки на льдины и пустились поспешно к берегу; между тем Исаия оступился и едва не погиб. В это время явился ему преподобный Елеазар и спас его от смерти. До Анзерского берега, куда путники пробирались, было еще не близко, а движущийся лед уносил их в противоположную сторону; к большей беде наступила ночь. В изнеможении несчастные обратились к Господу с усердною молитвою об избавлении от опасности и стали призывать на помощь преподобного Елеазара. И вот при тусклом свете луны они увидели, что на другом конце льдины стоит преподобный Елеазар и заправляет ею к Анзерскому берегу. Обрадованные иноки хотели приблизиться к преподобному и поклониться ему, но он стал невидим. Между тем льдина очутилась у самого берега Анзерского острова, и путники вышли на берег благополучно.

Чтобы иметь более полное понятие о том, как понимал иночество преподобный Елеазар и как он руководил других в подвигах иноческой жизни, мы признаем полезным сделать извлечение из его наставления новоначальным инокам. В этом наставлении преподобный сначала предлагает общее поучение о вере и нравственности, а также о покаянии. Потом обращает внимание инока на данные им обеты и приводит чин малого пострижения, где с особенною подробностью останавливается на поучении новоначального монаха в послушание старцу. Далее излагаются правила о ночных искушениях и приводятся разные мнения, касающиеся соблюдения чистоты телесной. За сим даются наставления в случае страхования ночного. Есть у преподобного Елеазара и особое наставление о келейном пребывании с братом. Остальная часть устава состоит из выписки поучений инокам святого Ефрема, Исаака Сирина и некоторых других.

Жизнь инока есть всегдашний пост и молитва. Но время Святой Четыредесятницы издавна отличалось усугублением подвигов. Пред наступлением Великого поста, в неделю сыропустную, после утрени, настоятель говорил братии следующее поучение: «Господие священницы, и старцы,

и вся братия, молим ваше преподобие: наступает Божия Четыредесятница – Святый Великий Пост: должно нам готовиться к духовным подвигам поста, отложив мрачные и темные душевредные греховные дела и облекшись во оружие света; и тако уготовавшись, идти к спасительным подвигам поста и воздержания. Господь наш и Бог сам постился 40 дней, не имея греха, но нам подавая образ. А мы, грешные, какими бесчисленными грехами повинны пред Богом? Нужно нам немедленно подвизаться, воздерживаться от всего недоброго, молить всемилостивого Бога о своих согрешениях и заботиться о своих душах. И вы, Бога ради, честные отцы и братия, Святый, Великий пост проводите в чистоте, воздержании и подвигах, отцам духовным исповедуйте искренно согрешения и молитесь всещедрому Богу, соборне и келейне, о многолетнем здравии и душевном спасении Государя нашего благоверного и христоролюбиваго Царя и великаго князя (имя) всея России Самодержца и Его благоверной Царицы и великой княгини (имя), Их благоверных чад (имя), князей и бояляр Их и всех православных христиан, чтобы Господь Бог даровал полезное Государю, нашему Царю и всей державе Его. Да и о своих согрешениях молитесь Богу, чтобы нас всемилостивый Бог, имиже хочет судьбами, избавил от вечных мучений. А кто в нас на кого вражду или гнев имеет, Бога ради в том прощение учините, потому что прощение грехов приобретаем прощением братий наших. Если же мы не простим, то и сами прощения не получим: *«Ею же бо мерою мерим, тако и нам возмерится»* (Лук. 6. 38). К соборному пению потщитесь ходить к началу и слушать со вниманием. Да и нас, грешных, во святых своих молитвах помяните, а мы вас благословляем». Братия обыкновенно отвечала: «Сколько возможно будет, честный отче, должны, по повелению твоему, молитвами святых поступать так», - и все кланялись настоятелю.

По смерти Елеазара 21 год управлял Анзерским скитом ученик его Никодим, в духе своего учителя. Денежное и ружное жалованье, о котором извещал скитян Патриарх Никон в 1655 г., подтверждено царскою грамотою 1662 г.

Какое влияние на судьбу Анзерского скита имели события, возникшие в Соловецком монастыре по поводу исправления богослужебных книг, мы сведений не имеем, кроме краткой заметки во вкладной книге Анзерского скита, сделанной в 1710 г.: «Егда у противных в Соловецком острове учинися в вере смущение и устройся от них монастырю заporное укрепление, в то же время бысть и Анзерскому скиту от начальствующих тогда велие разорение и конечное сотворися ему запустение. Живущие же ту пустынники до единого со отока разогнаны, бежали, и храмы Божии обраны, токмо стены едины в них остана, и всем церковным утварям и записным книгам, от всяких людей врознь рознесенным сущим и растерянным бывшим, и по многomu времени егда возмогаша из Соловецкого монастыря от церковных вещей и письменных крепостей несколько возвратити».

Но это отображение церковного имущества Анзерского скита последовало уже после усмирения Соловецкого бунта. Причиною его было, вероятно, покаяние монаха Митрофана, бежавшего из Соловецкого монастыря во время осады. Он сказал, что вино и рыбу для Соловецкого монастыря во время его осады доставлял Анзерский скит.

В самый год смерти Никодима (1667 г.), по указу Патриарха Иоасафа, отобраны были в Анзерском ските иконы, церковные сосуды, книги, ризы, жалованные грамоты и денег 494 рубля. Но по просьбе строителя Романа царь Феодор Алексеевич велел все отобранное возвратить и продолжать ружное и денежное жалованье на скит. В 1685 г. в бытность свою в Москве Роман был награжден многими царскими вкладами для Анзерской обители.

До этого времени скит был независим от Соловецкого монастыря, и такая независимость его не раз была подтверждена царскими грамотами. Но в 1682 г. указом архиепископа Холмогорского Афанасия скит был отдан в ведение Соловецкого архимандрита, и ему велено было иметь строжайшее наблюдение за пустынниками и распоряжаться во всем по усмотрению. В 1698 г. архиепископ Афанасий учредил в ските должность казначея по причине обветшания

скитской колокольни и келейных зданий, а царь Петр I повелел с 1700 г. вместо ружного и денежного жалованья на 17 монашествующих и церковные потребности выдавать по окончании каждого года 145 рублей 26 алтын и 4 деньги. Видно, что скит не был в цветущем положении. Составитель жития преподобного Елеазара, около 1705 г., жалуется, что намять об основателе скита почти изгладилась, и гробница его мало посещается. Неизвестно, чем бы кончилось такое положение скита, если бы не явился муж, который восстановил пустынную жизнь в Анзерском ските, оживил память об основателе его и положил начало новому приюгу пустынников на горе Голгофе. Это был Иов, в схиме Иисус, в миру московский священник Иоанн Иоаннов, царский духовник. (См. Житие Иова Анзерского. – *Сост.*)

При строителе Спиридоне был построен новый деревянный храм и поправлен каменный Троицкий. Но успехи духовной жизни за это время неизвестны. В 1757 г., при рытии фундамента для устройства часовни в память преподобного Елеазара в числе четырех гробов найден один, у которого верхняя доска и колода целы; тело нетленно, только одежды истлели; от гроба исходило благоухание.

Анзерские иноки заключили, что это - гроб преподобного основателя скита Елеазара, и донесли архиепископу Архангелогородскому Варсонофию. Преосвященный указом 16 августа 1758 г. предписал Анзерскому строителю Мельхиседеку с братиею гроб основателя скита поставить в новую могилу в самой часовне. Эту могилу покрыть брусьями или каменным сводом и поставить над нею присланную от преосвященного раку, которую окружить железными решетками и покрыть покровами. При переложении мощей петь молебны о преподобном Елеазаре. Впоследствии вместо деревянной часовни, устроенной над могилою преподобного в 1757 г., построена каменная, а в нынешнем столетии (XIX в. – *Сост.*) прежняя обветшавшая рака заменена новой, сделанной из меди и посеребренной.

В 1762 г. Иоасаф, епископ Архангелогородский, посещая паству свою, был и в Анзерском ските. Он произвел строителя Мельхиседека в игумена и желал навсегда утвердить

за Анзерскими настоятелями это звание. Иоасаф установил ежедневное чтение акафиста Божией Матери пред чудотворною иконою Знамения Ея, а в праздничные дни - отправление молебна пред Чудотворною иконою Святой Троицы. В 1764 г. Анзерский скит приписан к Соловецкому монастырю с назначением в нем строителя и 12 монашествующих. Теперь отходят туда, с благословения настоятеля, ищущие безмолвия Соловецкие иноки. Отправляя всedневную службу по уставу и чиноположению церковному, они каждодневно исполняют особенное монашеское правило: по вечерни три канона - Иисусу Сладчайшему, Божией Матери, Ангелу Хранителю, и акафист, также молитвы на сон грядущим и помянники с поклонами о Соловецких благотворителях и вкладчиках. Кроме этого, каждый иннок имеет и келейное правило с поклонами и молитвою Иисусовою.

Тропарь, глас 3

твѣргъ плѣти тлѣнныхъ, нетлѣнныхъ
потщася еси достигнути, и, міра
удаливсѣ, вселѣсѣ еси въ морской ѡстровъ, и
на немъ усердно многа лѣта Господевѣ поработалъ
еси; сего ради и дары прозрѣнія и чудесъ
овогатѣлсѣ еси, ѡтче преподобне Елеазаре,
Христѣ Бѣга моли даровати намъ миръ и велию
милость.

Кондакъ, глас 2

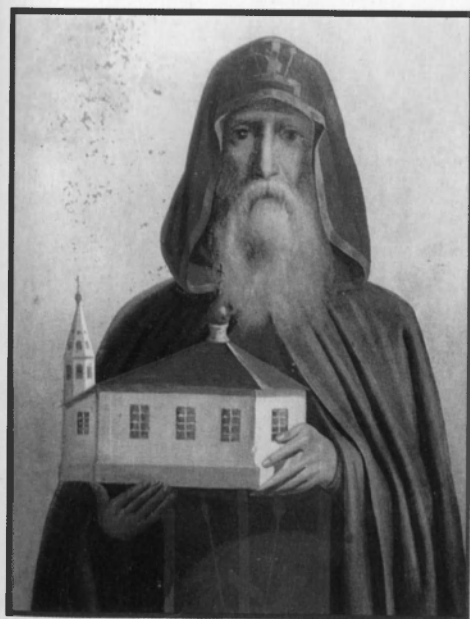

звѣранный угодниче Божій, свѣтлостію
житія твоего и чудесъ благодатию
просіявый въ пустыни сѣвернаго Поморія,
преподобне ѡтче нашъ Елеазаре! Хвалѣбныя пѣсни
принѣсимъ ти, подвиги твоѣ воспевающе. Ты же,
яко благоприятный молитвенникъ ко Господу, ѡт
всякихъ насъ вѣдъ освободи, да зовѣмъ ти: радуйся,
преподобне ѡтче нашъ Елеазаре.

Преподобный
Нил Сорский

XVI в. († 1508)

Преподобный
Кирилл Белый,
Новозерский

XVI в. († 1532)

Ученики Александра Свирского:
 преподобные
 Афанасий, Дионисий, Игнатий, Корнилий, Леонид,
 Феодор, Ферапонт Островские
 XVI в.
 Геннадий и Никифор Важезерские
 XVI в.

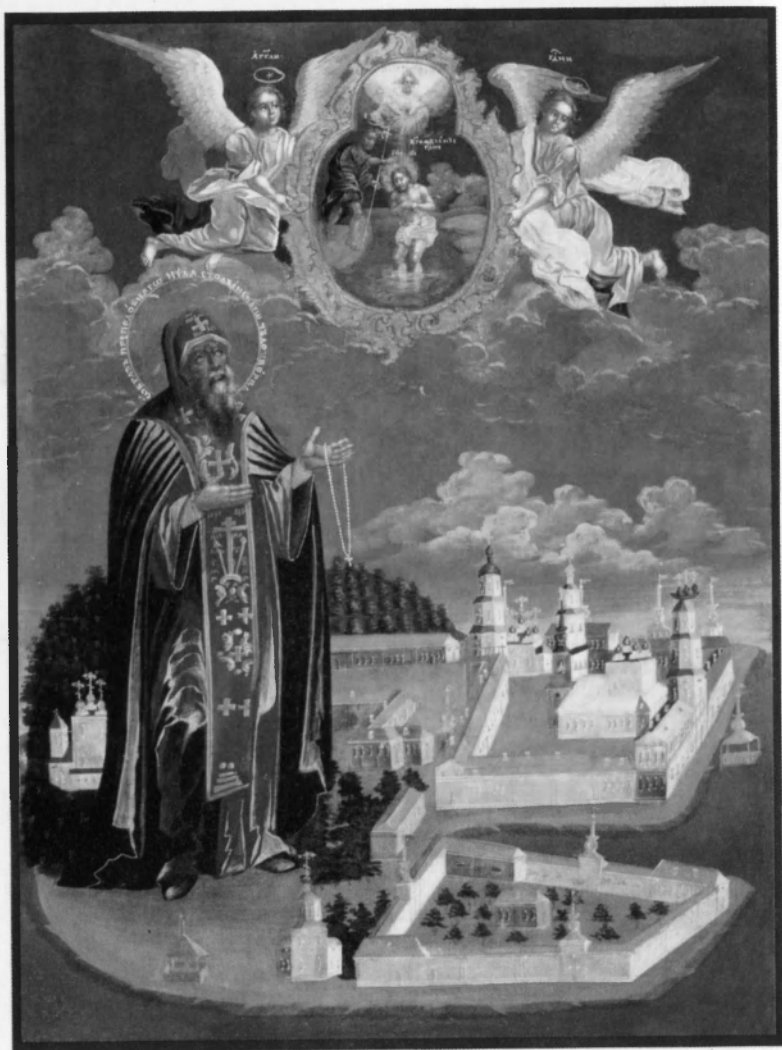
Явление
Святой Троицы
преподобному
Александру Свирскому

Икона XVII века

Праведный отрок
Артемий Веркольский

XVI в. († 1545)

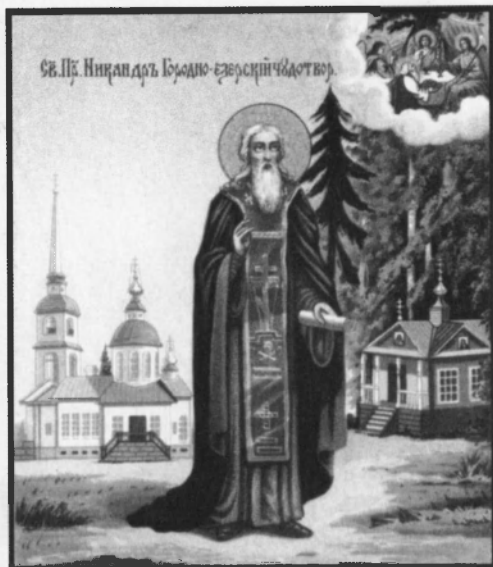
Преподобный Нил Столобенский

XVI в. († 1554)

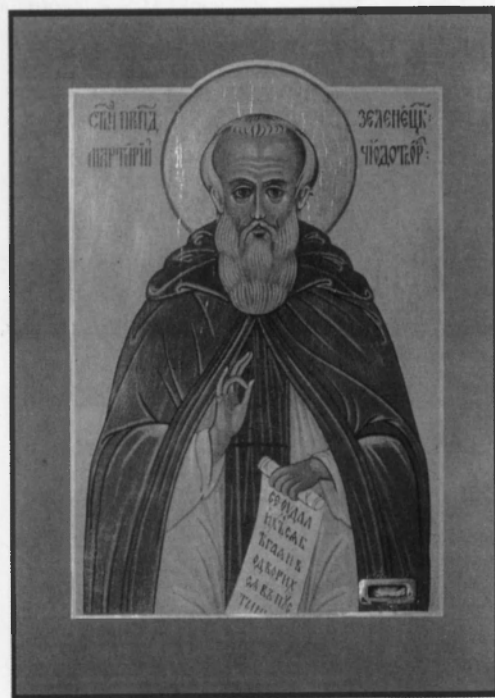
Святитель Макарий,
митрополит Московский и всея Руси

XVI в. († 1563)

Преподобный
Никандр
Городноезерский

XVII в. († 1603)

Преподобный
Мартирий
Зеленецкий

XVII в. († 1603)

Подписание акта передачи
Новгородского Софийского Собора
Русской Православной Церкви
15 августа 1991 года.

Святейший Патриарх Алексий II
и Епископ Новгородский и Старорусский Лев.

Венец над Софией 16.08.1991 г.

Фотография Александра Соцкова

СВЯТЫЕ

о преподобном отце нашем, игумене

Боголепе Кожезерском ¹⁶

Память его празднуется месяца августа в 12-й день

1675

оголеп, в миру Борис Васильевич Львов (умер 1675 г.), - строитель Кожезерского монастыря, автор «Жития Никодима Кожезерского». Боголеп принадлежал к московскому боярскому роду Львовых, многие представители которого хорошо известны как видные московские чиновники. В их числе - родной брат Боголепа, думный дьяк Григорий Васильевич, обучавший царя Алексея Михайловича письму и до смерти остававшийся смотрителем его письменных принадлежностей. К кругу знакомых Боголепа принадлежали Патриарх Никон, царский духовник Стефан Военифатьев, Федор Михайлович Ртищев, думный дьяк Алмаз Иванов, дьякон Феодор.

В 1639 г. Борис Васильевич Львов пришел в Богоявленский Никодимов Кожезерский монастырь, где и постригся, получив при этом имя Боголепа. Кожезерский монастырь сделался пристанищем Боголепа до последнего дня его жизни. Первый вклад Боголепа в монастырь (военное снаряжение всадника) позволяет предполагать, что до пострижения он был воином. В 1650-х гг. Боголеп именовался строителем (хозяйственным руководителем) монастыря и был чуть ли не единовластным его хозяином.

Живя в монастыре, Боголеп часто бывал в Москве. Во время одного из последних посещений столицы в 1653 или 1658 г., когда протопоп Аввакум был уже сослан в Сибирь, но дьякон Феодор еще дьяконствовал в Благовещенском соборе, Боголеп был взят на заметку, как старообрядец: в описи столбцам Патриаршего разряда сохранилось название дела:

«Спор с справщиками старца Боголепа Львова, Благовещенского собору дьякона Федора да поддьяка Федки» (АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 263., С. 480). После 1658 г. Боголеп в Москве не показывался. В 1666 г. последовал царский указ каргопольскому воеводе о доставке Боголепа на суд церковного собора 1666-1667 гг. Но Боголеп чувствовал себя на Кожозере неприкосновенным, о требовавшей его грамоте новгородского митрополита Питирима он говорил: «Хотя-де будет и три грамоты, и мне-де они две денги». Царский указ оказался невыполненным, властного старца оставили в покое.

О литературных занятиях Боголепа известно следующее: Боголеп «от его, Никодимовых, уст слышав таковая, и писанию предаст». В другом месте «Жития Дионисия» Симон Азарьин заметил, что он читал эту «повесть» Боголепа. Предполагается, что «повесть» эта есть «Житие Никодима Кожезерского». «Житие Никодима Кожезерского» сохранилось в двух редакциях: в подробной и в более ранней краткой записке, составитель которой не назвал себя по имени. Предполагается, что автором Краткого жития был Боголеп. Краткое житие было написано до 1648 г., так как в этом году было закончено ссылающееся на него Житие Троицкого архимандрита Дионисия. О других сочинениях Боголепа неизвестно. Во всяком случае, можно говорить о близости Боголепа к литературным кругам: известно, что Симон Азарьин, написав «Житие Дионисия», посылал его черновой вариант на суд Боголепа. Известна книга («Слова Симеона Нового Богослова»), переписчиком которой был Боголеп. В 1648-1649 г. он дал вкладом в Кожезерский монастырь по своему брате Г. В. Львове печатные Святцы (М., 1646; см.: Коллекция старопечатных книг XVI-XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. М., 1981. С. 103-104). О книжных интересах Боголепа свидетельствует его келейная библиотека, которая стала его последним вкладом в монастырь перед смертью, - она насчитывала 44 книги.

Тропарь и Кондак общие.

Гл. стр. 766

СВЯДЕНИЯ

о преподобном отце нашем Макарии Менюжском ³

Память его празднуется месяца июня в 24-й день

ок. 1684

Инок Макарий возродил Троицкий Менюжский монастырь. Произошло это несколько лет спустя после погребения и обретения мощей святых отроков Иакова и Иоанна. Направляясь из Пскова в Новгород, инок Макарий проходил мимо того места, где почивали мощи святых отроков. Внезапно его поразила лютая болезнь, на избавление от которой не было никакой надежды. В таком тяжком и горьком положении он кое-как добрался до мощей святых, помолился перед ними со всем усердием и верою - и тотчас получил исцеление. Будучи преисполнен глубочайшей благодарности к святым отрокам за полученную от них милость, Макарий решил остаться при мощах их с намерением употребить все свое старание на изыскание средств к возобновлению бывшего Менюжского монастыря. По милости Божией, по молитвам святых угодников Его и усердием Макария удалось возобновить Троицкий Менюжский монастырь, который действовал до 1764 г. По упразднении его в 1764 г. осталась деревянная церковь Святой Троицы с приделом в честь святых отроков Иакова и Иоанна.

(См. Сказание об отроках Иакове и Иоанне Менюжских и Дополнительные сведения к нему. - *Сост.*)

Тропарь и Кондак общи.

См. стр. 766

XVIII вв

Остров Анзерский

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, игумена

**Нова (в миру Иоанна,
в схиме Инсуса) Анзерского** ¹⁰

*Память его празднуется месяца марта в 6-й день
и месяца мая в 29-й день*

† 1720

Нов родился в Москве при царе Михаиле Феодоровиче в 1635 г. и назван Иоанном. О родителях его и первоначальном воспитании ничего неизвестно, кроме того, что отец его именовался также Иоанном. По преданию, он происходил из духовного звания и, будучи воспитан в правилах доброй нравственности и благочестия, по достижении совершеннолетия рукоположен в иерея. С принятием священства врожденная в душе Иоанна ревность добродетельной жизни выказалась

в полном свете. Он ежедневно совершал божественную службу и часто также становился на клирос и пел по киевскому напеву. Пение его, по природной способности, было сладостно и умирительно. Трогательное и благоговейное священнослужение о. Иоанна привлекло в его церковь многих посетителей, которые после службы спешили посетить его дом, чтобы принять от него благословенье и ближе познакомиться

с ним. Впрочем, далекий от славолюбия, он неохотно принимать эти посещения и часто не удовлетворял любопытству видеть его в доме.

О. Иоанн, более и более усовершенная в добродетели, исполнял, кроме священнического, иноческое, молитвенное правило и, находясь в миру, как бы уже проводил жизнь монашескую. Он часто налагал на себя пост и уединение, затворяясь в своей опочивальне, где в коленопреклоненной молитве к Богу проводил ночи до рассвета. Во время ночной молитвы Иоанн обыкновенно со слезами зывал: «Помилуй мя, Господи; пощади мя, Господи» и проч. Утром неохотно прерывал он уединение прежде обычного выхода своего в церковь. Случалось, что упрошенные какими-либо посетителями прислужники Иоанна извещали его до начала церковного богослужения о гостях, пришедших с желанием принять благословение и наставление. Вынужденный усиленными просьбами, хотя и выходил он к посетителям, но с лицом унылым, тогда как в другое время о. Иоанн принимал приходивших к нему с искреннею пастырскою любовью и в простоте сердца беседовал с ними. Утверждая всех в христианских добродетелях, он умел применить свой разговор к положению, званию и состоянию каждого. Со старцами говорил об упражнении во всегдашнем богомыслии, с молодыми - об опасности страстей и прихотей, с отцами - о воспитании детей в страхе Божьем и т. п. Все наставления он основывал на Священном Писании и подтверждал примерами из церковной истории и жизни святых. Он любил посещать своих друзей и знакомых, иногда неожиданно приходил в чей-либо дом незванный, но его всегда с радостью принимали и с удовольствием слушали поучения его. Впрочем, внезапное посещение им кого-либо всегда имело какую-либо благодетельную цель. Как скоро, например, он узнавал, что в известном семействе возникли распри и несогласие, тотчас же спешил туда и старался восстановить мир. Как миротворец, он и сам, когда доводилось ему нечаянно оскорбить кого, немедленно сознавался в своем поступке и просил прощения у оскорбленного.

Для более успешного действия на поприще пастырском, для блага вверенных попечению его душ о. Иоанн употреблял, смотря по возможности, разные глубоко обдуманные предосторожности. Так он являлся иногда в круту простолюдинов в образе частного лица, скрывая свой сан под мирской одеждой. Это обстоятельство облегчало ему беседу, особенно с бедными людьми, из которой он узнавал о домашних нуждах их и оказывал им посильную помощь. Много он утешался, если в таком виде никто не узнавал его. Помогая нуждающимся вещественно, Иоанн вместе с тем узнавал их чувства и мысли и давал приличное наставление.

Ворота в дом милостивого Иоанна всегда были открыты для меньшей братии. Нередко он поставлял трапезу нищим и сам с любовью садился между убогими, питая их вещественно и духовно. Расставаясь с этими дорогими сердцу гостями, о. Иоанн наделял каждого, чем мог. Обращались к нему за помощью и другие лица разных сословий, и - не напрасно. Лишился ли кто имущества от пожара, о. Иоанн ссужал его деньгами на первоначальное обзаведение. Был ли кто болезнью или несчастьем доведен до нищеты, получал от него милостыню, достаточную для обеспечения содержания на немалое время. Бедные поселяне в неурожай заимствовались от о. Иоанна хлебными семенами для засева полей и хозяйственными вещами, какие находились в его доме, или даже находили у него готовое пропитание для своих бедствующих от голода семейств. Сострадательный Иоанн большую часть своих доходов употреблял на милостыню, довольствуясь для себя малыми остатками. Часто он по милосердию ходатайствовал и перед лицами правительственными, ему большею частью знакомыми, за обиженных и страждущих несправедливо, и ходатайство его не оставалось без успеха.

Молва о богоугодных подвигах о. Иоанна скоро распространилась между жителями столицы. Посетители отовсюду стекались к нему в дом. Но скучая этими посещениями, он несколько времени не принимал никого, а благотворить бедным продолжал через верных прислужников.

Хотя о. Иоанн убегал славы человеческой и искал уединения, но *«не может град укрытись верху горы стоя»* (Матф. 5. 14). Промысел Божий судил о. Иоанна явиться на более высокой степени служения Богу и людям. Весть о добродетельной жизни о. Иоанна дошла до слуха Петра I. По повелению государя, о. Иоанн сначала был призван для священнослужения в придворной церкви, а вскоре затем определен духовником государя и членов царствующего дома. Примерным благочестием о. Иоанн заслужил расположение всех высочайших особ. Пользуясь царским благоволением, о. Иоанн имел еще более средств удовлетворять сердобольным наклонностям своего сердца и был по-прежнему щедродательным отцом сирот, благовременным питателем алчущих, усердным утешителем огорченных; скорым помощником и заступником всех бедствующих.

Особенным состраданием его пользовались заключенные в темницах за преступления и долги. При посещении их, с целью скрыть себя, он, не доезжая до места заключения их, оставлял колесницу свою и подходил к ним пешком. При входе к узникам отечески и с любовью приветствовал их, садился с ними, с участием расспрашивал о причине заключения и, изведывая при этом у каждого совесть, утешал надеждою на Господа. Расставаясь со своими собеседниками, о. Иоанн награждал их посильною милостынею. Содержащимся за долги нередко давал деньги на уплату долга. А в день светлого Христова Воскресения, в день Рождества Христова и в неделю мясопустную, посещая узников, он каждого лобызал с обыкновенным христианским приветствием и угощал их заранее приготовленную пищу. Скоро городская молва стала следить за этими подвигами о. Иоанна, и тогда он начал посещать темницы преимущественно в ночное время. Когда же стали доходить до его слуха разные людские пересуды о нем, подозрительные и неблагоприятные отзывы и т. п., он решился вовсе прекратить на некоторое время посещение темниц, не переставая, впрочем, благодарить через честных и добросовестных людей.

Таким образом, о. Иоанн снова заключился в своем доме, с намерением посвятить остаток своей жизни преимущественно богомыслию. Кроме церковных служб, он никуда не выходил и никого не принимал к себе, даже и близких. Если кто нуждался в совете или наставлении о. Иоанна, должен был обращаться к нему письменно и тогда получал удовлетворительный ответ также на бумаге; от такой переписки он никогда не отказывался. В трудах и подвигах христианских, незаметно и безболезненно, достиг о. Иоанн до преклонных лет. Однажды он почувствовал расстройство в здоровье, и затем стали приключаться с ним болезненные припадки и обмороки. Он слег в постель и до того ослабел, что в течение трех месяцев лежал без движения. Но Господь, посетивший его болезнью, за благодушное терпение вскоре опять возвратил ему прежнее здоровье. Эта болезнь была как бы предвестием другого горя и другой беды, постигших праведного старца.

По выздоровлении старец оставил свое уединение и стал допускать к себе всякого приходящего, что бы он ни был. Посетителей опять стало являться много; в беседах с ними он проводил целые дни и ночи, поучая страху Божию и благочестию. Расставаясь с посетителями, он прощался с вздохом и особенною какою-то печалью, как будто бы не имел надежды видеться более ни с кем. В самом деле, час испытания Иоанна, почти приблизившегося уже к концу жизни, настал неожиданно. Не только не виновного ни в чем, но еще украшенного высокими христианскими добродетелями старца, враги обвинили в сношениях с вором Гришкою Талецким, о чем и донесли Петру I. Государь, поверив этому лживому доносу клеветников, разгневался и немедленно повелел шестидесятилетнего старца отослать при грамоте Холмогорскому архиепископу Афанасию для пострижения в монашество в Соловецком монастыре. Выслушав это и видя в нем как бы призвание Промысла Божия, о. Иоанн с полною готовностью отправился в назначенный путь. Это было в 1701 г. 13 марта старец прибыл в Холмогоры к пресвященному Афанасию с царскою о себе грамотою. Добрый архипастырь, приняв его братски, препроводил

в Соловецкий монастырь с грамотою от себя, в которой писал, чтобы Иоанна постригли и отдали на послушание опытному старцу. С духом кротости и упования на Промысел Божий о. Иоанн предстал перед настоятелем обители, архимандритом Фирсом, который предложить ему пострижение в монашество согласно воле Государя. «Промыслитель Христос Бог, - отвечал о. Иоанн, - привел меня к твоей святыне, произволя спастись мне тобою; поэтому, что ты мне недостойному повелишь, то и сотворю», - и поклонился своему новому пастырю. «Благословен Бог, укрепляющий тебя на подвиги; вот для тебя место спасения», - сказал архимандрит. Старец еще раз поклонился архимандриту до земли, прося удостоить пострижения. 3 апреля смиренный старец был пострижен в монашество в соборном храме архимандритом Фирсом с наречением ему в монашестве имени Иов, о чем и донесено было Государю.

Новый инок для научения отдан был старцу монаху Ионе. Предав себя всецело воле своего старца, он, по мере своих сил, начал трудиться с твердым желанием угождать во всем Господу Богу; и постом, ночным бдением, покорностью и смиренным послушанием изумлял всю братию. Инок, с которым новый труженик жил в одной келье, свидетельствовал, что этот сокровенный раб Христов, кроме хлеба и воды, не вкушал ничего - и братия прозвали о. Иова постником. На первое время послали о. Иова на послушание в братскую поварню. Ревностный инок охотно трудился в этом послушании; являлся на работу прежде других; своими руками рубил дрова и на старческих раменах носил их по высоким лестницам в поварню. С таким же усердием исправлял он и другие трудные работы. Из поварской, в коей потрудился не мало, о. Иов скоро был переведен на другое послушание, именно в братскую трапезу. И это дело он проходил с таким же примерным усердием и смирением, как и прежде.

Но исконный враг людей, желающий погибели душ человеческих, видя подвиги избранных Божиих, не дремлет и старается всячески отвлечь их от спасительного пути. Так, во время смиренного прохождения о. Иовом сказанных

послушаний, не однажды являлся ему ненавистник добра искустель в образе известного ему в мире врача и говорил, как бы с состраданием: «Возлюбленный! Следует тебе поберечь здоровье свое, чтобы, изнуливши плоть трудом и воздержанием, не ослабеть под игом, которое ты взял на себя Христа ради. Бог не желает трудов или поста выше сил, а ищет сердца чистого и смиренного. Ты при старости своей, работаешь черноризцам, как купленный раб, не привыкши прежде к таким трудам. Не следует тебе так трудиться и потому, что ты священноинок. Довольно с тебя и того, что, оставив славу и честь в мире, ты пришел в убожество и принял на себя тяжкие труды ради пищи. Я даже удивляюсь, как ты можешь принимать суровую пищу после сладких брашен. Блюдись, чтобы недуги твои не умножились сверх меры; тогда и я не возьмусь помочь тебе, и ты прежде времени умрешь. Если совета моего не слушаешь, то мне будет очень жаль» - «Хорошо не щадить плоти, чтобы она не восставляла брани, - отвечал о. Иов мнимому своему знакомцу, - впрочем, хотя бы плоть и изнемогала, но сила Божия в немощах совершается. Св. Апостол сказал более: «Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас». Пост есть мать целомудрия - ты внимай себе с подобными». Услышав такой ответ, враг тотчас исчез.

Среди этих подвигов, дух о. Иова более и более утвердился в иночестве. В преизбытке святой ревности он вспомнил слово святого Апостола: «**Никто́ же бо во́ин, быва́я оязáется кúплями житёйскими, да воево́де уго́ден бу́дет**» (2 Тимоф. 2. 4), оставшееся у него имение раздал нищим и монастырской братии; а сам вовсе обнищал, чтобы еще беспрепятственнее служить обнищавшему нас ради Христу. После многих испытаний в трудах жизни иноческой настоятель обители и братия, признав нового постриженника совершенным иноком, единогласно освободили его от монастырских послушаний и разрешили пребывать в келье одному и внимать своему спасению. Безмолвствуя в тишине своей кельи, о. Иов занимался непрестанно Иисусовою молитвою, чтением Святого Евангелия, Апостола, Псалтири,

жития преподобных Зосимы и Савватия и рукоделием. Пищи он принимал мало от общей братской трапезы, а особо для себя не приготовлял ничего.

Слава о Соловецком подвижнике разнеслась повсюду и проникла опять до слуха Гусударя. Петр I, удостоверясь в клевете на бывшего духовника своего, хотел возвратить его к царскому двору на прежнее служение; но согбенный под бременем лет и трудов Иов просил позволить ему остаться в Соловках. Желание еще большего безмолвия с этого времени совершенно овладело им. В 1702 г., по благословению архимандрита Фирса, он переселился на жительство в Анзерский скит.

В ските старец опять предался подвигам иноческим с новым рвением. Считая себя среди скитской братии только лишь пришедшим послушником, он всем служил и особенно старался помогать немощным. При этом церковных служб и келейного правила он никогда не опускал.

Вскоре по прибытии Иова в скит скончался Анзерский строитель. Холмогорский архиепископ Варнава, знавший благочестивую и подвижническую жизнь о. Иова, предложил Соловецкому архимандриту Фирсу почтить должностью строителя Анзерского скита священноинока Иова. Вызванный в Соловецкую обитель Иов, по выслушании от настоятеля воли архипастыря, из послушания принял это назначение. Вместе с тем он просил, чтобы удостоили его пострижения в схиму, но в этой просьбе настоятель ему отказал. По принятии благословения от настоятеля на строительскую должность он отправился в скит. Спустя несколько времени, архимандрит Фирс опять вызвал о. Иова в обитель вместе с некоторыми из братии Анзерского скита. Окончательно благословляя на должность, архимандрит сказал новому строителю: «Предаю тебе Анзерский скит Святыя Троицы, осторожно блюди его, как все устроено, так и да будет; устава церковного не изменяй, но твори все по правилам святых отец». Старец, простившись с архимандритом и Соловецкими старцами - своими сожителями, отправился опять в скит. Здесь, создав в соборную церковь братию, Иов с коленопреклонением совершил молебен Святой Троице,

затем и преподобному Елеазару, как первоначальному и покровителю скита, и потом, приветствуя братию, предложил им следующее поучение: «Молю вас, братия мои возлюбленные, поспешим к наследию царства небесного постом и молитвою; позаботимся о спасении душ наших; оставим все дурное и путь лукавый, т. е. любоддеяния, татьбу, клевету, празднословие, ссоры, пьянство, объедение и братоненавидение; уклонимся и возгнушаемся этим, братия, чтобы не осквернить душ своих, но пойдем по пути Господнему, ведущему нас в отечество небесное. Взыщем Бога рыданием и слезами, пощением, бдением, покорностью воле Его и послушанием, да обрящем милость у Господа. Возненавидим прелестный мир, вспоминая слова Господа: «**Аще кто грядет ко мнѣ, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик**» (Лук. 14. 26). Мы, братия, отрекшись мира, отречемся и всех худых дел его. «**Никто же, возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии**» (Лук. 9. 62). Как убежим бесконечной муки, проводя жизнь свою в лени? Нам, братия, нарекшимся иноками, прилично каждый день плакать и каяться о грехах своих. Покаяние есть путь, приводящий к царству небесному; покаяние есть ключ царства небесного, без которого никому нельзя войти туда. Укрепимся на пути царства небесного; сюда не приближаются лукавые. Это шествие хотя ныне и прискорбно, но зато после будет радостно». Скитяне, выслушав это поучение, поклонились о. Иову и разошлись по кельям.

На новом поприще служения о. Иов, вспомянув слова Господни: «**Ему же дано будет много, много и взыщется от него**» (Лук. 12. 48), усугубил труды и подвиги. Он непрестанно творил молитву Иисусову, а телом трудился; первым являлся к церковной службе и послушаниям и уходил последним.

Иов хотел сохранить память об основателе и обо всех благодетелях Анзерского скита. Известно, что первым составителем жития Елеазара был Макарий, сподвижник Иова. Этот инок, восхвалив Иова во вкладной книге Анзерского скита, как мужа чудного, «иже пребываше в телеси своем на

земли, яко бесплотный ангел», прибавляет: «Той же благий Иов весь страха Божия и Духа Святаго исполнен бысть; и ревностию своею разжеся в Бозе о душах приснопоминаемых за святою Божественною проскомидиею, и трудолюбие попечется изыскати разнесенное и воедино восхоте собрати расточенное, и богомудренно памяством своим возстави издавна забвенное. Ово от алтарных дискосов и священных потирей серебряных, ово от воздвизательных и запрестольных крестов Христовых, от начертанных на них летописей, паче же от святых книг церковных подписаний, иже благочестивые великие цари и святейший господин Никон, Патриарх Московский, своею рукою подписывали, такожде и инии раби Божии данные им святые иконы и всякие книги своими руками закрепляху, к тому же и от многолетних старец, издревле живущих ту, он правым слышанием уверися, что от кого и кия разные вклады от них во храмы Святыя Троицы поданы. И елико от всех сих возмог увести и со многим тщанием вместе совокупи погибшее, и минувших и настоящих тех боголюбивых вкладчиков имена их в сию книгу вписать повеле и всегда за здравие их поминати утверди, а отшедшим ко Господу усопшим душам приносимою безкровною жертвою Христовою свободную пользу благоразумно учини».

Братство в ските незаметно стало умножаться, так что в короткое время собралось до 30 человек. Скитский устав в главных чертах был такой. Всякого приходящего принимать, не рассматривая, богат ли он или беден и нищий, только с предупреждением о трудности иноческих подвигов. Новоначальный должен ходить в своей одежде, доколе не привыкнет к монашеской жизни. По облечении (облекатися, облечься – надевать на себя платье, принимать свойство или состояние какого-либо существа или вещи (1 Кор. 15. 53)⁵⁶ С. 364) в рясу с новоначальным продолжали строгое испытание во всех послушаниях; затем, когда он оказывался достойным, был принимаем в монашество пострижением в мантию, а более достойные были постригаемы и в схиму. Всех вообще, а особенно новоначальных иноков, о. Иов поучал смиренному послушанию Богу и начальству, без чего,

говорил, нет спасения; послушание—первая из всех добродетелей. Сверх церковного и келейного правила, скитяне занимались телесными трудами. В ночное время старец имел обычай обходить братския кельи, напоминая о ночном бдении. Если слышал кого молящимся, с радостью отходил от кельи, а кого заставлял в беседе, стукнув в дверь, отходил с печалью в душе и утром призывал того брата и наедине обличал. Он сам в келье ночью молился с коленопреклонением иногда до утреннего благовеста, и первый являлся в церковь на утреннее славословие.

Наружное поведение инока, по понятию старца, должно быть такое: ходить руки держа на персях: при встрече один другому должен кланяться в пояс; лице иметь умиленное, глаза приветливые, речь ласковую, любовь по Бозе нелицемерную, послушание одного другому беспрекословное; приниматься за дело всегда с благословенья старшего, а при ошибке какой-либо от нерадения просить прощения и стараться исправиться.

Скитяне, желавшие жития еще более безмолвного, по благословению о. Иова уходили в пустынные кельи. Старец имел их под своим руководством, часто посещал их, побуждал к пустынным подвигам и давал рукоделие. По дару прозорливости, он иногда обличал пустынножителей в погрешностях прежде, чем они каялись ему.

Вспомнив однажды, что Господь наш Иисус Христос, умыв на Тайной вечери ноги Своих учеников, сказал им: *«И вы творите такожде»* (Иоан. 13. 15), о. Иов начал с горьким рыданием укорять себя: «Окаянный, как высоко возведен ты! Имеешь сугубый сан священнический и строительский, а нет у тебя смирения в подражание Христу Спасителю». С этого времени он стал посещать больных, сам служил им, обмывал и обвязывал своими руками раны их, у иных больные части мазал святым елеем и нередко исцелял их. Этого подвига любви и заботливости о ближних не оставлял он до самой кончины своей.

В 1710 г. старец Иов был вызван Соловецким настоятелем, архимандритом Фирсом, в обитель и за строгую подвижническую жизнь удостоен пострижения в схиму с именем Иисуса, в память Иисуса Навина, израильского вождя.

Иеросхимонах Иисус нередко удалялся на безмолвие в пустынные места, а еще чаще ходил к пустынножителям для духовной беседы, поручая в свое отсутствие смотрение за скитом своим ученикам, схимонаху Матфею и монаху Макарию. Так, в одно время, именно 18-го июня, в среду, старец восхотел посетить одного уважаемого им пустытника, иеродиакона Паисия, жившего от Анзерского скита в 6-ти верстах, при высокой горе, называемой Голгофою, прославленной пребыванием на ней преподобного Елеазара. После беседы строитель пожелал пробыть с пустынножителем несколько времени, и о. Паисий дал ему особую келью.

Однажды Иисус, по обычаю своему, стал с вечера на молитву, которую и продолжал до самой полночи, читая псалмы с коленопреклонением. Утрудившись, он сел и в тонком сне вдруг увидел в келье своей необыкновенный свет и в сиянии небесной славы Пресвятую Богородицу и с Нею преподобного Елеазара Анзерского. В благоговейном страхе, встав с места, он поклонился видению до земли. При этом услышал голос Царицы Небесной: «Эта гора отныне называется второю Голгофою; на ней будет устроена великая каменная церковь распятия Сына Моего и Господа, и учредится скит для тебя с двумя учениками, схимонахом Матфеем и монахом Макарием, скит назовется Распятским, соберется к тебе множество монахов и прославится имя Божие. Я сама буду посещать гору и пребуду с вами вовеки». С этими словами видение кончилось. Но в то же время послышался с высоты другой голос: «Освяти гору Голгофу и поставь на ней крест!» Благодетельный старец много удивлялся виденному и слышанному и рассказал все иеродиакону Паисию. Паисий все слышанное от Иисуса вырезал на кресте, сделанном руками строителя. Этот крест большого размера, вызолоченный. Несколько времени он был запрестольным в церкви на Голгофе, а ныне находится на стене в Успенском приделе, в стеклянном футляре, над гробницею старца Иисуса.

29-го июня, в праздник святых Апостолов Петра и Павла, иеросхимонах Иисус, исполняя волю Божию, с учениками Матфеем и Макарием отправился из Анзерского скита

на гору Голгофу, там оставил воду и, окропив ею гору, водрузил в землю приготовленный крест с надписью и вслед за этим поставил молитвенную храмину для всеобщего бдения. По освящении горы и водружении креста, пустыnnики совершили благодарственный с коленопреклонением молебен Господу Богу и Пресвятой Богородице.

С этого времени строитель начал заботиться об учреждении новой киновии на Голгофской горе. В 1713 г. он отправился с учеником своим Макарием к холмогорскому архиепископу Варнаве просить благословения на устройство церкви и скита на горе Голгофе. Этот архипастырь грамотою от 15 июля 1713 г. благословил соорудить две каменные церкви, одну на самой Голгофе—Распятия Господня, другую под горою, на самом месте явления Пресвятой Богородицы, в честь Успения Ее. Тою же грамотою разрешено устроить и скит, с наименованием его Распятским, а горы - Голгофою. Блаженный старец на первых порах обрадовался такой милости архипастыря, но после, встретив разные препятствия и недостатки в постройке каменных церквей, со скорбью вынужден был вновь просить архиепископа о позволении построить вместо двух каменных церквей одну деревянную, с трапезою на вершине горы. Преосвященный Варнава опять грамотою от 18-го сентября 1714 г. благословил построить на горе малую деревянную церковь в честь Усекновения Честныя Главы Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

По получении последней грамоты старец сдал навсегда строительство Анзерского скита и с некоторыми учениками перешел для жительства на гору Голгофу. Поселившись на ней, он начал устраивать скит. Вскоре ученики Иисуса соорудили на Голгофе деревянную церковь, которая, к общему утешению, освящена была архимандритом Фирсом в честь Распятия Господня согласно грамоте преосвященного от 15-го мая 1715 г.

Петр I, узнав о явлении блаженному старцу Пресвятой Богородицы в новоустроиваемом Распятском ските на Голгофе, по особенному расположению к бывшему духовнику

много помог ему своими щедротами. Так, в скором времени последовало повеление об отпуске каждого из архангельских государственных хлебных магазинов хлеба на продовольствие братии Голгофского скита. А в 1714 г., при самом начале устройства скита, для церкви Голгофской от царевны, великой княжны Марии Алексеевны, поступило пожертвование драгоценнейшей утвари, одежды и книг, с клеймами именно в Голгофский скит. Особенно же дорогою жертвою была местная святая икона Успения Божией Матери, в серебряной ризе, с позолоченными полями, и в ней вкладной ящик со многими святыми мощами. Царица Параскева Федоровна (вдовствующая супруга царя Иоанна Алексеевича), кроме других пожертвований, пожаловала на строение церковное на горе Голгофе сто рублей, а князь Меншиков дал сто червонцев. Много было и других благодетелей. Но особенно попечение о строении Голгофско-Распятского скита имела уже известная благодетелем скиту царевна Мария Алексеевна.

В 1718 г. на новоустроенный скит напали разбойники и, бив нещадно братию, разогнали ее и увезли с собою имущество церковное и скитское, которое и после не было отыскано. В этот час скорби блаженный старец безвыходно находился в келье и молился Господу Богу о сохранении братии. Разбежавшиеся пустынники опять собрались в скит к своему духовному отцу. Старец упрекнул их в малодушии, и иноки тогда же дали обещание: лучше умереть, а не выходить из скита, какие бы скорби ни последовали.

Скит увеличивался вновь приходившими для подвижнической жизни под руководством мудрого наставника. Отказа никому не было; все принимаемы были с любовью. Только всякий, желавший поступить в скит, должен был устроить своими руками келью для себя, в чем иногда помогал и сам старец, сколько мог. Скоро братии считалось до 20 человек, кроме пустынников, которые жили в уединенных местах под ведением отца Иисуса и приходили в скит каждый воскресный день для присутствия при церковном богослужении и исповеди перед старцем. Жизнь всех этих

подвижников протекла в подвигах духовных и трудах телесных. Сам престарелый строитель, в пример другим, нередко рубил дрова, носил на гору воду для поварни, в пекарне растворял тесто для хлеба. Однажды в праздник Успения Божией Матери пришел к старцу келарь скита и сказал: «Отче! Некому в поварню воду носить». Старец встал и начал сам носить воду с озера из-под горы; но братия, увидав труженика, выбежали и наносили воды до избытка. Тот же келарь через несколько времени пришел опять к блаженному старцу с жалобой: «Повели, отче, одному из братии, праздному, приготовить дров для поварни». - «Я - праздный, пойду и приготовлю», - отвечал блаженный. А между тем это было время обеда. Старец благословил идти к обеду, а сам взял топор и начал рубить дрова. По окончании обеда взялась и братия за приготовление дров для своего же употребления.

В келье блаженный старец Иисус в часы досуга постоянно занимался рукоделием. Если случалось выручить за свой труд несколько денег, он делил эти деньги на три части: одну - на нужды церковные, другую - на нужды братии, и третью - на милостыню нищим. В запасе на будущий день у доблестного старца не оставалось ни денег, ни чего-либо другого; имения, кроме некоторых духовных книг, также не было никакого. Из одежды он довольствовался только двумя свитками, власяною, жесткою, на теле, и другою, худшею, которая покрывала первую. На укоризны в таком простом образе жизни старец не обращал никакого внимания. Был и такой обычай у старца: как скоро кто из братии подвергался болезни, он, оставив свою келью даже незапертою, приходил к больному и служил ему до тех пор, пока тот не выздоравливал.

Но кто может исчислить все духовные подвиги блаженного трудника? Они вполне известны только одному Богу, для Которого и были совершаемы. На повседневных церковных службах Иисус присутствовал по-прежнему без упущения, приходя прежде других; а в келейной молитве с коленопреклонением проводил целые ночи. При наступлении святой Четыредесятницы обыкновенно затворялся в келье и, пребывая весь Великий пост в этом уединении, упражнялся

в непрестанной молитве. Из этого затвора он выходил не прежде, как пред самым праздником Светлого Христова Воскресения.

Для учеников своих преподобный составил скитский устав, в котором особенно замечательно следующее: «Если кто соизволит жить со мною и после меня в ските, то не должен употреблять в пищу коровьего масла, молока и рыбы, особенно же не пить вина. Общая трапеза должна состоять из огородных овощей, с употреблением в меру постного масла. В кельях собственных вещей не иметь; женского пола не принимать и отроков в послушании не держать. Кроме единственного церковного правила, в кельях каждому читать по пяти кафизм из Псалтири с 500 молитвами Иисусовыми и 300 поклонами».

За богоугодную жизнь старец был удостоен особенных откровений. Некоторые ученики его скорбели и роптали на трудность носить на гору воду с озера, отстоящего от скита на версту. Тогда старец, став на молитву с вечера, прилежно и со слезами молился до самой полночи. В молитве он просил Господа Бога и Пресвятую Богородицу, да помогут они в такой нужде братии его. В полночь он пришел в молитвенный восторг и увидел в келье неизреченный свет: ему явилась Пресвятая Богородица в сиянии небесной славы с преподобным Елеазаром Анзерским и двумя Ангелами. Старец пал пред Владычицею на землю. Она сказала ему: «Встань! Услышана твоя молитва; завтра возьми учеников твоих и ископай на горе кладезь (указывая при этом и самое место); здесь будет вода на потребу тебе и братии». Пришед в себя, блаженный старец рассказал своим ученикам об этом явлении. С наступлением дня старец поспешил с ними выйти на указанное место; начали копать колодезь, и действительно докопались до изобильного источника воды. Все признали это явление за знак особенного Промысла Божия о ските и радовались, прославляя Бога и Пресвятую Богородицу единоголасною песнию: *«Дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси»*. (Пс. 103. 24) Когда же источник был вполне устроен, то старец с братиею совершил Божественную литургию и по литургии Благодарственное Господу Богу молебствие с коленопреклонением и затем крестный ход

на новый источник. По освящении воды в источнике он окропил ею святой храм, братския кельи и вершину горы, с пением стиха Святому Духу: *«Днесъ благодать Святого Духа нас собра; И вси вземше крест Твой»*.... А по окончании священнодействия не упустил блаженный старец учеников своих утешить поучением, приличным случаю. Вот о чем он говорил: «Не скорбите, братия, не малодушествуйте; но уповайте всегда на Бога. Господь всесильным Своим словом извел из бездны источники воды, сладкие для всех живущих на земле верных и неверных; нас ли, рабов Его, оставит, не пропитает? Вспомним обещание Его: *«Мать исчадие свое скорее забудет, нежели Аз вас!»* (Ис. 49. 15). К старцу в одну ночь пришли разбойники с намерением обокрасть его, не зная, что у него нечего было похищать. Притаившись в сокровенном месте кельи, они ждали, чтобы старец ушел в церковь к утреннему богослужению. Старец еще не спал, а стоял на обычном правиле и слышал приход их, или, лучше, прозрел намерение их. Тогда в своей молитве к Богу он присовокупил: «Боже, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу». Молитва была услышана и незваные посетители спали в келье старца беспросыпно пять дней и пять ночей, пока сам старец, пришедши с братиею, не разбудил их словами: «Доколе стережете все? Подите в дома свои». Пробудившись, они встали; но идти не могли; потому что немало времени пробыли без пищи. Старец накормил их и отпустил. Услышав впоследствии, что эти самые люди привлечены к ответственности за такой поступок, он послал просьбу об избавлении их от суда. А между тем поспешил продать последние книги, какие были у него, и деньги раздал нищим из опасения, чтобы опять кто не впал в подобную беду. Злые люди, освободившись от суда, пришли в Голгофский скит и, испросив прощение и благословение у старца, трудились целое лето на пользу братии. В другое время воры пришли в бывший у старца огород с овощами. Наполнив свои влагища овощами, они возложили их на себя с намерением унести, но не могли и с места сойти и так простояли два дня и две ночи неподвижно, под тяжелым

бременем. Потом начали кричать: «Отче святыи, пусти нас с места». На голос пришли некоторые из братии, но не могли свести их с места. На вопрос иноков: «Когда вы сюда пришли? - они отвечали: «Два дня и две ночи стоим здесь». - «Мы всегда ходили сюда, почему же не видели вас?» - «Да и мы, если бы видели вас, давно уже со слезами просили бы прощения у вашего старца». Пришел и сам старец и сказал ворами: «Вы, всю жизнь пребывая в праздности, без трудов крадете чужие труды, поэтому стойте здесь в праздности все годы вашей жизни». Со слезами воры умоляли отпустить их, обещаясь впредь не делать ничего подобного. Старец сказал: «Если хотите руками трудиться и от труда вашего других питать, то отпущу». Они с клятвою дали обещание исполнить его веление. Тогда он сказал: «Благословен Бог, укрепляющей вас: потрудитесь год в этой обители на братию». После этого разрешил их от невидимых уз своею молитвою, и они действительно трудились год в скиту.

Один из скитской братии, быв борим блудною страстию, пришел к преподобному просить помощи, с намерением исполнить все, что старец повелит. Старец, поучив его жизни воздержной, прикоснулся своим жезлом к телу брата: тотчас же плотская страсть исчезла, и инок никогда более не страдал ею.

Годы протекали за годами, и много потрудившийся старец, испытавший в своей жизни столько превратностей, приближался к концу своего земного поприща. Светильник жизни стал видимо догорать в нем: с преклонными летами появилось изнеможение сил, и Преподобный заблаговременно стал готовиться к переселению в жизнь нескончаемую.

Теперь он обратил внимание собственно на одного себя, хотя не прекращал обычной заботы и о пользе ближних. Часто с умилением и слезами он воспевал сам себе: «Душе моя, душе моя! что спиши? конец приближается, и имаша смутитися». Старец часто ходил к изготовленной им самим могиле и на ней, размышляя о смерти и суде Божиим, проливал слезы и глубоко вздыхал.

Господь верному рабу Своему не только открыл приближающуюся кончину, но определил и самый день ее.

Блаженный старец задолго до смерти объявил братии, что кончина его последует в воскресный день до восхода солнца.

Лежа на одре болезни, старец призвал учеников и, между прочим, сказал им: «Я отхожу от вас к вечной жизни; а вы пребывайте богоугодно, каждый в своей, Богом предызбранной, службе, безвыходно из скита, ради любви братской по Бозе».

Но вскоре к тяжелой болезни старца присоединилась другая тягчайшая - горячка. Совершенно изнемогая под бременем ее, он только повторял себе: «Воля Господня да будет о мне: что угодно Господу, да сотворит», - и потом погружался в молитву. Угасающий подвижник три дня и три ночи лежал недвижим, и едва было заметно его дыхание, так что братия, рыдая, ожидали только скорой кончины его.

Но, к общей радости и удивлению, по истечении трех дней старец получил неожиданное облегчение, встал с одра и обратился к братии с словами: «Время жизни моей оканчивается; о чем мне и Господь возвестил! Вы изберите из среды вас себе наставника вместо меня; я его поставлю и благословлю». После этого спустя день блаженный старец благословил преемником себе избранного братиею старшего ученика своего Макария и вручил ему братию и попечение о ней. Макарий, поклонившись умирающему отцу своему до земли, дал обещание соблюдать все отеческие заповеди его.

Почувствовав облегчение от болезни, иеросхимонах Иисус поспешил в последний раз совершить Божественную литургию и причастил своих учеников Святых Христовых Таин. После литургии он опять почувствовал изнеможение и возлег на болезненный одр, с которого уже не вставал. В эти предсмертные минуты он весь исполнен был необыкновенной радости, которая доказывала его готовность к переходу в вечность. Забота об устройении в ските каменной церкви не оставляла блаженного старца на смертном одре. В 1719 г. он упросил Анзерского строителя Германа за достаточное количество денег заготовить кирпич и другие материалы, которых уже не мало было приготовлено. Но эти приготовления остановились по причине перевода Германа в другой монастырь. На одре смертном Иисус просил

Анзерского строителя Спиридоиа о продолжении этого дела и вручил ему 236 рублей, 1 алтын и 2 деньги. Этого достаточно было для совершения дела. Будучи уже при смерти, сверх этих денег он отдал иеромонаху Филарету, монаху Проклу и послушнику Онисиму 100 червонных и 38 руб. на ту же постройку. Иисус дожил до воскресного дня, в который тогда пришлась неделя Православия. Рано утром, призвав к себе всех учеников, он последний раз облобызал и благословил каждого, а ученики свидетельствовали преданность свою старцу горькими слезами. Простившись со всеми, иеросхимонах Иисус сказал: «Я отхожу ко Владыке моему Господу Иисусу Христу, а вам оставляю путеводителем к Царствию Небесному о. Макария; от него не отставайте на пути добродетелей. Еще заповедаю вам: тела моего по смерти не оmyвайте, одежду на нем не переменяйте, а в которой теперь нахожусь, в ней положите во гроб: погребение сотворите сами, без мирских людей». Когда плачущие иноки спросили: «Отче святой, как мы останемся в сиротстве без тебя: желали бы и мы умереть с тобою, ибо ты нас вел ко Христу за собою, а ныне далеко оставляешь», - старец сказал: «Утештесь, мои возлюбленные, ибо я хотя телом различаюсь, но духом пребуду навсегда с вами», - и с этими словами отпустил их в кельи. Из числа учеников один служивший старцу в болезни, вышедши от старца, остановился и не пошел в свою келью. Он тайно, через скважину, посмотрел на больного и увидел, что, проводив из кельи иноков, старец встал с одра, преклонился на колена посреди кельи, молился со слезами Богу и Пресвятой Богородице, призывая и святых угодников, и в молитве этой часто поминал устроенную им святую киновию и братию. После молитвы он лег на одр и перекрестился. Через несколько минут опять встал с одра и на коленях молился Господу с воздетыми руками так: «Господи Боже мой! Благодарю Тебя, что призрел на смирение мое и сподобил меня скончаться в православной вере в Тебя в исповедании и в исполнении заповедей Твоих! Приими, Владыко Преблагий, в мире дух мой, а Твоих рабов, которых во едино стадо чрез меня грешного собрал, сохрани...».

Непродолжительна была эта молитва добродетельного подвижника, и он лег на одр. В эти минуты на лице умирающего образовалась видимая перемена: с устремленным к небу взором лице его сияло необъяснимым спокойствием и радостью. Он пребывал уже недвижим, в молчании, и как будто с кем душевно беседовал. Вдруг молчание свое старец прервал восклицанием: «Благословен Бог отцов наших! Если так, то уже не боюсь, но в радости отхожу от мира сего!» С этими словами в келье явился необыкновенный свет, разлилось великое благоухание и слышен был пресладкий глас многих, неизвестно где поющих псаломскую песнь: «Яко пройду в место селения дивна даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания, шуму празднующих» (Пс. 41. 4-5). В эту минуту блаженный на одре своем совершенно обратился лицом вверх, ноги простер, руки положил на персях крестообразно, и душа его отлетела в обители небесные, куда постоянно стремилась во все течение своего земного странствования.

«Честна пред Господом смерть преподобных Его» (Пс. 115. 6). Это слово Господне исполнилось над иеросхимонахом Иисусом, которого Господь сподобил преставиться в преклонных летах, тихо и мирно, после подвигов благочестия, в неделю Православия, утром, до восхода солнца - 6-го марта 1720 г., так, как предсказал о том старец задолго до своей кончины.

Ученики, возвратившись от старца в кельи, вдруг услышали приятное духовное пение и, полагая, что началось в церкви утреннее богослужение, поспешили в церковь, но, к удивлению, нашли ее запертою. В недоумении они начали прислушиваться к пению: казалось, что оно происходило в келье умирающего. Все туда устремились и нашли преподобного на одре, уже мирно предавшего душу свою Господу. Плач учеников его был неописанный; они много сетовали о разлуке со своим отцем, но еще более о том, что не сподобились видеть самую кончину его. Положив честное тело подвижника в гроб, они оставили его в келье до погребения.

Кончина блаженного старца не была оглашена учениками его, однако ж, узнали о ней иноки Соловецкого монастыря

и Анзерского скита, и в короткое время Голгофский скит наполнился посетителями, которые принесли с собою ладану, восковых свеч, деревянного масла и т. п. Все желали, чтобы приношения их были употреблены при самом погребении. Пришедшие иноки и миряне, окружив келью, ожидали погребения старца; но немногие сподобились быть при этом. Сильный дождь вынудил собравшихся разойтись. А между тем ученики, воспользовавшись этим случаем, исполнили заповедь старца и совершили погребение без мирских людей.

Отпевание происходило в церкви через три дня по представлении, т. е. в среду на второй неделе Святой Четыредесятницы, после преждеосвященной Литургии. Совершали священнодействие иеромонахи Иакинф, Филарет и Прокл с иеродиаконами в присутствии всей скитской братии и пустынножителей, которые поспешили на провожание своего отца. Когда оставалось отдать последнее целование почившему старцу, было прочитано найденное в келье в запечатанном конверте духовное завещание братии. В завещании преподобный, прежде всего, воздаст хвалу Господу Богу за все Его благодеяния к себе в продолжение долголетней жизни своей; затем, выразив всю свою надежду на воскресение и жизнь вечную, утешает учеников, прощается с ними, благодаря всех еще живых благодетелей, и, наконец, объявляет, что имени никакого не осталось. Скитские иноки на своих руках вынесли из церкви утружденное тело старца и положили в каменном склепе, приготовленном на самой горе, глубиною не более одного аршина. Поверх склепа они поставили деревянную, хорошо отделанную гробницу, на которой сделали приличную надпись, а на самую гробницу положили еще деревянную доску со словами: «Здесь скончался 1720 года, марта 6-го дня, Преподобный Иов (в схиме Иисус), строитель прежде бывший Анзерский, а потом Голгофский, рожденный 1635 года. В монашество поступил 1701 года. В Анзерский скит перешел на безмолвие 1702 года. Строительство Анзерское принял 1706 года. В схиму постригся в 1710 году. На гору Голгофу пришел жить строителем 1714 года. Показавший образ добродетелей - словом

и житием, любовью и духом, верою и чистотою сердечною. От рождения жития его было 85 лет. 1720 года марта 9-го дня погребен здесь».

С самого дня погребения усердствующие во множестве начали отправлять на могиле его панихиды; так что через несколько времени усердием учеников блаженного старца над гробницею поставлена часовня и на надгробной доске изображен лик преподобного. Современные Преподобному старцу иноки изображают внешний вид его так: он был среднего роста, телосложения благообразного; имел лицо широкое, гладкое: на ланитах приметен был румянец. Глаза светлые и пронизательные, взгляд приятный; волосы на голове украшены снего-светлою сединою, кудрявые, благолепно расстилались по плечам; уста и нос умеренные; борода густая, одного цвета с волосами на голове; длина ее доходила до трех дланей и в конце раздвоялась.

По смерти блаженного старца все дела о дальнейшем устройении Голгофо-Распятского скита приняли другой ход. Анзерский строитель объявил, будто покойный приказывал духовному отцу при кончине своей, чтобы оставленные им деньги, равно и заготовленные материалы, отдать в Анзерский скит на сооружение придельной теплой церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Хотя деньги и были употреблены по желанию строителя, но выстроенный придельный храм вскоре сгорел со всею ризницею и имуществом. Ученики старца, не видя себе ниоткуда защиты, в 1721 г. вынуждены были выйти из скита в Соловецкий монастырь и Анзерский скит. На Голгофе остались только два любителя безмолвия—иноки Геннадий и Серий. От этих последних обитателей скита начальством Соловецкого монастыря отобрано скитское и церковное имущество и передано в Анзерский скит. Наконец, указом Святейшего Синода от 23-го июля 1723 г. (за № 496) Голгофо-Распятский скит, как малолюдный, соединен с Анзерским-Троицким скитом.

Но гора «Голгофа» - священное место, прославленное явлением Пресвятой Богородицы, не осталось пустым. Иноки,

любители пустынной жизни, один по другому, а иногда по два, по три и более, не переставали обитать в упавшем на время ските.

В 1764 г. при учреждении духовных штатов Голгофо-Распятский скит приписан к Соловецкому монастырю, и с этого времени Соловецкие настоятели взяли скит в свое попечение. В 1768 г. по указу Святейшего Синода были возвращены в Распятский скит все вывезенные из него и хранившиеся в Архангельске, в архиерейском доме, драгоценные вещи, большею частью дары царственных особ прежнего времени: Евангелие, потиры, кадила, облачения и проч.

До 1826 г. в Голгофо-Распятском ските жили Соловецкие иноки, искавшие особенной строгости жизни, безмолвия и отшельничества. Деревянный храм, построенный Иисусом, пришел в совершенную ветхость. Но в 1826 г. скит приведен в благоустройство тщанием настоятеля Соловецкого монастыря, архимандрита Досифея. С разрешения Святейшего Синода в Голгофском ските выстроена и освящена 13-го сентября 1830 г. новая каменная церковь Распятия Господа Иисуса Христа и при ней теплый придел Успения Пресвятой Богородицы. Эта церковь, возвышающаяся над землею вместе с горой на 86 сажен, видна с моря верст на 50. В этом приделе, на левой стороне, находится гробница блаженного старца иеросхимонаха Иисуса. Деревянная церковь, выстроенная им, перенесена под гору, на то место, где было первое явление Пресвятой Богородицы блаженному старцу, т. е. на место кельи пустынножителя, иеродиакона Паисия. С этого времени постоянно назначается в скит иеромонах из Соловецкого братства, опытный в иноческой жизни, в качестве строителя, и десять или более под его ведение иноков. Последние посылаются всегда из особенно расположенных к воздержной и безмолвной жизни по собственному желанию.

Скитский устав основателя старца Иисуса относительно церковного и келейного правила и постной трапезы доселе исполняется в точности, исключая того, что возобновителем скита, архимандритом Досифеем, по немощи братии, благословлено на трапезе вкушать рыбу в те дни, в которые разрешает Церковь.

В Голгофо-Распятском ските производится непрерывное чтение Псалтири в теплом Успенском приделе, у самой гробницы основателя. Оно не прерывается ни днем, ни ночью, кроме того часа, в который совершается божественная служба в этом храме. Во все остальное время, через каждые два часа, в ските слышатся три удара на колокольне в небольшой колокол - этим извещается смена чтеца-инока. Цель этого чтения та, чтобы непрестанно славословить имя Божие и помянуть живых и умерших благотворителей. Так, на каждой славе Псалтири возносится молитва о здравии благочестивейшего Самодержца России и Его Августейшего дома, Святейшего Синода, всей братии Соловецкого монастыря, братии скитской, благодетелей и посетителей обители и всех православных христиан. К этому присоединяется моление и об усопших - о вечном их покое с надеждою на воскресение по вере в воскресшего Господа.

Доселе шла повесть о Соловецких подвижниках, живших во времена давно минувшие, о которых память сохранилась до настоящего времени. Но место, освященное добродетелями и подвигами преподобных Зосимы и Савватия и их ревностных подражателей, и в наше время имело истинных рабов Божиих, ревновавших о своем спасении и неуклонно шествовавших по стезям, по которым прошли их древние отцы. Было бы не согласно с истиною сказать, что ныне не те времена, чтобы угождать Богу, что истинных подвижников, подобных древним святым, ныне нет на свете и быть не может. Время не составляет непреодолимого препятствия искренно желающим спасения: дело спасения зависит от нашего собственного изволения и решимости; благодать Божия, укреплявшая древних подвижников, и ныне одна и та же; она и теперь одинакова и неистощима для людей и неизменяема, как неизменяем в существе своем Бог.

Тропарь и Кондак общия. Г.м. стр. 766

ДОПОЛНЕНИЕ

Свято-Юрьев монастырь

ЖИТИЕ

святого благоверного князя Всеволода (в крещении Гавриила), Псковского 2, 41, 79

Память его празднуется месяца февраля в 11-й день,
месяца апреля в 22-й день и месяца ноября в 27-й день

† 1138

Всеволод Мстиславович – первое княжение в Новгороде началось с марта 1117 г., окончилось весной 1132 г.⁴¹

«Подвизайся добрым подвигом веры, достигай веч-

ной жизни, для которой ты и призван» (1 Тим. 6. 12), - так учил апостол. Значит, могут быть и громкие дела на земле и не быть достойными желаний души бессмертной. Да, напрасны труды и подвиги, если они не одушевлены святою верою, если они не имеют значения для блаженной вечности. Почести, слава, знатность ценны ли по себе, когда проходят, как сон? Жизнь князя Всеволода-Гавриила и в круге общественном, и в круге частном была жизнью для вечности. Потому-то известность его прочна.

Сын святого великого князя Мстислава и внук доблестного великого князя Владимира

Мономаха², родился и воспитывался в Новгороде⁷⁹, является в жизни общественной в 1117 г. В этом году престарелый Мономах вызвал Мстислава из Новгорода в Киевский Белград, чтобы иметь в нем помощника себе, а в Новгороде велел оставить внука, юного Всеволода. Достойный сын великого Мстислава много сделал добра для новгородцев, но они заплатили ему за то скорбями.

Начало своего княжения юный, добрый князь ознаменовал построением великолепного храма в Юрьевой обители. «Князь Всеволод Мстиславич, - говорит летопись, - заложил в 1119 г. вместе с игуменом Кириаком каменную церковь в Великом Новгороде, в 3-х верстах от города, во имя святого великомученика Георгия; и устроили монастырь великий, собрали братию; князь Всеволод dokonчил храм и освятили его. «Вот я, Всеволод, дал святому Георгию серебряное блюдо, в 30 гривен серебра; велел бить в него на обед, когда обедает игумен», - так говорит смиренный князь в прибавлении к грамоте отца своего, которою тот дал монастырю село Буйце. Всеволод дал еще Юрьеву монастырю погост Ляховичи с землею и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища. Мир хочет жить только для своего удовольствия. «Чти Иегову из имения своего и из всех начатков доходов своих», - говорит Богодухновенная мудрость (Притч. III, 9). И князь Всеволод поступил не по правилам мира забывчивого, а по внушениям любви к Господу.

В 1122 г. женился он на дочери святого князя Черниговского Николая Святоши и весною 1123 г. совершил с Новгородскими дружинами тяжелый поход в Финляндию. Несмотря на неблагоприятную погоду, дурные дороги и недостаток продовольствия, он разбил наголову врагов, разорвавших пограничные места Новгородские.

Благочестивый князь в 1127 г. построил на Торговой Новгородской площади, на Петрятине дворище, храм святого Иоанна Предтечи, храм великолепный, снабженный дорогими иконами, весьма ценным Евангелием и всеми книгами, притом с придельным храмом, где должна совершаться ранняя литургия по воскресным дням. Это было делом

молитвы за сына Иоанна. Но сын скоро умер. Иные молитвы наши не выполняются в том виде, в каком хотели бы мы видеть исполнение их. Не исполняются оттого, что Всевидящий и Благий лучше нас видит и усерднее нас готовит нам лучшее для нас. Князь, благоговейный к воле Божией, оплакал кончину сына, как отец, но с молитвою за почившего выдал для нового храма грамоту, замечательную по ее содержанию. Он обеспечил ею и содержание храма, и содержание причта, и предписывал праздновать память Предтечи великолепно. Старосты храма собирали пошлину со всех предметов торговли. В храмовый праздник совершал литургию владыка; на другой день - Юрьевский архимандрит; на третий - игумен Антониевский. Всем назначены богатые дары. Так благочестивый князь убежден был, что Новгородская торговля будет процветать под влиянием молитв и усердия к Господу. В той же грамоте писал он: «На Торжке даю пуд вощаный (пошлины за вес воска), половину Святому Спасу, а половину - святому великому Иоанну на Петрятине дворище». Эти слова князя дают видеть, что жалованьем его пользовались причты не в одном Новгороде. Еще замечательнее грамота его для кафедрального Софийского собора, написанная в одно время с Предтечевою. Здесь князь, по примеру святого Владимира, во-первых, предоставляет право Новгородскому святителю наблюдать за торговыми весами и мерами с тем, чтобы половина пошлины шла на Софийскую кафедру, а другая - на церковь Иоанна Предтечи; из штрафа же с виновных чиновников одна треть поступала бы в пользу города. Далее он перечисляет предметы суда святительского, с которого пошлины должны обращаться в пользу святителя и кафедрального причта; наконец, покарывает лиц, подлежащих ведению святителя. Князь не раз при том повторяет: «В церковные суды не вмешиваться ни детям, ни внукам моим, ни наместникам, ни тиунам (судьям)». А в конце говорит: «Приказываю моим тиунам не оскорблять церковного суда и с суда давать девять частей князю, а десятую - святой Софии». Весьма замечательны грамоты о правах братьев и сестер на наследство.

По «Русской Правде» дочерям боярина дается часть наравне с сыновьями, а дочери смерда (простого свободного человека) получают равную часть только тогда, когда не выданы замуж; иначе братья дают только приданое. Блаженный князь пишет: «Если после кого-нибудь останутся сыновья и дочери, то как сыновьям, так и дочерям следует из всего имущества по равной части». Постановление, как видно, вполне согласное с духом христианской любви! Князь лишает наследства только нецеломудренную дочь; но и при этом говорит: «Если брат, из желания корысти, взведет на свою сестру ложь, то он повинен за то смерти».

В том же самом году, когда благочестивый князь, по любви к Господу, изливал столько благодеяний на Церковь Христову, Господь посетил Новгородскую сторону тяжким бедствием. Весною долго лежал снег, а осенью были сильные морозы, и открылся сильный голод. Народ питался липовым листом, березовою корою, молотою соломою и мохом. Люди падали от голода и умирали. Родители отдавали детей иноземным купцам на пропитание. В это печальное время Всеволод явил всю отеческую любовь свою к народу: он был питателем нищих и голодных, истощал на них казну свою, но и ее не доставало для множества просящих. Благочестивый князь убедил страдавших готовиться к вечности.

В 1130 г. по воле отца своего, великого князя Руси, Всеволод и два брата его ходили смирать эстов. Непокорные преданы были мечу, имущества их сожжены, а жены и дети взяты в плен. Не так счастлив был поход одного Всеволода в Эстонию в 1131 г. Эстонцы обложены были данью, но много новгородцев побито было в Клину, в углу нынешнего Дерптского уезда. Зато со славою воевал он в том же году с Литвою и заставил ее платить дань.

В 1132 г. дядя Всеволода, князь Ярополк, вступив на Киевский престол, отдал Всеволоду южный Переяславль, считавшийся старшим после Киева. С неудовольствием отпустили новгородцы Всеволода.²

После ухода Всеволода в Новгороде князя не было приблизительно в течение всего лета.¹¹

Между тем младшие сыновья Мономаха и дяди Всеволода восстали за Переяславль против великого князя. «Он хочет, - говорили они, - сделать племянника наследником Киевского престола». Утром въехал Всеволод в Переяславль и до обеда выгнан был дядею Юрием. Избегая междоусобия, богобоязненный князь возвратился в Новгород, но гордая вольница уже забыла благодетельное правление и громкие победы Всеволода и не хотела принять его. Впрочем, на этот раз новгородцы скоро одумались и пригласили к себе столько благотворившего им князя, только ограничили власть его новыми правами посадников своих.

В 1133 г. князь, заботливый о покое новгородцев, ходил в Эстонию и взял Дерпт. В следующем году брат его Изяслав, изгнанный, по милости Юрия, из Турова, явился в Новгород за помощью против Юрия, дерзко оскорблявшего Мстиславичей. Новгородцы зашумели, вызываясь защищать Изяслава против властолюбивого Юрия, требовали похода. Всеволод изъявил согласие с волею веча, выступил с войском, но, не желая иметь дело с дядею, отпустил Изяслава в Чернигов и возвратился в Новгород. Новгородцы, невзирая ни на что, хотели воевать с Юрием. Напрасно митрополит Михаил уговаривал их и указывал на опасность зимнего похода. Посадник Давид послан был вместе с Всеволодом и сильною дружиною к Суздалью, эта было 31-го декабря. Метели и жестокий мороз преследовали новгородское войско и очень обессилили его. 26 января 1135 г. произошло кровопролитное сражение на Ждановой горе. Суздальцев больше было побито, чем новгородцев; но победы не было на стороне последних, и они вынуждены были заключить мир.

В том же году блаженный князь вместе с благочестивым архипастырем Нифонтом основал каменный великолепный храм святого Климента, но ему не довелось оканчивать его. В мае 1136 г. вспыхнул мятеж в Новгороде. Гордые своевольники в гневе за то, что не удалось им повеличаться победою над суздальцами, объявили Всеволода лишенным власти. Мало и того, они заключили его в княжеском доме с женою, детьми и тещею. Семь недель держали его, как преступника,

за стражею 30 воинов. Когда князь Святослав Ольгович, друг Юрия, приехал по призыву княжить в Новгороде, они освободили Всеволода, но оставили у себя заложником сына его.

Добродушный великий князь Ярополк дал изгнанному Всеволоду Вышгород. Псковитяне, дорожа и благодеяниями, и высокими качествами Всеволода, с живым усердием просили его к себе, и Всеволод согласился на призыв любви. По дороге имел он утешение видеть на опыте, что христианская любовь еще жила между князьями его времени. Полоцкий князь Василий, тогда как мог мстить Всеволоду за обиды, нанесенные отцом его, принимал и провожал Всеволода со всею братскою любовью.

В Пскове приняли Всеволода с восторгом. Благочестивый князь немедленно заложил каменный храм Святой Троицы, оконченный в следующем году. Новгородцы подняли было войну за то, что Всеволода приняли в Пскове; но конец земного пути святого князя близился скорее, чем войска неблагодарных новгородцев. Блаженный князь во всю жизнь свою любил Господа и Его служителей; любил читать полезные книги и списывал их; любил нищих, которых снабжал всем щедро. Предчувствуя близкую смерть свою, он удвоил подвиги святой любви: сам перевязывал раны больным и смирял себя еще постом. Очищенный столькими скорбями в последние годы, блаженный Всеволод мирно скончался 11-го февраля 1138 г.² Новгородцы, узнав о кончине князя, велели протопопу своему, именем Полюду, взять Гавриловы мощи, но рака святого была неподвижна, и только один ноготь его был привезен в Новгород.⁷⁹ Мощи благоверного князя погребены в построенном им храме великомученика Димитрия. Обретыны были мощи нетленными спустя 52 года после его кончины.

Память святому князю празднуется 11 февраля (преставление), 27 ноября (обретение мощей) и 22 апреля (перенесение мощей).

В 1192 году святой князь явился в видении богобоязненному человеку и сказал: «Объяви властям, чтобы перенесли мощи в храм Святой Троицы; там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне город Псков, чтобы хранил я его».

Святые мощи благоговейно перенесены были в Троицкий собор. В 1284 г., при раке святого князя совершилось чудо над бывшим Псковским посадником Елисеем. Старый посадник лежал расслабленный всем телом, так что не мог двинуть ни одного из членов своих. По вере в благодатную силу святого князя, велел посадник несть себя к мощам его. Когда священник, совершив молебствие, окропил больного святою водою, расслабленный встал и без помощи других возвратился в дом. В 1363 г. спавшему в притворе храма пономарю явился святой князь Гавриил и сказал: «Завтра объяви собору Святой Троицы и посадникам, чтобы вынесли иконы из церкви; в следующую ночь Бог покажет чудо над моими мощами». Приказание было исполнено, и ночью пал громадный свод храма, но не причинил почти никакого вреда честным мощам святого, только отшиблена часть челюстей князя. Мощи поставлены были потом в придельном храме Благовещения Богоматери. Впоследствии много совершилось чудес при мощах святого князя. В 1703 г. устроен был в соборе придел во имя его. На гробнице его висит меч его, с надписью: «honorum meum nemini dabo», - «чести моей не уступлю никому».²

Тропарь, глас 4

Нз млада явился еси, богомудре княже
Гаврииле, Божественный сосуд, избран
Богowi, благочестием воспитан, веру
непорочну соблюди и многи святыя церкви устроив,
изгнание претерпел еси от своих, якоже и
целомудрии прародители твои от брата убийение.
С ними же предстоя Святѣй Троице, молися
Державе Россійстей сохраненной быти
и всем нам спастися.

Иной Тропарь, глас 4

(Обрѣтении мощей)

Наста днесь всечестный новый праздник,
обрѣтение честныхъ мощей, блаженнаго
князя Гавриила, веселя изрядно всехъ
благочестивыхъ множества; темже вси вернии,
сошедшися, во святыи храмъ Живоначальныя
Троицы, возопиёмъ, блаженне княже Гаврииле,
имея дерзновение ко Христу Богу, моли спастися
празднующимъ любовию память твою.

Кондак, глас 8

Возвеселися Христова церкви, имуще в
себе источника чудесемъ обильна; днесь
любовию сошедшися в тя людие твои,
во обрѣтение честныхъ мощей, блаженного князя
Гавриила, воспоёмъ песнь единому Богу в Троице
радующеся, сподобльшему насъ видети пречестное
сокровище мощи его, отъ многъ лѣтъ сокровенны,
напоследокъ же намъ явлены; яко да молитвами его
къ Богу, отъ всехъ находящихъ золъ избавимся,
радостною душею, и веселиемъ сердца благодарная
воспоёмъ глаголюще, радуясь утверждению
граду нашему.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Свято-Юрьев монастырь.⁸³ С. 1-2.

Монастырь Святого Великомученика, Победоносца и Чудотворца Георгия, на протяжении столетий традиционно именуемый Юрьев (Юрий – диалектная форма имени Георгий, широко распространенная в древнерусском языке), принадлежит к числу древнейших обителей не только Новгородской епархии,

но всей России. Он был основан в 1030 г. сыном равноапостольного крестителя Руси, прославленным русским князем Ярославом Мудрым. Ярослав Владимирович в святом крещении носил имя Георгий и глубоко чтил своего небесного покровителя, во имя святого воина-мученика он создал монастыри в Киеве и Новгороде. С начальных времен христианизации Руси и на всем протяжении ее истории святой Георгий становится бесконечно почитаемым заступником Отечества и русского княжеского дома.

Построенный князем Ярославом на берегу Волхова у самых его истоков монастырь первоначально был деревянным, как и его соборная церковь святого Георгия. В 1119 г. повелением еще одного выдающегося русского военачальника и правителя святого благоверного князя Мстислава Великого был заложен каменный храм. Сам великий князь Мстислав в это время находился в Киеве, попечение о строительстве собора полностью легло на игумена Юрьевской обители Кириака и сына Мстислава Всеволода, княжившего тогда в Новгороде. Князь Всеволод-Гавриил оставался в памяти народа не только как великий воин, но как великий храмоздатель, построивший многие церкви, в том числе кафедральный Троицкий собор во Пскове, где и был погребен в 1138 г. Церковное почитание князя сложилось уже в конце XII в., после обретения нетленными его мощей. Память о святом князе Всеволоде, веками жившая в Юрьевом монастыре, отразилась в посвящении ему престола храма, не сохранившегося до наших дней. Летописи донесли не только имена основателей главного храма Юрьева князей Мстислава и Всеволода, но и имя его строителя – Петр, первое известное нам имя русского зодчего. Судя по удивительной красоте его творения, мастер Петр был великим архитектором. Спустя одиннадцать лет, в 1130 г. 29 июня (12 июля), на память первоверховных Апостолов Петра и Павла новый огромный каменный собор, увенчанный тремя куполами, был освящен при Новгородском епископе Иоанне Попьяне и игумене Исае (его предшественник Кириак умер за два года до освящения храма). Оба Юрьевских игумена - Кириак и Исайя, первые настоятели монастыря, имена которых сохранили исторические источники, – местночтимые святые, почитание их зародилось в самой обители, впоследствии распространилось по всей епархии.

СРЕДНИЙ

о преподобном отце нашем

Авраамии Мирожском ¹

Память его празднуется месяца сентября в 24-й день

† 1158

Преподобный Авраамий был первым игуменом первого Псковского монастыря. Святой Нифонт, архиепископ Новгородский (управлял Новгородской епархией с 1129 по 1156 гг.), поставленный на святительский престол из иноков Киево-Печерского монастыря и потому renovación о процветании монашества в своей епархии, основал в городе Пскове, принадлежавшем тогда к епархии Новгородской, монастырь в честь Преображения Господня. (См. Житие епископа Нифонта Печерского. – *Сост.*) Монастырь устроен был на окраине города, в Завеличьи, то есть за рекою Великой, при впадении в нее с левой стороны речки Мирожки, и посему в прежнее время он назывался то Мирожским, то Завеличским. Монастырь был «превелик зело и честен». Святитель Нифонт богато украсил его, пожертвовав средства на его устройство и содержание, и собрал многочисленную братию «на славословие Божие». Главным украшением новосозданной обители, нет сомнения, был каменный собор ее в честь Преображения Господня, сложенный из плитняка и расписанный превосходною живописью.

Игуменом новой обители святой Нифонт поставил «единого от братии, честного и свята» преподобного Авраамия. Никаких сведений ни о ранней жизни подвижника, ни об управлении им обителью не сохранилось. Надо думать, что свой монашеский искуc преподобный Авраамий прошел в каком-нибудь другом монастыре, может быть, в Киеве, где ранее подвизался и сам святой Нифонт, а может быть, в одном из древнейших монастырей Новгорода. Недолго, по-видимому,

управлял преподобный Спасо-Мирожской обителью: скончался он в 1158 г. 24 сентября. Мощи его почивают под спудом в Спасо-Преображенском соборе. Память преподобного Аврамия Мирожского чтится местно. Место гробницы преподобного в соборе, к сожалению, точно неизвестно в настоящее время.

Год основания Спасо-Мирожского монастыря и построения каменного собора точно не известен. Летопись упоминает об устройении храма под 1156 г. (последний год жизни святого Нифонта) как бы об одном из славных дел его святительства, но, вероятно, и храм, и монастырь устроены ранее. Как память об основателе монастыря до сих пор в обители хранится чаша, сделанная из корня неизвестного дерева, покрытая красной краской. Монастырь существует доньше, несмотря на то что, стоя на краю города, много раз подвергался нападениям врагов и был разорям. В 1229 г. при нашествии немцев был умерщвлен местно чтимый игумен монастыря Василий с несколькими иноками (память его 5 марта). Главная святыня обители – чудотворная икона (Мирожская) Знамения Божией Матери; празднование ей в 24 день сентября.

Собор сохранился до настоящего времени почти в том же виде, как был построен в половине XII века святым Нифонтом. Замечательна фресковая стенопись собора, сохранившаяся благодаря закрывавшей ее штукатурке доньше без всякой переделки или поновления. Стенопись относится также ко времени построения и украшения собора, который является поэтому драгоценным памятником древнерусского церковного искусства.

Тропарь и Кондак общие.

Гл. стр. 766

СВЯТЫХ

о преподобной Евпраксии (в миру Евфросинии), Псковской⁹

КНЯГИНИ

Память ее празднуется месяца октября в 16-й день

† 1243

Евпраксия, в миру Евфросиния, преподобная Псковская, супруга Ярослава Владимировича, который княжил в Пскове в 1214 г., а потом ушел к Лифляндским рыцарям. Она была дочь Литовского князя Рогволода Борисовича, княжившего в Полоцке, и тетка князя Довмонта. В 1243 г. основала она в Пскове женский монастырь святого Иоанна Предтечи, и того же года, мая 8, приняла смерть мученицы в городе Оденпе, или Медвежей Голове, от руки злого пасынка. Погребена в основанной ею обители. В древней Новгородской летописи о ней сказано: «Того же месяца (18 мая) в 1243 г. явился знамение в Пльскове у святого Иоанна в монастыри от иконы святого Спаса над гробом княгынином Ярославле Володимировича, юже уби свой пасынок в Медвежи Голове: иде миро от иконы по 12 дний; найде четыре вощяници, яко в сткляницу, и привезоша в Новгород две на благословение, а в Пльскове оставиша две себе». При гробнице княгини находится древний медный подсвечник, на котором вырезано описание упомянутого чуда. То же сказание значится и на древнем камне, вделанном в стену придельной церкви святого Иоанна Предтечи. Над гробом Евпраксии висит черная доска, на которой написано: «Гробница под спудом благоверной княгини, схимонахини Евпраксии».

Местная память ей творится октября в 16 день. Предание утверждает, что сия княгиня была игуменьей основанной

ею обители. Висящий доньне при гробе ее черный посох почитают собственным ее настоятельским; может быть, она посхимилась незадолго до своей кончины. В монастыре осталась из древних зданий одна церковь святого Иоанны Предтечи, в которой видны некоторые гробы князей Псковских.

Тропарь, глас 4

Измлада явилася еси, Богомудре княгине Евпраксие, Божественный сосуд избран Богови, благочестием воспитана, веру непорочну соблюла еси. Тем же предстоя Святей Троице, молися стране Россійстей сохраненной быти и всем нам спастися.

Сведения

о преподобном отце нашем

Киприане ⁹

Память его празднуется месяца сентября в 29-й день

† 1276

Киприан, преподобный, строитель Архангельского монастыря, уроженец Двинской трети, Устюжской волости, жил во время княжения великого князя Константина Всеволодовича Ростовского. Был богатым земледельцем, но, как сказано в Устюжском летописце, презрев красная мира сего, восприял монашеский образ и наречется Киприан. По желанию граждан Устюга Великого, Киприан избрал место при озерах, за острожною осыпью, для построения святой обители и поставил себе малую келью. А потом, в 1212 году, там же, у места, называвшегося Черным Яром, построил иждивением добродетельных дателей две деревянные церкви: Введения Богоматери и Святого Архистратига Михаила, и обнес их кельями. «Тогда, - говорит летописец Устюжский, - некоторые и жителство свое начали оттоле с Киприаном вкупе препровождати. Он же все свое наследственное имение, села, деревни, пашенную и непашенную землю приложил к тому... и наречен бысть начальник той святой обители. В лето 1276 сентября в 29 день, в субботу, в 6 часу дни, преставился сей Архангельского монастыря начальник, монах Киприан, и погребен в том же монастыре, близ святых врат, а по времени над гробом его создана каменная церковь в честь Преполовения Господня; гроб же его внутрь церкви за левым клиросом при стене, и над ним устроена гробница, которая доныне всеми видима». Монастырь Киприанов украсился впоследствии каменными храмами и зданиями: имеет ныне 5 церквей, из коих соборная - во имя Архангела Михаила. В 1737 г. учреждена там семинария.

Тропарь и Кондак общиѣ. См. стр. 766

Прокопий Устюжского ⁷⁷

Христа ради юродивого, чудотворца
Память его празднуется месяца июля в 8-й день

† 1303

Первой половине XIII века, во дни славы и могущества Новгорода, когда вольные его жители, обогащаемые выгодною торговлею с Ганзейскими городами, с уверенностью говорили: «Кто против Бога и Великаго Новгорода?» - в числе заморских торговых гостей, приезжавших ежегодно во множестве, прибыл однажды в Новгород с бо-

гатым грузом товаров немецкий купец Прокопий. Какого он был рода и племени и из какого города - неизвестно. Без всякого сомнения, ему, подобно другим его товарищам, и на мысль не приходило долго пробыть, а тем более остаться навсегда в суровой и холодной России. Все его мысли и желания, вероятно, были сосредоточены единственно на том, чтобы дороже продать свои товары, набрать на них побольше дорогих мехов и новгородских рублей и поскорее возвратиться на родину. Но *от Господа исправляются стопы мужу: смертный же како уразумеет пути своя* (Прит. 5. 21). Господь судил иначе и указал Прокопию неизвестный до того

времени в России путь юродства Христа ради. Кто мог думать, что этот молодой купец, воспитанный в довольстве и роскоши и с младенчества налитанный враждебным Православию католическим учением, решится добровольно на всю жизнь подвергнуть себя всевозможным лишениям и страданиям, что при видимом скудоумии он сохранит мудрость и чистоту сердца, достигнет высоты нравственного совершенства, сделается украшением Православной церкви, великим чудотворцем, защитником и покровителем своего нового отечества? Истинно *сила Божия в немощи совершается* (2 Кор. 12. 9). Дивны дела Господни, *дѣвенъ Бѣгъ во свѣтыхъ своихъ!* (Пс. 67. 33)

Древний Новгород доныне славится множеством и красотой церквей и монастырей, а в эпоху его процветания их было еще больше. Когда Прокопий прибыл в Новгород, то невольно был поражен их множеством и красотой, доброгозласным звоном многочисленных колоколов, набожностью и усердием народа к церковным службам, чего он никогда не думал встретить между людьми, не повинующимися римскому первосвященнику. А когда молодой человек, по своей любознательности, посетил храм Святой Софии и другие церкви и монастыри, услышал стройное пение ликов, увидел чинное и благоговейное служение, торжественность и благолепие обрядов Православной церкви, то благодать Божия коснулась его сердца. Он умилился до глубины души, так что не захотел уже более возвращаться на родину, решил принять Православие и стал искать человека, который бы мог научить его догматам веры и уставам Православной церкви. Ему указали на Хутынский монастырь, незадолго (1192 г.) пред тем основанный и славившийся строгостью устава и святостью жизни своих иноков.

В рукописном житии преподобного Прокопия, в Прологе, Четь-Менеи, житиях святых Муравьева и в Историческом словаре о святых сказано, что Прокопий слушал наставление в православии у преподобного Варлаама Хутынского. Но Варлаам Хутынский, преставившийся в 1193 г., не мог преподавать наставления Прокопию, прибывшему

в Новгород уже в годах совершенных и скончавшемся в 1303 г., иначе пришлось бы жизнь его продолжить до 140-150 лет. Вероятно, жизнеописатель устюжанин, слышавший, что наставником Прокопия был Варлаам, и ничего не знавший о Варлааме Прокшиниче, приписал наставление Прокопия преподобному основателю монастыря по сходству имен. Был в Хутыни и еще игумен Варлаам II, но уже в последней половине XVI века.

В то время там подвизался старец Варлаам Прокшинич (Варлаам, в миру Вячеслав Прокшинич, скончался в 1243 г.), старавшийся во всем подражать преподобному Варлааму Хутынскому, основателю обители. К нему обратился Прокопий и, припавши к ногам, со слезами просил научить его истинной вере. Удивительным показалось старцу, что молодой и богатый иностранец, приехавший в Новгород для торговли, ищет Православия, которое едва только увидел, и решается оставить веру, в которой воспитан. Усомнился старец в истинности слов пришельца. Но когда преподобный убедился в искренности желания Прокопия, то с отеческою любовью принял его к себе и стал учить заповедям Божиим, уставам и чиноположениям Православной церкви, подавая в то же время пример строгого их исполнения. Старец подвижник, собственным опытом дознавший ничтожество земных благ и отрекшийся от них, советовал и Прокопию последовать его примеру, ради любви Божией отвергнуться себя, взять крест свой и последовать Спасителю. «*Ка́я польза чело́вѣку, а́ще ми́ръ вѣсь приобря́щет, ду́шу свою́ отще́тит или́ что́ да́ст чело́вѣкъ измѣну́ за ду́шу свою́?*» (Мф. 16.26) «*Не упо́льзуютъ и́мѣнія в де́нь я́рости, пра́вда же изба́вит отъ сме́рти*» (Прит. 11. 4), - говорил наставник и в доказательство истинности своих слов приводил много примеров из отеческих писаний, житий святых и собственных наблюдений. Не напрасны были наставления и труды мудрого подвижника: Прокопий с охотою их слушал и старался запечатлеть в своем сердце. Особенно трогали его жития преподобных и Христа ради юродивых, добровольно подвергавшихся различным лишениям и трудам и при этом еще

старавшихся скрывать свои подвиги от людей. Когда старец читал или рассказывал Прокопию о таких подвижниках, он не мог удерживаться от слез. Вот, думал он, как люди трудились и терпели для спасения своей души, вот примеры, которым я должен подражать, - и с каждым днем более и более стал чувствовать отвращение от мирской жизни и возгораться любовью к Богу. Наконец он раздал все свое имение и богатство - часть нищим, часть на сооружение храма в Хутынской обители и, решительно ничего не оставив себе, стал жить в обители как один из странных, ежедневно посещая все церковный службы и усердно служа братии. Избавившись от всех попечений и житейских забот, Прокопий ощутил спокойствие в своей душе. Новый образ жизни сердечно ему полюбился, и он желал всю свою жизнь провести в тишине уединенной кельи под мирным кровом святой обители. Но когда лукавый и во зле лежащий мир оставлял кого-нибудь в покое от своих козней? Кого люди или не преследовали злословием и клеветой, или не смущали и не беспокоили своими почестями и похвалами? Узнавши о том, что Прокопий принял святую веру и раздал все свое имение, новгородцы стали хвалить и превозносить его. «Этот человек велик пред Богом, потому что от зловерия перешел в Православие, все свое огромное богатство раздал бедным и, смотрите, в какое сам пришел смирение и нищету, - говорили они. - Много каждый год приезжает в Новгород иностранцев, но никто из них еще не принимал нашей святой веры и не раздал нищим своего имения, а все стараются только о том, чтобы обогатиться». Некоторые из новгородцев даже нарочно приходили на Хутын, чтобы только видеть Прокопия, потому что слава о нем распространилась во всех концах города и пятинах новгородских.

Тяжело было Прокопию слышать о себе такие разговоры. Людская слава, лишившая покоя его смиренное сердце, сделалась для него невыносимым бременем. Опасаясь из-за нее лишиться славы небесной, он открыл старцу Варлааму свою душевную скорбь и стал просить у него совета и благословения удалиться куда-либо, где бы его никто не знал.

Старец сперва удерживал его, советуя лучше не выходить из обители и даже заключиться в затвор, но непреклонно было желание Прокопия, как будто что влекло его из обители, и сколько Варлаам ни старался, не мог остановить его. Трогательно было расставание ученика с наставником: оба плакали, зная, что это последнее их свидание в сей жизни. Преподавши наставление, старец с молитвою и благословением отпустил своего ученика в путь.

Без всяких средств к жизни, не взявши ничего даже на дорогу, в бедной и разодранной одежде Прокопий вышел из монастыря. Он спешил оставить Новгородские пределы и устремился в неизвестные ему восточные страны, тогда еще не густо населенные и покрытые дремучими лесами и болотами. Часто усталому путнику после длинного перехода и целодневного труда и на ночь приводилось оставаться без пищи, спать на улице под дождем и ветром, если не встречалось сострадательного человека, который бы вызвался накормить и успокоить странника: ибо Прокопий, сколько бы ни был голоден, никогда ничего не просил и представлял из себя глупого. Много насмешек и оскорблений, ругательств и побоев перенес он на пути от грубых людей, находивших себе удовольствие в том, чтобы издеваться и мучить беззащитного юродивого. Много привелось ему в своем ветхом рубище потерпеть и от летнего жара, и насекомых, и от зимних вьюг, и трескучих морозов. Но он не унывал и не падал духом, зная, что каждый день добровольных его злостраданий, каждый шаг по этому узкому и истинно крестному пути приближает его к вечному покою и небесной отчизне. Юродствуя днем, повсюду встречая насмешки и оскорбления, он и ночью не давал себе покоя, проводил ее в коленопреклонениях и молитвах, вспоминая слова Апостола: *мнози ми скорби подобаетъ намъ внѣсти въ цѣркви Божіе* (Деян. 14. 22). Стараясь утешать себя тем, что все земные скорби, как бы они ни казались нам велики и тяжки, ничто в сравнении с небесными за них наградами. Переходя таким образом из страны в страну, из города в город, и все далее и далее углубляясь на восток, Прокопий дошел до Устюга и здесь, усталый и голодный, нашел себе пристанище в верхнем конце города, в одной ветхой хижине.

Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами в руках (юродствуя, блаженный Прокопий носил в руках три кочерги или деревянные клюки) и едва прикрытого рубищем скоро обратило на него внимание жителей. Он и здесь скоро сделался предметом насмешек и поругания людей грубых, которые не стыдились даже и бить его без всякой с его стороны причины. Особенно избалованные дети не давали ему проходу. Видя его беззащитность, они толпами гонялись за ним, бросали в него грязью, палками и камнями. Несмотря на все это, город понравился блаженному, и он решился навсегда остаться в нем. Так Устюг сделался местом, назначенным ему Промыслом, где он должен был проводить и кончить свой многотрудный подвиг. Оттого Прокопий не только не раздражался и не гневался на тех, которые оскорбляли и били его, но еще молился за них и просил Бога, чтобы Он не поставил им этого в грех. Представляясь безумным и юродствуя днем на улицах города, он каждую ночь обходил все городские церкви, припадал на колени и со слезами молился в открытых папертях их. Когда же изнуренное постом и бдением тело его отказывалось служить и требовало отдохновения, он на краткое время ложился, где попало: в некрытом сарае, на куче навозу, на голой земле или на камне, несмотря ни на какую погоду, и летом и зимой, хотя изодранное его рубище едва прикрывало некоторые члены его тела, и он был почти наг и бос. Если сострадательные и добрые люди подавали ему милостыню, он принимал с любовью и благодарностью, но не каждый день и никогда не брал ничего от богачей, нажившихся неправдою, хотя был голоден, а нередко и по несколько дней оставался совершенно без всякой пищи. Это был мученик, из любви к Богу добровольно обрекший себя на скорби и лишения всякого рода. И как он возлюбил Господа всею душою, для Него оставил все свое богатство и предал себя изумительным подвигам самоотвержения, так и Господь возлюбил его и, подобно древним святым пророкам, даровал Своему избраннику дар предведения и пророчества.

Долго скитаясь по городу, везде гонимый и оскорбляемый, праведный Прокопий избрал наконец местом постоянного своего жительства угол паперти огромного высокого соборного храма Успения Божией Матери. Здесь стал он пребывать лето и зиму, не опуская ни одной церковной службы, ночи проводил в молитвах, а днем юродствовал по улицам города. Однажды в какой-то праздник, когда много народу шло в собор к вечерней службе, блаженный Прокопий увидел трехлетнюю девочку Марию, идущую в церковь вместе со своими родителями. Подбежавши, он поклонился ей в ноги и сказал: «Вот идет мать великого Стефана, епископа и учителя Пермского!» Удивились богомольцы, слыша слова юродивого, и едва ли кто из них принял их за пророчество и поверил им. Одни говорили: «Может ли быть епископ в Перми, когда нет там ни одной христианской души?» Другие смеялись и считали слова юродивого бредом безумного. Но эта девица Мария, впоследствии вступившая в супружество с Симеоном, клириком соборной церкви, действительно и была матерью Стефана, апостола зырян.

Много и других опытов духовной мудрости и прозорливости показал блаженный Прокопий во время многолетнего юродствования своего в Устюге. Когда он беседовал с людьми благочестивыми, пред которыми не считал нужным скрываться, то каждое его слово и действие было наставлением и предостережением. Когда же юродствовал и казался помешанным, многие поступки его для людей внимательных имели смысл пророческий. Замечали, например, что когда он бегал по городу и, размахивая своими кочергами, держал их головами кверху, то в тот год бывал хороший урожай на хлеб и плоды, если же оборачивал кочерги головами книзу, то бывал неурожай и во всем недостаток, так что приходилось невольно всем смиряться.

Важнейшим из многих пророческих его предсказаний и чудес, прославивших его, было избавление Устюга от истребления каменно-огненной тучей. Это было в 1290 г., за 13 лет до его кончины.

Бог наш - Бог милости и любви, бывает за грехи наши и Богом отмщения. Мор и голод, трус и потоп и другие

бедствия постигают людей за их нечестие. Но Отец Небесный и во гневе своем милостив и, когда наказует, не перестает жалеть и любить наказуемых!.. Он некогда обещал пощадить виновные города для десяти праведников, но удерживает праведный гнев Свой и для одного великого праведника. Это ясно выразилось в жизни блаженного Прокопия.

В один воскресный день, когда много народа было на службе в соборе, юродивый вдруг обратился ко всем с таким увещанием: «Приближается гнев Божий, покайтесь, братия, во грехах ваших, умиловляйте Бога постом и молитвою, иначе город погибнет от града огненного». — «Он не в своем уме и никогда не говорит ничего дельного, что его слушать?» — сказали устюжане и не обратили никакого внимания на слова праведника. Любвеобильному сердцу Прокопия тяжело было встретить в гражданах такую беспечность и легкомыслие в то время, когда страшная опасность, угрожавшая им, уже висела над городом. От печали и горести сердца он едва мог достоять до окончания литургии и, вышедши на паперть, удалился в свой угол, зарыдал и, обливаясь слезами, проплакал весь тот день и ночь, да и на другой день не переставал плакать. Некоторые сострадательные люди, видя его неутешный плач, спрашивали его: «Что с тобою, Прокопий, что ты непрестанно плачешь? Что у тебя за печаль на сердце?» Обливаясь слезами, он отвечал им словами Спасителя: «**Бдѣте и молитесь, да не вни́дите в напáсть**» (Мф. 26. 41). На третий день вышед из паперти, блаженный Прокопий пошел по всему городу проповедовать покаяние жителям. Со слезами всем и каждому он говорил: «Плачьте, други, плачьте о грехах ваших, гибель близка, молитесь, чтобы избавил вас Господь от праведного своего гнева и не погубил вас, как Содом и Гоморру, за беззакония ваши». Но и эта вторая проповедь осталась бесплодной. Ожестевшие во грехах устюжане оказались хуже ниневитян: они не только не думали каяться, но еще смеялись и издавались над проповедником, как над безумным. Молитвенником за погибающий город остался один Прокопий, печально возвратившийся в свой угол на паперти. В следующее воскресенье,

в полдень (25 июня), явилось на небосклоне черное облако, приближаясь к городу, оно стало расти более и более, так что, наконец, день превратился в темную ночь. Молнии бегали огненными полосами, и страшные грохоты грома раскатывались в воздухе, не прерываясь ни на минуту. От громовых ударов тряслись стены зданий, и от оглушительных звуков не слышно было людского голоса. Тогда-то увидели, что городу грозит гибель, вспомнили о проповеди Прокопия и поверили ему. И стар и млад, и нищие и богатые - все бросились в храмы, особенно же в соборный храм Богородицы. Прокопий был уже там и, падши пред иконою Благовещения Богородицы, с горькими слезами молился, чтобы Мать Божия была ходатайницею за людей преступных. И весь народ с рыданием молился о спасении от гнева Божия. Муж и жены, дети и дряхлые старики - все единогласно зывали: «Владычица, спаси нас!» Долго молился блаженный, не поднимая головы своей от полу и орошая его своими слезами, и вот от иконы Богородицы потекло ручейком миро и по храму разлилось благоухание. В то же время произошла перемена в воздухе: не стало более душливого зноя, тучи с громами приняли направление в сторону от города и скатились вдаль, в пустые места. Скоро узнали, что за 20 верст от Устюга, в Котовальской волости, упали с градом раскаленные камни, раздробили и уничтожили множество лесу, но люди и скот остались целы. Между тем мира от святой иконы истекло столько, что им наполнили церковные сосуды, мазавшиеся им получали исцеление от различных болезней. А две бесноватые женщины освободились от своего лютого мучителя. Общая радость заступила место печали и распространилась по всему городу. Это чудное избавление города от неминуемой и явной гибели обратило было внимание граждан на Прокопия, но он приписал его милосердию и ходатайству Божией Матери и по-прежнему продолжал свой подвиг и юродством закрывал от людей обильную благодать, в нем обитавшую.

Любимым местом, где он часто и долго сиживал, был камень на берегу реки Сухоны, неподалеку от собора. Здесь,

смотря на плавающих в малых стружках и лодках чрез большую реку, он молился, чтобы они не потонули, и убедительно просил мимоходящих погребсти его тут. «Положите здесь мои кости, на этом месте, а камень сей, на котором сижу ныне, положите на моей могиле, и воздаст вам Господь благое в день праведного суда своего», - говорил он устюжанам.

Когда Прокопий пришел в Устюг, были еще в живых престарелые супруги Иоанн и Мария, заслужившие от современников название праведных. Юродствуя по городу, он иногда заходил к ним в дом, беседовал с ними о пользе души, что доставляло старцам несказанное удовольствие, так как и он и они, хотя и различными путями, стремились к одной и той же цели. Но особенным другом и собеседником его был преподобный Киприан, основатель устюжского Архангельского монастыря. При всем том ни у Иоанна и Марии, ни у Киприана самопроизвольный мученик не искал покоя для своей плоти и не хотел пользоваться никакими удобствами земной жизни. После их блаженной кончины ближе других к юродивому был благочестивый клирик соборной церкви Симеон, впоследствии родитель святого Стефана Пермского. В продолжение многих лет Симеон был очевидным свидетелем пребывания Прокопия на соборной паперти и умел усмотреть в нем под кровом юродства великую духовную мудрость и обилие благодати Божией. Ему мы обязаны приведением в известность и сохранением для потомства следующего дивного события из жизни блаженного Прокопия.

В Устюге, как и вообще на Севере, зимою бывает очень холодно, чему не мало способствует и то, что он находится на возвышенной и открытой местности. В последний год жизни Прокопия зима была столь жестока и сурова, что такой не запомнили старожилы. Сильная вьюга, продолжавшаяся две недели, занесла снегом дома даже внутри города, а мороз и северный ветер так были резки, что птицы падали мертвыми и много погибло скота. Людей же, особенно нищих и странников, и по дорогам и в городе замерзло и занесло снегом столько, что на Ивановской горе у Предтеченской церкви наполнено было ими несколько убогих домов. Можно

представить себе, каково было в этот лютый мороз нагому Прокопию, который обыкновенно проводил ночи на высокой холодной соборной паперти и кроме ее не имел нигде себе пристанища. Ослабевший от старости и терзаемый нестерпимым морозом, он вышел было из паперти и пытался найти теплый угол, чтобы хотя сколько-нибудь погреться, но когда это не удалось, принужден был возвратиться на прежнее место и здесь, забытый и оставленный всеми, переносил неимоверные страдания. Когда выюга унялась и стало несколько теплее, юродивый вышел из паперти и направился за церковь, в угольный дом, к любимому им клирику Симеону. Как бы нисколько не пострадав от мороза, со светлым лицом и приятным смехом он вошел в комнату, спрашивая хозяина. Изумился Симеон, увидевши у себя юродивого, ибо думал, что он уже замерз во время столь лютого и продолжительного мороза и, обнявши его со слезами, с радостью спешил приветствовать и принять дорогого гостя. Когда они сели и начали разговаривать, Прокопий спросил Симеона: «Для чего ты, брат мой, так скорбел и сетовал обо мне и теперь плачешь? Не унывай, приготовь трапезу, чтобы нам вместе вкусить сегодня нищи». Симеон обрадовался неожиданному предложению и не знал, как и благодарить за него гостя. Между тем, пока готовили и собирали на стол, блаженный Прокопий опять спросил Симеона: «Скажи мне искренно, добрый брат мой, ты много пожалел обо мне, странном человеке, думая, что я уже замерз от этой лютой стужи? Что же было тогда с братьями моими - нищими? Нет! Хранит Господь любящих Его, близок к сокрушенным сердцем и спасает смиренных Пресвятым Своим Духом. Если ты и впредь будешь любить меня, то получишь много утешения для души. Не проливай же более о мне слез, ибо великая радость бывает человеку, который скорбит всею душою и всем сердцем своим уповает на Бога и в сем веке и в будущем». Из этих слов блаженного Симеон понял, что что-то дивное случилось с ним во время страшного мороза, и, дружески обнимая и целуя его, стал спрашивать блаженного о его терпении. Заклиная Богом, он просил Прокопия не таить

благодати Божией и не скрывать от него, как обнаженное старческое тело его в течение стольких дней и ночей могло перенести такую страшную стужу. Долго молчал блаженный Прокопий, как бы о чем размышлял, и, вздохнув из глубины сердца, сквозь слезы отвечал: «Какую пользу хочешь ты, брат мой, получить от меня, нечистого и юродивого, валяющегося по стогнам, на гноищи и в смраде грехов своих? Но что делать! Великая любовь твоя ко мне побуждает меня поведать тебе мою тайну. Заклинаю тебя, однако же, Богом, Создателем и Спасителем нашим, Иисусом Христом, что пока я жив, ты никому не откроешь того, что я поведаю теперь любви твоей». Симеон поклялся сохранить тайну, и блаженный Прокопий открыл ему следующее.

«Когда впервые поднялась эта страшная вьюга, ужаснулся я и уже отчаялся в жизни, думая, что не в силах буду перенести ее в моей наготе, без всякой одежды, без теплой хранины, где бы мог хотя на время подклонить голову. Малодушествовал я и вышел ночью из паперти соборной, из-под крова Божией Матери. Сперва устремился я к стоящим напротив собора малым хижинам убогих людей, надеясь обрести у них хотя краткий покой и укрыться от стужи. Но они не только не пустили меня, а еще, выскочив из хижин, палками прогнали меня, как какого-нибудь пса, ругаясь и крича мне вслед: «Прочь, прочь отсюда, мерзкий юродивый!» Не взвидев пути, в страхе побежал я от них, уже и сам не зная куда. Дорогою мысленно молился и говорил сам с собою: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века. Лучше умереть мне Христа ради, и Господь вменит мне то в праведность». Не видя от вьюги пред собою ничего, набрел я дорогою на пустую хижину, в углу которой лежало несколько собак, загнанных морозом. Я лег было подле них, чтобы хотя сколько-нибудь от них согреться. Но они, увидев меня, все вскочили и бросились вон. Тогда я подумал: «Вот до чего я мерзок и грешен, что не только нищие, но и псы гнушаются мною». Ибо и нищие, гоняясь за мною, кричали мне: «Иди и умри, лживый юродивый, нет нам в тебе никакой пользы и нужды». И бессловесные животные - собаки, не захотели

лежать со мною и убежали. Тогда пришла мне на сердце такая мысль: «Люди отвергли меня, никому я не нужен, возвращусь на старое место. Пусть будет что угодно Богу. Если и умру, так, по крайней мере, в святом месте, под кровом Божией Матери». И собравши последние силы, побежал обратно к церкви. Вошедши на паперть, я сел в углу, скорчившись от жестокого холода. Все члены мои дрожали, дыхание спиралось, глаза смежались, а я, взирая на икону Спасителя и Божией Матери, плакал и молился. Молился уже не о сохранении своей жизни, а о спасении души, ибо уже жить не надеялся, а ежечасно ожидал себе смерти и каждый вздох мой казался мне уже последним, так как тело мое совсем оцепенело и посинело. Когда я наконец начал забываться и терять сознание, вдруг почувствовал какую-то необыкновенно приятную теплоту. Открыв уже смежившиеся глаза, я увидел пред собою прекрасного юношу, лицо которого было так светло, что невозможно было смотреть на него, как будто горел на нем луч солнца. В руке у него была чудная ветвь, расцветшая всякими цветами: и белыми, и алыми, испускавшими из себя чудные ароматы, - не мира сего тленная ветвь, но райская. Взглянув на меня, он сказал: «Прокопий, где ты ныне?» - «Сижу во тьме и сени смертной, окован железом», - сказал я ему в ответ. Тогда юноша ударил меня цветущею благовонною ветвию прямо в лицо и сказал мне: «Прими ныне неувядаемую жизнь во все тело твое и разрешение оцепенения, постигшего тебя от мороза». И вдруг посреди невыносимой зимней стужи благовоние весенних цветов проникло в мое сердце и наполнило меня всего. Как молния, блеснул и скрылся от меня небесный посланник, но жизнь, данная им оцепеневшим моим членам, приразилась мне, и я жив доселе. Брат мой, вот что случилось со мною, грешным юродом, в это страшное время, но ты помни свою клятву и никому не поведай о том ранее моей смерти». Сказавши это, блаженный Прокопий поспешно вышел из дому Симеона и возвратился на соборную паперть, чтобы продолжать свои подвиги непрестанной молитвы к Богу и юродства перед людьми.

Прибывши в Устюг еще в лучшей поре своего возраста, блаженный Прокопий достиг глубокой старости и давно уже покрыт был сединою. Но по-прежнему он был бодр духом и с юношеским жаром продолжал свои изумительные подвиги, так что никому из граждан и на мысль не приходило, что великий подвижник доживает уже последние дни свои и что скоро они должны будут расстаться с ним. Однажды, когда праведник ночью молился на паперти, явился ему ангел Божий и возвестил о скором окончании его подвига, об отшествии его к Богу, назначив и самый день его кончины. С величайшей радостью услышал о том Прокопий и еще более предался подвигам самой пламенной молитвы. В течение нескольких дней он не отходил от храма Пресвятой Богородицы, готовясь к своему исходу. На 8-е июля ночью вышел он, наконец, из соборной паперти и направился к обители покойного друга своего Киприана. Там, пред святыми воротами праведный Прокопий встает на колена и в последний раз возносит пламенную молитву к Богу, благодаря Его за все благодеяния, которыми Господь наградил его в жизни от первых дней юности до старости, призвав его от мрака заблуждения к свету истины и из страны далекой приведши в богоспасаемый град Устюг, под кров дома Пресвятой Богородицы. Праведник мысленно прошел в молитве всю свою жизнь, за все прославлял и благодарил Бога. Отошедши от святых ворот на конец моста, Прокопий возлег тут и, оградив себя крестным знамением, сложил крестообразно руки на груди и с молитвою испустил дух. Как бы для того, чтобы святое и многострадальное тело его не осталось без покрова, в ту же ночь, несмотря на летнюю пору, выпал снег и покрыл землю на две четверти, а над мощами блаженного Прокопия снежною бурей наваяло сугроб в две сажени вышины. Изумились устюжане, вставши поутру и видя дома и улицы города, покрытые снегом. Погибли, думали они, весь хлеб и овощи, но настал жаркий, солнечный день, и к вечеру снег растаял, не повредив растительности. Между тем соборные священнослужители заметили, что против постоянного обычая, какого блаженный держался в течение многих десятков

мионас...
снега, м...
служил ему покровом и все еще не растаял,
тогда как в других местах везде было уже сухо. С благоговени-
ем и слезами священнослужители подняли тело блаженного
трудника и всем собором, с пением псалмов, свечами и фи-
миамом, на плечах своих перенесли его в соборную церковь
и оставили там до того, пока все граждане не соберутся на
погребение. На том месте, где было обречено тело его, в па-
мять события подрузили деревянный крест, а потом, по вре-
мени, заменили его каменным и построили часовню.

Сошелся весь народ великого Устюга с женами и детьми
в соборную церковь Божию Матери, и началось надгроб-
ное пение, среди всеобщего плача и рыдания. Со слезами
благодарности вспоминали граждане отеческие заботы юро-
дливов о их спасении, его предсказания и проповедь пред
нашествием гнева Божия, чудное избавление города от ог-
ненной тучи и многие другие знамения, бывшие от блажен-
ного. Многие неутешно плакали и скорбели о том, что, по
своему невежеству и грубости, считали его безумным, смея-
лись и скорбляли его. По окончании надгробного пения
тело блаженного с великою честью отнесено было на берег
реки Свены, на то место, где он любил сидеть на камне и
молиться, плавающих по реке и где просил похоронить его.
Там и положили тело его земле, а камень положили на его
могилу. Учтено на нем год, месяц и число его кончины.
Это было 1303 года.

Крест, воздвигнутый на месте кончины блаженного Про-
копия, был вытесан из белого камня, шириною в 1/2 арши-
на, высотой в три четверти. В 1737 г. при строении камен-
ной оградой вокруг Архангельского монастыря, архимандритом
и настоятелем часовни была сломана и крест перенесен
во Владычную церковь и поставлен в трапезе, на правой

стороне. В 1814г. архимандрит Иустин близ ограды, против того места, где была прежде часовня, построил новую, каменную, и в ней поставил образ праведного Прокопия. (Вологод. губерн. вед. 1847. № 9)

По наружному виду праведный Прокопий был средовек (средовек – имеющий впалые виски или щеки ⁵⁶ С. 654), волосы на голове у него были русы, борода Космина, рубище дико-багряное с правого плеча спустилось, в левой руке у него три кочерги, сапоги разодранные, без подошв, колена голые, каковым он большею частью и изображается на иконах и каковым, вероятно, прибыл в Устюг. По другим, позднейшим подлинникам, он стар и сед.

Устюжане, не умевшие понять и оценить человека Божия при жизни, не умели сохранить и передать потомству подробностей чудного его жития, хотя он прожил в их городе более полувека и был известен каждому. «Многострадальное же житие того и прозорливство не бе предано писанию исперва, по токмо повествованиями сказовашеся от древних последним», - говорит святой Димитрий Ростовский. (См. Четью-Минею за 8-е июля) Уже много лет спустя после блаженной кончины праведника, когда множество полученных от него чудесных исцелений побудило устюжан построить над могилою его храм в его имя и установить день празднования его памяти, они собрали и записали о житии блаженного Прокопия то, что еще сохранилось в преданиях народа и рассказах отцов и дедов, - из многого малое. То же самое надобно сказать и о благодатных чудесах и исцелениях, происходивших от гроба праведного Прокопия, тем более, что многие из них не только не были никем записаны, но даже и не приведены в известность по простоте получивших, не считавших того и нужным. Их стали записывать уже тогда, когда была построена церковь во имя праведного Прокопия, и первым из них поставлено то, которое послужило побуждением к ее построению.

Прошло более 150 лет после кончины блаженного Прокопия, а место его погребения оставалось ничем не огражденным, кроме одного лежавшего на нем камня. Поскорбел

душою об этом один нищий, пришедшей из Москвы, по имени Иоанн, и в 1458 г. построил над могилою блаженного Прокопия небольшую деревянную часовню и поставил в ней его образ. «Но великия соборныя церкви Пресвятыя Богородицы иереом и диаконом вниде в сердце лукавый помысл, и не восхотеша они того видети и слышати и память сотворяти блаженному Прокопию и того предреченнаго мужа Иоанна от тое поставленные часовни отгнаша и часовню блаженнаго Прокопия сломаша и врознь разметаша». (Древняя рукописная книга о житии и чудесах Прокопия.) В 1471 г. по повелению великого князя Иоанна III со всех сторон собирались ратники для похода на Казань, между прочим, и из Устюга. Устюжский отряд, долгое время стоявший заставою в Нижнем Новгороде, подвергся тяжкой, повальной болезни «трясавице и чревной». Во время этого бедствия многим из них начал являться блаженный Прокопий во сне и внушать: «Положите вы на сердце своем обет, еже бы вам поставити на Устюге великом церковь во имя святого праведного Прокопия, Христа ради юродивого, и болезни избудете». Это было началом его прославления, ибо все те, которые поверили видениям и положили обет построить церковь, вскоре выздоровели и благополучно возвратились на родину, а которые явления святого сочли сонною мечтою и не поверили - умерли от болезни. Спасшиеся столь чудесно от неминуемой смерти ратники по возвращении в Устюг действительно построили церковь, но не в его имя, а в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба и великомученика Георгия. Когда эта церковь, как бы в наказание за преслушание повеления праведного Прокопия, 1 августа 1490 г. сгорела от молнии, тогда устюжане, в другой раз ходившие для защиты Нижнего от татар, при возвращении домой нарубили на берегу Сухоны лесу, приплыли на нем в Устюг и в 1495 г. построили из него новую церковь уже во имя праведнаго Прокопия (на 192 году после его преставления). Достойно внимания то, что еще прежде того времени уже начертан был образ этой будущей церкви на том самом камне, на котором блаженный Прокопий любил сидеть при жизни

и который находился на его могиле. Тогда же устроили в церкви и гробницу над местом погребения его и написали на ней его изображение, украсив ее драгоценными паволоками (1. шелковая или бумажная ткань. 2. покров, пелена), а 8-го июля стали торжественно совершать его память. С этого времени чаще стали являться исцеления и чудеса от его гроба. Первое исцеление из числа записанных совершилось над устюжским гражданином Григорием, который страдал огневицей. Будучи в совершенном расслаблении, просил, чтобы его отнесли ко гробу чудотворца. В малой ладье привезли его к церкви, и, когда отпели молебен и приложили его к раке угодника, то больной тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым и без помощи других возвратился домой.

Окольничий великого князя Иоанна III - Владимир, заведовавший делами Устюга, был тяжело болен, все тело его было покрыто язвами, и никакие лекарства ему не помогали. Один из устюжских граждан, явившись к боярину по делам в Москву и видя его в крайнем изнеможении, сказал ему: «Не прогневайся на нас, честный боярин, мы хотим указать тебе доброго врача, который может исцелить тебя от твоей тяжелой болезни. Был у нас на Устюге за много лет пред сим юродивый Прокопий, в его имя ныне у собора на площади есть церковь, и от мощей его во множестве получают разные исцеления». Услышав об устюжском чудотворце, боярин послал в Устюг нарочного отслужить молебен праведному Прокопию о своем выздоровлении и, как только посланный возвратился и вошел в комнату больного с освященной водою и с иконою праведного Прокопия, больной тотчас поднялся с одра болезни, а выслушав молебен пред иконою, стал совсем здоров.

У боярина Михаила Семеновича Воронцова, управлявшего Великоустюжскою областью, внезапно занемог любимый слуга Пантелеймон столь тяжелою болезнью, как будто все телесные составы были у него сломаны. Когда родные, уже отчаявшиеся в его жизни, сидели однажды около его постели, они, к удивлению своему, заметили, что больной не узнает никого, а между тем все как будто с кем-то разговаривает.

Еще больше изумились они, когда больной вдруг, как бы проснувшись от сна, громко воскликнул: «О чудный и блаженный Прокопий, помоги мне грешному рабу твоему!» Пришедши в сознание, больной рассказал родным свое видение. «Братья, я видел блаженного Прокопия, который, приблизившись к моей постели, сказал мне: «Брат Пантелеймон, подойди ко мне и скажи хоть одно слово, я вижу, что ты крепко болен». Я отвечал ему: «Ей, господин мой блаженный, изнемогаю и страдаю я сильно». Позади блаженного стоял пресвитер в ризах и держал в правой руке крест, а в левой - чашу со святой водой. Явившийся святой велел мне встать с одра и, взявши меня за руку, поднял, а пресвитеру приказал оселить меня честным крестом и покропить святою водою, после чего сказал мне: «Отселе будешь здоров и не будь не верен, но верен». И так молю вас, братья, отнесите меня к гробу чудотворца, где хочу исполнить обет свой». Обрадовался боярин и немедленно велел нести отрока своего в церковь праведного Прокопия. Здесь, когда отпели молебен угоднику, больной получил исцеление и в служившем священнике узнал того, который являлся ему вместе со святым Прокопием.

В ряду чудес праведного Прокопия особенно замечательное следующее. У великоустюжского наместника, боярина Семена Борисовича, был служитель, которого он весьма любил. Этот, надеясь на расположение к себе боярина, творил устюжанам очень много зла и разных пакостей. Худой христианин, он умер не по-христиански, не удостоившись исповеди и причастия святых Таин. Боярин велел похоронить любимого своего служителя близ собора и построить над его могилой палатку. Воля боярина была исполнена, но в ту же ночь палатка была разметана. Боярин приказал построить новую палатку, но и та в следующую ночь была так же разметана. Тогда боярин рассердился, думая, что это делается кем-то по неудовольствию на него, и только слова одного из граждан утишили его гнев. «Успокойся, - сказал он боярину, - и не гневайся ни на кого напрасно, честный боярин... Никто из живых людей не трогал палатки и не имел намерения оскорбить тебя. Но я слышал от прадедов моих, что

тут лежит праведный Прокопий, Христа ради юродивый». Боярин понял правду, велел перенести тело служителя в другое место и со слезами помолился: «Прости меня, блаженный Прокопий, грешного и неразумного раба твоего, что осмелился положить вблизи святых твоих мощей нечистого слугу своего».

В малолетство царя Иоанна IV казанские татары нередко делали набеги на восточные и северные области России. Один раз они дошли до Устюга, все предавая огню и мечу, и в числе других пленных захватили одну бедную женщину Соломонию. Много лет томилась она в Казани, в тяжелой неволе, постоянно думая о своей далекой родине. Перебравши в уме все средства к своему освобождению и находя их или недостаточными, или недоступными для себя, она вспомнила о праведном Прокопии и, осенив себя крестным знаменем, начала молиться и призывать его к себе на помощь. «Если вынесет меня Бог из татар на Русь, - говорила она, - и дойду я до Устюга и увижу своими очами чудотворный гроб блаженного Прокопия, то положу покров на гробницу его, сколько силы моей будет». Давши такой обет, Соломония почувствовала в себе необыкновенную решимость, немедленно отправляется из Казани и, не будучи никем из встречавшихся ей на пути ни спрошена, ни остановлена, благополучно достигает русских пределов. По возвращении на родину она исполнила свой обет и рассказала клиру и народу о своем чудесном избавлении от плена.

Домитиан, священник устюжского собора, имевший великое усердие и веру к праведному Прокопию, впал однажды в столь тяжкую и сильную болезнь огневицы, что лежал как бездыханный. Домашние же, отчаявшись в его выздоровлении, плакали по нем, как по умершем. Раз ночью, когда больной находился один в комнате, ему является святолепный муж и, подошедши к его постели, говорит: «Вижу, что ты сильно болеешь». - «Изнемогаю и приближаюсь к смерти, - отвечал ему священник, - никогда не приключалось со мною такой тяжелой болезни». Тогда явившийся сказал: «Вот я пришел к тебе ради прежнего добродетельного жития твоего и усердия ко мне. Хочешь ли, я одену тебя

своею одеждою? - снявши с больного одежду, положил ее у его ног, а на него надел принесенную им новую одежду и сказал: Отселе будешь здоров». Больной спросил: «Кто ты, скажи мне твое имя? Вижу, что ты человек сильный и так трудишься ради меня грешного!» - «Я раб Божий Прокопий Устюжский и послан к тебе на помощь от Господа, отселе прощает тебя Господь». Сказавши это, явившийся стал невидимым, а больной почувствовал себя совершенно здоровым, тотчас же встал с одра, благодаря Бога и прославляя своего исцелителя.

При державе царя Иоанна IV, при митрополите Макарии и Ростовском архиепископе Никандре, в 1548 г. в устюжских пределах, в обители страстотерпцев Бориса и Глеба, в городе Выборе, случилось следующее чудо. Много лет в тамошней церкви находилась икона преподобного Варлаама и праведного Прокопия и от времени пришла в ветхость. В день памяти Прокопия ее вынесли из церкви и поставили на торгу для народного чествования. Один убогий из Усоли (Сольвычегодска) Иоанн четыре года лежал в больнице Богарадной избы, мало видя, тяжело слыша и едва говоря языком. Ради милостыни он иногда сам ползал на локтях и коленях, иногда другие возили его на санках. Услышав, что граждане хотят плыть в Устюг, он просил их взять его с собою ко гробу святого Прокопия, но никто не согласился. Оставленный на берегу, он дополз до торгу и усердно стал молиться пред иконою святого Прокопия, стонал сердцем и плакал, призывая умом на помощь угодника. И призываемый явился, дважды сотворил над ним крестное знамение, взял его за руку и сказал: «Вот тебе здоровье! Иди, целуй мой лик на иконе и будешь здоров». Святой Прокопий стал невидим, а Иоанн почувствовал в себе укрепление сил, поднялся с помощью двух посохов и подошел поцеловать икону. Изумился народ, видя Иоанна ходящим, и, обступив его, спрашивал, как он исцелился. Это было в субботу вечером накануне памяти святого Прокопия. На другой день, по просьбе правителя города, которому было донесено о чуде, Борисоглебский игумен отслужил всенародный молебен угоднику на месте события, а по совершении молебна сам при народе расспрашивал Иоанна о его исцелении.

Московский собор 1547 г. причислил праведного Прокопия к лику святых и установил празднование 8 июля. Стихиры и канон ему составлены еще при Иоанне III, когда в Устюге начали праздновать его память. В Устюге и его окрестностях пред днем памяти святого Прокопия многие благочестивые люди и доныне соблюдают недельный пост. Мощи его почивают под спудом в каменном его имени соборном храме, за левым клиросом, близ северной стены.

Нынешняя гробница, устроенная в 1833 г., вызолочена по полименту и состоит из 4-х мраморных досок с позолоченными надписями. На гробнице находится образ святого Прокопия, украшенный серебряно-вызолоченною ризою и жемчужною гривною (ожерелье, или цепь, которую носили на шее). Гробница осежена резным золоченым балдахином на столпах. При входе в собор у южных дверей положен на пьедестале камень овальной фигуры, привезенный 1 ноября 1638 г. из Котловальской волости из числа выпавших в 1290 г. Икона Благовещения Божией Матери, источившая миро в 1290 г., с 1567 г. перенесена в Москву и находится ныне в Успенском соборе по правую сторону Царских Врат. В 1818 г. усердием устюжских граждан сделана на нее тяжелая серебряная, позолоченная риза.

Тропарь, глас 4

В терпѣнии твоѣмъ ѡт Бога мзду дарованнѣи пророчества приѣхъ еси, блаженне, молитвами, вѣдѣниемъ и пощеніемъ тѣло свое изнуривъ, душу же возвысивъ на Небесахъ, Царя всѣхъ Христа Бога славы зрѣти сподобися и неувядаемымъ венцемъ увязѣся. Емуже съ лики святыхъ предстоя, за люди своя молѣние предлагая, тепле проливая слез источникъ, избавилъ еси градъ Великій Устюгъ и люди своя ѡт труса страшнаго, и огня, и напрасныя смерти. Темже и мы къ честней раце твоей припадающе, вопиѣмъ ти: о Прокопие чудотворче, ходатай намъ буди ко Господу во дни нашедшихъ печалей, рабомъ твоимъ, и молися, да спасетъ душа наша.

Тропарь, глас 4

Просветився Божественною благодатию
всегомудре, и весь разум и сердце от
суетнаго мира, к Зиждителю неуклонно
возложил еси, целомудрием и многим терпением,
во временней жизни течение добре скончав, и
веру соблюл еси непорочно; тем же и по смерти
явился светлость жития твоего, источаеши во
чудесем источник неисчерпаемый, верою
притекающим ко святому ти гробу, Прокопне
всеблаженне, моли Христа Бога да спасет
душа наша.

Кондак, глас 4

Христа ради юродством воздушная
мытарства, на руках ангельских
неприкосновенно прешед, царскаго достигл
еси престола, и от Царя всех Христа Бога дар
принем благодать исцеления; и многими чудесы
своими, и знамением страшным, удивил еси град
твой Великий Устюг; и миро от честнаго образа
Пречистой Богородицы молитвою изведе, и
людям своим милость испроси, и недужным
подаде цельбы; тем же молим тя чудоточе
Прокопне, моли Христа Бога непрестанно, подати
грехов наших прощение.

СВЯДЕНИЯ

о преподобных отцах наших

Ифанасии и Феодосии Череповецких⁸

*Память их празднуется месяца июля в 5-й день,
месяца сентября в 25-й день и месяца ноября в 26-й день*

† 1392

ченики преподобного Серия Радонежского чудотворца, отшельники - Афанасий, по прозванию Железный Посох, и Феодосий поселились в Новгородском краю на Череповском урочище, в весьма красивой местности, при впадении речки Ягорбы в реку Шексну, среди непроходимых дремучих лесов. Там поставили они церковь в честь Святой Троицы и устроили Воскресенский Череповский монастырь, который был разорен до основания во время нашествия Литвы, а потому не сохранилось сведений о блаженных его основателях, кроме одной надписи на вкладной книге 1568 г.: «Сия книга святой обители Воскресения Христова и Живоначальной Троицы и начальников преподобных отец наших Феодосия и Афанасия». Обитель упразднена в 1764 г., а монастырская слобода и ближнее село Феодосьево в 1780 г. обращены в уездный город Череповец. В соборном храме погребены преподобные Афанасий и Феодосий. Память их 25 сентября (Строев, «Списки Иерархов», стр. 83. Рассказы из Ист. Р. Ц., стр. 200).

Тропарь и Кондак общин.

См. стр. 766

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Галкин А.

Наследие Череповецкого монастыря
// София⁵⁰. Новгород. 1998. № 3. С. 32-35.

Уездный город Новгородской губернии Череповец (ныне - крупнейший город Вологодской области), так же как Кириллов и Тихвин, возник из подмонастырского поселения. В годы, близкие явлению Тихвинской иконы Богоматери (1383) и основанию Кирилло-Белозерского монастыря (1397), здесь, на высоком мысу Шексны, при впадении в нее речки Ягорбы, начал строиться мужской монастырь. Окрестные места были известны как «Череповесь». По одной из версий, основа этого топонима восходит к слову «череп» в значении «возвышенного места». Так что подобный холм близ Иерусалима, Голгофа, возможно, одноименен Череповцу.

Череповецкий монастырь Воскресения Христова и Живоначальной Троицы и святых чудотворцев Сергия и Никона Радонежских состоял в ведении митрополитов Московских, а с учреждением в 1589 г. на Руси Патриаршества входил в Патриаршую область. Имена его основателей - «начальников святых обители сея преподобных отцов наших Феодосия и Афанасия» - донесла лишь надпись на чудом пережившей века вкладной книге 1567 г. Сам монастырь около 1610 г. разграбили и сожгли поляки: братия с настоятелем архимандритом Моисеем претерпела мученическую смерть. О прошлом монастыря до XVII века известно совсем немного.

Наиболее подробный очерк монастырской истории опубликован на страницах «Истории Российской иерархии». Собиратель этого 6-ти томного труда, архимандрит (впоследствии - епископ) Амвросий, в миру Андрей Антипович Орнатский (1778 - 1827), был уроженцем Череповского уезда, чем и объясняется его интерес к старейшей обители родного края. По убеждению автора очерка, «почти за достоверное полагать можно», что основатели монастыря «на Череповси» пришли на берега Шексны из Троице-Сергиевской обители. Древнейшее упоминание Воскресенского монастыря донесла до нас грамота 1449 г. Хотя о жизни преподобных Феодосия и Афанасия ничего неизвестно, череповецкие краеведы единодушно относят их к числу учеников святого Сергия, игумена Радонежского († 1392). Память их местно чтится 25 сентября старого стиля, в день преставления святого Сергия. Имя преподобного Феодосия Череповецкого получило ближайшее к монастырю село Феодосьевское, или Федосьево.

После разоренья Смутного времени в обители осталась одна Троицкая церковь с Сергиевским приделом - Воскресенский храм погиб в огне. К середине XVII века монастырский ансамбль включал уже три деревянных церкви - шатровую соборную Воскресенскую, Троицкую с трапезной и надвратную Покровскую; на колокольне имелись боевые часы. Большие строительные работы велись в монастыре в XVIII столетии. В 1713 г. его постройки сгорели «без остатка» от молнии. Несмотря на военное время, был дан указ о строении монастыря, в котором к 1725 г. подвизались настоятель в сане игумена и 25 монашествующих. А в 1732 г. братия даже выхлопотала разрешение строить церковь в камне, но поставлена была лишь одноглавая деревянная.

Каменное строительство в Череповецком монастыре началось в Елизаветинское время. Храмозданную грамоту подписал 10 января 1752 г. епископ Вологодский и Белозерский Пимен (Савелов; † 25 мая 1753). Настоятелем монастыря был тогда игумен Иларион, назначенный из иеромонахов Савво-Сторожевского монастыря. Отец Иларион оказался распорядительным хозяином: главный алтарь обширного трехпрестольного Воскресенского собора был освящен уже 28 января 1756 г., боковые - в конце сентября того же года.

С постройкой каменного собора в Череповецком монастыре ненадолго стало 4 храма: деревянная Воскресенская церковь была переосвящена во имя Вознесения Господня. В 1757 г., на «осеннего Богослова», сгорели все три деревянных храма, монастырская колокольня и часть ограды. Но и на сей раз монастырь отстроился вновь. Более того, теплую церковь возводили в камне: нижний ее храм во имя святого Сергия Радонежского был освящен 24 сентября 1761 г., накануне памяти преставления преподобного. Годом ранее, в самый Сергиев день, освящали деревянную Покровскую церковь над святыми воротами обители.

15 марта 1763 г. игуменом восставшего из пепла Воскресенского монастыря был назначен казначей Феранонтова монастыря о. Михаил. Вероятно, он и помыслить не мог, что через полтора года ему и братии придется оставить обитель в связи с ее упразднением... Вступившая на престол летом 1762 г. Екатерина II решительно провела давно готовившуюся секуляризацию монастырских вотчин. При этом часть доходов от конфискуемых имений государство передавало на содержание самих монашествующих, остальные суммы должны были идти на народное просвещение и общественную благотворительность. Число же действующих монастырей сократилось более чем вдвое: одним из 569 упраздненных в 1764 г. монастырей оказался и Воскресенский Череповецкий.

Храмы закрытого монастыря «на Череповси» сделались приходскими для немногочисленных жителей бывшей подмонастырской слободы.

Вслед за секуляризацией государство приступило к завершению административной реформы. Ряд слобод и сел Новгородской губернии получил статус городов. Так, горожанами стали недавние монастырские крестьяне Тихвина, Кириллова, Валдая (ранее - село Богородицыно). Указом от 4 ноября 1777 г. в город Череповец были преобразованы село Федосьево и подмонастырская слобода «на Череповси». Воскресенский храм получает статус городского собора с настоятелем в сане протоиерея, поскольку в 1780 г. Череповец стал уездным центром Новгородской губернии. Первоначально уезд именовался Череповским, но в XIX веке постепенно закрепилось его новое написание - Череповецкий. Воскресенский же собор и в начале XX века официально назывался «Череповским».

Епархиальные границы при Екатерине II также претерпели большие изменения: они приводятся в соответствие с новыми границами губерний. В 1788 г. епархиальный титул «Вологодский и Белозерский» был заменен на «Вологодский и Великоустюжский»: Белозерский, Кирилловский и Череповецкий уезды перешли под омофор Новгородских митрополитов.

Постепенно соборный ансамбль Череповца дополнился и утратил облик заброшенного монастыря: В 1781 г. была достроена теплая церковь, и ее верхний храм освящается в честь Святой Троицы. В 1792 г. при Троицком храме сооружается каменная колокольня. Разбирается деревянная монастырская ограда, и в 1790 г. надвратная Покровская церковь, по резолюции митрополита Новгородского и С.-Петербургского Гавриила (Петрова), переносится на городское кладбище. К северу от соборов была распланирована обширная площадь, на которую выходил главный проспект Череповца - Воскресенский.

Череповец заметно оживился с открытием в 1808 г. Мариинской водной системы, по которой направлялся основной поток товаров с Волги в С.-Петербург. В 1824 г. город посетил император Александр I. 19 октября он слушал литургию в нижнем (Сергиевском) храме теплого собора. Череповецкий собор памятен тем, что 16 октября 1842 г. в нем крещен Василий Верецагин (1842 - 1904), будущий художник-баталист.

Первым протоиереем в Череповце служил Глеб Розанов. Он окончил Вологодскую семинарию и был назначен настоятелем Воскресенского собора весной 1780 г. На рубеже XVIII - XIX веков в соборном клире состоял иерей Лука Петров, большой книголюб.

Книги его собрания положили начало библиотеке собора. Некоторые из них уцелели до наших дней и хранятся в Череповецком краеведческом музее. О. Лука был первым историком Череповца. На основании документов монастырского архива он написал очерк о Череповецком монастыре, включенный в «Историю Российской иерархии». Богатая библиотека имелась и у соборного священника Алексея Образцова (впоследствии – протоиерей). На нескольких сохранившихся экземплярах его рукой написано «Владыком полагаю Череповецкой Воскресенский собор в числе церковных книг».

В 3-ей четверти XIX века соборный клир возглавлял протоиерей Георгий Федорович Вознесенский. В настоятельство о. Георгия значительно расширилась приходская благотворительность: при соборе была устроена богадельня.

Несмотря на отдаленность от Новгорода, Череповец изредка посещали епископы Старорусские. Был здесь и святитель Владимир (Богоявленский; впоследствии – священномученик митрополит Киевский): во время поездки по епархии в 1889 г. он находился в городе с 28 по 30 августа. С восстановлением в 1892 г. самостоятельности Новгородской епархии богослужения в Череповце стали совершать и правящие архиереи. Уже в 1894 г. в городе побывал архиепископ Феогност (Лебедев), не раз служил в Воскресенском соборе архиепископ Арсений (Стадницкий). Пройдет всего 10 лет, и митрополит Новгородский Арсений окажется узником изолятора ГПУ, а о. Иоанн Звездкин, лишившийся было должности и казенного жалования, станет первым обновленческим епископом Череповецким...

Злоключения духовенства Череповца после большевистского переворота начались уже с весны 1918 г. 15 марта был арестован настоятель Воскресенского собора, но паства добила его освобождения на другой же день. На докладе об этом епископ Тихвинский Алексей (Симанский) написал: «О. протоиерей Фарфоровский с истинно пастырскою ревностью несет свое трудное и ответственное служение. Молитвенно желаю ему не ослабевать в своей ревности, в уповании на помощь Христа-Пастыреначальника. Призываю Божие благословение и на прихожан собора, сумевших отстоять своего пастыря. В единении братской взаимной любви да увидят враги церкви ту силу, против которой бессильными окажутся все их ухищрения...».

После массовых репрессий духовенства 1937-38 гг. все храмы Череповецкого и окрестных районов были закрыты. «Победа над религией» в Череповце ознаменовалась в 1939 г. уничтожением

Троицкого собора, Благовещенской и соседней Иоанно-Богословской церквей. Воскресенский собор уцелел, но, лишенный куполов, потерял вид церковной постройки.

С сентября 1937 г. Череповец входит в Вологодскую область. К 1941 г. на всю область оставался один действующий храм - в Вологде, на кладбище, да и то лишь его нижний этаж. С 1943 г. а этой церкви служил протоиерей Иоанн Мальцев. 5 января 1945 г. в Ленинграде он постригся с именем Иустин и 8 января был посвящен во епископа Вологодского и Череповецкого. Однако за открытие храма в Череповце пришлось еще бороться почти два года: богослужения в Воскресенском соборе возобновились в самом конце 1946-го, на Николу «зимнего». В соборе установили иконостас, перенесенный из холодной церкви подгороднего села Носовского (малая, зимняя церковь этого села вновь стала действующей). Церковную жизнь в Череповце возрождал вызволненный из лагерей протоиерей Дмитрий Константинович Белой, выпускник Вологодской семинарии 1896 г. В 1950 г. о. Дмитрий отметил золотой юбилей священства. Скончался он 16 октября 1954 г.

Еще при жизни о. Дмитрия Белова Череповец превратился в центр черной металлургии, и его население многократно умножилось. Новое строительство шло в стороне от кварталов уездного города: в те годы погибло лишь старинное кладбище с надгробиями многих поколений. В середине 70-х в Череповец был спущен план «реконструкции», по которому место Воскресенского собора должен был занять драматический театр. За сохранение собора - колыбели города - активно выступила широкая общественность. Принципиальную позицию занял и епископ Вологодский и Великоустюжский Дамаскин (Бодрый), заявлявший, что без обретения и перенесения мощей преподобных Афанасия и Феодосия община не может оставить собор. В итоге, вместо сноса Воскресенского собора, пришлось готовить проект его реставрации.

Тысячелетие Крещения Руси Череповецкий собор встретил во всей красе, снова увенчанным сияющими стройными главами. Шесть веков «на Череповси» славят воскресшего Господа. Но если раньше на молитву здесь собиралась горстка монахов, то теперь Воскресенский собор служит городу с населением более 300 тысяч человек.

СВѢДЕНІЯ

о преподобном отце нашем

Кириаке ⁸

Память его празднуется месяца апреля в 28-й день

† 1402

снователь бывшего Сыринского, или Сыльинского, Каргопольского Успенского монастыря. Память его 28 апреля. Мощи почивают под спудом в Успенской церкви.

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 8

тебѣ ѡтче Кириа́ко, извѣстен вѣсть спасѣнія ѡбраз. Воспри́имъ бо крѣстъ послѣдовалъ еси́ Христу́. Творя́ше же и́ учаше́, еже презрѣти плоть, преходитъ бо, прилежа́ти же о́ души́ вещи́ вѣзмѣртней. Тѣмъ же и со а́нгелы ра́дуется преподо́бне́ ду́хъ тво́й.

КОНДАКЪ, ГЛАГОЛ 2

истотою́ ду́шевною́ Божѣствено́ вооружився́, и непреста́нныя моли́твы, я́ко копие́ вручи́въ крѣ́пко, пробо́л еси́ вѣсѡ́вская́ ополче́ния, Кириа́ко, ѡтче́ на́ш, моли́ непреста́нно о́ всѣ́хъ на́с.

СВЯТЫХ

о преподобном отце нашем

Евфимии Архангельской ²

чудотворце

Память его празднуется месяца апреля в 18-й день

† 1435

СВЯТЫХ

о преподобных отцах наших

Антонии и Феликсе Карельских ^{2, 55}

Память их празднуется месяца апреля в 18-й день

† 1418

СВЯТЫХ АНТОНИЙ, ФЕЛИКСЪ КОРЕЛЬСКИХ:

Преподобный Евфимий был основателем Корельского Николаевского монастыря на Корельском берегу, недалеко от Белого моря. Это было около 1410 г. Но едва усердный труженик успел построить храм святителя и несколько келий, как в 1419 г.

норвежцы напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили нескольких иноков. Надлежало вновь устроить обитель, и преподобный Евфимий принялся за святое дело. Между тем сыновья Марфы Посадницы, владевшей на Севере огромными пространствами земли, осматривая имения свои, утонули в устье Двины. Пораженная потерей их, Марфа предоставила преподобному Евфимию богатые средства для устройства обители. По летописи, Марфа называется женою Исаака Борецкого. В грамоте своей монастырю пишет она: «Вот я, раба Божия Марфа, написала при жизни сие рукописание, поставив храм св. Николая в Корельском, над гробами детей мои, Антония и Феликса; я дала в дом св. Николая покупку мужа моего Филиппа - село на острове Лавле да два села в Конечных... Приказываю дом св. Николая господину моему, деверю Феодору Григорьевичу, и его детям и зятю моему Ефрему Васильевичу». По грамоте видно, что Антоний и Феликс были сыновья первого мужа Марфы - Филиппа Васильевича. Поелику же Марфа была действующим лицом в событиях 1470 г., то легко понять, что построение Николаевской обители Марфою было уже после 1419 г. и что Феликс и Антоний окончили земное течение свое людьми молодыми. Феликс известен и по личной благотворительности своей, именно монастырю св. Михаила, что в 30 верстах от устья Двины, на Пур-Наволоке.

Блаженный Евфимий известен не только по трудам и заботам в построении зданий, нужных для обители, но, что гораздо важнее, сам, исполненный ревности к духовному совершенству, он просвещал дикий Корельский край светом Евангельской истины и возбуждал ревность к жизни, достойной созданного по образу Божию. В Поморском побережье, между Русскими колониями, жили тогда пять видов Финского племени, или, как называли их новгородцы, Корельских детей. Это были курольцы, ровкульцы, вымольцы, тиврульцы и валедоли, или валдолейской род. Эти корелы и лопари имели в Поморье свои отчины, земли, угодья и промыслы. Так видно по Соловецким грамотам. Какова была вера их? Об этом вот что говорит старинная Соловецкая повесть: «Древле быша сии вышереченные родове, яко зверие дивии, живущие в пустынях непроходимых...

Отнюдь Бога истинного единого и от Него посланного Иисуса Христа ни знати, ни разумети хотяху; но имже кто тогда чрево насытит, тогда оно и Бога си поставляше; аще иногда камнем зверя убивает, камень почитает, и аще палицею поразить ловимое, палицу боготворит, еже и ныне в Самоедах зловерие закаменелое обретается, еще и в Лопарех, обаче отчасти». Вот между какими людьми довелось жить преподобному Евфимию! Подвижник Божий, полный любви к людям и к истине небесной, просвещал заблудших и словом и жизнью своею. Он воспитал в учениках своих искреннюю ревность к святому подвижничеству. Кончина преподобного Евфимия последовала около 1435 г. По рукописным святцам, преподобный Евфимий – «Архангельский чудотворец». Мощи его, прославленные чудесами, открыты в 1647 г. Над гробами Антония и Феликса сперва стояла часовня, а с 1749 г. существует храм Сретения Господня.²

Почитание Антония и Феликса Карельских на Русском Севере, вследствие чудес от их гробниц, было велико, в XVII веке их именовали «новыми чудотворцами». Время местной канонизации Антония и Феликса Карельских неизвестно. Служба святым составлена, вероятно, в XVIII в. В иконописном подлиннике (XVII в.) под 28 мая отличена память Антония и Феликса Карельских: «У моря Окияна, святого Николы Чюдотворца, новых чюдотворцев, куплю деющих по морю, истопоша и Божиим изволением извержены на берег и погребена, и ту стала гора и монастырь по чудесем их».⁵⁵ (Андроник (Трубачев), игумен. С. 668)

Тропарь и Кондак общи.

С.м. стр. 766

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего, игумена

Ферапонта Можайского ³⁷

Память его празднуется месяца мая в 27-й день

† 1426

снователь Ферапонтова монастыря, преподобный Ферапонт родился в городе Волоколамске в семействе боярских детей Поскочиных и крещен был с именем Феодора. С ранних лет он отличался благочестием и пользовался общей любовью не только своих родных, но и всех соседей. Но мир не мог привязать к себе юного Феодора. Рано в его душу запало стремление бежать от житейской су-

еты под тихую сень монастырской обители. И вот однажды он тайно оставил родительский дом и пришел в Симонов монастырь близ Москвы, прося архимандрита и братию принять его в число иноков. Как бы по внушению свыше архимандрит не стал препятствовать желанию пришельца, и юный Феодор был пострижен в иночество с именем Ферапонта. Новоначальный инок был отдан под руководство опытного в духовной жизни старца и, находясь в полном послушании своему руководителю, преуспевал в подвигах иночества. Все свои помыслы и желания он открывал своему старцу и, таким образом, при помощи поста и молитвы с успехом отражал стрелы

врага. Скоро своею строгой жизнью, смирением и послушанием инок Ферапонт приобрел расположение всей братии. Недалек он был в грамоте, но этот недостаток книжной мудрости восполнялся его природным здравым умом и душевною добротою. «Аще бе святой и не хитр грамоте, но душевную доброту и ум здрав стяжа».

Эти качества доставили ему особое доверие архимандрита и братии, которые стали посылать его с разными поручениями по делам монастыря, для закупки припасов и т. п. Во многих местах пришлось побывать Ферапонту при исполнении подобных поручений монастырского начальства. Бывал он и в далекой стране Белозерской, которая представляла собою обширную пустыню, покрытую лесами, озерами и болотами. Любуясь на красоты дикой северной природы, преподобный Ферапонт не раз думал о том, как хорошо было бы уединиться здесь для совершенного безмолвия и служения Богу. И он обошел все Белоозеро, желая лучше познакомиться с местоположением понравившейся ему страны.

В это время вблизи Симонова монастыря жил старец Кирилл, известный впоследствии Белозерский чудотворец, заветной мыслью которого с давнего времени сделалось стремление к уединению и безмолвию. Ради этой мысли старец Кирилл оставил Симонов монастырь, где был архимандритом и поселился невдалеке от него в бывшей обители Рождества Богородицы (старый Симонов), но и тут не находила себе удовлетворения его жаждавшая новых подвигов душа. Усердно молился он Пресвятой Богородице, прося устроить его жизнь, и однажды во время молитвы было ему видение. В глубокую ночь перед отходом ко сну Кирилл по обыкновению читал акафист Божией Матери и, когда дошел до места: *«странное убо рождество видевшие, устранимся мира и ум на небо приложим»*, - то вдруг услышал голос: «Кирилл, иди отсюда на Белоозеро, там уготовано тебе место, где ты можешь спастись». Вместе с тем яркий свет заблистал в келии. Открыв оконце кельи, Кирилл увидел сияние на северной стороне неба по направлению к Белоозеру. Исполненный радости, Кирилл бодрствовал до утра, размышляя о чудном

видении, и эта знаменательная ночь была для него светлым днем.

Немного времени спустя после этого видения, посетил преподобного Кирилла Ферапонт, который был ему сверстником по летам и вместе с ним принял пострижение. «Есть ли, возлюбленный, места на Белоозере, где можно было бы безмолвствовать иноку?» - начал расспрашивать гостя преподобный Кирилл. «Весьма много там таких мест, отче», - отвечал преподобный Ферапонт на расспросы своего друга о знакомой ему Белозерской стране. Но ничего еще не сказал тогда преподобный Кирилл о бывшем ему чудесном указании свыше.

Вскоре оба друга согласились вместе оставить Симонов монастырь и идти на Белоозеро. Много дней были они в пути, прежде чем достигли этой новой обетованной Кириллу земли. Но вот они на Белоозере. Под руководством своего опытного спутника преподобный Кирилл осматривает места обширной Белозерской пустыни. Много мест обошли они. Ни одно не нравилось преподобному Кириллу: он ищет то место, которое предносилось его взору в чудном видении. Наконец путники пришли на один холм, с трех сторон окруженный озерами. Тотчас Кирилл узнал здесь место, указанное в видении, остановился и сказал: «Се покой мой в век века, здесь поселюсь, как изволила Пречистая. Благословен Господь Бог отныне и до века!»

Отшельники водрузили крест на этом месте и воспели благодарственный канон Богородице. Теперь только открыл преподобный Кирилл своему другу о бывшем ему в Симонове видении и таинственном голосе, повелевавшем идти на Белоозеро, на то именно место, которое они теперь нашли. Услышав это, преподобный Ферапонт не менее своего друга радовался о явленной здесь милости Божией. Снова прославили путники Бога и Пречистую Его Матерь и стали водворяться на избранном ими месте. Простой шалаш из ветвей служил им первоначальным убежищем, потом они выкопали пещеру в холме и начали проводить вместе подвижническую жизнь. Так было положено начало Кирилло-Белозерскому монастырю.

При взгляде на убогую землянку, приютившую двух отшельников, кто мог тогда подумать, что видит пред собой колыбель величайшего монастыря в России!

Но недолго жил здесь преподобный Ферапонт. Душа его жаждала новых подвигов и стремилась изведать полного безмолвия и уединения. Во время своих странствий по Белоозерской пустыни он уже наметил себе место, которое ему очень понравилось; туда теперь хотел он уединиться для своих подвигов. Он открывает о своем желании своему сподвижнику, с которым привык обо всем советоваться и просить у него совета. «Есть у меня, отче, одно желание, и не дает оно мне покоя; хочется мне идти на другое место и безмолвствовать отдельно». - «Если будет на то воля Господня, то можешь исполнить это желание, брат мой», - отвечал ему преподобный Кирилл. «Есть одно местечко, отче, - продолжал Ферапонт, - недалеко отсюда, верст 15 или немного больше. Там я хочу поселиться, если Богу будет угодно. Но Бога ради, прошу тебя, чтобы ты не обиделся на меня за то, что я разлучаюсь с тобою». - «Воля Божия да будет во всем, брат мой», - сказал ему на это преподобный Кирилл.

Друзья с любовью расстались, согласившись молиться друг о друге и по-прежнему обо всем советоваться между собой. Преподобный Кирилл остался на избранном им месте, а Ферапонт удалился от него на 15 верст к северо-востоку. Здесь он остановился на месте, которое уже прежде привлекло его внимание своей замечательной красотой. Оно находилось на возвышении между двух озер, лежавших одно выше другого на расстоянии полета стрелы, пущенной из лука. «И обрете место близ озера Паское зовомо, другое же озеро повыше того – Бородавское, промеж их яко же стрелы вержение или мало множае; весьма красно место то и угодно на жительство паче иных мест, и возлюби е блаженный зело». На этом-то прекрасном месте поселился преподобный Ферапонт, очевидно обладавшей душою чуткою к красотам природы. Он поставил здесь небольшую келью и, расчистив место вокруг, обнес его оградой. Вскоре он пришел к преподобному Кириллу и рассказал ему, где и как он поселился.

Преподобный Кирилл похвалил место, избранное Ферапонтом, и благословил его безмолвствовать там.

Ободренный советами и благословением почитаемого друга вернулся преподобный Ферапонт к своей одиноко стоявшей в глухом лесу кельеке и принялся за устройство своего местожительства. Многих трудов стоила ему борьба с суровой северной природой. Постепенно расчищал он место вокруг кельи, вырубая стоявший кругом непроходимый лес. Собирая хворост в одно место, он подготавливал землю к посеву, чтобы промыслить себе пропитание в этой скудной стране. Так в постоянных трудах и молитве проходила жизнь преподобного.

Страшна и неуютна была жизнь отшельника в глухом месте, много страху и беспокойств испытал преподобный и днем и ночью. В лесу жило много зверей, рев которых раздавался по ночам вокруг одинокой кельи. Но еще больше беспокойства причиняли преподобному разбойники, укрывавшиеся в лесах, где-то неподалеку от его обители. Много раз приходили они к святому, требовали от него имущества и грозили смертью, если он не уйдет отсюда. Преподобный терпеливо переносил эти нападки, пока наконец разбойники не оставили его в покое, видя, что у него нет ничего.

Но вот святой уже не один в своей пустыни. К нему начинают приходять люди, подобно ему искавшие уединения от мира и спасения души. Они умоляют преподобного Ферапонта позволить им остаться у него, чтобы спастись под его руководством. Преподобный не в силах отказать их просьбе, и вот рядом с его кельей возникают одна за другой кельи поселившихся с ним братьев. Число пришедших иноков постепенно возрастает: вот уже их 10, 15 и более. Новообразовавшейся общине иноков необходим храм для молитвенных собраний. По просьбе братии, Ферапонт, испросив совет и благословение святителя (Белоозеро относилось тогда к Ростовской епархии), приступает к постройке деревянной церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы и, устроив ее, снабжает необходимой утварью и книгами.

На первых порах не всегда было можно совершать литургию в новоустроенном храме, так как в числе братии не было ни одного иерея. Но вот пришел однажды в обитель священноиннок, и с радостью принял его Ферапонт, благодаря Бога за устройство своей обители.

Этим священноинноком совершено было и первое пострижение в новой обители. Первым постриженником ее был крестьянин ближней веси, который был пострижен с именем Григорий и, будучи искусным рыболовом, обильно снабжал братию рыбой.

Сам преподобный Ферапонт подавал братии пример неустанного труда. С топором и лопатой выходил он из своей кельи на работу и трудился целый день, а нередко случалось, что целые ночи он проводил без сна в молитве и подвигах. Словом и примером наставляя братию иноческому житию, он сам в свою очередь пользовался советами и наставлениями преподобного Кирилла, которого часто навещал из своей обители для духовной беседы. Поэтому порядки иноческой жизни, которые заводил в своей обители преподобный Ферапонт, были те самые, что заповеданы были в уставе преподобного Кирилла. «Един чин и начало имеют братия Кирилова монастыря и Ферапонтова». Все иноки должны были вкушать пищу только в трапезе и в урочное время. Исключение делалось только для больных и престарелых. В келиях ничего не позволялось держать, кроме икон, книг и орудий, необходимых для рукоделий. Житие рисует картину жизни иноков в Ферапонтове монастыре. Пребывание в церкви «на соборном пении» чередуется у них с посильным и разнообразным трудом всех и каждого на пользу общую. Одни пишут книги, другие учатся грамоте, третьи плетут сети, кто строит кельи, кто работает в поварне и хлебне. Житие замечает, что все делалось тогда руками самих иноков и не держали еще в монастыре «мирские чади» для исправления работ.

Между тем монастырь начинает приобретать известность. Из ближних и дальних городов начинают приходить сюда для пользы душевной не только простые люди, но и бояре. Многие посылают в новый монастырь милостыни «на церковное

устроение, свечи и воск, фимиам и братии в упокоение». Эти приношения христолюбцев способствуют благоустройству монастыря. Сюда начинают приходить из дальних стран и монастырей «певцы церковные и служебники всякого чина». Вокруг церкви возникают новые кельи «двоекровны и трикровны и великий покой бяше братии», замечает житие.

Радовался преподобный Ферапонт, видя процветание своей обители, и со свойственным ему смирением говорил братии: «Отцы и братия, не я оградил святое место сие, но Пречистая Богородица, Она направит нас на полезное и заступит от всех бед». По своему смирению он уклонился от игуменства в основанной им обители. Игуменом был избран другой старец, но житие не называет его по имени.

Дошел слух о возникновении новой обители и до князя Андрея Димитриевича Можайского, вотчиной которого была тогда Белозерская страна. Благочестивый князь весьма рад был устройству обители и его вотчине. Охотно предоставил он инокам пользоваться окружающей землей, озерами и реками. Послав в монастырь щедрую милостыню на церковное строение и монастырские нужды, он в особом послании просил преподобного Ферапонта и братию молиться о нем. Скоро князю Андрею представился случай ближе узнать преподобного Ферапонта. Однажды случилось быть в Ферапонтовой обители боярину, который был наместником князя на Белоозере. Боярин посетил преподобного Ферапонта и беседовал с ним. Кроткий и смиренный образ преподобного старца, его назидательные речи произвели глубокое впечатление на боярина. Вернувшись к князю, он сообщил ему о своем посещении Ферапонтовой обители и о том впечатлении, какое он вынес из беседы с преподобным старцем. Возблагодарил Бога благочестивый князь и еще более стал почитать преподобного Ферапонта.

Благотворя обители Кирилловой и Ферапонтовой, возникшим в далекой Белозерской вотчине, князь возымел благочестивое намерение устроить монастырь близ своего города. Стал он искать опытного инок, которому бы можно было поручить это дело. Долго не находил он способного

к этому делу инокa. Наконец после совещания с боярами, князь пришел к мысли, что никто другой не может лучше исполнить его план, как преподобный Ферапонт, успешно устроивший обитель на Белоозере.

Решившись вызвать к себе преподобного Ферапонта, князь прежде всего посылает в его обитель дары и щедрую милостыню, не сообщая пока преподобному о своем желании. Спустя немного времени, князь посылает к преподобному одного из своих служилых людей с посланием, в котором усердно приглашает старца к себе в Можайск, так как он, князь, хочет принять от него благословение и побеседовать наедине об одном важном деле.

Получив это послание, преподобный старец был немало смущен и не знал, что ответить посланному князя. Созвав к себе всю братию и сообщив ей о послании князя, он просил совета, как поступить ему в этом случае. Братия советовала ему исполнить желание князя, дабы не оскорбить его отказом, тем более что он благодетель монастыря, да и самый монастырь стоит на его земле.

«Воля Господня да будет о всем», - сказал преподобный, выслушав совет братии, и, призвав княжеского посланца, начал говорить ему: «Какое же дело может быть у великого князя до меня, нищего и худого чернеца? Мы чернецы должны молиться Богу за князей, а не шататься по миру на позор и осуждение мирским людям»... Посланный, упав на колени, умолял преподобного Ферапонта исполнить волю князя, говоря, что ему не велено возвращаться иначе, как в сопровождении преподобного. Уступил преподобный Ферапонт просьбам братии и посланца и, прослезившись, снова сказал: «Да будет воля Господня».

Через несколько дней преподобный Ферапонт собрался в путь. Отпев молебн Спасу и Пресвятой Богородице и наказав братии заботиться о церкви и обители, он отправился в Можайск в сопровождении княжеского посланника и одного из своих иноков. Не знал еще тогда преподобный, что ему не суждено более вернуться в свою обитель.

С великой честью встретил князь Андрей пришедшего к нему святого старца. «Бог да воздаст тебе, отче, за твою любовь к нам», - говорил обрадованный князь. Он почтил дорогого гостя трапезой и упокоил его в приготовленном ему помещении. Дав старцу отдохнуть с дороги, князь стал спрашивать его о своей Белозерской вотчине и об устройении там обителей Пресвятой Богородицы Кирилловой и Ферапонтовой. В беседе с преподобным Ферапонтом князь лично убедился в справедливости того, что ему приходилось слышать раньше о достоинствах святого старца. «Знаешь ли, отче, - сказал он старцу, - зачем я призвал тебя?» И в ответ на выраженное старцем недоумение, продолжал: «Есть у меня одно намерение, отче, и я открою его тебе, но молю твою святость, исполни то, о чем я тебя попрошу». - «Что могу сделать для тебя, государь, я, худой и грешный чернец», - со смирением возразил преподобный.

Тогда князь, посадив старца подле себя, начал просить его, чтобы он устроил обитель близ его города. Смиренный старец всячески старался отклонить от себя это поручение князя, ссылаясь на свое недостойнство и немощи. Он умолял князя отпустить его на Белоозеро в свой монастырь, чтобы закончить его устройство. Но князь уже решил не отпускать от себя так понравившегося ему старца. «Лучше для меня все потерять, нежели расстаться с тобою, отче, - сказал он преподобному, - а о монастыре своем ты не тужи. Забота о нем - на моей душе. Я и дети мои всегда будем иметь о нем попечение. Только ты останься с нами и исполни мое желание, устрой мне дом Пречистой». Все просьбы старца отпустить его на Белоозеро были напрасны. Чем больше преподобный отказывался от возлагаемого на него поручения, тем настойчивее упрашивал его князь. Наконец преподобный Ферапонт должен был подчиниться непреклонной воле властелина. Радовался князь, получив согласие преподобного, и вскоре предложил ему выбрать место для основания обители. Преподобный Ферапонт выбрал красивое место на берегу реки Москвы на расстоянии одной версты от Можайска. Пришел сюда и сам князь и похвалил выбор преподобного.

На этом месте при щедром содействии князя преподобный Ферапонт основал монастырь, получивший название Лужецкого - («в лужках») от лугов, раскинувшихся около него по берегам реки Москвы. Церковь в ней была построена во имя Рождества Пресвятой Богородицы, по совету преподобного Ферапонта, для которого новая обитель заменила собою монастырь, оставленный им на Белоозере. Благодаря заботам князя, успешно шло устройство новой обители. Скоро в ней был избран игумен, а потом учреждено архимандритство. Преподобный Ферапонт, как строитель монастыря, пользовался большим почетом у князя. Пребывая в постоянных трудах, он дожил до глубокой старости и скончался 27 мая 1426 г., годом раньше своего друга и собеседника, преподобного Кирилла Белозерского. В Лужецком монастыре доныне почивают его мощи.

По словам жития, преподобный Ферапонт до самой смерти не переставал печалиться об оставленной им на Белоозере обители и молился Богу «дабы не запустело место то и чин бы монастырский укрепился в нем по уставу святых отец». (О Ферапонтовом монастыре см. Житие Мартиниана Белозерского. — *Сост.*)

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 4

ИТНѢМ ЧИСТЫМ ПРОСВѢТІВСЯ, В МОЛІТВАХ
И ПОСТѢХ ПУСТЫНИ ЯВІЛСЯ ЕСІ ДѢВРОЕ
ПРОЗЯВѢНІЕ И, ДУХОВНОМУ ТВОЕМУ УЧИТЕЛЮ
ПОСЛѢДСТВУЯ, УМ СВОЙ К НЕБЕСНЫМ УПРАВЛЯ, СТАДУ
ТВОЕМУ НАСТАВНИК БЫЛ ЕСІ, ТѢМ ТЯ МОЛИМ,
ОТЧЕ ФЕРАПОНТЕ: МОЛИ ХРИСТА БОГА
СПАСІТСЯ ДУШАМ НАШИМ.

СВЕДЕНИЯ

о преподобном отце нашем

ЕВФИМИИ СЯНЖЕМСКОМ ¹

Память его празднуется месяца января в 20-й день

ок. 1470

Преподобный Евфимий подвизался первоначально в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере. О роде и происхождении преподобного, о времени его прибытия в монастырь и пострижения сведений до нас не дошло. Известно только, что он был уроженец вологодский, пробыл в монастыре в различных послушаниях довольно времени, но по любви к уединению вышел из него и поселился в пустыни близ устья реки Кушты, на восточном берегу Кубенского озера, в двух верстах от него. Здесь, окруженный со всех сторон непроходимыми болотами и чащей, он построил себе малую келию, в которой и подвизался в посте и молитве, не давая себе успокоения от труда. Через несколько времени пришел к нему инок Александр, пострижник Спасо-Каменного монастыря, оставивший, как и он, Каменный монастырь по любви к безмолвию и поселившийся было на реке Сянжеме. Преподобному Александру (преподобный Александр Куштский, память его 9 июня) понравилось место жительства Евфимиева, как совершенно безмолвное, и он стал просить его уступить ему свою келию, предлагая взамен оставленную им на Сянжеме. Преподобный Евфимий охотно согласился поменяться с преподобным Александром местом подвигов. Прощаясь, преподобный Евфимий оставил Александру в благословение свой крест, пошел на Сянжему и поселился там в келии преподобного Александра. Это место, где потом основан был преподобным Евфимием монастырь, находится в 74 верстах к северо-востоку от уездного города Кадникова, в 120 верстах от Вологды. Монастырь закрыт в 1764 г.

Вскоре пришел к Евфимию Харитон, чтобы разделять с ним иноческие подвиги. Были и другие, желавшие поселиться с Евфимием и Харитоном. А так как поблизости не было храма Божия и окрестные жители в нем нуждались, то Евфимий и решился построить церковь во имя Вознесения Господня, при ней устроить монастырь и вскоре исполнил это. До глубокой старости трудился преподобный Евфимий над устройством своей обители и, только предчувствуя приближение смерти, передал управление монастырем ученику своему Харитону, который состарился, во всем подражая ему. (Харитон Сянжемский скончался 11 апреля 1509 г.) Блаженная кончина преподобного Евфимия последовала около 1470 г. Мощи его почивают под спудом в приходской Вознесенской Евфимиевской церкви Кадниковского уезда, оставшейся на месте упраздненного монастыря. Местное празднование преподобному Евфимию началось, точно неизвестно когда, после 1549 г. и до учреждения Святейшего Синода.

Тропарь, глас 8

тебѣ отче Евфиміе, извѣстен бысть спасенія образъ. Воспріимъ во крѣстъ послѣдовалъ еси Христу. Творяше же и учае, еже презрѣти плоть, преходитъ во, прилежаѣти же о души вещи безсмертней. Темже и со ангелы радуется преподобне духъ твой.

Кондак, глас 2

истотою душевною Божественно вооружився, и непрестанныя молитвы, яко копие вручивъ крепко, проволъ еси весовская ополченія, Евфиміе, отче нашъ, моли непрестанно о всехъ насъ.

СВЯДЕНИЯ

о преподобном отце нашем

Антонии Краснохолмском ²

Память его празднуется в 3-ю Неделю по Пятидесятнице

† 1481

Преподобный Антоний, будучи иеромонахом, в 1461 году прибыл из Белозерской стороны в пустыню на левый берег реки Мологи, и здесь, недалеко от Красного холма и в 30 верстах от Бежецка, положил основание обители. Тогда в здешнем краю еще не было обителей. Преподобный Анто-

ний построил деревянный храм в честь святителя Николая. К нему собрались братия, и он ревностно учил их путям спасения примером жизни своей и наставлениями.

Набожный боярин Иван Нелединский, владелец тех мест, щедро доставлял средства для обители. На его иждивение преподобный Антоний построил каменный храм святителю и вскоре, по освящении его в 1481 г., мирно скончался. Мощи его почитают под спудом.

Тропарь и Кондак общег.

См. стр. 766

СВЯТЫХ

о преподобном отце нашем Евфросине Псковском⁹ чудотворце

Память его празднуется месяца мая в 15-й день

† 1481

Евфросин, преподобный, Псковский чудотворец, родился около 1386 г. в недалеком от Пскова погосте Виделебье от неизвестных, но благочестивых родителей и при крещении назван Елеазаром. С юных лет наученный чтению божественных книг Елеазар стремился душою к уединенной жизни, и, когда родители стали склонять его в брак, он скрылся от них в Святогорский монастырь и там постригся под именем Евфросина. Несколько времени провел здесь юный подвижник в трудах иноческих, и, влекомый жаждою уединения, он удалился с благословения настоятеля в непроходимое пустынное место, в 25 верстах от Пскова, на берег реки Толвы близ Псковского озера (1425 г.). Здесь было ему видение трех вселенских учителей, указавших место для сооружения храма во имя их, и вскоре после того пришел к нему на сожительство некий праведный инок, по имени Серапион. Когда же начали собираться к Евфросину подвижники, ищущие уединения, тогда он построил на указанном ему месте церковь во имя трех Святителей и келии для братии (1477 г.), но начальства на себя не принял, а управление поручил ученику своему Игнатию. Рукоположенный владыкою Новгородским Иоанном Игнатий сделался первым игуменом Елеазаровой обители и духовником ее основателя. Не изменяя подвижнического образа своей жизни, достиг преподобный Евфросин до маститой старости и кончил в мире дни свои 15 мая 1481 г., имея 95 лет от роду.

Еще при жизни Евфросина монастырь перенесен на гору, потом на прежнем месте устроено кладбище с церковью во имя преподобного. В новой обители построена каменная церковь во имя трех святителей, где и почивают под спудом мощи преподобного Евфросина. Впоследствии присоединен к сему храму придел Рождества Богородицы. По упразднении в 1766 г. Спасо-Великопустынского монастыря братство оного причислено к Елеазаровой обители и перенесена оттуда чудотворная икона Спасителя. С тех пор обитель стала называться Спасо-Елеазаровскою Великопустынскою. Из учеников преподобного Евфросина известны Савва Крыпецкий, преподобный Досифей и преподобный Иларион. Преподобный Евфросин причислен к лику святых на Московском соборе 1547 г. Праздновать память Евфросина положено в день его преставления 15 мая. Служба ему сочинена при архиепископе Новгородском Геннадии.

Евфросин написал для обители своей устав общежительный в 25 главах. В монастырской библиотеке остался только новый список устава. Древнейший находится в Новгородском Софийском и Московском патриаршем книгохранилищах; но духовное завещание поныне сохраняется в подлиннике со свинцовой печатью Новгородского архиепископа Феофила. Оно писано на пергаменте. Житие Евфросина описано двумя сочинителями; кто был первый и когда писал, неизвестно, и самое сочинение его до нас не дошло; на него ссылается только второй сочинитель, говоря о нем, что он писал никак и смутно. Второй жизнеописатель называет себя клириком Василием; он написал житие Евфросина по просьбе Елеазарова монастыря игумена Феодосия и братии.

Тропарь, глас 4
Изволѣніемъ божественнаго разума, вселѣся в
пустыню, и тамо впервъ умъ свой в
небесныя обители, и равно ангеломъ житіе
пожив на земли; в молитвахъ и трудѣхъ
и в пощениихъ, образъ быв своимъ ученикомъ;

отоню́дуже Бог ви́дев твоё благо́е изволе́ние,
умно́жи тебѣ ча́да в пу́стыни, слѣз твои́х туча́ми
напая́емей; но яко име́я дерзнове́ние к Бо́гу,
помина́й ста́до е́же собра́ мѹдре, и не забѹди
якоже обеща́ся посеща́я ча́д свои́х, Евфросі́не
преподо́вне о́тче на́ш.

Конда́къ, гла́голю 8

Божии́м светоли́тнем просвещѣ́н о́тче,
по́стническое стяжа́в жи́тельство
преподо́вне, ино́ком предобры́й
наста́вниче, и по́стником благо́е
украше́ние; сего́ ра́ди Госпо́дь тру́ды тво́я ви́дев,
да́ром чюдѣс обогати́ тя, источа́еши бо исцелѣ́ния;
те́мже ра́дующеся вопне́м ти́, ра́дуйся о́тче
Евфросі́не, ино́ком удо́брѣние.

СВЯТЫХ

о преподобном отце нашем

САВВЕ КРЫПЕЦКОМ, ПСКОВСКОМ ²

Память его празднуется месяца августа в 28-й день

† 1495

Слаженный Савва Крыпецкий сперва подвизался на Снетной горе в Богородичной обители, близ Пскова. Потом жил несколько времени на Толве у преподобного Евфросина. Наконец удалился он на совершенное безмолвие за 15 верст от Толвы, в пустынь Крыпецкую, бывшую тогда почти непроходимую. Здесь поселился он один на

холме, при небольшом озере, ныне уже заплывшем грязью. Вокруг были лес и мхи, где жили только медведи и другие дикие звери. Пищею отшельника были хлеб и вода, и то в меру, а в среду и пяток не вкушал он ничего; вместе с тем сам возделывал землю и питался своими трудами. В жизни отшельнической много терпел он нападений от духов нечистых, но побеждал их молитвою. Спустя несколько лет его отшельничества стали собираться к нему ревнители пустынной жизни; они упросили его учредить обитель. Был построен храм в честь Иоанна Богослова; но игуменства над обителью не принял на себя отшельник, а поручил управлять ею Кассиану.

По высокой жизни основателя обитель скоро получила известность. Управляющий Псковом князь Ярослав Васильевич Оболенский особенно часто посещал обитель Саввы и благотворил ей. Раз близился он к обители вместе с больною супругою. Савва послал сказать ему: «Старец, грешный Савва, говорит тебе, князе, не вступай в обитель с княгинею; у нас здесь такое правило — жены не должны входить в обитель; если преступишь отеческую заповедь, княгиня твоя не получит от Бога исцеления в своей болезни». Добрый князь просил прощения у старца, что по незнанию хотел нарушить устав. Савва вышел за ворота обители, там совершен был молебен братиею, после молебна княгиня у ног преподобного просила молитв его. Осеняя ее крестным знамением, он сказал: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами святого Иоанна Богослова буде здрава и к тому не согрешай». И княгиня исцелела. Благодарный князь приказал построить через мхи и болота мост к обители Саввы на 1400 саженьях длины, и этот мост поныне называется Ярославовым. По убеждению доброго князя Псков выдал в 1487 г. грамоту на землю для обители.

К строгому старцу приходили многие из Пскова для своего назидания. Посещавшим его мирянам он свободно предлагал врачевства против немощей того времени. Он учил их соблюдать чистоту, напоминая о суде Апостольском против сквернителей тела. Вельможам и судьям говорил, чтобы не кормились на счет бедных и соблюдали правду. Богатых увещевал, *«чтобы не высоко о себе думали и уповали не на богатство ненадежное, но на Бога живаго, дарующаго нам все обильно для наслаждения, чтобы они благодетельствовали, обогащались добрыми делами, были щедры и общительны»* (1 Тимоф. 6. 17.18). Часто напоминал он богатым и бедным уклоняться от ссор и вражды, вредных и для земного счастья, — сохранять любовь и мир и покрывать ошибки других снисхождением, дабы и нас простили.

И тогда, когда в обители Саввы собралось довольно братий и довольно средств, в келье Саввы не было ничего, кроме двух икон, мантии и рогожки, на которую он ложился для отдыха. Той же нищете обучал он и братию. В обители

введено им строгое общежитие, так что собственности ни у кого не было никакой. «Кто любит мир сей, в том нет любви Отчей», - говорил он словами откровения Божия. Он заведывал инокам своим возделывать землю своими руками, что сохранялось и сохраняется доныне в его обители. В другое время говорил он братьям: «К чему называем мы древних подвижников отцами своими, когда не живем их жизнью, как следует детям. Они, бездомные, нищие, проводили время в вертепах, в пустынях и для Господа со всею твердостью покоряли плоть свою духу, не знали покоя ни днем, ни ночью. Возлюбим, дети, благого Господа, - говорил он еще, - не звуками только и одеждою будем показывать любовь нашу к Нему, а делами: любовию друг к другу, слезами, постом, всяким воздержанием, как совершали это древние отцы». Преподобный Савва своею жизнью и наставлениями воспитал в обители своей строгое подвижничество.

Мирная кончина его последовала августа 28-го 1495 г.

Крыпецкий отшельник был высок ростом, с бородою седою, как снег, круглою, густою и не очень долгою. В таком виде явился он в 1547 г. иноку Исаии, когда по случаю построения храма искали и не находили мощей его. Сидя на гробе своем, сказал он: «Я грешный Савва, начальник обители сей, перенесший много скорбей на этом месте для Господа; пришло время, так Богу угодно, быть известными мощам моим». Мощи были найдены, и собор установил праздновать память преподобного Саввы.

Из загробных чудес преподобного особенно замечательны три. Раз шайка разбойников подошла к обители ночью, чтобы ограбить ее и убить инок. Но в обители увидели они среди людей благолепного старца, который, держа в руках жезл, грозно говорил: «Вы хотите грабить и убивать; ступайте прочь и покайтесь, чтобы не быть прежними; если не так, худо вам будет». Поутру узнали, что в монастыре ночью никто не был и не ходил. Это так потрясло начальника шайки, что он, рассказав все о себе игумену, остался жить в обители. Просвирик Патермуфий, жестоко страдавший от лихорадки, сильно молил преподобного о помощи,

выставляя и то, что уже 25 лет трудится в обители. Во сне является ему преподобный и говорит: «Зачем ты тревожишь меня?» Потом, взяв его за голову, говорит: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа будь здоров и спасай душу твою». Больной исцелел. Служитель обители Иван Дойня сильно страдал от горячки. Является не во сне, а наяву старец высокий ростом, с густою и седою бородою, и, взяв за голову больного, говорит: «Иоанн! Будь здоров, служи же в моей обители верно и не греши более, чтобы не случилось с тобою большей беды». Больному казалось, что с головы до ног была снята с него кожа. Он выздоровел.

Тропарь, глас 8

Пустыни явился еси доброе насаждение, преподобне, от юности во и в мире изволи еси чистое житие; ревнѣя же большему, и дом отеческий остави еси, и вся красная мира сего презрев, от чуждых стран пришел еси во обители богоспасаемаго града Пскова, и послушанию преподобнаго Евфросина предался еси; таже простирался умом еще к вящему, вселился еси в пустыню, в ней же обитель пречестну воздвиг еси, и множество иноков собрал еси, и их наставля еси на путь истинный. Темже и Христос, Ему же в жертву себе принес еси, виде твои благия труды, яко пресветла ты светильника, и по преставлении чудесы овогати, Савво, отче наш. Молися убо присно Ему о стране нашей, еже дароватися ей на враги поведом, стаду же твоему от враг ненаветну пребыти, и всем нам спастися.

СВЯТЫЙ

о преподобном отце нашем

Марке Пустыннике Новгородском ³

Память его празднуется месяца марта в 29-й день

† XV-XVI

Пустынный Марк, имевший, по устному народному преданию, родителем своим священника, а в иночестве иеромонаха Тихона, название пустынника получил, вероятно, оттого, что большую часть жизни своей проводил в пустынных местах, а именно был настоятелем Миголощской пустыни, потом жил на одном острове, который доныне называется Шапочным - по той причине, что при удалении с одного на другой маленький полуостров, окруженный с двух сторон водой, Марк оставил там свою шапку. На сем последнем полуострове Марк устроил деревянную часовню, в которой и молился до конца своей жизни. Подле часовни Марком была выложена из булыжных камешков постель для опочивания, следы которой видны и теперь.

Недалеко от этой часовни, за речкою, находится еще часовня, которая также, по преданию, устроена Марком, и при ней доныне существует родник с холодною водою. На сей родник, как говорят местные обыватели, пустынник Марк ходил вкушать пищу. По временам он занимался рыбною ловлею, но только в таком количестве, какое нужно было для употребления в пищу, никогда не оставляя ее к будущему времени.

Пред концом своей жизни Марк видел ангела своей смерти и разговаривал с ним при своем ученике. Пустынный просил ангела позволить ему прожить еще три дня, и, действительно, он скончался через три дня и был погребен в часовне, им самим устроенной. Над могилою его впоследствии положена была деревянная доска с изображением на ней

преподобного Марка Арефусийского, память его празднуется церковью в 29 день марта месяца. В этот день со времени погребения Марка пустынника близ живущий народ ежегодно собирается в часовню для служения панихиды над его могилою. В церкви же села Миголощи в этот день ежегодно служитя литургия за упокой Марка Пустынника и родителя его Тихона. Кроме сего, народ собирается в часовню Марка еще в первое Воскресенье Петрова поста и в день празднования Владимирской иконе Богоматери, в честь которой устроена существующая ныне приходская церковь. В этот день приходят поминать Марка и из дальних мест, служат панихиды, берут песок с его могилы, купаются в речке, окружающей часовню, ходят и в другую часовню, где имеется родник холодной воды, которую пьют, моются ею, берут по домам. И все это делается по глубокому уважению к Марку Пустыннику, который, как слышно, оказывал некоторым страждущим свою помощь.

Так один отставник из нижних воинских чинов Максим Максимов, сидевший 6 лет в углу без ног, после усердных молитв в часовне на могиле пустынника Марка, куда он привезен был на телеге, начал владеть ногами: сначала с помощью костылей, а потом и без них ходил свободно.

Девушка дворянского происхождения, по имени Александра, по причине глазной болезни потерявшая зрение, получила оно сряду после того, как, давши обещание ежегодно ездить в часовню Марка, побывала в этой часовне. Многие из приходящих просят служить панихиды и по родителе Марка Тихоне, над могилою которого, состоящею на кладбище при церкви, находится крест из дикого камня с надписью «сделан старцем Тихоном» и означением года, но какого именно, нельзя понять. Усердствующие к памяти Тихона окачивают этот крест водою, которою потом кропят больных. Чаще всего приходят на могилу его одержимые припадком, в особенности же приносятся матерями припадочные младенцы, которые после сего или скоро исцеляются или немедленно умирают и таким образом избавляются от страданий. Часовня, при которой состоит могила Марка

пустынника, находится в одной версте от бывшей Миголощской или Милогорской пустыни, а ныне – села Миголощи, которое от Новгорода отстоит в 220-ти, от уездного города Боровичи в 55-ти, и от села Никандрова, где почивают мощи преподобного Никандра (Городноезерского чудотворца – *Сост.*), в 22-х верстах.

ТРОПАРЬ И КОНДАК ОБЩИЕ.

См. стр. 766

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Жервэ Н. Н. Марк-пустынник
// София⁵⁰. Новгород. 1997. № 2. С. 22-23.

Недалеко от села Миголощи находятся издавна почитаемое местными жителями захоронение Марка-пустынника и целительный источник. До 30-х годов XX века здесь же была деревянная часовня, построенная, по преданию, самим отшельником, который был некогда настоятелем Миголощской пустыни, обращенной в приходскую церковь в 1764 г. по указу Екатерины II.

Над его могилой впоследствии была положена икона Марка Арефусийского, память которого отмечается Церковью 29 марта. В этот день с момента погребения пустынника ежегодно собирався народ в часовню для служения панихид над его могилою. В церкви села Миголощи в этот день служилась литургия за упокой священников Марка и Тихона, отца Марка. Также народ собирався в часовню Марка в первое воскресенье Петрова поста и в день празднования Владимирской иконы Божией Матери, во имя которой была приходская церковь в селе Миголощи.

Все паломники, приходившие помянуть Марка из дальних деревень, служили панихиду, брали песок с его могилы, купались в речке, окружавшей часовню. Потом ходили к часовне с родником, где умывались холодной водой, пили ее и брали с собой. По мнению многих, целительной силой обладало и место захоронения иеромонаха Тихона. На его могиле стоял каменный крест, с одной стороны на нем были выбиты слова: «сделан старцем Тихоном».

Приходящие сюда за исцелением просили служить панихиду по Тихону, после панихиды окачивали крест водою, а затем обливали этой водою больных.

У могилы Марка происходили многие чудеса и исцеления от разных болезней, в том числе от полной потери зрения. Священник Иоанн Модестов, собравший сведения о Марке-пустыннике, приводит два случая исцелений, бывшие при нем.

«Прихода моего деревни Фелистова уволенный за болезнью солдат Максим Максимов 6 лет сидел в углу без ног. У него повреждена спинная кость, и медицина такое повреждение признала неизлечимым. Слыша, что многие издалека приходят на могилу пустынника Марка, Максим тоже пожелал посетить ее. Но прежде посещения этой могилы ему нужно было побывать в уездном городе Боровичах, и вот он нанял подводу с тем, чтобы извозчик вез его в Боровичи мимо часовни Марка. Поравнявшись с часовней пустынника, Максим остановился и, сидя на телеге, со слезами (как он сам говорил) просил у Господа себе исцеления, и дал обещание, что если Господь исцелит его ноги — то он, прежде всего, придет в часовню молитвенника. Затем больной отправился своим чередом в Боровичи. На возвратном пути Максим опять подъехал к часовне и опять молился со слезами, сидя на телеге, но возвратился домой таким же больным, как и был. Проведши, однако ж, дома одну ночь, больной почувствовал, что ноги его получили способы движения, и объявил об этом жене, а жена сказала ему с улыбкой: «Когда движутся ноги, так вставай и ходи». — «А дай-ко мне палку». Жена подала ему сковородник, и он с помощью его дошел до печки своей избы. Потом на костылях начал выходить на улицу. Это было в августе. В сентябре он с помощью двух костылей пришел уже в часовню Марка, находящуюся в 4-х верстах от деревни. В это время по желанию Максима ходил в часовню и я для служения панихиды над могилою пустынника...

В ноябре он ходил уже с одною палкою, а потом и без палки и каждую службу целый год усердно посещал в церкви. Летом путешествовал он в Тихвинский монастырь для поклонения Божией Матери и теперь ходит и работает, как будто никогда не был болен.

Другой случай, имеющий отношение к могиле пустынника, сообщила мне одна помещица. Когда она была от роду 12 лет, у ней до того болели глаза, что, наконец, она ослепла, и врачи отказались лечить ее. Тогда мать больной сказала ей: «Дадим, Сашенька, обещание каждый год ездить в часовню Марка, может, Бог,

по молитвам пустынника, даст тебе здоровье» - и обещание исполнила. Когда в первый раз посетили они эту часовню и выслушали со слезами панихиду, 12-летняя девочка после панихиды сразу прозрела, и с тех пор видит доселе».

В начале XX века в селе Миголощи на месте древнего монастыря были 4 часовни и 2 церкви: старая деревянная - во имя Владимирской иконы Божией Матери (1573 г.) и каменная в стиле ампира с престолом во имя Иоанна Воина (1812 г.). Рядом находилась красивая башня-колокольня.

В 30-е годы все святыни села были осквернены или разрушены. Деревянная церковь была разобрана и перевезена в п. Хвойное для постройки здания почты. В 1944 г. была сломана колокольня. Каменная церковь использовалась для нужд колхоза.

В 1991 г. в селе Миголощи создана церковная община. Церковь Иоанна Воина передана верующим. В настоящее время идут восстановительные работы. Окормляет храм священник Михаил Ложков.

По-прежнему чтят местные жители захоронение Марка-пустынника и приходят к целительному источнику.

Тропарь и Кондак общиц.

См. стр. 766

СВЯТЫЕ

о преподобном отце нашем

Геннадий Важеозерском¹

Память его празднуется месяца февраля в 9-й день

1520 (1516)

и

о преподобном отце нашем

Никифоре Важеозерском¹

Память его празднуется месяца февраля в 9-й день

1550 (1557)

Олонецкой епархии существует монастырь, называемый Задне-Никифоровской пустынью. Пустынь эта находится в 62 верстах к северо-востоку от Олонца,

при озере Важа, среди лесов, в 12 верстах от Александро-Свирского монастыря. Устроение сей обители связано с именами преподобных Геннадия и Никифора, учеников преподобного Александра Свирского: Геннадий освятил место будущей обители продолжительными уединенными своими молитвами, а Никифор - строительными трудами.

Преподобный Геннадий был сын благочестивых и состоятельных родителей, в молодых годах воспылал ревностью к иноческому подвигам, покинул

СВ. НИКИФОР И ГЕННАДИЙ ВАЖЕОЗЕР

мир и отправился к преподобному Александру, тогда еще одиноко подвизавшемуся на реке Свири. Преподобный долго не соглашался нарушить свое уединение принятием пришедшего юноши и уступил только неотступным мольбам его. В течение нескольких лет, проживая подле великого учителя, Геннадий показал столько дивных подвигов труда, бдения, послушания и поста, что преподобный Александр признал его окончившим испытание и благословил его на уединенное подвижничество. Смиренный инок отошел от учителя на недалекое расстояние, к озеру Важе, устроил здесь для себя на берегу келию-пещеру и весь остаток дней провел в ней одиноким отшельником. Молва об его подвижнической жизни не могла не распространиться. К нему приходили многие и заявляли желание устроить жизнь свою возле него и под его руководством. Но лишь под конец своей жизни преподобный Геннадий позволил двум - трем ученикам по настоянию их поселиться недалеко от его келии для безмолвной молитвы.

Господь возлюбил место молитвенных подвигов преподобного Геннадия и открыл ему, что здесь построен будет и храм и монашеское общежитие. Преподобный перед своею кончиною утешил таковым откровением учеников своих и мирно почил в 8 день января около 1520 г.

Преподобный Никифор родился в Важеском погосте, поблизости от реки Свири. О детстве и юности его сведений не сохранилось. Известно только, что он происходил из благочестивой крестьянской семьи и в доме родителей научен был страху Божию. В то время весь Олонецкий край полон был славою о высоких подвигах и благочестии преподобного Александра, уже основавшего на реке Свири обитель в честь Живоначальной Троицы. Нимало не удивительно, если окрестные жители часто посещали Свирскую обитель, помогали ее строению или же оставались в ней навсегда. Никифор прибыл в обитель уже иноком около 1510 г. и был принят преподобным Александром в число братии, так как святой игумен знал о подвижнической жизни преподобного Никифора, о том, что он носил тяжкие вериги на теле своем.

Несколько лет прожил преподобный Никифор в Свирской обители. Преподобный Александр видел его добродетели, понимал духовную пользу, которую приносил братии Никифор, и благодарил Бога. Из Свирского монастыря преподобный Никифор совершил два далеких путешествия: одно по приказанию преподобного Александра - к Новоезерскому подвижнику Кириллу, другое по своей воле - в Киев на поклонение Печерским угодникам.

Преподобный Александр возложил на Никифора послушание - отправиться к преподобному Кириллу, в пределы Белого озера, в обитель Воскресения Христова, испросить у игумена благословения и молитв, побеседовать с ним и поучиться от него жизни монашеской и уставу монастырскому. С радостью принял Никифор поручение-послушание и отправился в далекий путь. Через несколько дней он благополучно достиг западного берега озера, где расположено село Кобылина Гора, в двух верстах от обители, лежавшей на противоположном берегу. Наступал вечер. Путник отошел к лесистому северному берегу озера и там заснул.

Между тем преподобный Кирилл в это время совершал в своей обители вечернее келейное правило. Окончив его, подвижник один направился на берег, взял небольшую лодку и отплыл к северному берегу озера, где почивал преподобный Никифор. Отсюда они переехали в монастырь Новоезерский, где преподобный Никифор пробыл восемь дней, разделяя молитвенные подвиги монастырского братства и услаждая слух свой поучительными беседами игумена. Вероятно, после того преподобный Никифор совершил свое паломничество в Киев.

Преподобный сказал своему игумену:

— Отче, я отхожу в Киево-Печерский монастырь Пресвятыя Богородицы и преподобных отец Антония и Феодосия. Ты же моли о мне Бога, чтобы ради святых молитв твоих благополучно совершить мне путь свой».

Преподобный Александр опечалился: он не хотел разлучаться с добродетельным старцем и начал молить преподобного Никифора, чтобы он пребывал с ним в монастыре, пока

Бог разлучит их. Но преподобный Никифор не преклонил-ся его молению и, только утешая подвижника, говорил ему, что разлучаясь телом, они неразлучны будут духом. Со сле-зами расстались преподобные старцы.

Из путешествия в Киев преподобный возвратился с горя-чим желанием устроить собственную монастырскую обитель и, вероятно, в таком намерении был поддержан преподобным Александром. Обходя и осматривая различные места на родине, он остановился наконец там, где незадолго окончил свое земное странствие преподобный Геннадий, и основал монастырь и в нем храм во славу Преображения Господня. Много лет отдал преподобный благоустройению своей обители, построил десять келий, очистив место от леса и осушив болото, и испро-сил царскую грамоту на владение окрестною землею «вокруг монастыря на все четыре стороны по версте, опричь мхов и болот и глыб» (грамота 1557 г.). Окончив таким образом давно заботившее его дело, преподобный, окруженный собранной им братиею, мирно скончался 9 февраля.

В начале XVII в. Олонецкий край опустошен был бродив-шими повсюду иноземцами. Разграблена была и обитель, устроенная преподобным Никифором, иноки прогнаны, а имуще-ство уничтожено или увезено. Но память о преподобных Геннадии и Никифоре не исчезла. По миновании опасности, над общею могилою преподобных восстановлена была ча-совня, а потом мало-помалу восстановилась и обитель. В 1846 г. она получила самостоятельное существование, а в 1854 г. дано ей было разрешение над мощами преподобных построить храм на месте древней деревянной часовни. Этот храм, по благословению Святейшего Синода и Олонецкого архи-епископа Аркадия, 8 августа 1858 г. освящен во имя Всех Свя-тых, в сонме которых благодарная память туземцев искони почитала преподобных Геннадия и Никифора.

Тропарь и Кондак общис. См. стр. 766

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Горицкая Т.

Задне-Никифоровская пустынь.

Важеозерский женский монастырь // ⁴² С. 473-476.

На 101-м километре трассы Петрозаводск - Санкт-Петербург имеется указатель – «Важеозерский женский монастырь». До монастыря от шоссе влево еще одиннадцать километров по петляющей лесом грунтовой дороге. Монастырь, расположенный на берегу красивейшего и спокойного Важ-озера (Воже), раньше был мужским; его закрыли в 30-е годы, в годы массовых репрессий монашествующих. Иноков, по преданию, расстреляли там же, в монастыре. Разрушили храмы, осквернили святыни. В пятидесятые на территории монастыря, где сохранились братские корпуса, сделали колонию для малолетних преступников, позднее – спецбольницу. Это было тяжелое наследие для первых насельниц, поселившихся по благословению владыки Мануила, епископа Петрозаводского и Олонецкого, в Важеозерской пустыни в 1992 году.

В каменном храме во имя Всех Святых в советское время размещали и клуб, и спортзал, и многое другое - богохульное. От прежнего благолепия не осталось и следа, лишь на стенах, облупившихся и неприглядных, заметны следы живописи. Но оскверненный, он не представляется жалким и потеряннным, кажется, что вместе с солнцем, со всех сторон проникающим в храм сквозь стекла, посылается сюда благодать Божия. Она, благодать Божия, - там, где святыня: под храмом находятся святыне мощи основателей монастыря – преподобных Никифора и Геннадия Важеозерских, они подвизались здесь в шестнадцатом веке. Господь скрыл своих угодников от поругания, и, даст Бог, они еще явятся нам во утешение.

Сначала, в конце пятнадцатого века, поселился здесь Геннадий, затем, уже по его кончине, – Никифор, основатель и первый игумен Важеозерского монастыря, или так называемой Задне-Никифоровской пустыни. Оба подвижника были учениками преподобного Александра Свирского, в разное время получили они от своего учителя благословение на уединенное подвижничество.

Из жития преподобного Геннадия известно, что, поселившись на берегу Важ-озера, где устроил себе келью-пещеру, он прожил почти до конца своей жизни одиноким отшельником, отказываясь по смирению руководить другими. Перед своей кончиной он позволил поселиться возле себя двум-трем своим ученикам для безмолвной жизни в христианских подвигах поста и молитвы. Удостоившись от Господа за свою праведность дара прозрения,

преподобный Геннадий предсказал перед своей кончиной, что в пустыни будет храм и киновия. И это предсказание сбылось.

Стараниями преподобного Никифора, прошедшего начальный монашеский искуc в обители Живоначальной Троицы у преподобного Александра Свирского и стремившегося к уединенной подвижнической жизни, около 1530 г. будет построена деревянная церковь во имя Преображения Господня, келии для братии, испрошена царская грамота на владение земель.

Примечательно, что, прежде чем благословить своего ученика Никифора, преуспевающего в монашеских подвигах, на уединенное житие, преподобный Александр отправляет его на Белое озеро, в обитель Воскресения Христова к преподобному Кириллу, игумену Новоезерскому побеседовать о монашеской жизни и поучиться от него монастырскому уставу. Благословляя Никифора в далекий путь, Свирский старец сказал ему: «Когда подойдешь к Белому озеру, не ищи лодки для переезда в обитель, но обожди некоторое время там, на другом берегу, в безлюдном месте. И по милости Божией ты увидишь исполнение просимого нами от Господа и будешь перевезен». И благословил ученика в далекий путь.

За несколько дней преподобный Никифор прошел более 300 верст и вышел на берег Белого озера, на противоположную от обители Воскресения Христова сторону. Помня слова игумена, Никифор не стал искать переправы, с наступлением вечера прилег на камень в безлюдном месте и тихо заснул. Проснувшись через некоторое время, Никифор увидел перед собой старца и лодку на озере. То был сам преподобный Кирилл Новоезерский, который сказал Никифору, просившему у него благословения и поклонившемуся до земли: «Напротив, ты меня благослови, ибо послан ты честным отцом и служителем Пресвятой Троицы, игуменом и духовным моим братом Александром, дабы осмотреть святую обитель нашу и меня грешного посетить». Они возрадовались и поцеловали друг друга. И свет дивный – Божественный – в виде столпа солнечного воссиял над ними. Впоследствии на том месте, в память встречи сей, была поставлена часовня.

А преподобные, переправившись через озеро, прежде вошли в церковь Воскресения Христова и Матери Божией «Одигитрии» - помолиться, а затем в келию, где Никифор передал Новоезерскому игумену послание от игумена Свирского Александра. Прочитав его, преподобный Кирилл сказал: «Хотя мы имеем большое желание видеть друг друга, но, по Божию изволению, в нынешнем веке сего не сподобимся, а увидимся, когда от тела разлучимся. А твои труды, честный отче, не будут забыты перед Богом, - и все, что просишь, будет тебе дано от Бога».

Никифор провел восемь памятных для него дней в обители Новоезерской в беседах с преподобным Кириллом, получив от него много поучений и назиданий духовных, а также ответное послание к преподобному игумену Александру. Затем, благословленный и напутствуемый старцем, он вернулся в обитель Пресвятой Троицы, где оставался довольно долго, молясь и испрашивая Божия благословения на пустынное житие.

Наконец его молитвы были услышаны. Божиим промыслом приходит преподобный Никифор на берег Важ-озера, где 15 лет тому назад подвизался преподобный Геннадий. «7 лет провел преподобный в созидаемом его молитвами и трудами пустынном монастыре, установив в нем строгий внутренний порядок и приведя его в полное благоустройство. Окруженный любящей его братией, преподобный Никифор тихо отошел ко Господу 9 февраля 1557 года.

Много лет преподобные Геннадий и Никифор нетленно почивали в гробнице, над которой была воздвигнута деревянная часовенка, а позже, в 1858 г., храм во имя Всех Святых. Иноки обители, окрестные жители и приезжие богомольцы почитали угодников Божиих как чудотворцев. По молитвам к ним совершалось и совершается много чудес. Их память празднуется Русской Православной Церковью 9/22 февраля. Этот день всегда был праздничным в монастыре, совершались богослужения и крестные ходы. И ныне в возрожденной обители проходит праздничное богослужение, в котором по обыкновению участвует Преосвященнейший Мануил, епископ Петрозаводский и Олонецкий.

Чтут в Важеозерской обители и память старца Исаяи. Он поселился в пустыни в 1830 г. с тремя своими учениками. Тогда приписанная к Александро-Свирскому монастырю пустынь переживала тяжелые времена (с 1761 по 1800 гг. обитель была закрыта, а церковь обращена в приходскую). Среди малочисленной братии не было ни одного иеромонаха. Стараниями отца Исаяи пустынь в 1816 году указом Священного Синода стала самостоятельной, число братии увеличилось до 22 человек.

Внес свою щедрую лепту в благоустройство Важеозерской обители, подвергшейся в 1885 г. сильному пожару, святой праведный Иоанн Кронштадтский, память и молитвенное заступничество которого особо почитается сегодняшними насельниками обители, духовником – иеромонахом Иларионом, по воле Божией приехавшим в Карелию из Санкт-Петербурга.

Отец Иоанн Кронштадтский был приглашен в пустынь в 1892 г. 1 августа (по новому стилю) для освящения деревянного храма в честь Преображения Господня, выстроенного на месте

сторевшего. По свидетельству очевидцев, освящение прошло торжественно и радостно, при огромном стечении народа, уже тогда почитавшего Кронштадтского праведника. Помогал он этому монастырю и в последующие годы, с его помощью устраивалось подворье Важеозерской пустыни в Санкт-Петербурге.

В благодарность отцу Иоанну небольшую надвратную церковь устроили и освятили в честь небесного покровителя батюшки – преподобного Иоанна Рыльского. Духовник и настоятель возрождающейся пустыни, отец Иларион, задумал устроить в ней церковь в честь самого батюшки – святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Медленно из-за отсутствия необходимых на восстановление средств, но все же опутимо возрождается в Важеозерской пустыни монашеская жизнь. В 1996 году, в Успенский пост, Преосвященнейший Мануил совершил первые постриги – монашеский и иноческий.

Насельниц здесь пока немного. Но, даст Бог, будут. Строится сестринский корпус, восстанавливаются монастырские храмы во имя Преображения Господня и Всех Святых, где летом проходят богослужения. Как и в былые времена, потекла живительная вода из расчищенного святого источника, над которым когда-то стояла часовня святого великомученика Никиты. Пятый год действует в пустыни маленькая домовая церковь, где приносится бескровная искупительная жертва Господу и каждодневно возносятся молитвы важеозерских сестер об устройении обители, спасении души собственной, ближнего и дальнего.

СВЯТЫХ

о преподобном отце нашем

Зосиме Ворбозомском ³

Память его празднуется месяца апреля в 4-й день

† XVI

Преподобный Зосима Ворбозомский, соименный преподобному Зосиме Палестинскому, коего память 4 апреля, спасался на месте глубоко-безмолвном, на острове озера Ворбозомскаго, что в 20 верстах от города Белозерска. Начальное иноческое воспитание Зосима получал у преподобного Корнилия Комельского. Оставив Комельскую обитель, он подвизался на уединенном острове сперва один; потом, когда построен был там храм в честь Благовещения Пресвятыя Богородицы, то к нему собрались любители пустынной тишины. Вдали от сует и тревог людских, на безмолвном острове, преподобный Зосима посвящал всего себя Господу и заботился об одном - о душе своей. Нетленные мощи его свидетельствуют, что он шел верным путем и угодил Господу.

Святые мощи преподобного Зосимы почивают под спудом в придельной церкви, его имени посвященной, бывшего Ворбозомскаго Благовещенскаго монастыря.

Монастырь же сей, обращенный ныне в приходскую церковь, состоит на острове Ворбозомскаго или Орбозомскаго озера в Белозерском уезде Новгородской епархии, в расстоянии от Белозерска к югу в 20-ти, а от Новгорода - в 567 верстах, близ Московскои из Белозерска дороги.

Память преподобному Зосиме правится местно 4 апреля. (См. Ист. Рос. Иер. III, 611 и геогр. Слов. Щелканова 1, 1029.)

Тропарь и Кондак общ. См. стр. 766

Сказание

о преподобном отце нашем

Сергии Малопинезжском ¹

Память его празднуется месяца ноября в 16-й день

† 1585

Преподобный Сергий, в миру Симеон, родился в 1493 г. Отец его Маркиан Стефанович Неклюд – из рода митрополичьих десятильничьих детей боярских. (Дети боярские при древних епископах были их светскими чиновниками. Должность десятильника или десятинника установлена в глубокой древности для сбора десятины, жертвваемой богатыми людьми, главным образом, князьями, в пользу церкви. В последующее время епископы стали поручать десятильникам, кроме сбора податей, и надзор за жизнью и деятельностью духовенства, а также и разбор некоторых судебных дел.) Жил он в Великом Новгороде в тяжелую пору подчинения вольного города державной воле великого князя Московского Иоанна III (Иоанн III княжил с 1462 г. по 1505 г.). Тогда Маркиан покинул родину и удалился «в страну Студеного (т. е. Белого) моря». Местом своего жительства он избрал волость Малую Пинежку по реке Пинеге (Пинега – река Вологодской и Архангельской губерний, правый приток Северной Двины. Начало берет в Сольчевыгодском уезде, где лежит и волость Малая Пинежка).

Маркиан здесь женился. Он был «навычен книжному учению и грамоте». Это открыло ему путь в духовное звание, и он с честью служил сначала клириком, а потом священником в Сурском погосте (Сурский погост, ныне Архангельской губернии, расположен на левом берегу реки Пинеги, отстоит в 160 верстах от Малопинезжского). Как сам Маркиан, так и жена его Аполлинария вели жизнь добродетельную и в старости, по взаимному согласию, облеклись

в иночество - Маркиан с именем Матфея, Аполлинария с именем Пелагии. Матфей скончался игуменом Воскресенского монастыря в городе Кевроле (на реке Пинеге, теперь село Воскресенское Архангельской губернии, Пинежского уезда. Когда и кем основан монастырь, неизвестно), а Пелагия – схимницей.

От этой благочестивой четы и родился Симеон. Нет сомнения, что родители воспитали его в заветах строгого благочестия. Ничего неизвестно о жизни Симеона до времени достижения им тридцатилетнего возраста, когда он был уже иереем Малопинежского погоста (Сольвычегдского уезда, Вологодской губернии, на верхней Пинеге) при только что устроенных церквях в честь Преображения Господня и во имя великомученика Георгия. Шестьдесят два года Симеон самоотверженно нес нелегкие обязанности приходского пастыря: не только руководил спасением овец своего словесного стада, но и умножал число их, обращая ко Христу «некрещеную Чудь», то есть инородцев - финнов. Как свою паству, так и присоединяющихся к Церкви Симеон поучал не столько словом, сколько собственным примером святой жизни. Он «имел душу милостиву и чист помысл, сердце бодро, смирение и крепость молчаливую и любовь воистину нелицемерную». При этом подвижник-пастырь имел внушительную и благолепную наружность. Добродетели и достоинства его привлекали к святому не одних прихожан, из которых многие и родились при нем и состарились, но - и окрестных жителей. Слава о Симеоне, как о человеке добродетельном и редком пастыре, далеко распространилась за пределы его прихода.

Чувствуя приближение кончины, блаженный Симеон принял сначала монашество, потом схиму с именем Сергея от игумена Воскресенского монастыря Иринарха, прибывшего в село из города Кевролы для сбора церковной дани. 16 ноября 1585 г., будучи уже глубоким 92-летним старцем, преподобный Сергей мирно почил. Тело преподобного, по завещанию его, было погребено близ алтаря церкви Преображения Господня. «Памяти ради», чтобы не забыть место

погребения преподобного, поставили над его могилой «голубчик деревянный», то есть надгробный памятник в виде маленькой сени. (Слово «голубчик», «голубец», «голубец», обозначает деревянный памятник на кладбище. Он строился чаще в виде домика – деревянного сруба с кровлей на два ската и с крестом на ее середине, реже – в виде деревянного столбика с крышей или навесом. Над могилой преподобного Сергия голбчик был второго вида.) Под эту сень вскоре стали стекаться ищущие исцеления, потому что Господь прославил Своего угодника даром чудотворений.

На другой год по кончине преподобного Сергия клирик Преображенской церкви, страдавший головными болями, услышал во сне голос, который побуждал его идти на могилу Сергия и взятой с нее перстью потереть голову. И лишь только клирик исполнил повеление, как избавился от своей болезни. Слух об исцелении быстро распространился среди многочисленных почитателей памяти почившего пресвитера и привлек к его могиле многих больных. Они также брали с нее землю и, потираясь ею, по молитвенному ходатайству пред Господом преподобного Сергия, получали исцеления. Новые же исцеления еще более укрепляли убеждение в святости Сергия.

Его разделял и священник церкви Преображения Господня Елисей, живший спустя 60 лет после преподобного. Ежегодно 16 ноября в день кончины преподобного Сергия, он совершал его память.

Этот чтимый Елисеем день раз ознаменовался для него следующим видением. После домашнего утреннего правила Елисей пошел в церковь служить утрению. Приблизившись к храму, он с удивлением заметил, что храм освещен как в праздник, полон молящегося народа и что какой-то священник уже совершает в нем богослужение. Елисей подумал, что это присланный для сбора церковной дани десятильник, который начал богослужение, не дожидаясь его. Смущенный, вступил священник в трапезу и взглянул через окно ее в самую церковь, но в ней уже ничего не увидел, а только почувствовал чудесное благоухание, распространившееся по трапезе из храма.

Сын Елисея Киприан, служивший на месте отца, также свято чтит память преподобного Сергия и особенно день его кончины. За двадцать восемь лет своего священства при храме Преображения он был свидетелем многих чудотворений угодника Божия, а одно из них проявилось даже над его семьею. Киприан дал обет построить часовню над могилой преподобного Сергия, но потом, откладывая день за днем исполнение своего обещания, он, в конце концов, и совсем позабыл о нем. Вдруг в 1648 г. всех сыновей его постигла тяжелая болезнь, которая не поддавалась никакому лечению. Отчаявшись в помощи человеческой, родители обратились за помощью к Богу: молились, делали пожертвования на церковь, давали обеты, но ничто не помогало - болезнь детей даже усиливалась. И вот однажды младшему сыну Киприана Нифонту является во сне преподобный Сергий и открывает, что болезнь есть наказание родителям, не исполнившим своего обета - построить над его могилою часовню. При этом угодник Божий обещал возвращение здоровья Нифонту и его братьям, если отец их загладит свой грех, то есть построит часовню. Уже потерявший от болезни силы говорить, отрок, однако, после явления получил возможность рассказать родителям о своем сновидении. Они поспешили поставить часовню, и болезнь детей немедленно прекратилась.

Через три года после этого, в 1651 г., было установлено по воскресным дням еженедельное молебное пение над могилой преподобного Сергия. Ближайшим поводом для этого послужило явление угодника Божия одной женщине, по имени Феодосия. Феодосия пришла в Малопинежскую волесть с Двины и ранее ничего не слышала о преподобном Сергии. Женщину эту постигла болезнь, во время которой в сонном видении ей явился преподобный: обещая исцеление, он велел ей идти в часовню на его могилу и сказать клирикам церкви Преображения, чтобы они совершали отसेле во все воскресные дни молебное пение Всемиловитому Спасу, «по обычаю, в часовне над его гробом, и память его творили бы докамест Бог восхощет, неотложно».

После видения больная тотчас же выздоровела, поспешила к могиле преподобного и рассказала малопинезским клирикам обо всем, происшедшем с нею. Молебное пение в часовне было тогда установлено. Но в том же году, в один воскресный день почему-то не было совершено молебна, и в следующую ночь преподобный Сергей явился во сне одному из местных жителей и строго подтвердил, чтобы его поветование соблюдалось «неотложно и неизменно».

Новые чудотворения у гроба угодника Божия побудили жителей Малопинезья в 1655 г. установить празднование памяти преподобного Сергея в 16 день месяца ноября и написать «образ подобия его». Честные мощи преподобного Сергея почивают под спудом в деревянной часовне.

Тропарь, глас 8

тебѣ ѡтче Сѣргіе, извѣстен вѣсть
спасѣнія ѡбраз. Воспріимъ во крѣстъ
послѣдовалъ еси Христу. Творяше же и
учаше, еже презрѣти плоть, преходитъ во,
прилежати же о души вещи безсмертней. Темже
и со ангелы радуется преподобне дух твой.

Кондак, глас 2

истотою душевною Божествомъ
вооружився, и непрестанныя молитвы,
яко копие вручивъ крепко, проболъ еси
всѣвская ополченія, Сѣргіе, ѡтче нашъ, моли
непрестанно о всѣхъ насъ.

Среда

о преподобном отце нашем

Иоанне Власатом, Каргопольском ⁸

Память его празднуется месяца июня в 24-й день

† 1592

спенский женский монастырь находится близ города Каргополя, при ручье, называемом Волосатым. Он основан в XIV веке и был сначала мужской, а в 1649 г. обращен в женский. На этом месте до основания монастыря жил уединенно некто труженик Иоанн (Власатый), которого гроб находится в обители. Его память за добродетельную жизнь уважается и доныне. Прозвище сего отшельника, кажется, было поводом назвать и ручей, на берегу которого была его пустыня, «Волосатым». К этому ручью окрестные жители имеют веру, и подле часовни, куда совершаются из монастыря крестные ходы, устроено особое место для купанья, где многие недужные погружаются в воду для здоровья. Стечение таковых бывает преимущественно накануне праздника Рождества святого Иоанна Предтечи 24 июня (Ратшин, стр. 421).

Тропарь и Кондак общи.

См. стр. 766

СВЯТЫЕ ДНИ

преподобном отце нашем, схимонахе

Сергии Шухтовском ³

Память его празднуется месяца мая в 19-й день

† 1609

Преподобный Сергей, по имеющейся при гробе его записи, родился и воспитывался в городе Казани и в миру назывался Стефаном. Вместо молока матери, у которой он не брал сосцев, пил ячменное, а не квасное сусло, в пищу же употреблял только сухой хлеб и суровое зелие, и притом только по дважды в неделю. Из Казани Стефан ходил в Палестину и Царь-град, где пробыл три года, посещая святое место, изучая обычаи монастырские, пребывая в иноческом искусе и нося на себе власную рясу. Из Палестины Стефан непостриженным пришел в Великий Новгород, где посетил соборный храм Софии - Премудрости Божией - и другие церкви и монастыри. Из Новгорода ходил в Самоядь Лопскую - к Океану морю, потом в Соловецкую обитель преподобных отец - Зосимы и Савватия. Наконец, в 1603 г. пришел в Шухтовскую волость уже в иноческом чине, который он принял в Череповском Воскресенском монастыре от архимандрита Исаии, с именем Сергия, о чем означено на иконе чудотворца Сергия, писанной вышеупомянутым архимандритом, который был искусный художник, или живописец. В пустыни Шухтовской Сергей проводил самую строгую жизнь, подвизаясь постоянно в молитве, коленопреклонениях и посте.

Не имея постели, он пребывал почти совершенно без сна день и ночь, засыпая иногда несколько только на локтях и коленях. Поэтому, вероятно, и недолголетней была жизнь преподобного Сергия. Он скончался по исполнении 50-ти или 57 лет, проведенных им в мирском и иноческом звании, 1609 г. месяца Мая 19 дня, на память священномученика

Патрикия, епископа Прусского, при благоверном царе и великом князе Василии Иоанновиче Шуйском и при святейшем Патриархе Гермогене. Трудлюбивое тело его было погребено в часовне у церкви Святой Живоначальной Троицы и Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Шухтове, где в то время священником был Тимофей Алексеев, сын Пелевин. Ростом преподобный Сергей был мал, лицо у него было круглое и белое, волосы черные, кудреватые, бороды он не имел, мантия у него была длинная, ряса черная. Он имел дар пророчества и при жизни своей сотворил много чудес; пищу принимал не от всех. Сему угоднику издавна сочинены тропарь и кондак.

Святые мощи преподобного Сергия Шухтовского почивают под спудом в бывшей монастырской, а ныне приходской, Покровской церкви, что в селе Шухтове.

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛ 8

С дѣнными молитвами и потоки слѣзными
пустыню напоил еси и из глубины
воздыханьми ю расплодил еси и бысть
постнически равно ангелом житиѣ твоѣ;
страдальчески вореньми, яже от весов и от
ненаказанных человек, претерпел еси и ангелом
совесѣдник явися, Божественнаго винограда
насеятель быв; и, оставив временное житиѣ,
преселился еси в жилище Невѣсное. Тѣмже тя
почитаем, преподобне отче наш Сергие, моли
Христа Бога спастися душам нашим.

ЖИТИЕ

преподобного отца нашего

Иосифа Заоникиевского¹

Память его празднуется месяца сентября в 21-й день

† 1612

Преподобный Иосиф, по мирскому имени Иларион, происходил из крестьян деревни Обухово Кубенской волости, ныне принадлежащей к Вологодской губернии, и родился около 1530 г. В обычных заботах житейских и в земледельческих трудах проходила жизнь крестьянина Илариона. Прожив так полвека, он не скопил богатства, но не испытывал и бедности. И, вероятно, безвестным крестьянином Иларион кончил бы дни свои, если бы Промысел Божий не указал ему иного пути жизни.

Различными способами призывает Господь ко спасению избранников Своих: одних обилием милости, других - и это случается чаще - привлекает под Свое благое иго скорбями, испытаниями и несчастьями, показывающими верующему всю тщету и суетность мирской жизни. Такое испытание послал Господь Илариону. Неожиданно и без видимой причины заболели у него глаза. Много стараний и средств употребил Иларион, чтобы избавиться от своей болезни, но ничто не помогало; лекари и знахари оказались бессильны бороться с Божиим попущением. Болезнь все усиливалась и усиливалась, и в конце концов Иларион ослеп. Положение его сделалось весьма тяжелым: работать он не мог, а скопленные ранее средства были истощены на лечение. Страшная нищета и полная беспомощность грозили теперь Илариону. Но он не отчаялся, не пал духом перед таким испытанием Божиим и не пожелал примириться со своею горькою участью, как советовали ему это родные и знакомые, потерявшие всякую надежду на возвращение его зрения.

Все упование свое возложил Иларион на милосердие Божие. Вспомнив евангельское повествование об исцелении слепорожденного (повествование о слепорожденном содержится в 9 главе Евангелия от Иоанна), он увидел в своей болезни руку Божественного Промысла, испытующего его для откровения славы Божией; «да явятся дела Божия на нём», - такой смысл узрел он в своем несчастье. У Илариона родилась надежда на исцеление. Он думал, что если Господь наказал его по Своей благой воле, то эта же благая вода может и исцелить его. И вот, оставив врачей земных, он стал ожидать себе избавления от Небесного Врача, к Которому обратился с горячею молитвой об исцелении.

Прежде всего, Иларион дал обет каждый воскресный и праздничный день ходить по церквам соседних селений и отправлять в них молебные пения. Чаще всего он молился Заступнице рода человеческого Божией Матери и взывал к бессребренникам и целителям Косме и Дамиану. И по мере того как усиливалась его молитва, в нем укреплялась надежда на исцеление и мятущаяся душа его успокаивалась.

«Просите, и даётся вам: ищите, и обрящете», - сказал Господь (Матф. 7. 7.) Чего просил и искал Иларион с верою и молитвою, то и получил. Исполняя свой обет, в один из воскресных дней был он за литургией в церкви во имя Василия Великого, что на Едке, и с пламенной молитвой просил Господа об исцелении. Вдруг предстал пред ним муж в белой одежде. Устрашился Иларион небесного видения, но явившийся ободрил его и сказал: «Не ужасайся, Иларион, я раб Иисуса Христа, Косма бессребреник». Затем святой Косма снял нательный крест Илариона, благословил им страдальца и, надевая снова, сказал ему: «Отныне ты победишь диавола и будешь видеть свет». Глубокого благоговения исполнилось сердце Илариона от духовного восторга; он стоял безгласен, только слезы умиления и благодарности струились по его лицу. Между тем чудное видение продолжалось. Святой Косма сопутствовал Илариону и по пути из храма. Когда, возвращаясь домой, усталый и от службы и от душевных волнений, он останавливался отдохнуть в тени

под деревом (время было летнее), чудесный спутник удерживал его, говоря: «Сие место не угодно, пойдем на другое; есть место, удобное Божией Матери». Так они миновали селение Обухово, где был дом Илариона, и подходили к деревне Лусниково. Здесь, на сырой лесной поляне, святой Косма сказал Илариону, что на этом месте он узрит славу Божию и ему откроется тайна. Затем, повелев ему придти сюда на другой день, небесный спутник стать невидим. Со страхом и трепетом возвратился Иларион домой; весь остаток дня он провел в молитве и размышлении о дивных делах Божиих, с радостью ожидая явления славы Божией. Когда на другой день он пришел на указанное место, то услышал голоса, воспевающие хвалебные песни Богоматери, и увидел двух мужей, которые ему сказали: «Раб Божий, Иларион, иди с нами. Мы - бессребреники Косма и Дамиан и посланы к тебе Божиею Материю, Которая, за многия твои молитвы и слезы, хочет даровать тебе исцеление».

Внезапно явилась пред Иларионом икона Богоматери, сияющая солнечными лучами. Святые бессребреники подвели его к иконе и велели взять и облобызать ее. С величайшим благоговением повергся Иларион пред святой иконой и, прикоснувшись к ней своими устами, тотчас прозрел, как будто никогда и не болел глазами. Затем голос, исходящий от святой иконы, повелел ему сказать окрестным жителям, чтобы они очистили место ее явления, водрузили на нем святой крест и поставили возле креста явившуюся святыню. Место требовало очищения и устройства, потому что представляло топкую поляну, заросшую мелким лесом. Святые бессребреники открыли Илариону, что на этом месте впредь будут источаться исцеления для всех, с верою приходящих к иконе Божией Матери. Необыкновенное благоухание разлилось по всей местности. Объятый трепетом от всего происшедшего, Иларион едва мог придти в себя и увериться в действительности случившегося. Возблагодарив Господа и Матерь Божию за исцеление и за дивное видение славы Божией, он поспешил сообщить окрестным жителям о всем виденном и слышанном и передать им повеление от святой

иконы. Собрались крестьяне и расчистили место. Были приглашены из ближайших селений священники, которые совершили молебны пред иконою Богоматери. На месте явления Иларион водрузил святой крест, подле него поставил новоявленную икону, а над ними устроил из мелких деревьев часовню. Явление чудотворной иконы Богоматери произошло 23 июня 1588 г. Предание рассказывало, что в древности на этом месте находился притон разбойников, грабивших путников на проезжих дорогах. Разбойничий атаман, могилу которого здесь указывают, назывался Аника, от его имени и местность стала называться Аникиевой, или Заоникиевой. (Пустынь отстоит к северу в 14 верстах от города Вологды. Ныне (с 1764 г.) – заштатная.)

Не захотел Иларион оставлять святое место и возвращаться в мир. Проникнутый благодарностью к Господу и в случившемся видевший перст Божий, указующий ему иной путь жизни, Иларион решил остаться на месте своего исцеления и предаться духовным подвигам. Слава о новоявленной иконе быстро распространилась. Страждущие и скорбящие, как весенние воды, стекались к чудотворной святыне и получали от нее исцеление и утешение. Место, дотоле пустынное и дикое, обитаемое некогда разбойниками, превратилось в место Божия славословия.

Когда весть о новоявленной чудотворной иконе дошла до епископа Вологодского, он послал игумена Песочного монастыря Пимена и соборного ключаря, священника Иоанна Емельяновского, удостовериться в подлинности чудес, исходящих от святой иконы. И оказалось, что рассказы о чудесах истинны, и даже в присутствии названных лиц и других свидетелей совершилось чудо - прозрел слепой, семь лет не видевший света. После того епископ повелел воздвигнуть в Заоникиевой пустыни храм в честь Божией Матери и святого Алексия, человека Божия, и при храме устроить монастырь. С великой радостью принял преподобный святительское повеление. Его усердием и трудами окрестных жителей храм был скоро сооружен. В день его освящения Иларион был пострижен в иночество с именем Иосифа.

В новоучрежденном монастыре преподобный Иосиф явился первым иноком. Скоро пришли к нему сподвижники, обитель наполнилась братьями, и нужно было выбрать игумена монастыря. Естественно, что преподобному Иосифу, как основателю обители, было предложено взять на себя начальство в ней и духовное руководство братией. Но велико было смирение преподобного! Он отклонил от себя эту честь и просил избрать в игумены другого. Был избран Силуан (управлял обителью с 1589 г. по 1605 г.), а преподобный Иосиф до самой кончины своей остался рядовым иноком обители. Над братией монастыря возвышали его лишь великие подвиги. Когда братия и приходящие богомольцы начали почитать и прославлять преподобного Иосифа, он принял на себя подвиг юродства: носил в пазухе камни, песок и землю. Удручая тело свое постом, он проводил холодные ночи, даже зимой, в часовне - за непрестанной молитвой перед иконой Богоматери. Тайно от братии он надел на голое тело власяницу и, не снимая, носил ее. Власяница была грубая и жесткая; как иглами, колола она тело святого, и кровь непрестанно струилась по его ногам. Игумен и братия видели это, но не догадывались, от чего происходит. В монастыре начали считать подвижника скудоумным и в неразумии своем нередко обижали его и оскорбляли.

Много огорчений и обид пришлось перенести подвижнику и от мирян. Жители ближайшей к обители деревни Лусникова боялись того, что монастырь овладеет их лугами и полями, и потому стремились прогнать из своего соседства монахов, всячески вредили им, например, не позволяли ни самим инокам, ни монастырскому скоту проходить через свою землю и даже угрожали смертью. Крестьяне похвалялись: «Здесь не жить монахам и не бывать». Игумен принужден был просить от них защиты у самого государя. Тяжело было видеть преподобному такое озлобление на его обитель, но он терпеливо переносил все обиды, отвечая на них кротостью и всепрощением, и только молился за оскорбителей.

Так дожид преподобный Иосиф до глубокой старости. Праведна была его жизнь, непостыдна и мирна его кончина. Как бы предчувствуя ее, преподобный Иосиф

в воскресенье 20 сентября 1612 г. причастился Святых Таин, а по причащении начал веселиться и радоваться, вспоминая великие благодеяния Божии, явленные ему: явление бессребреников и святой иконы, свое исцеление от слепоты - весь тот дивный путь, каким вел его Господь ко спасению. На другой день, в понедельник 21 сентября, преподобный Иосиф призвал одного из братии и послал его к игумену Феодосию (Феодосий управлял монастырем с 1605 г. по 1612 гг.) с просьбой похоронить его тело на месте явления славы Божией и своего исцеления - в сооруженной им часовне. Выказав это заветное желание, по выходе брата из келии, престарелый подвижник мирно и тихо отошел ко Господу. Это случилось 21 сентября 1612 г. Восемьдесят три года прожил пресподобный Иосиф; из них около 25 лет провел в подвигах иночества.

Со слезами скорби и вместе радости игумен и братия встретили весть о кончине преподобного. Тяжело им было расставаться со своим наставником, но радостно было знать, что они имеют теперь своего ходатая пред Богом, радостно было видеть блаженное упокоение, которого сподобил Господь преподобного за его святое житие. Игумен и братия торжественно погребли тело преподобного Иосифа на указанном им месте в часовне; могилу покрыли пеленою и оградили решеткой. Быстро распространилась слава о подвижнической жизни преподобного Иосифа, и множество народа стекалось к его могиле. Над гробом святого пелись панихиды, происходили исцеления больных.

Так продолжаюсь более 50 лет по смерти преподобного Иосифа. Но вот в правление Вологодского епископа Симона (Симон управлял Вологодской епархией с 1664 по 1684 гг.), по наветам приближенных к нему и, по-видимому, по его распоряжению, часовня преподобного была разобрана, могила его лишена украшений и благолепия, и долгое время место погребения святого было в запустении. Многие из почитателей преподобного Иосифа скорбели о том. Нашелся один инок, который из уважения к его памяти собрал и восстановил часовню, но, опасаясь клевет и укоров, оставил ее без крыши и дверей и даже не посмел украсить гроб

преподобного. Вскоре совершилось явное чудо. В монастыре произошел пожар: сгорели храмы с утварью, а никем не брегемая часовня сохранилась целой и невредимой и не обуглилась, хотя пламя огненное, как вода, затопляло ее. После пожара в часовне нашли чудотворный образ Божией Матери, перед тем стоявший в одной из монастырских церквей, теперь сгоревших. Но и это чудо не послужило началом чествования святого. Первоначально оно оставалось даже не записанным.

Неуважение к святому месту было так велико, что когда стали возить лес для постройки новой церкви, то будто бы ввиду тесноты разломали чудесно сохранившуюся от огня часовню, бревна ее сложили в груды, и снова могила преподобного много лет была в небрежении, мочимая дождем и снегом. Затем усердием казначея Пахомия часовня была восстановлена в том виде, в каком существовала раньше. Нравы монахов Заоникиевского монастыря были тогда не высоки. Когда между братией произошли распри, часовня была разрушена и разметана, некоторые бревна ее сожжены; решетка же, окружавшая могилу святого, брошена была под трапезу. Прошло некоторое время, часовню восстановили в третий раз, но в худшем виде: кое-как, из старого леса, без окон и дверей, более низкую, - «не яко молитвенный дом, но яко непотребную хлевину». Могила же преподобного по-прежнему находилась в совершенном запустении. И опять совершилось чудо. Когда во время одного праздника в обитель собралось много народа, некоторые богомольцы, за неимением места в монастыре, ночевали в часовне. Случилось, что одна женщина, спавшая на самой могиле святого, вдруг неистово закричала: «Оставь меня, отче, не бей, ибо в неведении я легла на твою ногу». Спавшие богомольцы вскочили и стали женщину спрашивать, что с ней случилось, и она отвечала: «Этот монах бьет меня жезлом, так как я легла на его ноги».

Слышавшие недоумевали, ибо никого не видели. «И сие чудо не памятно паки положиша». Оно не вразумило иноков, не внушило им почтения к святому месту, хотя об этом чуде много говорили в городе Вологде. Можно указать две

причины такого небрежения к месту погребения преподобного Иосифа: во-первых, епархиальная власть, осторожно поступавшая в деле прославления новых подвижников, с недоверием относилась к святости преподобного и чудесам при его гробе; во-вторых, среди братии Заоникиевской пустыни померк светлый образ преподобного Иосифа: не было помнящих богоугодное житие его, не находилось и подражателей его подвигов; так что, когда строителю Анастасию понадобилось собрать сведения о явлении чудотворной иконы Богоматери и о преподобном Иосифе, он должен был посылать в 1717 г. иеромонаха Сергия в Кириллов Белозерский монастырь. Там и отыскана была книга, описывавшая явление святой иконы, и нашелся инок, - весьма старый иеромонах Афанасий, прежде, за 80 лет до того бывший пономарем Заоникиевой пустыни, который и поведал Сергию с клятвою о жизни преподобного Иосифа.

Наконец епископ Вологодский Павел (управлял епархией с 1716 по 1725 гг.), Вологодский уроженец, бывший до святительства священником в Вологде и потому много слышавший о чудесах от святой иконы и о богоугодной жизни преподобного Иосифа, установил ему местное празднование. Он благословил служить преподобному Иосифу молебны, составить ему службу, которая и написана была по образцу службы преподобному Галактиону Вологодскому. (Память преподобному Галактиону 24 сентября.) В Заоникиеву пустынь епископ Павел послал в 1717 г. строителем иеромонаха Анастасия. Исполняя святительскую волю, Анастасий поставил над гробом преподобного новую и хорошую часовню, украсил могилу пеленою и стал совершать преподобному Иосифу молебны. Верующие устремились в Заоникиеву обитель, ко гробу новопрославленного угодника Божия. На их приношения была украшена икона Божией Матери, а на гробницу преподобного возложена была новая пелена, шелковая, с золотыми украшениями. Вскоре решено было построить над гробом преподобного Иосифа храм вместо часовни, и начат был сбор пожертвований. В том же 1717 г. одному из братии Заоникиевой обители таинственный

голос повелел отыскать и положить при гробе власяницу преподобного. Ее нашли и положили, и с того времени она стала служить источником исцеления для верующих. (Власяница преподобного Иосифа утрачена в начале XIX столетия.) Так Господь возвеличил и прославил Своего угодника.

Много чудес совершилось и совершается при гробе преподобного Иосифа по вере притекающих к нему.

В 1717 г. в Вологодском крае случилась засуха. Жителям угрожал голод, болезни, смертность, разорение. Однако заступлением преподобного Иосифа народ был спасен от этого бедствия. Святитель Павел, прибывший помолиться у гроба преподобного, простер руки и со слезами молился: «О преподобие Иосифе, если имеешь благодать пред Богом, упроси, да снидет дождь, ибо земля не дает плода своего, а человеки и скоты жаждою гибнут». И тотчас пошел дождь, который напоил жаждущую землю. Просле этого епископ повелел написать на холсте образ преподобного и положил при гробе.

В Вологде была девица Ирина, тринадцать лет страдавшая головною и главною болезнями. Никакие усилия и средства не могли избавить ее от тяжкого недуга. Лечение врачами привело лишь к тому, что девица совсем ослепла. Когда же привезли больную в монастырь (3 июля 1718 г.) и она приложила власяницу чудотворца к глазам своим, то почувствовала, «яко мраз некий начал отходить от главы ея». После этого она заснула. Проснувшись, Ирина стала ясно видеть: и болезнь глаз, и головные боли исчезли совершенно.

В часовне преподобного получил исцеление расслабленный Давид, не владевший ни руками, ни ногами. Он был оставлен на ночь при гробе преподобного и, когда начал засыпать, вдруг услышал голос: «Встань, Давид, и молись о том, за чем пришел». Расслабленный вскочил на ноги и, когда опомнился, почувствовать себя совершенно здоровым. Во время благовеста к утрени Давид, выйдя из часовни, пришел в церковь и тем привел в изумление всех его знавших. В благодарность за исцеление он дал обещание навсегда остаться в Заоникиевой обители.

Оказывая скорую помощь всем с верою приходящим к нему, преподобный строго наказывал тех, которые, не веря в его чудодейственную помощь, старались колебать эту веру у других.

Вологодский священник Василий сомневался в святости преподобного Иосифа. Повествования о чудесах его считал вымыслом и сказками; этого мало, он запрещал прихожанам своим ходить ко гробу угодника Божия. Видя, что его словам народ не внимает, священник выходил из себя и порою резко, грубо и непристойно отзывался о преподобном и о чудесах его. За это он был наказан. Когда однажды Василий обратился к прихожанам своим, шедшим в Заоникиеву пустынь, с обычными кошунственными речами, он вдруг был поражен слепотой. Но наказанный священник тотчас же образумился: исповедал Богу согрешения свои, просил прощения Его угодника, обещая не произносить хулы на святого, и получил исцеление.

Велико снисхождение и любовь преподобного Иосифа к людям. Не только тот, кто обращался к нему с верою и молитвою, получал от него скорое исцеление, но даже и тем, кто не обращался к нему и вовсе не слышал о нем, он подавал скорую помощь. У одной женщины, по имени Екатерина, мужа взяли в солдаты и был тяжело болен сын. Горько плакала бедная женщина о своих несчастиях. И вот однажды ночью она увидела во сне монаха, который сказал ей: «Не скорби, Екатерина, твой муж служит за христианскую веру и великого государя, а сын твой Иоанн вскоре будет здоров. Сходи с ним в Заоникиеву пустынь помолиться пред образом Божией Матери; я - житель той пустыни, старец Иосиф». Когда Екатерина пробудилась от сна, то нашла сына своего совершенно здоровым.

Крестьянка Евдокия более двух лет находилась в расслабленном состоянии, не владея ни руками, ни ногами. Однажды ночью, лежа в постели, она увидела монаха, высокого роста с длинной бородой, в куколе и мантии и с жезлом в руке. Монах подошел к ней, взял ее за плечо и сказал: «Встань и с верою призови на помощь Богоматерь и обещайся сходить в Заоникиевскую пустыню к чудотворной иконе

и исцелешь». Когда Евдокия ответила ему, что она не может ходить, не слышала и не знает, где находится Заоникиева пустынь и как найти образ, то старец сказал: «Пустынь - недалеко от города Вологды и хорошо известна по совершающимся в ней чудесам, а я - монах той пустыни Иосиф. Советую тебе не отчаиваться, но иметь веру, и получишь милость». Сказавши это, старец стал невидим. Больная поражена была видением и от страха начала креститься, хотя раньше не могла поднять руки. Утром она была уже совершенно здорова. Немедленно отправилась она в Заоникиеву пустынь, где и поведала о чудесном исцелении своем.

Жена сельского булочника Мария Зайцева три года болела глазами. Помогать мужу своему она уж не могла и подвергалась его попрекам и брани. Однажды она подошла к столу, за которым работал ее муж, желая в чем-нибудь помочь ему. И в это время увидела, как отворилась дверь и в комнату вошел монах, держа на груди образ Богоматери. Вследствие сильного сияния, исходившего от иконы, Мария не могла рассмотреть лицо монаха. Последний же, обратившись к ней, сказал: «Женщина, имей веру и обещаюсь сходить к сему образу Богоматери в Заоникиеву пустыню и исцелешь». После того как видение исчезло, больная тотчас почувствовала облегчение. Когда после этого она вышла в поле, чтобы помочь мужу в уборке хлеба, и во время отдыха размышляла о чудесном видении, вдруг ей представился монастырь, полный народа по случаю праздника, и будто сама она находится в этом монастыре. Кто-то подошел к ней и спросил, кого она ищет, не того ли, кто приносил ей образ и даровал ей облегчение от болезни. Когда она ответила, что ищет именно этого монаха, собеседник, указывая перстом, сказал ей: «Смотри, вот он». И Мария увидела монаха, высокого роста, с длинной и седой бородой, с тростию, в мании и клобуке. Он шел к дверям часовни, где покоились мощи преподобного Иосифа. Едва она встала, чтобы поклониться ему, как видение исчезло. После этого второго видения болезнь ее еще более облегчилась. Вскоре Мария пришла в Заоникиевскую обитель, помолилась перед образом Божией Матери, у гроба преподобного Иосифа и прозрела совершенно.

В настоящее время мощи преподобного Иосифа почивают под спудом в теплом каменном храме монастыря, в приделе его имени, подле левого клироса.

Память преподобного Иосифа празднуется местно дважды в год: в день кончины - 21 сентября и в день явления Зоо-никиевской иконы Богоматери - 23 июня.

Тропарь, глас 4

Исперва житіе твоє, преподобне,
хитростію благоюрѣдства отъ человекъ
утаено на Небесехъ предъ Ангелы явлено,
и аще на земли тмою очесъ претыкаяся хождаше,
но мысленными крылы на высоту возшедъ,
Присносущнымъ Свѣтомъ облистаетъ,
во отечествіи наследова, и земныхъ мнящихся
красныхъ храмовъ не трюбовавъ, но в Небесныхъ сѣлехъ
пресветлыя обители стяжалъ еси, ни ризами
мягкими одеаяся, но паче власяницъ возлюбилъ еси,
и сего ради паче всехъ именій земныхъ небесная
сокровища приобрѣлъ еси и на земли плотянъ сый
со везплотными совокупляяся, Небесной Царице
служя и Той приносимыхъ Ангельскихъ пѣсней
насладився, ихже многіе людие желая
насладиться не могутъ. Сего ради Всевышній
Творецъ образъ Свой и Рѣдшия Его Богоматере
с высоты воздуха на рѣце твоей, яко на
Херувимская носила дарова тебе. Отъ Него же
Присносущнымъ Свѣтомъ очи твои уясни, и яко
росотѣчающій облакъ молитвами твоими весь міръ
милованный напои. И нынѣ в послѣдняя времена
святую персть твою, яко Едемскій источникъ
во исцелѣніе недуговъ устрои, Егоже моли,
наставниче нашъ, чудотворче Иосифе, даровати намъ
міръ и велию милость.

Сведения
о праведном
Прокопии Устианском ⁸
чудотворце

Память его празднуется месяца июля в 8-й день

† 1692

Расивая местность в Вельском уезде, на берегу реки Устьи, до 1682 г. принадлежала к Новгородской, а с этого года причислена к открывшейся тогда Холмогорской епархии. Потом перешла к Великоустюжской и наконец к Вологодской епархии. В то время, когда она была еще в ведении Новгорода, но в котором именно году, неизвестно, близ приходской Введенской Верюжской церкви явились (по древней рукописи, земля „издаде“) мощи во гробе, сплетенном из лоз, или ивовых прутьев, и весьма обветшавшем. Мощи были целы, как бы в тот самый день погребены, и издавали из себя приятный запах, только от ветхости гроба несколько засыпаны были землею. Никто не знал, чье это было тело, и не помнил такого человека; но чудное его явление нетленным, происходящее от него благоухание и последовавшие затем исцеления многих одержимых различными недугами тотчас же убедили всех в святости явившегося. Окрестные жители весьма обрадовались явлению мощей и, воздав хвалу и благодарение Богу за дарование им источника исцелений и врача безмездного, построили над ними часовню. Вскоре после того святой явился одному земледельцу, по имени Савелий Антропов, и велел сделать себе новый гроб. На вопрос Савелия, кто он, явившийся назвал себя Прокопием и объяснил, что он тот, тело которого недавно явилось при церкви. Савелий, исполнивши повеленное, объявил народу о бывшем ему явлении. Мощи, переложенные в гроб, много лет почивали в часовне, привлекая

к себе поклонников из всех окрестных мест, так как слух о происходящих от них чудесах и исцелениях распространялся все более и более. Когда вместо обветшавшей Введенской церкви построена была новая, также деревянная, тогда и святые мощи перенесены были в нее из часовни и поставлены подле южной стены. Надобно полагать, что с этого времени стали совершать ему и службу церковную но особливою письменной книжице, составленной из церковных служб другим святым. Первая икона праведного Прокопия написана в 1652 г. иконописцем Онисимом Карамзиным по заказу купца Ермолаева. При мощах блаженного Прокопия совершилось много чудес; они были свидетельствованы три раза, но праведный Прокопий доселе не канонизирован. Впрочем, местная память ему совершается 8-го июля, и многие из тамошних жителей постятся пред нею целую неделю (Верюжский, стр. 548 и след.).

Тропарь, глас 8

тебѣ ѡтче Проко́пие, извѣстен бѣсть
спасѣнія ѡбраз. Восири́и во крѣст
послѣдовал еси́ Христу́. Творяше же и
уча́ше, еже презрѣти плоть, прехо́дит во,
прилежа́ти же о ду́ши вѣщи безсмертней. Те́мже
и со а́нгелы ра́дуется преподо́вне дѣх тво́й.

Кондак, глас 2

истото́ю ду́шевною Божѣствено
воору́жився, и непреста́нная моли́твы,
яко копи́е вру́чив крѣпко, пробо́л еси́
бесовская ополче́ния, Проко́пие, ѡтче наш, моли́
непреста́нно о все́х нас.

ПОСЛАВЛЕНИЕ

Жития, Сказания, Сведения... около двухсот Новгородских святых, живших и просиявших на нашей земле, начиная с X века – времени прихода христианства на Русь.

Несмотря на, казалось бы, непреодолимые препятствия, по Божией воле произошло чудо, и имена и описание жизни с Богом мучеников, епископов, архиепископов, преподобных, благоверных князей, блаженных, Христа ради юродивых, праведных дошли до нас через века, сохранив неприкосновенность. Смерти, войны, революции, запреты, предательства, жестокость и злоба, гордыня и тщеславие прошли мимо.

В третьем тысячелетии они предстали воссиявшими в чистоте и святости. Едва коснувшись их жизни, испытываешь потрясение от мысли: как далеки мы в своей цивилизации от них.

Бесценный клад жизнеописаний святых, который предстал перед нами сейчас, донесли книги, рукописные и печатные, созданные летописцами, переписчиками, переводчиками на славянский язык, книгопечатниками.

Благословенны имена Архиепископа Геннадия Новгородского, около 1496 года составившего впервые полный список Божественной Книги в славянском переводе – Русской Библии, что явилось событием величайшей важности в истории нашей Церкви; Преподобного Иосифа Волоцкого, в течение 30 лет писавшего и действовавшего против еретиков «жидовствующих» и их заступников, создателя обширного труда из 16 «слов» против ереси, объединенных под именем «Просветитель», сподвижника святителя Геннадия в защите и спасении Русской Православной Церкви, игумена монастыря, ставшего центром древнерусской культуры и литературного творчества на Руси; Архиепископа Макария Новгородского, будущего Митрополита Московского и всея Руси, собравшего воедино и тем сохранившего «все что мые» на Руси в XV-XVI вв. книги и создавшего на их основе грандиозный 12-томный свод-месяцеслов – Великие Минеи Четьи, где особое внимание было уделено составлению житий и установлению памяти местночтимых святых.

Книги, рукописи, материалы как величайшую ценность собирали воедино – их хранила Святая София Новгородская.

«Библиотека Новгородского Софийского собора являлась одним из богатейших книжных собраний Древней Руси...

Точных сведений о размерах Софийского книгохранилища XI-XVII веков нет из-за постоянных перемещений книг по обширной Новгородской земле. В приписках, пометках и записях на книгах Софийской библиотеки в качестве их постоянного или временного местонахождения названы около 100 монастырей и свыше 250 церквей, располагавшихся по всему русскому Северо-Западу и Северу вплоть до далекой Вятки...

Новгород сохранил свои книжные богатства и традиции книгописания во время татарского нашествия, когда погибли многие очаги русской письменности. На долю Новгорода приходится более половины уцелевших древнерусских книг XI-XIV веков. Древнейшая Софийская библиотека в настоящее время хранится в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и насчитывает 1575 рукописных книг. Среди них древнейшая датированная русская книга – Евангелие Апракос XI века, более известное как «Остромирово Евангелие».¹

Книги бывшей и нынешней библиотеки Софийского собора дали жизнь настоящему изданию. Этому способствовали те, кто в Великом Новгороде бережно хранит бесценные сокровища и имеет счастье видеть их и общаться с ними ежедневно. Приносим благодарность за помощь и сердечное участие библиотечным работникам Антоновой Маргарите Евгеньевне, Пустной Ларисе Ефимовне, Кустовой Елизавете Николаевне, Ершовой Татьяне Михайловне.

Благодарим новгородского предпринимателя Иванова Владимира Никандровича за предложение безвозмездной технической помощи, Панкратова Александра Владимировича - за предоставление необходимой книги, Тонкова Виталия Валентиновича, который специально приехал в Новгород из Свято-Троицкого Филиппо-Ирапского монастыря, что в Вологодской области, привез иконы, книгу житий, изданную в 1880 г. в Вологде, другие материалы, вошедшие в издание.

Особая благодарность выпускающему редактору журнала «София» Жервз Нине Наумовне за многократные консультации, художнику-реставратору Ромашкевич Татьяне Анатольевне – за добрые советы и участие, главному хранителю Софийского собора Царевской Татьяне Юрьевне – за постоянную помощь.

Большое содействие на протяжении всей подготовительной работы оказала староста Кафедрального Софийского собора Великого Новгорода [Кузина Галина Яковлевна].

Техническая обработка материалов, икон, схем, карт, образцов текстов произведена Редакционно-издательским отделом Свято-Юрьева монастыря в лице монаха Пантелеимона (Дементьенко), который внес значительный вклад в общее дело подготовки книги к изданию.

Просим замечания, предложения и сведения, дополнительные и не вошедшие в настоящее издание, присылать по адресу: 173000 г. Великий Новгород, ул. Славная, 12, Новгородская епархия - с пометкой «Книга «Святые Новгородской Земли».

*Составители книги: Несмеянова В. Н., Соболева Г. С.
г. Великий Новгород*

¹ Савушкина Н. Библиотека Софийского собора // София : Епархиальный журнал. № 1, 2004. Новгород. С. 27-28.

См. также Ерышева Л. Где святая София, там и Новгород / Л.Ерышева. – СПб., 1997. – С. 57-66.

Источники

1. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского, с объяснительными примечаниями и изображениями святых. Кн. 1-12, М., Синодальная типография, 1902 – 1911. Кн. 1 дополнительная, М., 1908. Кн. 2 дополнительная, М., 1917. (Репринт: Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1993)

2. Жития святых, чтимых православной церковью, со сведениями о праздниках Господских и Богородичных, и о явленных чудотворных иконах. Составлены святителем Филаретом, архиепископом Черниговским. Издание Сретенского монастыря, 2000. (Печатается по книге: Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. Сочинение Филарета, архиепископа Черниговского. Чернигов. В типографии Ильинского монастыря, 1865)

3. Месяцеслов (Святцы) Новгородских святых угодников Божиих, открыто и под спудом почивающих в соборах, церквах, часовнях и монастырях не только Новгорода и его ближайших окрестностей, но и всей Новгородской Епархии, с историческими, хронологическими и географическими сведениями о местах их почитания, и УКАЗАТЕЛЬ чудотворных святых икон, сохраняющихся также не в одних только священных местах Новгорода и его окрестностей, но и некоторых уездных городов и сел епархии, с таковыми же, как и о святых угодниках, сведениями о сих иконах, равно как и о местах их нахождения. Составлен Новгородского Кафедрального Софийского собора Священником Гавриилом Краснянским. Новгород, 1876.

4. Жития святых Российской Церкви, также Иверских и славянских и местно чтимых подвижников благочестия. В редакции члена Святейшего Синода Муравьева А.Н. 12 томов. СПб., 1856.

5. Кафедра Новгородских святителей (со времен введения христианства в Новгороде (в 992 г.) до покорения его Московской державе (в 1478 г.) с 17 изображениями св. святителей. Сочинение Новгородского Знаменского собора протоиерея Тихомирова П.И. т.1. Новгород, 1891., т. 2 Новгород, 1895.

6. Избранные жития русских святых. X – XV вв. М., Молодая гвардия, 1992.

7. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Составил архивариус архива и библиотеки Святейшего Синода Здравомыслов К.Я. Новгород, 1897.

8. Граф Толстой М.В. Книга глаголемая описание о Российских свя-
тых, где и в котором граде, или области, или монастыре, или пустыни
поживе и чудеса сотвори всякого чина святых. Москва. 1888. (Репринт:
М., Издательство Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиаль-
ного монастыря, 1995)

9. Словарь исторический о русских святых, прославленных в Рос-
сийской Церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862. (Репринт: М., Книга - СП Внешиберика, 1991)

10. Соловецкий патерик М., Синодальная библиотека Московского
Патриархата, 1991.

11. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический
источник. М., 1871, (Репринт: М., Наука, 1988)

12. Житие и чудеса преподобного Антония Римлянина, Новгород-
ского чудотворца. Новгород. Общество Христианской культуры и иску-
ства св. Антония Римлянина, 1997.

13. Преподобный Макарий Римлянин. Новгородский чудотворец и
его обитель. Анемподист Корольков. Воскресенский миссионерский
монастырь. Третье иллюстрированное издание, вновь просмотренное
и дополненное автором. СПб., 1895.

14. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. В переводе на
русский язык с новогреческого епископа Феофана. Издание второе,
Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. Выпуск первый. М.,
1892. (Репринт: Преподобный Симеон Новый Богослов. Творение. Т.1.
М., Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993)

15. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Н.Ко-
стомарова. Первый отдел: Господство дома святого Владимира. Выпуск
первый: X-XIV столетия. СПб., 1873. (Репринт: Костомаров Н.И. Русская
история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., Книга, 1990)

16. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград.
Наука, 1989.

17. Очерки по истории Русской Святости. Составил иеромонах
Иоанн (Кологривов). Жизнь с Богом, Брюссель, 1961.

18. Русские святые. Монахиня Таисия. СПб, Азбука-классика, 2001.

19. Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. Часть II.
СПб., 1846 г.

20. Цветков А., священник. Преподобный Ксенофонт Робейский и
основанная им обитель. Новгородские епархиальные ведомости. 1899,
№ 5 (1 марта). Часть неофиц. С. 304-315.

21. Новгородский месяцеслов святых угодников Божиих, просияв-
ших подвигами и святостию своей жизни в пределах Новгородской
епархии. Составлен А.А. Уснинным. СПб., 1882.

22. Экземплярский А.В. Великие удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т.1. Издание графа И.И.Толстого, СПб., 1889.

23. Андреев А.Р. Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное жизнеописание. Историческая хроника. М., Русская панорама, 1998.

24. История Руси Великой. Сочинения Николая Ивановича Костомарова в 12 томах. Том 1. Русская история в биографиях ее главнейших деятелей. М., Мир книги, 2004.

25. Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра. 6-9 июня, 1988.

26. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.

27. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. М., Союзбланкиздат, 1992. Репринтное воспроизведение издания 1902, М., РППО.

28. Забелин П. Житие святого праведного Федора, Христа ради юродивого, Новгородского чудотворца. Новгород, 1896.

29. Житие Антония Римлянина, Новгородского чудотворца, с приложением кратких исторических сведений о Новгородском Антониевом монастыре. Новгород, 1879.

30. Граф Толстой М.В. Святые и древности Великого Новгорода. М., 1862.

31. Путешествие Русского человека на поклонение «Господину-Государю» Великому Новгороду, Святой Софии златоглавой и ее заповедной святыне. Сочинения Александра Павловича Славина. СПб., 1858.

32. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией А.Н.Насонова, М.; Л., 1950.

33. Зверинский В.В. О православных монастырях. СПб., 1892.

34. Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897.

35. Соловьев С. Об отношении Новгорода к Великим Князьям. Историческое исследование. М., 1845.

36. Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855.

37. Бриллиантов И. Ферапонтов Белозерский монастырь. СПб., 1899. (Репринт: Северный паломник, 2001).

38. Строев П.М. Библиографический словарь и черновые к нему материалы. Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Том XXIX, № 4. СПб., 1882.

39. Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.

40. Яхонтов А. Жития Северных русских подвижников поморских как исторические источники. Казань, 1881.

41. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852. (Репринт: М., Книжная палата, 2000)

42. Русские монастыри. Север и Северо-Запад России. СПб., Очарованный странник, 2001.

43. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., Гнозис, 1994.

44. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.) М., Изд-во Московского университета, 1986.

45. Андреев В.Ф. Северный страж Руси. Ленинград, Лениздат, 1983.

46. Беляев И.Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864.

47. Щербова Н. Дивная помощь (Из чудес преп. Никандра Псковского – к 25 марта- дню его памяти). Журнал «Русский паломник». 1910, № 12, с. 183-186.

48. Василий Полежаев. Наследие преподобного Антония Римлянина. К 400-летию обретения мощей преподобного Антония Римлянина. Газета «Новгородские епархиальные ведомости». 1997, № 8, с. 3.

49. Сборник «Где святая София, там и Новгород». Редакторы-составители Кульпинова Т.Н., Жервэ Н.Н., Страхова Я.А. СПб., 1997.

50. Журнал «София». (Ранее - газета «София»). Издание Новгородской епархии. Выходит ежеквартально. С 1996 г.

51. Сборник икон «Новгородские святые. XI-XVI вв». Новгород, 1994.

52. Столова Г.Р. Новгородское чудо. Духовно-просветительский журнал Товарищества русских художников «Златоуст», 1993, № 2, с. 218-233.

53. Изборник. Составление и общая редакция тома Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева. (Сборник произведений литературы Древней Руси) М., Художественная литература, 1969.

54. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под редакцией Валка С.Н. М., Л., 1949.

55. Православная энциклопедия. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М., с 2000 г.

56. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). Протоиерей Г.Дьяченко. М., Издательский отдел Московского патриархата, 1993. (Репринтное воспроизведение издания 1900 г.)

57. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. (Репринт М., Возрождение, 1992)

58. Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А.И.Молоткова. Составили Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. М., Советская энциклопедия, 1968.

59. Заволоко И.Н. Странник, идущий в гору. Рига, ЕЛРА-2 при участии старообрядческого общества Заволоко, 2004.

60. Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, Русь, 1997.

61. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Составил из достоверных источников Павел Строев, ординарный академик императорской С-Петербургской академии наук, член археографической комиссии и разных других ученых обществ. Издание археографической комиссии. СПб., 1877.

62. Новгород и Новгородская земля. История и археология. / Материалы научной конференции. Новгород, 27-29 января 1998. Новгородский Государственный объединенный музей-заповедник. Выпуск 12.

63. Краткая летопись о монастыре Преподобного отца Саввы, иже над Вишерою рекою жившего, Новгородского Чудотворца с присовокуплением Древних Граммат Царских и прочих данных сему монастырю. Издание третье в Санкт-Петербурге. При Святейшем Синоде. 1849 г.

64. Жизнеописания достопамятных людей Земли Русской. X-XXвв. М., Московский рабочий, 1992.

65. Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1999 год. Великому Новгороду 1140 лет. Издание Российского Совета Древлеправославной Поморской Церкви. Издатель Розанов Олег Иванович. М., 1999.

66. История государства Российского, сочинение Н.М.Карамзина. Издание 5-е. В трех книгах, заключающих в себе 12 томов, с полными примечаниями, украшенное портретом автора, гравированным на стали в Лондоне. Издание И. Эйдерлинга. Книга 3. т.9,10,11,12. СПб., 1843 г. - Т.9. Гл.3.

67. Белков Евг. Преподобный Михаил Клопский и Троицкий Михаил-Клопский монастырь. Исторический очерк. Петроград, 1917.

68. Автор-составитель Березина Л.Д. Возвращение святыни. Повествование о Тихвинской иконе Божией Матери с акафистом. СПб., Царское дело, 2004.

69. Досифей Архимандрит. Топографическое и историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Москва, 1834 г.

70. Преподобный Антоний Леохновский (Новгородский чудотворец). Житие и описание Леохнова монастыря. По заказу Спасо-Преображенской церкви села Леохнова. СПб., Сатис, 1994.

71. История Российской Иерархии, собранная Амвросием. М., 1813 г. тт. 1-6.

72. А. Томилин. Энциклопедия «Полководцы и завоеватели». СПб, Издательский дом Нева, 2004.

73. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., Наука, 2002.

74. Порфиридов Н.Г. Древний Новгород. М., АН СССР, 1947.

75. Новгородский исторический сборник № 8 (18). Российская Академия Наук. СПб., Издательство Дмитрий Буланин, 2000.

76. Кушнир И.И. Архитектура Новгорода. Ленинград. Стройиздат, 1991.

77. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда. 1880. (Репринт: Свято-Тихоновский Богословский институт).

78. Никандрова пустынь. Житие, история. Псков. 2002.

79. Журнал «Благодатные лучи». Вестник Псковской епархии. 1996. № 5. С. 22.

80. Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Новгород. 1910.

81. Православный церковный календарь. 2003. Издательский Совет Русской Православной Церкви // Собор Новгородских святых (3-я Неделя по Пятидесятнице). С. 89-91.

82. Атлас истории СССР. Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1987.

83. Свято-Юрьев монастырь. По заказу Новгородского Свято-Юрьева монастыря. М., 2001.

84. Автор-составитель Борис Проказов. Александр Невский. Минск, Лучи Софии, 2004.

85. С.В. Булгаков. Настольная книга священно-церковно-служителей. М., 1993. Репринтное воспроизведение издания 1913г.

86. Слезкинский А.Г. Кириллов монастырь: Из экскурсии по окрестностям Новгорода // Исторический вестник - 1901. - Т. LXXXVI. - с. 700-716.

87. Соловецкие острова / Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. - М., 1980.

88. 525 лет Иосифо-Волоцкому монастырю : Юбилейное издание / Издательский отдел Московского патриархата. - М., 2004.

89. Архимандрит Макарий (Веретенников). Жизнь и труды святителя Макария митрополита Московского и всея Руси / Архимандрит Макарий (Веретенников); Издательский Совет Русской Православной Церкви. - М., 2002.

90. Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Федотов Г.П. - М., 1990.

НОВГОРОДСКОЕ ЧУДО ⁵² Г. Столова.

Минувшим летом (1991 г. – *Сост.*) Русской Православной Церкви были возвращены древнейший храм России - Новгородский Софийский Собор, одна из наиболее почитаемых русских чудотворных икон «Знамение Божией Матери» XII века, знаменитые некогда Варлаам-Хутынский и Юрьев монастыри. Впервые Церковь вновь обрела святыни и произведения религиозного искусства такого уровня и значения. Вместе с этим наступил новый этап в сохранении и осмыслении национального художественного наследия.

Автору этих строк довелось быть очевидцем событий, самым глубоким образом затронувших всех, кто стал их свидетелем и участником.

Уже много лет для тех, кому небезразличны русские древности, кто в силу своей профессии причастен к делу сохранения и реставрации древнерусского искусства, тревожным и мучительным стало безнадежное положение памятников старины Великого Новгорода, и не только отдельных памятников, но и самого, имеющего мировое культурное значение города.

Наблюдать, как уничтожается облик древнего Новгорода, уродуются несравненные пейзажи, видеть, как поднятые из праха послевоенных разрушений храмы вновь обращаются в заброшенные руины, непереносимо и страшно. Кровли новгородских церквей прорастают деревьями, как это произошло в храме Петра и Павла в Кожевниках (XV в.), льются дожди и талая вода по уникальным фрескам Феофана Грека и росписям в церкви Федора Стратилата на Ручью, того и гляди, рухнет вторая по значению святыня Новгорода - Николо-Дворищенский собор.

На протяжении более чем 20 лет музей, реставрационные мастерские, едва ли не все специалисты страны принимают бесконечные и безнадежные усилия по поддержанию новгородских памятников, но с каждым годом состояние их только ухудшается. Новгородцы привыкли видеть

церкви и соборы в запустении и небрежении, привыкли ощущать тщетность попыток их спасения. Жители города теряют связь со своим драгоценным достоянием, смотрят как бы со стороны на постепенное умирание великого города России. Уже давно никто не ужасается, видя полуразрушенную церковь Петра и Павла на Синилище конца XII столетия, спокойно проходят осматривать этот древнейший храм по дорожке, вымощенной плитами с разоренных могил. Так же спокойно, буднично смотрят на пустые раскрытые могилы Новгородских владык и князей в Софийском соборе и Георгиевском соборе Юрьева монастыря...

Последним свидетельством всего этого разорения стало падение в мае 1991 года стены Новгородского Кремля - образа нерушимой твердыни города. Грозное предостережение увидел в этом Новгород. Но не только тоска и равнодушие жили здесь. Пожалуй, самым точным и при этом глубоко символичным для умонастроения новгородцев являлось положение в Варлаамо-Хутынском монастыре. В разрушенном в годы войны монастырском соборе, из которого вынесли даже в свое время прах Гавриила Романовича Державина, чтобы не рухнули своды на могилу великого русского поэта, сохранялась нетронутой гробница преподобного Варлаама Хутынского, осыпанная цветами, с горящей на ней лампадой. По древней паломнической дороге шли и шли люди, неся цветы, свечи, посильные приношения. Негасимая лампада народной памяти на чтимой могиле святого среди полной разрухи...

Со времени празднования Тысячелетия Крещения Руси появилась в городе надежда на возрождение. Новгородцы писали письма в Москву, просили, требовали, уговаривали местные власти вернуть Церкви Софийский собор и чудотворную икону «Знамение», хранившуюся в местном музее. Получали бесконечные отказы и все начинали вновь.

Год назад была восстановлена упраздненная древняя Новгородская кафедра, в городе появился свой епископ. И как в былые времена, к Новгородскому владыке обратились помыслы верующих горожан.

Наконец в Новгород приехала, в связи с просьбами о передаче Церкви Софийского собора, российская депутатская комиссия. Все восторжилось в городе. Сбор подписей «за» и «против», бурные обсуждения, неожиданное и отчаянное сопротивление исторически неизбежному акту справедливости по отношению к Церкви, проявленное со стороны некоторых сотрудников Новгородского музея... И все же началась совместная работа музея и епархии, решалось, как передавать, как сохранить при этом великие художественные ценности. Огромную ответственность принимали на себя епархия и люди, которые собирались ходить во вновь открытые древние храмы. Но многим стало ясно, что не будут больше в этих храмах течь крыши, не будет выбитых стекол, не будет складов, все будет иначе.

Пока работала комиссия по передаче, в небольшой церкви Филиппа-Апостола, перед недавно перенесенными сюда из музея мощами Святителя Иоанна Новгородского и других, издавна чтимых в городе святых, епископ Новгородский и многочисленная его паства горячо молились о заступничестве: «Вси святити земли новгородския, молитв Бoga о нас».

В музее кипели страсти, отсылались статьи в газеты с требованием не отдавать собор и чудотворную икону, а в Филипповской церкви звучало: «Пресвятая Богородице, спаси нас».

Происходило заседание исполкома областного совета «по вопросу о передаче в безвозмездное вечное пользование...», в это же время в стенах маленького древнего храма молились люди перед иконой Божией Матери: «Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну, окорми мя яко странна».

И власти области приняли решение, то, которое ежедневно молитвенно испрашивалось в Филипповской церкви.

Через несколько дней после принятия решения о передаче собора, иконы «Знамение» и монастырей Церкви в Новгород приехала комиссия Министерства культуры СССР. В состав ее вошли известные люди, имена которых самым прямым образом связаны с изучением, сохранением и реставрацией древнерусского художественного наследия.

Невольно возникла надежда, что наконец-то будет найдено взаимное согласие ученых, деятелей культуры и Церкви, будет решено, как в новых условиях профессионально и ответственно хранить возвращенные сокровища древней культуры их единственно законному владельцу. Казалось, те, кто годами отчаянно и безответно писали о гибели новгородских памятников архитектуры, изучали великое художественное наследие Новгорода, не могли не принять предлагаемого самим ходом времени нового сотрудничества, новой живой, всенародной формы сохранения дорогих для всех церковных и национальных святынь. Если раньше, в худшие времена, взаимодействуя с невежественными, часто враждебно по отношению к культуре настроенными властями, эти люди проявляли то бескомпромиссность, то гибкость ради спасения храмов, фресок, икон, то сейчас не естественно ли было услышать от них слова, обращенные к верующим, для которых все это - великая святыня, простые слова: «Давайте работать вместе, у нас общая задача спасти и сохранить живое это великое наследие». Но неожиданно (неожиданно ли?) прозвучало совсем иное. Резко и с лишней какими-либо рефлексией властью министерской комиссией было заявлено, что всему этому (уже законно решенному!) - не бывать: «Вы права не имели отдавать что-либо, передача собора и иконы «Знамение» - волюнтаристский акт. София может быть использована только для единичных служб по большим праздникам, «Знамение» и Софийский иконостас навсегда останутся в музее» и т. д.

И что показательно, все время звучало: «отдать», «передать»... И ни разу не было сказано единственно верного слова - «ВОЗВРАТИТЬ».

Пришельцы диктовали истинным хозяевам и законным, родовым, кровным и духовным наследникам тех, кто все это создал, жесткие свои условия...

Разумеется, такая позиция объяснялась благовидной заботой о сохранности исторических ценностей. Оказывается церковные святыни, прославленные чудотворные иконы не могут быть возвращены, во-первых, потому, что Церковь не

может, не умеет их сохранить, как будто столетия все эти сокровища берегли министерства или научно-исследовательские институты. И уже в этом, основном аргументе противников Церкви, кроме явной тенденциозности, заключалась тяжелая неправда. Разве многочисленные реставраторы, архитекторы, историки искусства, до сих пор работавшие здесь и повсеместно с древностями, не могут продолжать ту же работу в новых условиях, под покровом Церкви, которая зовет, приглашает и благословляет их продолжить ту же деятельность? Ведь это же - «азы» мировой культурной практики!

Второй тезис противников возвращения: эти ценности не принадлежат Церкви, они «принадлежат» народу, всему миру. Но разве не принадлежат своим народам и миру Нотр-Дам, собор Святого Петра в Риме и множество других великих творений христианского гения, в которых постоянно совершаются богослужения? Разве действующие храмы России закрыты для людей? Ведь на протяжении столетий русские люди в храмах с детства приобщались к высочайшим эстетическим и этическим ценностям церковной культуры. Вспомним, что в музейных экспозициях и фондах находятся произведения исключительно художественного уровня, происходящие из городских и деревенских церквей. Великой красотой иконы жила вся огромная страна, и эта красота была всем открыта и понятна, эта постоянно видимая в церкви красота формировала сознание, отношение к Богу и человеку, к своему дому, к своей земле.

Бесспорно, в XVIII—XIX столетиях множество людей, в том числе и священство, оказались надолго оторванными от настоящих художественных ценностей, подлинная всенародность русского религиозного искусства высокого уровня временно как бы перестала существовать. Открытый в результате работы реставраторов и исследователей удивительный мир древнерусской живописи стал доступен лишь достаточно узкому кругу. Не случайно слова «принадлежит народу» вызывают воспоминания о приснопамятных 20-30-х годах. Они же звучали при изъятии церковных ценностей, ими прикрывали акты грабежа, названные святым

Патриархом Тихоном святотатством в прямом значении этого слова - церковного воровства. То, что было совершено в те страшные годы, не прошло бесследно для сознания многих людей, и, как ни странно, для тех, кто в силу призвания и профессии ближе всех находился к отнятым у Церкви святыням, тех, кто их хранил и изучал.

Один пример: всякий, кто занимается древнерусским искусством, знает значение и смысл богослужебных сосудов и, зная, не может спокойно относиться к тому, что их касаются женские руки, что они могут стать «экспонатом» при атеистической пропаганде, забывая, что тем самым оскорбляется религиозное чувство многих миллионов верующих граждан страны. Можно ли, облокотясь на раку святого, независимо от личного отношения к святости, не помнить о том, что это гроб, к тому же почитаемый на протяжении столетий? Можно ли время от времени видеть и переставлять на полках в фондах коробки и мешки со сваленными в них мощами святых, а то и выбрасывать их за ненадобностью? Можно ли относиться к иконе вообще или к чудотворно прославленной иконе как просто к предмету, к вещи? Не похоже ли это на профессиональную болезнь? Мы все с ужасом замечаем это в медицине, когда врач забывает, что его работа не «естествоиспытательство», что он имеет дело с живым человеком, с великой тайной жизни. Конечно же, это страшное искажение сознания - следствие пагубного проникновения в умы и души насильственно внедрявшейся атеистической идеи, но каждый из исследователей древнерусского искусства или сотрудников музеев будет удивлен и обижен, назови его атеистом в прямом смысле слова. Не он ли сам подсмеивался над требованиями господствующей идеологии, не он ли открывал для себя, для своих слушателей и читателей высочайшее значение православного русского искусства? Кто из нас не писал или не говорил о смысле иконы, о ее связи с богослужением, кто через сочинения Отцов Церкви, через слова Евангелия и церковных служб не проникал в содержание и художественную сущность иконового образа? Что же происходит со всеми нами, если мы

готовы отказаться от возможности пережить то, о чем с почтением читали и писали сами?

Заседание комиссии продолжалось в Святой Софии в ее величественном древнем интерьере, перед центральным иконостасом, на котором то там, то тут белеют профилактические заклейки. Много лет разрушаются здесь иконы XV-XVII веков от обычных сквозняков. Столь много пережившие, пробитые пулями последней войны, иконы близятся к гибели оттого, что музей никак не может решить вопрос об открытии другого входа в собор или об устройстве элементарного тамбура. На стенах собора бесконечные утраты живописи - последствия нескончаемого потока посетителей, проходящих через Софию. В городе практически нет другого открытого для обозрения памятника, древний собор несет всю нагрузку возрастающего туристского интереса.

Новгородская епархия, получая Софию, предложила нормализовать температурно-влажностный режим собора, провести профилактическое укрепление икон, а в будущем - их полную реставрацию. В соборе сохранится хранительский штат из специалистов, для собора будут производиться восковые свечи, для лампад использоваться только чистое вазелиновое масло, чтобы уберечь иконы и фрески от копоти. Епархия не хочет, чтобы они портились и разрушались, и готова принять к исполнению любой совет ученых и реставраторов. Но в ответ звучат не подкрепленные аргументами слова: «Режима богослужений София не выдержит».

Епископ Новгородский Лев поинтересовался:

- Экскурсионный показ в тех варварских формах, в которых это происходит в настоящее время в соборе, не вреден ли для сохранности памятника?

- Несомненно, вреден.

- Так что же, богослужение вреднее?

- В каком-то смысле - да.

И снова - никаких убедительных, собственно научных обоснований.

Комиссия из собора перешла в экспозицию музея. Сколько раз замирало сердце каждого из нас на ступеньках

здания Присутственных мест, сколько раз останавливались мы у больших бронзовых львов в ожидании великой радости, - за этими дверями на втором этаже висят иконы, и какие иконы!

В первом зале с древнейшими произведениями невозможно душно. За окнами - разгар лета, здесь же, в экспозиции, топят, топят в теплое время года уже несколько лет по необъяснимым техническим причинам. В залах жара и острый запах горячего дерева, запах, который так радует в прогретом деревенском доме, но тут мучает мысль, от паркета или же от иконных досок он исходит. С тоской и страхом все смотрят, а скорее, стараются не смотреть на расходящиеся трещины на драгоценных иконах. О каком же «научном» хранении может идти речь?

В центре зала в стеклянной витрине - прославленное «Знамение». Внимательно вглядываются все присутствующие в знакомый образ. Лишь небольшие фрагменты живописи, светозарные остатки синего мафория Божией Матери дошли до нас от древнейшего слоя иконы. Замечательные лики Богоматери и Христа принадлежат XVI веку. Древность иконы и ее исключительное историческое значение привели к тому, что многие специалисты воспринимают ее лишь как руину, фрагментарно сохранившееся произведение XII столетия, не замечая необыкновенно прекрасных ликов, написанных во времена митрополита Макария.

Перед иконой звучат предложения епархии: она будет перенесена в Софийский собор в двустороннем стеклянном киоте, так же, как хранится здесь, так же, как здесь, она будет доступна для обозрения, только режим в соборе лучше, чем в экспозиции. Вынуть икону из стеклянной витрины невозможно, фрагменты древней живописи не имеют защитного покрытия, да и вообще, стекло защитит ее от копоты и внешних воздействий. Киот будет устроен в соответствии со всеми мировыми нормами музейного хранения. И слушаешь это с удивлением и радостью - за редчайшим исключением для наших икон не создавалось таких условий хранения и в центральных музеях, не было поначалу

таких возможностей, а потом все привыкли к этому. Но ответ членов комиссии на каждое предложение один и тот же: «Невозможно, икона не вынесет церковной эксплуатации». Слово-то какое - «эксплуатация». Скажи иначе - «использования», и перестает быть понятно, почему, собственно, «невозможно».

Затяжной, тяжелый, странный тем, что местами лишен всякой логики, длится и длится разговор перед лицом святыни.

- Скажите, Владыко, Вы видели икону раньше, до сего дня? — интересуется кто-то из членов комиссии.

- Двадцать лет назад, когда приезжал в Новгород, сопровождая митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима. Тогда перед нами специально закрывали залы музея, но все же как-то в выходной день, без публики, конечно, довелось перед нею пропеть тропарь «Знамению» и помолиться.

- А сейчас Вы уже год здесь, Вы не приходили на нее смотреть?

- Нет.

- Икона Вам не интересна?

- Мне больно ее здесь видеть.

Заметно нервничая, один из членов комиссии спрашивает:

- А икона нравится Вам, Владыко? Посмотрите на нее, она некрасива, неблаголепна, здесь фрагменты древней живописи, которые для Вас ничего не значат, а для нас в них заложен величайший смысл. Икона нехороша для верующих, зачем она Вам такая?

И продолжает совсем уж неожиданно - в том смысле, что у этой иконы «нет головы».

«Господи! - невольно думаешь, всматриваясь в лик Божией Матери, строгий, немного суровый, вдохновенный. - Отчего же «нет головы», неужели оттого, что лик «новый», то есть написанный четыре столетия тому назад?.. И не проскальзывает ли в этом рассуждении о «благолепии» просто презрение, старинное, как мир, к «дурным вкусам» этих самых

«простых верующих», христиан? И почему «величайший» для специалиста «смысл» небольших древнейших фрагментов нельзя содержать в самом соборе, в минуте ходьбы от музея? И почему же забыты аргументы о «сохранности», если признано, что в соборе температурный и влажностный режим и для этих фрагментов тоже гораздо лучше?

- Это не икона, это исторический документ, она специально так отреставрирована, - вставляет председатель комиссии...

Неотрывно глядя на святыню, Владыка медленно отвечает: «В иконе мы не доску и краски почитаем, мы через образ Первообразу поклоняемся».

И вновь слушаешь с удивлением, сколько раз мы все, и тот, кто вопрошает епископа Новгородского, в своих собственных работах, статьях и лекциях писали и произносили эти слова - «через образ первообразу». Так что же случилось теперь, когда для чудотворной русской святыни и для тысяч людей они обретают реальное воплощение, возможность этого самого молитвенного «восхождения».

И опять настойчиво звучит: «Икона «Знамение» - ценнейшее художественное произведение, ее значение как памятника культуры много выше любого конфессионального, она должна принадлежать всем, верующим и неверующим, ее место здесь, в музее, и только здесь. Церковь может обойтись другими, не столь значительными, не обладающими художественными достоинствами произведениями. При желании и в музейном зале иконе можно молиться, и здесь ей можно поклоняться».

Выходит, «поклоняться» можно и в музее, а хранить при лучших условиях и изучать в соборе нельзя. Но почему?..

Уже больше часа, отирая пот, стоят все перед стеклянной витриной. Задает вопрос один из участников происходящего, доктор наук, человек, чьи заслуги в области изучения искусства Новгорода велики и совершенно неоспоримы.

А почему нельзя заменить ее копией? Пусть чудотворная останется в музее. Какая разница, пусть в соборе поставят

копию, ведь бывало так, что на списки с чтимых икон переходила чудотворная сила, может быть, и здесь так получится?

Не отводя глаз от прекрасного лика, отвечает Новгородский и Старорусский епископ:

- Если мать родила ребенка, этого ребенка у нее отняли и заменили куклой, такого же роста, такого же облика, точной копией ее дитяти, сможет ли нормальная мать успокоиться и удовлетвориться куклой? Почему же Русской Церкви вы это предлагаете?

- Но посмотрите на нее, ее древняя живопись разрушена, это сделали вы, это результат ее жизни в церкви. Вы хотите совсем ее погубить?

Сердце сжимается от неправды этих слов, ведь иконе 800 лет! То, что Церковь, ее создавшая, ее уберегла, то, что живопись XII столетия на обороте со Святыми Петром и Наталией достаточно сохранна, то, что четырехсотлетняя живопись ликов цела - заслуга, а не вина многих поколений православного народа.

И под конец даже не звучит уже «нельзя», «невозможно», всем уже ясно, что если что и невозможно, так это понять друг друга. Отчего же так? Так не может быть и не должно и, в конечном счете, не будет. Очень скоро один из членов министерской комиссии - крупнейший реставратор - снимет свои возражения против передачи иконы и подпишет рекомендации по ее хранению.

Выраженное в радикальной форме мнение московской комиссии ничего не изменило. Месяц готовились рабочие документы по передаче, потом на сессии новгородские депутаты единогласно утвердили решение о возвращении Церкви Софийского собора, иконы «Знамение», Хутынского, Иверского и Юрьева монастырей, все это время город тревожно и напряженно ждал. В храмах молились.

Освящение собора состоялось 16 августа. Накануне в Новгород приехал Святейший Патриарх Алексий в сопровождении иерархов Русской Церкви, священства и мирян. Подписаны были официальные документы, отслужен молебен перед перенесенным в Софийский собор образом «Знамения». И вот - освящение собора и первая литургия. День в

день, триста лет назад, 16 августа 1691 года состоялось последнее патриаршее служение в стенах Софии. К сожалению, сейчас собор не мог вместить всех, кто хотел войти, вход был ограничен не только в Софию, но и на территорию Кремля, и все-таки весь древний Кремль был полон людей, желавших если не быть там, внутри, то постоять хотя бы у стен, видеть золотой Софийский купол.

Интерьер Софии был неузнаваем, и невозможно было поверить, что это не сон. Как часто умственным взором пытаясь увидеть, как все было здесь когда-то, стоя в пустых холодных стенах, представляли люди, как это будет когда-нибудь. Новой красотой озарился древний храм. Растаяла холодность росписи конца XIX века, светлы и прекрасны стали иконы иконостаса. Никогда раньше мы не видели их так ясно, цельно и подробно, как в этот день, в золотом свете свечей. Остро ощутилось, сколь многого все были лишены, молясь в храмах, где нет древних икон, несущих в себе весь грандиозный опыт тысячелетней русской духовности и многовековой намоленности, видя их только в отстраненной обстановке музеев.

Когда через открытые царские врата Софии, в сиянии солнечных лучей, присутствующие в храме увидели Патриарха на горнем месте, архиереев на седалищах вокруг, только одно сравнение приходило на ум, сравнение с иконой Сочествия Святого Духа. Никогда не забудется ликующая неожиданная радость, охватившая всех. Святейший Патриарх обошел собор, неся над головой под золотым покровом мощи святых мучеников, вкладываемые в основание нового Софийского престола, и не забудется никогда его лицо.

Поразительная история связана с этими мощами. При закрытии собора в 1929 году один из священников спрятал частицы мощей у себя дома, в соборе была устроена атеистическая экспозиция, а мощи из Софийского престола хранились в городе, неподалеку. Позже священник увез их с собой в Печоры, поблизости от Псково-Печерской обители он прожил до конца своих дней, завещав вернуть храмовую святыню в Софийский собор, когда он вновь будет действовать. Завещание его исполнилось. В основании престола

Софии вложены сохраненные частицы мощей святых, в том числе и священномученика патриарха Гермогена.

Потом торжественно и просветленно служили первую литургию.

Привычные слова ектиньи «еще молимся... о создателях святого храма сего, и о всех прежде почивших отцах и братьях, zde лежащих и повсюду, православных» обретали особое значение. Мы поименно знаем создателей сего храма - князя Владимира Ярославича, архиепископа Луку, знаем имена погребенных здесь Новгородских святителей, но чаял ли кто еще совсем недавно таким образом здесь их помянуть.

Прозвучали слова «Святая Святых», как и должно, закрылись Царские врата, все священство осталось в алтаре. По собору из уст в уста пробежали слова - «чудо», «знамение», «радуга». И первая мысль - экзальтация, предельное воодушевление и напряжение нервов, вымысел, но все-таки понемногу люди стали выходить на улицу. В ясном, чисто-голубом безоблачном небе, в ослепительном солнечном свете над центральной золотой главой сиял радужный венец. Это длилось долго, это видели все, и никто не мог поверить своим глазам. Даже те, кто знал, что чудеса и явления случались неоднократно, но случались где-то, когда-то, с кем-то. В древнем сказании об иконе «Знамение» одно из чудес именуется «знамением» (то есть знаком) милости Богоматери. И вот Знамение милости было явлено всему Новгороду над возвращенным Церкви Софийским Собором.

Сотрудник Новгородского музея, неверующий, как он сам себя характеризовал, человек, растерянно говорил, что удалось заснять на пленку радугу над собором, чтобы все могли ее увидеть: «Знаете, что это было? Это было чудо, иных объяснений нет. Так, значит, Это есть, Это существует».

Потом, после службы и крестного хода, Святейший Патриарх, помянув о ветхозаветной радуге, явленной Ною, сказал, что сегодняшняя радуга над Софией предвещает иной потоп, смоящий семидесятилетний позор нечестия с нашего Отечества.

У памятника Тысячелетия России прозвучали потрясающие душу слова: «В первосвятительство Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в святительство епископа Новгородского и Старорусского Льва возобновлен и освящен Новгородский Софийский Собор, и отсюда, с древней Новгородской Земли, начнется духовное возрождение России».

Тогда, 16 августа, да и после, невозможно было осознать значение происшедшего. Но уже со следующего дня стало казаться, что собор действовал всегда, что не было страшной пустоты многолетнего молчания. И в великий праздник Преображения в Софии служили обычную праздничную службу. Только это Преображение было необычным для России. Станные, трудно понимаемые слова - «государственный переворот», «гражданская война» - звучали повсюду. Над Новгородским кремлем летали военные вертолеты. Всеобщая смуга и страх, притихшие люди ходили по улицам, и будущее таило в себе угрозу, и самые мрачные воспоминания прошедшего всплывали в сознании. Невозможно было поверить в реальность брошенных в те дни Новгородскому Владыке слов: «Поиграли в Софию, и хватит, кончилось ваше время». Поверить, что их произнес нормальный интеллигентный человек, научный сотрудник музея! И хуже всего, страшнее всего была неизвестность.

20 августа на площади перед домом Советов происходил митинг. Под морозящим мелким дождем небольшие группы людей стояли перед трибуной, с которой летели слова: «...В нашу грудь направлены штыки», «...защитим нашу свободу и независимость...» А с Софийской звонницы звонили к молебну, через площадь, через Кремль бежали в собор люди, не шли, а именно бежали. Тысячи людей сошлись в огромном соборе, народу было так много, что руки нельзя было поднять. Было видно, что многие впервые переступили порог храма. Молодые, сверхсовременно одетые люди спрашивали: «А где икона, где «Знамение»?» Маленькая девочка лет четырех дергала маму за рукав: «Где же Богородица, когда она придет?» И мать, пытаясь успокоить дочь, говорила: «Подожди, смотри и слушай». Служили

молебен о предотвращении братоубийственной розни, читали Евангелие с заповедью Христа о любви к ближнему. Лица людей светлели, они обретали ясность и уверенность. Перед чудотворным «Знамением» вновь зазвучало простое и пронзительное, проникающее до самых глубин сердца и души пение молитвы канона Богородице: «Царице моя Преблагая, надеждо моя Богородице, приятелище сирых и странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых покровительнице». Все, кто смог в тесноте, опустились на колени, все, кто умел и не умел, пели, все, кому известны слова, произносили их, кому неизвестны, повторяли, обращаясь к древнему образу: «К кому прибегну в горести моей, еще не к Тебе, Царице Небесная?.. Кто паче Тебе в напастех защитит? Услыши убо стенание мое и приклони ухо Твое ко мне, Владычице...»

Мы все читали на страницах древних летописей, как в дни тревог и бед прибегали к чудотворным святыням, читали в «Слове о знамении Святой Богородицы», как более 800 лет назад перед этой иконой пелись те же слова молебного канона, так же, как сегодняшние новгородцы, припадал к образу «Знамения» святой архиепископ Иоанн с клиром и народом в надежде на спасение города от разорения. И нам дано было пережить в стенах Софии физическое ощущение всеобщности и единения. Чем и как можно оправдать идею лишить народ возможности молитвенно взывать с трепетом и упованием к заступничеству древней чудотворной святыни?

В новгородском Софийском соборе служат часто, еще не каждый день, но в праздники и воскресные дни обязательно. Приходят люди, приводят детей. Ежедневны работы по сохранению собора, возникают новые проблемы, и они решаются. Ходят в Софии экскурсанты, женщины надевают платочки, тише и сосредоточеннее ведут себя посетители и с новым, небывалым раньше интересом смотрят на ожившие стены, древние фрески и иконы.

Так теперь будет всегда. Пройдут годы, пока принесут свои плоды события лета 1991 года и осознается их значение.

Р҃сь Святая,
храни веру
Православную,
в ней же тебе
утверждение